









МАТЕРИАЛЫ
XI МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ
20 сентября 2022 г.
Алматы

ИСТОРИЯ ПАМЯТЬ ЛЮДИ



Ассамблея народа Казахстана
Архив Президента Республики Казахстан
Евро-Азиатский Еврейский Конгресс
О.Ю.Л. Ассоциация «Мицва»

МАТЕРИАЛЫ
XI Международной научно-практической конференции
20 сентября 2022 г.

Алматы, 2022

УДК 94 (47)“1941/1945”
ББК 63.3 (2) 622
И90

Издание осуществлено при спонсорской поддержке Евро-Азиатского Еврейского Конгресса, О.Ю.Л. «Мицва»

Редакционная коллегия: Алимгазинов К.Ш. (ответ.), Барон А.И., Мустафина А.Х., Прокопенко Л.А., Чиликова Е.В., Чугайнова И.А.

И90. История. Память. Люди. Материалы XI Международной научно-практической конференции. 20 сентября 2022 г., Алматы. – Алматы, 2022 – 550 с.
ISBN 978-601-7149-17-8

В материалах конференции отражены вопросы и проблемы, связанные с эвакуацией людей, промышленных предприятий, учреждений культуры в период Второй мировой войны 1939–1945 гг., а также история жизни населения, вынужденного в результате глобальных политических событий изменить место жительства. Также в книге представлена история судеб евреев Центральной Азии, Западной Сибири, переживших войны XX в., переселение, эвакуации и другие испытания. В сборнике раскрывается их вклад в развитие Казахстана.

ISBN 978-601-7149-17-8

© О.Ю.Л. Ассоциация «Мицва», 2022
© Архив Президента Республики Казахстан, 2022

Посвящается
учителям Еврейской общины:
Якову Соломоновичу Бенциону,
Исааку Ивановичу Попову,
Григорию Абрамовичу Уманову,
Якову Лазаревичу Бронштейну
и многим другим.

Содержание

Приветственное слово **8**
ЕВРАЗИЯ XX в.: ЭВАКУАЦИЯ, ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ И БЕЖЕНЦЫ **19**
Буриева Х.А. О деятельности эвакогоспиталей в Узбекистане 19
Чиликова Е.В. Эвакогоспитали Казахстана 28
Сырлыбаева Г.Н. Яны-Курган в жизни и творчестве эвакуированных художников 44
Жураева Ш.Х. Статистические сведения о сети медицинских учреждений Узбекистана в годы Второй мировой войны 53
Альтман И.А. Евреи-беженцы в Азербайджанской ССР (1941–1942) 58
Аупенова А.У. Размещение и трудоустройство эвакуированного населения на территории Карагандинской обл. 63
Тохметова Г.М. Павлодарское Прииртышье: к вопросу об эвакуации 70
Шотаев М.Т. Эвакуация: документы «особых папок» Компартии Казахстана во время Великой Отечественной войны 74
Мирзакулова Р.М. Эвакуация Московского авиационного института в г. Алма-Ату 81
Дуванова Ф.Т. Рязанское артиллерийское училище 87
Потемкина М.Н. Буссеруэль А.Б. Возвращение эвакуированных евреев домой после войны: усугубление культурной травмы 91
Дьякова Е.В. Эвакуация глазами партработника 98
Абдурахманова М.М. Историография истории эвакуации населения в Узбекскую ССР в годы Второй мировой войны 107
Панто Д. История Польского представительства (делегатуры) в Алма-Ате 1941–1942 гг. 122
Ковальски Е. Катынь и депортация семей убитых в Казахстан. Человеческое измерение преступления. 138
Борисова А.П., Легкий Д.М. Польские евреи в Казахстане в начале Второй мировой войны 148
Корнева В.Ю. Карагандинский металлургический завод: трудмобилизация 154
Беркимбаева А.М., Легкий Д.М. К вопросу об обеспечении эвакуированных предприятий помещениями и индивидуального жилищного строительства в годы Великой Отечественной войны 159
Беркун О.Е. Нормированное снабжение населения Карагандинской обл. в годы Великой Отечественной войны 165
Кабдулова К.Д. Повседневная жизнь в годы Великой Отечественной войны на примере Кустанайской обл. 170
Сатаева Ж.А. О спецгоспитале № 1054 (5054) и судьбах военнопленных 174
Чиликова Е.В. Эпизоды о жизни в эвакуации и встречах с С. Эйзенштейном: воспоминания кинорежиссера М. Таврог 179
Макипов А.С. Евреи в борьбе с фашизмом в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (на примере воинов, мобилизованных и призванных военными комиссариатами КазССР) 191
Левин Д.А. Сюжеты из жизни в эвакуации семьи киевлян Левиных 200
Щёголева Л.М. Война коснулась моих родных 204
Бердигожина З.Ш. Работа Музея боевой и трудовой славы школы № 32 г. Алматы по изучению Холокоста: МыПомним – WeRemember 207
Калашникова Н.П., Тимощенко А.Ю. Политика исторической памяти в научно-образовательных контекстах 210
ЛЮДИ И СУДЬБЫ **218**
Ярков А.П., Старостин А.Н. Иудеи и мусульмане в Еврейской автономной области: опыт диалога 218

Берман Е.А. Организация еврейских некрополей в Сибири в XIX–XX вв. 230
Крутова Н.В. Еврейская энциклопедия Ильи Ефрона 238
Каштелюк Ю.И. 140 лет непрерывного развития: страницы истории евреев Алматы 243
Гельфанд М.И. Одиссея людей, достойных своей эпохи 254
Саипова К.Д. Жизнь евреев в Туркестане в 20–30-ее гг. XX в. 269
Жанбосинова А.С. В поисках лучшей доли: от статуса беженца до шпиона 271
Сактаганова З.Г. Дети Карлага: по материалам архивов и воспоминаний 280
Макипов А.С., Вафин Х.Ш. Некоторые оценки качественных характеристик осужденных еврейской национальности Акмолинской обл. 287
Медведева-Нату О.Р. Лишенец. Личная история 293
Кубик Н.А. Л.Х. Фальк-Сегаль – представитель еврейской национальной элиты. Трагическая судьба «красного профессора» в годы массовых политических репрессий 309
Брусиловская Е.Ф. Ван Гог от скульптуры 314
Бисенгалиев М.К. Маленков и Лозовский – приглашение на казнь 322
Черненко-Шамис Р.М. Эпизоды ускользающего времени 336
Койфман М.З. Воспоминания о Михаиле Давидовиче Ромме 349
Койфман М.З. «Войну увидеть в детстве довелось…» 381
Проскурин В.Н. Юным оком помнит город ненароком… 388
Койфман М.З. В пустыне красных песков: о казахстанском враче-паразитологе Д. Генисе 393
Корнева В.Ю. Джаз не наша музыка… 400
Розенцвайг А.В. Век криминалиста 404
Тель Э.З. Воспоминания об отце 415
Краснова П.В., Зальцман И.Г. Врач Психиатр 420
Арцишевский А.А., Старыгина Н.В. Борис Вольфович Каральник человек привитый 426
Ермекбай Ж.А. Кокшетауские врачи: история и судьбы 430
Синицкая С.В., Гонопольский И.М. Судьба испытывала и награждала… 435
Мошкевич М.В. Жить для людей 441
Бароховская Л.С. Нет ничего более важного в жизни, чем знание своих истоков 445
Ахметова Л.С. Либерман Семен Лазаревич 457
Гимарат Е.Г. Выдающиеся основоположники музыкального искусства Казахстана 463
Иофе В.Г. Личные фонды ученых и деятелей культуры еврейской национальности в Национальном Архиве Узбекистана 467
Рерих В.А. Взамен турусов и колёс. ЮрБор 478
Головинский А.Ф. Три Попова, три Исаака Ивановича… 488
Брусиловская Е.Ф. Прощай, король! 494
Жампеисова К.К. Жизнь и научно-педагогическая деятельность Г.А. Уманова 498
Прицкер Е.Л. Великий искатель 505
Тверитнева И.А. Евреи Павлодарской обл. 512
Сагимбаев Н.Е., Халилова К.М., Сагимбаева А.Ж. Песня Абая «Қор болды жаным» глазами приезжих музыкантов 516
Сведения об авторах **523**
Фотографии, опубликованные на обложке **529**
Түйін **530**
Summary **532**

Приветственное слово

Мустафина А.Х.,
директор Архива Президента РК

Уважаемые участники конференции, гости и коллеги!

Приветствую участников и гостей XI международной научно-практической конференции «История. Память. Люди». Мероприятие, организованное Архивом Президента Республики Казахстан, Ассамблеей Народа Казахстана и Ассоциацией «Мицва» уже не первое. Тема эвакуации и беженцев во время Великой Отечественной войны в Казахстане, изучение судеб множества людей были и остаются актуальными для историков и архивистов.

История становления Независимого Казахстана – это история вклада в развитие страны каждого из этносов, его населяющих. В республике проживают представители более чем 100 этносов. Число религиозных объединений достигло 3088, представленных 18 религиозными конфессиями. Особое место в казахстанской модели межэтнического и межконфессионального согласия занимает Съезд лидеров мировых и традиционных религий. Открывая пленарное заседание VII съезда лидеров мировых и традиционных религий 14 сентября 2022 г. «Роль лидеров мировых и традиционных религий в духовном и социальном развитии человечества в постпандемический период», Глава государства отметил, что для Казахстана большая честь собрать вместе самых уважаемых духовных лидеров мира и наладить диалог. И сегодня единый народ Казахстана – это главное богатство нашей страны.

В работе нынешней конференции заявили участие архивисты и исследователи из Казахстана, Германии, Израиля, Канады, Польши, России, Узбекистана и Украины, а также члены Государственной комиссии по полной реабилитации жертв политических репрессий из гг. Астаны, Караганды, Павлодара. Широкий географический охват участников конференции свидетельствует об актуальности поднимаемых вопросов, о значимости исторической памяти для нынешнего поколения. Я уверена, что те научные проблемы, которые поднимаются в докладах участников, найдут свое логическое продолжение в дискуссиях как во время мероприятия, так и за его пределами – на других научных площадках, посвященных общей проблематике.

Желаю участникам плодотворной работы!

Барон А.И.,
Глава еврейской общины Казахстана,
председатель Совета Ассоциации «Мицва»,
член Совета Ассамблеи народа Казахстана

Дорогие друзья!

Позвольте поприветствовать участников XI Международной научно-практической конференции «История. Память. Люди», исследовательского проекта, действующего более 20 лет.

Традиционными темами нынешней встречи стали эвакуация в Казахстан, республики Средней Азии и Сибирь в годы Второй мировой войны и летопись еврейских общин Казахстана и Среднеазиатского региона.

В этом году фонд проекта пополнили 60 материалов. Это статьи, очерки, доклады и сообщения, подготовленные экспертами Казахстана, стран ближнего и дальнего зарубежья. География участников конференции свидетельствует об интересе к теме эвакуации на всех мировых континентах. Присланные материалы исследуют крупномасштабные исторические процессы середины XX в. с разных точек зрения – с экономической, культурной, социальной позиций. Проделываемая историками и архивистами работа позволяет открыть новые факты, знакомит нас с уникальными историческими данными, именами людей, которые были непосредственными участниками этих событий и чьи воспоминания помогают нам ощутить то трагическое, но одновременно и героическое время. Уникальность проекта еще и в том, что вместе с профессиональными исследователями в его работе принимают участие сами фронтовики и труженики тыла, их дети, внуки, а сегодня и правнуки. Их исследовательским материалом становятся семейные архивы – знаменитые фронтовые треугольники, фотографии из семейных альбомов. Такая работа не только способствует многогранному изучению темы, но и помогает людям узнать историю своей семьи, ощутить преемственность поколений, отыскать свои корни.

Еще одним значимым исследовательским направлением является история еврейских общин региона. Можно сказать, что эта тема перекликается с темой эвакуации, потому что в годы войны синагоги, наравне с другими общинами, вносили посильный вклад в поддержку эвакуированных и беженцев, помогали им как морально, так и материально.

К слову, какие бы научные направления ни выбирали исследователи, все они сходятся во мнении, что народ Казахстана, народы республик Средней Азии, жители сибирских регионов совершили нравственный подвиг, протянув руку помощи эвакуированным. Безмерная им за это благодарность!

По итогам каждой конференции мы выпускаем сборник научных материалов. В книгу входят не только статьи, доклады и очерки, озвученные

на пленарном заседании, но и материалы, поступившие в оргкомитет по завершении конференции, представляющие интерес. Изданную книгу мы направляем в национальные библиотеки, в библиотеки средних и высших учебных заведений. Они пополняют фонды материалов по изучению исторических событий XX в., служат базовыми источниками для написания курсовых и дипломных работ, диссертаций, научных статей и докладов. Всякий раз мы получаем отклики о сборнике от исследователей из разных стран, обычных читателей, которые благодаря нашему проекту заинтересовались историей и сами стали исследователями. Это очень приятно. Хочется поблагодарить их за этот интерес, за внимание к нашему проекту.

Особую благодарность хочу выразить постоянным соорганизаторам Ассоциации «Мицва» по проведению конференции – это Архив Президента РК, Ассамблея народа Казахстана, Евро-Азиатский еврейский конгресс. Благодаря поддержке Архива Президента РК нам открываются архивные источники, исследователи получают доступ к материалам как самого архива, так и архивов регионов Казахстана и других стран. Ассамблея народа Казахстана также помогает нам с материалами, с привлечением новых экспертов, а также организацией презентации сборников и представлении их на высоком государственном уровне. Благодаря Евро-Азиатскому еврейскому конгрессу мы налаживаем контакты с историками и архивистами еврейских общин разных стран. Нам очень важно, что плодами этого сотрудничества являются уникальные материалы, многовекторное исследование темы.

Имеет большое значение и то, что наряду с уже опытными экспертами в нашем проекте принимает участие молодежь. Это свидетельствует о преемственности научных поколений. Считаю продолжение исследовательских традиций очень важным процессом, ведь сам факт поддержки эвакуированных и беженцев в годы Второй мировой войны говорит о сострадательности и созидательном начале человеческой натуры. Мы должны неустанно говорить об этом.

Дорогие друзья, дорогие исследователи, позвольте пожелать вам дальнейших ярких научных работ, исследований, которые позволят нам ближе прикоснуться к истории, ощутить значимость исторической памяти в построении будущего. Всего вам самого доброго!

Азильханов М.А.,
заместитель председателя Ассамблеи народа Казахстан –
заведующий Секретариатом АНК Администрации Президента РК

Құрметті халықаралық
конференцияға қатысушылар!
Құрметті Қазақстан халқы Ассамблеясының мүшелері!
Уважаемые участники Международной конференции!
Уважаемые члены Ассамблеи народа Казахстана!

Разрешите выразить искреннюю признательность Архиву Президента Республики Казахстан, а также Барону Александру Иосифовичу – Председателю Республиканской Ассоциации еврейских национальных организаций Казахстана «Мицва» – за проведение на протяжении 20 лет, начиная с 2002 г., Международной научно-практической конференции «История. Память. Люди».

Конференция заслуженно стала уникальным историко-культурным событием для Республики Казахстан, многих стран мира и Центральной Азии.

На этой исторической и экспертной площадке ученые разных стран мира предоставляют новые научные исследования каждые два года по теме истории эвакуации, беженцев во время Великой Отечественной войны в Казахстан.

И это не случайно, ведь нити судеб участников этой великой драмы сегодня тянутся далеко за пределы нашей страны, связывая их единством исторической памяти о Казахстане.

За 20 лет работы по итогам конференции изданы 10 сборников, представляющие собой научно-практические материалы, новые архивные документы и фотографии по данной тематике.

XI Международная научно-практическая конференция «История. Память. Люди» яркое свидетельство того, как эта инициатива с каждым годом расширяет историко-географическое пространство изучения, включая страны Центральной Азии и Западной Сибири.

В годы Великой Отечественной войны на территории Казахстана уже в июле 1941 г. были созданы 12 эвакуационных пунктов в разных областях страны, в которых работало 323 человека. А уже через 2 месяца после начала войны 1 сентября 1941 г. Казахстан принял более 24 000 человек из Российской Федерации, Украинской, Белорусской, Карело-Финской, Литовской, Латвийской, Эстонской, Молдавской, Крымской республик и регионов СССР.

Через полгода начала войны, в январе 1942 г. в Казахстан прибыли почти 400 тысяч эвакуированных, в г. Алма-Ату было передислоцированы эвакогоспитали, вузы и техникумы, научно-исследовательские институты и культурно-просветительские учреждения.

В 1941–1943 гг. в республике работал ряд эвакуированных научных учреждений, в т. ч. институты Академии наук СССР – институт истории, институт философии, институт физики и астрономии, институт экономики, институт географии, институт физиологии, представленных 800 академиками.

С первых дней войны Казахстан стал тылом для всего огромного Советского Союза, на казахской земле работали 220 эвакуированных заводов и фабрик, 155 эвакогоспиталей лечили раненых, функционировали научно-исследовательские институты и высшие учебные заведения, детские дома и интернаты. В Архиве Президента Республики Казахстан имеются документы о прибытии в Казахстан 60 детских домов с контингентом 7827 детей.

Десятки и сотни тысяч человек гражданского населения разных национальностей, работников заводов и военных госпиталей, учебных заведений, союзных киностудий и театров нашли гостеприимный кров казахского народа.

В годы войны громадную роль в продовольственном снабжении армии и населения имело сельское хозяйство Казахстана. В 1941–1942 гг. республика разместила 1,2 млн голов скота, эвакуированного из оккупированных районов, начиная с 1943 г. стала возвращать скот в освобожденные районы.

Эвакуированные и беженцы испытывали тяжелейшие условия перевозки на место прибытия, ехали в товарных вагонах, иногда и на обычных железнодорожных платформах.

На местах не всегда было, где разместить огромное количество людей и часто, в первое время, их расселяли в амбарах, сараях и бараках, пока искали и находили более приемлемое место. Часто в дороге или по прибытию на место взрослые и дети заболевали, им не могли оказать медицинскую помощь, т. к. не было медикаментов и не получив лечение, они уходили из жизни.

Трудно было и с питанием, выдавали всем по норме картофель и муку. В тяжелой ситуации оказались также рабочие и служащие с семьями, эвакуированные вместе с предприятиями.

Несмотря на эти тяжелейшие условия, на трудности и тяжести вынужденного переселения, человеческие отношения между эвакуированными и местными жителями, казахами, были дружелюбными и все старались как могли помочь прибывшим с прифронтовой линии.

Так казахстанцы вместе с другими республиками на казахской земле каждый час приближали Победу!

Самая главная цель массовой эвакуации с прифронтовых территорий Советского Союза была выполнена – миллионы советских граждан, детей, женщин, стариков, работников заводов и фабрик, военных госпиталей и

больниц, деятели культуры и образования были спасены от угрозы уничтожения или фашистских концлагерей, выжили и вынесли все тяготы сурового военного времени.

Как сложились жизнь и судьбы эвакуированных людей во время Великой Отечественной войны в Казахстане и других странах мира? Какой вклад внесли врачи и медсестры госпиталей, рабочие промышленных объектов, учреждений культуры и образования, эвакуированных в Казахстан в Победу над фашизмом?

Каковы истории семей, оставшихся в Казахстане жить дальше? Для них Казахстан стал Родиной, т. к. они проживают уже много десятков лет, здесь родились их дети, внуки и правнуки, на казахской земле находятся могилы их родителей и старшего поколения.

О всех этих исторических событиях и судьбах людей на Международной конференции будут рассказывать потомки детей военного времени и ветеранов Великой Отечественной войны, ученые, архивисты, молодые докторанты, только начавшие исследования.

Всем желаю большого успеха и плодотворной работы!

Благодарю всех за участие в Международной конференции и желаю конференции научных и человеческих открытий, всем нам Мира, Единства и Согласия на нашей планете!

Эдвин Натан
Посол Израиля в Республике Казахстан
и Кыргызской Республике

Уважаемые дамы и господа,

Мне доставляет огромное удовольствие приветствовать Вас на XI Международной научно-практической исторической конференции. Благодарю всех участников за проявленное внимание и интерес к данному мероприятию. В современных условиях все больше возрастает роль образования и науки в развитии страны, и традиционно высокий интерес к конференции демонстрируют важность и востребованность этого события.

Полагаю, что данная конференция предоставит широкую площадку для обмена опытом, мнениями и знаниями по многим актуальным вопросам и надеюсь, что здесь удастся создать условия для конструктивного диалога и выработки новых ориентиров развития.

Пусть конференция станет местом для дальнейших интересных и плодотворных встреч. Уверен, что результаты конференции будут полезны в будущем.

Желаю всем участникам конференции плодотворной и продуктивной работы, творческой результативной дискуссии, активности, оптимизма и приобретения дружеских контактов.

В заключение хочу выразить огромную благодарность организаторам за открытое сотрудничество и возможность провести это мероприятие.

Спасибо за внимание.

Терещенко С.А.,
государственный деятель,
премьер-министр Республики Казахстан (1991–1994)

Сәлеметсіздер ме, құрметті әріптестер!
Уважаемые участники конференции!
Уважаемый Александр Иосифович!

Я приветствую всех делегатов конференции и благодарю Александра Иосифовича Барона за то, что он уже проводит XI конференцию. Эта конференция – память, эта конференция не дает забыть о том, как 70–80 лет назад переселялись евреи в Казахстан, на гостеприимную казахстанскую землю. Как сюда эвакуировали заводы из Белоруссии, Украины, России, буквально за 3–4 месяца в открытом поле предприятия уже начинали работать и давать продукцию. К сожалению, история повторяется. В мире сегодня та война, которая идет на территории Украины. Нельзя забывать о прошлом. Надо делать выводы и надо всегда смотреть вперед, надо беречь мир, надо беречь людей. Холокост, 6 млн евреев, которые были уничтожены просто за то, что они люди другой национальности. Этого нельзя допустить. К сожалению, таких примеров мы немало видим во многих странах и в данное время.

Я думаю, что конференция, как всегда, пройдет интересно с хорошими докладами, с хорошими публикациями. Пусть изданные книги служат нам предостережением и уроком для будущих поколений.

Спасибо вам за внимание.

Д-р МирилашвилиМ.
Президент Евро-Азиатского Еврейского Конгресса

Дорогие организаторы и участники конференции,

От имени Евро-Азиатского Еврейского Конгресса и его лидеров поздравляю вас с открытием XI Международной научно-практической исторической конференции, посвященной изучению вопросов эвакуации в годы Второй мировой войны, а также истории евреев Центральной Азии и Западной Сибири.

В прошедшие годы участники конференции провели огромную работу, задокументировав и представив важнейшие свидетельства и исторические материалы в выпускаемых сборниках.

Работа эта продолжается, и в очередной раз мы выражаем вам, организаторам и участникам конференции, нашу глубокую признательность за нее. Эти научные материалы призваны не только зафиксировать историческую правду, но и выступить очередным предупреждающим свидетельством о трагедиях и страшных, уходящих в поколения последствиях любой войны. Особенно трудно переоценить актуальность этой работы сегодня, в наши непростые времена, когда история искажается и становится идеологическим оружием, а евро-азиатский регион снова переживает тяжелейшую войну и другие локальные вооруженные конфликты.

Слова особой благодарности за организацию конференции хотелось бы выразить коллегам из Ассамблеи народа Казахстана, Архива Президента Республики Казахстан, а также нашему давнему коллеге и другу, председателю Ассоциации «Мицва», Александру Барону.

Калашникова Н.П.,
Член Совета Ассамблеи народа Казахстана,
Заведующая кафедрой АНК Евразийского
Национального университета им. Л.Н. Гумилева,
председатель Республиканской ассоциации
кафедр АНК «Шанырак»

Уважаемая Алия Хусаиновна!
Уважаемый Александр Иосифович!
Уважаемые участники Международного исторического форума!

Позвольте приветствовать гостей и участников XI Международной научно-практической исторической конференции, традиционно вот уже 11 раз, проходящей в Алматы, осенью!

Бессменными организаторами столь важного для сохранения общей исторической памяти Форума вот уже много лет являются – Архив Президента Республики Казахстан и Республиканское этнокультурное объединение О.Ю.Л. «Мицва», вдохновителем которого является Барон Александр Иосифович. Данное событие с каждым разом расширяет географию стран, участников, в числе которых потомки, ученые, архивные и музейные работники. Это одна из ключевых международных конференций в составе международного проекта АНК «Память во имя будущего».

В Казахстане динамично меняется политика по сохранению исторической памяти, пополнилась отечественная историография, появились новые бесценные труды, открывшие свет процессам по рассекречиванию документов, реабилитации жертв политических репрессий. Появились новые исследования по насильственной и вынужденной депортации, истории и трагедии голода, репрессиям членов семей и детей.

Тема эвакуации и беженцев в довоенные, военные и послевоенные годы, история евреев Центральной Азии и Западной Сибири, судьбы разных казахстанских этносов, устные истории потомков посредством таких исследовательских материалов, которые наполняют сборники конференций и издаются при поддержке государственных организаций и общественности, вносят неоценимую лепту в сохранение общечеловеческой Памяти, донесение ее до нынешних поколений.

Существенным импульсом для собирания архивных материалов их рассекречивания сыграла по поручению Главы государства К-Ж. Токаева Государственная комиссия по полной реабилитации жертв массовых политических репрессий, которая работает не только в казахстанских архивах, но и зарубежных.

За два года с момента проведения данной конференции Ассоциация кафедр АНК «Шанырак» изучила и издала при участии наших ведущих

архивов в т. ч. и в регионах, этнокультурного сообщества томные издания их результатов.

Исследователи ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, Карагандинского университета им. академика Е.А. Букетова, Института истории государства, сотрудники Архива Президента и других вузов и архивных организаций проделали совместную колоссальную работу, изданы материалы вебинаров и круглых столов: «Уроки истории – дань прошлому», «Критерии исследований масштабов политических репрессий: отечественный и зарубежный опыт», проведен Республиканский социогуманитарный проект – «Синхрон-видио лекция «Ұрпақтар ұмытпайды...», приуроченный ко Дню благодарности, с участием этнокультурных объединений и потомков, ряд других общественно значимых мероприятий, с участием ученых и молодежи.

Традиционно заявленное название международной исторической конференции «История. Память. Люди», новые подходы к исследованию темы «эвакуация и беженцы», безусловно, дополнят казахстанскую историографию, откроют новые страницы подвига людей в тылу, сплоченность тех, кто восстанавливал разрушенную страну, сохраняя силу духа, помня благодарность принявшей эвакуированных и беженцев казахской земле.

В словаре слово эвакуация – означает организованный вывоз кого-чего-нибудь из одной местности в другую для предохранения от опасности или с целью возвращения на постоянное место, гражданского населения с театра военных действий, ценностей перед сдачей города неприятелю... За этими сухими определениями – судьбы целых поколений, стран, народов. С огромным уважением отношусь к организаторам и участникам конференции за неустанный поиск фактов, судеб, историй, реализацию столь чувствительного проекта.

Всех поздравляю с началом работы конференции. Скорейшего выхода в свет сборника, который пополнит библиотеки, архивы, учебные организации, Дома дружбы, дипломатические представительства, в т. ч. и за рубежом новыми фактами нашей общей исторической памяти.

Благодарю за внимание!

ЕВРАЗИЯ XX в.: ЭВАКУАЦИЯ, ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ И БЕЖЕНЦЫ

Буриева Х.А.

О деятельности эвакогоспиталей в Узбекистане

Изучение тематики войн и их последствий, побед и поражений, уроков и значений является актуальным в настоящее время во всем мире, поскольку, к сожалению, в силу некоторых негативно настроенных идеологий, мировоззрений и специфики отдельных личностей, человечество на протяжении своего многовекового существования непрерывно сталкивается с военными действиями и ведет борьбу за их предотвращение. В связи с этим большой интерес представляет история Второй мировой войны, как одной из самых крупных не только на Евроазиатском континенте, но и во всем мире. Казалось бы, основные аспекты ее уже изучены (прошло более восьмидесяти лет с начала войны), но, тем не менее, с каждым годом, по мере исследования специалистами данной темы, прибавляются новые документальные сведения, раскрываются очередные детали. Так, например, своеобразен вопрос о причинах победы советского народа над фашизмом, когда вражеские силы во многом имели превосходство. На наш взгляд, здесь важно отметить и человеческий фактор – гуманизм, сплоченность, мужество, патриотизм, чувство долга и чести. Эти высшие качества проявили в годы суровых военных испытаний и бойцы на полях сражения, и народ, что остался в тылу, своим неимоверно великим трудом, самоотверженностью и великой верой в победу.

Особым мужеством и благородностью отличились работники медицинской сферы – врачи, фельдшеры, медсестры, работники санитарной службы. Следует отметить, что действовали они на местах сражений, прифронтовых участках, в тылу. На фронте медработники передвигались вместе с действующими вооруженными отрядами, выносили раненых бойцов с военных полей, оказывали первую медицинскую помощь, лечили их, возвращали в строй, в случае тяжелых ранений, бойцов отправляли в прифронтовую зону для дальнейшего лечения. Здесь, за фронтом, их лечили, по мере возможности, также старались возвращать их в ряды действующей армии; в случае более глубоких ранений, требующих длительного лечения, раненых отправляли в лечебные учреждения, расположенные на территориях вдали от военных зон. Как, известно, в этих городах раненых красноармейцев размещали в госпитали, оборудованные согласно установленным требованиям, где бойцам оказывали квалифицированную ме-

дицинскую помощь в условиях госпитализации. В связи с такой организацией оказания медицинских услуг, лечебные учреждения и пункты классифицировались соответствующим образом: военный медицинский пункт, военная санитарная часть, медицинский пункт, медицинская санитарная часть, фельдшерский пункт, военный госпиталь, эвакогоспиталь, больницы разных профилей, санаторий и др. Деятельность их была основана на указаниях нормативно-правовых актов, изданных в военные годы советским правительством и соответствующими руководящими органами [1, л.1-4; 28, 51, 63, 98].

Изучение деятельности и специфики медицинских учреждений, а также их лечебного персонала в военный период позволяет раскрыть особенности и проблемы данной сферы, восполнить историю Второй мировой войны новыми фактами, реалиями, способствует расширению кругозора знаний по этой проблематике, воспитывает в людях высокие гуманные качества.

Особое место при исследовании истории военных лет принадлежит первоисточникам – документальным, архивным, картографическим, иллюстративным материалам, мемуарам, изданиям периодической печати, программам радиовещания, произведениям представителей науки и культуры, проживавшим в данный период. Все они представляют важную ценность и требуют всестороннего, глубокого, детального изучения, поскольку имеют своеобразные черты, аспекты, структуру, классификацию. Например, архивные материалы военного периода можно разделить на определенные группы: постановления и указы правительства, протоколы заседаний государственных органов, доклады и отчеты должностных лиц, различных структур и учреждений, сводные таблицы, статистические сведения и др. [2, с.18].

Продолжая раскрытие тематики работы военных медицинских учреждений в годы Второй мировой войны, на основании отчетных документальных сведений из архивных фондов, в данной статье приведем краткий аналитический обзор деятельности эвакогоспиталей в Узбекистане.

Известно, что с первых дней войны в СССР по указанию ЦК ВКП (б) был организован Центральный комитет помощи раненым, который при непосредственном участии различных трудовых коллективов, предприятий, партийных, комсомольских и профсоюзных организаций и общественности широко развернул мероприятия по организации всенародной помощи раненым и размещению сети эвакогоспиталей.

Госпитальная сеть республики была организована согласно требованиям военного периода. В короткий срок (IV квартал 1941 г.) был решен вопрос о перепланировании, перестройке и приспособлении помещений школ, институтов, лечебных учреждений, домов отдыха и санаториев для нужд госпиталей. Эвакогоспитали Наркомздрава УзССР были размещены в наилучших зданиях, как, например, Дворцы культуры железнодорожников, Текстилькомбината, Финансово-экономического института, Педагогического, Учительского институтов, во вновь выстроенных за последние годы школах и других помещениях. Эвакогоспитали ВЦСПС УзССР развернуты были на базе домов отдыха и санаториев, расположенных за городской чертой. Благодаря наличию большой территории озеленения и богатых природных условий, они имели максимальную возможность на протяжении всего периода своего существования применять комплексное лечение в сочетании с естественными природными факторами; солнце, воздух, вода и глина. В преобладающем своем большинстве эвакогоспитали располагали водными бассейнами для плавания и купания.

В работе по организации госпиталей встречались и большие трудности. Требовалось капитальное переоборудование всех зданий, чтобы приспособить их как для подсобных помещений, необходимых большому госпитальному учреждению, так и для целей диагностики и лечения. Санпропускник, рентгеновский и физиотерапевтический кабинет, кабинет ЛФК, лаборатория, аптека, операционная, перевязочные – все это требовало устройства заново. Госпитали Узбекской республики, снабженные жестким и мягким инвентарем, медикаментами, перевязочным материалом и хирургическим инструментарием, укомплектованные медицинскими и административно-хозяйственными кадрами, были готовы к приему раненых и больных воинов Красной армии [3, л.1-18].

Всего было развернуто госпиталей в системе Наркомздрава – 47 с емкостью в 14 950 коек, а в системе ВЦСПС – 9 с емкостью 2009 коек. Кроме того, в период июнь–август 1941 г. из прифронтовой полосы (из районов Московской, Калининской, Ростовской и других областей, занятых немецко-фашистскими войсками) было эвакуировано в систему Наркомздрава УзССР 48 госпиталей с емкостью 15 900 коек и в Управление ВЦСПС – 9 госпиталей с емкостью 2090 коек. На протяжении 1942–1943 гг. емкость госпиталей местных формирований и развернутых по мобилизационному плану была дополнительно

расширена. Таким образом, на территории Узбекской республики всего имелось 113 эвакогоспиталей с емкостью 39 140 коек [4, л.5-6].

На протяжении 1942–1944 гг. в соответствии с приказом Генерального штаба Красной армии в прифронтовую полосу было вновь передислоцировано 94 госпиталя. Следует тут же отметить, что означенные госпитали, в число которых включались и первоначально эвакуированные в Узбекскую республику из прифронтовой полосы, заново были оборудованы, оснащены всеми необходимыми лечебно-диагностическими установками, снабжены полностью инвентарем, укомплектованы кадрами и полностью подготовлены к выполнению своих функций на новом месте своей передислокации. Во втором полугодии 1945 г. для лечения раненых и больных воинов Красной армии в УзССР оставалось 15 госпиталей с емкостью 6560 коек, а также один госпиталь на 500 коек для лечения военнопленных.

Вся госпитальная база Узбекской республики преимущественно распределялась в Ташкентской и Самаркандской областях. Подобная дислокация вполне соответствовала стремлениям к развертыванию эвакогоспиталей вблизи расположения больших центров, где была бы более полно обеспечена высококвалифицированная разносторонняя медицинская помощь. Кроме того, необходимость широкого использования высококвалифицированной медицинской помощи именно в Узбекской республике обуславливалась еще особенностями направляемых в эвакогоспитали глубокого тыла тяжелых контингентов раненых, обычно проходивших многоэтапность на пути всего предшествовавшего в госпиталях лечения. Задачи, поставленные перед госпиталями глубокого тыла по лечению тяжелых контингентов раненых, возвращению трудоспособности, отмечались своей большой сложностью, несмотря на максимальное использование всего арсенала средств новейших комплексных методов терапии.

Всего за время существования госпиталей с октября 1941 по 1 июля 1945 г. находилось на излечении 164 382 раненых и больных; выписано было после проведенного лечения с законченными госпитальными исходами – 143 101 человек, или более 87% всех раненых и больных воинов Красной армии, часть раненых была эвакуирована в другие эвакогоспитали, за пределы Узбекской республики. Таким образом, ко второму полугодию 1945 г. оставалось на излечении 5520 раненых и больных [5, с.327].

Основная функция в деятельности эвакогоспиталей, безусловно, заключалась в излечении раненых бойцов, возвращении их на фронт,

либо (в зависимости от состояния здоровья) приведение их в состояние трудоспособности. И здесь главным фактором являлась профессиональная *организация лечебной работы.* Благодаря самоотверженному труду врачей, фельдшеров, медицинских сестер и медицинских братьев, в годы войны была оказана медицинская помощь тысячам воинам армии. Как указывается в источнике, «возвращено в ряды РККА – 44,6%, возвращено к труду – 52,6%, нетрудоспособных инвалидов – 2,2%, умерло – 0,9%» из всех поступивших в эвакогоспитали пациентов. Таким образом, эвакогоспитали Узбекской ССР за годы войны возвратили в части 54 252 человека и к труду – около 70 000 человек [4, л.36].

Следует отметить, что руководство страны уделяло особое внимание вопросу обеспечения военных госпиталей квалифицированными медицинскими кадрами. В Узбекской ССР госпитали были обеспечены врачебными кадрами из гражданской сети, главным образом, с хирургической специальностью. Преимущественно на работу принимались врачи со стажем свыше 10 лет (59,7% всех госпитальных врачей). Основная масса госпитальных врачей имела клиническую подготовку.

Очередной функцией эвакогоспиталей являлась работа по снижению инвалидности и наиболее эффективного возвращения к труду инвалидов войны. Важным средством данного вида деятельности являлась *трудовая терапия*. Труд как лечебный фактор и использование его в целях восстановления утраченных функций человека в госпиталях УзССР наиболее активно стали применять, начиная с 1943 г. Руководство организацией трудотерапии в эвакогоспиталях возложено было на врачей лечебной физкультуры. Трудовые процессы назначались в общей связи с остальными методами лечения, учитывалась постепенно нарастающая сложность отдельных трудовых процессов [1, л.97-111].

Значительное большинство инвалидов после выписки из госпиталя направлялись по месту жительства, часть же трудоустроена была в различных отраслях народного хозяйства Узбекистана. Это ярко выражается в результатах изучения статистических данных госпиталей [5, с.336]:

Год	Инвалиды, убывшие по месту жительства, %	Инвалиды, оставшиеся и трудоустроившиеся в УзССР, %
1943	84,0	16,0
1944	93,0	7,0
1945	98,8	1,2

Очередной функцией эвакогоспиталей следует выделить *ведение хозяйства*, в т. ч. и *подсобного*. Здесь можно отметить работу по оснащению здания, палат, других сооружений госпиталя, содержанию инвентаря в полном порядке, охране его имущества, а также ремонтные работы, подготовку к передислокации и ее осуществление, организацию различных видов подсобного хозяйства.

При передислокации госпиталей в прифронтовую полосу последние хорошо оснащались, им выделялось полное количество коечного фонда, твердого инвентаря, по 3 смены постельного и нательного белья, кроме того, госпитали Узбекистана из своего фонда выделили мягкий инвентарь и другие хозяйственные принадлежности для оборудования вновь организованных госпиталей освобожденных городов. Передислоцированные в прифронтовую полосу эвакогоспитали были оснащены полностью на 30 тыс. коек.

Работа подсобных хозяйств госпиталей направлены были исключительно на обслуживание раненых и больных. В этом отношении особенно большую деятельность развернули подсобные хозяйства Управления госпиталями ВЦСПС УзССР. Здесь особое внимание было обращено на развитие сельскохозяйственных отраслей. По данным источников, посевная площадь подсобного хозяйства эвакогоспиталей ВЦСПС за время войны выражена в следующих данных: в 1941 г. – 395,5 га, в 1942 г. – 618,5 га, в 1943 г. – 656,0 га, в 1944 г. – 740,0 га, в 1945 г. – 740,0 га. Сбор продукции (овощи, бахчи, картофель) за время существования госпиталей составил 40 371 ц. Получено молока за все годы войны для госпиталей 13 426 ц, мяса – 1909 ц, меда – 224 ц. Отправлено в порядке братской помощи в освобожденные районы 147 голов скота [4; л.52].

Наряду с лечебными, реабилитационными процедурами, а также восстановлением трудовых способностей пациентов, эвакогоспитали выполняли функции по осуществлению активной *политико-воспитательной и культурно-массовой работы,* как необходимого фактора в деле психологического поддержания раненых бойцов, повышения их веры в свои силы, в великую силу сплоченного народа советской страны и в победу его над фашистской агрессией.

Культурно-массовая работа в эвакогоспиталях сыграла немалую роль в деле идейно-политического воспитания раненых и удовлетворения их возросших культур них запросов. Основными видами культурно-массовой просветительной работы в госпиталях в годы войны были: лекции и доклады, кинообслуживание, прослушивание радио-

передач, показ театрального искусства, организация самодеятельности и экскурсий по ознакомлению с местными достопримечательностями, проведение различного рода игр, клубная работа, чтение книг и др. По своему содержанию основные виды культурно-просветительной работы отвечали, главным образом, требованиям текущего момента и возросшим запросам раненых.

Отдельные виды культурно-просветительной работы были прочно введены в повседневный распорядок обслуживания раненых. Например, как правило, в эвакогоспиталях ежемесячно проводилось до 30 киносеансов, 6–8 художественных постановок силами мастеров искусства и самодеятельности.

Проведена большая работа среди раненых по обслуживанию их книгой, например, только по данным 15 эвакогоспиталей за 6 месяцев 1945 г. было обслужено 7 тыс. человек групповым и индивидуальным чтением художественной литературы.

Характеризуя деятельность эвакогоспиталей в военный период, следует упомянуть о *работе шефствующих организаций*, которые внесли значительный вклад в дело материального обеспечения госпиталей, снабжения их вспомогательными трудовыми силами, а также организации культурно-просветительских мероприятий в них. Как указывают документальные сведения, над эвакогоспиталями республики шефствовали более 750 организаций. Городские и районные комитеты партии перераспределили крупные промышленные предприятия и организации равномерно между госпиталями, проверили их работу и дали указания о налаживании шефской работы [4, л.56].

Об огромной помощи шефствующих организаций госпиталям свидетельствуют следующие примеры. Над крупнейшим в республике эвакогоспиталем № 3668/69 шефствовали 34 организации г. Ташкента. Над госпиталями № 4104 – 8, № 4105 – 7, № 4106 – 9 организаций и т. д. Среди шефов эвакогоспиталя № 3668/69 особенно выделяется крупнейший завод № 84 (г. Ташкент), который в 1944 г. полностью восстановил всю паровую отопительную систему и канализацию, оцениваемую в полмиллиона рублей. Работу производили рабочие и инженерно-технический персонал завода в неурочное время. Завод не только отпустил материалы на восстановление отопительной и канализационной сети, но и помог в оснащении госпиталя инвентарем и посудой. Государственный русский драматический театр им. Горького заново переоборудовал сцену госпитального клуба и регулярно проводил постановки в госпитале, произвел художественное

оформление всего клуба, а в праздничные дни, кроме того, выделял индивидуальные подарки каждому раненому. Ташкентский мясохолодильный комбинат, шефствуя в госпитале над 3-м отделением в роте выздоравливающих, в праздничные дни выделял индивидуальные подарки для каждого выздоравливающего, организовал коллективные ужины раненых с шефами. Актив комбината систематически проводил дежурство у тяжелобольных и помогал в налаживании культурно-массовой работы. Среднеазиатский государственный университет организовывал специальные курсы по трудообучению раненых и выделял лекторов по научно-популярным темам.

Широкое развитие шефской работы осуществляли сельские районы Узбекистана, например, Джамбайский р-н Самаркандской обл. шефствовал над эвакогоспиталем № 1267. За время шефства район полностью обеспечивал госпиталь топливом. Из доставленного колхозом леса госпиталь изготовил арбы, бочки, скамейки, столы и стулья. Силами колхозников на территории госпиталя проведена посадка деревьев и благоустройство. В праздничные дни колхозники приезжали в госпиталь с большими котлами изготовленного плова, выделяли баранов, овощи, сухие фрукты. В свою очередь, госпиталь организовал в колхозе медицинский пункт, который производил обслуживание колхозников. Тяжелобольных колхозников госпитализировал у себя и производил лечение. Над эвакогоспиталем № 1271 шефствовал Вабкентский р-н Бухарской обл. Он помог организовать госпитальный донорский пункт, выделив на отоваривание пайков и организацию донорской столовой 17 баранов, несколько сот килограммов риса, шалы, сухих фруктов. Колхозники систематически делали обходы в госпитале тяжелобольных, знакомились с состоянием хозяйственной работы госпиталя, участвовали в производстве ремонтных работ.

Благодаря помощи Вабкентского р-на, госпиталь имел широко развитое донорство. Булунгурский, Комсомольский, Джамбайский р-ны Самаркандской обл. шефствовали над госпиталями № 1268, 3966, 3965 и проделали огромную помощь по материально-хозяйственному обслуживанию этих госпиталей. К ноябрьским торжествам 1944 г. они организовали красные обозы к своим подшефным госпиталям. Один лишь Джамбайский р-н доставил 20 арб дров. Каждый из указанных районов, кроме дров, доставил рис, готовый плов, восточные сладости, по 2–3 барана, сухие фрукты, вино и овощи. Кроме того,

делегации колхозников привозили огромное количество индивидуальных подарков для каждого раненого [6, л.15].

Следует отметить, что в сельских районах Узбекистана шефская работа, как правило, имела двустороннее направление: шефство колхозов над госпиталями и госпиталей над колхозами. Коллективы госпиталей приняли на себя заботу о состоянии здоровья колхозников шефствующих колхозов, выделяли врачей и медицинских сестер на медицинские пункты колхозов и систематическими выездами работников госпиталей оказывали практическую помощь в проведении сельскохозяйственных мероприятий своим шефам. Таким образом, хорошо организованная шефская работа явилась серьезной поддержкой для эвакогоспиталей в деле улучшения материально-хозяйственной обеспеченности и полного удовлетворения культурно-бытовых запросов раненых и больных воинов Красной армии в годы войны.

Подводя итоги к вопросу организации деятельности эвакогоспиталей в Узбекистане в годы Второй мировой войны, на основании сведений архивных источников, необходимо отметить, что документальные материалы архивов по данной тематике отличаются по своему типу, структуре. Одним из ценных их видом, в силу своей широкомасштабной информативности, являются отчеты и статистические данные, касающиеся работы госпиталей. Свидетельства отчетов эвакоорганов и управленческих организаций позволяют осветить многие детали в истории эвакогоспиталей, действовавших как в Узбекистане, так и в других районах Советского государства в годы войны. В них отражена специфика организации работы всей госпитальной сети Узбекской ССР.

При этом важно отметить, что руководство республики уделяло особое внимание и требовательность в построении высокоорганизованной деятельности эвакогоспиталей. Лучшие санатории, дома отдыха, помещения вузов, школ и хозяйственных организаций, оснащенные мебелью и инвентарем, наделенные подсобным хозяйством и средствами транспорта, были представлены под госпитальную сеть. Видные ученые и лучшие организаторы были привлечены к руководству научной, политической и хозяйственной деятельностью госпиталей. Рабочие, колхозники и трудовая интеллигенция Узбекистана, оказывали помощь и заботу раненым красноармейцам, находящимся на излечении в госпиталях республики. Всесторонняя поддержка тружеников советского тыла с героическими защитниками страны –

бойцами Красной армии, потерявшими на время свою физическую боеспособность, была наилучшим средством восстановления их здоровья, подкрепляло высокое политико-моральное состояние, вселяло уверенность в неизбежности победы советской страны и разгрома фашистских войск, поднимало чувство патриотизма, любви и преданности к своей Родине.

1. Национальный архив Узбекистана Научно-технической и медицинской документации (НАУз НТМД). Ф.1. Оп.1. Т.1. Д.3428.
2. Буриева Х.А. Отчеты организаций по эвакуации Узбекистана как исторические источники военного периода // История. Память. Люди: Материалы X Международной научно-практической конференции. – Алматы, 2020. – С.18–29.
3. НАУз НТМД. Ф.1. Оп.1. Т.1. Д.3432.
4. Там же. Оп.9. Т.2. Д.1028.
5. Буриева Х.А. Эвакогоспиталлар фаолиятига доир маълумотлар / Иккинчи жаҳон уруши ва Ўзбекистон халқи: тадқиқотлар. Илмий мақолалар тўплами. 2-жилд. – Тошкент, 2022.
6. НАУз НТМД. Ф.1. Оп.1. Т.1. Д.3429.

Чиликова Е.В.

Эвакогоспитали Казахстана

Сеть тыловых госпиталей в Казахстане

20 июля 1941 г., практически спустя месяц со дня начала Великой Отечественной войны, на совместном заседании Совнаркома и ЦК КП (б) Казахстана утвердили документ о развертывании сети эвакуационных госпиталей в республике, подготовленный Наркоматом здравоохранения. Через неделю, в него были внесены коррективы в соответствии с планом, представленным штабом Среднеазиатского военного округа (САВО). Размещение эвакогоспиталей, предназначаемых для восстановления здоровья эвакуированных бойцов и командного состава Красной армии, планировалось на базе больниц, санаториев, домов отдыха и других помещений. Представителям советской и партийной власти регионов было рекомендовано до 5 августа обеспечить отвод помещений. На эти цели из республиканского бюджета выделялось 1200,0 тыс. руб. [1].

Первые госпитали были сформированы в июле 1941 г. в Актюбинской, Карагандинской, Кустанайской, Семипалатинской и Северо-Казахстанской областях. К 25 сентября 1941 г. планировалось дополнительно развернуть к приему раненых 6000 госпитальных коек в гг. Алма-Ате, Атбасаре, Аягузе, Балхаше, Джамбуле, Караганде, Кзыл-

Орде, Лениногорске, Семипалатинске, Уральске, Усть-Каменогорске, Челкаре, Чимкенте и на ст. Яны-Курган. Средства на финансирование приспособления помещений предлагалось изыскать за счет местных фондов, а также за счет консервации части строек [2]. В областных и крупных промышленных городах республики, расположенных на линии железных дорог, были развернуты эвакогоспитали, которые формировались как по линии Наркомата здравоохранения СССР, так и по линии Всесоюзного центрального совета профессиональных союзов (ВЦСПС). Для них выделялись помещения больниц и клиник, административные и другие здания. Наряду с эвакогоспиталями общехирургического профиля открывались специализированные – нейрохирургические, челюстно-лицевые, для лечения органов грудной и брюшной полостей, ушные, глазные.

В Архиве Президента Республики Казахстан отложились документы о планируемом приеме раненых с 1 сентября 1941 г., фактически поток санитарных эшелонов стал прибывать в октябре.

В этом вопросе сумятица первых дней войны завершилась, когда в соответствии с постановлением Государственного Комитета Обороны СССР от 22 сентября 1941 г. «Об улучшении медицинского обслуживания раненых бойцов и командиров Красной армии» и приказом наркома Здравоохранения страны и начальника Главного военно-санитарного управления Красной армии от 30 сентября 1941 г. эвакогоспитали тыловых районов передали в ведение Наркомата здравоохранения СССР [3].

1 октября 1941 г. при Наркомздраве КазССР было организовано Главное управление эвакогоспиталей, в регионах в составе облздравотделов – отделы эвакогоспиталей [4]. На них возлагалось руководство лечебной работой, учет эвакогоспиталей, координирование финансовой и материально-технической деятельностью. Штатный состав был ограничен. Так, например, Кустанайской облотдел эвакогоспиталей состоял из начальника отдела, главного хирурга и секретаря-статистика, кроме того, по области было утверждено 500 штатных единиц. В структурные подразделения каждого эвакогоспиталя входили: управление госпиталя, партийно-политическая часть, медицинская часть, лечебный отдел, медицинская канцелярия, хозяйственно-финансовая часть.

Дислокация

В Алма-Аты развернули 11 эвакогоспиталей: в школах (№ 33, 34, 39, 54), в домах отдыха (на Медео, Алма-Арасан и др.). В них функ-

ционировали урологические, глазные, ортопедические отделения. По другим сведениям – 13 эвакогоспиталей в городе, 4 в области. 11 эвакогоспиталей разместили и в Южно-Казахстанской обл.: 5 из них в г. Чимкенте (№ 3981, 3982, 1604, 2920, 3294 – пос. свинцового завода); а также в г. Туркестане (№ 2068), на ст. Акташ и др. [5].

В Актюбинской обл. под 9 эвакогоспиталей отдали гостиницу, родильный дом, интернат и школу № 13: в пос. Алга (№ 3600); в г. Челкар (№ 3602); в г. Актюбинске (№ 2450, 1601, 3601, 2931); в г. Кандагач (№ 3985), в средней школе и больничном городке пос. Мартук (№ 1035), санатории «Бормашина» (№ 4149). Также планировалось размещение эвакогоспиталя в 2-х этажной средней школе и детском саду ст. Эмба [6].

В Акмолинской обл. сформировали 8 госпиталей с общим количеством 1780 койко-мест. Размещены в областном управлении связи, железнодорожной больнице, средних школах, доме отдыха Боровое и др.

В Семипалатинскую обл. эвакогоспитали начали прибывать в сентябре–ноябре 1941 г. 4 из 7 (по другим сведениям – 8), функционировавших в регионе, находились в областном центре. В педагогическом училище, финансовом техникуме и грибковотрахомотозной больнице (сортировочный госпиталь № 3592), в здании бывшего зооветинститута (№ 3593 общехирургического профиля, с 1 декабря 1942 г. госпиталь поменял профиль на протезно-ортопедический), в клубе им. Кирова (№ 3442), в сельхозтехникуме (№ 2449), в техникуме мясокомбината ст. Жана-Семей (№ 1006) [7].

В Карагандинской обл. разместили 9 эвакогоспиталей: в Балхашском больничном городке (№ 3973), во Дворце культуры железнодорожников, с. Долинка (№ 3414), на проспекте Советском, 20 г. Караганды (№ 1776); в здание 1-й гор. клинической больницы пос. Михайловка (№ 3972); в здании бывшего учительского института пос. Майкудук (№ 3970/3971) и др. [8].

В Северо-Казахстанской обл. развернули 5 (по другим сведениям – 7) эвакогоспиталей, 4 из них – в г. Петропавловске. На базе 1-й городской больницы и Петропавловской физиолечебницы (№ 2446, № 3595 специализировался на оказании помощи раненым с нейрохирургическими, челюстно-лицевыми, глазными и отоларингологическими заболеваниями). С 23 декабря 1941 г. по 25 марта 1943 г. функционировал сортировочный госпиталь, прибывший из Ростова-на-Дону, (№ 3813 раненые с психоневрологическими заболеваниями и контужен-

ные), с 1942 по 1943 г. (№ 3895) и с 1942 по 1943 г. опергруппа Медицинского института им. И.М. Сеченова. Под эвакогоспитали также были переданы здания городского Дома пионеров и школы им. Герцена. Кадры среднего медперсонала пополнялись за счёт выпускников школы медсестер, врачи приезжали из других городов или же после ранения [9].

По опубликованным источникам в Кустанае функционировало 4 эвакогоспиталя (№ 3598, 3597, 2445 и 3593) и 1 на ст. Тогузак. Первым в Кустанае принял прибывших раненых эвакогоспиталь № 3596, впоследствии переименованный в № 2445. Под него отвели здания школы им. Н.К. Крупской по ул. Тарана, 4, школы им. Горького по ул. Ленина, 49 и роддом по ул. Ленина. Госпиталь № 3597, размещенный в пединституте по ул. Ленина, 100 а и в больнице им. Ленина по ул. 1-го Мая, 111, 15 февраля 1942 г. расформировали и передислоцировали на запад вместе с собранным казахстанцами санитарно-техническим и хозяйственным оборудованием [10].

В г. Кокчетаве и регионе базировалось 3 эвакогоспиталя: с августа 1941 г. по 1 июля 1944 г. – № 2447; в 1942 г. – № 2396 для советских солдат, во второй половине войны организовали спецгоспиталь № 1054 для военнопленных. Госпиталь разместили в клубе Щучинской железнодорожной больницы на территории нынешней Акмолинской обл., огородив колючей проволокой и поставив охрану [11].

В Западно-Казахстанской обл. находилось 3 эвакогоспиталя. Зимой 1942/1943 г. в г. Уральске временно разместили 5 эвакогоспиталей Сталинградского фронта.

В Павлодарской обл. действовало 3 эвакогоспиталя: в областном центре в зданиях горбольницы, в школе № 8 и технологическом техникуме молочно-мясной промышленности – № 2448 [1*], в гостинице – № 2994, в помещениях школы и клуба пос. Щербакты – райцентра Цюрупинского р-на – № 3604. Военный санитарный поезд с ранеными в Павлодарскую обл. прибыл 9 ноября 1941 г. [12].

Санитарные поезда встречали хрупкие девочки – новоиспеченные сандружинницы. Из воспоминаний доктора медицинских наук, профессора Т.Я. Шайкевич-Ильиной, которая будучи школьницей, получила первый опыт по уходу за ранеными и инвалидами на перроне же-

[1*] Опубликованы письмо и фотографии раненых бойцов, командиров и политработников Красной армии, проходивших лечение в эвакогоспитале. На фотографиях запечатлен и персонал эвакогоспиталей № 2448, 3604 / Войной опаленные строки / Авторы-составители Болтина В.Д., Покидаева Т.Е., Шевелева Л.В. – Павлодар: ЭКО, 2020. – С.52–57.

лезнодорожного вокзала г. Акмолинска: «Сначала мы подняли своего пациента легко, но ох, как тяжело было нести носилки дальше! Немели и становились неподвижными пальцы, подкашивались ноги. […] Второе задание […] было для нас неожиданным […] мыть в бане прибывших, […] мыть голых мужчин. […] Они должны были все с себя снять. Вещи помещались в мешки с нумерованными бирками и отправлялись на санитарную обработку. Один раненый категорически отказывался снять кальсоны […] «Я перед сопливой девчонкой раздеваться догола не буду». Пришлось звать кого-то из взрослых» [13].

Статистика

Как свидетельствуют архивные источники, в Казахстане по состоянию на 10 декабря 1941 г. развернули 50 эвакогоспиталей.[1*] На 30 января 1942 г. – 103 эвакогоспиталя на 45 100 коек, в т. ч. в системе Наркомздрава 91 госпиталь, ВЦСПС – 11 и Наркомата обороны – 1. Из них Наркомздравом развернуто 13 эвакогоспиталей, остальные эвакуированы из различных мест Советского Союза. По мнению ЦК КП (б) Казахстана, период с августа 1942 по июнь 1943 г. можно считать периодом, наибольшего насыщения Казахстана эвакогоспиталями, обеспеченными высококвалифицированными кадрами, в т. ч. хирургами в которых так нуждалась республика; оснащенные медицинским и хозяйственным имуществом. По мере удаления фронта к западным границам часть эвакогоспиталей реэвакуировалась, часть получала новую дислокацию. По другим сведениям в системе Наркомздрава действовало 78 эвакогоспиталей, могущих одновременно принять 34 100 пациентов, в 1943 г. их число снизилось до 30, на 13 250 пациентов [14].

В предисловии к книгам памяти, приводятся иные сведения: «Через города и села Казахстана прошло 155 эвакогоспиталей. Наибольшее количество госпиталей приходится на март 1942 г. Их насчитывалось тогда 78, но сведения о размещении и емкости имеются только о 56, в них было 23 675 коек. Из общего количества эвакогоспиталей, хотя бы временно размещавшихся в Казахстане 44,5% приходилось на местные и 55,5% – на прибывшие в порядке эвакуации» [15].

По архивным источникам за 3,5 года Великой Отечественной войны в госпиталях пользовалось лечением 27 281 человек [16].

[1*] В опубликованных источниках проходят и такие сведения: «Уже в декабре 1941 г. в Казахстане на базе санаториев, домов отдыха, больниц, кое-где в помещениях школ действовало 672 эвакогоспиталя на 32 100 коек». / История Казахстана (с древнейших времен до наших дней). В пяти томах. – Т.4. – Алматы: Атамұра, 2009 – С.518.

На данном этапе исследования вопроса количество эвакогоспиталей, размещенных в Казахстане, опубликованное в книге М. Жакуповой «Тыловые эвакогоспитали…» [4] и приводимое в сообщениях, подготовленных по архивным источникам, разнится незначительно.

Повседневные проблемы, независимо от места базирования эвакогоспиталей, практически во всех исследованиях, доступных автору, одинаковые: процесс выделения и ремонта пригодных помещений, обеспечение медперсоналом, донорской кровью; внедрение мероприятий по противоэпидемическому обеспечению; снабжение продуктами питания, вопросы оснащения хозяйственно-бытовым инвентарем, медицинским оборудованием; социальная помощь и духовная поддержка раненых-фронтовиков. А также вопросы участия, ученых в разработке и внедрении новейших методов диагностики, лечения и восстановления здоровья раненых; зарождение шефского движения со стороны общественных организаций, предприятий, колхозов, населения, в частности, движения по сбору для раненых подарков, продовольствия, в т. ч. со стороны местных и эвакуированных работников культуры.

Организация лечебной работы в эвакогоспиталях, в т. ч. специализированной медицинской помощи раненым и больным

В основе организации лечебной работы лежало как активное хирургическое, так и медикаментозное вмешательство. Недостаток квалифицированных кадров на первых этапах решался за счет организации консультативной помощи: врачей эвакогоспиталей и специалистов эвакуированных медицинских учреждений. В списке медицинских институтов, эвакуированных в Казахскую ССР по сведениям на 1942 г., числись Курский медицинский институт (г. Алма-Ата), Крымский медицинский институт (г. Симферополь − г. Кзыл-Орда), Харьковский фармацевтический институт (г. Семипалатинск), Днепропетровский фармацевтический институт (г. Семипалатинск); в списке научно-исследовательских учреждений – Центральный институт эпидемиологии и микробиологии (г. Москва – г. Алма-Ата), Одесский глазной институт (г. Алма-Ата) и др. [17].

Вклад в лечение раненых и больных с травмами и заболеваниями центральной нервной системы внесли ученые и медицинские работники 1-го Московского медицинского института им. И.М. Сеченова в составе МЭП-39 на 200 коек в г. Петропавловске. Открывались ортопедические, офтальмологические и урологические отделения. Несмотря на то, что врачами и медсестрами бок о бок с военными медиками

трудились лучшие работники здравоохранения Казахстана, ощущался недостаток в квалифицированных невропатологах, нейрохирургах, челюстных хирургах, ортопедах и физиотерапевтах. При этом важным и существенным был вопрос о создании профилированных эвакогоспиталей и центров специализированной хирургической помощи.

Военные хирурги, прошедшие действующую армию, были люди особой закалки. Начальником госпиталя № 4151 (дом отдыха «Каргалинка», позднее № 4113 (дом отдыха «10 лет Казахстана» (Медео) назначили фронтовика – хирурга 8-й гвардейской дивизии – Гдалия Марковича Варшавского, получившего ранение в боях за Волоколамское шоссе. Судя по воспоминаниям его дочери Нелли Гдальевны, раненые его любили, а персонал побаивался, т. к. в деле Варшавский был весьма строг. «В госпиталь поступали фронтовики, которым требовались капитальные операции. В необходимых случаях из города привозили профессоров, и те их оперировали. Доставляли врачей грузовой газогенераторкой, по бокам которой было две печки. В них насыпались чурки, и на этом топливе добирались. Местами дорога была очень крутая […] из санатория выходил человек и на крутых подъемах посыпал золой дорогу. […] В эвакогоспитале с ним работали профессор, он же заместитель директора госпиталя Пахмурный,[1*] политрук госпиталя Иосиф Самойлович Барон» [18].

Начиная с 1942 г. быстрые темпы подготовки хирургов способствовали внедрению в практику новых методов оперативных вмешательств. Из справки заместителя начальника управления Эвакогоспиталями Наркомата здравоохранения КазССР Военному отделу ЦК КП (б) К от 14 июля 1945 г.: «В госпитали были выделены лучшие врачи и средний медперсонал, поэтому лечение проходило на высоком, качественном уровне. В результате чего процент возвращенных в строй доходил до 70%. В последний год этот процент снижен за счет тяжелого контингента больных».

Начиная с 1942 г. для ускорения восстановления здоровья раненых и возвращения их в строй и к труду в госпиталях, расположенных на базе санаториев и домов отдыха стали использовать восстановительные виды лечения с применением естественно-природных факторов. 12 декабря 1942 г. в пос. Жанакорган была открыта больница на 300 мест для лечения раненых грязью. Больнице была передана

[1*] Историк П.М. Пахмурный получил профессорское звание через несколько десятилетий после войны. / Грибанова Е.М. П.М. Пахмурный – преподаватель, комиссар эвакогоспиталя, ученый. / Материалы X Международной научно-практической конференции История. Память. Люди. 23 сентября 2020 г, Алматы – Алматы, 2020. – С.325–337.

материальная часть расформированного госпиталя № 3980 и подсобное хозяйство курорта Жанакорган [19].

В Казахстане применялись кумысолечение, физиотерапия, витаминотерапия, лечебная физкультура.

Согласно телеграфному указанию Совнаркома СССР о сборе и заготовке лекарственного сырья, Совнарком КазССР постановлением от 4 июня 1942 г. установил планы сбора и заготовок лекарственных растений по линии соответствующих наркоматов и республиканских заготовительных организаций. ЦК ЛКСМ Казахстана инициировали сбор дикорастущего лекарственного сырья комсомольскими организациями и школьниками.

Массовая заготовка лекарственного сырья развернулась в июле 1942 г. Школьники, преимущественно младших классов, собирали: полынь (в качестве заменителя ваты), зверобой, шиповник, мыльный корень, одуванчики, валериану, а также малину, белену, цветы бессмертника, ягоды можжевельника и пр. По данным четырех областей Алма-Атинской, Южно-Казахстанской, Восточно-Казахстанской и Северо-Казахстанской в этой работе принимало участие 3248 школьников. На 1 августа 1942 г. они заготовили 1310 т дикорастущего лекарственного сырья, что составляет 50% месячного задания этим областям. Так, например, только по Южно-Казахстанской обл. в заготовках лекарственного сырья участвовало 1305 учащихся, из которых было создано 59 постоянных бригад по сбору [20, л.124 и об.].

Казахстанские фармацевты наладили производство необходимого раненым гематогена на мясокомбинатах гг. Алма-Аты, Уральска и Кзыл-Орды.

В годы войны донорами стали 5,5 млн. человек, из которых 90% составляли женщины. Из переписки почетного донора СССР В.И. Кирюшкиной и бойца, находившегося на излечении в Павлодарском эвакогоспитале: «Дорогая т. Валя! Большое Вам спасибо за кровь, которую Вы дали для меня. Ваша кровь вернула меня к жизни, я чувствую себя бодро, скоро вернусь в ряды наших бойцов. Вам желаю здоровья. Вы так же, как и мы, спасая наши жизни своей кровью, защищаете наше Отечество». Патриотическое движение доноров дало возможность создать в стране развернутую сеть институтов и станций переливания крови, сохранило сотни тысяч жизней воинов [21].

Решение кадровых проблем в эвакогоспиталях[1*]

Эвакогоспитали, прежде всего, нуждались в хирургах, тогда как многие квалифицированные кадры были призваны в армию еще в первые недели войны. В ускоренном порядке пришлось готовить хирургов из терапевтов, гинекологов, педиатров и даже санитарных врачей.

Частично вакансии закрыли врачами, прибывшими в Казахстан как эвакуированные. По данным столичного горздравотдела в Алма-Ате на 1 января 1943 г. насчитывалось 530 эвакуированных с высшим медицинским образованием. 66% из них составляли евреи. По сведениям Жакуповой М., автора монографии «Тыловые эвакогоспитали», эвакуированные врачи в Казахстане составляли 38,8% [22].

В Алма-Атинском медицинском институте проводились курсы для врачей не хирургов с отрывом и без отрыва от производства. В госпиталях шла подготовка операционных сестер и техников по гипсованию. Для врачей госпиталей организовывали инструктажи по противоэпидимической работе. По основным вопросам лечения раненых читались лекции и доклады, проводились госпитальные и межгоспитальные научные конференции [23].

Кадровые вопросы решали за счет укомплектование штатов студентами мединститутов и медучилищ. По программам Союзнаркомздрава развернули работу по подготовке медработников. Дополнительно средний медперсонал для эвакогоспиталей столицы готовили на базе КазГУ и Пединститута: планировалось «выпустить в течение ближайших четырех месяцев по Университету 30 медсестер, по 20 рентгенологов и рентгенотехников; по Пединституту 50 медсестер [24].

Сандружинницы, вчерашние школьницы, проходили курсы лечебной физкультуры, помогая сотрудникам эвакогоспиталей разрабатывать поврежденные суставы и конечности раненых. Практика, которую получили казахстанские медики в период работы в госпиталях, отразилась накоплением огромного врачебного и медсестринского опыта.

Участие населения в уходе за ранеными значительно облегчало труд медицинского персонала. Немаловажное место в системе подго-

[1*] Жакупова М. Тыловые эвакогоспитали Казахстана и республик Средней Азии (САВО). – Астана: Елорда, 2005. – С.31-34.

товки санитарных дружин с привлечением старшеклассниц заняли комсомольские организации.

Материально-хозяйственное обеспечение госпиталей

Для размещения эвакогоспиталей выделялись лучшие здания, но многие из них нуждались в капитальном ремонте. Практически все ресурсы Казахстана направлялись на удовлетворение нужд фронта. Резервов по строительным материалам, таким как оконное стекло, кровельное железо, лесоматериалы, гвозди, олифа в республике не было, все вышеперечисленное приходилось запрашивать у центра. Сложности в решении задачи были вызваны и тем, что в Казахстане отсутствовало производство строительных материалов, а выделяемые правительством СССР фонды «крайне плохо» отоваривались.

Из докладной записки председателя Республиканского комитета помощи раненым Абдыкалыкова председателю Всесоюзного Комитета помощи раненым Андрееву о готовности госпиталей к зиме от 6 декабря 1944 г.: «[…] В затруднительном положении с подготовкой к зиме оказались 3 госпиталя г. Семипалатинска». На 20 ноября 1944 г. подвезено к госпиталям 16% топлива; вывезено 18% овощей. Окончание ремонта задерживается из-за отсутствия оконных стекол, в результате 3-й этаж госпиталя № 3593 не работает, т. е. сократился коечный фонд [на 300 койко-мест]» [25].

Как правило, в таких ситуациях вопросы решались с помощью партийных [26] и советских учреждений, промпредприятий и общественности городов и сельских районов, инициировавших шефское движение. В Алма-Ате оборонный завод № 175 провел капитальный ремонт отопительной системы госпиталя № 3990; в г. Джамбуле шефские организации отремонтировали здание госпиталя, построили сушилку и прачечную; в г. Чимкенте Всесоюзная Академия архитектуры, Пединститут и Свинцовый завод установили душ, отремонтировали операционную, окрасили палаты [27].

Зачастую передислокация госпиталей в тыл проходила в тяжелейших условиях, эвакуировали людей, бросая медицинское оборудование. Одним из насущных вопросов на организационном этапе стал недостаток физиотерапевтической аппаратуры, травматологического оборудования, рентген-пленок и некоторых хирургических инструментов (кровоостанавливающих зажимов, кишечных игл, костных инструментов). Отсутствовали наборы нейрохирургической и челюстно-лицевой хирургии. Госпитали нуждались в перевязочном

материале,[1*] гипсе, наркозе, спирте. Ощущался недостаток медикаментов: стрептоцида, сульфидина, рыбьего жира, кофеина и глюкозы и др. [20, л.247-252]. Снабжение аптекоуправлением было недостаточное. Плохо обстояло в госпиталях с бельем, в наличие имелось только [1,5]–2 смены белья, что было недостаточно для обеспечения нормальной работы. Кроме того, за годы войны износился конный транспорт. [27, л. об. 5, 16.]

Принимались меры к изысканию на месте медицинского имущества, но этого было недостаточно, требовалась помощь союзного Наркомздрава. Зачастую выручали шефы. В Джамбулской обл. на оборудование было собрано 96 227 руб. По неполным данным силами трудящихся Западно-Казахстанской обл. было изготовлено более 5000 костылей, 127 носилок. Республиканский комитет помощи раненым по Актюбинской обл. передал госпиталям 258 рубашек, 116 кальсон, 168 полотенец, 166 наволочек и 254 подушки [20, с.498].

Государственная экономика не справлялась с задачей обеспечения продовольствием всех нуждающихся. Несмотря на то, что колхозы и совхозы всю продукцию сдавали по обязательным поставкам и порой не могли обеспечить оплату трудодней даже своим работникам, казахстанцы, в первую очередь, старались выделять продукты пациентам эвакогоспиталей.

В Актюбинской обл. было передано госпиталям свыше 100 голов живого скота, в Западно-Казахстанской обл. – 519 голов скота, 12 837 кг мяса, 3271 шт. кур, гусей, уток, 8 т / (3722 и 3364 кг) муки и пшена, 170 кг конфет и сахара, более 1 т /2352 кг масла, 97,5 кг сметаны, 1344 л молока, 7179 яиц, 66 кг сало, 213 кг рыбы [20, л.34].

Судя по справкам, подготовленным военными отделами обкомов партии в ответ на правительственную телеграмму от 12 сентября 1945 г., каждый регион помимо традиционного набора старался порадовать пациентов эвакогоспиталей деликатесами. Шефы Чимкента – свежими фруктами и моченными яблоками, повидлом, сыром, творогом, брынзой и орехами; Кзыл-Орда пополняла рацион раненых рыбой, вином и вяленой дыней.

[1*] В экспозиции музея г. Семей, посвященной госпиталям Великой Отечественной, представлены наборы медицинского инструментария и перевязочного материала, справки о ранениях фронтовиков, комплекс личных документов и наград военного врача эвакогоспиталя Тамары Георгиевны Павловой. [Электронный ресурс]. Режим доступа: В годы Великой Отечественной войны на территории бывшей Семипалатинской области работало 7 госпиталей inform.kz https://www.inform.kz/ru/v-gody-velikoy-otechestvennoy-voyny-na-territorii-byvshey-semipalatinskoy-oblasti-rabotalo-7-gospitaley_a2259981 (дата обращения 30.08.2022).

По сведениям на 30 июня 1942 г. при 19 эвакогоспиталях были развернуты подсобные хозяйства, благодаря которым больные и раненые получали лечебное питание: с ранней весны в их рацион вводилась парниковая зелень, бесперебойно – овощи и свежие продукты животноводства [20, л.166 и об.].

Из личного имущества казахстанцы передавали эвакогоспиталям тарелки, стаканы, графины, патефоны и грампластинки и пр. Аналогичные списки порой доходят до 55 наименований.

Из письма лейтенанта С. Кунанбаева, опубликованного на страницах «Казахстанской правды»: «Чистые, светлые комнаты. На кроватях белоснежное белье, на тумбочках цветы. Это – палаты госпиталя, созданного руками и на средства трудящихся Казахстана. Здесь лечатся раненые бойцы. Отеческая поистине сталинская забота окружает нас. К нам часто приходят товарищи из коллективов рабочих, приносят цветы, папиросы, читают нам газеты, письма. Сколько дружеских чувств проявляют к нам рабочие, служащие, шефствующие над палатами госпиталя!» [28].

В создании нормальных условий, улучшении питания участвовали сотни коллективов, тысячи активистов из комсомола, общества Красного Креста, школ и вузов. Это все и обеспечило возвращения в строй девяти из каждого десятка пациентов госпиталей.

Мероприятия по поддержанию боевого духа выздоравливающих военнослужащих

Роль в деле воспитания патриотизма, поддержания боевого и морального духа у бойцов Красной армии, находящихся на излечении и выздоравливающих пациентов, отводилась политической работе, организаторами, которой являлись заместители начальника по политической части (военные комиссары). Согласно постановлению ЦК ВКП (б) от 12 января 1942 г «О партийно-политической работе в госпиталях Наркомздрава СССР» партийные организации тыловых госпиталей были обязаны встать на учет в местные партийные органы, последние обязывались оказывать повседневную помощь первичным парторганизациям и военкомам госпиталей.

Основными формами политической работы считались политзанятия, беседы, лекции, доклады (политические, военные, исторические, научно-философские, обзорно-познавательные, культурные и др.), читки фронтовых сводок информбюро, художественное обслуживание.

Обретению уверенности в своих силах раненым и выздоравливающим бойцам, снижению психической напряженности с помощью мирной атмосферы праздника способствовали концерты художественной самодеятельности, организованные сотрудниками, школьниками, студентами, выступления профессиональных артистов, чтение классической художественной литературы и новых произведений [29].

В Казахстане в этом были задействованы члены Союзы писателей и художников, сотрудники библиотек. Писатели обсуждали свои сценарии: было организовано 20 встреч раненых с писателями (Михалковым, Жароковым, Паустовским, Квитко и др.) [30, л.247–252].

Раненых обслуживали артисты Оперного театра, ЦОКСа, драмтеатров, филармоний. Шефы снабжали госпитали роялями, баянами, гитарами, балалайками, шашками, шахматами, патефонами и различными настольными играми.

Так, например, в Западно-Казахстанской обл. среди выздоравливающих создали 22 кружка текущей политики, 6 кружков по изучению истории ВКП (б) (650 слушателей), работал семинар при парткабинете обкома КП (б) К, проводились теоретические конференции (17) и собеседования (28), беседы и читки (16 837), лекции и доклады (2379), концерты (артисты филармонии 139, самодеятельные 236), киносеансы (113), скомплектовали 8 библиотек (3379 книг). В г. Уральске получило распространение патриотическое движение: местные жители забирали в семьи выздоравливающих, которые потеряли своих близких в связи с Великой Отечественной войной. На 20 сентября 1945 г. в Уральске дислоцировался санаторий-госпиталь с выздоравливающими ранеными.

«С.М. [Эйзенштейн] рассказал эпизод, как в Алма-Ате его поймала какая-то активная дама из горкома или райкома, и попросила его, чтобы он прочитал лекцию в госпитале. С.М. не очень хотел идти туда, потому что совершенно не знал, что им говорить, и был погружен весь в «Грозного», и ему было не до того совершенно. Тем не менее, он пошел в этот госпиталь и думал, как ему веселить этих людей. Он думал, что увидит перед собой несчастных, замученных, мрачных, в депрессии людей. Но он столкнулся совсем с другим. Он увидел веселых, прыгающих на одной ноге – у кого-то не было двух ног, у кого-то не было одной ноги – но совершенно жизнерадостных людей, для которых кончилась война, а они остались живы. Они были кто без ног, кто без рук, но С.М. не нужно было напрягаться и искать путь как с ними разговаривать. Ему было с ними просто, потому что

он увидел счастливых, жизнерадостных и полных силы, что поразительно, людей» [31].

В дополнение к последнему сюжету цитирую киноактрису Смирнову Лидию: «…мы снимали в госпитале, [располагавшемся в 33-й школе Алма-Аты], […] я впервые увидела раненых бойцов. Кто-то аплодировал одной рукой об руку другого, безногие с костылями. Я читала «Жди меня» Константина Симонова], и мы снимали несколько крупных планов [для фильма «Парень из нашего города», 1942 г. по мотивам одноименной пьесы Константина Симонова]. В т. ч. мы сняли замечательного парня, его звали Вася. Этот Вася был на излечении 7 месяцев, он потерял своих родителей, и когда вышла картина, родители неожиданно увидели крупный план своего сына, которого они уже похоронили и так, через картину они нашли его» [32].

Социальная реабилитация раненых

По сведениям на декабрь 1942 г. раненым была предоставлена возможность обучаться сапожному или портняжному ремеслу, переплетному или парикмахерскому делу, пройти курсы часовых мастеров, мотористов, телеграфистов, машинописи, колхозных счетоводов, налоговых инспекторов, председателей колхозов, фотографов, учителей, электромонтеров и др. Госпиталь № 3582, разместившийся в Доме Наркоматов в Алматы, подготовил несколько ослепших бойцов к поступлению в консерваторию, 11 человек выдержали вступительные экзамены в вузы. Почти весь руководители колхоза им. Сталина – бывшие пациенты, подготовленные к ответственной работе в стенах Алма-Атинского эвакогоспиталя № 3990. Сапожная артель им. Шаумяна также черпала кадры из мастерской, организованной на базе этого госпиталя.

За 11 месяцев 1942 г. по республике было трудоустроено 2362 инвалида Отечественной войны, в частности по Семипалатинской обл. – 223 человека, по г. Алма-Ата – 145 человек, по Северо-Казахстанской обл. – 110 человек, Южно-Казахстанской – 118 человек [30, л.34–37].

К середине 1944 г. из находившихся в республике 81 тыс. инвалидов войны почти 59 тыс. помогли найти работу.

Многогранная деятельность государственных учреждений и населения районов глубокого тыла по оказанию помощи семьям воинов, забота о раненых и инвалидах содействовали укреплению единства фронта и тыла [33].

1. АП РК. Ф.708. Оп.1/1. Д.2. Л.340-351, 354-355. Постановление СНК и ЦК КП (б) К «Об организации приема и размещения прибывающего в Казахскую ССР эвакуирован-

ного населения». 20.07.1941 г., приложение № 2, 3 – План развертывания эвакогоспиталей за счет больниц, санаториев, домов отдыха и других помещений; о расходах по оснащению и приспособлению помещений эвакогоспиталей. Постановление СНК и ЦК КП (б) К «Об изменениях и дополнении постановления СНК и ЦК КП (б) К № 622/б от 20 июля 1941 г.». 28.07.1941 г. / Рассекреченная война: «особые папки» ЦК КП (б) Казахстана. 1941–1945 гг. Сборник документов / Е.М. Грибанова, А.С. Зулкашева, Г.Н. Мурзагалиева, Е.В. Чиликова (ответ). – Алматы: LEM, 2020. – С.73-78, 79.
2. АП РК. Ф.708. Оп.1/1. Д.3. Л.71–72. Постановления СНК и ЦК КП (б) К «О дополнительном развертывании эвакогоспиталей». 31.08, 10, 18.09.1941 г. / Рассекреченная война: «особые папки» ЦК КП (б) Казахстана…указ. соч. – С.113, 117–119.
3. [Электронный ресурс]. История медицины. Эвакогоспитали в годы Великой Отечественной войны. Режим доступа: http://www.rgantd.ru/arh-docs/vov/evakogospitali-v-gody-velikoy-otechestvennoy-voyny/ (дата обращения 27.08.2022)].
4. Эвакогоспитали, развернутые на территории Казахстана в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) / Жакупова М. Тыловые эвакогоспитали Казахстана и республик Средней Азии. – Астана: Елорда, 2005. – С.266-268.
5. АП РК. Ф.708. Оп.1/1. Д.3. Л.146-149; Оп.5/2. Д.193. Л.1. Рассекреченная война: «особые папки» ЦК КП (б) Казахстана…указ. соч. – С.137-139.
6. ГААО. Ф.13. Оп.10. Д.312. [Электронный ресурс]. Режим доступа: Всё для фронта, всё для победы! Актюбинск. Эвакогоспитали | Две ноги, четыре лапы и 4WD | Дзен (yandex.ru) (дата обращения 25.08.2022).
7. [Электронный ресурс]. Режим доступа: Семь госпиталей располагались в Семее в годы ВОВ (inform.kz) (дата обращения 25.08.2022).
8. Сактаганова З.Г. Повседневные проблемы эвакогоспиталей Центрального Казахстана в годы Великой Отечественной войны. Материалы VIII Международной научно-практической конференции. 16 сентября 2016 г. – Алматы, 2017. – С.187-192.
9. [Электронный ресурс]. ГАСКО. Ф.22. Оп.3. Д.327. Такенов Т.Е. Северо-Казахстанская область в годы Великой Отечественной войны. Режим доступа:© e-history.kzhttps://e-history.kz/ru/history-of-kazakhstan/show/9270/ (дата обращения 31.08.2022); Тыловые эвакогоспитали, г. Петропавловск Режим доступа: http://polis.mypiter.kz/istoria_goroda/2015/03/31/tylovye-evakogospitali-g-petropavlovsk.html (дата обращения 14.06.2020). Маликова С.З. Эвакуационные госпитали Петропавловска / История. Память Люди: Материалы X Международной конференции. 23 сентября 2020 г., Алматы, 2020. – С.149-152.
10. Здоровец Н. Эвакогоспитали // Кустанай, – 2005 г. – 26 мая; Архивист (отраслевой информационный бюллетень ГУ «Управления архивов и документацией Кустанайской области) – Костанай, 2005. – С.83-89. Из истории города Кустаная / Сборник документов и материалов – Костанай: ТОО «Костанайполиграфия», 2009. – С.298-299.
11. [Электронный ресурс]. Режим доступа: Кокчетав в годы Великой Отечественной войны. Эвакогоспитали ⋆ Кокшетау Онлайн (kokshetau.online). Сатаева Ж. Спецгоспиталь 1054 Режим доступа: https://e-history.kz/ru/news/show/32633/ (дата обращения 25.08.2022).
12. Болтина В. Шевелева Л. Эвакогоспитали / Поклонимся великим тем годам 1941–1945. – Павлодар: ЭКО, 2010. – С.582-603.
13. Шайкевич-Ильина Т. Санитарные дружины / Пламя Победы: в 3-х т. / ред.: Л.Б. Мананникова, Е.Ф. Брусиловская – Алматы: ИД «Колесо», 2015. – Т.3. – С.279-281.
14. АП РК. Ф.708. Оп.5/1. Д.1137. Л.28−30. Оп.9. Д.1479. Л.12 и об. Оп.6/2. Д.23. Л.247-252. Отчет секретаря ЦК КП (б) К и председателя Республиканского комитета помощи

раненым бойцам и командирам Красной армии Л. Демкина секретарю ЦК ВКП (б) и председателю Комитета по обслуживанию больных и раненых бойцов и командиров Красной армии при ЦК ВКП (б) А.А. Андрееву «О работе Республиканского комитета по обслуживанию больных и раненых бойцов и командиров Красной армии по состоянию на 1 февраля 1942 г.». АП РК. Ф.708. Оп.9. Д.1479. Л.52. Грибанова Е.М. П.М. Пахмурный – преподаватель, комиссар эвакогоспиталя, ученый. / Материалы X международной научно-практической конференции. История. Память. Люди, г. Алматы 23 сентября 2020 г. – Алматы, 2020. – С.329.
15. Книга памяти Казахстана; Сводный том / сост. П.С. Белан, Н. Едыгенов – Алматы: Қазақстан, 1995. – С.320, 323.
16. АП РК. Ф.708. Оп.9. Д.1479. Л.51
17. Там же. Оп.6/2. Д.183. Л.4-6.
18. Гдалий Маркович Варшавский // Енисеева-Варшавская Л. Вычитано и выверено мной окончательно!!! – Алматы, 2019. – С.261-263.
19. [Электронный ресурс] Оразбаков А., Кудайбергенова К.Т. Госпитали в Кызылординской области в годы Великой Отечественной Войны. Режим доступа: https://e-history.kz/media/upload/1299/2015/06/12/7a4608934eb9d79e6b61df6db47403ee.pdf].
20. АП РК. Ф.708. Оп.6/2. Д.23. Сведения, публикуемые через косую линию, приведены в Отчете Республиканского комитета помощи раненым бойцам и командирам Красной армии Комиссии партконтроля при ЦК ВКП (б) на 15 июня 1942 г. ЦГА РК. Ф.1109. Оп.3. Д.87. Л.9–20. Казахстан в период Великой Отечественной войны Советского Союза. Сборник документов и материалов. Т.1. Июнь 1941–1943 гг. / Состав. Б.А. Акжанов, Т.Б. Балакаев, П.С. Белан, Н.Е. Едыгенов, К.И. Желтякова, Н.П. Калита, М.К. Козыбаев, Т.Н. Познякова – Алма-Ата: Наука, 1964. – С.498.
21. ГАПО. Ф.3-п. Оп.1. Д.492. Л.21. / Войной опаленные строки …указ. соч. – Павлодар: ЭКО, 2020. – С.108. [Электронный ресурс] Донорское движение в годы Великой Отечественной войны. Режим доступа: https://donormovement.ru/uchastvui-v-dvizhenii/welcome-donor/donorskoe-dvizhenie-gody-velikoi-otechestvennoi-voiny?ysclid=l7bsovdep2596301605 (дата обращения 25.08.2022).
22. Байкаш Ж.Т., Еркенова А.К. О некоторых сотрудниках медицинских научно-исследовательских институтов г. Алма-Аты: эвакуированных врачах-евреях / Материалы IX Международной научно-практической конференции «История. Память. Люди». 27 сентября 2018 г., Алматы. – Алматы, 2019. – С.208.
23. АП РК. Ф.708. Оп.6/2. Д.23.Л.249. [Электронный ресурс] Шахбазов А. Режим доступа: Как в Алма-Ате спасали раненых в Великой отечественной войне. Уникальные фото (dknews.kz) (дата обращения 25.08.2022).
24. АП РК. Ф.412. Оп.5. Д.92в. Л.141-142.
25. Там же. Ф.708. Оп.9. Д.1479. Л.2 и об.
26. Грибанова Е.М. Эвакуация глазами партийного контролёра / Эвакуация: воскрешая прошлое. Материалы международной научной конференции, Алматы, 30 октября 2008 г. – Алматы, 2009. – С.221-242.
27. АП РК. Ф.708. Оп.9. Д.1479Л.7; Оп.6/2. Д.23. Л.34.
28. Эхо далекой войны. Т.2. / Автор-составитель Мананникова Л.Б. – Алматы, 2020. – С.12.
29. [Электронный ресурс] Аргунова М.П. Режим доступа: Партийно-политическая работа в эвакогоспиталях Алтайского края в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. (cyberleninka.ru) (дата обращения 30.08.2022).

30 АП РК. Ф.708. Оп.6/2. Д.23. Грибанова Е.М. Паустовский в Алма-Ате (к 100-летию со дня рождения) // Отечественные архивы (г. Москва) –1992– № 2– С.83–90. Чиликова Е.В. Еврейские литераторы в Казахстане. Штрихи к биографии одного из «других» – Пинчевского М.Я. // Материалы VIII Международной научно-практической конференции 16 сентября 2016 г. «История. Память. Люди». – Алматы, 2017. – С.99–111

31 Гонопольский И.М. Рукопись книги «Эйзенштейн в Алма-Ате. Послесловие» по фильму «Эйзенштейн в Алма-Ате. 1941–1944».

32 [Электронный ресурс]. Режим доступа: К столетию Лидии Смирновой: "В Алма - Ате не было одиночества" ⊳ zakon.kz. (дата обращения 21.09.2022).

33 История Казахстана. Т.4. …указ. соч. – С.518. См. [Электронный ресурс]. Режим доступа: Как появился миф, что Сталин ссылал инвалидов войны на Соловки | Пикабу (pikabu.ru) (дата обращения 21.09.2022).

Сырлыбаева Г.Н.

Яны-Курган в жизни и творчестве эвакуированных художников

В годы эвакуации Союз советских художников КазССР мобилизовал все свои ресурсы для организации быта и творчества мастеров искусства. В ходе работы использовались различные организационные формы, направленные на стабилизацию художественного процесса, как уже ставшими традиционными – коллективные и персональные выставки, так и новые, порожденные особенностями исторической ситуации. Союз художников начинает активно взаимодействовать с военкоматами, воинскими частями и госпиталями, базировавшимися в Алма-Ате и за ее пределами. С этой целью в годы войны была организована оборонно-шефская секция, которая впоследствии была преобразована в военно-шефскую комиссию. Опыт оказался положительным, и комиссия еще долго, уже в послевоенное время, продолжала свою работу. В 1940-е гг. ее председателем был назначен Ефим Абрамович Гольдштейн (1893–?), живописец, прибывший из Харькова.

В чем же заключалась деятельность комиссии? В работе с воинскими частями художники в основном занимались оформительской деятельностью. Формировались небольшие бригады из двух-трех человек. Основные виды творческой работы – выпуск стенгазет, боевых листков, написание лозунгов, агитационных стендов, плакатов, карты военных действий. Особое внимание уделялось созданию портретов руководителей государства, маршалов и др. Из практики военных лет известно, что художники оформляли также «красные уголки», библиотеки, рисовали наглядные пособия.

Примером может служить справка, выданная художнику, эвакуированному из Ленинграда, Регине Васильевне Великановой (1894–

1972), в том, что она с 14 апреля по 21 июля 1944 г., заметим, что это не маленький срок, находилась в Джаркентском погранотряде на шефской художественной работе [1, л.21].

Отличился художник Александр Риттих (1889–1945), уехавший из Алма-Аты в Москву в 1938 г. на оформление первого павильона Каз-ССР на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке, но в 1942 г. вернувшийся в эвакуацию. Он создал для воинской части ряд полноценных художественных произведений большого формата. Таким размахом его творчество отличалось и в довоенный период: «Член Вашего Союза художник Риттих А.А. провел в воинской части п/я 180 за период с осени 1942 г. следующую работу: 1. Написаны 14 текстуальных щитов. 2. Задник для сцены клуба. 3. Картины «Объявление Казахстана союзной республикой (доклад т Сталина – 12 кв. м), 4. «Переходящее Красное знамя» – 10 кв. м, 5. «Последняя граната («28»)» – 6 кв. м, «Атака» – 2.20х175. Работа т. Риттихом производилась безвозмездно. За хорошую помощь товарищу Риттих объявлена благодарность в приказе по Средне-Азиатскому военному округу» [2, л.11]. К сожалению, местонахождение этих картин на сегодняшний день установить не удалось.

Своей деятельностью военно-шефская комиссия охватывала и госпитали. Но характер работы с этими учреждениями несколько отличался, имел свою специфику. В данном случае, кроме оформительской работы, предполагалось личное общение, прямые контакты с военными, находящимися на излечении. Художники устраивали выставки, беседовали с ранеными, рассказывали о своем творчестве и мировом искусстве.

Из дневника Регины Великановой становится известно, что она была частым гостем в госпитале. Как и другие художники, давала уроки рисования желающим из числа раненых, выполняла портреты по их просьбе. Информацию дополняет справка: «Выдана художнику Великановой в том, что к 25-летнему юбилею РККА для 5 хирургического отделения госпиталя она выполнила следующую работу: 10 портретных зарисовок с участников боев у Сталинграда для выставки в отделении и смонтировала сама выставку (портреты членов правительства, маршалов, представителей высшего командования и упомянутые зарисовки). Работа выполнена с истинным усердием и полностью нас удовлетворяет. 27 марта 1943. Начальник 5 хирургического отделения» [2, л.9].

Этой работой была охвачена большая группа художников. В госпитале № 3990, который функционировал на ул. Амангельды, работали художники Н. Карповский, О. Кужеленко, И. Савельев (портрет Сталина, стенгазеты, лозунги). Кстати отметим, что Наум Павлович Карповский (1907–1978) в апреле 1944 г. за вклад в развитие изобразительного искусства Казахстана был удостоен звания Заслуженного деятеля искусств КазССР.

В госпиталь по ул. 8 марта были направлены А. Костомолоцкий, И. Шпинель, Ф. Болкоев, М. Аксельрод. Результат их работы – стенгазета, лозунги, аппликации на занавесах в клубе.

И. Бойченко, А. Бортников, Ф. Ардатов для госпиталя № 426 (ул. Фурманова) создали целую портретную галерею маршалов Советского Союза – А. Василевского, Б. Шапошникова, К. Ворошилова, Г. Жукова, С. Буденного, С. Тимошенко. Работали и по выпуску боевых листков.

Уникальная работа была сделана и для госпиталя № 3582 (пр. Сталина) – 20 акварельных листов на тему «История военной одежды русского воина от Ивана Грозного по настоящее время» – автор Е. Гольдштейн. Команда, объединившая художников из Киева, Ленинграда, Харькова, Алма-Аты – А. Черкасского, Л. Леонтьева, Р. Великанову, Х. Белявского. И. Рыка, выполнила 22 портрета бойцов инвалидов-защитников Сталинграда. Здесь же работал и В. Стерлигов, оформивший для 4-го хирургического отделения стенгазету [2, л.30].

Перед художниками С. Уманским и Ф. Беренштамом была поставлена задача по оформлению госпиталя погранвойск НКВД. Результат работы – стенгазета, лозунги, барельефы с изображением Ленина, Сталина.

Поскольку художники активно сотрудничали с военными госпиталями – выступали перед ранеными, проводили беседы об изобразительном искусстве, показывали свои работы, Народный комиссариат здравоохранения принял решение о помощи СХК и направлял бесплатно на курорт в Яны-Курган больных и слабых художников. По этому поводу Н.С. Мухин писал: «Впервые эвакуированные художники увидели собственными глазами бытовую жизнь казахского народа. Будучи в Яны-Кургане, они иногда в одиночку, а иногда группами уходили далеко в степь, побывали в аулах, у чабанов в казахской степи. Вот почему на отчетных, да и на больших республиканских выставках, можно было видеть бытовые сценки из жизни казахской семьи, зарисованные приезжими художниками» [3].

Санаторий Яны-Курган был основан еще в 1918 г. и являлся одним из старейших грязевых курортов Казахстана. Он находится в Кзыл-Ординской обл. вблизи г. Туркестан на берегу р. Сыр-Дарья. В годы Великой Отечественной войны санаторий работал как военный госпиталь. Здесь находились на излечении солдаты и офицеры, получившие ранения на фронте. «На основании постановления Совнаркома Казахской ССР от 12 декабря 1942 г. № 581 «Об организации специализированной больницы для долечивания раненых бойцов Красной армии, отпущенных в краткосрочный отпуск» с 15 декабря 1942 г. в пос. Яны-Курган Кзыл-Ординской обл. была организована специализированная больница на 300 коек с применением грязелечения. Этой больнице передано имущество и медицинский персонал расформированного эвакогоспиталя № 3980, а также подсобное хозяйство курорта Яны-Курган» [4].

В основном, художники находились в санатории в 1943 г. Кто же побывал в Яны-Кургане? Имена художников удалось установить по редким архивным документам и спискам работ, которые экспонировались на выставках военной поры.

Особенно хотелось бы отметить вклад в развитие этой темы Валерия Всеволодовича Каптерева (1900–1981), московского художника, неоднократно приезжавшего в Казахстан еще в довоенное время. В фондах ГМИ РК им. А. Кастеева находятся несколько этюдов, созданных во время пребывания в санатории. Этюды создавались с натуры, но это не исключало экспериментаторского подхода в использовании изобразительных средств. Обращают на себя внимание два этюда, близких по экспрессивной манере исполнения, передающих эмоциональное состояние художника, созданных, как говорится, «на одном дыхании» – «Аул», «Днем в ауле». Зной как будто расплавляет четкость предметов, превращая и землю, и небо, и поселок с живущими в нем людьми, в единое живописное пространство, из которого «выплывают» силуэты, очертания саманных приземистых построек, фигурки животных, людей, присевших в тени домов. В музейной коллекции работ Каптерева выделяется еще одна пара яныкурганских этюдов, связанных общностью стилистической манеры, живописного решения и композиционного построения – «На хозяйственном дворе» и «Казахский мотив». Жизнь идет своим чередом перед взором художника и в этот естественный процесс он не вторгается, не стремится сделать какие-либо акценты, выделить главное, основное. Жизнь как она есть – вот, что важнее для художника в по-

добных композициях. Без предварительного рисунка, он пишет-рисует сразу кистью, не вдаваясь в конкретику, детали, подробности. И в этих прикосновениях краски к картону ощущается колоссальная энергетика художника.

В 1943 г. в Алма-Ате состоялась персональная выставка художника, своеобразный отчет о проделанной работе. На обсуждении выставки В. Каптерева присутствовали И. Гурвич, Л. Леонтьев, В. Стерлигов, М. Аксельрод, А. Черкасский, М. Левин, А. Бортников, З. Назыров и др. В основном это были положительные отзывы, хотя высказывались и критические замечания. Основная тематика представленных работ, а это сорок произведений (!) – Казахстан, в т. ч. были показаны и пейзажи Яны-Кургана. Московский живописец Меер Аксельрод высказал свое мнение о произведениях коллеги по живописному цеху: «Во многих вещах у него интересно и своеобразно сочетаются элементы декоративности и живой натуры. Декоративность, впрочем, тоже идет от наблюдения живой природы и, думается, что Каптерев терпит неудачу там, где он изменяет эту точку зрения. В его превосходных пейзажах Яны-Кургана элементы декоративности и природы сочетаются. Если он эти черты разовьет и дальше, то при новых впечатлениях, у него родятся хорошие вещи» [3].

На 2-й Республиканской выставке, посвященной Великой Отечественной войне, состоявшейся в июне 1943 г., особенное распространение получил жанр пейзажа. Разнообразная природа окрестностей Алма-Аты, самого города и в целом Казахстана, увлекла художников. Этот факт был отмечен и Д. Митрохиным, автором вступительной статьи к каталогу этой значимой выставки. В частности, он писал: «Большой и заслуженный успех выпал на долю московского художника М. Аксельрода, выставившего ряд прекрасных пейзажей Яны-Кургана и других крайне интересных работ. Его пейзажи отличаются своим правдивым певучим колоритом» [5, л.5].

Меер (Меир) Моисеевич Аксельрод (1902–1970) – московский художник, последовательно разрабатывавший еврейскую тему в своем творчестве: иллюстрировал книги еврейских авторов, оформлял спектакли в еврейских театрах и т. д. Оказался в эвакуации в Алма-Ате в 1941 г. С началом войны был мобилизован, но отозван Сергеем Эйзенштейном для работы над фильмом «Иван Грозный», съемки которого проходили в столице Казахстана. И уже на первой же выставке 1942 г. показал свою серию произведений «Зверства фашизма» – 6 листов, выполненных в технике гуаши: «Вешатели», «Кровь за

кровь», «Палачи», «Насильники», «Убийцы и грабители», «Угнетатели». В следующем, 1943 г. на республиканской выставке художник представил уже 12 пейзажных этюдов и 4 композиции с изображением раненых в палате, созданных в Яны-Кургане, а возможно и в госпиталях Алма-Аты. «Меир не был бы самим собой, если бы не воспользовался возможностью отразить в своих работах то для него новое, во что окунула его судьба. Незнакомый быт, иные жизненные ритмы, непривычная цветовая среда способствовали обострению живописного восприятия. Лирические, несколько созерцательные настроения характерны для среднеазиатского цикла акварелей и гуашей Аксельрода. Но к этим же годам относятся и выразительные зарисовки раненых солдат в госпиталях, образы которых мужественны и естественны, полностью лишены какой-либо позы. Серия Аксельрода «В военном госпитале» (1942), созданная в Алма-Ате и Яны-Кургане, не велика по объему, но это подлинный художественный документ времени» [6]. К сожалению, работ этого замечательного художника в фондах казахстанского музея нет. В конце 1970-х шла активная переписка директора КГХГ им. Т. Шевченко Любови Георгиевны Плахотной с вдовой художника писательницей Ревекой Рувимовной Рубиной-Аксельрод на предмет организации в Алма-Ате персональной выставки. Она писала Плахотной: «Меня очень трогает Ваша забота о художественном наследии Аксельрода» [7, л.9,11].

Дело в том, что в галерее в те годы существовала практика проведения выставок художников, в частности тех, кто работал в Казахстане в 1930–1940-е гг. Цель подобных мероприятий – не только познакомить алмаатинского зрителя с творческим наследием талантливых, но уже забытых и порой «запрещенных» художников, получивших клеймо формалиста, но и приобрести для своей коллекции их произведения. Уместно вспомнить подобные выставки М. Гайдукевича, Л. Литвиненко, Р. Фалька. Организации подобных выставок предшествовала порой длительная переписка с авторами или наследниками, как и в случае с Аксельродом. Р. Рубина писала: «…нужно побогаче представить Казахстан, что я и собираюсь сделать. …Работы я дам только из своей коллекции. Надеюсь, они достойно представят Аксельрода художника. Мечтаю, чтобы выставка в Алма-Ате состоялась» [7, л.12, 13].

Но увы. Министерство культуры КазССР выставку не утвердило. Полагаем, что этот факт мог повлиять и на возможность приобретения произведений.

Но «черно-белое» представление о работах замечательного художника все-таки можно составить по сохранившимся фотографиям. Они дают возможность воссоздать композиционные и пластические особенности творческой манеры Аксельрода. Несколько фото находятся в личном фонде Л.Г. Плахотной, а также и в архиве автора статьи – несколько фотоизображений, выполненных в годы эвакуации на выставках того времени. Сюжетные композиции, изображающие раненых в палатах, выполнялись и в 1942 г. во время творческой работы в госпиталях Алма-Аты, и в 1943-м в санатории Яны-Кургана.

В Яны-Кургане М. Аксельрод вдохновлялся сценами из бытовой жизни казахского аула, стремился передать неспешность бытия его жителей. На бумаге акварелью и гуашью художник изобразил своеобразную архитектуру домов в казахском ауле, повседневные заботы жителей, в основном женщин, которые готовят пищу, ставят самовар, доят корову. Разнообразие привносят изображения животных, свободно разгуливающих по улочкам аула – трогательных осликов, собак, овец. Южная степная природа – земля без начала и без конца. Свободная кисть моделирует форму, пространство, определяет взаимоотношения земли и неба и, как объединяющее звено – жизнь людей между этими безграничными пространствами.

Союз художников Казахстана в годы эвакуации стремился организовать отчетные выставки эвакуированных художников, многие из которых не имели такой возможности в довоенный период. Так случилось и с М. Аксельродом. Его первая персональная выставка, которую он «разделил» с Б. Дубровским-Эшке, состоялась в марте 1943 г. На ней также демонстрировались яныкурганские работы.

Процитируем еще раз строки вступительной статьи Д. Митрохина, написанной к неизданному каталогу 2-й Республиканской выставке 1943 г.: «Обращают на себя внимание и работы Воинова, Стерлигова, Великановой, Ушакова и др.» [5]. Упомянутые художники, кроме Р. Великановой, также побывали в Яны-Кургане и экспонировали работы, созданные в санатории.

Яныкурганская серия ленинградского художника Татьяны Глебовой (1900–1985) представлена в собрании ГМИ им. А. Кастеева двумя акварелями – «Мазанка и верблюд. Яны-Курган», «Женщина в степи». Стилистика этих произведений несколько иная. Отталкиваясь от натурных наблюдений и впечатлений, художник аккумулирует свои впечатления в более обобщенных формах, утрирует масштабные соотношения, отказывается от детализации изображения, стремится со-

здать выразительный образ Востока. В акварели «Мазанка и верблюд. Яны-Курган» она изображает основные приметы казахского аула, которые на ее взгляд и определяют его характерные черты, его облик. Это своеобразные саманные жилища с маленькими окнами и высокими трубами. Это и величественный верблюд, чья голова на грациозно изогнутой шее, возвышается над домиком. И конечно, фигуры женщин, занятых повседневным трудом, сидящих прямо на земле. Неба не видно: линия горизонта уходит за пределы листа. Все эти изображения объединяются фоном – желтым цветом степной земли. Во второй акварели она использует для выражения основной идеи еще более лаконичные приемы, добиваясь создания образа «степной мадонны». На фоне пустынного пейзажа – безмятежно спящая женщина, из-за спины которой выглядывает голова маленького мальчика, «степного ангелочка», согнутые в локтях руки которого напоминают маленькие крылышки.

Владимир Стерлигов (1904–1973) предоставил на выставку три работы – «Яны-Курган. Озеро в степи», «Яны-Курган. Деревья у озера», «Яны-Курган. Степь». Всеволод Воинов (1880–1945), ленинградский художник – «Аул», «Степь», «Юрта», «На окраине». Василий Ушаков (1905–1996), о котором мы уже писали в предыдущих публикациях [8], экспонировал девять пейзажей Яны-Кургана [5].

Побывал на южном курорте и Заслуженный деятель искусств Андрей Никулин (1878–1945), живописец, художник театра и кино. В 1944 г. планировалось подготовить второй номер журнала «Художник Казахстана». Первый номер был напечатан на пишущей машинке в 10 экземплярах. В новый номер Никулин для раздела «Художники о своей работе» написал небольшое эссе, своеобразный отчет о характере своего творчества, в частности и о произведениях, созданных во время пребывания в Яны-Кургане. Приводим текст полностью: «Героика Великой Отечественной войны советского народа, великолепнейшие виды Казахстана были дважды основными темами моих прошлогодних работ. Крупнейшей из них явилось большое композиционное полотно «Истребители танков»», находящееся ныне в Республиканском краеведческом музее в Алма-Ате. Казахстанскому пейзажу посвящены 16 этюдов Яны-Кургана, 5 этюдов Каскелена и одна картина маслом «Горный пейзаж», не считая ряда мелких эскизов и рисунков. Одновременно я выполнил ряд работ по заказу Центральной объединенной киностудии для кинокартин: «Иван Грозный», «Воздушный извозчик» и др. В данное время я усиленно работаю над

картиной, посвященной подвигам наших славных партизан, в основу я взял эпизод, действительно имевший место, когда в ночь под Новый год партизаны неожиданно напали на гитлеровцев, уничтожив до единого… Наряду с этим я работаю над портретом Амангельды Иманова, героический образ которого является вдохновляющей темой для художника» [3].

Даже находясь на лечении, художники не отказывались от помощи по оформлению санатория. Об этом сообщается в приказе по спецбольнице Яны-Кургана от 11 мая 1943 г: «Художникам Никулину, Лизогуб, Аксельроду, Болкоеву, Каптереву, Рык под руководством художника Беседина, находящимся на излечении в спецбольнице, администрация выносит глубокую признательность за выполненную работу по худоформлению. Главврач Богословский» [9, л.26–27].

Художники поработали над проектом и оформлением арки спецбольницы, написали портреты, несколько монументальных панно размером 180х120 для украшения больничных интерьеров – «Гранатометчик», «Волейбол», «Рыбная ловля», «Летчики», «Шахматисты» и др., а также натюрморты и пейзажи. Единственный в творческой бригаде скульптор из Харькова Иосиф Львович Рык (1897–1958) выполнил фигуру «Физкультурница» высотой в 2,5 м.

О том, какую высокую оценку получили яныкурганские работы художников, в частности М. Аксельрода и С. Беседина, свидетельствует тот факт, что многие из них были отправлены на выставку произведений художников союзных, автономных республик и областей РСФСР, которая состоялась в 1944 г. в Музее искусства народов Востока в Москве.

1. ЦГА РК. Ф.1760. Оп.1 доп. Д.124.
2. Союз советских художников. Справка. ЦГА РК. Ф.1736. Оп.1 Д.141.
3. Картотека Н.С. Мухина. Отдел изобразительного искусства Казахстана. ГМИ РК им. А. Кастеева.
4. [Электронный ресурс]. Режим доступа: Лечебная деятельность эвакогоспиталей**.** http://bibliotekar.kz/tylovye-yevakogospitali-kazahstana-i-res/lechebnaja-dejatelnost-yevakogospitalei.html) (дата обращения 19.09.2022).
5. Великая Отечественная война. Республиканская художественная выставка. Каталог. 22 июня 1943 / Автор вступительной статьи Д. Митрохин. Рукопись. Картотека Н.С. Мухина. Отдел изобразительного искусства Казахстана. ГМИ РК им. А. Кастеева.
6. [Электронный ресурс]. Режим доступа: Островский Г. Еврейский художник Меир Аксельрод. http://meir-akselrod.com/stati/grigorij-ostrovskij-evrejskij-xudozhnik-meir-akselrod (дата обращения 19.09.2022).
7. Письма и открытки Р. Рубиной. Переписка с Л.Г. Плахотной. ЦГА РК. Ф.2114. Оп.2. Д.206.

8. Сырлыбаева Г.Н. Жизнь и творчество художников из Ленинграда, эвакуированных в Алма-Ату. 1942–1945 гг. // История. Память. Люди. Материалы VI международной научно-практической конференции. 18 октября 2012, Алматы. – Алматы, 2013. – С.150-151.
9. Материалы о работе оборонно-шефской секции. Приказ по спецбольнице. Яны-Курган. 11 мая 1943. ЦГА РК. Ф.1736. Оп.1. Д.141.

Жураева Ш.Х.

Статистические сведения о сети медицинских учреждений Узбекистана в годы Второй мировой войны

В годы Второй мировой войны (1939–1945) многонациональный народ Узбекистана проявил большое мужество и стойкость на полях сражения и в тылу, внеся достойный вклад в обеспечение победы над фашизмом. Из более чем 1,5 млн узбеков, принимавших участие в войне, погибло более полумиллиона, пропало без вести около 133 тыс., более 60 тыс. человек вернулись инвалидами [1, с.2].

В тот чрезвычайно трудный период Узбекская республика стала мощной базой снабжения армии, промышленные предприятия были приспособлены к военной сфере, их деятельность была направлена на нужды фронта. Жители республики мобилизовали все свои силы и возможности для восстановления более 100 заводов и фабрик, эвакуированных в Узбекистан.

Сведения о героизме и мужестве узбекского народа, его вкладе в достижение победы в этой войне хранятся в настоящее время в архивах Узбекистана. В частности, в Национальном архиве Узбекистана научно-технической и медицинской документации имеются фонды, содержащие важные материалы, касающиеся истории военных лет. Следует отметить, что в Узбекистане особое внимание уделяется не только хранению этих документов, но и их исследованию, публикации научных работ, основанных на документальных архивных источниках.

В архиве имеются материалы, связанные со сферой здравоохранения, которые встречается как в общих фондах организаций, так и в личных фондах. Факты, содержащиеся в документах, свидетельствуют о самоотверженном труде и высокой гуманности врачей и других работников медицины, вылечивших тысячи раненых бойцов, а также жителей тыловых регионов, внесших свой достойный вклад в дело Победы.

В целях ознакомления с работой медицинских учреждений и кадров Узбекистана в годы войны, приведем статистические сведения из

архивных источников, отражающие работу системы здравоохранения в республике в военные годы.

В документах, созданных в 1943 г., приводятся сведения о количестве, характере деятельности, специфике медицинских учреждений и медработников, а также о состоянии кадров медицинских работников и работе с ними по УзССР. Так, становится известно, что весной 1943 г. в республике работало 4817 врачей, на каждого врача приходились по одной или две должности. За исключением 236,5 должностей, остальные были замещены врачами. Значительная часть незамещенных должностей из 236 приходилось на города, откуда больше всего врачей уходили в ряды Красной армии и, таким образом, освобождались еще должности. Следует отметить, что, в основном, по областям и районам врачебные должности, за редким исключением, замещены врачами. Часть врачебных должностей освобождалась вследствие проводимой реэвакуации врачей в освобожденные области и по вызовам Союзнаркомздрава в Москву и Московскую обл. По данным на 1 марта 1943 г. из УзССР реэвакуирован 361 врач.

Реэвакуация врачей на Украину была временно приостановлена, на Северный Кавказ и в Сталинградскую обл. продолжалась [2, л.2-3].

По данным на 1 марта 1943 г. по республике из 9 из 10 областей утверждены зав. облаздравотделов. В 25 городах должности заведующих горздравотделов были замещены, из них 21 кандидатура утверждены. Из 134-х зав. райздравотделов утверждены 95 [2, л.4].

Штатные должности эпидемиологов по республике были укомплектованы врачами на 93,3%, а бактериологов – на 100%. Необходимо отметить, что напряженное положение в республике с инфекционными заболеваниями в военный период потребовало от Наркомата здравоохранения Узбекистана привлечения на эпидемиологическую работу в республике специалистов – научных работников УзИНЭМ, новые кадры – 22 врача – готовились Институтом усовершенствования врачей. Кроме того, в помощь эпидемиологическому сектору на места были направлены бригады врачей из Ташкента. Среди эпидемиологов республики работало немало эвакуированных врачей.

В документах отмечается, что в штатах здравотделов должность государственного санитарного инспектора не предусмотрена, т. к. его функции выполнялись врачами санэпидстанций. В составе санэпидстанций, по данным на 1 января 1943 г. работал 291 врач и государственный санитарный инспектор (Г.С.И.) (без Хорезмской обл. и КК АССР). Штатных должностей Г.С.И. 237,5; занятых долж-

ностей 237,5; пом. Г.С.И. штатных должностей 296; фактически занятых 275,6.

Врачей санэпидемстанций было всего 248, из них занято 247 должностей. В ряде районов облздравотделы не смогли добиться финансирования врачебных должностей в санэпидстанциях, там работали санитарные инспектора средней квалификации. Санитарное состояние республики требовало от НКЗ особого внимания укреплению как качественного, так и количественного потенциала кадров санитарных врачей. Значительную часть санврачей и Г.С.И. в УзССР составляли эвакуированные специалисты-медики. Также множество должностей Г.С.И. были заняты врачами-стоматологами [3, л.11].

До 1941 г. в УзССР было всего 3–4 врача дезинфекциониста, которые работали в Узбекском институте эпидемиологии и микробиологии. За 1941–1942 гг. в республику прибыли специалисты врачи-дезинфекционисты. В конце 1942 – начале 1943 г. в республике был организован 2-х месячный цикл специализации врачей-дезинфекционистов, через который прошли 10 врачей-дезинфекционистов для УзССР и 11 врачей для соседних республик. Также на краткосрочных курсах было подготовлено 60 дезинфекинструкторов, которые работали в республике [4, л.99].

По детскому здравоохранению в УзССР работало 705 педиатров и 2013 средних медработников, из них патронажных сестер в детских консультациях – 329, в детских яслях – 1455 и в детских поликлиниках – 110 человек. За исключением 13 районов, все детские учреждения республики были укомплектованы врачами-педиатрами. Согласно решению СНК СССР от 27 октября 1942 г. в УзССР были установлены 164 должности горрайпедиатров, укомплектованные квалифицированными педиатрами со стажем до 10 лет. Проводились регулярно в городах 10-ти дневные семинары по повышению квалификации горрайпедиатров и врачей детучреждений.

Состояние кадров по внебольничной сети по данным на 1 января 1943 г. По городам УзССР, 367 городских врачебных участков были укомплектованы 3514 врачами и 313 лицами среднего медперсонала. Частичная неукомплектованность объяснялась недостаточностью ассигнований. В то время как медико-санитарные части и здравпункты оборонных предприятий были полностью укомплектованы медицинскими кадрами врачами и средним медперсоналом с лечебным стажем в среднем до 6–8 лет. Указывается, что в должностях начальни-

ков медсанчастей работали квалифицированные врачи с большим стажем и опытом административной работы [5, л.4].

Все остальные поликлиники обслуживались врачами востребованных специальностей, среди которых имелись высококвалифицированные специалисты-доценты, кандидаты медицинских наук, специалисты с большим опытом и стажем лечебной работы. В поликлиниках также работали консультанты-профессора и доценты сферы медицинских наук.

В годы войны больничная сеть значительно увеличилась: специализированные противовенерические учреждения, противотуберкулезные больницы были укомплектованы необходимыми медицинскими кадрами, но на периферии все же отмечался их недостаток. Расширилась работа по укомплектованию врачами и медперсоналом инфекционных больниц республики. Наряду с этим, отмечались случаи открытых единичных вакантных должностей из-за убыли кадров по реэвакуации или призыва в ряды Красной армии. В этот период 430 сельских врачебных участков по УзССР многократно перекомплектовывались, что также объясняется уходом врачей в ряды РККА или по персональным вызовам Наркомздрава СССР в порядке реэвакуации.

По данным на 1 марта 1943 г., из 4827 врачей в УзССР 2331 – были эвакуированы из различных регионов. За весь период войны в составе врачей произошли существенные изменения. Из основных кадров врачей много молодых и квалифицированных врачей мужчин и женщин ушло в ряды Красной армии. В республику же прибыли эвакуированные врачи, преимущественно женщины с детьми, инвалиды и старики. В результате в состав контингента врачей в УзССР прибыли в большинстве своем, в основном, люди немобильные, вследствие чего отдел кадров Наркомата здравоохранения УзССР испытывал большие затруднения при проведении реэвакуации или передвижении врачей внутри республики на различные участки работы [5, л.114].

Следует особо отметить, что в годы войны одними из главных источников пополнения лечебных учреждений врачебными кадрами являлись Ташкентский и Самаркандский медицинские институты. Из выпусков этих институтов значительное количество врачей поступало непосредственно в ряды Красной армии, а часть направлялась в другие республики. В республике по плану оставался сравнительно невысокий процент врачей этих выпусков, что не покрывало потребности во врачах. Встал вопрос о подготовки кадров врачей из представителей местных национальностей. В связи с этим был намечен

ряд мероприятий: установление при ТашМИ института докторантуры, при ТашМИ и СамПИ открытие аспирантуры для лиц местных национальностей, увеличение числа ординаторов при ТашМИ и СамПИ с закреплением этих кадров за УзССР на время прохождения ими подготовки и для дальнейшей работы.

В заключение следует отметить, что в годы Второй мировой войны руководством республики уделялось внимание для обеспечения медицинских учреждений квалифицированными врачами, работниками среднего звена, другими лицами медицинского персонала. Осуществлялась планомерная и непрерывная работа по укомплектованию сети лечебно-профилактических и санитарных учреждений медицинскими работниками различных профилей, особенно со стажем работы в медицинской сфере 6–10 и более лет, по усовершенствованию их квалификации, по обеспечению как фронтовых, так и республиканских медицинских заведений специалистами-медиками, по подготовке и обучению молодежи в медицинских высших учебных заведениях и реэвакуации их на территории военных действий и других республик. Документы свидетельствуют о самоотверженной профессиональной работе представителей медицинской сферы республики в деле излечения больных, раненых бойцов Красной армии в целях возвращения их к жизни и трудовой деятельности, подчеркивают их высокие патриотические черты, высокую гуманность и твердую веру в победу.

1. [Электронный ресурс] Toshkent Tibbiyot Akademiyasi. Режим доступа: https://tma.uz/ru/ob-akademii/kratkaya-istoriya (дата обращения 02.09.2022).
2. Национальный архив Узбекистана Научно-технической и медицинской документации (НАУз НТМД). Ф.1. Оп.1. Т.1. Д.3463.
3. Там же. Д.3431.
4. Там же. Ф.66. Оп.1. Д.8.
5. Там же. Д.12.

Альтман И.А.

Евреи-беженцы в Азербайджанской ССР (1941–1942)

Для дальнейшего изучения различных аспектов и особенностей эвакуации евреев в Казахстан представляется перспективным сравнительный анализ этих процессов с другими республиками бывшего СССР. Они достаточно интенсивно изучаются в государствах Центральной Азии, прежде всего в Узбекистане. Гораздо меньше документов и фактов введено в научный оборот по республикам Закавказья (Южного Кавказа): Азербайджану, Армении и Грузии. Настоящая статья носит постановочный характер, затрагивая лишь некоторые аспекты темы.

Особый интерес представляет история эвакуации и бегства евреев в Азербайджанскую ССР, прежде всего в контексте спасения европейских евреев-беженцев в мусульманской республике СССР и взаимоотношений оказавшихся там евреев с местным населением. Второй важный фактор: число оказавшихся в Азербайджане эвакуированных и бежавших евреев было значительно выше, чем в среднем по другим республикам и областям СССР. Первым на это обратил внимание Г.А. Куманёв, установивший на основе переписи эвакуированных к февралю 1942 г., что только в Закатальском, Ждановском, Имишлинском и Пушкинском районах Азербайджанской ССР значились 2545 евреев (из 2745 эвакуированных и беженцев). В тоже время, русских – 114 человек, украинцев – 65 человек, 13 поляков. В числе остальных были армяне, татары, молдаване, грузины. В Баку на 1 февраля 1942 г. евреи составляли не менее 30%. Так, в Городской и Дзержинский районы г. Баку прибыло 386 евреев из 1067 указанных в переписи (а также 387 русских, 168 украинцев, 73 армян, 5 грузин, 7 азербайджанцев, 11 поляков, 8 татар и представителей некоторых других национальностей [1].

Именно эти факты стимулировали в 2019 г. инициативу Российского еврейского конгресса по подготовке стационарной и передвижной документальных выставках по теме. И хотя в силу разных причин реализовать ее не удалось, в архивах Азербайджана и России были проведено выявление документов, которые могут быть в перспективе использованы не только для этого проекта, но и при создании в Баку Центра или Музея Холокоста (в 2021 г. Азербайджан стал 40-й страной мира, учредившей согласно решению Генеральной ассамблеи

ООН Национальный День памяти жертв Холокоста – 27 января, приуроченный к освобождению Красной армией лагеря смерти Аушвиц).

По переписи 1939 г число евреев в Азербайджане (41 245 человек, или 1,3% населения) более чем в два раза превышало число евреев в Казахстане (19 240 человек, или 0,3% населения) [2, с.11-12]. Однако к началу Великой Отечественной войны в связи с депортацией беженцев из Польши, отказавшихся принять советское гражданство, и, особенно, после начала плановой эвакуации с лета 1941 г. эта разница существенно сократилась. Именно плановая эвакуация, регламентированная Постановлением СНК и ЦК КП (б) Казахстана от 20 июля 1941г. «Об организации приема и размещения прибывающего в Казахскую ССР эвакуированного населения» [3, с.290] сказалось на динамике и составе оказавшегося здесь еврейского населения. В отличие от Казахстана, эвакуация промышленных предприятий и населения в Азербайджан не могла быть столь интенсивной в силу ожидания наступления гитлеровских войск с целью захвата бакинской нефти. Судя по документам фонда Главного переселенческого управления при СМ РСФСР, в которых содержатся списки эвакуированных на 1 мая 1942 г . летом–осенью 1941 г. в Баку был эвакуирован ряд ростовских предприятий. Так, рабочих и специалистов Ростовского завода 458 расселили в 2 районах Баку: Октябрьском и Городском. Выявлен список из более 100 эвакуированных евреев, размещенных в столице Азербайджана, в котором указаны сведения о составе семьи, специальности и месте работы до эвакуации и в момент переписи с указанием адреса, но без упоминания возраста [4].

В Азербайджан попадали также эвакуированные партийные и советские работники, в т. ч. – евреи, из западных регионов СССР.

Для понимания особенностей эвакуации в Азербайджанскую СССР в 1941 г. нами изучены документы ГА РФ за ноябрь–декабрь 1941 г. В письме в Государственный Комитет Обороны (ГКО) на имя Сталина от 2 ноября 1941 г. заместитель председателя Совета по эвакуации А.Н. Косыгин сообщал о 100 000 эвакуированных из Сталинской, Ворошиловской и Ростовской областей, которых необходимо расселить, в т. ч. на территории Азербайджанской ССР [5, л.212]. Прилагавшийся недатированный проект Постановления ГКО о размещении эвакуируемого населения из Ростовской, Сталинской, Ворошиловградской областей в союзные республики Закавказья предполагал размещение в Азербайджанской ССР 25 000 человек. [5, л.213].

Из переписки по вопросам эвакуации можно сделать предположение, что центральные органы сталкивались с возражением руководства Азербайджана как по количеству предполагаемых эвакуированных, так и ответственности по их транспортировке. С этими цифрами не было согласно не только руководство республики, но и Наркомата морского флота. Возражения были высказаны в письме от 9 ноября 1941 г. 1-го секретаря Компартии Азербайджана М.Д. Багирова и наркома морского флота СССР С.С. Дукельского в ГКО Сталину о невозможности обеспечить судами Каспийской флотилии перевозку эвакогрузов по маршруту Баку–Красноводск в связи с ограниченной пропускной способностью железной дороги и просьбой передать флотилии пассажирские и грузовые суда Астраханской речной флотилии [7].

Вопрос завис на несколько недель. Но в итоге число эвакуированных в республику было снижено. В записке зам. председателя СНК СССР К.Д. Панфилова секретарю Совета по эвакуации М.Р. Кузьмину по вопросу разгрузки Орджоникидзевской ж. д., Махачкалы, Поти, Батуми и Сухуми от 25 ноября 1941 г. с приложением проекта постановления Совета по эвакуации о необходимости получить указание ГКО о расселении эвакуированных в Азербайджане, в Грузии и вообще на Кавказе, отмечалось, что СНК Азербайджана (как и Грузии) возражают против такого числа эвакуированных. К.Д. Панфилов просил принять решение в Москве по размещению эвакуированных, в т. ч. в Азербайджане [8, л.209].

Проект Постановления Совета по эвакуации, который подписали зам. председателя Совета по эвакуации М.Г. Первухин и зам. секретаря Совета по эвакуации Л.И. Погребной, предполагал направление в республики Закавказья 40 000 эвакуированных, «скопившихся на пристани Махачкалы, станциях Батуми, Сухуми, Поти и Орджоникидзевской железной дороги». Из них 10 000 человек предполагалось направить в Азербайджанскую ССР, обязав Совнарком республики обеспечить перевозку эвакуированных до места расселения и организовать трудоустройство: «Обязать Совнарком Азербайджанской ССР обеспечить перевозку эвакуированных до места расселения и организовать трудоустройство. Обязать Совнарком Азербайджанской ССР сообщить Управлению по эвакуации населения в какие пункты, станции разгрузки направлять эшелоны с эвакуируемыми» [5, л.210-211].

В итоге, в Постановлении № С7-183 Совета по эвакуации от 28 ноября 1941 г. (с грифом «Секретно» и за подписью зам. председателя Совета по эвакуации А.Н. Косыгина и секретаря Совета по эвакуа-

ции М.Р. Кузьмина, говорилось о направлении 20 000 из 100 000 эвакуированных, скопившихся на пристани Махачкалы, в Азербайджанскую ССР (кроме г. Баку) с возложением обязанностей по их перевозке на Совнарком Азербайджанской ССР. Но цифра была скорректирована (видимо, после возражений руководства Азербайджана): «В связи с большим скоплением людей в порте Махачкала было решено направить для расселения в сельских местностях в 3 области, в т. ч., в количестве 10 000 чел, кроме района Баку».

В итоге было разрешено направить эшелоны с эвакуированными в Азербайджанскую ССР в количестве 20 000 человек для их размещения, кроме города Баку, но их перевозка была возложена на Орджоникидзевский крайисполком [5, л.207-208].

Число эвакуированных в Азербайджанскую ССР по данным на 1 января1942 г. составляло 15,4 тыс. человек. [7]. По сравнению с основными тыловыми регионами, куда направляли эвакуированных, это сравнительно немного. Но число евреев среди них в процентном отношении было самым высоким, что еще раз свидетельствует, что знание о политике нацистов по тотальному уничтожению евреев вело к их массовому бегству (это проявилось еще в больше степени в ходе второй волны эвакуации и транзита беженцев с Северного Кавказа летом 1942 г.).

Источником информации о национальном, социальном, профессиональном составе этих людей служат списки эвакуированных. В них указывались: ФИО, год рождения, откуда и куда эвакуирован с указанием адреса, национальность, иногда профессия и место работы. Они велись в машинописном или рукописном виде, обычно по районам г. Баку и республики. Делались они, как правило, путем подворного обхода. Естественно, что с учетом постоянных миграционных процессов и степени сохранности архивов, списки эти неполные.

В запрашиваемых различными ведомствами данных об эвакуированных статистика по национальности не требовалась. Лишь иногда она встречается на уровне отдельного района. По трудоустройству статистика велась более тщательно и подробно, но также без разбивки по национальностям.

Тем не менее, сводные источники по районам и населенным пунктам содержат данные о национальности эвакуированных. Процент евреев в них (в дополнение к сведениям, выявленных Г.А. Куманёвым) достаточно велик.

Так, в Пушкинском р-не находились 387 евреев из 417 эвакуированных (93%), в Сальянском р-не – 247 из 275 (89%); в с. Агджабеды – 186 евреев из 224 (83%); в с. Элдар Самухского р-на – 75 из 95(79%). [4/12, Д.84, л.36-43; 47-55; Д.83, л.11]. В этих документах указаны как минимум 19 (преимущественно, крупных) населенных пунктов, из которых бежали или были эвакуированы евреи: Ростов, Симферополь, Керчь, Феодосия, Москва (РСФСР); Киев, Харьков, Дрогобыч, Одесса, Запорожье, Житомир, Николаев, Винница, Днепропетровск, Полтава, Мариуполь (УССР); Вильнюс (ЛитССР), Вайнеде (ЛатССР); Мозырь (БССР) [4/13, Д.84, л.1-5, 9-19, 24-52]. Наличие этих сведений позволяет вести исследования по социальному составу и семейному положению эвакуированных и беженцах, благодаря указанию адреса – выявление устных свидетельств об их контактах и повседневной жизни беженцев. Анализ соотношение городов и эвакуированных предприятий может позволить установить процент именно беженцев. Предварительные данные позволяют предположить, что значительный процент еврейских беженцев составляли жители Ростовской обл.

Отметим, что порт Баку выполнял роль транзитного пункта эвакуации через Каспий в Среднюю Азию. Особую роль он играл летом 1942 г. К сожалению, по транзитным пассажирам официальная велась статистика лишь по численности эвакуированных. По инструкции списки должны были составлять старшие по эшелону, но в условиях военного времени, это далеко не всегда можно было сделать. Кроме того, эшелоны теряли в пути до половины списочного состава. Учет транзитных беженцев через Баку в условиях отступления Красной армии летом 1942 г. практически не велся. Вероятно, часть из них осталась в Азербайджане. В условиях массового бегства даже похороны умерших представляли проблему. По воспоминаниям Л.И. Лернер, ее семья летом 1942 г. бежала из Ставрополья в Баку, но дедушка умер буквально накануне посадки на пароход. Похоронить его не было никакой возможности, власти предлагали сбросить труп в море. Две абсолютно незнакомые женщины-азербайджанки заверили семью, что похоронят старика «по-человечески». Память об этом будущий врач Любовь Лернер пронесла через всю жизнь [8].

Этот факт свидетельствует, что необходим фронтальный просмотр общих книг воспоминаний об эвакуации. Показательна история Зиновия Бекмана, эвакуированного в Азербайджан из Крыма [9]. Важен и анализ опубликованной переписки евреев периода войны. Например, *в письме от 1944 г. Ольги Супрун из г. Золотоноша Полтавской*

обл. семье своего погибшего мужа (его отцу Давиду Юдковскому, сестрам Тусе и Фриде), эвакуированным в г. Баку, которое было переслано писателю И .Эренбургу для «Черной книги» говорилось о его сестре, пытавшейся добраться через линию фронта до столицы Азербайджана: «Гитю Боря встречал, когда ехал домой из плена. Она шла на Лубны и далее хотела перебраться через фронт. …У нее была цель – пробраться в Баку» [10].

Главным, самым полным и уникальным источником информации остаются картотеки Центра розыска и информации Российского Красного Креста, которые, как мы надеемся, будут введены в обозримом будущем в научный оборот.

1. [Электронный ресурс] Куманев Г.А. Война и эвакуация в СССР. 1941–1942 годы. // Новая и новейшая история (Москва), – 2006, № 2. – С.67, 68 Режим доступа: (http://vivovoco.astronet.ru/VV/JOURNAL/NEWHIST/EVACO.HTM#67) (дата обращения 16.09.2022).
2. Distribution of the Jewish Population of the USSR 1939. Ed. by M. Altshuler. – Jerusalem, 1993.
3. Калашникова Н.П. Эвакуация в годы войны: устные истории и новые имена. // История. Память. Люди: Материалы X Международной научно-практической конференции. (23 сентября 2020 г.). – Алматы, 2020. – С.287-295.
4. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф.А-327 Оп.2. Д.83, 84
5. ГА РФ. Ф.Р-6822 (Совет по эвакуации при Совнаркоме СССР). Оп.1. Д.542.
6. Там же. Оп.1. Д.414. Л.18.
7. Там же. Ф.259сч. Оп.40с. Д.3524. Л.16.
8. Лернер Любовь. Эта память высечена в сердце моем. / В кн. «Чтобы помнили. Сборник воспоминаний. / Сост. Е.И. Кипнис. – Иер., 2017. – С.100-104.
9. Эвакуация. Воспоминания о детстве, опаленном огнем Катастрофы. СССР, 1941–1945. – Иерусалим, 2009. – С.73-78.
10. Неизвестная Черная книга. Материалы к «Черной книге» под ред. В. Гроссмана и И. Эренбурга. // Сост. И.Альтман. – М.: АСТ –CORPUS,2015. – С.349.

Аупенова А.У.

Размещение и трудоустройство эвакуированного населения на территории Карагандинской обл.

Начало Великой Отечественной войны помимо ожесточенных боевых действий на фронтах повлекло за собой и масштабную эвакуацию мирного населения из прифронтовых регионов Советского Союза. Этот процесс самым непосредственным образом затронул, и Карагандинскую обл. Казахской ССР, претерпевшую территориальную реорганизацию на основании постановления Президиума ВЦИК от 29 июля 1936 г., в соответствии с которой в Карагандинскую обл. после

ее разделения были включены: г. Караганда с присоединенными к нему сельсоветами; Акмолинский, Вишневский, Кургальджинский, Новочеркасский, Нуринский, Тельманский и Эркеншиликский районы бывшей Карагандинской обл.; Баян-Аульский, Жана-Аркинский, Каркаралинский, Коунрадский, Кувский, Четский районы и пос. Прибалхашстрой бывшего Каркаралинского окр.; Карсакпайский р-н Южно-Казахстанской обл. [1, л.75а]. Как правило, после прибытия на территорию области эвакуированные направлялись для дальнейшего размещения в районы. Так, например, по акту, составленному 28 декабря 1941 г., комиссия в составе секретаря райсовета депутатов трудящихся т. Муканова, уполномоченного по эвакуации по Тельманскому р-ну т. Зябко, начальника районного земельного отдела т. Журавлева, бюджетного инспектора т. Мусабекова и т. Самольянова, составили акт о том, что прибывшие в Тельманский р-н немцы-переселенцы[1*] были развезены по назначению на средства и транспорте колхозов района. Возмещение расходов из полученных средств планировалось следующим образом (таблица 1):

Таблица 1 [2, л.88]

№	Колхоз	Количество семейств	Сумма (в рублях)
1	Красная Заря	57	570
2	Пробуждение	32	480
3	Центральный	180	1800
4	Ленина	105	1050
5	Комхоз	50	500
6	Сталина	27	270
7	Красная Нива	50	750
8	Эдази	105	1050
9	Путь Ленина	73	730
10	Путь к социализму	36	540
11	Трудовик	42	420
12	Сталина	58	580
13	Кирова	37	370
14	Хлебороб	29	435
15	Красный Октябрь	57	855
16	Доскея	22	330
17	Новая жизнь	34	510
18	1-е Мая	63	950
19	Актюбе	25	500

[1*] Речь идет о депортированных немцах.

20	Тегиз-Жол	20	400
21	Экпенды	22	550
22	Жана-Талап	18	360

В соответствии с распоряжением № 6-3/140 от 23 декабря 1942 г. Казкомбанк предложил филиалам финансировать в 1943 г. упрощенное строительство для эваконаселения за счет кредита банка по оформленным обязательствам в 1942 г. кредита плана 1942 г.

Облисполком предложил немедленно принять все меры к освоению средств, отпущенных в 1942 г. и закончить переходящее упрощенное строительство по Тельманскому р-ну, утвержденное его решением за № 273 от 10 ноября 1942 г. В таблице 2 приводится список переселенцев-немцев из Москвы, находящихся в колхозе «Трудовик» и желающих получить ссуды кредита для строительства:

Таблица 2 [2, л.23]

№	Ф.И.О.	Сумма кредита
1	Дик Яков	3000
2	Френклер	2500
3	Ромашкина Д.	2500
4	Кулен Елена	2500
5	Лихтенштейн	2500
6	Шван	3000
7	Зиртц Ф.Ф.	2000
8	Бюнис	2000
9	Шауфлер	2000
10	Каулен Евг.	3000
11	Меркулова	2000
12	Безлер	3000
13	Комарова	2500
14	Кайль	3000
15	Рутц	3000
	Итого	38 500

В решении Тельманского райисполкома от 18 марта 1942 г. № 79 «О трудоустройстве и бытовом обслуживании эвакуированного населения» говорится о том, что председателями колхозов «Красный Октябрь», «Эдази» и «Арыктыкуль» игнорируются постановление Совнаркома и ЦК КП (б) К от 11 декабря 1941 г. и решения райисполкома от 17 января и 13 февраля 1942 г. по вопросу о трудоустройстве и бытовом обслуживании эвакуированных. В частности, не созданы бытовые жилищные условия. Так, в колхозе «Эдази» семьи Бурлак и Гитер живут в холодной сырой комнатке, где систематически отсут-

ствует топливо. В колхозе «Красный Октябрь» жена командира Корсикова с двумя ребятами поселена в комнатку совместно с чужим мужчиной-переселенцем, она же платит хозяйке по 30 рублей в месяц квартплату. Аналогичные факты имеются в колхозе «Арыктыкуль».

Среди замечаний выделяются следующие: вопросом улучшения питания предисполкомов сельсоветов и предколхозов не занимаются, во многих колхозах отсутствует массово-разъяснительная работа среди эвакуированного населения, не проводятся занятия с эвакуированными по вопросу изучения процессов сельскохозяйственных работ и ознакомления с сельскохозяйственным инвентарем, эвакуированные не закреплены за бригадами и в большинстве случаев не имеют постоянного места работы, зачастую бригадиры отказывают в работе, как в колхозе «Красный Октябрь».

По итогам замечаний, райисполком решил за игнорирование вышеуказанных республиканского и районных постановлений по вопросу о трудовом устройстве и бытовом обслуживании эвакуированных, председателям колхозов «Красный Октябрь» и «Арыктыкуль» тт. Матвееву и Гладкому поставить на вид и предупредить, что если они в ближайшие дни не ликвидируют безобразие по бытовому обслуживанию эвакуированных, то будут преданы суду. Для обследования бытового условия эвакуированного населения по колхозам «Эдази» и «Красный Октябрь» необходимо создать комиссию в составе 3-х человек тт. Муканова, Жидебаева и Зябко. Кроме этого, все председатели совхозов и колхозов в обязательном порядке должны были:

- немедленно заняться вопросом улучшения питания эвакуированного населения, выделив соответствующий фонд для этой цели;

- привлекать к работе абсолютно все работоспособное эвакуированное население, раскрепляя их по бригадам, учитывая физическую возможность;

- немедленно провести занятия с ознакомлением процессов сельскохозяйственных работ и ознакомление с сельскохозяйственным инвентарем, одновременно вовлекая их в члены колхоза;

- снабдить эвакуированных топливом, изыскать местные ресурсы и ликвидировать вредную практику о ссылке их собирать бурьяны и отбросы для топлива;

- немедленно до налаживания деятельности детских яслей и садов организовать общественное питание для детей эвакуированных и выдавать готовую пищу на дом.

И что, крайне важно, необходимо было начать сбор вещей и белья для эвакуированных и выдавать в первую очередь крайне нуждающимся [2, л.13 и об.].

В облисполком от райуполномоченного по эвакуации по Тельманскому р-ну Зябко поступила докладная записка, в которой сообщалось, что трудоспособные в колхозах в количестве 180 человек не обеспечены работой по разным причинам. Часть из них, примерно, человек 80 недавно прибыли в колхозы им. Чкалова, «Эдази» и им. Сталина *самотеком,* остальные большей частью за отсутствием обуви и теплой одежды. Квартирами и топливом по колхозам эвакуированные обеспечены удовлетворительно. Все же имелись случаи, когда колхозы не предпринимали хотя бы элементарных мер, и взрослым вместе с детьми приходилось спать на голой земле (колхоз им. Сталина, «Красная нива», «Доскея» и др.). В плане снабжения, кроме хлеба, в абсолютном большинстве колхозов ничего не выдавали. Хлеб или муку выделяли дифференцированно: на работающего 600–800 г, на неработающего 300–400 г. Отдельные колхозы, в частности им. Чкалова, выдавали овощи и приварок, частично молоко ребятам.

Детские сады и ясли по району на указанный период не работали. Райпотребсоюз на начало марта получил несколько пар валенок, белье и сапоги. В целом, удовлетворенность эвакуированных в отношении обеспечения промтоварами и обувью была очень низкая. Полученная мануфактура в размере 700 м, распределена по сельпо и в с. Токаревка для эвакуированных, в среднем по 3 м на семью.

В отношении борьбы с эпидемией принимались меры следующего характера: по решению райисполкома от 17 января 1942 г. (обсуждение вопроса об эвакуированных) в течение 5-ти дней должны были начать работать все имеющиеся в наличии бани и организована сеть жаровых камер, часть бань уже была в эксплуатации. Для охвата работой эвакуированных организация подсобных цехов продвигалась очень медленно. Райземотделы мало уделяли внимания вопросу о вовлечении эвакуированных в члены колхоза, правления колхозов [2, л.14].

Тельманский райисполком в соответствии с письмом СНК КазССР от 24 декабря 1942 г. № 664 по вопросу о порядке выдачи скота с пунктов «Заготскот» эвакуированным гражданам, которые сдали свой скот во время эвакуации, в соответствии с инструкциями облисполкома, дал разъяснения о том, что граждане, эвакуированные из Ленинградской обл., которые при эвакуации сдали свой скот на пункты

«Заготскот» или мясокомбинатам Наркоммясомолпрома бесплатно и получившие квитанции на возврат скота, имеют право получить скот (в живом весе) с пунктов «Заготскота» по месту временного своего поселения. Всем остальным гражданам, эвакуированным из разных областей прифронтовой полосы, имеющим квитанции о сдаче ими скота при эвакуации скот может быть возвращен только по решению союзного правительства. В этом случае эвакуированные граждане имеют право возбуждать ходатайство о возврате им скота через Наркомат мясомолочной промышленности СССР [2, л.33].

Из выписки протокола № 40 заседания бюро Тельманского РК КП (б) К от 13 февраля 1942 г. о выполнении постановления СНК и ЦК Казахстана от 1 декабря 1941 г. «О размещении и трудоустройстве эвакуированного населения», докладчиком выступал Уполномоченный по эвакуации т. Зябко, отмечалось, что постановление отдельными руководителями сельсоветов и колхозов по району не выполнялось. Работа по вовлечению эвакуированных в члены колхозов совсем не проводилась, кружки для изучения отдельных процессов сельскохозяйственных работ и знакомства с сельскохозяйственным инвентарем не организованы. В отдельных колхозах не созданы элементарные бытовые условия. Так, колхоз «Арыктыкуль» не обеспечил группу одиночек-мужчин, эвакуированных из Бессарабии, совершенно раздетых, подходящими жилищными условиями, питанием и какой-нибудь одеждой, несмотря на то, что в колхозе имеется мануфактура и можно изготовить обувь из местного сырья. Кроме этого, эвакуированной женщине с грудным ребенком гр-ке Кащеевой за невыход на работу прекратил выдачу хлеба. Эвакуированный Таников 17-ти лет, потерявший родителей, валялся в конторе, грязный, без присмотра и не использовался на работе.

Колхоз «Красная Заря» вместо проведения разъяснительной агитационно-массовой работы и разъяснения условий работы эвакуированного Кушнира, чтобы его выжить из колхоза под предлогом, что председатель райисполкома его вызывает, отвезли с вещами и бросили в помещении райсовета. Подсобные мастерские для использования специалистов не организованы, не везде регулярно работают бани и жаровые камеры. Кроме этого, не функционируют детские сады и ясли для детей эвакуированных. Исходя из всего вышеизложенного, исполком райсовета депутатов трудящихся и бюро райкома КП (б) К постановили обязать председателей сельсоветов и секретарей первичных парторганизаций провести в жизнь постановление СНК и ЦК

Казахстана от 1 декабря 1941 г. о трудоустройстве и бытовом обслуживании эвакуированного населения. Председатель колхоза «Арыктыкуль» был предупрежден о принятии к нему мер партийного взыскания, в случае продолжения безобразий по бытовому обслуживанию эвакуированных. Во всех колхозах должны были быть организованы курсы для эвакуированного населения по изучению процессов сельскохозяйственных работ, а также ознакомлению с сельскохозяйственным инвентарем, используя для этого агрономов МТС и сельский актив. Наряду с этим должна проводиться агитационно-массовая работа по вовлечению эвакуированных в члены колхоза. Принимая во внимание, что большая часть трудоспособного населения не выходит на работу за отсутствием обуви, в колхозах должно быть организовано изготовление обуви кустарным способом из местного сырья и произведена выдача нуждающимся в счет будущих трудодней. Председатели сельсоветов и председатели колхозов должны быть предупреждены, что если не будут приняты меры к бесперебойной работе бань и жаровых камер, как необходимой профилактической меры против эпидемических заболеваний, то к ним будут приняты строгие меры воздействия. Также отмечалось, что решение исполкома райсовета от 17 января по вопросу организации детских садов и ясель не выполняется. Секретари первичных парторганизаций и председатели сельсоветов должны были проверить на местах и выявить виновников срыва этого мероприятия и в пятидневный срок доложить бюро райкома и исполкому райсовета. Председатели сельсоветов и секретари первичных парторганизаций обязаны были лично участвовать в распределении товаров, полученных через сельпо для эвакуированных, чтобы в первую очередь получили крайне нуждающиеся. На очередной сессии райисполкома предложено председателю колхоза «Арыктыкуль» и заместителю председателя т. Приходько доложиться по вопросу о работе с эвакуированными [2, л.60 и об.].

Председателю исполкома Тельманского райсовета т. Кузнецову направлено распоряжение № 160 от 18 марта 1943 г., в котором приводились следующие факты: «Исполкому облсовета переслано из ЦК ВКП (б) письмо, полученное на имя гр-на Сталина от ученицы Симоновой, проживающей в пос. Дошай Тельманского р-на. В этом письме Симонова пишет, что ее мать умерла в 1940 г., отец в Красной армии. Из прифронтовой полосы она была эвакуирована с детским домом, но по дороге отстала от эшелона и приехала в Карагандинскую обл. Сейчас живет в пос. Дошай, учится в школе, живет в общежитии.

Симонова пишет, что она совершенно разута и раздета, спит на голом полу, что эти условия вынуждают ее бросить учебу. Обращалась к Вам за помощью, Вы написали записку председателю колхоза о выдаче ей валенок, но последний их не выдал. Предлагаем проверить материально-бытовые условия Симоновой и при подтверждении фактов, оказать соответствующую помощь» [2].

Даже на примере этого, относительно небольшого количества приведенных конкретных исторических фактов по Тельманскому р-ну Карагандинской обл., затрагивающих решение таких простых, на первый взгляд, организационно-бытовых вопросов эвакуированных и переселенцев (депортированных) в условиях военного времени, очевидно, с какими трудностями и проблемами сталкивались представители местных органов государственной власти и управления. Причем все это необходимо было решать в очень сжатые сроки под угрозой возможных репрессивных мер воздействия со стороны вышестоящих инстанций.

1. Государственный архив Карагандинской обл. (далее ГАКО). Ф.2. Оп.1. Д.145.
2. Там же. Д.37.

Тохметова Г.М.

Павлодарское Прииртышье: к вопросу об эвакуации

В статье рассматриваются страницы истории Павлодарской обл. в годы Великой Отечественной войны. Архивные материалы раскрывают статистику проведенных операции, число сотрудников в штате, какое количество больных и раненых мог принять госпиталь, какие отделения в госпитале функционировали. Исследование подготовлено на таких документальных источниках как постановление Павлодарского облисполкома о размещении эвакуированных предприятий, докладная записка, в которой содержится отчетная информация о функционировании эвакогоспиталей, а также сведениях о прибытии специализированных кадров, занимавшихся организационной работой на эвакуированных предприятиях.

Из Павлодарской обл. на войну было призвано более 46 тыс. павлодарцев, которые воевали на всех фронтах. Звание Героя Советского Союза в ходе этой войны было присвоено 23 павлодарцам [1, с.141].

Трудящиеся региона оказывали помощь фронту деньгами, продовольствием и другим необходимым материалом. За первые годы вой-

ны колхозники и колхозницы, рабочие и интеллигенция Павлодарской обл. внесли в фонд обороны Родины 34 млн 97 тыс. руб.

Эвакогоспитали

В области функционировали 3 эвакогоспиталя, 2 из них № 2448 и № 2924 – в Павлодаре, № 3604 – в пос. Щербакты.

Под эвакогоспиталь № 2448 были приспособлены следующие здания: два жилых дома, парткабинет, библиотека, два магазина, здание городской больницы, здание школы № 8 и молочного техникума. Госпиталь начал функционировать с 9 ноября 1941 г. Изначально он был рассчитан на 600 коек. На 1 ноября 1941 г. в штате числилось 15 врачей, 13 человек среднего медперсонала, 12 человек административно-хозяйственного и хозяйственно-обслуживающего персонала, 76 младшего персонала. В архивах города отложились следующие сведения: за период ноябрь–декабрь 1941 г. госпиталь принял 593 раненых и 38 больных, всего 631 человек. За этот же период было произведено 93 операции, 14 переливаний крови, 167 гипсований. На 1 января 1942 г. в госпитале числилось 472 раненых и 14 больных, всего 486 человек.

20 марта 1943 г. было получено телеграфное предписание о расформировании госпиталя и передаче больных в один из госпиталей г. Караганды.

Эвакогоспиталь № 3604. был сформирован 14 ноября 1941 г. в пос. Щербакты Цюрупинского р-на силами и средствами Среднеазиатского военного округа [2, с.52]. Из городских архивов и трудов краеведов известно, что госпиталь состоял из следующих отделений и подразделений: управление, партийно-политическая часть, лечебное отделение, приёмное отделение, рентгеновский кабинет, медканцелярия, аптека, канцелярия, хозфинчасть, снабжение, финансовая часть, хозобслуживание и кухня. Число коек штатных – 200, число фактически развернутых – 200. Водоснабжение было налажено горячее и холодное [3, с.599].

Культимущество госпиталя состояло из библиотеки, рояля, двух гармоней, гитар, мандолин и балалаек было каждого вида по четыре, двух комплектов шахмат, двух политических карт мира и 19 портретов [государственных деятелей СССР] [3, с.600].

Из акта обследования Щербактинского эвакогоспиталя № 3604 от 25 апреля 1942 г. следует, что «…на лечении в госпитале находилось 157 человек, из них около 40 человек терапевтических больных».

Расформирования Щербактинского эвакогоспиталя № 3604 было произведено в период с 9 марта по 1 апреля 1943 г. [3, с.602].

Деятельность эвакогоспиталя № 2924 была непродолжительной. На территорию области он прибыл в ноябре 1941 г., а уже в феврале 1942 г. был передислоцирован ближе к прифронтовой полосе. По сведениям, оставшимся в архивных документах, известно, что «госпиталь № 2924 прибывший в г. Павлодар 29 ноября 1941 г., до сих пор развернул лишь 100 коек. Обследованием установлено, что 2-е здание, представленное в распоряжение госпиталя, требует длительного ремонта. Третье здание занято. Таким образом, госпиталь, имеющий задание срочно развернуть 800 коек, до сих пор развернул лишь 100 коек» [3, с.603].

Предприятия, эвакуированные в регион

До войны развитие промышленности в области шло в основном по линии создания промышленных комбинатов и промысловых артелей в городе и районах. Было освоено производство изделий, никогда до этого в области не производившихся: бумаги из соломы, спички, мыло, гончарная посуда, кокс, грубошерстное сукно.

Наряду с перестройкой хозяйственной жизни на военный лад перед областью встала задача: приёма и размещения эвакуированных предприятий, обеспечения быстрейшего ввода их в действие [3, с.443].

2 ноября 1941 г. в Павлодар прибыли 84 человека. Они провели организационную работу для приема и размещения станочного оборудования Тульских центральных ремонтных механических мастерских, которое прибыло буквально спустя две недели, 16–17 ноября [2, с.52]. Решение о его размещение в помещении площадью 675 квадратных метров утверждено совместным постановлением Павлодарского облисполкома и обкома партии 19 ноября 1941 г.

16 ноября 1941 г. из г. Харькова в Павлодар прибыло оборудование меховой фабрики. Фабрика была сдана в эксплуатацию 25 декабря 1941 г., но на полную мощность заработала с 10 января 1942 г. Основная продукция фабрики: тёплая одежда для воинов Красной армии – тулупы, полушубки, меховые жилеты, шапки-ушанки. За первый год работы фабрикой было выпущено продукции на 2681 тыс. руб. [3, с.443].

Из докладной записки председателя облисполкома Ф. Кобланова председателю Совнаркома Казахской ССР Н. Ундасынову от 20 янва-

ря 1942 г.: «В область эвакуированы следующие предприятия: Харьковская меховая фабрика НКЛегпрома и Тульские ремонтные мастерские НКПС. Харьковская меховая фабрика смонтирована и пущена в эксплуатацию на 50%, монтаж продолжается. Основным видом продукции фабрики являются меховые жилеты. Заказ Наркомата обороны на 2000 шт. жилетов выполнен ещё до эвакуации [в Павлодар], а в настоящее время фабрика военного заказа не имеет. Тульские ремонтные мастерские смонтированы, но воензаказов не имеют. Решением обкома и исполкома на мастерские возложено изготовление новых и реставрация запчастей к автомашинам, тракторам и сельхозмашинам».

В область продолжали прибывать эвакуированные предприятия и на их базе организовывались новые производства.

В феврале 1942 г. в Павлодар прибыло оборудование Ленинградского завода художественного литья «Монумент-скульптура». Вместе с оборудованием завода выехали основные кадры в количестве 21 человека, в основном специалисты по художественной формовке, итальянскому и французскому методам литья [3, с.444].

Один из известных памятников г. Павлодара периода Великой Отечественной войны является ныне действующий завод «Октябрь», базой для которого должно было стать оборудование и материалы одноименного завода из Краснодара, но этого не случилось.

В колхозах и совхозах сельскохозяйственная техника оставалась в минимальном количестве, к тому же она нередко простаивала из-за отсутствия запчастей. В этой обстановке и было принято решение организовать производство по выпуску запчастей для тракторов СХТЗ, ЧТЗ, С-60, «Универсал» в Павлодаре.

Завод было решено разместить в приспособленных зданиях. Выбор пал на бывшие торговые ряды, где в то время размещались магазины, склады горторга, меховая фабрика, машиностроительные мастерские и кинотеатр.

В сентябре в Павлодар прибыла группа инженерно-технических работников. Директором завода был назначен Денис Карпович Яловенко. Секретарем вновь созданной партийной организации избрали В. Иванова.

В октябре на площадку будущего завода пришли первые группы строителей. Для приспособления переданных зданий для производства в них срывали полы и бетонировали фундаменты под станки, це-

хи размещались в бывших не отапливаемых купеческих складах и на недостроенной церкви. Так начинался завод «Октябрь».

Московский завод «Станколит» обеспечил «Октябрь» литейной оснасткой для производства корпусов ручных гранат, мин и ротных минометов. Детали для изготовления военной продукции шли под номерами и их названия рабочим не сообщалось. На заводе осуществлялся строгий пропускной режим. Обстановка военного времени усугублялось культивируемой с 1930-х гг. подозрительностью, шпиономанией.

Пробную партию военной продукции изготовили и отправили на фронт, но в 1943 г. в связи с коренным переломом в ходе войны и развертыванием оборонных предприятий, эвакуированных на восток страны, производство военной продукции на небольшом заводе было признано нецелесообразным. «Октябрь» перешел на выпуск запчастей необходимых для сельскохозяйственной техники [1, с.147–149].

Все эти объекты являются памятниками истории Павлодарской обл. На сегодняшний день в зданиях эвакогоспиталя № 2448 работают областной краеведческий музей, специализированная школа «Жас Дарын». Завод «Октябрь» функционирует по сей день, но не в полную мощность. Со временем исторические здания начинают разрушаться. Необходимо рассмотреть вопрос о возможности сохранения этих памятников для будущих поколений.

1. Шевченко С.П. Очерки истории Павлодарского Прииртышья. Часть 2. 20 век. – Павлодар: ТОО НПФ «ЭКО», 2000 г. – 240 с.
2. Хронограф Павлодарской области. 1938–2008. / Сост. Болтина В.Д. (ответ.), Белова В.А., Бобрешова О.В., Макажанова К.Г., Маркунене Н.В., Покидаева Т.Е., Стрелецкая Т.Р., Сулейменова С.Б., Шевелёва Л.В. – Павлодар: ЭКО, 2008. – 544 с.
3. Болтина В.Д., Шевелева Л. Поклонимся великим тем годам – Павлодар: ЭКО, 2010 г. – 726 с.

Шотаев М.Т.

Эвакуация: документы «особых папок» Компартии Казахстана во время Великой Отечественной войны

Массовая эвакуация гражданского населения, учреждений культуры и науки, предприятий в т. ч. оборонных, госпиталей, раненых, военных учебных заведений и обучавшихся в них курсантов, скота в первые годы Великой Отечественной войны на восток страны проходила в тяжелейших условиях. По своим масштабам и срокам не имеет аналогов в истории человечества. Были эвакуированы милли-

оны людей, 2,5 тысячи предприятий, учреждений культуры и науки. Казахстан как источник сырья и материальных ресурсов являлся приоритетным регионом для эвакуированных предприятий. В сжатые сроки нужно было организовать прием и размещение эвакуированного населения, ввести в эксплуатацию эвакуированные заводы и фабрики оборонного значения. Несмотря на масштабность, тема эвакуации в советской, а также в казахстанской историографии в научном плане остается малоисследованной. Причина такого положения документы – материалы, статистические сведения, непосредственно связанные с этой проблематикой, до недавнего времени были закрыты для исследователей.

В военно-исторической литературе до сих пор нет крупных исследований, специально посвященных истории перебазирования производительных сил СССР в 1941–1942 гг. Но те или иные аспекты данной темы нашли свое отражение в работах Козыбаева М. [1], Куманева Г.А. [2], Трушина А. [3], Вознесенского Н.А. [4], Потёмкиной М.Н. [5], Микояна А.И. [6], Чиликовой Е.В. [7], Имангалиева А.Т. [8], Сатаевой Ж.А. [9].

В Архиве Президента Республики Казахстан в документах «особых папок» ЦК КП (б) К, рассекреченных межведомственной комиссией в 2004–2008 гг., отложились постановления СНК и ЦК КП (б) К и приложения к ним, которые отражают будни того времени. Документы с грифом высшей формы секретности и особой важности, так называемые «особые папки», содержат сведения об эвакуации населения, учреждений культуры и науки, предприятий в т. ч. оборонных, госпиталей, раненых, военных учебных заведений в годы Великой Отечественной войны.

20 июля 1941 г. на совместном заседании СНК и ЦК КП (б) К было принято постановление «Об организации приема и размещения прибывающего в Казахскую ССР эвакуированного населения». Этим постановлением для руководства работой при Совнаркоме и областных Советах депутатов трудящихся создавались отделы по приему эвакуированного населения, в обязанности которых входила организация эвакуационных пунктов, контроль за их работой, питанием, медобслуживанием, расселением и другими вопросами, связанными с эвакуацией населения. Также утвердили структуру, штат и ставки заработной платы: для отдела при Совнаркоме КазССР в количестве 7 единиц, при областных исполкомах – 4–6 единиц. Приняли решение о подготовке помещений для приема эвакогоспиталей [10].

2 августа 1941 г. постановлением бюро ЦК КП (б) К «О размещении и снабжении академиков, членов их семей и детей научных работников Академии наук СССР, эвакуированных в КазССР» утвердили вопрос о размещении 800 академиков, членов их семей и детей научных работников на курорте «Боровое» в Щучинском р-не Акмолинской обл. Также предусмотрели бесперебойное снабжение этого контингента продовольственными и промышленными товарами расширенного ассортимента и повышенные нормы для снабжения академиков. Для участия в работе научных учреждений Казахстана в столицу республики – г. Алма-Ата пригласили президента АН СССР В.Л. Комарова и академиков А.Н. Баха, В.А. Обручева и Н.В. Гамалея [11, л.1-2].

В целях обеспечения своевременного приема, размещения и пуска в эксплуатацию эвакуированных предприятий в намеченные Эвакуационным Советом сроки, а также принятия мер по сохранению оборудования, инструмента, материалов, полуфабрикатов и другого имущества перебрасываемых в Казахстан заводов, 23 августа 1941 г. СНК КазССР и ЦК КП (б) К приняли постановление «О приеме, размещении и пуске в эксплуатацию заводов, эвакуированных в Казахстан», что позволило вовремя наладить пуск предприятий для снабжения фронта необходимым снаряжением, обмундированием, боеприпасами и продовольствием. При Совнаркоме КазССР создали группа для установления наблюдения и контроля за проведением мероприятий, связанных с приемом, размещением и пуском эвакуированных предприятий [11, л.68-70].

Работа проходила в непростых условиях, так как центр не учитывал возможности размещения их в Казахстане, среди других факторов можно отметить несогласованность действий Совета по эвакуации при Союзном правительстве с Совнаркомом ЦК КП (б) Казахстана, несвоевременное извещение о процессе эвакуации и отсутствия перечня и характеристик эвакуируемых предприятий. Так например, Совет по эвакуации предлагал одновременно нескольким казахстанским областям подыскать соответствующие помещения для одного и того же завода. Иногда ряд однородных предприятий направлялись в один и тот же город. Например, решениями Совета по эвакуации от 23 августа, 5 и 7 сентября 1941 г. три спиртоводочных заводов направлены на один Джамбулский спиртоводочный завод.

Случалось, что отдельные союзные наркоматы проявляли неорганизованность и самоволие в решении вопросов эвакуации промыш-

ленных предприятий, делая это без учета целесообразности и возможности их размещения. В частности, Наркомат легкой промышленности СССР предложил Наркомлегпрому КазССР принять 36 предприятий, из них 17 предприятий в один только г. Семипалатинск.

По линии Наркомпищепрома СССР поступило 18 вагонов некомплектного оборудования двух Смелянских сахарных заводов. Эти заводы были направлены в г. Воронеж, но в пути переадресованы в г. Джамбул, 13 вагонов оборудования этих заводов разгружены в дороге, на поступившие вагоны отсутствовали документы.

Одна из проблем, лимитирующая освоение эвакуированных предприятий в условиях Казахстана, – острый недостаток электроэнергии. Поэтому ЦК КП (б) К в своем постановлении от 22 сентября 1941 г. просит ЦК ВКП (б) обязать Совет по эвакуации при СНК СССР предварительно согласовывать с Совнаркомом КазССР и ЦК КП (б) К вопросы эвакуации в республику учреждений и промышленных предприятий с учетом целесообразности и возможности освоения предприятий в условиях Казахстана, своевременно информировать о мощности, количестве оборудования, необходимой площади, время отгрузки и сроки восстановления эвакуируемых предприятий, с тем чтобы соответствующие союзные наркоматы обеспечили своевременное финансирование и техническое руководство работой по их освоению эвакуируемых предприятий [11, л.104-107].

Задержки с вводом в эксплуатацию эвакуированных предприятий случались по причине местной исполнительной власти. Многие исполкомы облсоветов и обкомы КП (б) К не выполняли указаний ЦК КП (б) К о ежедневной проверке приема, размещения и пуска в эксплуатацию прибывающих предприятий, не принимали оперативных мер на месте к быстрейшему разрешению вопросов, связанных с освоением эвакуированных предприятий. Например, Наркомлегпром КазССР не обеспечил размещение оборудования и пуска в эксплуатацию Киевской обувной фабрики в Семипалатинске, валяльно-войлочной фабрики в г. Уральске, прибывших в августе 1941 г. Госплан при СНК КазССР не занимался вопросами размещения и освоения прибывающих предприятий в порядке эвакуации, не рассмотрел плана освоения ни по одному из этих предприятий.

Принимая во внимание недостатки ЦК КП (б) К обязал председателей облисполкомов, секретарей обкомов партии систематически заниматься вопросами приема, размещения и пуска в эксплуатацию заводов, эвакуированных в Казахстан, обеспечив безусловное выпол-

нение постановления СНК и ЦК КП (б) К от 23 августа 1941 г. и специального указания ЦК КП (б) К от 2 сентября к этому вопросу. Также предупредил указанных руководителей, что малейшую задержку в освоении этих предприятий, ЦК КП (б) К будет рассматривать как антигосударственное явление и принимать к виновным строгие меры воздействия. Предупредил Наркомпищепром, Наркоммясомолпром, Наркомрыбпром, Наркомтекстильпром КазССР, что за своевременный прием прибывающего оборудования, сохранность его, быстрейшее размещение и пуск в эксплуатацию они несут строгую персональную ответственность [11, л.104-107].

Постановлением СНК и ЦК КП (б) К на территории КазССР были размещены эвакуированные военные школы и учебные заведения: авиационная школа пилотов и пехотное училище (г. Семипалатинск); пехотное училище и 2-я Московская школа военмузыкантов-воспитанников (г. Павлодар); школа пилотов (г. Уральск); военно-ветеринарная академия и авиационная школа (г. Кзыл-Орда); авиационные школы (гг. Петропавловск, Акмолинск, и Караганда); Рязанское артиллерийское училище (пос. Талгар).

Указанные военные школы и учебные заведения были размещены за счет уплотнения областных и городских организаций. Например, для размещения Рязанского артиллерийского училище было освобождено: здание Талгарского сельскохозяйственного техникума: учебный корпус, столовая и общежитие, с общей площадью 2300 кв. м; здание казахской средней школы, расположенный на территорий городка сельхозтехникума – 272 кв. м; здание детского сада Талгарского спиртзавода, занимаемое неполной средней школой, – 707 кв. м; помещение районной библиотеки – 60 кв. м; здания Талгарской школы механизации сельского хозяйства: учебный корпус, два общежития студентов, столовую, общежитие и квартиры преподавательского состава, с общей жилой площадью 1940 кв. м. Итого было освобождено 5279 кв. м. для размещения училища [11, л.164-165].

В соответствии с постановлением № 189 СНК и ЦК КП (б) К от 26 августа 1942 г. было решено разместить эвакуированный из прифронтовой полосы скот совхозов Наркомсовхозов СССР – 12 тыс. голов крупно рогатого скота и 30 тыс. овец в совхозах Наркомвнешторга СССР в Гурьевской обл.; 100 тыс. овец в колхозах Гурьевской обл.; весь остальной эвакуируемый скот совхозов размещать в совхозах Западно-Казахстанской обл. Эвакуируемый из прифронтовой полосы колхозный скот, по мере прибытия, размещать в колхозах Гурьевской

обл. – 100 тыс. голов, в колхозах Западно-Казахстанской обл. – 800 тыс. голов, в колхозах Актюбинской обл. – 600 тыс. голов [12, л.350-351].

По данным Совнаркома КазССР на 1 сентября 1942 г. на приемные пункты Западно-Казахстанской обл. поступило 103 тыс. голов скота, в т. ч. овец 75 896, крупного рогатого 23145 и лошадей 4509 голов, из них колхозного 10 тыс. голов крупного рогатого скота, 17 тыс. овец и коз и 3,5 тыс. лошадей. По полученным телеграммам из прифронтовой полосы еще ожидалось поступление из Калмыкии – 850 тыс. голов, Ростовской обл. – 300 тыс. и Сталинградской обл. – 300 тыс. голов скота, что превышало возможности западных областей по размещению скота. СНК и ЦК КП (б) К в дополнение к постановлению от 26 августа 1942 г., учитывая необеспеченностью кормами скота ряда колхозов Актюбинской и Западно-Казахстанской областей, приняли постановление удовлетворить ходатайство Актюбинского обкома КП (б) К и облисполкома о перегоне скота на зимовку в колхозы Кзыл-Ординской и Кустанайской областей, в количестве 300 тыс. голов и разрешить исполкому Западно-Казахстанского облисполкома и обкому КП (б) К перегнать из колхозов области на зимовку в колхозы Кзыл-Ординской обл. – 15 000 голов гулевых лошадей и верблюдов.

По просьбе заместителя председателя Совнаркома Калмыцкой АССР т. Гусева, выделить для размещения эвакуируемого скота всех колхозов Калмыцкой АССР Тайпакский р-н Гурьевской обл., Уильский, Байганинский и Челкарский районы Западно-Казахстанской обл., как имеющие крупные массивы осенне-зимних пастбищ Тайсойган, Сам-Саматай, полуостров Мангишлак, Большие и Малые Барсуки и другие Актюбинской обл. [12, л.396-401].

Постановления СНК и ЦК КП (б) К касательно эвакуации: о размещении и снабжении академиков, членов их семей и детей научных работников Академии наук СССР, о приеме, размещении и пуске в эксплуатацию заводов, эвакуированных в Казахстан, о развертывании эвакогоспиталей, о расквартировании командиров Красной армии, о размещении Московского авиационного института, о размещении Рязанского артиллерийского училища, о размещении польских военных соединений хранились в «особых папках» под грифом «секретности».

«Особые папки» – это документы высшей степени секретности и особой важности центральных органов КПСС. Все решения повышенной секретности и особой важности откладывались в «особые папки», а в протоколе указывался номер решения, кем внесен вопрос и что решение находится в «особой папке». По документам «особых

папок» можно проследить с какими трудностями сталкивалась республика во время приема, размещения и пуска в эксплуатацию заводов, в развертывании эвакогоспиталей, размещении эвакуированных военных школ и учебных заведений, размещений эвакуированных из прифронтовой полосы скота. А также принятые постановления ЦК КП (б) К и СНК по разрешению этих трудностей, благодаря которым республика смогла обеспечить фронт необходимой продукцией обустроить эвакуированное население.

1. Козыбаев М. Компартия Казахстана в период Великой Отечественной войны: 1941–1945 гг. – Алматы: Казахстан, 1964. – 363 с.
2. Вознесенский Н.А. Эшелоны идут на Восток // Избранные произведения. 1917–1947. – М.: Издательство политической литературы, 1979. – 613 с.
3. Микоян А.И. В Совете по эвакуации // Военно-исторический журнал. 1989, № 3. – С.31-38.
4. Потёмкина М.Н. Эвакуация и национальные отношения в советском тылу в годы Великой Отечественной войны // Отечественная история (Москва). – 2002, № 3. [Электронный ресурс]. Режим доступа: Эвакуация и национальное отношение в советском тылу в годы Великой Отечественной войны (на материалах Урала) (elibrary.ru) (дата обращения 03.10.2022).
5. Куманев Г.А. Война и эвакуация в СССР. 1941–1942 годы // Новая и Новейшая История (Москва).. – 2006, № 6. [Электронный ресурс]. Режим доступа: Война и эвакуация в СССР. 1941-1942 годы (elibrary.ru) (дата обращения 03.10.2022).
6. Трушин А. Эвакуация как индустриализация // Огонёк. – 2015, № 12. – С.26. [Электронный ресурс]. Режим доступа: Эвакуация как индустриализация – Огонек № 12 (5365) от 30.03.2015 (kommersant.ru) (дата обращения 03.10.2022).
7. Чиликова Е.В. Пути поиска сведений о численности населения, эвакуированного в Казахстан в годы Великой Отечественной войны / История. Память. Люди: Материалы VII Международной научно-практической конференции. 19 сентября 2014, г. Алматы – Алматы, 2015. – 532 с. (С.19-34).
8. Имангалиев А.Т. История и судьбы людей, эвакуированных в Западный Казахстан. / История. Память. Люди: Материалы VII … указ. соч. – С.133-138.
9. Сатаева Ж.А. К вопросу изучения истории советского кино в годы войны (по документам Архива Президента РК) / История. Память. Люди: Материалы IX Международной научно-практической конференции. 27 сентября 2018 г., г. Алматы. – Алматы, 2019 – 594 с. (С.218-222).
10. АП РК. Ф.708. Оп.1/1. Д.2. Л.340–351. Рассекреченная война: «особые папки» ЦК КП (б) Казахстана. 1941–1945 гг. Сборник документов / Е.М. Грибанова, А.С. Зулкашева, Г.Н. Мурзагалиева, Е.В. Чиликова (ответ.). – Алматы: LEM, 2020. – С.73-78.
11. Там же. Д.3. Рассекреченная война: «особые папки» ЦК КП (б) Казахстана. 1941–1945 гг. …указ. изд. – Алматы: LEM, 2020. – С.84-85, 112-113, 121-122, 143-144.
12. Там же. Оп.1. Д.5. Рассекреченная война: «особые папки» ЦК КП (б) Казахстана. 1941–1945 гг. …указ. изд. – Алматы: LEM, 2020. – С.332-333, 346-349.

Мирзакулова Р.М.

Эвакуация Московского авиационного института в г. Алма-Ату

Начавшаяся 22 июня 1941 г. Великая Отечественная война стала суровым испытанием для созданной накануне войны системы подготовки военно-авиационных кадров. В короткий срок потребовалась ее перестройка для условий военного времени. Прежде всего, из-за быстрого продвижения немецко-фашистских войск по территории СССР необходимо было срочно перебазировать военно-учебные заведения военно-воздушных сил вглубь страны.

Эвакуация военно-учебных заведений военно-воздушных сил осуществлялась в сложных условиях. Железнодорожных вагонов выделялось недостаточно, поэтому приходилось оставлять на местах большую часть материального имущества школ и брать с собой только самое необходимое. По прибытию в район эвакуации авиашколы и училища размещались в абсолютно не приспособленных и не предназначенных для этого местах.

Поэтому курсанты и начальствующий состав школ практически с нуля создавали условия для подготовки кадров. Жить приходилось в сараях, землянках, а занятия проводить прямо под открытым небом. При этом необходимо было думать об обеспечении дальнейших условий жизнедеятельности, таких как – заготовка дров на зиму, продовольствия, строительство помещений, аэродромов и многое др.

***

Московский авиационный институт, образованный в 1930 г., внёс значительный вклад в дело Победы в Великой Отечественной войне. С первых дней войны руководством и общественными организациями института были приняты меры по оказанию практической помощи фронту. Большая группа добровольцев – преподавателей и сотрудников МАИ ушла на фронт в составе 18-й дивизии народного ополчения Ленинградского р-на, многие работники института были откомандированы на предприятия авиационной промышленности [1].

К осени 1941 г. правительство страны приняло решение об эвакуации института в Алма-Ату. Эвакуация началась 14 октября 1941 г. Оборудование кафедр, лабораторий, учебных кабинетов и производственных подразделений в необычайно короткие сроки, буквально за 15 дней, было погружено в эшелоны – последний отправлен в Казахстан 31 октября.

В Архиве Президента Республики Казахстан отложились документы о приеме, размещении и предоставлении помещений для эвакуированного Московского авиационного института: постановления Совнаркома и ЦК КП (б) Казахстана, распоряжения СНК, справки, информации, докладные записки, сметы обмера площади предоставляемых помещений, переписка и т. д.

В постановлении Совнаркома и ЦК КП (б) Казахстана от 9 ноября 1941 г. «О размещении Московского Авиационного института в г. Алма-Ата» было решено предоставить институту следующие помещения: «Аэроклуб, клуб Коммунжилстроя, Педучилище. Кроме того, в порядке уплотнения разместить в общежитиях Каз[ахского Государственного университета] и Каз[ахского педагогического института] – 200 человек» [2, л.2]. Распоряжением полномочного представителя заместителя председателя Совнаркома КазССР А. Койшигулова были выделены бывший дом отдыха СНК № 4 и помещение Уйгурского театра [2, л.3]. Помимо общежитий КазГУ им. С.М. Кирова предоставил МАИ значительную часть аудиторного фонда университета [3].

По прибытии в Алма-Ату преподаватели, сотрудники и студенты приступили к налаживанию учебного процесса, научно-исследовательской и производственной деятельности и уже через месяц после начала эвакуации МАИ продолжил свои занятия.

В 1941 г. в Авиационном институте проходили обучение 2100 студентов. Из г. Москвы в порядке эвакуации было вывезено 1300, прибыл в г. Алма-Аты – 581 студент. В профессорско-преподавательском составе института числилось 270 человек, из г. Москвы выехало 140, прибыло в г. Алма-Аты – 83 человек. Административно управленческого персонала насчитывалось 150 человек [1, л.5]. Вслед за вышеназванным эшелоном ожидалось принять еще 3 эшелона с остальным составом студентов и преподавателей с семьями, а также лабораторное оборудование [2, л.8].

Согласно постановлению Совнаркома и ЦК КП (б) Казахстана «О выделении помещений в г. Алма-Ата Московскому авиационному институту им. Серго Орджоникидзе» от декабря 1941 г. дополнительно были предоставлены недостроенные помещения со всеми имеющимися в наличии строительными материалами: «а) западный корпус Сельхозинститута по ул. Абая, 164; б) дом Ц[ентрального Управления народно-хозяйственного учета] по проспекту Ленина (ныне Достык) уг. Большой арычной (уг. Каракольской – ныне ул. Барибаева); в) дом республиканской конторы Заготскот по ул. Гоголя уг. Кара-

кольской». Для размещения прибывшего оборудования Института предоставлен гараж и автомобильная мастерская [2, л.28].

Также в Архиве Президента Республики Казахстан отложилась справка о размещении 150 сотрудников института и членов их семей в общежитиях № 1 и № 2 Казахского государственного университета им. С.М. Кирова по адресу ул. Виноградова, 62 и Калинина, 101 [4].

В 1942 г. в учебно-производственных мастерских Московского авиационного института производились снаряды, материалы об этом опубликованы в сборнике документов «Рассекреченная война: особые папки ЦК КП (б) Казахстана», подготовленном Архивом [5].

Несмотря на исключительно непростые условия, учебный процесс шёл. Были организованы лекционные, лабораторные и практические занятия, курсовое и дипломное проектирование. Для увеличения выпуска остро необходимых стране в условиях войны авиационных инженеров был разработан учебный план с сокращенным сроком обучения (3,5 года вместо 5,5 лет). Тогда же в мастерских Московского института в Алма-Ате группа специалистов оказала техническую помощь в проектировании, создании конструкторской документации и испытаниях пистолета-пулемёта сержанту Михаилу Калашникову, в последующем он стал известен всему миру как конструктор-оружейник автомата Калашникова.

Разработанный М.Т. Калашниковым автомат АК-47, благодаря своей простоте, надежности и эффективности, положил начало целому семейству стрелкового оружия – автоматам и пулеметам Калашникова, пистолетам-пулеметам, охотничьим карабинам.

Участник Великой Отечественной войны, командир танка Т-34, старший сержант, Михаил Тимофеевич в 1941 г. был ранен в бою под Брянском. В госпитале он начал работу по изобретению пистолета-пулемета. Продолжил ее на ст. Матай Талды-Курганской обл. Каз-ССР, где в условиях мастерских депо изготовил пистолет-пулемет [6].

Второй, более совершенный, образец пистолета-пулемета Калашникова был изготовлен в мастерских эвакуированного в г. Алма-Ата Московского авиационного института, который специалисты-оружейники оценили высоко.

Вот как сам Михаил Тимофеевич описывает этот период своей работы в мастерских МАИ в своей книге «Записки конструктора-оружейника»: «Секретарь ЦК КП (б) республики внимательно выслушал меня. Он, конечно, сразу же понял, что оружие, изготовленное в кустарных условиях, требует большой доработки и на него надо

подготовить основательную техническую документацию, может быть, сделать еще несколько, но уже более совершенных, образцов. Только где? Тов. Койшигулов снял телефонную трубку и попросил его с кем-то соединить. Потом повернулся ко мне и сказал:

– У нас есть отличный знаток оружейного дела, правда авиационного, военный инженер второго ранга Казаков – декан факультета Московского авиационного института. Я пригласил его сейчас приехать ко мне. Вот и поработаете с ним. На факультете студенты старших курсов помогут вам познать технику проектирования, черчения, расчетов. Там сможете лучше освоить все, что связано с отработкой и изготовлением опытных образцов. У них в этом деле богатый опыт. Да и мастерские оснащены хорошим оборудованием. Я там не раз бывал. Знаю многих специалистов, ученых, работающих в институте.

Открылась дверь, и в кабинет вошел военный в летной форме. Секретарь ЦК КП (б) республики представил меня, подвел к нему.

– Андрей Иванович, прошу взять старшего сержанта под свою опеку. То, что он вам представит, на мой взгляд, интересно и перспективно. Поработайте над образцом вместе, помогите молодому конструктору. Информируйте меня о ходе работ. Когда начнутся отладочные стрельбы, непременно сообщите. Хочу быть первым испытателем пистолета-пулемета. Желаю успеха.

Если сказать, что меня охватила тогда радость, этого, наверное, будет недостаточно. Я словно крылья обрел. Хотелось петь. Но я молча сидел в машине и смотрел, как Андрей Иванович Казаков делал какие-то пометки у себя в блокноте. Мы ехали в институт. Уж теперь-то, думалось мне, все сделаю как надо, и с моим пистолетом-пулеметом фронтовики еще будут бить врага.

В институте была создана рабочая группа (в обиходе ее называли «спецгруппа ЦК КП (б) Казахстана»), которой поручили заниматься дальнейшей доводкой пистолета-пулемета. В нее вошли старший преподаватель Евгений Петрович Ерусланов и несколько студентов старших курсов, работавших по совместительству в лаборатории кафедры. Молодость, увлеченность делом не просто сблизили, но и сдружили нас. Душой и заводилой в группе, неуемным в работе и дотошным в решении всех технических вопросов был Сергей Костин, позднее ставший профессором, вырастивший немало учеников. Большую помощь в овладении техникой проектирования, черчения мне оказывал Вячеслав Кучинский, впоследствии тоже профессор, кандидат технических наук. Мы стали с ним добрыми товарищами.

Наша дружба продолжается и по сей день. Помню темпераментного, импульсивного Ивана Саакиянца...

В учебно-производственных мастерских института работали мастера своего дела с большим стажем. Многие из них, знаю, подавали не один рапорт с просьбой отправить на фронт. Слесарь-лекальщик Михаил Филиппович Андриевский (он изготовлял лекала, штампы, специнструменты, участвовал в сборке образца), фрезеровщик Константин Акимович Гудим, токарь Николай Игнатьевич Патутин, медник Михаил Григорьевич Черноморец оказали неоценимую помощь в доводке образца. Ближе к концу работы над пистолетом-пулеметом подключились и работники кафедры «Резание, станки и инструменты» – начальник лаборатории Василий Иванович Суслов и Карл Карлович Кацал (латыш по национальности).

В процессе отработки образца немало деталей переделывалось по нескольку раз (сказывалась неопытность самого конструктора и чрезмерная напористость членов спецгруппы). Но никто не упрекал нас в том, что мы бывали торопливы и нетерпеливы. Тактично поправляли, подсказывали. Да и Андрей Иванович Казаков был рядом. Артиллерист по образованию, выпускник Артиллерийской академии им. Ф.Э. Дзержинского, ученик А.А. Благонравова, он слыл образованнейшим специалистом в области вооружения. К тому же до перехода в МАИ А.И. Казаков длительное время был на практической работе на оборонных заводах военпредом (военным представителем) по приемке автоматического оружия. Так что, предоставив нам немалую самостоятельность в решении инженерных вопросов, Андрей Иванович всегда вовремя вмешивался, если видел, что нас начинало заносить, и мы уходили не в ту сторону.

Для работы нам выделили небольшое помещение площадью в 18 квадратных метров в одноэтажном саманном домике с отдельным входом и застекленным крыльцом. Для Костина, Кучинского, Саакиянца и меня крыльцо служило и местом отдыха, там стоял топчан. Мы, по сути, находились на казарменном положении и территорию учебно-производственных мастерских покидали лишь раз в неделю, чтобы сходить в баню.

Доводка образца шла довольно быстро. Этому, безусловно, способствовала высокая квалификация рабочих, выделенных нам в помощь. Когда требовалась проверка пистолета-пулемета стрельбой, проводили ее по ночам в инструментальном цехе. Для этого в свободном углу цеха ставили вертикально штабель досок, ящик с пес-

ком, оружие закрепляли в тисках, а от спускового крючка протягивали веревку в соседнюю комнату. Производили несколько выстрелов. Если после этого требовалась какая-то доводка (в основном припиловка деталей), то делали ее сами, в тех же тисках. После чего вновь стреляли. И так до утра.

Конечно, сейчас такая работа покажется примитивной. Но учтем и другое: шла война, да к тому же авиационный институт и его учебная материально-техническая база не располагали испытательным полигоном для стрелкового оружия. Приходилось приспосабливаться, что-то придумывать. Помню, в первую ночь, когда мы пришли в инструментальный цех, случился небольшой казус. Помещение его, хотя и было небольшим по площади, но с высоким потолком, стены кирпичные, слегка побеленные. Первые выстрелы – и заходим в цех. Противоположной стены не видно от густой пыли красно-белого цвета. Впечатление такое, будто стена рухнула, превратилась в пыль. Пришлось срочно сооружать некое приспособление из досок...» [7].

В документах, отложившихся в Архиве Президента Республики Казахстан, отражен ранний период работ, в том числе на базе эвакуированного в Алма-Ату Московского авиационного института М.Т. Калашникова – автора АК-47.

1. [Электронный ресурс]. Режим доступа: Институт в годы войны (mai.ru) (дата обращения 20.08.2022).
2. АП РК. Ф.708. Оп.5/1. Д.1192.
3. ЦГА РК. Ф.1137. Оп.7. Д.524. Л.147-153. Из докладной записки ректората Казахского государственного университета им. С.М. Кирова СНК КазССР о работе университета в дни Великой Отечественной войны. 19 января 1942. / Казахстан в период Великой Отечественной войны Советского Союза. Сборник документов и материалов в двух томах. 1941–1945. – Т.1. Июнь 1941–1943 гг. / Б.А. Акжанов, Т.Б. Балакаев, П.С. Белан, Н.Е. Едыгенов и др. – Алма-Ата: Наука, 1964. – С.95.
4. АП РК. Ф.708. Оп.5/1. Д.196. Л.339.
5. Рассекреченная война: особые папки ЦК КП (б) Казахстана. Сборник документов / Е.М. Грибанова, А.С. Зулкашева, Г.Н. Мурзагалиева, Е.В. Чиликова (отв. сост.). – Алматы, 2020. – С.263.
6. Чиликова Е.В. Я твердо и настойчиво буду испытывать новый образец...: Документы Архива Президента Республики Казахстан о разработке М. Т. Калашниковым пистолета – пулемета. 1942–1943 гг. // Отечественные архивы (Москва) – 2010 – № 2. – С.97-105.
7. Калашников М.Т. Записки конструктора-оружейника. – М.: Воениздат, 1992. – С.21-22.

Дуванова Ф.Т.

Рязанское артиллерийское училище

На территории Казахстана в годы войны работали многие военно-учебные заведения. Одно из них – Алма-Атинское стрелково-пулеметное училище, которое было основано в июне 1940 г. после расформирования курсов и школ, созданных в 1920-х гг. В 1941 г. училище сделало 5 выпусков, подготовив для армии 2429 молодых офицеров. В 1942 г. было обучено 2869 офицеров, в 1943 г. – 154 офицера и в 1944 г. – 88 офицеров. Всего училище выдало офицерские аттестаты 6333 молодым патриотам, кроме того, в курсантских бригадах рядовыми и сержантами на фронт отправились 7001 человек. Из Алма-Атинской 22-й военно-авиационной школы часть командиров, инструкторов-летчиков и инженерно-технических специалистов воевали в 662-м, 991-м, 992-м авиаполках ночных бомбардировщиков. С февраля 1942 г. по апрель 1943 г. в Гурьеве функционировало военно-пехотное училище. В декабре 1942 г. оно выпустило первую группу лейтенантов.

В Казахстан были эвакуированы несколько военных училищ с оккупированных территорий. Тамбовское Краснознаменное пехотное училище им. маршала Советского Союза Б.И. Шапошникова с осени 1941 г. находилось в Семипалатинске. До июня 1943 г. по шестимесячной программе, а затем по годичной, оно выпустило 2725 человек. В апреле 1944 г. училище возвратилось в Тамбов. Сталинградское военное авиаучилище летчиков за время пребывания в Кустанае с 6 ноября 1941 г. до окончания войны подготовило 2444 летчика-истребителя. Чугуевское военное авиаучилище из Харькова было расквартировано в Южном Казахстане: Чимкенте, Джамбуле, Сайраме, Арыси. В январе 1942 г. училище выпустило 969 летчиков-истребителей, за 1942 г. – 847, за 1943 г. – 718,за 1944 г. – 382, за 1945 г. – 312 человек. Всего за годы войны училище обучило 3228 летчиков-истребителей. Серпуховская военная школа авиамехаников прибыла в Кзыл-Орду 26 октября 1941 г. Подготовлено в ней 4097 авиаспециалистов, из них 49 летчиков-истребителей, 3937 авиамехаников и 111 авиамотористов. 9–10 августа 1941 г. в Петропавловск прибыли курсанты и командно-преподавательский состав Селишенской военной школы авиамехаников (Новгородская обл.). Она с 1941 по 1944 гг. выпустила 2400 авиамехаников и 400 мотористов. С сентября 1941 г. по июнь 1946 г. в Уральске находилось Одесское пехотное учили-

ще, с 1941 г. по май 1944 г. размещалась 22-я военная авиашкола воздушных стрелков-радистов, прибывшая из Ворошиловграда. Школа подготовила за военные годы 1842 стрелка-радиста и 298 воздушных стрелков, 350 радиотелеграфистов (девушек) для сухопутных войск. В Алма-Ату были переведены Московская высшая пограничная школа Харьковское военное училище НКЩ (около двух лет работавшее в Ташкенте). Ныне на базе этого училища создан Военный институт пограничных войск Республики Казахстан.

Казахстан в годы войны стал домом для многих военных учебных заведений. Это и Военная ветеринарная академия в Аральске, Бакинское пехотное училище в Джамбуле, авиашкола ВВС и ВМФ в Актюбинске и Одесская авиашкола пилотов в Алма-Ате, Одесская авиационная школа летчиков-наблюдателей на станции Луговая Джамбулской обл., 6-я Воронежская и 16-я Харьковская авиационные спецшколы, ордена Ленина Высшая школа войск НКВД в Алма-Ате, Ленинградское военное училище войск НКВД, Камышинское танковое училище, 2-е Берлинское пехотное училище, Ленинградское военное училище связи в Уральске, 12-я Харьковская артиллерийская спецшкола.

По сведениям из открытых источников, на территории республики в 1941–1945 гг. действовали 27 военных учебных заведений, в которых обучалось более 16 тысяч офицеров, около 10,5 тысяч сержантов и более 10 тысяч человек отправили на фронт до завершения учебы. Таким образом, в действующую армию стали прибывать молодые офицеры, обученные в Казахстане, имеющие хорошую военную подготовку и боевую закалку, а также опыт работы с личным составом, что способствовало успеху в войне против фашизма [1].

***

С ноября 1941 г. до февраля 1945 г. в Талгаре работало Рязанское артиллерийское училище. С марта 1943 г. оно выпустило 141 офицера. Рязанское артиллерийское училище было сформировано весной 1936 г. как Рязанская артиллерийская школа. Школа использовала базы артиллерийского курса Рязанской пехотной школы им. К.Е. Ворошилова, 2-го корпусного артиллерийского полка и 108-го гаубичного полка. Школа в 1938 г. была переформирована в Рязанское артиллерийское училище (РАУ). В составе училища были три огневых дивизиона (8 батарей), дивизион артиллерийской инструментальной раз-

ведки (АИР), батарея топографической разведки, батарея звуковой разведки и фотограмметрическая батарея.

17 октября 1941 г. занятия в училище прекратились, т. к. накануне руководство получило директиву организационно-мобилизационного отдела Московского военного округа (МВО) № 108457 от 15 октября о срочной эвакуации училища. Местом размещения определили пос. Талгар Алма-Атинской обл. Казахской ССР.

Переезд совершался тремя эшелонами: 1-й эшелон отправился из Рязани 28 октября 1941 г.; 2-й эшелон 30 октября 1941 г., прибыл на место дислокации 17 ноября 1941 г.; 3-й эшелон 20 ноября 1941 г. [2].

Постановлением Совнаркома и ЦК КП (б) Казахстана от 21 октября 1941 г. «О размещении военных и учебных заведений на территории КазССР, согласно телеграмме Комвойсками 53 ОСАА за № 7637 от 17-го октября 1941 г.» планировалось размещение Рязанского артиллерийского училища в г. Усть-Каменогорске.

Этим же документом партийных и советских руководителей Семипалатинской, Павлодарской, Западно-Казахстанской, Кзыл-Ординской, Северо-Казахстанской, Акмолинской, Восточно-Казахстанской и Карагандинской областей обязывали «немедленно произвести размещение указанных военных школ и учебных заведений за счет уплотнения областных и городских организаций, оказав им всемерную помощь в размещении». Контроль за выполнением возлагался на военный отдел ЦК КП (б) Казахстана [3].

Буквально, спустя месяц, согласно постановлению Совнаркома и ЦК КП (б) Казахстана от 17 ноября 1941 г. «О размещении Рязанского артиллерийского училища» было решено: разместить Рязанское артиллерийское училище в пос. Талгар, Алма-Атинской обл., предоставив ему следующие помещения: Талгарского сельскохозяйственного техникума, казахской средней школы, расположенной на территории городка сельхозтехникума, детского сада Талгарского спиртзавода, помещение районной библиотеки, Талгарской школы механизации сельского хозяйства» [3].

Также было принято решение: «Обязать Наркомзем КазССР в 3-х дневный срок перевести Талгарскую школу механизации сельского хозяйства в пос. Каракемир Энбекши-Казахского р-на Алма-Атинской обл., предоставив для размещения ее все имеющиеся помещения, ныне занимаемые Казахским педагогическим училищем. Наркомату просвещения КазССР педагогическое училище рекомендовалось временно закрыть, с переводом учащихся в другие учебные

заведения по своему усмотрению. Обязать Наркомзем КазССР Талгарский сельскохозяйственный техникум разместить в учебном хозяйстве Казахского сельскохозяйственного института. Обязать Алма-Атинский обком, Илийский райком КП (б) К, исполком областного и районного Советов депутатов трудящихся неполную среднюю школу спиртзавода разместить в ранее занимаемом помещении Начальной средней школы и конторе откормочной базы, а казахскую среднюю школу перевести в Талгарскую среднюю школу. Предложить Наркомзему КазССР передать здания мастерских и все хозяйственные постройки республиканской школы механиков сельского хозяйства Рязанскому артиллерийскому училищу. Поручить начальнику Алма-Атинского гарнизона – полковнику т. Филатову выделить Талгарской республиканской школе механиков сельского хозяйства и сельскохозяйственному техникуму возможное количество транспортных средств для оказания помощи в переброске этих учебных заведений. Обязать Алма-Атинский обком КП (б) К, исполкомы облсовета депутатов трудящихся прекратить дальнейшее размещение эвакуированного населения в пос. Талгар» [3].

8 декабря 1944 г. училище на основании директивы Генерального штаба КА № ОРГ 7/7276 передислоцировалось из Талгара (Среднеазиатский военный округ) в Рязань (Московский военный округ). Занятия с курсантами были прекращены 25 января и возобновлены после переезда 25 февраля 1945 г.

На рубеже 1950–1960-х гг. руководство СССР приняло решение о сокращении вооруженных сил. В рамках этой военной реформы значительное внимание уделили развитию ракетных войск, сократив численность ствольной артиллерии. В связи с этим Рязанское артиллерийское училище, было упразднено, его личный состав для прохождения службы был направлен в другие военно-учебные заведения. Здание было передано вновь сформированному Военному училищу связи [4].

1. [Электронный ресурс]. Режим доступа: Военные учебные заведения в годы войны (kazportal.kz) (дата обращения 09.09.2022).
2. [Электронный ресурс]. Режим доступа: Ларин Г.В. Военно-учебные заведения Рязанской области в годы Великой Отечественной войны (дата обращения 09.09.2022).
3. АП РК. Ф.708. Оп.1/1. Д.3.
4. [Электронный ресурс]. Режим доступа: Ефимова В.В. Малоизвестная страница рязанской военной истории (дата обращения 12.09.2022).
5. Рассекреченная война: особые папки ЦК КП (б) Казахстана. Сборник документов /Е.М. Грибанова, А.С. Зулкашева, Г.Н. Мурзагалиева, Е.В. Чиликова (отв. сост.). – Алматы, 2020. – С.131, 143-144.

Потемкина М.Н.
Буссеруэль А.Б.

Возвращение эвакуированных евреев домой после войны: усугубление культурной травмы

Современные исследователи полагают, что травматические моменты прошлого, оказывают серьезное деструктивное влияние не только на психику человека, ставшего очевидцем этих событий, но и на формирование самого конструкта исторической памяти. Кроме того, наличие травматических событий может привести к «блокировке памяти» отрицанию существования определенных исторических событий или намеренный отказ их воспроизведения, фиксации и исследования [1, с.133]. Травма понимается не только как единовременное событие, резко изменившее жизнь человека, но и как процесс, который продолжает влиять на отношение людей к их прошлому, настоящему и будущему [2, с.17].

При формировании коллективной исторической памяти о Второй мировой войне первостепенное внимание традиционно уделялось событиям на фронте, подвигам бойцов и партизан. Трагический и болезненный опыт узников гетто, концлагерей, беженцев долгое время оставался табуированной темой [3]. Исследование травматических событий истории Второй мировой войны и периода выхода из неё позволит сформировать объективную картину прошлого и осмыслить ментальный сдвиг в пространстве еврейской культуры, изменивший психологические установки и поведенческие практики народа.

Понятие «культурной травмы» оформилось во второй половине XX в. в рамках изучения исторической и мемориальной политики антропологами, философами и историками [4, с.64–65]. Развитию концепции культурной травмы способствовало возникновение новой трактовки понятия «травма»: данный термин начинает активно использоваться в гуманитарных знаниях при исследовании коллективных переживаний, вызванных пережитым болезненным опытом. Таким травмирующим опытом для лиц еврейской национальности стали не только события Холокоста, проявления бытового антисемитизма в период эвакуации в советском тылу, но и реэвакуация на прежние места жительства в западные районы СССР. Если влияние двух первых факторов достаточно изучены историками, то по последней теме научные публикации встречаются редко.

Для воссоздания психологического состояния эвакуированных евреев после реэвакуации необходимо обратиться к источникам лично-

го происхождения. Хотя каждый из них посвящен отдельной личной истории, мы наблюдаем повторяющиеся факты и эмоции, позволяющие выявить тенденции и существенно дополнить картину исторического прошлого. Следует учитывать разный тон источников: письма более эмоциональны, нежели воспоминания и интервью, т. к. воспроизводят ситуацию «вживую» с синхронными чувствами и эмоциями.

Холокост оказал серьезное влияние на идентификацию еврейского населения и на современную историю этого народа. История геноцида еврейского народа в период Второй мировой войны широко известна, но с победой в войне страдания выживших евреев не закончились. Драматичным оказалось возвращение евреев на прежние места жительства, в частности в русле потока реэвакуации.

Анализ исторических источников показывает, что большинство эвакуированных и бежавших евреев, которым удалось выжить, стремились вернуться на прежние места жительства. Процесс реэвакуации находившихся в эвакуации советских граждан носил массовый характер. Так, по данным «Переселенческого Управления при СНК РСФСР» за 1943 г. было реэвакуировано около 1 млн человек, за 1944 г. – более 2 млн человек, за 1945 г. – более 1 млн 200 тыс. человек, за 1946 г. – 441 тыс. 729 человек, за 1947 г. – 131 тыс. 781 человек [5, с.24]. Стремление вернуться объяснялось не только ностальгией по «малой родине», но и плохими жилищными условиями и неустроенным бытом в местах эвакуации, иллюзорными надеждами застать нетронутыми оставленное жильё и имущество. Надо отметить, что, находясь длительное время вдали от линии фронта и получая информацию только из советских подцензурных источников (сводки Совинформбюро), люди не представляли масштабов разрушений на тех территориях, которые попали под оккупацию и через которые проходила линия фронта. Письма от оставшихся в живых родственников и знакомых проверялись военной цензурой. Газеты, радио и кинематограф преподносили читателю и зрителю зачастую искаженную и неполную информацию о состоянии инфраструктуры освобожденных от оккупации регионов [6, с.126].

Поэтому возвращение на места прежнего местожительства в западных регионах СССР, многие вспоминают как о пережитом потрясении.

Однако в реальности одной из наиболее часто возникающих сложностей при возвращении евреев становилось то, что и возвращаться было некуда. Об этом мы узнаем из немногочисленных ис-

точников личного происхождения, в которых евреи вспоминают время после окончания войны и Холокоста. Находящаяся в эвакуации семья Минькиных, собираясь вернуться на прежнее местожительства, получив письмо из Мстиславского горсовета о том, что дом сожжен оккупантами, вспоминает: « Хотя нам некуда было ехать, нас тянуло на родину с невероятной силой» [7, с.286]. Жилища чаще всего были разрушены или заняты другими людьми. Так, Л. Лебедев отвечал, что: «Мы возвратились в Невель, но это был уже другой город. 1200 евреев фашисты расстреляли в пригороде, на «Голубой даче». […] Наш дом сохранился, но требовал капитального ремонта, имущество было разграблено» [5, с.28]. Еще одна выжившая, Лея Кантор вспоминает, что конфликты случались и среди еврейского населения: «Часть дома, принадлежавшую нам, отсудили соседи-евреи, вернувшиеся в 1943 г. […] Чтобы получить нашу квартиру обратно, пригодились спасенные мамой документы» [8, с.72]. В свою очередь, Б. Вайнер вспоминает: «Возвратились мы домой в Гомель в 1945 г. Наш дом был полностью разрушен, и на его месте построили жилье другие люди» [9, с.131]. Практические все евреи, которые вернулись на места прежнего проживания, вспоминали о том, что от имущества ничего не осталось – какие-то ценности удавалось сохранить, но продать их в послевоенное время было тяжело. Поиски оставленного имущества в большинстве случаев не увенчивались успехом. Квартиры обворовывались мародёрами, соседями или управдомом. Иногда, оставшиеся в доме соседи, сжигали книги и мебель уехавших вместо дров, чтобы не замёрзнуть и выжить самим. Часто имущество пропадало под бомбёжками или уничтожалось оккупантами [6, с.131].

Старые квартиры занимали новые жильцы, которые не соглашались пускать старых жильцов, вынуждая их искать новое место жительства. Многие начинали жизнь заново, уезжали в другие города или пытались заново закрепиться на новом месте.

Но, тем не менее, многие стремились попасть назад и заново укорениться на прежних местах жительства. Отсутствие возможности вернуться к довоенному жизненному укладу способствовало укоренению исторической и культурной травмы – у евреев после войны не было собственного места в новом мире и им приходилось фактически начинать жизнь с нуля, при этом переживая воспоминания о гонениях и Холокосте. Еще до возвращения домой, многие евреи, служившие в армии, упоминали свои опасения, относительно сохранности своей семьи и дальнейшей жизни после войны. Так, И.Е. Горелик писал в

письме к жене и детям в 1944 г.: «Представь, что осталось от такой большой нашей дружной семьи, моих родителей тоже нет, в чём я более чем уверен. Прошёл всю Украину и видал, и слыхал, что немец проклятый сделал с евреями. Просто рассказать нельзя, а описать тем паче. […] Очень многое было пережито и очень много пришлось перенести трудностей и лишений. Утеряны самые близкие родные люди. Ведь всё можно нажить и вернуть. Построить можно разрушенное, но жизнь человеку уже вернуть нельзя, и поэтому мне очень часто при мысли о том, кого я найду и встречу при возвращении на родине, аж страшно становится» [10, с.230].

Антисемитская политика фашистов, проводимая ими на оккупированных территориях, не могла бесследно исчезнуть с окончанием военных действий. Многим евреям казалось, что с победой в войне страдания их народа окончены, но это было не так. Им предстояло начать жить в этом новом, враждебном мире и мириться с собственной враждебностью и недоверием к другим народам. Эти факторы усугубили психологическую травму, сделали ее серьезнее, определили обособленность и замкнутость еврейского народа.

Озлобленное и недоброжелательное отношение людей, которые пережили оккупацию и войну, наблюдалось не только к лицам еврейской национальности, но и в целом к тем, кто смог эвакуироваться. Как вспоминает М. Зив, вернувшись из эвакуации в родной город и придя в свою бывшую квартиру, встретила там чужих людей: «[…] она сбежала по ступенькам, преследуемая мужчиной и двумя женщинами […] Они осыпали маму, нас и всех убежавших в начале войны ругательствами и проклятиями. Мы стояли, прижавшись к маме, окруженные враждебной толпой, дрожа от страха и холода» [11, с.162]. А. Берман вспоминает, что с антисемитизмом столкнулся впервые в 1944 г., когда его семья вернулась после эвакуации в Ленинград: «[…] Одноклассники стали называть меня «Сарой» – тогда в моде была такая песенка: «Сара, не спеша, дорогу перешла, ее остановил милиционер…»» [12, с.78].

Дополнительным травмирующим фактором для возвращавшихся из эвакуации евреев было то, что многие из них фактически возвращались на могилы своих родственников и близких друзей. Они постоянно слышали рассказы о Холокосте, видели места массовых расстрелов евреев.

В своих воспоминаниях многие евреи описывали собственное возвращение домой и то, как они узнавали о судьбе своих близких и род-

ственников. З. Бекман вспоминает, что на прежнее место жительства они с семьей вернулись из эвакуации еще во время войны. Но, как вспоминает автор, дома их ждали новости о погибших родственниках: «[…] мы узнали […], страшное известие о судьбе Мины Сегал и детей. Фашисты вывезли их в соседнее село, живыми бросили в заброшенный колодец и забросали гранатами» [12, с.78]. Один из братьев Ваксманов, Виктор, вспоминает: «В Велиж мы уже не вернулись. Наша квартира была занята, всех евреев, которые не успели бежать, немцы убили. Можно ли там жить с этой памятью» [13, с.129]. Некоторые евреи узнавали о судьбе своих родных и знакомых еще до окончания войны. Как пишет в письмах Л.Л. Цукерман, он узнал о судьбе родных, когда в составе военных сил проходил Брянск: «Оказалось, что после изгнания немцев в Брянск вернулись из лесов и деревень около 60 евреев, преимущественно молодежь и почти все из разных семей. Все вернувшиеся в Брянске живут в домах бывшего гетто. […] Со слезами на глазах мне рассказывали о черных днях кровавого немецкого произвола. […] Я пробыл в Брянске несколько часов и, хотя давно был подготовлен к тяжелому сообщению о судьбе наших, все рассказанное людьми произвело на меня ошеломляющее впечатление» [14, с.262]. В письмах прослеживается мотив глубокой скорби и подавленности. З. Серпик пишет в письмах 1945 г.: «Эта чума унесла много жизней, пока свирепствовала эта зараза в оккупированных районах нашей страны. Она же унесла жизнь мамы и Бети. Дима, вероятно, погиб тоже. Все евреи, начиная с только что рождённого и кончая глубоким стариком, и все русские жёны евреев и их дети расстреляны» [15, с.271].

Само понятие «родины» и «дома» у евреев, переживших Холокост, было искажено, они не могли найти в себе силы продолжать жить там, где жили до войны – ощущение небезопасности, тревоги, постоянные воспоминания о событиях Холокоста – все это негативно сказывалось на самом восприятии мира вокруг. Тем не менее, многие евреи признают роль эвакуации в спасении своей жизни. Примечательны здесь слова М. Ружанского, который относился к числу эвакуированных евреев: «Иногда спорят, кто перенес невзгод больше – пережившие Холокост в гетто и лагерях смерти или выжившие в эвакуации. На каких весах можно измерить человеческие страдания и потери? Мучений хватило всем. Мы, бежавшие от немцев, несмотря на холод и постоянный голод, на лишения и муки, все равно могли выжить. Такая возможность не исключалась. Узники гетто и концла-

герей на оккупированной немцами территории были обречены на смерть» [16, с.179].

Настоящие впечатления от окончания войны среди еврейского населения можно найти в немногочисленных письмах данного периода. Так, Г.Д. Рудин писал в 1945 г.: «Радость окончания войны трудно передать. И всё же она внешне мало проявилась. Понятна причина. Слишком долго вынашивали мы эту мечту, а став реальностью, она потеряла свою остроту» [17, с.100]. Мысли Г.Д. Рудина перекликаются с мыслями евреев – радость от победы была велика, но само затянувшееся ожидание и осознание жертв и потерь давило на выживших грузом. Сам Г.Д. Рудин вспоминал насколько подавленно он себя чувствовал, когда оказывался на местах массовых казней евреев в Западной Европе и какое деструктивное влияние на него оказали картины зверств в отношение его народа. В.И. Житомирский, в свою очередь, отмечает: «Я перестаю понимать, что происходит в мире. Люди сошли с ума, или, вернее, они ещё не дошли до него. Я устал от всех зверств и бессмысленной траты жизней и огромных ценностей. Миллионы людей работают на разрушение, миллионы разрушают при помощи новейших орудий то, что было накоплено веками» [18, с.125]. В письмах наиболее полно раскрывается состояние сломленности и шока, в котором пребывали евреи после окончания войны и в последние месяцы военных действий.

Таким образом, на формирование исторической и культурной травмы еврейского народа оказал влияние не только сам процесс гонений в период Холокоста, но и события послевоенного периода. Многие евреи не смогли вернуться к прежнему образу жизни, а некоторые и на места прежнего проживания: имущество было или разграблено, или занято, родные и близкие были убиты. На наш взгляд, для евреев обстановка первых послевоенных лет серьезно усугубила культурную травму, нанесенную Холокостом. Наиболее серьезным последствием Холокоста стал полный отказ евреев от идей ассимиляции и стремление к национализму, скреплению и укреплению своей общности, а также замкнутость и подозрительность в отношение других народов.

1. Кучева А.В. Исторические интервью как источник интерпретации культурной травмы (на примере воспоминаний о Великой Отечественной войне) [Текст] / А.В. Кучева // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 11-2 (73). – С.133-136.

2. Гузельбаева И.А. К вопросу формирования исторической памяти о Великой Отечественной войне в парадигме культурной травмы [Текст] / И.А. Гузельбаева // Гуманитарные науки в XXI веке. – 2020. – № 14. – С.16-29.
3. Potemkina M.N. HISTORICAL MEMORY OF WORLD WAR II REFUGEES: OVERCOMING CULTURAL TRAUMA// Humanitarian and Pedagogical Research. 2021. Т. 5. № 4. – С.97-100.
4. Ахтямов В.В. Психоистория (к 50-летию науки об исторической мотивации) [Текст] / В.В. Ахтямов // Наука о человеке: гуманитарные исследования. – 2010. – № 6. – С.63-68.
5. Лебедев, Л. Путь длиной в 1000 километров [Текст] / Л. Лебедев // Эвакуация. Воспоминания о детстве, опаленном огнем катастрофы. – М.: Союз ученых-репатриантов Израиля, 2009. – С.24-28.
6. Потемкина М.Н. «Выковыренные»: личностное восприятие эвакуации в годы Великой Отечественной войны: монография / М.Н. Потемкина. – Магнитогорск: Изд-во Магнитогорск. гос. техн. ун-та им. Г.И. Носова, 2016. – 151 с.
7. Потемкина М.Н. Долгая дорога домой семьи Минькиных [Текст] / М.Н. Потемкина // История Память Люди: Материалы VIII Международной научно-практической конференции. – Алматы, 2017. – С.284-291.
8. Кантор Л.Я «эвакуировала» свою семью [Текст] / Л. Кантор // Эвакуация. Воспоминания о детстве, опаленном огнем катастрофы. – М.: Союз ученых-репатриантов Израиля, 2009. – С.70-72.
9. Вайнер Б. ...и мы научились воровать [Текст] / Б. Вайнер // Эвакуация. Воспоминания о детстве, опаленном огнем катастрофы. – М.: Союз ученых-репатриантов Израиля, 2009. – С.130-131.
10. Горелик И.Е. Видал и слыхал, что немец проклятый сделал с евреями [Текст] / И.Е. Горелик, Е.М. Горелик // «Сохрани мои письма...». Сборник писем и дневников евреев периода Великой Отечественной войны. – М.: Центр «Холокост», 2021 – С.226-230.
11. Зив М. Суровая зима в теплом краю [Текст] / М. Зив // Эвакуация. Воспоминания о детстве, опаленном огнем катастрофы. – М.: Союз ученых-репатриантов Израиля, 2009. – С.158-162.
12. Бекман З. В этот день мы простились с детством [Текст] / З. Бекман // Эвакуация. Воспоминания о детстве, опаленном огнем катастрофы. – М.: Союз ученых-репатриантов Израиля, 2009. – С.73-78.
13. Воспоминания братьев Ваксманов [Текст] // Эвакуация. Воспоминания о детстве, опаленном огнем катастрофы. – М.: Союз ученых-репатриантов Израиля, 2009. – С.125-129.
14. Цукерман Л.Л. Брянские евреи уже знали, что завтра они будут вывезены [Текст] / Л.Л. Цукерман // «Сохрани мои письма...». Сборник писем и дневников евреев периода Великой Отечественной войны. – М.: Центр и Фонд «Холокост»: МИК, 2010. – С.261-262.
15. Серпик З. Голова моя поседела [Текст] / З. Серпик // «Сохрани мои письма...». Сборник писем и дневников евреев периода Великой Отечественной войны. – М.: Центр и Фонд «Холокост»: МИК, 2010. – С.271.
16. Терушкин Л.А. Инициатива по сбору воспоминаний бывших беженцев и эвакуированных, проживающих в США [Текст] / Л.А. Терушкин, В. А. Шатохин // История Память Люди: Материалы VIII Международной научно-практической конференции. – Алматы, 2017. – С.172-180.

17. Рудин Г.Д. Как реликвию держу в кармане «Желтую звезду» [Текст] / Г. Д. Рудин // «Сохрани мои письма...». Сборник писем и дневников евреев периода Великой Отечественной войны. – М.: Центр «Холокост», 2021 – С.86-108.
18. Житомирский В.И. В Москве считают, что ленинградцы получают «санаторный паек» [Текст] / В. И. Житомирский // «Сохрани мои письма...». Сборник писем и дневников евреев периода Великой Отечественной войны. – М.: Центр «Холокост», 2021 – С.119-127.

Дьякова Е.В.

Эвакуация глазами партработника

В недавнем прошлом в Украине часто публиковали мемуары о жизни в годы Великой Отечественной войны. Но из-за установившейся идеологии воспоминания партийных работников печатались лишь фрагментарно. Хотя имея доступ к секретным документам и будучи непосредственными участниками или даже организаторами некоторых мероприятий, партийные работники в своих мемуарах проливали свет на многие происходившие тогда события. Но в советское и в постсоветское время не все воспоминания были изданы.

Целью данной работы является освещение эвакуационных мероприятий, проводимых в Харькове и описанных сотрудником местного горкома Коммунистической партии (большевиков) Украины В.А. Рыбаловым в «Записках заведующего военным отделом горкома партии».

Владимир Алексеевич Рыбалов родился в 1898 г. В Компартию вступил в 1924-м. С 1929 г. работал в партийных органах Харькова и Одессы. В 1939 г. возглавил военный отдел Харьковского горкома партии. В апреле 1941 г. Владимир Алексеевич был избран секретарем горкома партии по пищевой промышленности. Но параллельно продолжал опекать и военный отдел. Это было связано с необходимостью помочь вникнуть в работу новому руководителю подразделения. А когда немцы напали на Советский Союз, то искать нового заведующего было недосуг. Поэтому В.А. Рыбалову приходилось курировать как предприятия пищевой промышленности, так и работу военного отдела. Тем более что некоторые вопросы (например, обеспечение продуктами питания) ему нужно было решать и как секретарю, и как заведующему отделом.

Владимир Алексеевич написал воспоминания в 1960-х гг., что отразилось на содержании и отношении к некоторым партийным деятелям, начинавшим свою карьеру в Харькове, а позже – занявшим руководящие должности в ЦК Компартии Украины, ЦК КПСС, республиканских и всесоюзных министерствах и ведомствах.

19 декабря 1961 г. ЦК Компартии Украины принял постановление «О недостатках, допущенных при учете участников антифашистского подполья и партизанского движения на Украине в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.». Для исполнения этого документа были созданы специальные комиссии. В состав одной из таких комиссий, созданной при военно-научном обществе при Доме офицеров входил и В.А. Рыбалов. Члены комиссий собирали необходимые материалы, прежде всего мемуарного характера. Причем выяснение допущенных недостатков в Движении Сопротивления привело к изучению других аспектов истории Великой Отечественной войны. Эта работа подвигла В.А. Рыбалова к написанию собственных мемуаров.

Как и любые другие воспоминания, записки В.А. Рыбалова носят субъективный характер. На их содержание влияла, прежде всего, коммунистическая идеология, господствовавшая тогда в Советском Союзе. А это вело к замалчиванию автором определенных событий и оправданию некоторых поступков своих близких соратников по партийной работе. Хотя, справедливости ради, нужно отметить, что автор освещал и нелицеприятные для харьковских партработников эпизоды из той эпохи.

Свои мемуары автор назвал «Записки заведующего военным отделом». Они состоят из трех частей: первая посвящена событиям доокупационного периода, вторая – эвакуации и возвращению в область, третья – восстановлению Харькова после освобождения от немецких захватчиков. Как известно, в 1960–1970-х гг. свет увидели воспоминания многих участников Великой Отечественной войны, но мемуары А.В. Рыбалова не были изданы. После смерти Владимира Алексеевича были переданы в Харьковский исторический музей.

Партийный работник осветил многие аспекты жизни Харькова и харьковчан, начиная с 1939 г. и заканчивая 1945-м. Среди прочих эпизодов определенное место было уделено и эвакуационной тематике. Прежде всего, необходимо признать, что бóльшую часть социально-экономических проблем, возникших с началом войны, решали в основном работники районных, городских и областных комитетов партии, соответствующих исполкомов депутатов трудящихся.

Следует отметить, что эвакуация в Харьковской обл. в 1941 г. делится на две части: первая – когда в регион эвакуировали людей и имущество из западной части Советского Союза, и вторая – когда из края эвакуировали людей и имущество далее на Восток, вглубь страны.

В июле 1941 г. в Харьков начинают прибывать беженцы из запад-

ных регионов Украины и Белоруссии. «Их одежда, речь и вообще весь внешний вид (прилизанные и напомаженные) резко отличались от одежды и всего внешнего облика нашего населения», – пишет Владимир Алексеевич [1, ч.1, л.112]. – «Харьков с каждым днем всё больше и больше наводняется эвакуирующимися гражданами из Западной Украины и Западной Белоруссии» [1, ч.1, л.63].

Резкое увеличение количества населения остро поставило перед партийными и советскими органами две жизненные задачи: расселение и питание харьковчан, военнослужащих и вновь прибывших.

Естественно, что В.А. Рыбалов, прежде всего, отвечал за пропитание жителей города и приезжих. По данным секретаря горкома партии, чтобы не было дефицита хлеба, надо было «ежедневно выпекать дополнительно 50 т хлеба» [1, ч.1, л.63]. Существовавшие тогда хлебзаводы и пекарни работали на полную мощность и не могли увеличить выпуск необходимой продукции. Тогда партработники обратились к директорам кондитерских фабрик «Октябрь», «Красный Октябрь» Псарёвой и Маргулису, а также бисквитной фабрики Буняеву с просьбой начать выпечку хлеба [1, ч.1, л.63].

Для налаживания производства на фабрики направляются специалисты по выпечке хлеба, и через 5–10 дней угроза дефицита главного продукта рациона питания в городе была снята.

Со временем все таки ситуация с продовольствием обострилась и была внедрена карточная система. Вспоминая об обстоятельствах решения продовольственного кризиса, В.А. Рыбалов описывал случай, как над его предложением ввести карточки на хлеб, иронизировали руководители областных трестов торговли и Главхлеба, заместитель председателя облисполкома и др. Секретарь обкома партии М. Максимов назвал высказанное предложение политически неправильным, «так как идет вразрез с решением партии и правительства о свободной торговле хлебом» [1, ч.1, л.140]. Но после переезда в Харьков правительства Украины предложение Владимира Алексеевича было поддержано [1, ч.1, л.140].

Тут можно отметить патетику изложения В.А. Рыбаловым решение проблемы. Он говорит, что администрация и рабочие предприятий с «энтузиазмом берутся за его осуществление» [1, ч.1, л.63]. Зная методы достижения результатов в военное время, можно предположить, что автор несколько залакировал сложность создавшейся ситуации. Хотя нельзя отрицать и понимания сотрудниками фабрик ужаса нависавшего над городом голода. Ведь не прошло и 10-ти лет с того

страшного 1932 г., когда от недоедания в СССР умерло несколько миллионов человек.

Расселением эвакуированных, видимо, занимался другой партработник, т. к. об этом Владимир Алексеевич ничего не пишет.

Вскользь был затронут еще один важный вопрос, связанный с эвакуированными. Это их рассказы харьковчанам о пережитом при встрече с немецкими захватчиками. На одном из июльских совещаний секретарей обкома, горкома и райкомов партии, проходившем в конце месяца, выступал первый секретарь ЦК КП (б) Украины Н.С. Хрущев. В своем докладе он остановился на проблеме распространения слухов. Стремясь избежать паникерства, Н.С. Хрущев отмечал, что «надо усилить агитационно-пропагандистскую и разъяснительную работу среди населения. Говоря трудящимся горькую правду о ходе военных действий, ярче выпячивайте героизм, с которым защищают каждую пядь родной земли воины Красной армии и весь советский народ. Опровергая ложные слухи, вселяйте населению уверенность, что успехи фашистских орд временные и что как бы далеко они не проникли вглубь нашей страны, они все же будут уничтожены» [1, ч.1, л.106].

О некоторых знакомых, переживших ужасы войны в ее первые дни, В.А. Рыбалов упоминает в своих записях. Среди прибывших были товарищи, отправленные в 1939–1940 гг. на партийную или хозяйственную работу в присоединенные области Западной Украины, Западной Белоруссии и Прибалтику. Так, мемуарист описывает встречи с приехавшими из Львова Н. Моториным (до переезда на Западную Украину работал инструктором по физкультурно-спортивной работе) и из Риги А. Глазыриным (до переезда в Прибалтику работал инструктором военного отдела). Оба товарища описывали перенесенные в дороге ужасы. Н. Моторин и А. Глазырин рассказывали о том, как фашисты сбрасывали бомбы на мирное население. «Предметом их охоты были даже отдельно идущие или отдельно стоящие люди, независимо от того, взрослые ли это или дети» [1, ч.1, л.76].

На упомянутом совещании Н. Хрущев говорил и о предстоящей эвакуации из Харьковской обл. Он просил продумать вопрос о порядке и последовательности транспортировки цехов предприятий города [1, ч.1, л.106].

Следует отметить, что отдел по эвакуации населения при облисполкоме начал работать 4 августа, постановления «Об эвакуации предприятий Харькова и Харьковской обл.», «Об эвакуации женщин

и детей из Харькова» были приняты ГКО СССР 16 сентября 1941 г., а совместное постановление исполкома Харьковского облисполкома и бюро обкома КП (б) У «Об эвакуации скота, сельскохозяйственных машин и других материальных ценностей колхозов, МТС, совхозов и других государственных и общественных учреждений» лишь 16 сентября [2, с.162; с.12-13]. Последний документ был принят, когда прошло уже 10 дней как немцы начали оккупацию области, а до захвата самого Харькова оставалось немногим более трех недель.

Правда, по утверждению В.А. Рыбалова транспортировка запасов металла и некоторых цехов началась уже 1 августа [1, ч.1, л.124]. А во второй половине этого месяца крупные предприятия начали вывозить оборудование и специалистов на Восток. При этом выпуск необходимой продукции продолжался. «С первых же дней эвакуации крупных заводов меня и [зав. отделом пищевой промышленности] т. [А.] Рышкова некоторые директора буквально стали осаждать телефонными звонками, письмами и личными посещениями, прося вмешаться в эвакуационные дела предприятий и потребовать от министерств ускорения высылки сообщений о том, куда должны быть эвакуированы их предприятия», – вспоминал секретарь горкома партии [1, ч.1, л.155]. Чтобы «успокоить» руководство Владимир Алексеевич собрал совещание, на котором предупредил, что предприятия пищевой промышленности будут эвакуироваться в последнюю очередь, а хлебопекарни – вообще только накануне оккупации города. «Труженики хлебопекарной промышленности бесперебойно работали до 22 октября – кануна оставления нами г. Харьков. Уезжали они из города уже не поездом, а на автомашинах и лошадях, раздав оставшиеся запасы муки и хлеба населению».

Последний тезис – о раздаче муки и хлеба – не соответствует действительности. Один из харьковчан кандидат экономических наук, сотрудник Харьковского института городского хозяйства Михаил Усык в своем дневнике 20 октября 1941 г. сделал запись: «У магазинов бесконечные очереди. Распродают запасы. Неужели это нельзя было сделать раньше? Борьба за печеный хлеб. Последний – завтра, говорят, уже хлеба не будет» [3, с.24].

Негативно В.А. Рыбалов отнесся к эвакуации торговой сети. Он честно признавался, что многие магазины и столовые были самовольно закрыты заведующими, т. к. последние без разрешения «готовились к отъезду из города» [1, ч.1, л.157].

Кроме оборудования промышленных предприятий на Восток перевозилось и имущество колхозов и совхозов. Ярким эпизодом в за-

писях Владимира Алексеевича является описание передвижения стада коров по центральной улице города. Это был скот из Западной Украины. «Как дались этому гурту 300 пройденных километров, было видно по опущенным скотом головам и сбитым до боли копытам» [1, ч.1, л.180, 181].

Сегодня существует стереотип о том, что городские власти первыми покидали свои населенные пункты со всем своим семейством и скарбом. Возможно, в небольших поселениях так можно было сделать. Но не в Харькове – крупном промышленном центре Советского Союза. Тем более при переезде сюда республиканских органов власти – ЦК КП (б) У и Совнаркома Украины.

Действительно, 10–15 сентября инструкторский и технический состав обкома, горкома и райкомов партии Харькова с семьями был эвакуирован. Но секретари, заведующие отделами, некоторые инструктора остались на месте. Они даже поселились в здании обкома, ночуя в своих кабинетах [1, ч.1, л.157, 158].

11 октября второй секретарь горкома партии Виктор Чураев всех сотрудников предупредил, что на случай оставления Харькова местом сбора партработников будет Купянск – важный железнодорожный узел в области. 22 октября (за три дня до оккупации города немцами) в 7-00 на легковых машинах сотрудники обкома и горкома партии выдвинулись в путь: «По машинам товарищи были распределены так: в машине [секретаря горкома партии] т. [В.] Каверина должны были ехать т. Каверин и инструктор отдела кадров т. Олейников; в машине [инструктора организационно-инструкторского отдела] т. [Г.] Клименко он сам и [секретарь по авиапромышленности] т. [Г.] Боровлев, в машине [секретаря по электростанциям и транспорту] т. [Ф.] Погорелова он и [секретарь по легкой промышленности] т. [В.] Гливенко; в Мерседес-Бенце, собственной машине [секретаря по оборонной промышленности] т. [П.] Шелеста, были вынуждены ехать [секретарь по машиностроению] т. [А.] Бровкин и я, т. к. шофера наших машин были призваны в армию. Инструктору орг[анизационно-]инструкторского отдела т. Исичко, сопровождавшему партдокументы, была назначена машина ЗИМ-110, шофером которой был член партии т. Спиридонов» [1, ч.1, л.198].

В дорогу были выданы продукты питания, оружие, компасы, аптечки, химический растворитель (на случай химатаки, но предупредили, что «химической примеси нет. В ненастную погоду можно по рюмке в день» [1, ч.1, л.199]) и т. д.

Партработникам предложили выехать побыстрее, пока дорога на Чугуев была свободна. Командиром получившейся колонны был

назначен секретарь Владимир Каверин, а комиссаром – В.А. Рыбалов.

Переезду из Харькова до Купянска мемуарист посвятил 67 листов. Это подробное описание показывает все трудности поездки, раскрывает характеры людей в экстремальных ситуациях. Естественно, что себя В.А. Рыбалов показал с положительной стороны. Однако некоторым своим коллегам дал нелестные характеристики. Но соблюдая правила приличия, Владимир Алексеевич не назвал их фамилии, обозначив лишь одной буквой.

Оказавшись на улицах города обкомовские машины, не могли двигаться быстро, т. к. уже в столь раннее время «по обочинам дороги бесконечной цепью тянулись с рюкзаками, вещевыми мешками и просто с узлами за плечами харьковчане, которые не хотели оставаться у фашистов. Среди них были трудящиеся, находившиеся на окопных работах, те, кто до последнего дня по характеру своей работы обслуживал население города, и те, кто по какой-либо причине не смогли эвакуироваться поездом. … Отступающие войска, цепи пеших советских людей, оставляющих свой родной город, и слезы одиноко стоящих у своих домов граждан наши сердца переполняли горечью. Оставляли мы свой город с душевной болью, но полные уверенности, что скоро возвратимся» [1, ч.1, л.206, 207].

Встроившись в общую колонну, водители обкомовских машин вынуждены были подчиниться медленному темпу движения. По дороге они услышали нелестную критику в адрес областных и районных руководителей, военного командования. Здесь же прозвучала оценка качества дорог, пренебрежения их значением.

Возле пос. Рогань (расположенного в 21 км от Харькова) находился танк Н. Хрущева, который, увидев огромную разномастную колонну, приказал прикрыть ее продвижение истребителями, чтобы немецкие самолеты не бомбили людей.

Но больше Владимира Алексеевича впечатлила встреча с группой в 15 девочек-сандружинниц. Этой 15-минутной встрече [1, ч.2, л.20] он посвятил 7 страниц. Беседа с наивными, беззаветно верящими в советское правительство и в свой народ девушками сильно впечатлила не только В.А. Рыбалова, но и его попутчиков. Поразило партийных работников и то, что девушки шли пешком самостоятельно, оставив дома родителей и мечтая вступить в армию или оформиться на работу на какой-нибудь завод [1, ч.2, л.15]. Угостив собеседниц шоколадом, партработники поехали дальше, «почти не останавливаясь до самого Чугуева» [1, ч.2, л.21].

Интересно, что по радио в этом городе передавали не только со-

ветские, но и солдатские народные песни. Ведь Чугуев был основан в 1638 г. как форпост на границе России для защиты от нападений турок и татар. И в последующие годы вплоть до сегодняшнего дня Чугуев имеет статус военного городка. Поэтому здесь и звучал такой песенный репертуар.

В Чугуеве перед продолжением продвижения на Купянск между сотрудниками горкома партии возник спор, какой дорогой ехать дальше: через Малиновку или Печенеги? Было решено ехать через Печенеги. Причина была банальная: у инструктора Исичко там находилась семья, которую он хотел забрать с собой [1, ч.2, л.27]. Несмотря на то, что качество дороги на Печенеги было хуже из-за испорченности продвижением тяжелых машин, выбрали именно ее.

Здесь интересно описание позиций попутчиков к бомбежкам. Ведь по дороге им пришлось пережить несколько авианалетов. «Так, например, тт. Шелест, Бровкин, Боровлев и я свои переживания при бомбежках скрывали за шутливыми замечаниями, т. Гливенко бледнел и замыкался в себе, некоторые товарищи делались чрезвычайно сосредоточенными, что же касается «Н», то он от переживаний багровел, а после бомбежки раздражался бранью…» [1, ч.2, л.26, 27].

При описании эвакуации некоторый акцент был сделан на диверсантах и распространителях слухов. Многие люди, уезжая из населенных пунктов, в панике распространяли сведения о быстром наступлении гитлеровцев. При тогдашней технике в чистом поле перепроверить информацию было невозможно. Поэтому люди, не желая оказаться на оккупированной территории, стремились как можно скорее и подальше уехать на Восток. Естественно, что сообщения о захвате населенных пунктов, слухи о высадке десантов под взрывы бомб накаляли обстановку, взвинчивали нервы. Из-за часто возникающих пробок на дороге не было возможности быстро ехать на автомашинах. Поэтому люди их бросали и шли далее пешком. Свою машину бросил и тогдашний председатель исполкома облсовета депутатов трудящихся П. Свинаренко [1, ч.2, л.50].

Не обходилось и без забавных случаев. В.А. Рыбалов шутливо описал один из ужинов на природе. Секретарь по машиностроению Алексей Бровкин предстал в образе заправского официанта, приглашая всех к импровизированному столу. «За машиной на земле, устланной газетами, был накрыт стол, с трех сторон которого лежали чурбачки, игравшие роль стульев. Стол был обильный и шикарно сервирован. На нем можно было видеть колбасу, сало и таранку. Все

это было нарезано тончайшими ломтиками (толщиною в сантиметр) и красиво разложено на желтых клочках бумаги из крафтмешка. У места, предназначенного для каждого из нас, лежало по плитке шоколада, перочинному ножу, предварительно изъятому у нас дежурным, по эмалированной кружке и по кусочку газеты, сложенной как салфетка. Горка хлеба, четырехгранная бутылка с презентованным нам т. Гильманом «Химрастворителем» и зеленая ветка акации, воткнутая в центре в землю, завершали сервировку и убранство нашего походного стола» [1, ч.2, л.30]. Этот эпизод демонстрирует не только «походный» рацион питания партработников, но и чувство юмора, умение сервировать стол, способность устраивать коллегам маленькие праздники, чтобы отвлечь их от тяжких мыслей. Тем более что Владимир Алексеевич из-за пасмурной погоды в дороге начинал заболевать. В Купянск В.А. Рыбалов приехал с «букетом» болезней.

Следует отметить, что в мирное время из Харькова до Купянска можно доехать автобусом за два часа, тогда как партработники добирались пять дней.

Таким образом, анализируя воспоминания В.А. Рыбалова, можно констатировать, что в 1941 г. эвакуация в Харькове имела два вида: приезд в город людей, промышленного и сельскохозяйственного имущества с Запада и вывоз людей, промышленного оборудования, сельхозтехники, скота из области. Мемуарист честно описал все перипетии, с которым ему пришлось столкнуться в ходе приема эвакуируемых с Запада, а также в процессе переезда из Харькова в Купянск. Естественно, что, будучи членом партии, секретарем горкома он гиперболизировал веру людей в советское правительство. Тем не менее, изложенные в записках факты дают возможность осознать тяжесть начального этапа Великой Отечественной войны не только в Харьковской обл., но и в других регионах Советского Союза и воздать должное простым людям, пережившим драматические страницы в своей жизни и в жизни своей страны.

1. Харьковский исторический музей. Инв. № Д-17242. Рыбалов В.А. Записки заведующего военным отделом горкома партии.
2. Дьякова Е.В. Эвакуация харьковских предприятий и организаций в Казахстан // История. Память. Люди: Материалы VII Международной научно-практической конференции. 19 сентября 2014, г. Алматы. – Алматы, 2015. – С.161-168. Харківщина у роки Великої Вітчизняної війни: документи і матеріали / Укладач О.В. Дьякова. – Харків: Видавництво САГА, 2011. – 386 с.
3. Город и война: Харьков в годы Великой Отечественной войны. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2012. – 568 с.

Абдурахманова М.М.

Историография истории эвакуации населения в Узбекскую ССР в годы Второй мировой войны

На сегодняшний день актуальным является изучение истории участия Узбекистана во Второй мировой войне, в частности, проблемы эвакуации населения. Прием, размещение и трудоустройство эвакуированных с прифронтовой полосы людей и материальных ресурсов в тыловых регионах представляет собой уникальное явление истории. Исследование данной темы дает возможность освещения малоизученных аспектов, связанных с переселением и дальнейшим возвращением на родину людей из районов, где происходили военные действия.

Глубокое изучение этого бесценного исторического опыта периода войны, свидетельствует, что интернационализм людей, сформированный на истинной дружбе народов, с честью выдержал тяжелейшие испытания тех лет. Это является величайшей ценностью и не имеет аналогов в мировой истории. Поэтому изучение данного опыта, его широкая пропаганда в современных условиях, особенно среди молодого поколения, имеет практическое значение и будет в дальнейшем способствовать усилению патриотического воспитания.

9 мая 2021 г. Президент Республики Узбекистан Шавкат Мирзиёев на торжественной церемонии, посвященной Дню памяти и почестей, отметил важность изучения истории Второй мировой войны и вклада Узбекистана в Великую Победу: «Как известно, в последние годы проводится большая работа по всестороннему изучению огромного вклада нашего народа в Великую Победу и широкому ознакомлению общественности с полученными данными. Значение для этого имеет открытие ранее засекреченных архивных документов, расширение сотрудничества с архивными учреждениями республик бывшего Союза и стран дальнего зарубежья, музеями и фондами, учеными и специалистами, общественностью.

В настоящее время открываются новые сведения и факты, уникальные свидетельства по истории нашей страны периода Второй мировой войны. Проводятся научные исследования, создается множество литературных произведений, фильмов, альбомов, картин и памятников, посвященных этой теме.

В образовательных учреждениях и махаллях организуются экспозиции, отражающие образы воинов-героев – наших отцов и дедов, а также содержащие важные исторические данные о них. Мы должны еще активнее продолжить эту работу.

В те суровые годы, когда решалась судьба человечества, Узбекистан превратился в надежный тыл по обеспечению фронта.

Призыв «Все – для фронта, все – для Победы!» стал главным смыслом, лейтмотивом жизни нашей страны. Наш народ и днем, и ночью неустанно трудился, бесперебойно поставляя на фронт большое количество продовольствия, одежды, оружия, лекарств. С территорий, где непрерывно разрывались бомбы и снаряды, в Узбекистан было эвакуировано и в короткие сроки вновь пущено в действие около 170 заводов и фабрик.

Республика приняла более 1 млн. 500 тыс. пострадавших от войны стариков, женщин и детей. Среди них – свыше 200 тыс. детей-сирот.

В суровые военные годы наша страна показала пример высочайшего гуманизма. По отношению к эвакуированным в республику людям разных национальностей народ Узбекистана проявил бескорыстную душевную щедрость и искреннюю заботу, делился с ними всем, подчас последним куском хлеба. Он вновь доказал, что «Ташкент – город хлебный», «Узбекистан – край доброты и милосердия» [1].

До текущего времени тема эвакуации населения в Узбекистан была изучена многими исследователями. В своих трудах они приводили различные данные о таких аспектах эвакуации, как, учет эвакуированных, их прием и размещение, давали обзор архивным источникам о вопросах эвакуации, освещали историю деятельности эвакуированных промышленных предприятий, культурных и научных учреждений. Но анализ историографии показывает, что данные исследования являются фрагментарными и не носят целостного характера. Отсюда следует, что комплексное и всестороннее изучение процесса эвакуации, основанного на достоверных источниках, позволит реально оценить вклад Узбекистана в Победу во Второй мировой войне, в частности, по приёму и размещению эвакуированного населения.

Изучение статистики эвакуации

Количественный метод анализа источников широко применяется в современной исторической науке. Его употребляют в тех исторических работах, в которых рассматриваются явления и события, связанные с количественным учетом. Сюда можно отнести и статистические исследования о численности и учёте эвакуированных в тыловые регионы в годы Второй мировой войны.

М.П. Беленко в своей научной статье [2] изучает существующие статистические данные и рассматривает вопросы численности эваку-

ированного населения, маршрутов их транспортировки и особенностей размещения в различных регионах, в частности в Среднюю Азию. Автор утверждает, что всего за годы войны Средняя Азия приняла более 800 тыс. человек, 80% из которых прибыли в Казахскую и Узбекскую ССР. Большой процент эвакуированных в Казахскую и Узбекскую ССР М.П. Беленко обосновывает тем, что данные регионы имели высокий довоенный демографический и инфраструктурный потенциал. Далее автор приводит данные Российского государственного архива экономики (отчет ЦСУ о «Численности эвакуированного населения в города СССР по данным механического движения населения за II полугодие 1941», ежемесячные «Сводки переселенческого управления при СНК СССР об эвакуированном населении», ноябрь–декабрь 1941 г.), по которым на 1 января 1942 г. в Узбекскую ССР прибыло 210 080 человек. [2].

Здесь мнения и выводы разных авторов расходятся. Так, Х.А. Буриева в своей работе, посвященной сведениям о размещении эваконаселения, отмечает, что по состоянию на 22 ноября 1941 г. в Узбекскую ССР прибыло и распределено по областям 443 518 человек, а на 20 декабря 1941 г. число прибывших составило 677 119 человек [3], т. е. в три раза больше чем цифра, которую указывает М.П. Беленко. Стоит отметить, что данные, предоставляемые Х.А. Буриевой, основаны на статистических сведениях Организации Эвакоуправления по областям УзССР, отложившимся в Национальном архиве Узбекистана [4].

А.В. Махкамов, основываясь на рассекреченные источники Национального архива Узбекистана по эвакуации, отмечает, что в Узбекистан было эвакуировано более 1,5 млн человек, из которых 250 тысяч – дети [5].

По причине отсутствия архивных сведений за 1942 г., для примерной оценки количества прибывших по эвакуации на данный период, М.П. Беленко отмечает возможность применения метода экстраполяции – метода исследования, заключающегося в предположении закономерности распространения выводов, полученных из наблюдения над одной частью явления на другую его часть [6]. То есть это подразумевает, что распределение людей по регионам размещения и общая динамика эвакуационных процессов в 1941 г. и 1942 г. не имели существенных различий. Касательно Западной Сибири автор приводит соотношение между прибывшими в 1941 г. и 1942 г., которое составило два к одному. Также, в силу своего

географического положения – равноудаленности Сибири и Средней Азии от центральных и западных районов СССР, автор применяет это соотношение и к Средней Азии. Он делает вывод, что всего в Среднюю Азию было эвакуировано 690 тыс. человек, из них 460 тыс. прибыло в 1941, то в 1942 г. – 230 тыс. человек.

Наши исследования о достоверности, приведенных автором статистических сведений, показывают ее ошибочность. Во-первых, учет эвакуированных до ноября 1941 г. не был организован на должном уровне, и этому было несколько причин:

1 С началом войны интенсивность миграционных процессов резко увеличилась, и существующий аппарат учета оказался неспособен своевременно фиксировать перемещения граждан, более того, в условиях войны далеко не всегда соблюдались административные процедуры документооборота.

2 Эшелоны с эвакуированным населением нередко двигались в тыл, не имея эшелонных списков и определенного пункта назначения.

3 Органы учета фиксировали в первую очередь организованное население, «беженцы», прибывшие в тот или иной регион самостоятельно, далеко не всегда готовы были публично заявить о своём статусе «эвакуированных».

Если существующие статистические данные по учету эвакуированных за 1941 г. имеют недостоверный характер, то допустимо ли применение в данном случае метода экстраполяции? Расчетные методы, которые использует М.П. Беленко в своей статье, не имеют четких аналитических и документальных основ, не подкреплены архивными данными. Так, не указывая источников, автор пишет, что в Узбекскую ССР прибыло 430 000 человек, 310 000 человек. в 1941 г., 120 000 человек в 1942 г. Эти данные не сходятся с цифрами, приводимыми автором ранее.

Другой российских исследователь М.Н. Потемкина в своей статье [7] рассматривает различные оценки количественного состава населения, эвакуированного из прифронтовой зоны в советский тыл, выявляет причины разночтений в статистических данных. Одной из главных причин разногласий исследователей касательно статистики эвакуации населения она называет определение понятия «эваконаселение», а также само качество статистических данных (в отчетах различных ведомств встречаются разные цифровые данные об эвакуационных перемещениях). Таким образом, автор делает вывод, что вопрос о статистике эвакуации населения периода 1941–1945 гг. про-

должает оставаться остро полемическим на сегодняшний день, требуя введения новых данных, извлекаемых из архивов, и анализа статистики на региональном уровне.

Статистические исследования на тему эвакуации в годы войны вела также Т.И. Дунбинская [8]. В своих работах она освещает основные аспекты функционирования эвакуированных детских учреждений в Западную Сибирь в годы войны, причины увеличения или сокращения их числа. Основываясь на архивные материалы, автор даёт аналитический обзор истории организации работы детских учреждений в Западной Сибири. Преимуществом работы являются статистические данные эвакуированных детских учреждений по всем областям, и в целом по Западно-Сибирскому региону за 1941–1945 гг. Следует отметить, что Т.И. Дунбинская, в данной работе указывает и на существовавшие в тот период трудности, с которыми столкнулось общество при решении проблем с приёмом, учетом и размещением эвакуированных детских учреждений. В частности, о недостатках в организации размещения и обслуживания эвакуированных детей в Омской обл.: помещения, в которых размещали детей, были плохо оборудованы и не обеспечивались топливом, детские учреждения размещались в неприспособленных и плохо подготовленных к зимним условиям помещениях. Только к концу войны начали наблюдаться положительные изменения, к примеру, стало улучшаться снабжение детских учреждений продуктами питания, одеждой и обувью.

Если говорить о статистике эвакуированных детских учреждений в Узбекистане, то этим вопросом в основном занимались Г.Ш. Саидова и Р.Р. Хисамутдинова.

Г.Ш. Саидова анализирует вопрос эвакуации детей и детских учреждений, дает статистические данные по приему и размещению их в разных областях республики. В частности, автор отмечает, что с 1 октября 1941 г. по 1 октября 1942 г. в Узбекистан было эвакуировано 43 тыс. детей из 78 детских домов [9]. Но в ее исследовании отсутствует полный статистический обзор эвакуированных детей и детских учреждений по всем областям республики. Она делает вывод, что в чрезвычайных условиях войны Узбекистан не был подготовлен принять огромное число эвакуированных детей, но, несмотря на это была осуществлена деятельность по размещению, обеспечению продовольствием и одеждой, восстановлению здоровья эвакуированных детей.

Хисамутдинова Р.Р. сделала вывод о том, что из угрожаемой зоны в Узбекистан прибыло 89 детских домов, из которых 48 – из Украины [10].

Исследования об обзорах источников

Для изучения вопроса эвакуации большое значение имеет исследование архивных фондов, содержащих большой объем первичной информации. Из работ исследователей в этой области можно назвать статьи Х.А. Буриевой и В.Г. Иофе.

Х.А. Буриева, изучив данные материалов государственных архивов Узбекистана, делает вывод, что, в частности, фонды Национального архива Узбекистана имеют ценные сведения об осуществлении мероприятий по эвакуации, касающиеся периода с осени 1941 г. до начала 1942 г., а данные за 1942 г. представлены в меньшем количестве [11]. Она отмечает, что анализ документов основных фондов по эвакуации свидетельствует о том, что из них можно подробно узнать о расположении эвакопунктов в УзССР и их структуре, а также ознакомиться со статистическими данными и территориальной организацией расселения эвакуированных граждан, проходивших через Ташкентский эвакопункт. Следует отметить, что Х.А. Буриева при освещении обзора архивных документов использует не только описательный метод, но также применяет аналитический и сравнительный методы изучения данных. Так, например, проведя сравнительный анализ цифровых сведений о профессиях и должностях эвакуированного еврейского населения, автор делает заключение, что наиболее востребованными профессиями в условиях военного времени в первую очередь были рабочие заводов, фабрик, артелей, во-вторых, работники сферы медицины, образования, культуры и науки, на третьем месте – работники сферы быта и обслуживания населения [12].

В статье, посвященной некоторым архивным фондам по эвакуации в государственных архивах Узбекистана, В.Г. Иофе даёт обзор фондам Национального архива Узбекистана и Центрального государственного архива г. Ташкента [13]. Автор особо выделяет несколько фондов, содержащих материалы по эвакуации деятелей культуры, по устройству детей, выделения жилья, пособий и т.д. Это материалы о проведении письменного учета эвакуированного населения в УзССР, сведения о размещении эвакуированных заводов по г. Ташкенту за 1942 г., списки эвакуированных граждан из разных городов России за 1943–1944 гг. В работе автора присутствуют описания ценных и ин-

тересных документов, отражающих историю эвакуации в Узбекистан. Автор делает вывод, что изучение, анализ и составление обзора архивных источников по теме эвакуации должно иметь не только научное, но и практическое значение, облегчая поиск материалов.

Исследования о деятельности культурных и научных учреждений, эвакуированных в Узбекистан

Среди работ, посвященных деятельности культурных и научных учреждений, а также их работников, эвакуированных в годы войны в Узбекистан, следует обратить внимание на труды М.С. Тухтаевой [14], Н.А. Громовой [15], М. Вексельмана [16], М. Шамуратовой [17], И.Н. Ильиной [18].

Научные исследования М.С. Тухтаевой посвящены повседневной и творческой жизни эвакуированных художников Москвы и Ленинграда в Узбекистане. Автор отмечает, что в 1941–1943 гг. Самарканд превращается в один из крупнейших художественных центров страны: сюда были эвакуированы 391 художник. Оценив условия жизни художественной интеллигенции в эвакуации, М.С. Тухтаева приходит к выводу, что материальное положение многих художников было сложным, их заработки резко упали в связи с отсутствием холстов, красок, сокращением планов. В отличие от других категорий работников умственного труда художники не получали повышенного продовольственного пайка. Анализ таблицы, приведенной в ее статье, позволяет сделать заключение, что некоторые ведущие художники Узбекистана не имели собственного жилья и мастерских. Так, 14 художников по причине малой жилплощади или съемного жилья, нуждались в собственном жилье, 15 художников нуждались в мастерских и 1 художник – в капитальном ремонте квартиры [14, с.113, 114]. Отсюда следует, что и у эвакуированных художников также были проблемы с жилплощадью.

Ссылаясь на архивные источники, автор отмечает, что ведущее место в творчестве художников в военные годы начала занимать подготовка антифашистских плакатов, агитационных листовок, панно и политических карикатур. Художники небольшими группами выезжали на народные стройки и колхозы с целью запечатлеть в своих работах трудовой подвиг народа, участвовали в открытии выставок в военных госпиталях, на предприятиях, в клубах и военных частях. Это позволяет сделать вывод, что, вместо индивидуального искусства, на передний план выдвигается агитационное искусство. Многие худож-

ники неохотно соглашались на выполнение таких работ, однако государство ставило их в такие условия, от которых зависело их существование. «Многие художники отказываются, но они отказываются не от работы, а потому что знают такую поговорку, что искусство очень ревниво, и если ему изменить, оно не простит».

Анализ другой таблицы из работы М.С. Тухтаевой показывает, что со стороны художников, участвовавших в проектах по обслуживанию народных строек и колхозов республики, было подготовлено 506 портретов, 160 плакатов, 41 стенгазета, 106 панно. Всего за период войны ими были создано 877 плакатов на 266 тем, тиражом в 70 тыс. [14, с.120].

В заключении автор пишет, что, несмотря, на определенные сложности в жизни эвакуированных и местных художников, шло активное сотрудничество в области искусства, в ходе совместной творческой работы усилилось взаимообогащение культур народов, повысился творческий уровень художественных коллективов.

Следует отметить, что в работах М.С. Тухтаевой были использованы документы фондов Национального архива Узбекистана и Российского государственного архива литературы и искусства. Работа богата воспоминаниями и письмами, докладными записками известных художников и искусствоведов.

М.Н. Потемкина [19] раскрывает некоторые аспекты из жизни эвакуированных кинематографистов. Она отмечает, что актеры, режиссеры и работники киностудий, как представители творческой элиты имели некоторые привилегии. Эвакуация носила организованный характер, расселяли их компактно, относительно комфортно и изолировано от местного населения. Уровень материально-бытовой жизни также отличался: предоставлялись дополнительные продовольственные пайки, были прикреплены к сети закрытых магазинов.

Работа М.Н. Потёмкиной богата воспоминаниями эвакуированных. В частности, художник Н.А. Соколов вспоминает: «Чем дальше мы отъезжали от Москвы, тем труднее нам было решить, куда направиться. В Свердловск? Новосибирск? Ташкент? Алма-Ату? Казань? Куйбышев? Подолгу и горячо мы доказывали друг другу, куда лучше ехать… Я был свидетелем того, как окружающие уговаривали Шостаковича: одни – ехать в Куйбышев, другие – в Ташкент, третьи – еще куда-то. Дмитрий Дмитриевич! Ну, зачем вам с ребятами ехать в Куйбышев? Туда едут все. С питанием там будет трудно, с жильем – еще хуже. Поезжайте лучше в Ташкент. Там с продуктами лучше и

вообще спокойней для детей. Ведь недаром говорят: «Ташкент – город хлебный!».

Автор делает вывод, что на творческую деятельность кинематографистов в годы войны оказало влияние их принадлежность к творческой элите, привилегированное положение, сам факт эвакуации, существование в чужой среде, изолированность, отдаленность от столицы, что означало и ослабление цензурного контроля.

Проанализировав работы М.С. Тухтаевой и М.Н. Потемкиной можно прийти к выводу, что художники, будучи такими же творческими и интеллигентными людьми как актеры и режиссеры, не имели определенных привилегий в области продовольственного снабжения и жилищного размещения.

И.Н. Ильина [18] и С.В. Постников [20] в своих исследованиях попытались раскрыть вопросы деятельности академических учреждений во время эвакуации в УзССР.

И.Н. Ильина приводит данные, что к ноябрю 1941 г. в УзССР были эвакуированы и размещены 22 научно-исследовательских института, 16 высших учебных заведений, 2 библиотеки. К 1943 г. на территории республики располагалось уже более 40 различных институтов. Из них в Ташкенте было размещено 25 научных учреждений, в Самарканде – 8, в Ферганской обл. – 5. Указывая эти цифры, автор ссылается на трехтомник «Узбекская ССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). С.В. Постников в своей статье даёт те же данные, однако не указывает источников.

Ссылаясь на Архив РАН, И.Н. Ильина отмечает, что всего за период эвакуации академических учреждений в Узбекистан в Ташкенте пребывало около 1500 человек, в т. ч. более 500 научных сотрудников. Наряду с этим, автор описывает научную и бытовую сторону их жизни, адреса, по которым они были расселены. В научной области совместная работа институтов Узбекистана с эвакуированными институтами АН СССР стала очень результативным направлением деятельности. Были организованы выступления академических ученых, подготовлены научные труды и методические пособия, налажено сотрудничество органов юстиции УзССР с Институтом права АН СССР.

Что касается условий проживания представителей науки, автор отмечает, что здесь присутствовало несколько проблем, связанных со снабжением научных сотрудников предметами первой необходимости и продуктами питания, проблем с жилищной площадью и водоснабжением. В октябре 1942 г., благодаря созданию группы Президи-

ума АН СССР в Узбекистане и организации Административно-хозяйственного управления для оперативного решения хозяйственных вопросов, контроля за состоянием дел и постоянной связи с Президиумом АН СССР, вопросы обеспечения жизни ученых постепенно решались. Оценивая высокую информативность документов Архива РАН об эвакуации учреждений АН СССР в годы войны, И.Н. Ильина приходит к выводу, что данные материалы смогут позволить изучить проблематику эвакуированной науки во всей ее полноте, расширить знания о деятельности институтов во время пребывания в Узбекистане. Ценность работы заключается в том, что автор приводит не только существовавшие проблемы, связанные с эвакуацией научных учреждений, но также пути и способы их решения. При этом эти данные полностью основаны на архивных материалах, где также приводятся и воспоминания академиков, ученых, членов-корреспондентов, эвакуированных в Узбекистан в годы войны.

В статье С.В. Постникова и С.В. Маркушиной [21] анализируются характер и особенности организации деятельности ленинградских учреждений науки во время их эвакуации в Узбекистан. На основе материалов архивных фондов, исследований, проведенных в Узбекистане, воспоминаний участников тех событий описываются отношения между русскими и узбекскими учеными, трудности, возникшие при организации их научного труда в условиях эвакуации и поистине выдающиеся достижения и результаты этой деятельности, ее значение для современной национальной науки Узбекистана. Авторы исследуют проблемы ленинградцев, возникшие в начальный период эвакуации. Усилия ученых Ленинграда и Ташкента по налаживанию их научной деятельности, по написанию книг и монографий, по организации работы Узбекского филиала Академии наук СССР и участия в ней крупных деятелей науки страны, по проведению общественно-политической работы среди местного населения и пропаганды научных знаний. Исследование завершается описанием событий возвращения деятелей науки и культуры к прежней жизни и констатацией роли, выполненной ими во время эвакуации.

Отдельные стороны эвакуации творческого слоя населения в годы войны отражены в книге Н.А. Громовой «Ноев ковчег писателей. Эвакуация 1941–1945. Чистополь. Елабуга. Ташкент. Алма-Ата» [22, с.397]. Книга посвящена малоисследованным страницам эвакуации во время Второй мировой войны – судьбам писателей и драмам их семей. Эвакуация открыла для многих литераторов дух глубинки, про-

винции, а в Ташкенте и Алма-Ате – особый мир Востока. Книга основана на дневниковых записях, письмах, мемуарах и устных рассказах свидетелей тех лет. Читатель сможет увидеть бытовое, житейское, непарадное лицо войны.

В содержание книги входят следующие главы, повествующие об эвакуации писателей в Ташкент [22, с.4, 5]: Ташкент. Конец 1941-го начало 1942 года; Ташкентский мир. Расселение писателей; Горький запах эвакуации; Каморка Георгия (Мура) Эфрона; Алайский рынок; Прогулки по городу; Ноев ковчег. Улица Карла Маркса, 7; Ташкент – Чистополь; Эпилог: ташкентцы и чистопольцы.

Большой интерес в изучении темы эвакуации представляют воспоминания поэтов и писателей, представленные в данной книге. В воспоминаниях авторы делятся впечатлениями и эмоциями, которые они переживали в годы эвакуации. Как отмечает автор книги, интонация дневников, писем, записных книжек резко отличается от послевоенных воспоминаний о тех годах. Ностальгические нотки зазвучат потом, а в тот момент, судя по всему, состояние большинства эвакуированных в Ташкент было депрессивным.

К примеру, писательница Татьяна Луговская, сестра известного поэта и журналиста Владимира Луговского, в начале эвакуации описывает Ташкент как «город, созданный для погибания»; он не показался ей ни красивым, ни доброжелательным. Татьяна Луговская не сразу сумела полюбить Ташкент, но полюбив, пыталась его образ передать в красках и словах: «Ташкент был мрачен и прекрасен одновременно. Мрачен войной, ранеными солдатами и больными беженцами, горьким запахом эвакуации, замкнутым, сухим, пыльным, с домами без окон на улицу – старым городом, городом чужой земли. Прекрасен – потому что красив, потому что юг, а главное, какой-то полной свободой: уже нечего терять, уже все страшное случилось, уже все, что имело ценность, обесценено и потеряно».

Корней Иванович Чуковский, оказавшись в Ташкенте в октябре 1941 г., искренне восхищался открытым на старости лет восточным городом. В своих воспоминаниях он пишет: «Я брожу по улицам, – писал он в дневнике, – словно слушаю музыку – так хороши эти аллеи тополей. Арыки и тысячи разнообразных мостиков через арыки, и перспективы одноэтажных домов, которые кажутся еще ниже оттого, что так высоки тополя, – и южная жизнь на улице, и милые учтивые узбеки, – и базары, где изюм и орехи, – и благодатное солнце, – отче-

го я не был здесь прежде – отчего не попал сюда до войны?» [15, с.397].

Таким образом, данная книга представляет большую ценность тем, что в ней запечатлены воспоминания и фотографии, сохранившиеся в дневниках, в записных книжках, в поэтических строфах дневникового характера. Каждый фрагмент воспоминаний, писем, записок, стихов раскрывает эпизоды из повседневной и творческой жизни эвакуированных писателей и поэтов.

Исследования о роли транспорта в эвакуации населения (железнодорожный, водный, воздушный)

Исследования о роли различных видов транспортировки населения в эвакуации в годы Второй мировой войны велись некоторыми зарубежными учеными. Перемещение огромных людских масс было невозможно без соответствующей транспортной инфраструктуры. Роль и значение железных дорог как главного транспортного ресурса эвакуации были достаточно изучены и описаны исследователями [22]. Все остальные виды транспорта – авиационный, автомобильный, водный – оказались на периферии внимания, и до настоящего времени их роль и значение в эвакуационных перевозках населения изучены слабо. Наиболее известным до настоящего времени работами являются статьи С.Ф. Эдлинского [23], В.Я. Нейгольдберга [24] и М.П. Беленко [25], посвященные морскому и речному транспорту.

М.П. Беленко в своей статье рассматривает значение водного транспорта в эвакуации гражданского населения из прифронтовых зон в тыловые регионы. Он отмечает, что эвакуация людей водным транспортом шла с территорий, сухопутное сообщение с которыми было блокировано наступающими войсками противника. В статье приведены статистические данные о количестве эвакуированных при помощи водного транспорта: в 1941 г. – более чем 500 тыс. человек, в 1942 – примерно 450 тыс. человек.

Л.И. Снегирева делает попытку внести посильный вклад в изучение важнейшей составляющей проблемы эвакуации – транспортировки населения из прифронтовых областей в тыловые регионы. Автор анализирует состояние железнодорожного транспорта накануне войны, отмечает его недостаточную мобилизационную готовность, отсутствие единого законченного плана оперативных перевозок на случай возникновения боевых действий. Показывает меры по перестройке работы железнодорожного транспорта в связи с началом военных

действий, трудности проводимых мероприятий, стремление вражеских войск парализовать эвакоперевозки, ошибки, нарушения установленных правил приема и отправки поездов с эвакуированным населением. Л.И. Снегирева делает вывод о том, что железнодорожный транспорт, железнодорожники вынесли на себе основную тяжесть перевозок при эвакуации населения.

Таким образом, в историографии эвакуации населения в годы Второй мировой войны до настоящего времени было накоплено значительное число фактического и научного материала, освещающего различные стороны перебазирования людских ресурсов в тыловые регионы страны, приема, размещения и устройства эваконаселения на новых местах. Тем не менее, место и роль Узбекистана по вопросу организации приема и оказания всесторонней помощи эвакуированному населению окончательно не определены. Сегодня исследователям открыт значительный объём архивных документов, который постоянно расширяется и может быть использован при проведении научных исследований по эвакуации населения.

Перспективными направлениями будущих исследований нам представляются исследования в области изучения географии размещения эвакуированного населения и промышленных предприятий, определения эффективности эвакуационного процесса, распределения и трудоустройства эваконаселения, его повседневной и материально-бытовой жизни, а также послевоенной судьбы эвакуированных.

1. [Электронный ресурс]. Режим доступа: Выступление Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева на торжественной церемонии, посвященной Дню памяти и почестей Режим доступа: https://president.uz/ru/lists/view/4335 (дата обращения 04.10.2022).
2. М.П. Беленко. Эвакуация гражданского населения в среднеазиатские республики СССР в годы Великой Отечественной войны // Исторический курьер. – 2019. – № 4 (6).
3. Буриева Х.А. Отчеты организаций по эвакуации Узбекистана как исторические источники военного периода // История. Память. Люди: Материалы международной научно-практической конференции. 23 сентября 2020, Алматы – Алматы, 2020. – С.18-29.
4. Национальный архив Узбекистана. Ф.Р-314. Оп.1. Д.61. Л.164, 281.
5. Махкамов А.В. Рассекречивание документов периода Второй мировой войны в Республике Узбекистан // Отечественные архивы (Москва). – 2020. – № 4. – С.133–135. [Электронный ресурс]. Режим доступа Рассекречивание документов периода Второй мировой войны в Республике Узбекистан (elibrary.ru) (дата обращения 04.10.2022).
6. [Электронный ресурс] Экстраполяция. Режим доступа: http://www.marketch.ru/marketing_dictionary/je/extrapolation/ (дата обращения 04.10.2022).

7. Потемкина М.Н. Демографический аспект эвакуации населения в советский тыл в годы Великой Отечественной войны. / Социально-экономические и демографические аспекты реализации национальных проектов в регионе: сб. ст. X Уральского демографического форума: в 2 т. / отв. ред. д-р экономических наук О.А. Козлова, д-р ист. наук Г.Е. Корнилова. – Т.2. – Екатеринбург: Институт экономики Уро РАН, 2019. – С.139-143. [Электронный ресурс]. Режим доступа: Демографический аспект эвакуации населения в советский тыл в годы Великой Отечественной войны (urfu.ru) (дата обращения 04.10.2022).
8. Дунбинская Т.И. Статистика эвакуированных и местных детских учреждений в годы Великой Отечественной войны (на материалах Западной Сибири) // Вестник ТГПУ (TSPU Bulletin) (Томский государственный педагогический университет). – 2011. – № 13 (115) – С.46-51. [Электронные ресурсы]. Режим доступа: vestnik-13-115-2011_4.indd (tspu.edu.ru); Статистика эвакуированных и местных детских учреждений в годы Великой Отечественной войны (на материалах Западной Сибири) – тема научной статьи по истории и археологии читайте бесплатно текст научно-исследовательской работы в электронной библиотеке КиберЛенинка (cyberleninka.ru) (дата обращения 04.10.2022).
9. Саидова Г.Ш. Жизнь эвакуированных детей в Узбекистане в годы Второй мировой войны // Молодой ученый (Казань). – 2013. – № 12 (59). – С.757-760. [Электронный ресурс]. Режим доступа: Жизнь эвакуированных детей в Узбекистане в годы Второй мировой войны | Статья в журнале «Молодой ученый» (moluch.ru) (дата обращения 04.10.2022).
10. Хисамутдинова Р.Р. Вклад Узбекистана в великую победу над фашистской Германией // Эшелоны идут на восток. Эвакуация в Узбекистан в годы Великой Отечественной войны. Сборник материалов Международной научной конференции, посвящённой 75-летию Великой Победы (г. Ташкент, 27 сентября 2019 г.). Серия: «Евразийский перекресток». Вып. 12. – Оренбург: ООО ИПК «Университет», 2019. – С.8-19.
11. Буриева Х.А. Документы фонда № 314 ЦГА РУз как источник по изучению проблемы эвакуации населения в годы II мировой войны // История. Память. Люди: Материалы VIII международной научно-практической конференции. 16 сентября 2016 г., Алматы – Алматы, 2017. – С.234-245.
12. Буриева Х.А. Социально-экономические сведения в архивных материалах об эвакуированном в Ташкент еврейском населении в 1942 г. / История. Память. Люди: Материалы IX международной научно-практической конференции. 27 сентября 2018 г., Алматы. – Алматы, 2018. – С.68-75.
13. Иофе В.Г. О некоторых архивных фондах по эвакуации в государственных архивах Узбекистана (годы Великой Отечественной войны) // История. Память. Люди: Материалы международной научно-практической конференции…указ соч. – Алматы, 2020. – С.29-31.
14. Тухтаева М.С. Повседневная жизнь эвакуированных художников Москвы и Ленинграда в Узбекистане в 1941–1943 гг.; Творческая жизнь художественной интеллигенции Ленинграда и Москвы в эвакуации Узбекистане (1941–1943 гг.) / История. Память. Люди: Материалы VIII международной научно-практической конференции. 16 сентября 2016 г., Алматы – Алматы, 2017. – С.112-126.
15. Громова Н.А. Ноев ковчег писателей. Эвакуация 1941–1945. Чистополь. Елабуга. Ташкент. Алма-Ата. – «Corpus (АСТ)», 2019. [Электронный ресурс]. Режим доступа: "Ноев ковчег писателей. Эвакуация 1941–1945. Чистополь. Елабуга. Ташкент. Алма-

Ата" - Громова Наталья Александровна - Страница 1 - ЛитМир (litmir.me) (дата обращения 04.10.2022).
16. Вексельман М. Еврейские театры (на идиш) в Узбекистане: 1933–1947. – Иерусалим: Филобиблон, 2005. – 200 с.
17. Шамуратова М. Творческое сотрудничество интеллигенции Узбекистана с эвакуированными в республику представителями науки и культуры (1941–1945 гг.). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – Ташкент, 1991
18. Ильина И.Н. Эвакуированная наука: академические учреждения в Узбекистане в годы Великой Отечественной войны (по документам архива РАН) / Эшелоны идут на восток. Эвакуация в Узбекистан в годы Великой Отечественной войны…указ. соч. – Ташкент, 2019. – С.27-36.
19. Потемкина М.Н. Среднеазиатский период жизни в эвакуации столичных кинематографистов (1941–1944 гг.) // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2005. – № 15. – С.130-132.
20. Постников С.В. Деятельность учреждений Академии наук СССР во время эвакуации в Узбекистан в годы Великой Отечественной войны // «Идет война народная, Священная война» (к 70-летию начала Великой Отечественной войны): сборник материалов межрегиональной научно-практической конференции. – Оренбург: ООО «НикОс», 2011. – С.228-236.
21. Постников С.В., Маркушина С.В. «Принимая у себя наших гостей, мы испытывали противоположные чувства» (о деятельности ленинградских учреждений науки во время эвакуации в Узбекистан) // Культура и цивилизация. – 2019. – Т. 9. № 1А. – С.127-135.
22. Потемкина М.Н. Дорога в эвакуацию: опыт реконструкции железнодорожных перевозок населения в условиях Великой Отечественной войны // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 4, Ист. – 2015 № 4 (34). – С.107-118; Снегирева Л.И. Эвакуация населения и железнодорожный транспорт в годы Великой отечественной войны (на материалах Западной Сибири) // Вестник ТГПУ. – 2015. – 2 (155). – С.21-30.
23. Эдлинский С.Ф. На морских коммуникациях // Эшелоны идут на Восток: Из истории перебазирования производительных сил СССР в 1941–1942 гг.: Сборник статей и воспоминаний. – М.: Наука, 1966. – С.141-167.
24 Нейгольдберг В.Я. Боевая вахта речников // Эшелоны идут на Восток…указ. соч. – М.: Наука, 1966. – С.168-186.
25 Беленко М.П. Роль водного транспорта в эвакуации гражданского населения в годы Великой Отечественной войны // Исторический курьер (Институт истории Сибирского отделения РАН). – 2018. – № 2. Статья 19. – С.1-10. [Электронный ресурс]. Режим доступа: Роль водного транспорта в эвакуации гражданского населения в годы Великой Отечественной войны – тема научной статьи по истории и археологии читайте бесплатно текст научно-исследовательской работы в электронной библиотеке КиберЛенинка (cyberleninka.ru) (дата обращения 04.10.2022).

Панто Д.

История Польского представительства (делегатуры) в Алма-Ате 1941–1942 гг.[1*]

Известный польский писатель, поэт и переводчик Александр Ват, так вспоминал свой первый визит в польское представительство в Алма-Ате в январе 1942 г.: «Знаю, что там уже есть главное представительство для всего Казахстана, оно находится на ул. Красноармейской в самой элегантной гостинице города, куда эвакуированы из Москвы все звезды Мосфильма. [...] Очень это странно после всех несчастий, тюрем и нищеты. Вхожу в зал, большой зал в европейском стиле, отель почти в парижском стиле, в зале много людей, в основном офицеры, в основном раненые в отпуске, и красивые молодые женщины, как-то великолепно одетые. Звезды, звездочки. А нищие – поляки, собираются перед представительством на первом этаже. Они стоят на ступеньках и ждут, когда их впустят. Пускают по очереди. [...] Я не буду много говорить о представительстве, потому что жаль на это времени, но о некоторых вещах необходимо сказать, потому что они были очень искажены, а они очень характерны для этого периода, для поляков и т. д.» [1]. Насколько мнение Вата было обоснованным и насколько оно было обусловлено его идеологическими и политическими убеждениями? Ответ на этот вопрос побудил меня написать этот исторический очерк, посвященный деятельности польского представительства в Алматы и его сотрудников в период 1941–1942 гг.

В то время Алматы был особым городом, столицей Казахской ССР и местом эвакуации советской интеллигенции из Москвы и других прифронтовых городов Советского Союза. В силу этих обстоятельств польских граждан не депортировали в окрестности города, как это происходило в других областях Казахстана, особенно в северных и восточных районах. Однако ситуация изменилась с объявлением т. н. амнистии для польских граждан. Освобожденные из лагерей, тюрем и спецпоселений, они лавинообразно и хаотично начали мигрировать в южные республики Советского Союза [2]. В январе 1942 г. НКВД зарегистрировало 25 998 [3] польских граждан в Южно-Казахстанской обл. [4]. Граждане, прибывшие в этот район, были истощены, больны и нуждались в неотложной помощи. Поэтому было бы решено создать одно из восьми польских представительств в Ка-

[1*] [Электронный ресурс]. Губайдуллина М.Т., Исова Л.Т., Кульбаева А.Т. Режим доступа: Польские делегатуры в Казахстане в годы Второй мировой войны: Алма-Ата и Семипалатинск (cyberleninka.ru) (дата обращения 10.10.2022).

захской ССР, которые были открыты в гг. Кустанае, Павлодаре, Петропавловске, Акмолинске, Чимкенте, Джамбуле, Семипалатинске и Алма-Ате. Стоит подчеркнуть, что советские власти неохотно открывали представительства в крупных городах и столицах республик. Посол Польши в СССР, Станислав Кот так вспоминает переговоры с советской стороной о размещении представительств: «Дискуссия о размещении представительств подходит к концу. В ходе переговоров мы договорились о 20 местах в которых будут находиться представители в зависимости от количества и распределения польских граждан. Советская власть не способствовала размещению представителей в столицах дальних республик, как бы не желая их близости с руководителями инородных территорий, которые иногда оказывали полякам далеко идущую благосклонность, например, казахское правительство в Алма-Ате или киргизское во Фрунзе» [5, p.244]. Стоит отметить, что еще до официального учреждения представительства в столице Казахской ССР город и область посетили мобильные представители, действовавшие на территориях до учреждения стационарных представительств. В первую группу таких представителей вошли профессор Мариан Хитцман, будущий представитель в Самарканде, и доктор Р. Шумский. Делегация отправилась в командировку 1 декабря 1941 г. «в сопровождении» офицера НКВД и проехала более 8 тыс. кв. км [6].

Прежде чем перейти к описанию судьбы Представительства в Алма-Ате, стоит охарактеризовать регион, в котором должно было функционировать это учреждение. Одним из важнейших факторов было положительное отношение местных властей к польским гражданам, ведь, как уже упоминалось выше, польское население не депортировалось в эти районы, таким образом, по мнению местных властей, это были свободные люди (кроме того, иностранцы) с полными правами. Другим важным элементом, поднявшим авторитет польской миссии, было Войско Польское в СССР, дислоцировалось на юге Казахстана. В это время в Казахской ССР формировались следующие польские части: 8-я дивизия – Чокпак, Манкент и Высокое, 10-я дивизия – ст. Луговая и Мерке и 1-й уланский полк – Отар [7, 8]. На территории Кыргызской ССР дислоцировались следующие польские части: 5-я пехотная дивизия – Джалал-Абад, Учебный артиллерийский центр в Карасу, Бронетанковый учебный центр и Армейский автомобильный батальон в Карабалтах. В этом районе, находящемся под юрисдикцией Представительства в Алма-Ате, была большая концентрация польской интеллигенции, активно помогавшей и участво-

вавшей в деятельности Представительства. Самыми серьезными трудностями, с которыми столкнулось польское население (попавшее сюда, как мы уже знаем, после объявления «амнистии»), была невозможность строительства жилья. Условия жизни, учитывая пустынный климат и отсутствие лесов, были очень неблагоприятными. Только в городах можно было встретить кирпичные строения. Обычно жильем для польских граждан были мазанки, а учреждения по уходу располагались в мечетях, синагогах, советских складах и т. д. Еще одной серьезной проблемой было отсутствие развитой транспортной инфраструктуры. Польская армия и поселения должны были располагаться вдоль железной дороги (Турксиб). Только в таких локациях польские представители могли хоть чем-то помочь нуждающимся [6, p.155]. Хаотическая транспортировка польского населения привела к потерям членов семьи, а массовый отток мужчин в формирующуюся польскую армию поставил эту группу в зависимость от помощи (ощущалась нехватка рабочих рук, в местах поселений польских граждан преобладали женщины и дети). Однако самой большой проблемой были инфекционные заболевания. Несмотря на то, что климат в Казахстане и Киргизстане был несколько лучше, чем в Узбекистане, это не спасло польское население от эпидемии (часто рецидивирующего) сыпного тифа. Отсутствие организованной медицинской помощи и скудные запасы обусловили высокую смертность в этом районе. Таким образом, область, на которую распространялась юрисдикция Представительства, была сложным регионом, требующим большой работы и преданности делу со стороны сотрудников Представительства.

После того, как формальности были согласованы и представитель (делегат) Казимеж Венцек был утвержден Народным комиссариатом иностранных дел (НКИД), можно было приступить к организации Представительства в Алма-Ате. Скорее всего, делегат Венцек [9] прибыл в столицу Казахской ССР 28 октября 1941 г. Вместе с ним из Ташкента приехал его заместитель и переводчик князь Евстафий Сапега (1881–1963). Один из первых отчетов, отправленных в посольство РП в Куйбышеве, датирован 15 ноября 1941 г., из которого следует, что представитель Венцек должен был приступить к работе сразу после прибытия в конце октября [10]. В первом отчете делегат указывает на огромное количество прибывающего на юг польского населения: «В Алма-Атинском р-не в настоящее время проживает около 4 тыс. граждан польских. Численность их значительно возросла за последние 10 дней, поэтому эту цифру нельзя считать окончательной,

поскольку с каждым днем с севера прибывает все больше транспортов, из которых лишь небольшие группы граждан регистрируются в Представительстве» [10]. Граждане, прибывающие с севера, были крайне истощены, не имели самого необходимого для жизни, в т. ч. одежды и обуви.

На первом этапе работы Представительства необходимо было организовать, согласно указаниям Посольства Республики Польша в Куйбышеве, местную сеть доверенных представителей, а также организовать социальное обеспечение польских граждан, их регистрацию и разовую помощь (включая врачебную) [11], организовывать культурно-просветительскую и патриотическую работу в польских общинах, обеспечивать депортированных соответствующими польскими документами (паспортами), распределить материальную помощь среди польских граждан [12].

Как Представитель Польши, Венцек должен был тесно сотрудничать с местными советскими властями. Одна из первых бесед делегата с представителем НКИД при Казахской ССР Г. Смирным состоялась 8 декабря 1941 г. В ходе переговоров сторон поднимались вопросы размещения польских граждан, а также оказание им неотложной помощи и ухода. Из разговора стало понятно, что представительство в Алма-Аты до сих пор не легализовано: «Г-н Смирнов подчеркивает, что, несмотря на то, что Представительство не легализовано, он поддерживает его деятельность, т. к. наблюдал значительные результаты работы на местах и просит проинформировать его как организована сеть доверенных представителей на местности» [10, k.3].

В первые месяцы работы Казимира Венцека еще не были определены территориальные границы Представительства в Алма-Ате. Только 8 января 1942 г. была утверждена юрисдикция организации [13]. С этого момента в территориальную компетенцию Представительства вошли Алма-Атинская обл. и Киргизская ССР. Одновременно с этим согласованием и с аккредитацией избранных представителей в НКИД К. Венцек получил новое назначение, о котором НКИД уведомил 9 января 1942 г. [10, k.6]. Эту информацию подтверждает в своих воспоминаниях посол Кот: «Как только из Москвы придет одобрение на согласованный с Наркоминделом план – уже пришло 8 января – назначают делегатов. [...] Венцека на Алма-Атинскую обл. и Киргизскую Республику, с Представительством в Алма-Ате [...]» [5, p.244–245] Однако решения, которые принимались в центральных советских органах, не всегда вовремя доходили до советских респуб-

лик. Так еще 21 января 1942 г. Г. Смирнов не получил из центра никаких сведений о полномочиях делегата Венцека и его территориальной юрисдикции, аналогичная ситуация была и в Киргизской ССР. Эта ситуация сильно осложняла открытую деятельность Представительства и его сотрудников. Соответствующая аккредитация Представительства дошла до столицы Казахской ССР 28 января 1942 г. В то же время Смирнов в письме Председателю КПК Казахской ССР Алексею Бабкину и председателю облисполкома[1*] заявил, что: «Советское правительство дало посольству разрешение на организацию временного представительства посольства в Алма-Ате» [14, л.147]. До этого оно действовало полулегально [15]. Установление официальных отношений представителя с властями казахстанской ССР, а также легализация Представительства совпали с визитом атташе Посольства Анджея Повежи. По этому случаю К. Венцек и атташе были официально приглашены на аудиенцию к Бабкину, после чего делегат и Повежа были гостями Бабкина в театре, где для части польской делегации был организован торжественный прием. Стоит подчеркнуть, что до июня 1942 г. Делегатура в Алма-Ате выполняла функции посредника между всеми польскими представительствами, находившимися на территории Казахской ССР, и Полномочным представителем НКИД в Казахстане, в случаях вмешательства «в случае несогласования дела с областными властями» [16]. Александр Ват справедливо назвал Представительство в столице Казахской ССР «главным Представительством для всего Казахстана» [1, p. 261]. В своем «отчете о командировке» атташе посольства Анджей Повежа подчеркнул, что именно местные власти хотели решения, когда «наше Представительство в Алма-Ате имело в какой-то степени превосходство над другими казахстанскими Представительствами, и в частности, что оно должно апеллировать к республиканской власти по всем принципиальным вопросам, касающимся всего Казахстана» [6, p.23]. Однако количество апелляций к центральным властям в Алма-Ате был настолько велик, что полпред НКИД отменил процедуру обращений, согласно которой все вопросы должны были согласовываться с местными советскими областными властями [10, k.89].

Стоит упомянуть, что в начале 1942 г. была предпринята попытка создания самостоятельного Представительства в Киргизской ССР в

[1*] Возможно, речь идет об Алексее Никитиче Бабкине, с июля 1941 г. по май 1943 г. – нарком внутренних дел КазССР и Сабдыке Шарипове, в 1940–1942 гг. – председатель Алма-Атинского облисполкома (прим. ред.).

столице республики – г. Фрунзе. Временно, в период с 7 января по 17 февраля 1942 г., учреждением руководил д-р. Станислав Сикора (врач, майор запаса). Временное Представительство во Фрунзе располагалось по адресу: Гостиница «Кыргызстан», комната № 2 [10, k.14]. Во время попыток польской стороны организовать представительство в Кыргызстане д-р Сикора, формально являлся заместителем представителя в Алма-Ате. 27 февраля 1942 г. заведующий отделом социального обеспечения Посольства Республики Польша в Куйбышеве В. Брунер в своем обширном письме делегату Венцеку знакомит нас с такой ситуацией: «Относительно организации представительства во Фрунзе, Посольство получило от Вас депешу 10 января 1942 г., о вашем приезде во Фрунзе для организации там работы. Насколько известно посольству, в течение нескольких недель после направления сообщения вопрос не решался, официальных визитов не было, что похоже сделало местные власти во Фрунзе особенно неблагосклонными к учреждению и это, вероятно, сильно затруднит работу там в ближайшем будущем» [10, k.32]. Как видно из этого описания, советская власть не допустила открытия Представительства в соседней советской республике. Из-за таких решений юрисдикция Киргизской ССР была отнесена к территориальной компетенции Представительства в Алма-Ате. В связи с этим, с согласия Посольства Республики Польша в Куйбышеве, Венцек назначил доверенных представителей на территории Кыргызской ССР, а представитель во Фрунзе был уполномочен обращаться к властям Республики по вопросам, относящимся к этой территории [6, p.164]. В рамках своей временной деятельности польские граждане считали это настоящим Представительством среди польских граждан. А. Ват, которого отрядили заниматься кадровыми вопросами во Фрунзе, описывает это так: «Тем временем, из Куйбышева мне пришло указание ехать судьей или представителем в Киргизию, в окрестности Фрунзе, потому что там подавались жалобы в посольство на доверенного представителя от местных граждан, во-первых он обвинялся в воровстве, во-вторых, в том, что он жуткий антисемит. [...] Обвинения были настолько серьезными, что Куйбышеву уже пришлось с этим разбираться. Доехав туда, я должен был выйти во Фрунзе. Фрунзе столица. Там было Представительство» [1, p.306, 307]. Согласно этим воспоминаниям, в Представительстве во Фрунзе работали польский писатель, поэт, переводчик – Павел Хертц, Казимеж Пилат и его жена Янина.

Также долго решался и вопрос с расположением Представительства в Алма-Ате. Первоначально, как мы знаем из воспоминаний А. Вата, оно располагалось в съемных номерах гостиницы «Дом Советов» по ул. Красноармейская, 81. Эта гостиница, построенная в 1932 г., в то время была самой большой в городе, и насчитывала 150 номеров. Пребывание в гостинице было связано с массой неудобств, в т. ч. и с тем, что толпы граждан Польши заполняли фойе гостиницы в ожидании встречи с персоналом Представительства. Делегат Венцек так описывает условия, в которых приходилось работать в Представительстве: «Наше учреждение находилась на первом этаже. Оно состояло из крохотной прихожей и комнаты с двумя окнами, размером около 30 кв. м. К ней примыкала крохотная ниша с двумя железными кроватями и одним шкафом. В этой нише потолок был деревянным, и во время дождя с него постоянно капала вода. В комнате было нагромождение разной мебели, в т. ч. огромный шкаф, видимо взятый у какого-то горожанина [...] старый железный шкаф и две лавки, вернее нары с матрацами. На окнах красные занавески и железная стойка с обгоревшим абажуром. И санузел с железным унитазом и ванной, но водонагреватель был не пригоден для использования – горячая вода была только на втором этаже в столовой» [17, p.61]. Стоит отметить, что вход в Представительство тщательно охранялся дежурящим на этаже сотрудником НКВД в штатском. Поэтому делегат Венцек продолжал прилагать усилия для поиска подходящего помещения. В записке, составленной 14 марта 1942 г., есть информация, что «помещение для делегации будет определено в течение нескольких дней» [10, k.39]. Только в начале апреля 1942 г. местные власти выделили участок под новую резиденцию Представительства. Это был большой дом с четырьмя комнатами и огороженным двором, расположенный по адресу ул. Пролетарская, 64. Представитель Венцек так описывает новую резиденцию: «Эти комнаты были отремонтированы, побелены и даже примитивно обставлены. По крайней мере, можно было спокойно работать. [...] Собственное помещение позволило отметить государственный праздник 3 мая. Службу отправил капеллан-францисканец, находившийся в это время в Алма-Ате» [17, p.66].

Представительство функционировало в рамках соответствующей организационной схемы, опубликованной 7 мая 1942 г. [10, k.63]. Организационная схема включала территориальные рамки учреждения и наиболее важные и основные задачи: «в задачи Представительства входит создание экономически и культурно жизнеспособных поль-

ских граждан. Путем обеспечения населения соответствующими источниками труда, как основного средства к существованию, и оказание им необходимой помощи средствами и натурой» [10, k.58]. В состав Представительства должны были входить Представитель, его заместитель, секретарь, референты, канцелярские служащие и доверенные представители (которые при необходимости могли иметь и канцелярских служащих), находящиеся на территориях. Возглавлявший миссию Представитель выступал в качестве официального представителя Посольства Польши в Куйбышеве [18]. В Представительстве действовали следующие отделы: общий, хозяйственный, социально-бытовой, культурно-просветительский, военный, паспортный и инспекционный.

По имеющимся документам и материалам постараемся реконструировать состав Представительства. Первым представителем стал уже упомянутый инженер Казимеж Венцек. Венцек был утвержден нотой Народного комиссариата иностранных дел 9 октября 1941 г. [6, p.11]. К. Венцек родился в 1897 г. До Второй мировой войны он работал служащим Министерства связи. После 17 сентября 1939 г. был арестован советскими властями во Львове, находился в тюрьме «Бригидки» и в Харькове. После проведенного «следствия» был выслан по этапу Красноярск в ГУЛАГ в Мариинск. После начала германо-советской войны его привезли на Лубянку, где он отказался сотрудничать в создании железнодорожных диверсионных групп, т. к. эта акция не была согласована с польским правительством в Лондоне [17, p.59]. Случайно встреченный Венцеком советник Министерства иностранных дел во время одной из воздушных тревог в Москве, рассказал ему о работе посольства Польши и деятельности С. Кота. После соответствующих объяснений и лечения, К. Венчек приступил к работе в отделе социального обеспечения, возглавляемом Отто Пером. Первоочередной задачей отдела была подготовка списка депортированных польских граждан и организация групп ссыльных [18, p.60]. Ввиду необходимости организации территориальной сети Представительств в Советском Союзе Казимеж Венцек был избран руководителем учреждения в Алма-Ате. 10 октября 1941 г. он получил назначение. В конце октября К. Венцек вместе с Евстахием Сапегой, Яном Квапинским и его семьей выехал в Ташкент, где должен был помогать Квапинскому в организации Представительства в Узбекистане [18, p.61]. Представитель Венцек проработал в Алма-Ате до июня 1942 г., последний рапорт в Посольство, подписанный им, датирован

12 июня [10, k.75]. Между 12 и 14 июня Венцек был отозван со своего поста. Представитель НКИД сообщил посольству, что К. Венцек не выполнил Указ о сфере деятельности представителей, поэтому Советы потребовали его увольнения. «Обвинение ограничивалось фактом выдачи паспортов польским гражданам еврейской национальности, которые, по мнению советских властей, не являются гражданами Польши. НКИД воспользовался тем, что г-н Венцек сделал официальные отметки в советском паспорте, что, несомненно, было формальным нарушением. В этих условиях Посольство было вынуждено отозвать г-на Венцека из Представительства в Алма-Атие» [6, p.22]. Сам Венцек так ответил на обвинения: «Я выдал 140 паспортов, зарегистрированных в отдельном реестре. Поскольку я перечеркивал советские паспорта, ставя отметку «аннулировано» и номер выданного взамен польского паспорта, это был casus belli для властей в Алма-Ате, и особенно для местного НКВД. Это и стало обвинением, выдвинутым против меня на совещании 2 июня 1942 г., что, к сожалению, заставило посла отозвать меня в Куйбышев!» [17, p.66–67]. По прибытии он покинул Советский Союз вместе с сотрудниками посольства [19]. После окончания войны, до 1947 г., он находился в Лондоне, где работал чиновником при польском правительстве в эмиграции, вернулся в Польшу, где был арестован СБ и провел 7 лет в тюрьме (павильон 10 на ул. Раковецкой и Вронки) [20]. Он умер в Варшаве 27 мая 1993 г. На его место был назначен Владислав Захаревич, утвержденный нотой Наркомата иностранных дел от 10 июля 1942 г., в конечном итоге получивший отказ на вступление в должность от руководства НКИД. В этой ситуации делегацией руководил д-р. Ян Вольский. Представитель Венцек вызвал многочисленные споры и оставил противоречивые воспоминания о себе и своей работе. А. Ват так описывает его: «Венцек, какой-то такой тип варшавского чиновника». В мемуарах Вата он не только фигурирует как человек, который живет богато (вместе с сотрудниками Представительства), в то время как остальные польские граждане просят милостыню на лестницах, а также ведет развязный образ жизни, и также был обвинен польским писателем в серьезных запрещенных деяниях, таких как воровство и торговля алмазами и золотом полученными от депортированных из восточных польских воеводств [21]. Другие, знавшие делегата, были наилучшего мнения о нем, что, например, подтверждается текстами профессора Яцека Тжнаделя, который лично знал К. Венцека [20, p.78, 79].

Как мы уже упоминали выше, в связи с тем, что новый Представитель, назначенный Посольством, не был утвержден советской стороной, его место, в качестве исполняющего обязанности, занял д-р Ян Вольский. 2 июля 1942 г. [22] его доверенности были подтверждены посольством [10, k.92]. До этого назначения д-р Вольский присоединился к польской армии в СССР, поэтому посольство попросило его отложить его вступление в ряды армии Андерса на 2 месяца, чтобы взять на себя временное руководство учреждением. Стоит отметить, что, по мнению Посольства Республики Польша и отдельных Представительств на местах, в этом районе (Южном) было очень большое количество интеллигенции и инициативных людей. Персональный состав Представительства в столице Казахской ССР только подтвердит этот факт. Ян Вольский, имел настоящую фамилию Фельдман, был доктором юридических наук, до войны работал служащим в Управлении государственных лесов [23, k.2]. Вольский был арестован и обвинен в шпионаже в пользу Великобритании и заключен в тюрьму. Д-р Ян Вольский был освобожден из тюрьмы 28 октября 1942 г. [23, k.38]. По свидетельствам очевидцев, после освобождения ему было приказано покинуть Советский Союз в течение 48 часов [1, p.311]. После войны жил в Аргентине [18, p.306]. По мнению коллег, представитель Вольский был очень «щепетилен и мелочен» [18, p.335].

Следующим сотрудником Представительства в столице Казахской ССР была секретарь учреждения Ягодзинская Зофия (Ядвига) [24], до войны была работницей банка [23, k.2]. К. Венцек вспоминает, что Ядвига (Зофия) была депортирована и была освобождена по «амнистии», во время депортации и пребывания в Казахстане (близ Семипалатинска) потеряла сына, мужа и свекровь [17, p.66]. Ядвига дважды исполняла функции курьера Представительства, успешно связывалась и решала вопросы с Посольством Польши в Куйбышево. В марте Ягодзинская покинула столицу Казахской ССР и начала работать в Представительстве в Ташкенте, откуда вместе с другими поляками уехала через Иран в Кению, где продолжила работу в представительстве Польского Красного Креста вместе с Евстафием Сапегой, с которым познакомилась в Казахстане [18, p.68].

На должность заведующего складом Представительства, был назначен уже упомянутый ротмистр К. Лисевич, до войны проку-

рист[1*] [25]. Ротмистр Лисевич был арестован одновременно с Вольским и обвинен в шпионаже в пользу Польши [1, p.335]. Подопечным Лисевича был кладовщик Фенс Меллер, до войны промышленник. Как сотрудник Представительства, работая кладовщиком (заведующим складами) [18, p.325], он имел доступ к товарам, которые поступали в учреждение (лекарства, хлеб, одежда, обувь). Ват оставил о Меллере довольно хорошие воспоминания: «Он был очень человечным. Он все говорил: «Нет, шоколад для вашего сына я могу дать, потому что он маленький, но у меня мало, вы должны помнить о других детях, я дам вам только такой кусочек». Он был очень справедлив, но терпел чужое воровство, терпел эту шайку носильщиков, а кроме того, сам вел большие дела. Это было для нас несомненным. [...] потому что Меллер был добрым, добрым, хорошим и человечным. Просто либеральный, но по существу еврейский слоган: живи и давай жить другому. Немного свинства, но именно это было живи и дай жить другому» [18, p.325]. Фенс был арестован одновременно с ротмистром Лисевичем и д-р Вольским, только его обвинили только в экономических махинациях. Важной фигурой в Представительстве был бухгалтер Станислав Веселы (Весели), до войны работавший частным служащим [23, k.2]. Ошибочно названный Ватом чехом, он был поляком по происхождению и никогда не играл на мандолине, как ему приписывали [26]. После ареста Лисевича и Вольского они остались в Представительстве вдвоем с Ватом. По просьбе Вата посольство назначило Веселы начальником Представительства [27]. С. Весели арестовали в Алма-Ате при закрытии представительства, только в 1948 г. он был освобожден и вернулся в Польшу.

Руководителем культурно-образовательного отдела был поэт, переводчик, писатель А. Ват (1900–1967) [28]. Он же работал переводчиком. До него переводчиком и начальником Отдела регистрации и поисков был князь Евстахий Сапега [29]. Князь недолго пробыл в Алма-Ате (в конце февраля 1942 г. он уехал в Джангджул), эвакуировался в Тегеран, откуда уехал в Кению, где встретился со своей семьей. По отзывам сотрудников, он был хорошим переводчиком и советником, поскольку использовал свой огромный опыт в политических и дипломатических делах.

[1*] Прокурист (от лат. procurare – управлять, ведать чем-либо от имени кого-либо) – доверенный торгового предприятия в некоторых зарубежных государствах, имеющий широкие полномочия (прокуру) на совершение всякого рода сделок.

Другими сотрудниками этого отдела были профессор Янина Пилат и поэт, писатель и переводчик Павел Хертц (1918–2001) [30]. О работе этих двух человек говорилось выше в контексте их работы во Фрунзе. А. Ват познакомил нас с фигурой Янины и описал ее отношение к работе: «Панна Пилат, знаете ли, из этих очень сильных польских женщин она меня смягчила. [...] Раньше она была школьным инспектором по всей Средней Азии. Но только формально, потому что из Фрунзе она никогда не выезжала, а занималась только Фрунзе. И я не вмешивался в образование во Фрунзе, а только в образование в Казахстане. Однако она чувствовала, что я представляю угрозу ее интересам, а я уже знал от доверенных представителей, что у нее есть на меня зуб. Но казалось, что за эти 3 дня и после тех бесконечных ночных разговоров земляков мы практически во всем сошлись, лед растаял, и мы подружились [31]» [1, p. 309]. Эти воспоминания и рассказы показывают нам, как складывались отношения в учреждении, в стенах которого собрались представители различных политических взглядов, взглядов, социальных позиций (вытекающих из довоенных настроений), трудолюбия, стрессоустойчивости и стойкости в жестоких советских реалиях, сдобренные постоянной неуверенностью и наблюдением со стороны офицеров НКВД. Следующими сотрудниками Представительства были Барбара Шимборска, помощник бухгалтера (впоследствии также машинистка), Анна Щчепаньска – машинистка, д-р. Норберт Салпетер – юрист, Казимера Кияновска – сотрудник канцелярии учреждения и Тереза Кись – курьер [23, k2]. На начальном этапе деятельности Представительства в нем работали Сильвестр Барткевич – начальник паспортного отдела, д-р Виктор Турек – секретарь, Анджей Домбровский, руководитель юридического отдела, Станислав Рогожа [32], д-р Ян Полак – врач учреждения [14, л.11] и лейтенант Штефан Юзва – начальник отдела снабжения семей военнослужащих. На пике своего развития штат Представительства составлял 22 человека.

Процесс ликвидации польских представительств в СССР был долгим и сложным. Первые обвинения против представителей были выдвинуты в марте 1942 г. [6, p.1]. Их обвиняли в шпионаже, происхождении (по данным Советов, представитель в Сыктывкаре был немецкого происхождения, а его отец – немецким офицером) [33], торговле алмазами и золотом, выдаче польских паспортов «советским гражданам», как правило, аресты представителей и доверенных лиц всегда основывались на предполагаемом преступлении. Первые обвинения в адрес деятельности представительств прозвучали на межгосудар-

ственном уровне во время беседы Новикова и Арлета 21 марта 1942 г. [6, p.1]. Затем эта волна обрушилась на республиканские и областные администрации. В письме заместителя Совнаркома КазССР Н. Бабкина от 24 марта 1942 г. приводятся обвинения и пример «враждебной» деятельности Представительств в Казахстане. В конце письма даются 11 вопросов, на которые должны были ответить председатели обкомов, в т. ч. вопросы о политических взглядах представителя, о поведении польских граждан, о претензиях со стороны польского представительства и т. д. [14, л.104-108]. Как видно из поднятых выше вопросов, советские власти еще с марта 1942 г. собирали материалы, которые хотели использовать в дальнейшем для закрытия учреждений и репрессий против польских граждан.

В итоге с 29 июня по 20 июля 1942 г. Представительства были закрыты. В ходе репрессий были арестованы представители, их заместители, доверенные лица, управляющие, всего более 150 человек [34].

После ареста д-ра Яна Вольского, как мы упоминали выше, доверенным лицом и фактическим главой Представительства стал С. Везелы. Вместе с ними в учреждении работали А. Ват, М. Щчепаньска, Й. Полак, А. Клиш и С. Вавжек. Среди вышеперечисленных только Везелы имел разрешение НКИД (уведомлено 10 сентября 1942 г., заявление № Д - 3976/42 и нота от 13 ноября 1942 г., № 235/42) [35, p.69], остальные работали без требуемых советской стороной согласований. Делегация по-прежнему имела две комнаты на Пролетарской, 64 и два склада по адресу ул. Абая, 12 и Белинского, 2 [14, k.25]. Об условиях, в которых в этот трудный период приходилось работать другим сотрудникам Представительства, Ват вспоминал: «Работа была тяжелой и сопряженной с опасностями, мы пришли к выводу, что нам также нужно тихо помогать евреям с территорий, ранее оккупированных Советским Союзом. [...] Каждый день мы ходили на почту к телефону, чтобы связаться с Куйбышевым. Нам говорили, что линии заняты. День, второй, третий, четвертый, пятый. Мы не знали, что делать. Три серьезных ареста [36]. Он был арестован, поэтому необходимо сообщить, об этом. Мы каждый день отправляли в Куйбышев по три депеши, а вдруг одна дойдет? У меня был личный адрес Парницкого, поэтому я также отправлял письма на его адрес, чтобы не привлекать внимания телеграммой. Словом, чтобы посольство знало» [1, p.326]. Вызов личного состава на допросы в органы НКВД стал повседневным делом, что, несомненно (после переживших допросы в 1939–1940 гг.) сказывалось на их психическом и моральном состоянии. Сотрудники НКВД, вызывая отдельных сотрудников Пред-

ставительства, хотели доказать их антисоветскую деятельность или шпионаж в пользу иностранных разведок. В связи с тем, что Советы после 20 июля 1942 г. и ликвидации сети Представительств не согласились открыть их, все представители Посольства Польши в Куйбышеве были доверенными лицами. Доверенное лицо С. Везелы часто вызывался ночью в НКВД на допросы, которые его утомляли. После дальнейших арестов в Делегации осталось всего 4 человека: Везелы, Ват, Щчепаньска и Килианова [18, p.337]. На плечи этих людей легли все хлопоты по заботе о польских гражданах, ведение корреспонденции, забота о складах (которые часто подвергались разграблению) и т. д. В конце концов, С. Везелы [37] был арестован, а Представительство в Алма-Ате также было упразднено. В документации Посольства РП в Куйбышеве, в списке доверенных лиц от 25 апреля 1943 г., есть примечание, что С. Везелы «вероятно, арестован» [35, p.69]. Таким образом, можно сделать вывод, что деятельность польского представительства в Алма-Ате была завершена в апреле 1943 г.

1. Wat, *Mój wiek*, Tom 2, opr. R. Habielski, – Kraków, 2011. – P.261-262.
2. В отчете Отдела социального обеспечения Посольства Республики Польша в Куйбышеве ситуацию комментировали так: «С объявлением амнистии начались миграции поляков из северных районов, в основном в направлении юго-восточных районов России, т. е. в так называемую Среднюю Азию (Узбекскую, Таджикскую, Киргизскую, Туркменскую Республики и Алма-Атинскую, Джамбулскую и Южно-Казахстанскую области). Массовое перемещение польского населения было вызвано рядом важных причин. Страх предстоящей новой зимы в суровых климатических условиях, поиск лучших условий жизни на теплом юге, потеря работы в местах проживания. Это движение было, несомненно, стихийным, и оно усилилось с созданием первых польских формирований, в которые вступали не только мужчины, способные к военной службе, но и целые семьи, желавшие как можно скорее оказаться в польской среде». AAN, HI, zespół 35, Ambasada Polski w Związku Radzieckim, 800/35/0/-/44, s.9.
3. Казимеж Венцек в телефонном разговоре с посольством РП в Куйбышеве 13 декабря 1941 г. констатировал: «В Алма-Атинской, Джамбульской и Южно-казахстанской областях находится около 60 000 польских граждан». IPMS, A. 7. 307/6a, k. 4; Однако в последующих отчетах Отдела социального обеспечения, например на 30 июня 1942 г., уже появляются цифры сходные с официальными советскими цифрами – 24 980 человек, в т. ч. 5050 детей, 11 490 женщин и 8440 мужчин. AAN, HI, zespół 35, Ambasada Polski w Związku Radzieckim, 800/35/0/-/44, s.2.
4. Deportacje Polaków i obywateli polskich do Kazachstanu w latach 1936–1941. Wstęp i red. D. Panto, – Gdańsk, 2019. – P.192.
5. S. Kot, Listy z Rosji do Gen. Sikorskiego, – Londyn, 1956. – P.244.
6. AAN, HI, zespół 35, Ambasada Polski w Związku Radzieckim, 800/35/0/-/44. – P.19.
7. На станции Луговая Туркестано-Сибирской железной дороги польские части должны были разместиться в колхозной школе, общежитии при школе, в железнодорожной школе № 33, в интернате при этой школе и на районных складах. В Мерке польские части должны были разместиться в местном Доме культуры, Доме культуры колхоза «Красный интернационал» и Доме культуры колхоза «Красный Восток». В

Отаре польские части должны были разместиться в здании школы № 29, на складе у вокзала и в интернате для детей. АП РК. Ф.708. Оп.1/1. Д.4. Л.51.
8. P. Żaroń, *Armia Polska w ZSRR, na Bliskim i Środkowym Wschodzie*, Warszawa 1981, s. 108; Z. Wawer, *Znów w polskim mundurze. Armia Polska w ZSRR sierpień 1941 – marzec 1942*, – Warszawa, 2001. – P.144–174.
9. Был объявлен Представителем в ноте Наркомата иностранных дел, 9 октября 1941 г.
10. IPMS, A. 7. 307/6a, k.1.
11. Очень серьезно чувствовалась нехватка основных медикаментов.
12. Станислав Кот так описывает их обязанности в своих мемуарах: «К их (доверенных представителей) обязанностям относились: регистрация польских граждан, поиск семей и потерянных людей, регистрациях особ призывного возраста, опека за семьями военных, подтверждением гражданства, паспортизация, опека и уход за сиротами и детьми вообще, престарелыми и инвалидами, здравоохранение, образование, управление складами, связь с населением и с аппаратом Посольства». S. Kot, *Listy z Rosji do Gen. Sikorskiego*, Londyn, 1956. – P.26.
13. Казимеж Венцек в своих мемуарах датирует это событие 14 января 1942 г. K. Więcek, *W Ałma-Acie, w „Moim wieku",* w: Puls, nr 33, 1987. – P.62.
14. Алматинский областной государственный архив. Ф.685. Оп.6с. Д.62.
15. В других источниках приводятся сведения, что делегация была официально признана только 3 февраля 1942 г. ИПМС, A. 7. 307/6a, стр. 15; IPMS, A. 7. 307/6a, k. 15.
16. На Представительство возложена особая задача – ввести в дела властей Республики Казахстан, вопросы, переданные им отдельными Представительствами, действующими на территории Республики». AAN, HI, zespół 35, Ambasada Polski w Związku Radzieckim, 800/35/0/-/44, – P.9.
17. K. Więcek, *W Ałma-Acie, w „Moim wieku"*, w: Puls, nr 33, 1987.
18. Ibidem.
19. «Венцек упаковал чемоданы и романтично, тоскливый, потому что привык к Алма-Ате, но часть посольства уже переезжала за границу, поэтому он знал, что пойдет дальше». A. Wat, *Mój wiek*, Tom 2, opr. R. Habielski, Kraków, 2011. – P.321.
20. J. Trznadel, *Kazimierz Więcek*, Zeszyty Historyczne 1993, nr 106, P.223; J. Trznadel, *Ocalenie tragizmu*, – Lublin, 1993. – P.79–87.
21. Казимеж Венцек так прокомментировал случай с ценностями: «Поскольку многие поляки умирали внезапно и в одиночестве, было секретное указание от польского посольства в Куйбышеве, что, возможно, ценности, оставшиеся от поляков, которые умерли таким образом, должны быть переданы через Представительство в польское Государственное казначейство. Это, конечно, должно было храниться в тайне. После смерти некоторых еврейских женщин были найдены золотые монеты, зашитые в подушку. Представительству было передано определенное количество перстней и серебряных крестиков». J. Trznadel, *Kazimierz Więcek*, Zeszyty Historyczne 1993, nr 106, – P.223; J. Trznadel, *Ocalenie tragizmu*, Lublin, 1993. – P.82.
22. Советник посольства Ян Табачиньский, так мотивирует назначение доктора Яна Вольского в письме к нему: «После отзыва г-на Венцека, г-н посол поручил г-ну доктору управлять делами представительства. Представительству в столице Казахстана придается большое значение, из-за контакта делегата с властями республики, а также из-за значительной концентрации польских граждан в районе г. Алма-Аты и подчиненных польского представительства в Киргызской Республике. Г-н посол предполагал, что при реорганизации представительства сотрудничество г-на доктора будет незаменимым и очень ценным, оно будет способствовать быстрому преодолению временных трудностей, возникших в результате кадровых перестановок»

23. IPMS, A. 7. 307/32.
24. Александр Ват называет ее в своих воспоминаниях Ядзя (Jadzia (Jadwiga). В соответствии с его воспоминаниями она была очень красивой женщиной. A. Wat, *Mój wiek,* Tom 2, opr. R. Habielski, – Kraków, 2011. – P.278.
25. В воспоминаниях Вата есть информация, что ротмистр Лисевич будучи в Алма-Ате имел роман с россиянкой, актрисой театра, которую арестовали, скорее всего, за контакты с ним.
26. Речь идет об этом отрывке: «А за обедом бухгалтер Весели, этот выходец из Чехии, играет на мандолине». A. Wat, Mój wiek, Tom 2, opr. R. Habielski, – Kraków, 2011. – P.266.
27. «Но в самой делегации мы фактически работали только вдвоем: Веселы и я. Когда Вольского взяли, Веселы предложил мне стать начальником, но я был болен, поэтому написал в посольство, чтобы назначили Веселы. Он стал начальником, но на самом деле нас было только двое». A. Wat, Mój wiek, Tom 2, opr. R. Habielski, – Kraków, 2011. – P.325, 326.
28. V. Thomas, Aleksander Wat. Obrazoburca, Kraków 1997; P. Piotr, O Aleksandrze Wacie – i nie tylko. Szkice historycznoliterackie, Kielce 2015; T. Jolanta, Aleksander Wat 1900–1967 (zestaw bibliograficzny), – Łódź, 1992.
29. M. Męclewska, Kawalerowie i statuty Orderu Orła Białego 1705-2008. – Warszawa, 2008. – P.308.
30. P. Hertz, B. Łopieńska, *Sposób życia,* – Kraków, 2016.
31. Ват утверждает, что Янина Пиллат доносила на него в Джангиджул: «У пана могли быть большие неприятности. Панна Пилат из Фрунзе, с которой вы познакомились во Фрунзе, приехала в Джангиджул, и пошла в «двойку» с копией «Красного Знамени», в которой была декларация о присоединении Западной Украины, с вашей подписью тоже. А с тем, что вы на посту, и что вам не пристало находиться в польской дипмиссии». К счастью, она нашла капитана Юзефа, с которым я уезжал из Саратова. Он выбросил ее донос в мусорное ведро. A. Wat, *Mój wiek,* Tom 2, opr. R. Habielski, – Kraków, 2011. – P.355.
32. Redaktor «Tygodnika Ilustrowanego», pracownik Delegatury w Alma Atie, zmarł na tyfus.
33. Обвинения были пустыми, поскольку в посольстве РП имелись данные об отце Т. Григела, который работал врачом в одном из оккупированных немцами польских городов. Настоящей причиной советских притязаний был, по словам З. Семашко, тот факт, что Тадеуш Григель отказался от сотрудничества с местным НКВД. Представительство в Сыктывкаре во главе с Григелем было очень важным местом с точки зрения количества польских граждан, депортированных в АССР Коми. Z.S. Siemaszko, W Sowieckim osaczeniu, – Londyn 1991. – P.239.
34. Dokumenty do historii stosunków Polsko – Sowieckich. Tom IV 1939–1945, red. Ł. Adamski, Cz. 1 Wojna i rozejm (wrzesień 1939 – grudzień 1942), – Warszawa 2021. – P.107.
35. AAN, Ambasada RP w Kujbyszewie, 307, Opieka społeczna nad ludnością polska w ZSRR.
36. Речь идет об арестах Лисевича, Меллера и Вольского.
37. Согласно воспоминаниям Вата он был освобожден из советской тюрьмы в 1947–1948 гг., после чего вернулся в Польшу. A. Wat, *Mój wiek,* Tom 2, opr. R. Habielski, – Kraków 2011. – P.340.

Ковальски Е.

Катынь и депортация семей убитых в Казахстан. Человеческое измерение преступления.

Есть очень много литературы, касающейся истребления граждан Второй Речи Посполитой советским и немецким режимами, подписавшими соглашение в 1939 г. В списке мы найдём: исторические труды, важные научные статьи, основанные на статистических данных, публикации архивных документов, а также воспоминания тех, кто выжил.

Для установления масштаба репрессий важны статистические исследования, касающиеся потерь, понесённых Польшей, в частности в области экономики, культуры, демографии. Однако в своих размышлениях я хочу сосредоточиться не на подсчётах и бухгалтерии, а на том, что было пережито, и на последствиях этих переживаний. С ними связана также международная конференция – «Нас объединяет история». Это встреча всех нас, тех, для кого важна память о предках, о корнях наших народов. В заголовке статьи я поместила предложение: «человеческое измерение преступления».

Что оно означает?

- это до сих пор неустановленные демографические потери, отсутствие возможности назвать поимённо все жертвы репрессий (этому причиной также отсутствие данных о месте захоронения или информаций о местах, исчезающих вместе с теми, кто уходит из жизни; я имею в виду людей, которые будучи детьми играли среди холмиков земли, т. е. на местах захоронений);
- это также не вышедшие в свет монографии и книги убитых (или их близких); это прерванные научные исследования, неизданные сборники стихотворений (напр. стихи Владислава Собылы). Если бы все авторы остались в живых, список лауреатов Нобелевской премии по литературе был бы длиннее;
- это также потеря близких: отцов, сыновей, дочерей, матерей, воспитателей и тех, кто пользовался авторитетом – педагогов и преподавателей по многим предметам. Всех их так не хватало в послевоенной Польше;
- это незаживающая рана тех, кто вернулся в новую Польшу, неся на себе клеймо «катынской семьи». Это запрет на рассказы об убитых и о том, что довелось пережить в местах ссылки вглубь СССР. Это проблемы с получением работы по специальности и в соответствии с

квалификациями. Это и частая невозможность получения образования, особенно высшего.

Однако, всё по порядку…

Чтобы режим мог доминировать, было необходимо уничтожить правящие слои польского населения – тех, у кого было среднее и высшее образование, т. е. польскую интеллигенцию. Идея уничтожения интеллигенции не была закреплена в документах, находящихся в советских архивах и уже переданных Польше. Однако она заметна в указаниях Адольфа Гитлера, если речь идёт о действиях, направленных против польского государства. Уже 22 августа 1939 г. Гитлер сказал: «Уничтожение Польши – на первом плане. Цель – это уничтожение жизненных сил, а не достижение определённого этапа […]. В начале и ведении войны речь идёт не о законности, а о победе. Закройте свои сердца для жалости. Будьте жестоки. Права есть у того, кто сильнее. Действуйте с величайшей безжалостностью […]. Каждая вновь возникшая польская жизненная сила должна быть немедленно уничтожена» [1].

Как будто продолжая эту ранее высказанную вслух мысль, осенью 1939 г. Гитлер добавил: «Лишь народ, правящие слои которого будут уничтожены, можно будет превратить в раба» [2].

В меморандуме Управления НСДАП по делам расовой политики [3] от 25 ноября 1939 г. (документ был составлен на основании указаний Гитлера, переданных им высокопоставленным чиновникам Третьего рейха на совещании 23 октября 1939 г.) уточнили, что такое «правящие слои» народа: «Под понятием 'польская интеллигенция' подразумеваются, прежде всего: духовенство; учителя и преподаватели (включая преподавателей вузов); врачи; стоматологи; ветеринары; офицеры; чиновники высших органов власти; крупные предприниматели; все землевладельцы и дворяне; писатели; редакторы, а также все лица, получившие высшее или среднее образование» [4]. Если речь идёт о советской стороне, программа уничтожения правящих слоёв польского народа, интеллигенции называлась «Обезглавление» [лишение главы, руководства – прим. пер.].

Основой для сотрудничества обоих оккупантов стали положения пакта Риббентроп–Молотов, подписанного 23 августа 1939 г., а также «Германо-советского договора о дружбе и границе между СССР и Германией», подписанного 28 сентября 1939 г. Его секретные протоколы предполагали сотрудничество Гестапо [5] и НКВД [6] в

борьбе с польской агитацией, а по существу – со всеми стремлениями к независимости.

Оккупанты начали выполнять свои обязательства сразу после подписания документов. Задержанных защитников польских границ, особенно офицеров, находящихся в советской зоне, отправляли в спецлагеря НКВД. Среди задержанных были не только профессиональные военные, но и представители более 44 профессий. Задержанных отправляли главным образом в три спецлагеря, находившихся в Козельске, Старобельске и Осташкове. Если Красная армия не задержала кого-либо в сентябре, НКВД арестовывало их позже. Всех, кого отнесли к категории «заклятых врагов советской власти», приговорили к высшей мере наказания – расстрелу.

К исчезновению памяти о геноциде должны были привести в частности репрессии, направленные против всех, кто мог заниматься «вражеской агитацией». Это были, прежде всего, семьи арестованных и пребывающих в лагерях и тюрьмах [7]. Таким образом, власти хотели окончательно избавиться от тех, у кого были такие же жизненные ценности, как у арестованных. Это были носители духа нации, исповедовавшие иные, нежели оккупанты, жизненные ценности. Эти люди представляли собой определённую интеллектуальную и социальную силу, от которой нужно было избавиться.

Депортации семей тех, кого приговорили к расстрелу, начались уже в феврале 1940 г. Членов семей осадников и лесников отнесли к категории спецпереселенцев. Их насильно перевозили в спецпоселения и спецпосёлки НКВД. Места ссылки находились в Кировской, Пермской, Вологодской, Архангельской, Ивановской, Ярославской, Новосибирской, Свердловской областях, в Коми АССР, в Краснодарском и Алтайском краях, а также в Казахстане. По данным НКВД, в феврале 1940 г. депортировали 139–141 тыс. человек, а согласно западным документам – 220 тыс. человек.

Согласно документам, находящимся в Архиве конвойных войск, в феврале 1940 г. в Казахстан отправились 2 специальных поезда:
- 1 февраля спецпоезд с депортированными отправился со станции Рожанка в Щучинском р-не, в Новогрудском воеводстве (ныне Беларусь – ранее польские Восточные кресы). Местом назначения была станция Макинка в Акмолинской обл. Эшелон, в котором ехало 2090 польских граждан, конвоировало 23 солдата из 11 бригады 236 полка под командованием Гурского.

- 5 февраля спецпоезд отправился со станции Поставы в Виленском воеводстве (ныне Литва). Местом назначения была станция Балхаш в Алма-Атинской обл. – в общей сложности 2127 человек. Эшелон конвоировало 23 солдата из 15 бригады 226 полка под командованием Прохорова.

Согласно «Перечню семей, депортированных советскими властями в феврале 1940 г. из-под Гродно в местность Жолымбет в Казахской ССР», а также согласно «Списку семей военнослужащих, вывезенных в СССР», 1 февраля депортировали в частности семью Шулькес, проживавшую в Гродно. Отец, Овсей Шулькес (1887 г. р.) был капельмейстером. Депортировали также его жену Меру (1891 г. р.,), сыновей Лейба (1913 г. р.) и Абрама, и дочь Лаю (1934 г. р.).

Семья попала в «Руд-Джеломбет», Жолымбет, Гаражный дом, Шортандинский р-н Акмолинской обл. Изменение международного положения привело к тому, что этой семье повезло. Она смогла покинуть место принудительного пребывания вместе с польскими вооруженными формированиями под командованием В. Андерса.

Я обращаю внимание на эту семью не просто так. Останки сына Овсея, Мордехая Шулькеса, а также найденные при нём документы, касающиеся конфискации имущества, датированные 10 июня 1940 г. и выданные в Гродно, были идентифицированы во время эксгумации. Она проводилась в Куропатах в Беларуси. Во время всех эксгумационных работ, до сих пор проведённых белорусской прокуратурой, документы, позволяющие идентифицировать личность, были найдены лишь раз. В 1997/1998 гг. в могиле, где обнаружили 373 скелета, нашли документы Моше Крамера и Мордехая Шулькеса. То, что были найдены депортированные близкие жертвы, позволяет почти с уверенностью говорить о том, что тела убитых согласно решению Политбюро ЦК ВКП (б) от 5 марта 1940 г. были захоронены в Куропатах. Необходимо подчеркнуть, что польская сторона до сих пор не получила списков убитых в Минске согласно этому преступному решению. Нам известно лишь о том, что в результате приказа, приложенного к решению о Катынском расстреле, в Минск перевезли 3 тыс. арестантов: из тюрьмы в Бресте – 1500, из Вильнюсской тюрьмы – 550, из Пинской – 500, из тюрьмы в Барановичах – 450 [8].

Больше всего семей лиц, убитых в результате решения о Катынском расстреле, вывезли в Казахстан в феврале 1940 г. Люди, отнесённые к категории «административно-ссыльные», попали на

работу в колхозах и совхозах в Кустанайской, Акмолинской, Актюбинской, Павлодарской, Семипалатинской, Северо-Казахстанской областях. Согласно документам НКВД, число принудительно переселенных составляет 61 тыс., а согласно документам, хранящимся в западных архивах – 320 тыс.

Семьи, которым удалось избежать ссылки во время двух вышеупомянутых этапов, были депортированы в июне–июле 1940 г. Это были, главным образом, беженцы с территории Центральной Польши, отнесённые к категории спецпереселенцы-беженцы. В общей сложности, согласно документам НКВД депортировали 75–79 тыс., а согласно документам из западных архивов – 240 тыс.

Последняя массовая депортация семей тех, кто содержался в тюрьмах и лагерях, и считался членом «контрреволюционных» организаций, состоялась в мае–июне 1941 г. Согласно документам НКВД, число ссыльнопоселенцев составляло 42–43 тыс., а согласно документам из западных архивов – 220 тыс.

Депортированным из советской оккупационной зоны были вынесены приговоры сроком на 10 и 20 лет. Сроки приговоров были пропорциональны возможностям выжить в жизненных и бытовых условиях места ссылки. Ссыльные и переселенцы уже не должны были вернуться в родные дома. По их прежнему месту жительства немедленно поселяли тех, кто прибыл из центральной и восточной части СССР. Это была широкомасштабная превентивная и репрессивно-административная операция. В связи с тем, что на территории проведения операции была радикально изменена структура населения, её необходимо считать этнической чисткой на бывших Восточных кресах Польши.

Войдя в мир лагерей и спецпосёлков, мы входим в иную действительность, к которой больно прикоснуться. Эта действительность стала уделом сотен тысяч польских граждан [9]. Пребывание в ссылках и лагерях на территории СССР, там, где необходимо было соблюдать совсем иные законы и обычаи, где царили иные привычки и рефлексы, официально не считалось наказанием. В лагерях пребывали люди, не представлявшие собой опасности: женщины, дети, старики. Это было превентивное и обдуманное с экономической точки зрения действие. Власть извлекала существенную пользу – как для себя, так и для идеи строительства коммунизма. Это была форма геноцида, дополнительно рассчитанная на пользу, извлекаемую государством и его

учреждениями. Полицейско-административный аппарат рассматривал судьбу этой человеческой массы как серию действий, направленных на выполнение плана. Во время геноцида происходила «бюрократизация смерти». Рапорты о числе умерших не были драматичны: в документах не было ни капли человечности. Сотрудники государственного аппарата, выполнявшие рутинные действия, теряли сострадания они становились всего лишь винтиками в полицейской и административной машине. Подготавливаемые ими статистические документы и рапорты об их же преступлениях становились морально-нейтральными – они напоминали данные об убытках в производстве или торговле. Однако бюрократическая бухгалтерия смертей, лишенная сострадания, а также превращение в банальность зла, совершаемого за письменным столом, не ослабляет ощущения ужаса этого положения, а усиливает его [10].

Для приговорённых вход в лагерную или ссыльную действительность, из которой хочется убежать, но бежать невозможно и некуда, начинался в тот момент, когда закрывались двери железнодорожных вагонов. Если после прибытия по месту назначения была какая-либо возможность действовать, именно интеллигенция вела себя активно. Нужно было быстро сориентироваться в том, какие условия жизни навязаны, воспользоваться опытом местных жителей (а также прибывших ранее насильно переселенных польских граждан). Нужно было отказаться от прежних привычек и начинать приобретать новые, связанные с местным окружением. Кроме того, необходимо было овладеть языком местных жителей и понять, как нужно себя вести в новой среде. Все действия, предпринимаемые ссыльными, были направлены на то, чтобы не допустить отчаяния, а также физической и моральной деградации. То, как те или иные ссыльные приспосабливались к новым условиям, в которых нужно было бороться за выживание, не должно рассматриваться обобщённо, поскольку не у всех были одинаковые возможности и способности. Приспособление требовало некоего балансирования между неустанной угрозой физической смерти и угрозой смерти личности – т. е. моральной деградации в результате борьбы за выживание [11].

Несомненно, легче всего нарисовать ту жестокую реальность, используя одинаковые тёмные тона. Однако необходимо отметить, что действительность «иного мира» была весьма разнообразна. То, как ссыльные принимали брошенный им вызов, зависело от места

ссылки, человеческой среды, времени прибытия, а также индивидуальных способностей к выживанию в сложных условиях. Желание выжить требовало приложения максимальных усилий, а также поиска возможностей выживания. Выполнение всех требований и указаний, связанных с непосильным трудом приводило к смерти от истощения. В связи с этим, нужно было искать такие возможности работы, чтобы тратить как можно меньше физических сил. На безжалостность надзирателей, попирающих человеческое достоинство, нельзя было реагировать сопротивлением, поскольку от этого репрессии становились ещё более жестокими. В условиях ссылки важно было сохранять чувство юмора – оно помогало отвечать на обидные слова и хотя бы частично разрядить напряженную обстановку. Со временем наступали даже моменты близости с местными жителями, проявлявшими сердечность и сочувствие. Часто вопрос: «Парнишка или девочка?» был моментом, когда пересекалась граница, отделявшая место ссылки от места жительства во Второй Речи Посполитой. Долгие месяцы жизни в ссылке, а также размышления о положении местных жителей нередко вызывали восхищение тем, как местные вели себя в сложных (по мнению ссыльных) ситуациях. Много лет спустя те, кто выжил, вспоминают о человечности и просят помнить о тех, благодаря кому они живы. Ежи Мазуркевич, вспоминая своё раннее детство, говорит: «Моя мама Хелена тоже могла остаться там навсегда. Вместе с подругой по несчастью она несла в специальной посудине кладочный раствор. Под мамой проломился дощатый мостик, и с высоты второго этажа она упала на бетонную лестницу. Мама повредила позвоночник и была вся в синяках, но именно благодаря травме ей удалось хотя бы немного отдохнуть. Ей встретился исключительный человек (возможно, просто-напросто настоящий человек). Это была врач, чью фамилию стоит запомнить (так же, как мы запоминаем имена и фамилии всех благородных людей, независимо от какой-либо их принадлежности, особенно национальной). Её звали Марья Наумовна Медведенко. Эта женщина не только вылечила мою мать, не только подкармливала её, но и – насколько это было возможно – позаботилась о других членах семьи мамы» [12].

В действительности ссыльных было мало радостных минут. Нехватка еды, голод, истощение в результате рабского труда, болезни и травмы (в условиях отсутствия настоящей медицинской помощи) – все это было повседневной реальностью. Всё это вызывало боль и

страдания ссыльных граждан Второй Речи Посполитой, а также было уделом народов СССР, ставших жертвами сталинских репрессий. Все запомнили момент, когда изменилась ситуация на международной арене, в результате чего тысячи поляков, пребывавших в ссылке в далёких уголках Советского Союза, считавшихся ранее врагами, превратились в союзников. Это благодаря договору Сикорский–Майский, подписанному 30 июля 1941 г., некоторые близкие Жертв Катынского преступления смогли покинуть Россию и Казахстан. Те, кому не удалось добраться до армии под командованием Владислава Андерса, должны были ждать Польскую армию в СССР под командованием Зигмунда Берлинга.

Члены семей депортированных, возвращаясь после войны в новую Польшу, не могли говорить о том, что им пришлось пережить в России и Казахстане. Члены семей Жертв Катынского преступления не только не смогли проводить своих близких в последний путь, но и должны были терпеть ложь, которую новые власти распространяли об их судьбах и о том, что произошло с их близкими. В течение многих лет они были своего рода узниками прошлого. Они могли разговаривать лишь друг с другом и с теми, кто пережил то же самое. Люди сближались благодаря не только своим внутренним переживаниям, но и своему физическому состоянию, напоминавшему о том, что с ними случилось. Бывшие узники ГУЛАГА и депортированные часто были инвалидами и страдали различными заболеваниями, например, желудочно-кишечного тракта (воспаление желудка, язвенная болезнь). Они говорят о том, что прошлое нередко отражалось в их мышлении и действиях [13]. Многие в течение долгих лет делали продуктовые запасы (с этим родственники бывших ссыльных упорно боролись, поскольку продукты быстро портились). В ссылке люди пережили настоящий голод. В результате пережитого, многие страдали душевно, пытаясь бороться с нанесённым им ущербом. Мальчик по имени Геньо (Гена), которому было 6 лет, собирал останки своей матери – их изгрызли волки. Животные вытащили останки из могилы, которую накануне удалось вырыть с большим трудом. В результате переживаний и морального ущерба, нанесенного во время военных лет браки, заключаемые бывшими ссыльными, часто распадались [14]. Взрослые не могли найти работу, соответствующую их профессиональным квалификациям и образованию, а их дети часто не могли поступить в вузы.

Внешняя и внутренняя изоляция во время войны, а также после неё приводила к тому, что выжившие продолжали чувствовать себя покинутыми и забытыми. Они напоминали рыбок, попавших в аквариум. Смотрели на внешний мир как сквозь стекло, и не принимали активного участия в общественной жизни. Нередко они вновь попадали в «тюрьму тела и души». Неудачи в их жизни воспринимались как подтверждение тому, что они ничего не значат. Память накладывала свой отпечаток на настоящее. Память о том, что было пережито, переносилась на восприятие и ассоциации явлений и предметов. События настоящего воспринимались со страхом или радостью, а корни этого были в лагерном прошлом. Хлеб долго ассоциировался как с радостью, так и со страхом, что его не хватит и придется голодать. Нарезая хлеб, бывшие ссыльные тщательно собирали крошки. Они считали, что у них плохой характер, и просили прощения у многих даже тогда, когда не было никакого повода для извинений. Им необходимо было время, многие годы, чтобы заново научиться жить и с радостью принимать то, что было в жизни хорошего [15].

Многие из переживших ссылку в советских лагерях перед смертью признаются в том, что не всегда говорили правду о своём прошлом. Даже тогда, когда о Катынском преступлении и его последствиях уже можно было говорить открыто, они боялись, что их не поймут. Некоторые добавляют, что боязнь непонимания была вызвана чувством стыда из-за того, что они выжили, а их близкие – нет. В течение многих лет их мучили угрызения совести – им казалось, что они могли отдать родственникам свою порцию еды, благодаря которой они остались бы в живых. Бывшие ссыльные считали грехом то, что судьба была к ним благосклонна; им казалось, что они выжили благодаря тому, что умерли другие.

В своём кругу им не нужно об этом рассуждать – все, кто выжил, знали, о чем шла речь [16]. В них живо ощущение того, что они не такие, как все, а часто они считают себя даже хуже других. Иногда этому виной была просто-напросто бедность, поскольку бывшие ссыльные безвозвратно потеряли своё богатство и значение в обществе. Наши размышления можно подытожить следующим образом: страдания и сложности жизни лиц, репрессированных советской властью, не завершились по окончании войны, а имели свои последствия в будущем.

Зная то, что довелось пережить семьям Жертв Катынского преступления – в широком смысле слова – мы приходим к выводу, что никогда не должны завершиться дискуссии и беседы о тех местах, тех событиях и об их многолетних последствиях. Не только семьи, но и весь народ в течение десятилетий ощущал, как не хватает тех, кто не вернулся домой. И родственники Жертв, и польский народ боролись с действиями властей, желавших деформировать и оболгать историю периода Второй мировой войны.

Народ боролся и продолжает бороться, поскольку всё время инициируются действия, целью которых является ситуация, когда невозможно будет однозначно сказать, кто был палачом, а кто Жертвой тех событий. Те, кому это выгодно, хотят, чтобы люди сомневались: а было ли в Катыни совершено преступление? Возможно это всего лишь трагическая ситуация, вызванная стечением обстоятельств? Статистика и числа, говорящие нам о погибших и депортированных, бюрократизация смерти и страдания благоприятствуют тому, что преступление называют несчастьем, которое коснулось Польши и других стран. При этом довольно эффективно прикрывается то, что преступление было совершено конкретными людьми.

До сих пор актуально то, что Збигнев Бжезинский сказал 20 лет назад: «Нельзя забывать о том, что Катынь продолжает оставаться тернием, вбитым в польско-российские отношения. То, что и одна, и другая сторона не обращают на это особого внимания – непростительная ошибка… Нужно помнить, что преступление против польского народа – это преступление, совершенное также против русского народа… Чёткое определение, кто за это несёт ответственность, необходимо для того, чтобы возникла точка отсчёта, с которой начнётся польско-российское единение» [17].

Только правда может лишить человеческие и международные взаимоотношения чувства ненависти и взаимных претензий. Именно на них основываются конфликты – как между людьми, так и между народами.

1. Адольф Гитлер, 22 августа 1939 г., Obersalzberg, См. в: Reżimy totalitarne wobec duchownych Kościołów chrześcijańskich okupowanej Polski 1939–1945, Rada Ochrony Pamięci Walk i Męczeństwa. – Warszawa, 2008.
2. Herman Rauschning, Gesprache mit Hitler, Zurich/New York, 1940.
3. НСДАП, с нем. Nationalsozialistische Deutsche Arbeiterpartei, Национал-социалистическая немецкая рабочая партия.

4. Фрагменты меморандума Управления НСДАП по делам расовой политики от 25 ноября 1939 г. См. в: Reżimy totalitarne wobec duchownych Kościołów chrześcijańskich okupowanej Polski 1939–1945, Rada Ochrony Pamięci Walk i Męczeństwa. – Warszawa, 2008
5. Гестапо, с нем. Geheime Staatspolizei, Государственная тайная полиция.
6. НКВД СССР – Народный комиссариат внутренних дел СССР.
7. Функционеры НКВД провели 4 массовые депортации лиц, считавшихся «подозрительным и нежелательным элементом». Депортации с польских Восточных кресов были проведены в феврале, апреле, июне 1940 г., а также в июне 1941 г.
8. Katyń. Dokumenty zbrodni, T.2. – C.83-84.
9. Всем известные «Записки из мёртвого дома» Фёдора Достоевского можно считать преддверием того, что пережили поляки, сосланные в советский ГУЛАГ.
10. См. H. Arendt, Eichmann w Jerozolimie. – Kraków, 1987.
11. О том, как люди выживали в экстремальных условиях, написано много. См. напр.: Kazimierz Obuchowski, *Człowiek intencjonalny*. – Warszawa, 1993.
12. Рассказ Ежи Мазуркевича во время конференции «Герои и тихие героини», состоявшейся в Катынском музее в сентябре 2017 г. (публикация готовится к печати).
13. Если с нами случается нечто подобное, в нашем мозгу формируется новая схема памяти. Мы становимся очень уязвимыми и чувствительными к информации определённого типа – она воспринимается нами гораздо болезненнее и ощутимее, чем другими. Это происходит вне нашего сознания. См.: Zuzanna Bogumił, Pamięć Gułagu. – Kraków, 2012.
14. На основе воспоминаний свидетелей. Истории были рассказаны во время конференции «Герои тихие героини», состоявшейся в Катынском музее в сентябре 2017 г. (публикация готовится к печати).
15. Ewa Jackowska, Deportacje na Sybir – psychiczne ślady cierpienia, «Zesłaniec» 2008, nr 34, s.63.
16. Refleksje na podstawie wspomnień świadków wygłoszonych podczas konferencji «Bohaterowie i ciche bohaterki» w Muzeum Katyńskim we wrześniu 2017 r. (publikacja w druku).
17. Zbigniew Brzeziński, Wstęp do pierwszego wydania[w:] Stanisław Mikke, «Śpij, mężny» w Katyniu, Charkowie i Miednoje. – Warszawa, 2010.

Борисова А.П.
Легкий Д.М.

Польские евреи в Казахстане в начале Второй мировой войны

В настоящее время всё больше выявляется фактов, что почти во всех потоках депортированных польских граждан с территории Западной Украины и Западной Белоруссии в начале Второй мировой войны было немало не только этнических украинцев и белорусов, но и евреев. Так, например, такой специфический контингент спецпоселенцев как «польские осадники и беженцы», объявленный «злейшими врагами советской власти», был многонациональным по своему составу: в 1940 г. среди них было 13% украинцев и 7,4% белорусов [1]. Жертвами депортаций становились в первую очередь по социаль-

ным признакам, по общественному положению. Возникает вопрос, а сколько среди «депортированных поляков» (как нередко пишут историки), оказалось лиц еврейской национальности?

Надо учитывать, что переселение «беженцев», отнесенных к категории депортированных лиц еврейской национальности, в немалой степени определялось по национальному признаку, т. к. по своему составу этот поток с территории Польши в немалой степени был еврейским. Парадоксальным образом, депортация этой категории «беженцев», несомненно, спасла жизнь большинства евреев.

В результате раздела Польши, оформленного в августе 1939 г. в статьях «Пакта Риббентропа–Молотова», в советскую зону были включены восточные воеводства Польской Республики: Станиславовское, Тарнопольское, Львовское, Полесское, Волынское, Виленское, Белостоцкое и Новогродское, т. е. 8 из 16 воеводств. Массовые депортации постигли граждан Республики Польши (не только поляков, но и евреев, украинцев, белорусов), включая беженцев из польских центральных и западных воеводств, затронув беженцев из Чехословакии и Австрии (преимущественно евреев), искавших в Польше спасения от нацистского террора. Эти территории образовали западные области Белорусской ССР (Вилейскую, Барановичскую, Белостокскую, Брестскую и Пинскую) и Украинской ССР (Волынскую, Ровенскую, Львовскую, Дрогобычскую, Станиславскую и Тарнопольскую), а также частично отошли к Литовской ССР [2].

При определении гражданства руководители и местные власти союзных республик руководствовались указаниями заместителя народного комиссара иностранных дел А. Вышинского, о чем свидетельствует следующий документ, напечатанный в 42 экземплярах под грифом «секретно». В Кустанайскую обл. был прислан «экз. 13» [3].

№ 1

Из директивы 4-го Европейского отдела Наркомата иностранных дел СССР председателю Кустанайского облисполкома об определении гражданства бывших польских граждан

г. Москва, Кузнецкий мост, 5/21 *25 апреля 1942 г.*

[…] При определении гражданства того или иного лица надо исходить из того, что польскими гражданами мы признаем лишь лиц польской национальности, живших на территории Западной Украины и Западной Белоруссии до 1–2 ноября 1939 г. Лица украинской, еврейской и других национальностей в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 29 ноября 1939 г. считаются гражданами СССР. Об этом НКИД поставил в известность Посольство. Исключения в отношении этих лиц могут иметь место лишь в том случае, если они прибыли на территорию Западной Украины и Западной Белоруссии после 1–2 ноября 1939 г. из Польши. […]

Заместитель Народного Комиссара
Иностранных Дел
А. Вышинский

Подтверждением решений местных партийных и советских органов, связанных с планированием приема и расселения польских граждан (количество расселяемых, населенные пункты под расселение, потребное количество машин и рейсов для перевозки, ответственных лиц), является «Список высланных из Западной Украины и Белоруссии, проживающих в Мендыгаринском р-не Кустанайской обл. КазССР» за 1940–1941 гг. [4]. В списке значится 649 пунктов с фамилиями, с указанием имени и отчества (в русской транскрипции, с ошибками в написании). В отдельных графах расписано: «место рождения», «бывшее гражданство», «национальность», «при ком дети до 16 лет», «название колхоза» и отдельно «населенный пункт». Выясняется, что из запланированных 1650 польских граждан, прибыло 1151 человек, в т. ч. 726 взрослых и 425 детей (которые значились в отдельной графе). Среди них было 30 евреев. Приведём о них имеющиеся данные.

№ 2

Из списка высланных из Западной Украины и Белоруссии, проживающих в Мендыгаринском р-не Кустанайской обл. КазССР[1*]

Начато 1 мая 1940 г.

Фамилия, имя и отчество	г. р.	Место рождения	Быв. граж-ство	Нацио-нальность	При ком дети до 16 лет Ф.И.О.	Название колхоза	Населенный пункт
Гальпер Михаил Яковлевич	1923	Золочевский р-н, Львовская обл.	поль ское	еврей	-	«Охотник»	с. Боровское
Гальпер Серля Мюзов.	1880	-//-	-//-	еврей	-	-//-	-//-
Гальпер Фабяк Герчикович	1913	Ясиновцы Золочевский р-н	-//-	еврей	-	-//-	-//-
Боксбауш Фаня Гертовна	1864	г. Дрогобыч	-//-	еврейка	-	«Сознание»	Красно-сельское
Кельгофер Мина Шиминовна	1899	г. Корчавка Дрогобычская обл.	-//-	еврейка	-	«Красный комбинат»	Первомайский с/исп.
Мангельский Иосиф Абрамович	1868	Львовская обл.	-//-	еврей	-	«Басагаш»	Акжарский а/п
Эрлих Алина Иосифовна	1908	г. Львов	-//-	еврейка	Иосиф Матеуш. 1926, Янина 1928, Станислава 1924	«Кенерал»	Акжарский с/исп.
Матильска Матильда Густавовна	1882	г. Львов	-//-	еврейка	-	к-з Басагаш	п. Акжар
Пана Эуджгозина Петровна	1889	Дрогобычская обл. Судово-Вишнянский	-//-	еврейка	-	к-з Басагаш	п. Акжар
Шуцман Меня Лефовна	1913	г. Дрогобыч	-//-	еврейка	-	в колхозе	Кашенский с/исп.
Шуцман Изобелия Шетоновна	1892	с. Свидница Львовская обл.	-//-	еврейка	-	-//-	-//-

[1*] Сохранены орфография и пунктуация оригинала.

Шуцман Рехель Львович	1913	Львовская обл.	-//-	еврей	-	-//-	-//-
Шуцман Герберт Львович	1920	г. Львов	-//-	еврей	-	-//-	-//-
Кошерман Элька Лазаревна	1882	г. Дрогобыч	-//-	еврейка	-	-//-	-//-
Кошерман Лазарь Шуманович	1909	г. Дрогобыч	-//-	еврей	-	в колхозе	Сосновский с/исп.
Кошерман Янина Шетуновна	1922	-//-	-//-	еврейка	-	-//-	-//-
Кошерман Шимон Давыдович	1885	с. Доронов Львовской обл.	-//-	еврей	-	-//-	-//-
Кошерман Элька Шимуновна	1908	Дрогобычи	-//-	еврейка	-	-//-	-//-
Маруэрова Гелка Иосифовна	1902	г. Золочев Львовская обл.	-//-	еврейка	Тайбо Михайлов	в колхозе	Михайлов-ский с/исп
Швойк Каролина Соломоновна	1904	г. Тернополь	-//-	еврейка	-	-//-	Тобольский с/исп.
Нусембаева Перла Исаковна	1868	д. Сонив. Злочев. р-н	-//-	еврейка	-	к/з «Вес. Нива»	-//-
Нусимбаев Исак Моркусевич	1922	г. Тернополь	-//-	еврей	-	к/з «Вес. Нива»	-//-
Гойхман Соломон Анзромович	1877	г. Тернополь	-//-	еврей	-	к/з «Вес. Нива»	Тобольский с/исп.
Нусимбова Вита Лазаревна	1895	г. Тернополь	-//-	еврейка	Ита […] Маркус. 1926	-//-	-//-
Шторх Эльза Семеновна	1888	г. Видель	-//-	еврейка	-	к/з Энбек	Тенизовский с/исп.
Шторх [..]ице Бернардовна	1922	г. Видень	-//-	еврейка	-	к/з Жанатур-мы	-//-
Мондель Геля Натановна	1924	-//-	-//-	еврейка	-	Карла-Маркса	Надеждин-ский с/исп.
Редер Фрида Мойзисовна	1909	г. Ярослав германск.	-//-	еврейка	Редер Марьян. 1936	-//-	-//-

Шехтер Сабина Маркусовна	1902	г. Городок Львов обл.	-//-	-//-	Гольда Вальдов. 1929, Тонко 1932, Маркус 1936	-//-	-//-
Миндель Ида Израиловна	1890	г. Львов	-//-	еврейка	Ан [...] Б [...] 1926. Густав. 1929	Коркен	Кызыл-Туйский с/исп.
Штепп Гелина Адольфовна	1910	г. Перемишль	-//-	еврейка	Збигнев Иосиф. 1927, Юрий 1933, Эдуард 1936	«Красный партизан»	-//-

По данным казахстанских ученых, на территорию КазССР было депортировано от 60 тыс. до 102 тыс. польских граждан (среди которых было немало и украинцев и евреев) [5]. По «предварительным подсчетам» польских историков, в Казахстан тогда было депортировано 200 тысяч поляков [6]. Сколько из них было лиц еврейской национальности еще предстоит выяснить.

1. Алтаев А.Ш., Жангуттин Б.О. Краткие очерки истории Казахстана. – Алматы, 2008. – С.97.
2. [Электронный ресурс] Гурьянов А.Э. Польские спецпереселенцы в СССР в 1940–194 гг. (НИПЦ «Мемориал»). Режим доступа: memo.ru/history/polacy/g_1.htm. (дата обращения 07.06.2022).
3. Легкий Д., Хазбиевич С., Беркимбава А. Польская делегатура в Казахстане: военная эпоха и дипломаты в документах 1941–1943 гг. (на примере Кустанайской области Казахской ССР). – Костанай: Костанайский печатный двор, 2019. – С.141.
4. Легкий Д.М. Депортация польских граждан в Казахстан в начале II мировой войны (на примере Кустанайской области) / Из истории депортации поляков в Казахстан в период II мировой войны. – Бишкек: Посольство Республики Польша в г. Астана, 2013. – С.100-174.
5. Валиханов Е. Поляки в Казахстане / Депортированные в Казахстан народы: время и судьбы. – Алматы, 1998. – С.163; История Казахстана: народы и культуры. / Масанов Н.Э. и др. – Алматы, 2001. – С.380; Алтаев А.Ш., Жангуттин Б.О. Краткие очерки истории Казахстана… указ. соч. – С.96.
6. Кучиньски А. Судьбы поляков в Казахстане. Опыт культурно-исторического анализа // Депортированные в Казахстан народы: время и судьбы. – Алматы, 1998. – С.167.

Корнева В.Ю.

Карагандинский металлургический завод: трудмобилизация[1*]

«По своим природным богатствам Казахстан является поистине сокровищницей СССР. Здесь имеются крупные запасы каменного угля, меди, свинца, цинка, железных руд и хромитов, полиметаллических руд, нефти, вольфрама, молибдена, марганца. Казахстан богат запасами сырья для огнеупорной промышленности и рядом других нерудных ископаемых. Республика располагает огромными залежами химического сырья – фосфоритов, баритов, глауберовой соли, соды и др. Поэтому в области черной металлургии нам надлежит, пользуясь работами, проведенными под руководством лауреата [государственной] премии К.И. Сатпаева, рассмотреть вопрос о выборе мест для строительства нового металлургического завода в Центральном Казахстане» – писал Президент Академии наук СССР академик В.Л. Комаров [1, с.117].

Комиссия АН СССР по мобилизации ресурсов Урала, Западной Сибири и Казахстана на нужды обороны страны и инициировала строительство завода: «Ввиду того, что в условиях войны вопрос о постройке крупного металлургического завода с полным циклом не может стоять на очереди, Комиссия внесла предложение о постройке в 1942–1943 г. небольшого передельного завода в районе Караганды близ Самаркандского водохранилища, собранного в основном из старого демонтированного оборудования с расчетом пуска его в эксплуатацию уже в 1943 г. Строительство этого завода имеет прямое оборонное значение, поскольку его продукция позволит усилить металлоснабжение важнейших отраслей тяжелой промышленности Казахстана» [2].

Постановление Совнаркома СССР № 576 о строительстве передельного металлургического завода было подписано 25 апреля 1942 г. Буквально спустя 4 дня вышел приказ народного комиссара черной металлургии СССР № 93 «О строительстве передельного металлургического завода в Казахской ССР» [3][2*] 8 мая 1942 г. – постановление Совнаркома и ЦК КП (б) Казахстана о проведении подготовительных работ по строительству завода черной металлургии [4].

[1*] Автор благодарит Темиртауским городской историко-краеведческий музей за предоставление копий документов по истории завода.

[2*] Фотокопия документа размещена на концевой странице обложки.

Несмотря на то, что строительство завода было на личном контроле у И.В. Сталина, создалась серьезная угроза срыва установленных постановлением Государственного Комитета Обороны сроков ввода в действие основных цехов завода – мартеновского и прокатного. Причин было множество: перебои в снабжении основными строительными материалами, не поставки металлоконструкций и оборудования, недостаток рабочей силы, особенно квалифицированной [5].

«Проверкой было установлено, что строительство завода черной металлургии в г. Караганде и заготовка местных строительных материалов развернуты совершенно неудовлетворительно. На заседании Совнаркома и ЦК КП (б) Казахстана 5 октября 1942 г. начальник Управления при Совнаркоме КазССР по строительству металлургического завода И. Тажиев получил предупреждение, что если он своевременно не выправит создавшееся на строительстве положение, то к нему будут приняты более строгие меры.

Было отмечено невыполнение исполкомами Северо-Казахстанского, Семипалатинского, Акмолинского, облсоветов и Алма-Атинского горсовета депутатов трудящихся постановления Совнаркома КазССР от 6 августа 1942 г. № 433 о выделении строительству металлургического завода квалифицированных рабочих. Предписано обязать председателей указанных исполкомов обеспечить безусловную передачу квалифицированных рабочих строительству завода не позднее 8 октября 1942 г.

Управлению Трудовых резервов при Совнаркоме Казахской ССР было дано поручение к 20 октября 1942 г. организовать на строительстве металлургического завода школу ФЗО на 500 человек. Тов. Тажиеву к 15 октября с. г. подготовить соответствующее помещение» [6].

В условиях резкого сокращения трудовых ресурсов и возросшей потребности народного хозяйства страны в рабочей силе основной формой пополнения кадров для строительства Карагандинского металлургического завода стала трудовая мобилизация 1942–1945 гг.

Мобилизации в трудовые колонны подлежало все трудоспособное население, как городское, так и сельское: женщины от 16 до 45 лет и мужчины от 16 до 55 лет. Резкое увеличение количества мобилизованных женщин на работы в промышленность и строительство было вынужденной мерой, т. к. в 1942 г. удельный вес всего мужского трудоспособного населения, занятого в производстве, составлял лишь 22% [7].

В Государственном архиве Северо-Казахстанской обл. сохранился ряд документов, касающихся трудовой мобилизации, например, так выглядела Повестка о мобилизации для сельских жителей:

«Гражданка_(ФИО)_в порядке мобилизации Вы призываетесь для работы Карагандинского металлургического завода. Вам необходимо взять белье, зимнюю и летнюю одежду, обувь, продукты питания (не менее, чем на 10 дней) и явиться в райсовет 23 апреля 1943 г. для оформления дел. Захватить постельное и носильное бельё. При явке Вы должны иметь при себе справку с места жительства с указанием возраста. Учитывайте, что за неявку вы будете привлечены к уголовной ответственности по закону военного времени. Председатель райсовета Григорьев» [8, л.11].

Для городского населения в повестке дополнительно указывалось: «На основании постановления ГКО от 19 апреля 1943 г. за № 3202 Вы мобилизуетесь и обязаны явиться» [8, л.39].

Об истощении трудовых ресурсов в области можно судить по тексту следующей телеграммы: «Тов. Соломатину на телеграмму т. Грузинцева о немедленной посылке людей от 5 марта 1943 г. Вторично заместителю председателя облсовета трудящихся т. Ладейщикову. Сообщаем, что мобилизовать для строительства Карагандинского металлургического завода 30 человек не можем, т. к. в Келлеровском р-не все физически здоровые от 16 до 55 лет как мужчины, и также женщины мобилизованы по линии НКВД и райвоенкомата. и[сполняющий] о[бязанности] секретаря исполкома Канахина. Июнь 1943 г., № 421 (печать почтового отделения с. Келлеровка)» [8, л.94].

О трудностях выполнения плана по мобилизации рабсилы свидетельствует и докладная записка заместителю председателя облисполкома от представителя Кзылтуского райсовета Х. Конгожина: «Мной было доставлено Булаевскому районному совету 42 человека. При проверке оказалось, что из них 33 человека. не подлежат мобилизации по следующим причинам: стариков – 9 человек в возрасте 59–60 лет, беременных женщин – 5, больных – 19 человек. Остальные 9 были отправлены в распоряжение областного Совета. При передаче был составлен список, подписанный начальником по мобилизации Булаевского райсовета т. Щукиным и врачом. Старший команды мобилизации Конгожин» [9].

При тотальном дефиците рабочей силы мобилизации на строительство Карагандинского металлургического завода подлежали и эвакуированные, и спецпоселенки. Их профессиональные качества и образование до мобилизации также использовались не рационально.

Таблица № 1. Из мобилизационного списка по строительству Карагандинского металлургического завода 1943 г. Северо-Казахстанский облисполком, г. Петропавловск

ФИО	Национальность	Партийность	Образование	Профессия[1*]	Примечание
Бродская Катерина	евреи	беспартийная (б/п)	9 кл.	нет	Кокшетауский райсовет
Нусимович Раиса Лейбовна	евреи	(б/п)	7 кл.	вышивальщица рушников	Айыртауский райсовет
Нусимович Белла Лейбовна	евреи	(б/п)	7 кл.	повар	Айыртауский райсовет
Панич Рая Абрамовна	евреи	(б/п)	7 кл.	белошвейка	Айыртауский райсовет
Великсон Анна Абрамовна	евреи	(б/п)	6 кл.	портной	Айыртауский райсовет
Рябинова Раиса Абрамовна	евреи	(б/п)	начальное	нет	Айыртауский райсовет
Рябинова Бася Селиновна	евреи	ВЛКСМ	6 кл.	военпред	Айыртауский райсовет
Нухимова З.Д.	евреи	(б/п)	безграмотная	чернорабочая	Айыртауский райсовет
Нухимова Хаер	евреи	(б/п)	4 кл.	рабочая	Айыртауский райсовет
Вайнштейн Ж.А. (И.А?)	евреи	(б/п)	7 кл.	учётчик	Айыртауский райсовет
Вайнштейн А.И	евреи	(б/п)	неграмотн.	нет	Айыртауский райсовет
Панич Евдок[ия]	евреи	(б/п)	среднее	лаборант	Айыртауский райсовет
Пиасецкая (Плисецкая) С.Г.	евреи	(б/п)	среднее	чернорабочая	Айыртауский райсовет
Дикман ХС	евреи	(б/п)	среднее	чернорабочий	Айыртауский райсовет
Гольдербенг Б.Ш.	евреи	(б/п)	среднее	слесарь	Айыртауский райсовет
Коган Р.Г.	евреи	(б/п)	среднее	чернорабочий	Айыртауский райсовет

[1*] Место работы до мобилизации.

Солодуха Х.А	евреи	(б/п)	среднее	черно-рабо-чий	Айыртауский райсовет
Ливит М.А	евреи	(б/п)	7 кл.	черно-рабо-чий	Айыртауский райсовет
Ливит Э.А.	евреи	(б/п)	среднее	черно-рабо-чий	Айыртауский райсовет

Из приведенной таблицы видно, что 86% людей со средним образованием до мобилизации были привлечены к неквалифицированному, тяжелому и низкооплачиваемому труду. И это при том, что среднее образование с 1940 по 1956 гг. было доступно не каждому гражданину СССР, т. к. после окончания семилетки за дальнейшее обучение в средней школе (8–10 классы) надо было платить [10].

Повара, портнихи, вышивальщицы и белошвейки, шофёры, саманщицы, пимокаты и галошницы, кассиры и учётчики, колхозницы и чернорабочие, лаборанты, слесарь и военпред росчерком пера становились строителями. Подавляющее большинство, мобилизованных в рабочие колонны, не имело никаких навыков в строительном деле. Сложно представить вышивальщицу или белошвейку, профессионально кладущей кирпичи или выводящей крышу будущего цеха.

В мобилизационном списке из 51 человека по национальной принадлежности отмечены: русские, еврейки, польки, украинки, казашка, марийка, немки. Из них трое – члены ВЛКСМ, остальные – беспартийные [8, л.32].

В Правительственной телеграмме председателю Совнархоза Н. Ундасынову и секретарю ЦК КП (б) Казахстана Н. Скворцову от 14 августа 1943 г., секретарь обкома Северо-Казахстанской обл. Родин докладывает, что «на строительство Карагандинского металлургического завода мобилизовано и отправлено 278 человек. Районам, не выполнившим разнарядку, даны указания закончить мобилизацию и направить людей до 20 августа» [8, л.102].

Таким образом, несмотря на то, что Северо-Казахстанская обл. в период Великой Отечественной войны остро нуждалась в трудовых резервах и квалифицированных рабочих, для строительства ТЭЦ и дополнительных цехов военных заводов – план по мобилизации на строительство Карагандинского металлургического завода в 1943 г. был выполнен на 100%.

1. Казахстан в период Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941–1945. Сборник документов и материалов в двух томах. Т.1. Июнь 1941–1943 гг. / Сост. Б.А. Акжанов, Т.Б. Балакаев, П.С. Белан, Н.Е. Едыгенов, К.И. Желтякова, Н.П. Калита, М.К. Козыбаев, Т.Н. Познякова – Алма-Ата: Наука, 1964. – С.117-118.
2. Архив Академии наук России. Ф.666. Оп.1. Д.18. Л.50-66. IV. Строительство завода черной металлургии в Центральном Казахстане. / Казахстан в период Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941–1945. Сборник документов и материалов. Т.1. ... указ. соч. – С.384.
3. Фотокопия документа предоставлена Темиртауским городским историко-краеведческим музеем.
4. АП РК. Ф.708. Оп.6. Д.62. Л.262-263. Казахстан в период Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941–1945. Сборник документов и материалов. Т.1…. указ. соч. – С.113-114.
5. АП РК. Ф.708. Оп.7/1. Д.169. Л.19-21. Проект постановления Государственного Комитета Обороны «О мероприятиях по обеспечению ввода в действие Карагандинского металлургического завода» от 5 октября 1943 г.
6. Там же. Оп 6/1. Д.107. Л.164-167. Постановление Совнаркома и ЦК Компартии (б) Казахстана «О ходе строительства Карагандинского металлургического завода».
7. История Казахстана: народы и культуры: Учеб. пособие / Масанов Н.Э. и др. – Алматы: Дайк-Пресс, 2000. – 608 с.
8. ГАСКО Ф.1189. Оп.1. Д.1185.
9. Там же. Д.1184. Л.13.
10. [Электронный ресурс]. Режим доступа: Платное образование в СССР с 1940 по 1956 г.. Почему его ввели и стало ли оно обузой для народа?: ivanov_1980 — ЖЖ (livejournal.com) (дата обращения 31.10.2022).

К вопросу об обеспечении эвакуированных предприятий помещениями и индивидуального жилищного строительства в годы Великой Отечественной войны

В условиях вынужденного перебазирования эвакуированных промышленных предприятий в годы Великой Отечественной войны директивные органы принимали во внимание генеральную перспективу развития восточных районов. Современные историки заметили, что переключиться на военные рельсы помогло то, что в довоенные годы в Казахстане шли значительные строительные работы. Интенсивно велись строительные работы на юге и в центральном Казахстане. Ускоренными темпами шло строительство объектов, входивших в промышленный комплекс Рудного Алтая. За период с 1938 по 1942 г. на промышленное строительство этого региона было выделено около 1 млрд рублей. С началом Великой Отечественной войны мирная строительная работа резко сокращалась, а на ряде участков хозяйства прекращалась вовсе. Постановлением СНК КазССР и ЦК КП (б) Ка-

захстана от 19 июля 1941 г. «О капитальном строительстве во II полугодии 1941 г.» была установлена очередность строительных объектов по их значимости в военной обстановке – ударные сверхлимитные стройки первой и второй очереди. Например, к первым были отнесены Кельтемашатуголь, Курашасайуголь, Максимовская шахта, литейный и турбинный цеха Алма-Атинского механического завода, Актюбинский завод ферросплавов, сухарные цеха ряда хлебозаводов [1, с.126].

Большие задачи ставились и на областном уровне. В Кустанайской обл. на пятой сессии областного совета депутатов трудящихся 1 июля 1942 г. рассмотрели вопрос «О работе Советов в военное время». В докладе председателя облисполкома Д. Керимбаева были приведены важные сведения о размещении и запуске эвакуированных предприятий, о работе промышленности. В пример приводилась швейная фабрика «Большевичка», запущенная в короткий срок на полную мощность, и завод оборонного значения № 222. В государственном бюджете на IV квартал 1941 г. на жилищное строительство было выделено 200 млрд. руб. В условиях военного времени это были большие средства. Рабочим и служащим эвакуированных предприятий был предоставлен долгосрочный кредит на индивидуальное жилищное строительство [2, с.85, 96].

На республиканском и местном уровне предпринимались все меры для обеспечения помещениями не только эвакуированных предприятий, но и индивидуального жилищного строительства с предоставлением долгосрочных кредитов. Об этом свидетельствуют документы военного времени. *Публикация подготовлена* ***Беркимбаевой А.М., Легким Д.М.***

№ 1

Инструктивное письмо Наркомата коммунального хозяйства КазССР заведующим областных и городских отделов коммунального хозяйства о порядке изменения постановления Совнаркома КазССР № 36 «О порядке передачи помещений для эвакуированных предприятий» от 27 января 1942 г.[1*]

г. Алма-Ата *Февраль 1942 г.*

Помещения, принадлежащие кооперативным и общественным организациям, передаются эвакуированным предприятиям либо за плату по инвентарной (балансовой стоимости за вычетом износа), с рассрочкой на 5 лет, в соответствии с постановлением СНК СССР от 5 мая 1940 г. (С.П. 1940 г. № 15 ст. 164), либо арендному договору на условиях уплаты амортизации и принятия на себя арендатором всех […],[1*]связанных с эксплуатацией помещений, и обязательства обеспечить их сохранность.

Вопрос о том, на каких условиях необходимо передать эвакуированным предприятиям помещения, принадлежащие кооперативным и общественным организациям, необходимо разрешить в зависимости от капиталовложений на их реконструкцию и на возведение новых […][2*] строек.

Если передаваемые помещения за период нахождения в пользовании эвакуированного предприятия не подвергнутся существенному изменению и не будут отвечать первоначальному назначению, то эти помещения необходимо передавать в аренду на условиях уплаты амортизации.

Если же передаваемые помещения будут подвергнуты переоборудованию соответственно условиям и техническим требованиям предприятия, […][2*] капиталовложением на реконструкцию, достройку и при[…][2*] и не будут отвечать первоначальному назначению, то эти помещения необходимо передавать за плату в полном соответствии с постановлением СНК СССР от 5 мая 1940 г. (С.П.1940 г. № 15, ст. 164).

Споры по оценке передаваемых помещений разрешаются вышестоящими инстанциями, а при недостижимости соглашения вопрос об оценке разрешается Госарбитражем по месту нахождения переда-

[1*] Отсутствует первая страница.
[2*] Неразборчиво.

ваемого помещения. Не подлежат оплате и принимаются государственными эвакуированными предприятиями от кооперативных организаций безвозмездно:

а) здания и сооружения, полученные кооперацией безвозмездно от государственных организаций, за исключением тех капитальных вложений, которые израсходованы [на] соответственные средства кооперацией

б) здания и сооружения, приобретенные или возведенные кооперацией за счет государственных ассигнований в сумме этих ассигнований.

Оформление передачи и связанные с нею расчеты необходимо провести в полном соответствии с инструкцией НКЮ СССР и НКФ СССР и арбитража при СНК СССР от 26 мая 1940 г. № 849/62, № 58 и «О порядке расчетов при передаче предприятий, зданий и помещений».

Все вопросы (споры, жалобы), связанные с передачей помещений эвакуированных предприятий, разрешаются в общеустановленном административном порядке.

Вопросы же, связанные с расчетами по передаваемым помещениям, а также преддоговорные споры при сдаче в аренду помещений, разрешаются арбитражным порядком.

Зам. наркома Коммунального Хозяйства КССР
Колесников
Начальник жилищно-строительного отдела
НККХ КССР
Калашников

ГАКО. Ф.520. Оп.1. Д.4. Л.38. Подлинник.

№ 2
Циркуляр Наркомата легкой промышленности КазССР о порядке передачи помещений эвакуированных предприятий

г. Алма-Ата *6 марта 1942 г.*

Постановлением Совнаркома Казахской ССР от 27 января 1942 г. за № 36 утвержден нижеследующий порядок передачи помещений эвакуированных предприятий:

а) помещения местных Советов, а также государственных учреждений и предприятий республиканского, областного, районного и городского подчинения передаются безвозмездно, путем списания

стоимости этих помещений с баланса передающих учреждений и предприятий на баланс эвакуированных предприятий.

б) помещения государственных учреждений и предприятий Союзного подчинения передаются безвозмездно, путем списания стоимости этих помещений с баланса передающих учреждений и предприятий на баланс эвакуированных предприятий, с согласия руководителя соответствующего наркомата (ведомства) СССР в соответствии с постановлением Совнаркома СССР от 16 февраля 1936 г. «О порядке передачи государственных предприятий, зданий и сооружений» с 1936 г.

в) передача помещений кооперативных и общественных организаций производится либо за плату по инвентарной оценке балансовой стоимости за вычетом износа, с рассрочкой платежа на пять лет, в соответсвии с постановлением Совнаркома СССР от 6 мая 1940 г. (О. З. на 1940 г. № 15, ст. 364) либо по арендному договору на условиямх уплаты амортизации и принятия на себя арендатором всех расходов, связанных с эксплуатацией помещений, обязательства обеспечить их сохранность.

Предлагаю Вам на основе этого постановления срочно оформить подчиненным Вам предприятиям занимаемые ими помещения, и о результатах уведомить Наркомлегпром КазССР.

В тех случаях, когда передача помещений вашему предприятию должна быть проиведена с согласия руководителя соответствующего наркомата (ведомства) СССР (см. выше п. «б»), обращайтесь за получением этого согласия через Наркомпром КазССР.

Передачу помещений Вашему предприятию кооперативными и общественными организациями оформляйте предпочтительно по арендным договорам на условиях, указанных в пункте «н» постановления СНК КазССР за № 36.

При этом препровождается вами копия инструктивного письма Наркомхоза КазССР о порядке применения указанного выше постановления Совнаркома КазССР.

О проделанной вами работе по существу настоящего циркуляра уведомите Наркомлегпром КазССР.

Замнаркома Легкой
Промышленности КазССР
Голубев

ГАКО. Ф.520. Оп.1. Д.4. Л.37. Подлинник.

№ 3
Письмо управляющего Казкомбанком В. Чугая о закрытии неоформленных кредитов с 1 января 1944 г.

г. Алма-Ата *Декабрь 1943 г.*

С 1 января 1944 г. неоформленные кредиты закрываются. Выдача средств может производиться только по оформленным в 1943 г. ссудам, за счет которых строительство уже начато. Такое положение в дальнейшем нетерпимо и банк просит Вас принять меры по освоению выделенных средств в 1944 г.

О принятых мерах просим сообщить нам.

Приложение: Список.

и. о. Управляющего Казкомбанком
В. Чугай

Приложение

Список строительства для размещения эвакуированного населения и расширения коммунальных предприятий, производимых за счет кредита банка [5, л.332]

Застройщик	Объект	Сумма плана 1943 г.	Освоено в 1943 г.	Сумма кредита действ. в 1944 г.	Оформлен ли кредит в банке [1*]
Кустанайская обл.					
Семиозерный райисполком	Стр. ж. д.	116	21,0	95	да
Федоровский райисполком	-«-	89	43,3	45,7	да
Кустанайский райисполком					
ГКХ	Стр. линии перед ТЭЦ	30	11,3	18,7	да
		235	75,6	159,4	159,4

Инспектор
Белорусова

ГАКО. Ф.759. Оп.1. Д.207. Л.об. 331, 332. Подлинник.

1. Козыбаев М.К., Едыгенов Н.Е.Труд во имя Победы. Алматы: Казахстан, 1995. [Электронный ресурс]. Режим доступа: Труд во имя Победы. Козыбаев М. К., Едыгенов Н. Е. — bibliotekar.kz - Казахская библиотека (дата обращения 05.10.2022).
2. Кустанайцы – герои тыла. Личный вклад. / Коллект. моногр. Ахметчин Ф.Ф., Легкий Д.М., Семенова В.Г., Укин К.У. и др. – Костанай: Костанайский печатный двор, 2012.

[1*] Графа «За какой мес. представлен в банк посл[едний] отчет» не заполнена.

Беркун О.Е.

Нормированное снабжение населения Карагандинской обл. в годы Великой Отечественной войны

С началом Великой Отечественной войны в 1941 г. управление экономикой было военизировано, введены институт уполномоченных, принудительное распределение продуктов в виде карточной системы. Как показывают документы, только карточки вводились на все жизненно необходимые товары, имели различные цвета в зависимости от вида и нормы товара [1, л.29].

Карагандинским облисполкомом решение о введении продовольственных карточек на хлеб, сахар и продовольственные товары было вынесено в ноябре 1941 г. «На основании Постановления СНК КазССР и ЦК КП (б) К, ввести карточки на хлеб, сахар и кондитерские изделия в городах, рабочих поселках: г. Балхаш, Каркаралинск, Карсакпай, Коунрад, Атасу, ст. Агадырь, Успенка, Моинты, рудниках: Семизбуга, Акчатаустрой. На основании приказа Наркомторга СССР и инструкции разрешить областному бюро для покрытия расходов, связанных с выдачей населению продовольственных карточек, установить плату за каждую карточку 10 копеек» […] [2].

В апреле 1942 г. по всем республикам был разослан приказ Народного Комиссариата торговли СССР о продаже промышленных товаров по карточкам: «Выдачу промтоварных карточек населению в городах и рабочих поселках, а так же рабочим и служащим в сельских местностях произвести сроком до конца 1942 г. со следующим количеством купонов (условные единицы): рабочим и ИТР – 125 купонов, служащим – 100 купонов, иждивенцам и детям и учащимся – 80 купонов […] отпуск по карточкам керосина, спичек и соли на человека в месяц: соли до 400 г, спичек до 3 коробок, керосина до 1 литра» [3, л.431].

Наряду с ограничением количества товаров, выдаваемых в одни руки, карточки обеспечивали продовольствием и предметами ширпотреба гораздо большее количество самых разных групп населения.

В условиях угольной промышленности, цветной металлургии были утверждены разные нормы снабжения рабочих, ИТР и служащих. Было установлено несколько групп населения, получавших разное количество продуктов. Так, например, рабочие и инженерно-технические работники получали в день от 500 до 600 г хлеба, служащие и иждивенцы – по 400 г, дети до 12 лет – по 300 г.

Самые высокие нормы основного снабжения продовольственными товарами были установлены для рабочих угольной забойной группы, занятых на подземных работах предприятий угольной промышленности. Кроме того, этой группе отпускались холодные завтраки. К примеру, с июня 1943 г. холодный завтрак (100–200 г хлеба, 30–50 г сала, 10 г сахара) и горячий обед, в состав которого входило 60 г мяса, 10 г жиров и 10 г крупы сверх установленных норм производственные заданий. Так же дополнительные виды питания были установлены для руководящих и инженерно-технических работников предприятий, для руководящих работников партийных, советских и хозяйственных организаций, а также для ответственных работников и специалистов центрального аппарата. Таким образом, в годы войны реальный жизненный уровень определялся не размером зарплаты, а нормой снабжения по карточкам.

Постановлениями СНК СССР от 18 октября 1942 г. и 4 ноября 1942 г. предусматривалось снижение нормы хлеба на 200 г. прогульщикам, осужденным рабочим, совершившим прогул с момента вынесения решения суда и до отбытия наказания в порядке исправительно-трудовых работ [1, л.132].

На первых порах эвакуированные находились в более жестких условиях, чем местное население, обеспеченное продовольственным минимумом по карточкам. Представители местной власти пытались решить проблему путем создания эвакуационных пунктов главной задачей, которых был приём эшелонов, оказание медицинской помощи и снабжение питанием. Из решения Карагандинского облисполкома: «…к 3 ноября 1941 г. подготовить столовую на ст. Нуринск для обеспечения горячим питанием [эвакуированных], с таким расчетом, чтобы кухня столовой могла готовить горячую пищу для обеспечения эшелона одновременно. На ст. Сортировочная организовать торговлю хлебом и продтоварами за наличный расчет…» [4]. Несмотря на действие властей возникало множество вопросов. Так, например, в решении Кустанайского облисполкома от 19 декабря 1941 г. «О трудовом устройстве и бытовом обслуживании эвакуированного населения в Кустанайском и Затобольском районах» отмечалось, что «пользуясь нетрудоспособностью и необеспеченностью жильем, топливом и продуктами питания эвакуированного населения, многие колхозники и единоличные хозяйства берут с эвакуированного населения за предоставленную им жилую площадь или продовольствие непомерно

высокую плату натурой и деньгами, доходящую в ряде мест до мародерства» [5].

Только к весне 1942 г. были даны поручения по улучшению быта эвакуированных и семей военнослужащих, в частности, в Карагандинской обл. предлагалось «…прикрепить эвакуированных и семьи военнослужащих с отпуском обедов на дом к одной из существующих столовых, …900 детей прикрепить к молочным кухням,… из имеющихся в наличии продовольственных и товарных фондов выделить для продажи эвакуированным и семьям военнослужащих по линии облторга мануфактуры 550 м, резиновых галош 50 пар, ичиг и туфель 65 пар, трикотажа на 5000 руб., а также по линии легпрома 50 пар обуви индивидуального пошива,… предложить облторгу выделить в 1-й декаде мая для продажи эвакуированным и семьям военнослужащих сахар, масло и пряники для отоваривания апрельских карточек, а также 2 т. соленых овощей и крупы для отоваривания майских карточек и ОРСу[1*] Каругля 500 кг рыбы….» [6].

Отдельными нормативными актами оговаривалось продовольственное и промышленное обеспечение мобилизованных рабочих в угольную промышленность: «организовать питание рабочих – узбеков, казахов, киргизов, таджиков и туркменов в шахтных и заводских столовых по специальному меню, с учетом национально-бытовых особенностей, снабдить столовые инвентарем, приборами и обеспечить необходимым набором продуктов для приготовления национальных блюд; через торговую сеть ОРСов продать мобилизованным рабочим – узбекам, казахам, киргизам и туркменам, работающим на шахтах сверх спецодежды за наличный расчет, без вырезки талонов промтоварных карточек, каждому по одной паре теплой одежды (телогрейками и шаровары), по одной шапке, по одной паре теплых рукавиц, одной паре нижнего белья и нуждающимся по одной паре валенок; […] Снабжать рабочих – узбеков, казахов, киргизов, таджиков, туркменов чаем зеленым из расчета 300 г на человека в месяц, рисом в размере 50% нормы, установленной для снабжения крупной, а также бараниной (с заменой при отсутствии баранины мясом крупного рогатого скота) в размере 100% к установленной норме снабжения мясом» [7].

[1*] Отдел рабочего снабжения (ОРС) – организация (предприятие) государственной розничной торговли, функционирующая либо на правах производственного предприятия, либо в качестве органа хозяйственного управления. Организованы по решению правительства СССР 19 февраля 1942 г. на предприятиях и транспорте.

По сравнению с другими областями КазССР Карагандинская обл. в работе карточного бюро имела свои особенности – это введение карточной системы не только на хлеб и сахар, но и другие продовольственные товары: мясо, рыба, жиры, крупы, макароны и пр. Эта разнообразность норм снабжения заставляла карточное бюро обеспечивать рабочих и служащих продовольственными карточками различных ассортиментов, доходящих до тридцати и с различными нормами получения по ним продовольственных товаров. В других областях КазССР карточная система введена была только на хлеб и сахар [1, л.29]. Такое разнообразие карточек и несоблюдение условий их хранения приводило к тому, что карточки попадали в руки мошенников. Процветал «черный рынок», куда поступали, в т. ч. и похищенные из системы торговли продукты и товары. В связи с этим расширялась структура контролирующих органов, вводилась система ежедекадной перерегистрации карточек у населения. Например, «в первом полугодии 1942 г. было произведено 5 проверок и во втором полугодии – 4 проверки […] В процессе проверок были выявлены недостатки и злоупотребления, за что виновники были привлечены к уголовной ответственности, а у лиц, неправильно получивших, хлебные карточки отбирались…» [8].

Особое внимание уделялось снабжению детских и лечебных учреждений, детей, беременных женщин и кормящих матерей, а также организации питания учащихся школ ФЗО[1*] и ремесленных училищ.

Например, в октябре 1942 г. вступило в силу Постановление Совнаркома СССР «О мероприятиях по улучшению работы органов Наркомздрава и детских учреждений по медицинскому обслуживанию детей и усилению питания нуждающихся детей», на основании которого рекомендовано отпускать молоко и молочные продукты детям в возрасте до 1 года и детским учреждениям по 7 л в месяц на ребенка, и детям, в возрасте от 1 года до 3 лет по 5 л в месяц на ребенка.

Для питания детей в столовых предусматривались следующие нормы:

[1*] Школы ФЗО (1940–1963 гг.) действовали на базе промышленных предприятий и строек в системе Государственных трудовых резервов СССР. Готовили рабочих массовых профессий для строительства, угольной, горной, металлургической, нефтяной и других отраслей промышленности. Срок обучения 6 месяцев.

Наименование продуктов	Всего расходовать	В том числе			
		В г. Москва		В прочих городах	
		В счет прод. карт.	Дополнительно	В счет прод. карт.	Дополнительно
мясо-рыба	1500	600	900	400	1100
жиры	450	200	250	150	300
сахар	450	150	300	150	300
крупы и макаронные изделия	1500	600	900	400	1100
муки пшеничной для производственных целей	750	-	750	-	750
Картофеля и овощей	7500	-	7500	-	7500
хлеба (в день)	300	200	100	200	100

[3, л.112 и об.].

В период с 1941 по 1942 гг. вышли нормативно-правовые акты Совнаркома СССР, Наркоматов торговли СССР и КазССР и другие документы, регламентирующие обеспечение продуктами питания и промышленными товарами все категории населения: Постановлением Совнаркома СССР от 9 октября 1941 г. установлены нормы снабжения для рабочих и ИТР предприятий особого списка, служащих, взрослых иждивенцев, детей до 12 лет, работников науки, искусства и литературы, студентов вузов, старых большевиков, доноров и т. д., Указание Народного комиссариата торговли СССР от 16 июня 1942 г. «О применении карточной системы»; Распоряжение заместителя председателя СНК КазССР от февраля 1942 г. «Об особом снабжении докторов наук, преподавателей вузов, академических пенсионеров, пенсионеров, имеющих заслуги в области науки, техники и искусства; Приказ наркома торговли СССР от 15 октября 1942 г. «О мероприятиях по экономии расходования хлеба»; Указание наркома торговли СССР от 11 октября 1944 г. «Об усилении контроля за выдачей рейсовых карточек и маршрутных книжек» и т. д. [3].

Но, несмотря на все усилия, нормированное снабжение в целом не обеспечивало удовлетворения всех потребностей городского населения в продуктах питания. Даже при жестком лимитировании планируемые товары иногда не полностью поступали. Одни продукты заменялись другими, как например хлеб заменяли картошкой, мясо заменяли рыбой или яичным порошком, животное масло – растительным и т. п.

Анализ архивных материалов показывает, что в первое время торговля по карточкам осуществлялась довольно формально и с нарушением правительственных инструкций. Карточные бюро иногда неправильно относили отдельных граждан к той или иной категории или выдавали карточки по спискам предприятий без утвержденных стандартных справок. В результате некоторые получали по две карточки и более. Все это приводило к перерасходу продовольствия. Значительная часть нормированных товаров уходила в сферу теневого перераспределения [9]. Был распространен также отпуск товаров и продуктов без карточек по завышенным ценам.

Окончательно карточная система была отменена в декабре 1947 г.

1. Государственный архив Карагандинской обл. (ГАКО) Ф.144. Оп.1. Д.1. Л.29.
2. Там же. Ф.18. Оп.1. Д.549. Л.13.
3. Там же. Ф.144. Оп.1. Д.56.
4. Там же. Ф.18. Оп.1. Д.520. Л.56.
5. Государственный архив Кустанайской обл. Ф.250. Оп.1. Д.166. Л.119-122. / Социально-бытовое положение эвакуированного населения в документах партийных и советских органов Кустанайской обл. Казахской ССР в 1941–1942 гг. История. Память. Люди: Материалы X международной научно-практической конференции, г. Алматы 23 сентября 2020 г. – Алматы, 2020, С.195-196.
6. ГАКО. Ф.18. Оп.1. Д.643. Л.181 и об.
7. Там же. Ф.341. Оп.3. Д.45. Л.362-364.
8. Там же. Ф.205. Оп.7а. Д.47. Л.2-3.
9. [Электронный ресурс] Орлов И.Б. Карточное снабжение в 1941–1943 гг.: расчеты и просчеты. Режим доступа: kartochnoe-snabzhenie-v-1941-1943-gg-raschety-i-proschety.pdf (дата обращения 02.06.2022).

Кабдулова К.Д.

Повседневная жизнь в годы Великой Отечественной войны на примере Кустанайской обл.[1*]

Интерес к тематике истории Великой Отечественной войны со стороны общества, в т. ч. зарубежных исследователей, не угасает. Ярким примером является данная конференция, которая из года в год собирает участников не только из всех регионов Казахстана, но и из более 10 стран ближнего и дальнего зарубежья.

Для познания всей истории Великой Отечественной войны очень важно обратиться к тому, что действительно происходило «на местах». Ведь судьба страны решалась не только на полях сражения, но

[1*] Автор выражает благодарность сотрудникам Костанайской областной универсальной научной библиотеки им. Л.Н. Толстого за подбор литературы.

и в тылу. Поэтому сегодня общаюсь к истории повседневной жизни жителей Кустанайской обл., чтобы как можно больше людей узнали о том, что происходило в тылу, о тех испытаниях, через которые прошли женщины, старики и дети, чтобы все эти микроистории вошли в копилку наших знаний о Великой Отечественной войне.

Эвакуация – один из самых эмоциональных моментов в истории Великой Отечественной войны, потому что это судьба 25 млн человек [1], которые покинули родные края и отправились в неизвестность со страхом никогда не вернуться. Безусловно, условия эвакуации были сложными. Семьи, оторванные от своей обычной среды обитания, должны были адаптироваться в новой среде и часто сталкивались с неблагоприятными условиями жизни *(временное жилье, проживание в приспособленных помещениях, нехватка продовольствия и т. д.)* и другой социокультурной средой.

Во время войны, наверное, не было ни одного населенного пункта в Казахстане, который не принял бы эвакуированное население или не разместил бы предприятия на своей территории. Кустанайская обл. не стала исключением. «В Кустанайскую обл. были эвакуированы промышленные предприятия и учреждения культуры, военные госпитали, детские дома. В период войны временный приют на территории Кустанайской обл. получили 32 149 человек, эвакуированных из прифронтовой полосы, среди которых 13 995 человек трудоспособных, остальные – старики, инвалиды и дети» [2].

Но помимо их принятия и размещения, была проведена работа по перестройке существующих производственных мощностей на военный лад. Так, артель им. 1 Мая до войны шила нарядную женскую и детскую одежду. Получив военный заказ, установили повышенные нормы военного времени. Две бригады № 1 под руководством бригадира Ходорковского и № 2 под руководством бригадира Кричевского заключили социалистическое соглашение, согласно которому обязались выполнить квартальные задания к 23 февраля – Дню Красной армии. Чтобы выполнить соглашение, они обязались работать по 11 часов. Обе бригады выполнили свои обязательства досрочно: № 1 – 17 февраля и № 2 – 18 февраля 1942 г.

Примечательно, что сотрудница той же артели Полина Большакова, узнав, что в мастерской не хватает машин, принесла из дома свою швейную машинку. Ее примеру последовали и другие сотрудники [3].

Когда большинство мужчин ушли на фронт, на их места встали женщины, старики и дети. Так, «В Федоровском р-не работали трак-

тористками 140 женщин, комбайнерами – 98, шоферами – 22, токарями – 12, слесарями – 2 женщины» [4].

В своих воспоминаниям К. Бирмуханов отмечает, что в 1941 г. ему было десять лет, и он жил в небольшом отделении колхоза «Октябрь» Урицкого р-на Кустанайской обл., его отец, которому было уже за 50 лет, тоже просился отправить его на фронт. Но ему терпеливо отвечали: «Воевать все могут, а кормить воюющих не всякий». Однако детство самого К. Бирмуханова было не из легких. По его воспоминаниям, в апреле 1943 г. он был задействован на посевных работах. «Пахали. Запрягали волов, частных коров, лошадей. […] Не знаю, как мы только остались в живых. В день ходили по 45 км. Один оборот – 5 км. Надо сделать 9 кругов. Утром – 2, к обеду – 3, к вечеру до захода солнца – 3 круга. Из семенной пшеницы делали на ручной мельнице под вид сечку крупу. Из нее варили на воде кашу. Давали погонщику по одной поварешке, плугатору – по две. Только эта каша, больше ничего. И так изо дня в день» [5].

Эвакуированные, прибывшие из городов, временно оккупированных немецко-фашистскими войсками, также не уклонялись от работы. Они изучали основы агротехники, перенимали опыт передовых колхозников. Многие из них перевыполняли нормы. Работая на обмолоте хлеба, т. Лейтман систематически выполнял ежедневную задачу на 120%, и ему было засчитано 82 трудодня. Тов. Херсонский заботился о быках и заработал 144 трудодня [6].

Отзывчивость людей проявлялась и в работе. Несмотря на трудности, все помогали друг другу. Так, в колхозной артели «Красный передовик» существовала касса взаимопомощи. На расчетном счете артели в Кустанайском отделении Госбанка числилось 19 736 руб. 48 копеек. Из этой кассы было выделено 1000 руб. на покупку коровы колхознице Улжан Ереженовой, у которой пала корова.

Из фонда взаимопомощи также оказывали помощь эвакуированным. Так, эвакуированная Ольга Пальцева работала в колхозе, вступила в сельскохозяйственную артель. А когда наступила зима, она не смогла купить детям теплую обувь. На заседании правления артели решили отдать Пальцевой 100 руб. безвозвратно и 100 с возвратом. Все выданные кредиты были возвращены в установленные сроки [7].

Среди историй из повседневной жизни хотелось бы упомянуть еще одну. Осенью 1941 г. Кабаш Козыбаев, председатель колхоза «Жанатурмыс» Мендыгаринского р-на, на собрании колхозников проинформировал жителей села о положении на фронте. По воспо-

минаниям его жены, она подошла к президиуму и положила на стол свое золотое кольцо. «Стало тихо… На следующий день многие женщины принесли кольца, брошки, сережки, цепочки. Это было особое золото. Это было наши слезы, наше горе, наша ненависть к фашистам...».

Стоит отметить, что Кабаш Козыбаев продал все свое имущество, чтобы внести деньги на строительство танковой колонны, объяснив жене, что в 1930-е гг. было хуже [8].

По мере освобождения оккупированных территорий началась работа по оказанию помощи освобожденным районам. 21 апреля 1943 г. Совет Народных Комиссаров СССР и ЦК ВКП (б) приняли постановление «О неотложных мерах по восстановлению хозяйств в районах, освобожденных от немецкой оккупации». Во исполнение этого постановления областная контора «Заготскот» определила Джетыгаринскому р-ну следующее задание: в срок не позднее 1 мая 1944 г. закупить у населения 500 голов крупного рогатого скота.

15 мая вышли из Джетыгары и пешим порядком направились в Сталинград. Старшими гуртоправами были Тулубаев Куаншалы, с ним сыновья Али и Алтай, и дочь Культаш. Через каждые 25 км останавливались на ночевку. Как вспоминает участник этого поистине героического перехода Тулубаев Алтай, пришлось им нелегко. И жара, и дождь, и снег. Во время перегона скот приходилось уберегать от волков, от голодных людей, которые встречались в пути. К 6 ноября оба гурта благополучно дошли до Сталинграда, не только не потеряв ни одной коровы, но и привезли 9 новорожденных телят. В 1945 г. все участники этого перехода были награждены медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и грамотами Верховного Совета Казахской ССР. Тулубаев Алтай Куаншалинович всю свою жизнь посвятил службе в пожарных частях Житикары.

Аналогичный подвиг в мае 1944 г. совершила жительница пос. Пешковка Федоровского р-на Биби Табагабуловна. Она вместе с другими гуртоправами перегнала скот из Кустанайской обл. в Ворошиловградскую обл. (ныне Луганская, Украины)[1*]. Перегон занял 160 дней. 11 человек подорвались на минах. Скот поили из колодцев, а ночью с винтовками сторожили его [9].

[1*] О транспортирование скота на Украину в воспоминаниях рассказал и председатель исполкома того периода Д. Керимбаев. / Грибанова Е.М. Во главе «коллегиального президента». // Казахстанская правда. – 2009. 27 марта; Даниял Керимбаев. Государственный и общественный деятель. К 100-летию со дня рождения (30 марта 1899 – 6 января 1982): сборник воспоминаний и документов. –Алматы: Print Express, 2009. – С.19-31 (прим. ред.)..

Была проведена большая работа по оказанию помощи освобожденным районам в восстановлении колхозов и хозяйств. Так, колхоз им. Ленина одним из первых в Урицком р-не откликнулся на призыв сельскохозяйственной артели «Пролетарий» и выделил 2400 п семенного зерна из своих запасов [10].

В заключение хотелось бы еще сказать вот о чем. Чаще всего центральное место в истории Великой Отечественной войны отводится ветеранам, их подвигам, основным сражения и битвам, которые сыграли наиболее важную роль и оставили значительный след в истории. Но приведенные примеры показывают, что героические поступки совершались не только на фронте, но и в тылу. Однако общим для всех являлось то, что все усилия были направлены на Победу.

1. Эвакуация в СССР во время Великой Отечественной войны. Ссылка: https://ru.wikipedia.org/wiki/. (дата обращения 15.09.2022 г.).
2. Алексеенко М.А. Об эвакуированных в Кустанайскую обл. детских домах, положение воспитанников детских домой и розыск детей (по документам Государственного архива Костанайской обл.). / История. Память. Люди: Материалы X Международной научно-практической конференции. 23 сентября 2020 г., Алматы. – Алматы, 2020. – 680 (С.202).
3. Бродская М. Заказ для фронта. // «Сталинский путь» – 23 февраля 1942 г. (№ 43). – С.2.
4. На место мужчин – женщины. // «Сталинский путь» – 1 января 1942 г. (№ 1). – С.3.
5. Бирмуханов К. За доблестный труд. Они прошли через войну (60-летию Великой победы – посвящается). Кн. 3. – Костанай: Костанайский печатный двор, 2004. – С.59-60.
6. Эвакуированные вступают в колхозы. // «Сталинский путь» – 13 февраля 1942 г. (№ 37). – С.2.
7. Колхозная касса взаимопомощи. // «Сталинский путь» – 27 февраля 1942 г. (№ 49). – С.2.
8. Қостанай облысы Әскери Даңқ кітабы – Книга военной славы Костанайской области. – Костанай, Костанайский печатный двор, 2015. – 398 с. (С.309).
9. Қостанай облысы Ұлы Отан соғысы жылдарында: майдан және тыл бірлігі. Кустанайская область в годы Великой Отечественной войны: единство фронта и тыла. – Костанай. Костанайский печатный двор, 2010. – 508 с. (С.181, 279).
10. Поможем колхозникам освобождённых районов снова завоевать зажиточную жизнь. // «Сталинский путь» – 20 января 1942 г. (№ 16). – С.2.

Сатаева Ж.А.

О спецгоспитале № 1054 (5054) и судьбах военнопленных

В советское время информация о военнопленных была засекречена. Только в период независимости с секретных архивных документов были сняты грифы секретности, и стало возможным их изучение

и публикация. В их числе и документы о судьбе японских военных, оказавшихся в советском плену.

По разным данным в советском плену оказалось порядка 600 тыс. японских военнопленных. В советский плен японские военные попали в результате боевых действий в Манчжурии, Северной Кореи, на Южном Сахалине и Курильских островах. Среди плененных большую часть составляли японцы, но также были представители и других национальностей: монголы, корейцы и китайцы, призванные в ряды Квантунской армии.

На территорию Казахстана японские военнопленные попали осенью–зимой 1945 г. Постановлением Государственного Комитета Обороны СССР от 23 августа 1945 г. № 9898сс японские военнопленные были направлены в 30 регионов Советского Союза, большая часть в районы Дальнего Востока и Сибири, меньшая – в Казахстан, Узбекистан, республики Северного Кавказа и Украину. Уже через 3 дня после союзного решения 28 августа 1945 г. ЦК КП (б) Казахстана принимается постановление «О размещении и подготовке к трудовому использованию военнопленных японцев на промышленных предприятиях республики». Общее количество японских военнопленных, которых распределили по промышленным предприятиям Казахской ССР, составило 50 тыс. человек. Руководителям областей, куда они направлялись, поручалось взять под особый контроль подготовку лагерей к приему военнопленных и их трудовому использованию. Директора промышленных предприятий должны были не позднее 15 сентября закончить строительство, подготовку и оборудование жилья, столовых, изоляторов и других служебных и бытовых помещений для приема военнопленных, обязательно приспособив их к работе в зимних условиях. 18 крупных промышленных объектов республики, в их числе Прибалхашстрой, Карагандауголь, Джезказганский комбинат, Турксиб и другие стали местом трудоустройства военнопленных [1].

В фондах Архива Президента Республики Казахстан отложились документы об этих событиях. В фонде № 708 ЦК КП Казахстана в особом секторе в разделе по переписке ЦК КП (б) Казахстана с республиканскими наркоматами внутренних дел и иностранных дел за 1945 г. отложилась информация о китайских гражданах, в т. ч. и военнопленных Квантунской армии. Китайский консул 10–12 декабря 1945 г. посетил лагерь в Аягузе, в котором содержались интернированные китайские граждане и военнопленные. «После обеда в 4 ч. 30

м. вместе с пред[седателем] райисполкома и его заместителем поехали в лагерь, где были размещены интернированные – военные. Там нас встретил нач[альник] комендатуры со своими работниками. При входе в военный лагерь старшина лагеря подполковник (китаец) тут же при входе рапортовал китайскому консулу на своем языке. Затем мы обошли все бараки, после осмотра провели беседу со старшинами, на которой присутствовали из китайских интернированных 4 человека. Подполковник китаец, на китайском языке рассказал о положении интернированных китайских граждан, находящихся в лагере.... Когда после беседы мы вышли из комнаты сами интернированные китайские военнные граждане организованно построились и приветствовали консула и просили передать своему правительству просьбу о быстром возвращении их на родину... Посещение интернированных показало, в лагерях живут 1196 человек, что продовольствием они обеспечиваются бесперебойно, интернированные военные граждане, имеющие военные звания, получают офицерский паек, интернированное гражданское население – получает паек по нормам рядового солдата, они часто бывают в бане, врачебным обслуживанием обеспечены» [2].

Осенью 1946 г. началась репатриация японских военных, которая растянулась на несколько лет.

В документах периода Независимости также имеется ряд сведений о японских военнопленных, которые были подготовлены в связи запросом, поступившим на имя Главы государства.

В октябре 1991 г. Ассоциация бывших японских военнопленных (общественная организация, созданная в 1977 г.) обратилась к Президенту Республики Казахстан Н.А. Назарбаеву с просьбой содействия выявления сведений о японских военнопленных, содержавшихся в лагерях системы НКВД–МВД СССР на территории Казахстана. Письмо сопровождалось дополнительной информацией о деятельности Ассоциации, общими сведения о японских военнопленных и разъяснениями международных правовых документов по вопросам военнопленных. Одной из основных задач Ассоциации было обнародование списков погибших японских военнопленных, приведение в порядок их захоронений и свободное посещение их могил.

Посольство Японии в СССР предоставило информацию Министерства здравоохранения Японии о том, что число японских военнопленных в СССР составляло около 575 000 человек, в т. ч. возвратившихся – около 473 000 человек, погибших – 55 000 человек, пере-

данных в КНР и КНДР – около 47 000 человек. Подавляющее число японских военнопленных находилось в СССР свыше 3 лет и занималось тяжелой работой, данные из письма посольства от 19 марта 1991 г. [3].

К подготовке сведений о судьбе японских военнопленных, оказавшихся в лагерях на территории Казахстана, были подключены несколько государственных органов: от прокуратуры до государственных архивов. Было выяснено, что основная часть документов хранится в российских архивах, куда были сделаны соответствующие запросы. В связи с тем, что официальные отчеты о прибытии, размещении, передислокации и убытии военнопленных отправлялись в центральные аппараты государственных органы НКВД–МВД СССР, в казахстанских архивах сохранилась отрывочная информация. Кроме того, многие лагеря были закрыты в 1950-х гг., документы этих учреждений сохранились не в полном объеме, часть была передана по ведомственному назначению, небольшая часть попала на хранение в архивы на местах.

В информации о японских военнопленных отразились сведения о тех, кто умер в лагерях и местах их захоронения в период с 1946 по 1949 гг. в Акмолинской, Восточно-Казахстанской, Жамбылской, Карагандинской, Кызылординской и Южно-Казахстанской областях и г. Алматы. Общее количество, по данным подготовленным в 1991–1992 гг., – 1086 имен погибших. В 2001 г. были проведены дополнительные поиски, с учетом которых было установлено 2585 имен погибших воинов.

Самым пожилым среди японских воинов в списках значится Такезаки Суэо в звании поручика1884 г. р., который умер 14 августа 1946 г., место его захоронения – Восточно-Казахстанская обл., на территории бывшего лагеря для военнопленных № 45. Самые молодые 1928 г. р.: Кабаяси Набору, умер 26 июня 1948 г., и Миязоно Тецуя, умер 21 июля 1948 г. Они были гражданскими лицами, место захоронения на территории бывшего лагерного отделения № 5 Карагандинских шахт [4].

Основной состав пленных по информации, подготовленной в 2001 г., это рядовые: солдаты, сержанты, ефрейторы; в офицерском звании 36 человек: от младшего лейтенанта до капитана, кроме того были и гражданские лица.

В списке по Восточно-Казахстанской обл. на 194 человек, указана причина смерти, в основном, туберкулез легких (116 случаев),

дистрофия, порок сердца, пневмония и даже старческий маразм, а также несчастные случаи и производственная травма [4].

В документах Архива Президента Республики Казахстан вместе с информацией о размещении пленных, об умерших в лагерях, сохранилась краткая информация о медицинском обслуживании. Для военнопленных был создан специальный госпиталь на 500 коек, номер госпиталя 1054 (5054), об этом говорится в сообщениях Управления эвакогоспиталей Народного комиссариата здравоохранения Казахской ССР, направленных в Военный отдел ЦК КП (б) Казахстана. Располагался госпиталь на территории Кокчетавской обл. в Щучинске *(*Щучье*)* в клубе железнодорожной больницы [5].

Документы о японских военнопленных, похороненных на территории Казахстана, были переданы японской стороне во время официального визита в Японию в августе 1994 г. Президентом Республики Казахстан Н.А. Назарбаевым.

Ряд казахстанских архивов ведут исследовательскую работу по данной тематике. С 2015 г. в Архиве Президента Республики Казахстан реализуется научно-исследовательский проект о «Военнопленные-казахстанцы Второй мировой войны: литература, источники и база данных» (www.tutkyn.kz). Неоднократно отечественные и зарубежные коллеги-архивисты и историки-исследователи положительно отзывались о проекте, называя его профессиональным достижением архивистов Казахстана. Доктор исторических наук, известный архивист Ю.Ю. Юмашева (Москва, Россия) в одном из отзывов отмечала, что необходимо максимально широко популяризировать созданный Архивом Президента РК ресурс, который вызывает «огромный исследовательский интерес (не говоря уже о морально-этическом аспекте изучения данных трагических тем нашего общего советского прошлого)... И не только в связи с их, безусловно, важным и трагичным содержанием, но и в связи с уникальным опытом применения технологических решений, позволяющих компенсировать недостатки источниковой базы, сформировать тематические комплексы архивной документации (сведений) по данной проблематике фактически «из ничего».

В 2013 г. Национальный архив Республики Казахстан совместно с Государственным архивом Карагандинской обл. подготовили материалы об испанских военнопленных Спасского лагеря № 99, существовавшего на территории Карагандинской обл. Сведения были собраны в виде оцифрованных карточек, которые заводились на каждого военно-

пленного. По карточкам установлено общее количество испанцев, содержавшихся в Спасском лагере – 152 человек, в т. ч. 14 умерших. Материалы по военнопленным испанцам были переданы Первым Президентом Республики Казахстан Н.А. Назарбаевым Премьер-Министру Испании Мариано Рахой в сентябре 2013 г. во время официального визита испанской правительственной делегации в Казахстан. Как отмечала испанская сторона, впервые получены архивные данные о соотечественниках, находившихся в лагерях бывшего СССР.

В 2018 г. карагандинские архивисты в связи с запросом представителей правительственной делегации Японии оцифровали свыше 20 тыс. карточек японских военнопленных. В мае того же года цифровые копии архивных документов были переданы японской стороне.

Интерес к послевоенному периоду II Мировой войны растет, разработка темы военнопленных представляется актуальной в связи с тем, что целые документальные комплексы становятся доступными после рассекречивания. С внедрением цифровых технологий совершенствуются как поисковые процессы, так и форматы использования архивного контента, это, прежде всего, создание тематических баз и банков данных.

1. АП РК. Ф.708. Оп.1/1. Д.8.
2. Там же. Оп.9. Д.164. Л.8.
3. Там же. Ф.5-Н. Оп.6. Д.1383.
4. Там же. Д.2794.
5. Там же. Ф.708. Оп.9. Д.1479.

Эпизоды о жизни в эвакуации и встречах с Эйзенштейном С.: воспоминания кинорежиссера Таврог М. [1]

Публикуемый текст был записан казахстанским режиссером, профессором кафедры киноискусства университета «Туран» И. Гонопольским для фильма «Эйзенштейн в Алма-Ате. 1941–1944» [2], снятого в конце 1990-х гг. Игорь Марксович работает над книгой «Эйзенштейн в Алма-Ате. Послесловие». «Когда собирал материал про Эйзенштейна, я сумел сохранить все черновики, где осталось много такого, что не вошло в 34-минутный фильм. Там есть, к примеру, запись с первым в Казахстане пиротехником Еленой Белоконь, которая работала с Эйзенштейном в фильме «Иван Грозный». Она показывала мне, где в Алма-Ате снималось взятие Казани, рассказала, как первый раз зарядила пушку, а гильза пролетела над головой Эйзенштейна. […] Вышел на специалиста по творчеству Эйзен-

штейна, российского киноведа Наума Клеймана, и по его совету расшифровал и отпечатал все свои многочасовые съемки». По словам режиссера, «документальное кино, а мне ближе называть его неигровым, дает потрясающие возможности узнавания мира людей. […] Перелопатили мы огромное количество архивных материалов, встречались с людьми, близко знавшими эту легендарную личность». […] Рассказы людей, знавших и работавших с Эйзенштейном, открывают новые факты жизни великого мастера, Игорь Марксович решил перенести эти видеозаписи на бумагу, собрав их в отдельную книгу. В расшифровке и перенесении видеосюжетов на бумагу автору помогает Яна Бушмина, студентка 5 курса факультета «Режиссура кино и телевидения» мастерской Игоря Гонопольского университета «Туран».

Сергей Эйзенштейн оказался в Казахстане, когда было принято решение эвакуировать в Алма-Ату ведущие киностудии страны – «Мосфильм» и «Ленфильм», на базе которых был организован ЦОКС – Центральная объединенная киностудия, где работали лучшие кинематографисты Советского Союза. В павильонах ЦОКСа снимались такие известные ленты, как «Машенька», «Жди меня», «Секретарь райкома», «Она защищает Родину», «Актриса», «Воздушный извозчик», «Беспокойное хозяйство» и многие др. За годы своего существования ЦОКС было выпущено 23 полнометражные картины и 10 короткометражек, так называемых боевых киносборников. Сергей Эйзенштейн поначалу был художественным руководителем объединенной киностудии. Он провел на казахстанской земле неполные три военных года. За это время им было написано более 20 статей по теории кино, он преподавал, выступал по радио, снимал «Ивана Грозного». Натурные съемки «Ивана Грозного», например, взятие Казани, проходили в районе нынешнего алматинского пригорода – Каскелена. Там были построены декорации древней татарской столицы. И что примечательно, если декорации обычно делались из фанеры (но в военной Алма-Ате фанеры для этого не было), то Эйзенштейн предложил сооружать их из травяных матов и дерюги. В предгорьях Алма-Аты во множестве рос крупный кустарник – чий. Этим чием набивали маты, а потом их штукатурили. Из них и складывали стены казанской крепости. Эти стены Эйзенштейн придумал украсить флагами и знаменами. Развевающиеся на ветру складки знамен придавали декорации глубину, усиливая реалистичность. Много работая как режиссер, Эйзенштейн был и крупнейшим тео-

ретиком кино, создателем того киноязыка, той стилистики, на которой базируется современный кинематограф. Не случайно, когда вторая серия «Ивана Грозного» была показана в 1958 г. на Всемирной выставке в Брюсселе, она возглавила список 12 лучших фильмов всех времен и народов. ***Публикация по макету книги Гонопольского И.М. подготовлена Чиликовой Е.В.***

Рассказать о Сергее Михайловиче [Эйзенштейне] в Алма-Ате мне сложно, потому что Сергей Михайлович в Алма-Ате не преподавал во ВГИКе. Поэтому мне лучше начать рассказ, что такое Алма-Ата.

Если вы представите себе в октябре 1941 г. Москву – темную, перепуганную. Не ясно, что происходит, и когда немцы рядом с Москвой. Одни бегут на фронт, именно бегут во все отделения комитетов комсомола, военкоматы, а другие прячутся и не знают, что им делать, как поступить.

Я в это время студентка Государственного педагогического института им. Ленина, литературного факультета. Комсомолка, активная и ярая. Вывозила детей из Москвы, потому что начались бомбежки. Меня вызвали обратно в Москву из-под Рязани, потому что институт должны были куда-то эвакуировать.

Моя сестра Рита заведовала актерским отделом на Мосфильме, была заведующей учебной частью актерской школы. Все актеры: Лида Смирнова, Миша Глузский, Володя Шишкин, Гриша Шпигель – все учились вот в этой актерской школе на Мосфильме. Рита непосредственно была связана много лет с Мосфильмом и с этой актерской школой.

Всю студию целиком, в срочном порядке эвакуировали в Алма-Ату. Было два огромных состава, и нас повезли в Алма-Ату. И это даже было хорошо, потому что все остальное было неважно.

Важно было, что в эти октябрьские дни киностудия из этой темной, страшной Москвы, когда совсем рядом были немцы, отправляла всех сотрудников Мосфильма большим составом в Алма-Ату.

В этом поезде я оказалась вместе со своей сестрой. В нашем купе ехал такой режиссер, Володя Немоляев, с женой Валей и двумя маленькими детьми – Светой и Колей. Вот в таком составе мы ехали в поезде полуголодные, потому что с собой мы ничего взять не успели. По дороге мы покупали какие-то продукты.

Поезд был холодный и голодный. Он шел очень долго. Дней через 5 мы попали в город светлый, теплый, солнечный, необыкновенно

красивый. Сочетание темной, страшной Москвы и яркой, солнечной, с блестящими снежными вершинами гор, осенними яркими красными яблоками, большим базаром и освещенными улицами Алма-Атой произвело грандиозное совершенно впечатление.

Было такое впечатление, что мы попали в сказочный город. Нас сначала поместили в приличную гостиницу, но, правда, по несколько семей в одном номере. Постепенно стали прибывать люди, гостиница стала наполняться, потому что в Алма-Ату стала прибывать киностудия Ленфильм. Всех стали умещать, умещать, и все это сместилось, в конце концов, в огромное общежитие в кинотеатре на 2 этаже, где было все.

С одной стороны, это было общежитие, а с другой стороны – это была киностудия, где внизу размещались павильоны и все пр.

В этом общежитии, где сплошь и рядом стояло большое количество кроватей, жили [деятели кино]. Например, рядом с нами с боку была семья композитора Строка – рижанина. Для которого Москва и Алма-Ата – это было совсем все другое. Они привыкли к другой жизни, и поэтому у них была маленькая занавесочка. Вот композитор Строк, известный по «Очи черные» и многим другим романсам, жил с нами. За нами стояло 3 кровати Румнева. Он жил с женой и сестрой жены.

Еще рядом жила Ира Меснянкина со своим мужем оператором. Там же жил Валя Кадочников. Все было заполнено этими кроватями, и все жили в этом большом, неразделенном общежитии. Тут же внизу были павильоны, и вот так начиналась наша жизнь в Алма-Ате.

Постепенно сказка стала превращаться в действительность. Постепенно город нищал, потому что был огромный наплыв народу.

Надо было где-то брать карточки, искать работу. Я поступила в Казахский государственный университет, поскольку у меня было 3 курса филфака и это давало мне возможность получить студенческую карточку. Кроме того, я поступила работать на студию всем подряд.

Были актерские бригады, которые ездили на фронт и в колхозы. Потому что большое количество колхозов под Алма-Атой имело возможность подкармливать людей, и вот я ездила там всем: реквизитором, костюмером, репетитором, неважно кем. Во всяком случае, это давало пропитание.

О том, что на студию каждый день приезжали знаменитые люди, весть разносилась очень быстро. Я помню, как приехал из Ленинграда Козинцев со своей женой Софьей Магарил. Он был высокого роста, худой, очень элегантный и прекрасно одетый.

Потом я узнала, что приехал Эйзенштейн, и живут они в специально выделенном доме для высшего режиссерско-актерского состава. Он назывался лауреатник [2], и они там жили.

Сергея Михайловича до этого я никогда не видела, но смотрела «Броненосец Потемкин». Картина на меня произвела сильное впечатление, хотя я и не была совершенно подготовлена к кинематографу. Я думала, что буду заканчивать режиссерский факультет ГИТИСа, а не ВГИКа. Но получилось так, что туда же был эвакуирован и ВГИК.

Оканчивая Казахский университет, одновременно работая на студии, я как-то больше вошла в то, что называется кино. Однажды ожидая в коридоре приема директора студии, чтобы мне продлили договор на какую-то работу, что давало дополнительную карточку, я увидела по коридору идущего довольно плотного, лысоватого, с вьющимися волосами как нимб вокруг головы, улыбающегося человека. По фотографиям я поняла, что это Эйзенштейн.

Они шли вместе с Козинцевым и весело разговаривали. Ощущение было, что каждый острит, перебивая друг друга. Они шли в том направлении, где под дверью директорского кабинета стояла я. Я тихо стояла, ожидая, когда можно будет войти.

Они пытались открыть дверь, причем каждый уступал другому дорогу. Сергей Михайлович открывал дверь, приглашая Козинцева очень вежливо и делая некий книксен. Козинцев отступал в сторону, делал другой книксен и предлагал войти Сергею Михайловичу.

Эта веселая игра продолжалась довольно долго, пока, наконец, это не надоело Антух Любовь Львовне, секретарю директора этой объединенной студии, Тихонова [3]. И она сказала: «Ну, хватит, Сергей Михайлович, заходите, Михаил Васильевич вас ждет».

И тогда они, соединившись оба: один невероятно высокий, изящный, тонкий, элегантный, а другой – в расстегнутом пиджаке, с довольно большим брюшком и улыбающийся, соединившись друг с другом, вот так вместе, вошли в дверь директорского кабинета.

Мне это было с одной стороны смешно, а с другой стороны очень странно. Потому что я себе представляла, что Эйзенштейн такой серьезный, глубокий, такой недосягаемый человек. А оказался вот такой веселый человек. В процессе наблюдения за этой картиной, у меня сложилось первое впечатление о нем.

Дело в том, что в Казахстане было довольно много сосланных людей с 1937–1938 гг. Ряды этих старых ссыльных, стали пополняться новыми ссыльными. Среди этих новых ссыльных оказался Василий

Григорьевич Сахновский [4]. Он был главным режиссером Художественного театра и другом Станиславского и Немирович-Данченко. Он ставил Пиквика во МХАТе. Он был хорошим режиссером.

Я узнала, что он находится в ссылке где-то далеко от Алма-Аты. Все время на студии шли разговоры о том, что нужно каким-то способом оттуда его вызволить.

Сергей Михайлович вместе с Козинцевым, я знаю это по рассказам Василия Григорьевича Сахновского, приложили немало стараний. Они ездили к этому кэгэбэшному начальству Алма-Аты с тем, чтобы добиться того, чтобы улучшить условия ссылки, вытащить его из далекой деревни и привлечь к работе в Алма-Ате. Им это удалось. Совсем его освободить они, конечно, не могли.

Таким образом, Сахновский оказался в Алма-Ате. Ему нужно было найти работу. В это время худруком Алма-Атинской студии был Козинцев. Они с Сергей Михайловичем придумали на студии такую работу Сахновскому, чтобы актерская труппа всегда была в состоянии творческой готовности, и он должен был заниматься с ними чем-то.

Сахновский предложил делать такие спектакли из литературных композиций. В это время там находился такой критик Юзовский, и ему предложили делать эти композиции. Юзовский отказался. Стали искать, кто бы мог это делать. Я постоянно толкалась и что-то на студии делала, и тогда решили, что, почему бы мне этим не заняться.

Заключили со мной договор, и я стала делать такие литературные композиции для Сахновского.

Алма-Ата 1942 г., 19 сентября со мной заключен договор. Бумаги не было. Это написано на плохой оберточной бумаге. Договор без конца продлевали. Вот написано в отдел труда: «Нахожу нужным продлить договор с Марианной Таврог, работающей по литературному монтажу. Худрук труппы – Козинцев Г.».

О том, что Сергей Михайлович ему помог во всем, рассказал мне Сахновский, с которым у меня сложились хорошие отношения.

Я была голодная, раздетая, потому что увезти из Москвы ничего не удалось. Меня одели, в костюмерной «Мосфильма» в какие-то мужские ботинки. Из какой-то американской помощи кофтенка была. Но, тем не менее, я работала.

Василий Григорьевич очень нежно ко мне относился, и поэтому я могу ему верить. Много принимал участие Сергей Михайлович Эйзенштейн, для того чтобы Василий Григорьевич мог уехать из этой

жуткой деревни, чтобы его поселили в более приличном месте, чтобы ему дали работу, чтобы мог работать на студии.

Я поступила во ВГИК в Алма-Ате. ВГИК располагался далеко, за пределами центра. Была старая холодная школа, рядом тек ручей Алма-Атинка. Сергей Михайлович там не преподавал, он занимался «Грозным». Там были замечательные художники, был сильный художественный факультет, который помогал нам всем. Они рисовали карточки, чтобы можно было как-то прожить.

Они рисовали талончики на суп, хлеб и еще что-нибудь. Однажды их застукали за этим делом, и был большой скандал. Их хотели привлечь к уголовной ответственности, и вызволил их Эйзенштейн. Это мне рассказали ребята. Он делал это как-то совершенно незаметно, иронично, и вроде как он в этом никакого участия не принимал. Но он это делал.

Так же как однажды, когда мы учились у него в Москве на последнем курсе, он искал нам работу, что же будет нам на диплом. Долго не мог ничего найти, потому что он не хотел брать ни Пушкина, ни Гоголя, потому что это были работы, которые были на других курсах.

Ему хотелось чего-то более современного, интересного и волнующего в данный момент. В один прекрасный день он пришел и сказал, что он ужасно счастлив. Это было уже в Москве. Что он нашел произведение, которое даст нам на диплом. Это были только что вышедшие в журнальном варианте «В окопах Сталинграда» Виктора Некрасова [5].

Он этому был рад. Сказал: «Ну вот, я вам наконец-то нашел, вот тут-то я и пойму, кто из вас что стоит».

Сергей Михайлович рассказал эпизод, как в Алма-Ате его поймала какая-то активная дама из горкома или райкома, и попросила его, чтобы он прочитал лекцию в госпитале.

Сергей Михайлович не очень хотел идти туда, потому что совершенно не знал, что им говорить, и был погружен весь в «Грозного», и ему было не до того совершенно. Тем не менее, он пошел в этот госпиталь и думал, как ему веселить этих людей. Он думал, что увидит перед собой несчастных, замученных, мрачных, в депрессии людей. Но он столкнулся совсем с другим. Он увидел веселых, прыгающих на одной ноге – у кого-то не было двух ног, у кого-то не было одной ноги – но совершенно жизнерадостных людей, для которых кончилась война, а они остались живы. Они были кто без ног, кто без рук,

но Сергей Михайловичу не нужно было напрягаться и искать путь как с ними разговаривать. Ему было с ними просто, потому что он увидел счастливых, жизнерадостных и полных силы, что поразительно, людей.

И когда каждый брал для себя кусок из «В окопах Сталинграда», рассказал он это, чтоб мы лучше поняли, как люди чувствовали себя в этом брошенном, совершенно страшном Сталинграде.

Я бегала на съемки «Грозного», стояла поодаль, чтобы никому не мешать. При всем своем энергичном характере я человек очень застенчивый. Съемки шли ночами и очень тяжело. Света не было, приходилось снимать ночами, дневных смен почти не было. Снимая каждую ночь, накапливалось утомление, и у него случился тяжелый сердечный приступ. Вся студия была взволнованна тем, что прерываются съемки из-за его сердечного приступа, который, по всей вероятности, и оказал в дальнейшем влияние на его тяжелый инфаркт.

Дальше, уже вернувшись в Москву, начались занятия во ВГИКе. Он нам читал курс теории режиссуры, если можно так назвать эти лекции. Это были не лекции, а, скорее, разговоры.

Уже в Москве, я слушала замечательных педагогов. Порешев, Кубиков – это была настоящая высокая профессура. Вот ничего похожего с тем, что такое Сергей Михайлович, не имело никакого отношения. Потому что Эйзенштейн был настолько свободен, обширен, открыт ко всему, что он знает, для того чтобы передать это нам. Нас сидело человек 10, потому что была война, и половина были на войне, и курс был маленький.

У него не было даже мысли нам рассказать так, как ему, казалось бы, что мы должны понять. Он разговаривал с нами на совершенно равном для нас и себя языке. Поэтому половину ничего никто не понимал, потому что его умение владеть всемирной историей, литературой, искусством в глобальном понимании этого слова, оно было настолько широко, и он настолько свободно пользовался так же, как он свободно пользовался тремя языками, иногда вставляя слова из других языков. Этот огромный мир он пытался как-то приблизить к нам, и это было совершенно необыкновенные занятия. Не говоря уже о том, что он нам обязательно показывал, и показывал блистательно. Но это другой рассказ, не имеющий отношения к Алма-Ате.

Лично с Эйзенштейном в Алма-Ате я не пересекалась. Бывала много на съемках.

Мне запомнилось, что он был невероятно требователен к выполнению точных деталей в декорациях и вещах. Это я помню хорошо. Как шили специально шапку Мономаха: приносили ему, и он рассматривал детальнейшим образом. Там были вставлены как надо все камни, и именно те камни, какие нужно и в каком положено порядке.

Он был требователен к креслу Грозного. Делалось оно по точному эскизу. Вырезано это кресло было из дерева с глубокой резьбой. Эйзен поворачивал это кресло одной стороной, другой стороной, садился в это кресло и смотрел, было ли ему удобно в нем сидеть.

Никогда не слышала, чтобы он кричал на съемках, но он заставлял своим вежливым способом беспрекословно выполнять то, что должно было быть с его точки зрения. Тут не было никогда никаких компромиссов.

Вот это: «Ну ладно, Сергей Михайлович, тут не будет видно, ну что вы, мы тут светом прикроем, а здесь все равно прикроется Иваном, он же будет сидеть вот так, и это же не будет видно...». Ничего подобного. Это не проходило. Делали все как надо.

Не могу сказать, что я могла проследить всю эту работу, но разговоры о том, что якобы он не умеет работать с актерами, абсолютная глупость.

Я имела возможность видеть его в самое тяжелое для него время, когда он работал в Большом театре и очень болел, и после того, как ему не удалось сделать «Грозного», когда «Грозный» был закрыт.

Сергей Михайлович поставил два концертных номера с Костей Рихтером и Сусанной Звягиной. Это был номер «Кармен» – Хосе и Кармен. И «Ять и Зюзюкино» из Чеховского.[1*]

Я была на всех этих репетициях. Потому что, понимала, что Эйзенштейн – не просто гений. Шкловский говорил, что он обыкновенный гений.

Вот он был не обыкновенный гений. Мне кажется, что до сих пор мы не можем до конца оценить явление, которое называется Эйзенштейн. Это действительно явление. Явление сложное, глубокое. На первый взгляд очень противоречивое. Но на самом деле – верное себе.

Говорить о том, что он был и так, и сяк, и есть картины, прославляющие нашу действительность. В общем, до конца все это мы не поняли. Потому что он был верен самому себе до конца. Я в этом абсолютно убеждена.

[1*] У Чехова – Ять и Змеюкина в пьесе «Свадьба».

Не пропускала ни одной возможности быть на всех его занятиях и домашних, и не домашних. И то, как он работал с актерами, он работал замечательно. Глубоко понимая и психологию, и умение показать форму и мизансцену движения, будучи человеком плотным, как будто бы тяжелым, он двигался необыкновенно легко.

Он показывал танец, прыгая и несясь в «Кармен», когда Кармен бежала к Хосе, довольно длинный кусок. Сергей Михайлович бежал и скользил, как будто он был на коньках. С такой невероятной стремительностью кидался к ней, как пушинка какая-то. Он замечательно работал.

Тогда с покаянными его письмами не сталкивалась. Но понимая, что он любил в литературе, понимая, к чему он был привязан, что он ценил в литературе и искусстве, в общем, было видно, что это за характер.

Это очень интересно сейчас. Потому что, когда я делала фильм о художнике еврейского театра и перерыла огромное количество материала в архивах театрального музея, там случайно было два архива, которые горели, но не догорели. Это был архив Мейерхольда и архив еврейского театра. Просмотрев все эти постановки, фотографии, рисунки, я обратилась к Мейерхольдовскому наследию. Стала читать огромное количество просоветских невероятных выступлений Мейерхольда, уж так за советскую власть, уж больше некуда. Мне стало это очень странным, особенно зная, что случилось потом.

Я думаю, что в начале Сергей Михайлович был, как и вся русская интеллигенция, совершенно искренне был за революцию, в которой он принимал самое активное участие. Это действительно так. Хотя бы по художественному выражению, по его рисункам и по всему.

Какой-то период он продолжал, а потом, зная свое предназначение, это был способ просто сохранить себя для того, чтобы сохранить других тоже.

Что он увез архив Мейерхольда в Алма-Ату, это точно. Об этом говорила Пера Аташева, что он не взял своих вещей, которые ему были страшно дороги. Но он забрал два чемодана архива Мейерхольда. Где он их там держал, я не знаю. В Москве хранил их на даче, это я знаю, потому что мы много занимались у него на даче.

В Алма-Ате была разная жизнь. Они жили другой жизнью. Они жили в лауреатнике, у них были другие карточки.

ВГИК голодал настолько, что когда приехал Большаков с инспекцией, то нам, всем студентам ВГИКа, выдали по одновременному по-

собию по 1 литру хлопкового масла, килограмму копченой баранины, лапши и полкило сахара. Потому что все были страшно истощены.

На занятия актерского мастерства в Алма-Ате мы приходили в одеялах, потому что было очень холодно. Помещение не топилось, и была такая изморозь на стенах. Было трудное, другое время, и люди различались не так как сейчас. Разница между бедными и богатыми не такая сильная была.

Потому что все торговали тогда. Можно было встретить Софью Магарилл, которая продавала шляпку на толкучке, или Ольгу Жизневу, которая продавала какие-то свои платья. Разница жизни была большая между студентами ВГИКа и людьми, которые работали. Хотя…

Дело в том, что я перестала бывать в последнее время у Сергея Михайловича, и почему не была на дне рождении, о котором Майя говорит, потому что я была в это время беременна очень сильно Егором. У меня был огромный живот, и Сергей Михайлович спросил, с ним работала Люся Тиссэ, это сестра Эдуард Казимировича.[1*] Людмила Казимировна была у него помощником, ассистентом. Она ему помогала, носила за ним термос, ухаживала за ним и была ему преданна. Она мне позвонила и сказала, что Сергей Михайлович очень интересуется, почему ты не приходишь. Занятия уже закончились. Я сказала, что не прихожу, потому что беременна и у меня жутко большой живот, и я очень стесняюсь.

Она позвонила в следующий раз и сказала, что Сергей Михайлович сказал, чтоб ты приходила, потому что ему страшно нравятся беременные женщины, поэтому ты можешь совершенно спокойно приходить, и ему это доставит удовольствие. Но, тем не менее, я не пошла. А утром позвонила Майя и сказала, что ты знаешь, что ночью умер Сергей Михайлович. Я говорю: «Поехали туда». Мы поехали туда. Сергея Михайловича уже там не было. Его уже увезли, пока мы доехали.

Это было ночью. Была пустая квартира. Открыла нам т. Паша, или дверь была не закрыта. Все было на месте. Все вещи, все. Тахта, покрытая таким ковром. Все было, как было. Так же висели ангелочки по углам.

[1*] По мнению писателя Валентина Катаева: «Эйзенштейн нашел в [Э.Г.] Тиссе непревзойденного мастера живой фотографии, сумевшего превратить это ремесло в настоящее искусство, где каждый кадр представлял из себя маленький графический шедевр – вполне законченную картину с великолепной композицией и безупречным распределением светотени».

Пришел такой Олейников. Он когда-то занимался кинопроизводством. Он зашел, побыл какое-то время и вышел. Его я помню, что он заходил.

Я подошла к письменному столу, и увидела вот эту страшную тетрадь, в которой он писал. Он занимался в это время проблемой цвета в кино. И эти строчки, из которых одна была наискосок. Здесь начался приступ, и строчка пошла вниз. Потом была следующая строчка, и она была не закончена.

Это было ужасно все. Потом стали приходить люди. Такая была пустая комната Сергея Михайловича с оставленными, совершенно нетронутыми вещами.

Рому Бове я знала в Алма-Ате. Красивый мальчик. Следы его я потеряла. Он бывал у Сергея Михайловича и снимался всегда в массовке. Очень красивый мальчик. Черненький такой. Он много у него бывал.

И был совершенно ужасный случай, когда прошло много времени уже. Однажды я шла по Потылихе, где стоял дом Сергея Михайловича. Я шла на Мосфильм по работе. Увидела, что работает такая машина, которая ломает дома огромной «бабой» такой. Я проходила, и как раз в это время эта «баба» ударяла по окнам Сергея Михайловича, и рушился этот этаж. Я долго стояла, и это было страшно. Было жуткое ощущение от этой «бабы», которая рушит все, ничего не оставляя. Ни памяти, ни частицы. Вот это ужасное впечатление на меня произвело.

1. Таврог Марианна Елизаровна (1921–2006), советский и российский кинорежиссер, заслуженный деятель искусств РСФСР (1983).
2. [Электронный ресурс]. Режим доступа: Эйзенштейн в Алма-Ате 1941-1944 (Игорь Гонопольский) [1998] - YouTube (дата обращения 30.08.2022).
3. 8-квартирный дом на ул. Кирова (ныне Богенбай батыра), в котором в годы эвакуации разместили ведущих работников кино – многие из которых были лауреатами Сталинской премии. [Электронный ресурс] Алоис Назаров Из истории советского кино: «Лауреатник». Режим доступа: http://alnaz.ru/almaty/laureatnik.html (дата обращения 21.11.2021)
4. Речь идет о Центральной объединенной киностудии в Алма-Ата (1941–1944). За военные годы ЦОКС выпустил 23 полнометражных и десяток короткометражных кинокартин, что составляло 80% всей кинопродукции страны. 29 марта 1945 г. С.М. Эйзенштейн написал в благодарственном письме: «Лучшему другу «Ивана Грозного», лучшему другу его автора, лучшему директору студии за 20 лет моей работы в кино, дорогому Михаилу Васильевичу Тихонову, энергии и энтузиазму которого мы обязаны тем, что свершилось чудо: фильм оказался снятым в самые тяжкие годы войны, в далёкой Алма-Ате».

5. Сахновский Василий Григорьевич (1886–1945). Русский и советский театральный режиссер, театровед, педагог; народный артист РСФСР (1938), доктор искусствоведения (1939). В 1941–1943 гг. репрессирован. С 1943 г. был членом художественно-режиссёрской коллегии МХАТа.
6. Автор закончил работу над книгой «На краю земли» в начале 1946 г., переименованную впоследствии в повесть «В окопах Сталинграда». Опубликована в журнале «Знамя» –1946, – № 8–10.

Макипов А.С.

Евреи в борьбе с фашизмом в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (на примере воинов, мобилизованных и призванных военными комиссариатами КазССР)

В основу научной статьи легли малоизвестные архивные наградные документы и материалы, освещающие военные биографии евреев – участников одной из самых страшных войн XX в.

Анализ изученных источников свидетельствует, что в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) в Красной армии служили по различным подсчетам от 350 до 500 тыс. евреев. Из них погибло около 120–142 тыс. человек [1].

В первые месяцы войны немало евреев, в т. ч. представители интеллигенции и студенты, были призваны военными комиссариатами Казахской ССР.

Исключительная роль по мобилизации и призыву населения в ряды Действующей армии принадлежала военным комиссариатам. На территории республики действовал Казахский военный комиссариат (г. Алма-Ата), объединявший 14 областных и 152 районных военкомата. Военным комиссаром КазССР в это время был полковой комиссар П.М. Щербаков [2].

Областные военные комиссариаты республики находились в подчинении Военного комиссариата КазССР и штаба САВО. Они стали организующими центрами республики по подготовке и комплектованию кадров для армии.

К массовой мобилизации САВО, как и Забайкальский и Дальневосточный военные округа, приступил через месяц, во второй декаде июля 1941 г., когда мобилизация была объявлена особым решением и проводилась скрытым порядком. В начале войны воинские соединения формировались в сжатые сроки.

10 августа 1941 г. в связи с большими потерями Красной армии Государственный Комитет Обороны принял постановление «О моби-

лизации военнообязанных 1890–1904 гг. рождения и призывников 1922–1923 гг. рождения».

На территории республики для проведения массовой мобилизации и призыва населения в ряды армии и флота военкоматы создали 300 призывных пунктов.

В соответствии с положением о работе военкоматов по всем вопросам служебной деятельности и военно-мобилизационной работы они руководствовались приказами и директивами НКО СССР, командования, штаба округа и были им подчинены.

Централизация руководства военными комиссариатами повышала организованность и четкость в их работе, укрепляла дисциплину и ответственность за накопление мобилизационных ресурсов и подготовку пополнения для Красной армии.

Призывная молодежь в годы Великой Отечественной войны стала одним из основных источников обеспечения фронта контингентом.

В перечислении всех мероприятий агитационно-массовой работы при проведении приписной кампании нет необходимости. Проведенный анализ позволяет сделать вывод об очень высоком уровне настроя призывного контингента, его готовности к самопожертвованию во имя защиты страны, о проявлении патриотических чувств основной массы населения.

Результаты проведенной в Павлодарской обл. приписки к призывным участкам следующие: всего явилось – 2930 человек, из них годных к строевой службе – 2565 человек (87,5%); годных к нестроевой службе – 84 человек (2,8%); негодных к военной службе – 136 человек (4,6%). По национальному составу: русских – 925 человек (31%); казахов – 771 человек (26,3%); украинцев – 631 человек (21,5%); *евреев* – 36 человек (1,2%); болгар – 17 человек (0,5%); татар –16 человек (0,5%); мордовцев – 15 человек (0,5%); белорусов – 11 человек (0,37%); поляков – 2 человека (0,28%); иранцев, корейцев, греков, удмуртцев, латышей, эстонцев по одному представителю (0,27%) [3, л.95].

В ходе призыва по Казахской ССР в октябре 1941 г. в боевые и запасные части на основании п. 5 распоряжения Штаба САВО № 0VI/002222 зачислялись только призывники русские, украинцы, белорусы, татары казанские, мордвины, *евреи,* армяне, грузины и азербайджанцы, владеющие – русским языком; призывники остальных национальностей, а также все, не владеющие русским языком из пе-

речисленных выше национальностей зачислялись в строительные части и рабочие команды [4, л.30].

Солдаты и офицеры-евреи служили во всех видах и родах войск Красной армии. В стрелковых соединениях и частях действующей армии геройски сражались: начальник штаба 480 стрелкового полка 152 стрелковой дивизии подполковник Башмашников Рувим Иосифович, призван Алма-Атинским горвоенкоматом, награжден орденами «Красного Знамени», «Отечественной войны I, II степени», «Красной Звезды», медалями «За оборону Советского Заполярья», «За взятие Кенигсберга; зам командира 806 стрелкового полка по строевой части, 235 стрелковой Краснознаменной дивизии майор Курец Исаак Григорьевич, призван Алма-Атинским райвоенкоматом, награжден орденами «Красного Знамени», «Александра Невского», «Отечественной войны II степени», «Красной Звезды»; зам. командира 18 пехотного полка по политчасти, 6 пехотной дивизии, 1 Польской Армии ст. лейтенант Зигель Бенекдит Яковлевич, призван Энбекшильдерским райвоенкоматом, Акмолинской обл., награжден орденом «Красной Звезды»; командир стрелковой роты, 674 стрелкового Краснознаменного полка, 150 стрелковой Идрицкой Берлинской ордена Кутузова дивизии капитан Кац Соломон Морткович, призван Алма-Атинским горвоенкоматом; автоматчик, гвардии ефрейтор Ауш Эрнст Исидорович, призван Актюбинским горвоенкоматом, награжден медалью «За отвагу»; красноармеец 185 отдельной огнеметной роты 39 армии Вайман Борис Давидович призван Кокчетавским райвоенкоматом, Северо-Казахстанской обл.; гвардии красноармеец Берберфиш Исак Алексеевич, призван в августе 1942 г. Каратальским райвоенкоматом Алма-Атинской обл.

Наградные документы. Командир стрелковой роты, капитан Кац участник боевых действий, проведенных полком в Берлине с 24 апреля по 2 мая 1945 г. Рота под его командованием за этот период боев истребила более 100 фашистских солдат и офицеров и 68 захватила в плен, кроме того силами роты с боем было захвачено 2 полевых орудия, 6 станковых пулеметов и 2 транспортера врага. В бою 30 апреля 1945 г. при штурме Рейхстага т. Кац был контужен, но оставался в строю и руководил ротой до конца операции по взятию Рейхстага. В этом бою в результате смелых и энергичных действий, рота в числе первых пробилось к зданию Рейхстага, ворвалась в само здание. Тов. Кац в этих боях проявил отвагу, мужество и самоотверженность в выполнении поставленной перед ним боевой задачи.

Достоин правительственной награды ордена «Отечественной войны I степени». Командир 674 стрелкового Краснознаменного полка подполковник Плехаданов. 24 февраля 1945 г. [5].

При прорыве вражеской обороны в районе Пилькаллен 13 января 1945 г. красноармеец Вайман одним из первых ворвался во вражескую траншею. Прочесывал из автомата изгибы траншеи, он убил 4 фашиста. Наткнувшись на блиндаж с боеприпасами, огнем из РОКСа (ранцевый огнемет Клюева-Сергеева) поджег его. Оказал первую помощь раненому командиру стрелкового взвода. Награжден правительственной наградой медалью «За отвагу» [5].

Наградные документы на Берберфиш Исака Алексеевича, командира отделения роты связи 91 гвардейского стрелкового полка 33 гвардейской стрелковой Севастопольской дивизии. *Представляется к награде:* ордену «Отечественная война II степени». *Участие в боях:* Сталинградский фронт с октября 1942 по март 1943 гг., Южный фронт с марта по октябрь 1943 г., Украинский фронт с октября 1943 по июль 1944 гг., Прибалтийский фронт с июля по декабрь 1944 г., Белорусский фронт с декабря 1944 г. *Чем ранее награжден (за какие отличия):* Орден «Красной звезды» приказ 33 гвардейской стрелковой Севастопольской дивизии № 36/н от 25 мая 1944 г, медаль «За боевые заслуги» приказ 33 гвардейской стрелковой Севастопольской дивизии № 32/н от 11 октября 1943 г. *Изложение личного боевого подвига и заслуг:* гвардии красноармеец Берберфиш в боях за овладение городом и крепостью Кенигсберг с 6 по 9 апреля 1945 г. показал себя смелым мужественным воином. Будучи начальником пункта сбора донесений т. Берберфиш под ураганным огнем противника, рискуя жизнью своевременно доставлял приказы и приказания непосредственно в боевые порядки подразделений, чем способствовал успешному прорыву вражеской обороны и овладению г. Кенигсберг. 9 апреля 1945 г. т. Берберфиш лично захватил в плен немецкого офицера, доставив его в штаб полка. Пленный дал ценные сведения о группировке противника. Гвардии красноармеец Берберфиш достоин правительственной награды ордена «Отечественной войны II степени». Командир 91 гвардейского стрелкового полка гвардии полковник Богданов. 27 апреля 1945 г. *Ходатайство* командира 33 гвардейской стрелковой Севастопольской дивизии Героя Советского Союза гвардии полковника Новикова. Достоин Правительственной награды ордена «Отечественная война II степени». *Заключение.* Награждаю Правительственной наградой медалью «За отвагу». Командир 13 гвар-

дейского стрелкового корпуса Герой Советского Союза гвардии генерал-лейтенант Лопатин [5].

Герои-танкисты: механик-водитель танка Т-70 старшина Гинзбург Александр Максимович, призван Талды-Курганским райвоенкоматом. «В ночном бою 8 октября 1944 г. в районе Техумарди т. Гинзбург А.М. гусеницами своего танка раздавил одно ПТО и три подводы с военным имуществом противника. Заметив колонну до взвода пехоты противника, он смело повел свой танк на нее. Взрыв мины под танком остановил героическое действие экипажа. Тов. Гинзбург Александр Максимович погиб смертью героя. За боевые заслуги перед Родиной тов. Гинзбург А.М. достоин правительственной награды ордена «Отечественной войны II степени». Командир 806 самоходного артиллерийского полка майор Ловиков; механик водитель танка Т-34 119 танкового батальона, 103 Севской танковой бригады старший сержант Гольдшмид Исаак Абрамович, призван Каскеленским райвоенкоматом, Алма-Атинской обл. В боях в районе деревни Нападовка, совхоз Синарна и ст. Липовец проявил мужество и отвагу. Он умело водил свой танк в атаку, маневрируя им на поле боя. Его экипаж в боях в районе ст. Липовец уничтожил один средний танк, два тяжелых танк Т-6 (тигр) и одну пушку. Старший сержант Гольдшмидт в этом бою погиб. Достоин награждения орденом «Отечественной войны I степени» [5].

Воины-артиллеристы: командир батареи 1516 истребительного противотанкового артиллерийского полка капитан Гимпелевский Иосиф Львович, призван Талды-Курганским райвоенкоматом, награжден орденами «Красного Знамени», «Красной Звезды»; наводчик 192 отдельного пулеметно-артиллерийского батальона 14 укрепленного района рядовой Гохберг Наум Абрамович, призван Чингирлауским РВК, Западно-Казахстанской обл., награжден медалью «За боевые заслуги»; орудийный номер 316 отдельного истребительно-противотанкового дивизиона 265 стрелковой Выборгской дивизии красноармеец Грабоис Матуз Лизикович, призван Аккульским райвоенкоматом Джамбульской обл., награжден орденом «Славы III степени», медалями «За отвагу», «За освобождение Варшавы» «За взятие Берлина».

Следует отметить героев, обеспечивавших бесперебойную и умелую организацию связи в боях: младшего сержанта Бобер Исаака Аркадьевича, призван Илийским райвоенкоматом Алма-Атинской обл., награжден орденом «Славы III степени»; младшего сержанта, теле-

фониста управления 2 дивизиона 1043 артиллерийского ордена Кутузова полка Гершмак Михаила Лойбовича, призван Джамбулским райвоенкоматом, Джамбульской обл., награжден медалью «За отвагу».

Многие воины-евреи несли службу в штабах: начальник следственной части РО штаба 69 армии капитан Дун Лазарь Давидович, призван Актюбинским горвоенкоматом, награжден орденом «Красная Звезда»; старший адъютант командира стрелкового батальона старший лейтенант Зельдович Яков Хаскиллевич, призван Алма-Атинским горвоенкоматом, награжден орденом «Отечественной войны I степени»; старший писарь штаба 223 кавалерийского ордена Богдана Хмельницкого полка 63 кавалерийской Корсунской Краснознаменной дивизии Авербух Моисей Яковлевич, призван в ноябре 1942 г. Ленинским райвоенкоматом г. Семипалатинска, награжден медалью «За боевые заслуги»; военный переводчик разведотдела штаба 23 гвардейского стрелкового корпуса старший лейтенант, Гинзбург Михаил Борисович, призван Кустанайским райвоенокматом, награжден орденами «Красной Звезды», «Отечественной войны I степени»; музыкант музыкального взвода 256 стрелковой Нарвской Краснознаменной дивизии красноармеец Иоффе Борис Нафтулович, призван Актюбинским горвоенкоматом, награжден медалью «За боевые заслуги».

Представители частей и подразделений боевого обеспечения: командир взвода дегазации местности 224 отдельной роты химической защиты 417 стрелковой Савашской Краснознаменной ордена Суворова дивизии лейтенант Келлерман Иосиф Григорьевич, призван Сталинским райвоенкоматом г. Алма-Ата, награжден орденом «Красной Звезды»; командир взвода 170 отдельного дорожно-строительного батальона младший лейтенант Воробейчик Яков Исаакович, призван Актюбинским горвоенкоматом, награжден орденами «Отечественной войны II степени», «Красной Звезды», медалями.

Специалисты войск тыла: начальник продовольственно-фуражного снабжения 229 стрелкового полка 8 стрелковой дивизии Белорусского фронта старший лейтенант Боксерман Борис Соломонович, призван Талды-Курганским райвоенкоматом, награжден орденами «Красной Звезды», «Отечественной войны I степени», медалями «За отвагу», «За боевые заслуги»; командир взвода подвоза боеприпасов и горюче-смазочных материалов 166 отдельного инженерно-танкового Киевского Краснознаменного полка 2 штурмовой инженерно-саперной Рогачевской Краснознаменной бригады Резерва Вер-

ховного Главнокомандования в Красной армии старший техник-лейтенант Ваксман Самуил Львович, призван Уральским райвоенкоматом, Западно-Казахстанской обл., награжден орденами «Красной Звезды», «Отечественной войны II степени», медалями; заведующий складом эвакуационного лазарета старшина Вассерштейн Эля Машкович, призван Актюбинский горвоенокоматом, награжден медалью «За боевые заслуги»; заведующий складом 79 военно-дорожного отряда механизации Дорожно-мостовых работ; старший. сержант Гавендо Шлем Лейбович, призван Казалинским райвоенкоматом Кзыл-Ординской обл. награжден орденом «Красной Звезды», медалями «За оборону Кавказа», «За боевые заслуги»; старший повозочный 79-го отдельного транспортного полка ефрейтор Горбач Идель Сендорович, призван Каскеленским райвоенкоматом, Алма-Атинской обл., награжден медалью «За боевые заслуги»; повар хозяйственного взвода гвардии красноармеец Гримберг Абрам Израилович, призван Актюбинским горвоенкоматом, награжден медалью «За отвагу».

Медицинские работники, врачи, призванные Алма-Атинским горвоенкоматом: начальник медчасти эвакогоспиталя № 4866 гвардии подполковник медслужбы Бродский Зельман Львович, награжден орденами Ленина, «Красного Знамени», «Отечественной войны II степени», «Красной Звезды», медалями; капитан медслужбы Айбиндер Рива Юрьевна, начальник рентген отделения эвакогоспиталя 1911, награждена орденом «Красной Звезды» медалью «За боевые заслуги», участник Великой Отечественной войны с февраля 1942 г. на Юго-Западном, Донском, 3-й Украинском, 1-й Белорусском фронтах; капитан ветслужбы Аронберг Яков Абрамович; капитан медслужбы Бирбраер Белла Ефимовна; командир эвакуационного отделения лейтенант медслужбы Бранспис Анна Яковлевна, призвана Чингирлауским райвоенкоматом, Западно-Казахстанской обл., награждена орденом «Красной звезды».

Политработники: парторг 920 стрелкового полка 247 стрелковой дивизии майор Барах Симх Аронович, призван Джамбулским райвоенкоматом, Джамбульской обл. Участник войны с июля 1941 г., награжден орденами «Красной звезды», «Отечественной войны I, II степени», медалями; парторг, лейтенант Баргер Арон Исакович, призван Каратальским райвоенкоматом Алма-Атинской обл.; капитан Айзон Ефим Абрамович, начальник клуба 8-й стрелковой дивизии призван Алма-Атинский горвоенкоматом, награжден орденом «Красной Звезды» медалью «За отвагу», участник войны с июля 1941 г.;

портной, гвардии сержант Бедерак Исаак Шмульевич, призван Атбасарским райвоенкоматом, Акмолинской обл., награжден медалями «За оборону Сталинграда», «За боевые заслуги».

Созданные в Казахстане воинские соединения вписали героическую страницу в отечественную историю. Их формирование требовало большой и многогранной работы.

Согласно приказу Командующего войсками Среднеазиатского военного округа от 12 июля 1941 г. № 0044 в столице Казахской ССР г. Алма-Ате началось формирование 316-й стрелковой дивизии. Краткая боевая характеристика, составленная штабом дивизии, гласила, что комплектование проходило в основном из казахов и киргизов. Национальный состав дивизии составлял: русских – 67%, казахов – 11%, киргизов – 11%, украинцев – 8%, остальные 3% составляли татары, узбеки, чуваши, белорусы, *евреи,* башкиры, таджики, мордвины, туркмены, азербайджанцы, армяне, грузины, осетины, калмыки и представители других национальностей СССР» [6, с.18].

По данным на 1 января 1943 г., из 10 250 солдат и офицеров 16-й стрелковой Литовской Клайпедской Краснознаменной дивизии было 3720 литовцев (36,3%), 3064 русских (29%), 2973 *еврея* (29%), 492 (4,8%) представителя других национальностей.

К рассмотрению представляется еще одна из функций местных органов военного управления в период войны. Это изыскание на территории Казахстана и отправка людских ресурсов из числа граждан Прибалтийских республик: чехов, словаков, поляков – в их формируемые части и соединения.

В соответствии с указанием ЦК ВКП (б) и распоряжением штаба САВО за № ОРГ2/8626, военным отделом совместно с облвоенкоматом и сотрудником Уполномоченного ЦК КП (б) Литвы и СНК Литовской ССР выявлялись, отбирались и отправлялись в литовскую национальную часть РККА: «Военнообязанные литовцы и граждане Литовской ССР, а также русские, *евреи* в возрасте от 18 до 50 лет или 1892–1924 годов рождения включительно» [7, л.131].

Следует также отметить, что Семипалатинским облвоенкомом батальонным комиссаром Мошкиным (апрель 1942 г.) было дано указание всем районным военным комиссарам: «Поляков, находящихся на излечении в госпиталях, больных после выздоровления направлять на ст. Гузар Ашхабадской обл. в распоряжение командира Польской Армии, туда же направлять всех дополнительно призываемых *евреев,* украинцев, белорусов» [8, л.172].

Исследователь И.Э. Гринберг приводит: «Цифры впечатляют: за годы войны из столицы республики (Алма-Аты) ушло на фронт 75,5 тыс. человек, а погибли и пропали без вести 32,1 тысячи, т. е. свыше 42,5%. В списках погибших значится около 620 евреев. Если учесть общее соотношение между мобилизованными и погибшими, то можно предположить, что за годы войны в Алма-Аты было призвано в армию от 1200 до 1500 евреев» [9].

Каждый подвиг по-своему интерес ведь его описанием занимались люди в боевой обстановке, они имеют свое документальное подтверждение. Автором предпринята попытка на примере представителей одного народа создать целостное повествование о величии подвига на войне.

С субъективной точки зрения автора, благодаря кропотливому совместному труду историков, архивистов, в первую очередь Архива Президента Республики Казахстан, Евро-Азиатского Еврейского конгресса, О.Ю.Л. Ассоциации «Мицва», инициировавшим международную научно-практическую конференцию «История. Память. Люди», поднимается огромный пласт вопросов и проблем, связанных с эвакуацией людей во Второй мировой войне (1939–1945 гг.), а также в частности исследуются истории судеб евреев Средней Азии и Казахстана. Вместе с тем, в прямой постановке вопроса, а именно героизм евреев, мобилизованных и призванных в действующую армию военкоматами Казахской ССР, поднимается, по мнению автора впервые.[1*]

Уроки и память о Великой Отечественной войне очень важны в наши дни. Прошло уже почти восемь послевоенных десятилетий. И мы должны сделать все, чтобы память о тех днях и далее сохранялась у благодарных потомков, независимо от их национальной принадлежности, от того, в каком государстве они живут, а также независимо ни от каких-либо иных причин.

1. [Электронный ресурс]. Евреи на службе в Красной армии, 1941–1945. Режим доступа: https://www.yadvashem.org/ru/research/research-projects/about-the-soldiers-project.html (дата обращения 28.08.2022 г.).
2. Макипов А.С. Деятельность военных комиссариатов на территории Казахстана в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Дис. канд. ист. наук. – Щучинск, 2010. – 168 с.
3. АП РК. Ф.708. Оп.6/1. Д.1191. Л.94.
4. АП РК. Ф.708. Оп.5/1. Д.1120. Л.30.

[1*] Ахметова Л.С. Евреи в первом составе командного и политического штата 316 стрелковой дивизии. / Материалы X Международной научно-практической конференции 23 сентября 2020 г. – Алматы, 2020. –С.427-437 (прим. ред.).

5. [Электронный ресурс]. Память народа: Подлинные документы о Второй мировой войне. Режим доступа: https://pamyat-naroda.ru/ (дата обращения 31.08.2022 г.)
6. Нищук Н.П. Гвардейской Панфиловской 50 лет. – Бишкек: Кыргызстан, 1991. – 240 с. Мухамеджанов А.М. Казахстанцы в битве под Москвой. – Алма-Ата: Казахстан, 1968. – 104 с.
7. АП РК. Ф.708. Оп.6/1. Д.1171. Л.78, 79.
8. Центр документации новейшей истории Восточно-Казахстанской области (ЦДНИ ВКО) фонд 611, опись 2, дело 51, лист 112.
9. Гринберг И.Э. Евреи в Алма-Ате. Краткий исторический очерк. – Алматы: FORTRESS, 2009. – 410 с.

Левин Д.А.

Сюжеты из жизни в эвакуации семьи киевлян Левиных

Статью, посвященную бабушке и семье Левиных, их эвакуации после начала войны и проживании в Средней Азии, написал под влиянием и с благословления моей сестры Елены[1*]. Она историк, хранитель семейных традиций и знаний, а также и сама пишет и публикует статьи и воспоминания. В необходимости таких сведений я никогда не сомневался, как историк-любитель понимаю цену устным свидетельствам о тех или иных исторических событиях. Сообщение основано на воспоминаниях бабушки и прабабушки, а также некоторых документов, которые удалось выявить в архивах.

Великая Отечественная война, для нашей семьи не стала большой неожиданностью. Родной брат моей бабушки, Левиной Франи Яковлевны, Левин Петр Яковлевич, начиная с 1940 г. проходил службу в пригороде Красное, недалеко от г. Эсно, в 11 погранотряде НКВД. Как командир отделения он прекрасно знал и понимал, что именно происходит по ту сторону границы, а будучи сержантом-связистом по роду службы был в курсе многих дел.

В марте 1941 г., родители Петра и Франи, Яков Григорьевич (Лейбович) Левин и Елена Владимировна (Вольковна) Левина (Кадацкая) решили проведать сына и собирались к нему приехать. Петр перезвонил домой и сказал, чтобы родители ни в коем случае не приезжали, поскольку скоро, видимо, начнется война и ситуация очень опасная.

Когда разразилась война, семья поначалу не собиралась никуда уезжать, продолжали ходить на работу и вокруг все были уверены, что война долго не продлится и уж точно до Киева не дойдет. Но вот война пришла в Киев, бабушка вспоминала, как бегала под бомбами

[1*] Речь идет о Грибановой Е.М., к. и. н., более 30 лет, проработавшей в архивах Казахстана, в т. ч. в Архиве Президента Республики Казахстан как заместитель директора и руководитель Управления научной публикации документов.

на завод и лишь когда ситуация стала совсем тяжелой, встал вопрос об эвакуации.

Елена была категорически против. Она много и подолгу спорила с Яковом, мнения разделились и среди многочисленной родни. Братья и сестры Елены, как и она сама, были под немецкой оккупацией во время Первой мировой, немцы останавливались у них в доме и по воспоминаниям Елены вели себя достаточно вежливо и относились благожелательно, подчеркивая схожесть немецкого языка и идиша, близость культур и историческое переплетение судеб двух народов. Елена наотрез отказывалась верить слухам, которые изредка доходили и передавались шепотом, об ужасах, которые фашисты творят с евреями. Яков же, не питал особых иллюзий по поводу немцев. Он прошел Первую мировою войну в чине уполномоченного, многое видел и слышал, был ординарцем в кавалерийском особом полку, участвовал в Гражданской, сражался в лесах Украины с бандами, в т. ч. участвовал в разгроме банды атамана-погромщика Струка, под командованием Антонова-Овсеенко. Учитывая все эти факторы, совершенно не питал никаких иллюзий по поводу своей судьбы в случае захвата немцами Киева. В конечном итоге, точка зрения Якова победила, он посадил жену с дочерью в поезд, направлявшийся в Киргизию, сам остался в Киеве, закончить дела и позже собирался присоединиться к семье.

Поездка в Киргизию была тяжелая. Поскольку все споры и раздумья заняли много времени, ехали в одном из последних составов, немцы были практически на пороге. Неразбериха, царившая вокруг, сыграла свою роль, в конечном итоге бабушка Франя с матерью приехали не туда, куда намеревались ехать поначалу. Они очутились в станице Беловодской, не имея никакой возможности подать весточку Якову о своем местонахождении. По дороге в поезде у них пропал весь багаж, и, таким образом, они остались без вещей и практически без средств к существованию. Их постоянно переселяли из одного места в другое, в конечном итоге разместили в избе, которая стала коммунальной квартирой для большого количества людей, таких же беженцев, как и они сами.

Бабушка Франя вспоминала об этих временах, как о трудных. В доме был проходной двор, там постоянно кто-то крутился, нельзя было оставить без присмотра ничего, бывали попытки грабежей, в т. ч. и вооруженных, у одного из постояльцев дома была кавказская овчарка по прозвищу Пик, которая подружилась с моей бабушкой и однажды спасла ее от насильника. После одного из рабочих дней, Франя вече-

ром возвращалась домой, было уже темно, она подошла к калитке и, открыв ее, вошла, внезапно из темноты выпрыгнул здоровенный мужчина и крепко схватил Франю. Завязалась борьба, на шум прибежал Пик и набросился на мужчину, в пылу борьбы собака случайно укусила и бабушку, прокусив ей ногу, но спасла, насильник сбежал.

Наступили морозы, а у Елены и Франи толком не было одежды, они подрабатывали, где только могли и кем могли: стиркой, готовкой, уборкой. Однажды Франя отморозила себе руки и ноги, ее долго растирали спиртом, пытаясь спасти конечности, все закончилось хорошо, но мизинец на левой руке болел у Франи всю жизнь, боль особенно усиливалась зимой или в дождливую пору, и тогда Фране приходилось одевать меховой напальчник, чтобы хоть немного облегчить страдания.

По воспоминаниям и Елены, и Франи местное население, киргизы, в целом, относились достаточно нормально к эвакуированным, но один случай Фране запомнился особо.

В очередной раз, возвращаясь с работы, она шла привычным маршрутом, когда рядом с ней поравнялась телега, запряженная лошадью, и мужчина-киргиз предложил подвезти ее до дому. Она согласилась. Они поехали, и мужчина предложил Франю встретиться с ним вечером. Она отшучивалась, отказывалась и тогда мужчина ей сказал: «Ну, что ты ведешь себя так, ты что, жеврейка?». Франя рассмеялась и спросила его, а кто такие жевреи? Мужчина честно признался, что не знает, но слышал, что нехорошие люди. Помимо этого, в чем-то комичного, в чем-то трагичного (сам не видел, но люди говорят) эпизода, особых проявлений антисемитизма со стороны киргизов не было и, наверное, не удивительно, что немало семей евреев решили остаться в Средней Азии и не возвращаться после войны.

Летом 1942 г. Елену и Франю наконец-то нашел Яков и перевез во Фрунзе, где он был назначен руководителем хлебзавода. Там же, во Фрунзе, Елена узнала, что два ее родных брата Михел Кадацкий и Митя Кадацкий, а также племянник Леонид (Пойчек) Кадацкий [1], тоже находятся в эвакуации в колхозе «Чулестан» Ташкентской обл. Митя Кадацкий был кинооператором на Львовской киностудии, в 1943 г. был мобилизован уже из эвакуации, в звании лейтенанта прошел войну, дважды был тяжело ранен. После войны, Митя вернулся во Львов и продолжил работать на киностудии, в 1979 г., он был убит в собственной квартире во Львове. Убийство так и не было раскрыто.

Пойчека мобилизовали осенью 1943 г., он погиб при переправе через Одер в 1944 г. и похоронен в Польше, в г. Люблине. Пойчеку

было 18 лет. Сначала он попал в учебку, а потом уже на фронт, воевал в звании сержанта разведроты. Он провоевал всего месяц, прежде чем погиб под бомбежкой, но перед этим успел совершить подвиг, захватив и лично переправив через Одер двух немцев, был представлен к званию «Герой Советского Союза», но вскоре погиб, награждение не состоялось, его имя можно найти в списке евреев, представленных к званию «Герой Советского Союза», но не получившим его, эти списки ведет одна из комиссий музея «Яд ва Шем» [2]

Франя, вместе с отцом Яковом и матерью Еленой, пробыли во Фрунзе до конца войны. Франя окончила курсы машинисток, а вскоре, благодаря своей натренированной памяти, стала секретарём прокурора города. Уезжать им очень не хотелось, быт потихоньку наладился, антисемитизма они не ощущали, и Фране не очень хотелось возвращаться обратно в Киев, где евреям жилось не так спокойно и радужно. Но Елена настаивала на возвращении, в Украину вернулась вся ее семья, а также родные сестры Якова. Яков к тому времени был болен туберкулезом, нуждался в лечении, ездил в санаторий в Ялту и в конечном итоге согласился вернуться домой в Киев.

В Киеве бабушка Франя встретила моего дедушку Михаэля Народицкого, вернувшегося с войны, – сержант танкист, участник битвы за Сталинград, Кенигсберг, освобождал Польшу. Они поженились, как и бабушкин брат Петр, так же вернувшийся после войны в Киев и создавший семью. Его дочь, внуки и правнуки живут сегодня в Австралии, ну а бабушка и дедушка уехали с нами в Израиль, оба они провели старость в наконец-то обретенном еврейском государстве и похоронены рядом друг с другом в г. Ашдод.

1. Сержант, __.__.1925. Украинская ССР, Киевская обл., г. Киев, Место службы: ппс 78134 889 сп, 197 сд, 889 сп 197 сд, 889 сп 197 сд 1 УкрФ 13.08.1944 Польша, Люблинское воев., пов. Пулавский, д. Лесные Халуны, Польша, Люблинская губ., Плавский уезд, д. Лесьне Халупы, одиночная могила. Режим доступа: https://pamyat-naroda.ru/heroes/?adv_search=y&last_name=%D0%9A%D0%B0%D0%B4%D0%B0%D1%86%D0%BA%D0%B8%D0%B9&first_name=%D0%9B%D0%B5%D0%BE%D0%BD%D0%B8%D0%B4&middle_name=&date_birth_from=&static_hash=2bef26aa7de1dfa792321db98b64fb33v6&data_vibitiya_period=on&group=all&types= (дата обращения 21.08.2022)

2. [Электронный ресурс] О подвиге, о славе, о Золотой звезде // Голос инвалидов войны (Тель-Авив) – 2019. – С.27. Режим доступа: Golos-201-202.pdf (netzulim.org) Golos-201-202.pdf (netzulim.org) (дата обращения 21.08.2022).

Щёголева Л.М.

Война коснулась моих родных

До войны семья моего деда, Лукьянчикова Ефима Евдокимовича 1887 г. р., имела большой дом, хозяйственные постройки, живность. Было всё необходимое для того, чтобы жить в достатке. У дедушки и бабушки, Буниной Анастасии Тимофеевны 1892 г. р., было пятеро детей: мамины братья – Григорий 1912 г. р.; Николай 7 июля 1914 г. р.; Александр 1919 г. р.; сёстры – Нина 1921 г. р., Клавдия Ефимовна 1928 г. р. и моя мама Мария 15 мая 1931 г. р. Все до войны проживали в г. Константиновка Сталинской обл. на Украине. Из воспоминаний моей мамы, Марии Ефимовны, когда они узнали о начале Великой Отечественной войны, все заговорили об эвакуации.

Дед, Ефим Евдокимович, как-то успел продать дом, всё свое хозяйство. Так мне рассказывала мама. На бричку, запряженную лошадью, погрузили вещи – одеяла, подушки, тёплые вещи. И они, мои дед, бабушка, мама и ее сестры – Нина и Клавдия, отправились с Украины в сторону г. Курска. Такое решение принял дед. Документы, свидетельства о рождении, моей мамы, Марии Ефимовны, дочерей – Нины Ефимовны и Клавдии Ефимовны, дед уничтожил. По пути с Украины, мама рассказывала, всё, что брали с собой, они меняли на хлеб и, еду. Потом, когда не было уже ничего при них, приходилось ходить и просить, побираться. Бабушка и старшие сестры мамы, отказались ходить побираться. Бабушка сказала: «Буду умирать, но побираться не пойду». Пришлось маме как самой младшей и деду ходить по домам…, кто-то давал кусочек хлеба, а кто-то просто, вышвыривал и даже бил. Так приходилось кормить семью. Об этом она всегда вспоминала с болью в сердце, со слезами на глазах.

Дорога с Украины была долгой и трудной. Семья мамы стали беженцами и выживали в тяжелых условиях. Дед, бабушка, мама и её сестры добрались до г. Курска, потом до Медвенского р-на, Курской обл.

Здесь на Курской земле, они жили в землянке, вернее в яме, вырытой в глубину, в холоде и сырости, впроголодь. Дед, Ефим Евдокимович, умудрялся как-то кормить бабушку и трех дочерей. Ели мороженную, гнилую картошку, которая осталась на полях. Траву. Все, что было съедобным. Собирали осыпавшиеся во время жатвы зернышки пшеницы, сушили их, перетирали и употребляли в пищу.

Дед и бабушка заболели тифом. Однажды, когда проезжали немцы,[1*] по хутору, заметили, что они больны. Мамина сестра, Нина Ефимовна, хорошо владела немецким языком. Этим самым она спасала семью. Она объяснила немцам, что «родители были в поле и устали». Немцы сказали, что придут ещё раз, и если они будут так сидеть, а они сидели – полулёжа, так им будет «капут».

А потом была Курская битва – самое крупное танковое сражение Великой Отечественной войны. Свидетели эти сражения вспоминают как страшный ад, где нужно было выжить, чтобы победить. Война не жалела ни детей, ни стариков, ни взрослых. Бомбежки, холод, голод и тиф ...

***

Семья Григория Ефимовича, судя по фотографии, сохранившейся в семейном, архиве остались в Константиновке. На обороте фото сохранилась надпись: «Это с другом. Другу моему было 14 лет, а мне 15. Фото 29.12. 1946 г., г. Константиновка. Женя+Витя».[2*] В моей памяти отложилось, что Григорий Ефимович в послевоенное время проживал в Медвенском р-не Курской обл.

Николай Ефимович, место рождения [с. Второе Любицкое Медвенского р-на Курская обл.] служил в Рабоче-Крестьянской Красной армии (РККА) с 15 марта 1936 г. Место призыва – Константиновский райвоенкомат Сталинской обл. Украинской ССР. 5 апреля 1941 г. прислал «для долгих воспоминаний родителям, сестрам Нине, Клаве и Маруси» фотокарточку из г. Харькова. Дальнейшую его службу можно проследить по сведениям, отложившимся в Центральном архиве обороны Российской Федерации. Офицер [гв. старший лейтенант, майор] 8-го Воздушного десантного корпуса, 181 М[едицинско]-С[анитарный] б[атальон] 105 Гвардейской стрелковой Венской Краснознаменной дивизии – ст. адъютант. Во время войны Николай Ефимович принимал участие в овладении столицией Австрии г. Вена в должности начальника штаба в составе 105 ГСВК[3*].

Николай Ефимович награждён медалями «За боевые заслуги» (27 апреля 1943, 5 ноября 1946), «За оборону Сталинграда», «За взятие Вены», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне

[1*] В ходе немецкого наступления с октября по начало декабря 1941 г. были оккупированы территории 50 районов Курской обл.

[2*] См. вклейку.

[3*] Фотокопия документа размещена на концевой странице обложки.

1941–1945 гг.». и «Орденом Великой Отечественной Войны II степени», Орденом Красной Звезды (7 июня 1945, 17 мая 1951).

Ушел в отставку 20 мая 1957 г. Его кортик и шлем хранятся в музее Рязанского училища воздушно-десантных войск.

Александр Ефимович [место рождения дер. Китаевка Медвенского р-на Курской обл.] – в РККА с октября 1938 г. Место призыва – Константиновский райвоенкомат Сталинской обл. Украинской ССР. Гвардии сержант. Был водителем танка – 11 гв[ардейской] танковой колонны.

В родительском доме, Александра Ефимовича, в мирное время висела Грамота в рамке, подписанная И.В. Сталиным, в которой объявлялась благодарность «За мужество, при взятии Берлина». Александр Ефимович награждён «Орденом Великой Отечественной войны II степени», Орденом Красной Звезды (21 июня 1945 г.) [2].

Нина Ефимовна занималась до войны парашютным спортом и готовила себя в лётчицы.[1*] Но судьба распорядилась иначе…Она во время войны заболела тифом и умерла.

Для восстановления документов, даты рождения мамы и тёти, бабушка ориетировалась на даты рождения сыновей. Так, мама значилась по документам, что рождена 19 августа 1932 г.

После войны моя мама, Мария Ефимовна, её сестра Клавдия Ефимовна, дед с бабушкой остались жить в Медвенском р-не на Курской земле. Клавдия Ефимовна, проживала в г. Щигры Курской обл., Николай Ефимович – в г. Москва.

В 1951 г., 26 февраля, мама вышла замуж за Виноходова Михаила Семёновича, 1926 г. р., участника Великой Отечественной войны. Зарегистрирован брак в с. Любицкое, Медвенского р-на, Курской обл. Регистрировала брак, мамина родственница – заведующая бюро записей актов гражданского состояния И. Лукьянчикова.

В 1953 г. родилась я, в 1957 г. – брат, Владимир Михайлович. Место рождения – Свердловская обл.

В Казахстан, г. Экибастуз, мои родители приехали в 1965 г. Мы с братом, пошли в школу в г. Экибастуз, Павлодарской обл., я – в пятый класс, а брат во второй класс. Получили образование. Мои родители работали и вышли на пенсию здесь, в Экибастузе Павлодарской обл. На казахстанской земле прожили красивую, достойную жизнь…

[1*] Фотокопия документа размещена на концевой странице обложки.

Уходит из жизни поколение того времени… Мы будем всегда помнить о героях Великой Отечественной войны, о наших дедушках и бабушках, о наших родителях, о наших родных. Мы будем помнить всех тех, кто подарил нам жизнь, детство и прекрасное сегодня!

1. [Электронный ресурс]. Режим доступа: Лукьянчиков Николай Ефимович — Память народа (pamyat-naroda.su). (дата обращения 13 июня 2022).
2. ЦАМО. Ф.33. Оп.68196. Ед. хр.6924. [Электронный ресурс]. Режим доступа: Лукьянчиков Александр Ефимович — Память народа (pamyat-naroda.su) (дата обращения 13 июня 2022).

Бердигожина З.Ш.

Работа Музея боевой и трудовой славы школы № 32 г. Алматы по изучению Холокоста: МыПомним – WeRemember

Имея многолетний педагогический стаж и опыт руководства Музеем боевой и трудовой славы школы, полностью разделяю взгляды известного ученого, педагога В.С. Кукушина. Приведу слова из книги В.С. Кукушина «Общие основы педагогики»: «Я пережил концлагерь, мои глаза видели, то, что не должен видеть ни один человек:
- как ученые инженеры строят газовые камеры;
- как квалифицированные врачи отравляют детей;
- как обученные медсёстры убивают младенцев;
- как выпускники высших учебных заведений расстреливают и сжигают детей и женщин…

Поэтому я не доверяю образованности.

Я прошу вас: помогайте ученикам стать людьми. Ваши усилия никогда не должны привести к появлению учёных чудовищ, тренированных психопатов, образованных Эйхманов.

Чтение, письмо, арифметика важны только тогда, когда помогают нашим детям стать более ЧЕЛОВЕЧНЫМИ» [1].

Эти слова по сей день не потеряли своей актуальности. В школьной программе по изучению истории Второй мировой и Великой Отечественной войн уделяется недостаточно часов. Поэтому Музей школы проводит с учениками дополнительную работу по изучению Холокоста и воспитанию толерантности.

В течение ряда лет активисты Музея школы принимают участие и поддерживают Международную Акцию #МыПомним – #WeRemember, посвященную Международному Дню памяти жертв Холокоста, установленному Генеральной Ассамблеей ООН. Фотографии наших учеников – участников акции продемонстрированы в

музее «Аушвиц-Биркенау» (известном в мире как Освенцим, Польша). Акцию ежегодно поддерживают известные политические деятели, представители мировых религий, спортсмены, деятели культуры, искусства, науки со всего мира. Миллионы людей из разных стран участвуют в Международной акции. Не остаются в стороне и наши ученики. Перед участием в акции в Музее школы проводятся беседы, чтения о Холокосте.

Например, приведем отрывок из книги Яффы Элиаха «Хасидские рассказы о Холокосте». В ней есть история о хасидском раввине, жившем в Данциге в 1930 г. Каждое утро раввин выходил на прогулку и приветствовал каждого мужчину, женщину или ребенка теплой улыбкой и сердечными словами «Доброе утро». Прошли годы, рабби перезнакомился с большинством жителей города… и всегда приветствовал их, называя по имени. Проходя мимо фермы, Рабби здоровался с хозяином:

– Доброе утро, герр Мюллер!

– Доброе утро, герр Раббинер, – отвечал тот.

Когда разразилась Вторая мировая война, рабби перестал ходить по городу, а герр Мюллер присоединился к СС. Рабби потерял семью в лагере смерти «Треблинка», его депортировали в «Освенцим». Однажды еврейских заключенных поделили на две группы. Они проходили мимо нацистского офицера. Одним он приказывал идти налево, в газовые камеры, другим – направо, их ожидал рабский труд. Когда Рабби подошел поближе к офицеру, голос, направлявший людей направо или налево, показался ему знакомым.

Поравнявшись с офицером, Рабби услышал собственный голос:

– Доброе утро, герр Мюллер!

– Доброе утро, герр Рабинер! – был ответ, – Что вы здесь делаете?

Ничего не сказав, Рабби печально улыбнулся. Через мгновение герр Мюллер поднял хлыст и указал Рабби направо, жить. На следующий день Рабби был переведен в лагерь с более легким режимом, и в результате, дожил до конца войны. Вот какой силой обладает приветствие «Доброе утро» [2].

Вышеприведенный отрывок не только рассказывает об ужасах нацистских лагерей, но имеет значение и для духовно-нравственного воспитания учеников.

Изучение Холокоста происходит и во время встреч с бывшими малолетними узницами нацистских концлагерей и на примерах семей учеников.

У восьмиклассницы Вали Мхитарян бабушка была узницей концлагеря. На музейном уроке, посвященном узникам фашистских концлагерей, Валя рассказала историю своей семьи, о своей бабушке узнице концлагеря: «Моя бабушка – Александра Кирилловна Смик – бывшая узница фашистского концлагеря. Мою старшую сестру Александру назвали в честь бабушки Александры Кирилловны, прошедшей ужасы фашистских лагерей. По национальности Александра Кирилловна еврейка, но перед войной она изменила национальность на украинку. Тем не менее, ей не удалось избежать концлагеря. Ее схватили и отправили в концлагерь на Украине, а затем переправили в концлагерь на территории Польши.

Мой дедушка – Геворг Аршакович участвовал в освобождении пленных из фашистских концлагерей. В январе 1945 г. при освобождении пленных из концлагеря «Торн» в Польше, среди узников дедушка встретил мою бабушку Александру Кирилловну Смик. У нее остались следы от кандалов на ногах и выжженные регистрационные номера на руки и на спине. Возвращался дедушка из Берлина уже с моей будущей бабушкой. Геворг отправил молодую жену на свою родину в Армению. Молодая невестка не приглянулась его родителям. Поэтому после войны молодая семья переехала в Грузию, а затем в Казахстан, в Алма-Ату. Военные документы дедушки Геворга остались в Тбилиси.

У Геворга Аршаковича и Александры Кирилловны родились семеро детей. Самым младшим был мой папа Аршак Геворкович. Александра Кирилловна его родила, когда ей было 44 года, в 1962 г. Моя бабушка Александра Кирилловна ушла из жизни в 2012 г.».

Наш музей сотрудничает с казахстанской ассоциацией бывших узников фашизма (руководитель В.М. Артемьев). Мы провели в музее встречу с бывшими малолетними узницами концлагерей – Дзвоник Людмилой Лазаревной и Сулеймановой Марией Петровной.

В сентябре 2022 г. в музее состоялась встреча с художницами-кукольницами Краюхиной Лидией Васильевной и Сологуб Ларисой Александровной. Лидия Васильевна Краюхина передала в дар музею куклу «Дети – узники концлагеря Освенцим». Во время встречи художницы рассказали ученикам о создании куклы, о положении детей в концлагерях в годы Второй мировой войны.

Чтобы помнить, дети должны знать.

Работа Музея школы заключается в сохранении исторической памяти, воспитании пацифизма и толерантности.

1. [Электронный ресурс]. Режим доступа: Кукушин. Общие основы педагогики - библиотека eusi (дата обращения 19.09.2022).
2. [Электронный ресурс]. Режим доступа: Хасидские рассказы о Холокосте - Нью-Йоркская публичная библиотека - OverDrive (turbopages.org) (дата обращения 19.09.2022).

Калашникова Н.П.
Тимощенко А.Ю.

Политика исторической памяти в научно-образовательных контекстах[1*]

«Память – преодоление времени, преодоление пространства. Память – основа совести и нравственности, память – основа культуры. Хранить память и беречь память – это наш нравственный долг…»

Несмотря на то, что в последние годы возросла общественная и исследовательская активность, направленная на освещение, изучение, оценку событий тоталитарного режима XX в., необходимо отметить, что до сих пор они воспринимаются в обществе неоднозначно, а зачастую – болезненно.

Высокую значимость приобретает в наши дни историческая политика и политика памяти, культура ее изучения и сохранения. От успешности этой политики, без преувеличения, зависят и стабильность государственности, и, что особенно важно, динамичность этих процессов, и качество нациостроительства.

Определенным импульсом для изучения архивных данных, рассекречивания документов, появления новых имен жертв политического террора XX в., послужил Указ Президента Казахстана от 24 ноября 2020 г. № 456 «О Государственной комиссии по полной реабилитации жертв политических репрессий» [1]. В рамках реализации данного указа существенно актуализировалась информация о прошлом в тесной связи с настоящим и будущим.

За два года исследовательской работы в архивах, в т. ч. и зарубежных, проведена колоссальная работа учеными, архивистами, общественностью, что позволило пополнить историографию значительным пластом неизученных документов о политических репрессиях, движении «Алаш», депортации народов в Казахстан, жертвах голода,

[1*] «This research has been funded by the Science Committee of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan (Grant No. AP14870265)».

процессе реабилитации, так важного для потомков. Таким образом, в Казахстане формируется политика исторической памяти для нового поколения, главным трендом которой является культура взаимодействия по ее сохранению.

В самом начале данной работы Министерство образования и науки РК рекомендовало учебным заведениям вовлекать в нее больше молодых исследователей, магистрантов и докторантов, определять, соответственно данной проблематике, тематику научных исследований, приобщать к поисковой работе вузовскую молодежь.

Разработаны учебные программы (силлабусы) для обучающихся, в перечень программно-целевого и грантового финансирования Комитетом науки Министерства высшего образования и науки все чаще включается заказ на выполнение по данной тематике научных исследований. Так, к примеру, в течение 2-х лет учеными Казахстана реализуется полномасштабный научный проект *«Массовые политические репрессии в Казахстане в 20-50-х гг. XX в. и процессы реабилитации: создание единой базы данных»*, результатом которого стали новые архивные документы, проливающие свет на события тоталитарного режима.



При содействии научных сотрудников музейно-мемориального комплекса «АЛЖИР» под руководством члена Государственной комиссии по полной реабилитации жертв политических репрессий Ка-

лашниковой Н.П. создана уникальная электронная Карта лагерной миграции женщин-казахстанок, что пополнило историографию новыми данными об осужденных – членах семей изменников родины (ЧСИР), этапах их реабилитации, которая еще не завершена в полном объеме.

В рамках новой научно-педагогической магистерской образовательной программы «Этнополитология» внедрен инновационный курс «Политика исторической памяти» (авторская разработка Калашниковой Н.П.), который позволяет междисциплинарному изучению и включению магистрантов в процесс формирования политики исторической памяти; получению навыков работы с архивной документалистикой, составлению обзоров научных исследований, государственных программ и проектов; обобщению отечественного и зарубежного опыта, роли этнокультурного сообщества в ее сохранении; исследованию современных трактовок феноменов «память» и «устная история» в контексте политической науки. Одним из результатов обучения новой дисциплины стало привитие навыков сравнительного анализа и прогнозирования работы для государственных органов и институтов гражданского сектора по теме полной реабилитации жертв политических репрессий.



Изучение материалов международных исторических конференций «История. Память. Люди», в контексте довоенной, военной, послевоенной эвакуации народов в Казахстан, стала одной из ключевой тем. История евреев Центральной Азии и Западной Сибири, судьбы разных казахстанских этносов, устные истории потомков посредством таких исследовательских материалов, которые наполняют сборники конференций и издаются при поддержке государственных организа-

ций и общественности, вносят неоценимую лепту в сохранении общечеловеческой Памяти, донесении ее до нынешних поколений.

Безусловно, историческая память – своеобразный банк памяти, обеспечивающий преемственность поколений как основы национальной культуры и ее ценностей, пантеон национальной идентичности.

Историческая память живет активной жизнью, она не только воссоздает образы прошлого, но и вызывает широкий спектр эмоций – восхищения и поклонения, скорби и страдания, пренебрежения и скептицизма.

Двойственная природа исторической памяти соответствует противоречивости реальной жизни, но без памяти реальная жизнь невозможна – она систематизирует настоящее, помогает ориентироваться в настоящем и формирует наши представления о будущем. Именно поэтому столь высок интерес к воспоминаниям участников (метод устной истории) и, главным образом, жертв трагедий XX, в т. ч. связанных с тоталитарными режимами – например, с имевшими место в Советском Союзе массовыми депортациями и репрессиями.

По своей природе историческая память – область междисциплинарных исследований. Исследованиями исторической памяти в XX в. занимались Морис Хальбвакс, Пьер Нора, Ян и Алейда Ассман, Ж. Ле Гофф, Б. Гене, П. Хаттон, и др. Огромное влияние на становление historical memory studies оказало третье поколение школы «Анналов». В США издается авторитетный журнал «History & Memory».

В Казахстане посредством порталов e-history.kz и электронного портала Государственной комиссии, содержащих общую базу о жертвах политических репрессий и информацию о деятельности ее структур, оригинальные авторские разработки по изучению судеб казахстанцев, жертв «века-волкодава», оператором которого выступил Институт истории и этнологии им. Ч. Ч. Валиханова.

Неоценимую роль в данных исследованиях сыграл и продолжает оказывать содействие в рассекречивании данных, для открытости и доступа, хранящихся документов, Архив Президента Республики Казахстан и его портал http://archive.president.kz/., этнокультурные сообщества в рамках реализации международного проекта «Память во имя будущего», получившего с 2009 г. проведения в Казахстане, новое наполнение содержания контекстов. Расширяется география участников и потомков, сегодня к данному проекту проявили интерес ученые из 20 стран мира.

Как свидетельствует словарная литература политика исторической памяти (саясат жады, memory policy) – это набор приёмов и ме-

тодов, с помощью которых находящиеся у власти политические силы, используя административные и финансовые ресурсы государства, стремятся утвердить определённые интерпретации исторических событий как доминирующие. Термин появился в Германии в 1980-х гг., в начале XXI в. был заимствован и стал широко использоваться в Польше, где идеи проведения специфической исторической политики приобрели значительную поддержку. К концу первого десятилетия XXI в. этот термин стал активно применяться исследователями для описания процессов и практических приёмов в политике посткоммунистических государств Восточной Европы. Критики методов исторической политики считают, что само это понятие существенно отличается от понятий «политизации истории» и «политики памяти», и что речь идет преимущественно о политическом феномене, который должен изучаться, прежде всего, как часть государственной политики.

Вместе с тем, проведенная кафедрой Ассамблеи народа Казахстана Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева и РОО «Ассоциация кафедр АНК «Шаңырақ» при поддержке Ассамблеи народа Казахстана, этнокультурного сообщества и Домов дружбы серия мероприятий по теме общей исторической памяти, свидетельствует о необходимости правдивой информации, объективной оценке событий «века-волкодава».

В соответствии со стартом мероприятий, посвященных, например, 25-летию принятия Указа Президента РК об учреждении в Казахстане Дня памяти жертв политических репрессий – 31 мая, реализован социогуманитарный проект – «Синхрон-видео лекция «*Ұрпақтар ұмытпайды...»,* приуроченной ко Дню благодарности. Обращение к общественности в эти дни, максимальный охват участвующих в синхрон-лекции, в т. ч. студенческой молодежи, служит сохранением общей памяти, формированию и укреплению чувства благодарности, нашей солидарностью и сопричастностью к Памяти и Благодарности народной.

Стало доброй традицией в преддверии Всемирного дня историка, проводить мероприятия, связанные с укреплением исторической памяти. В канун этой даты Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, РОО «Ассоциация кафедр Ассамблеи народа Казахстана «Шаңырақ» совместно с Карагандинским университетом им. Е.А. Букетова провели Республиканский обучающий научно-методический вебинар с международным участием на тему: *«Сотрудничество кафедр АНК с музеями и архивами по сохранению*

исторической памяти (на примере вузов Карагандинской области)». В работе вебинара приняли участие представители государственных органов, депутатского корпуса, музеев, архивов РК, отечественные и зарубежные эксперты, члены Ассоциации кафедр АНК, профессорско-преподавательский состав казахстанских вузов. Спикерами выступили представители государственных органов, институтов гражданского общества, научных структур, учёные вузов, отечественные и зарубежные эксперты, молодые исследователи из 6 государств *(Россия, Турция, Польша, Украина,Узбекистан, Китай)*.

Целью данного вебинара было ознакомление и конструктивное обсуждение методов дальнейшего развития взаимодействия кафедр АНК, научно-образовательных структур, институтов гражданского общества, международного опыта в сохранении общей исторической памяти. Это были не только наглядные презентации ученых о своей многолетней исследовательской деятельности по теме исторической памяти, но и конкретные предложения в реализацию проектов, связанных с методологией и работой, в т. ч. с международными экспертами, по разным направлениям деятельности Государственной комиссии. Результатом проведенного вебинара стало томное издание обобщенных материалов, охватывающего разные период политических репрессий, депортации, голода в Казахстане в XX в., которое направлено организаторами во все библиотеки вузов.

Благодаря научному потенциалу ученых и хорошей исследовательской базе сегодня Евразийский университет занимает ведущие позиции в мировых рейтингах, что говорит, в т. ч., о большом внимании нашего государства к историческим, археологическим и политологическим исследованиям ученых.

Мир стремительно меняется, историю пытаются трактовать так, как удобно отдельным личностям, именно поэтому ежегодно формируется новая повестка дня. В этой связи, текущее обсуждение актуальных вопросов для Казахстана и мирового сообщества, находят свое понимание и решение. Безусловно, справедливость восторжествует для многих людей и их потомков, которые так долго ждали реабилитации, а их имена останутся в памяти народа навсегда.

Проведенный на базе университета совместно с Институтом истории государства Министерства науки и высшего образования РК круглый стол: «*Критерии исследований масштабов политических репрессий: отечественный и зарубежный опыт»,* создал площадку для обмена мнениями, научной и экспертной информацией, рассмот-

рения способов решения научно-исследовательских задач, поиска новых идей с учетом накопленного опыта.

В выпущенном сборнике содержатся доклады, презентации и научные статьи отечественных и зарубежных ученых, а также «Тезаурус основных терминов, касающихся лагерной тематики и репрессий, процессов реабилитации». В его подготовке приняли участие наряду с известными учеными магистранты направления «Этнополитология» в рамках курса «Политика исторической памяти». Все это важные для формирования исторического сознания, укрепления исторической памяти в нем, что способствует развитию культуры памяти, исследовательской культуры изучения данного общечеловеческого феномена.

Обращаясь к теме необходимости формирования культуры по сохранению общей исторической памяти, следует отметить, что поскольку память не является исключительно индивидуальным, личным опытом, но также частью коллективного, – культурная память стала темой исследования как в историографии (Пьер Нора, Ричард Тердиман) так и в культурологии (Сьюзен Стюарт). Эти направления выделяют процесс памяти (историография) и её подтекст и объекты (культурология). Возникло две научных школы: одна утверждает, что настоящее определяет наше понимание прошлого; вторая – что прошлое влияет на наше поведение в настоящем.[1*]

Сегодня актуализируются процессы сохранения культуры исторической памяти, консолидации ученых, общественности в ее измерении как социального феномена. Источники формирования исторической памяти многообразны – устная традиция, широкий круг нарративных источников (например, мемуары, художественная литература, историография. А также праздники, посвященные историческим событиям, юбилеи, дни памяти и т. п.), монументальная традиция и многое др. В XX в. особое значения для формирования исторической памяти имеют аудиовизуальные источники разных типов (кино-источники, телевидение и радио), а в современную эпоху – сетевой контент, который среди прочего, содержат цивилизационные архетипы и архетипы, свойственные как, например, в Казахстане – народу, с его многообразной этнической палитрой.

[1*] Миллер А.И. Россия: Власть и история // Pro et Contra № 3–4 – 2009: Историческая политика – С.6–23; Роберт Траба. Польские споры об истории в XXI веке // Pro et Contra № 3–4 – 2009: Историческая политика – С.43-64; Pro et Contra № 3–4 – 2009: Историческая политика.

Тематические исследования ученых, воспоминания потомков тех суровых довоенных, военных дней, выставки редких архивных документов, устные истории, вне сомнения, пополнят историографию новыми фактами о судьбах людей разных национальностей, стран, политических репрессиях и депортации целых народов, эвакуации предприятий, медицинских учреждений, организаций культуры и искусства и др., долгой дороге к реабилитации. Результатом такой работы, вне сомнения, станет память коллективная, представляющая основу общечеловеческой идентичности.

1. Указ Президента Республики Казахстан «О Государственной комиссии по полной реабилитации жертв политических репрессий» от 24 ноября 2020 г. 24 ноября 2020 года № 456

2. Еремеева С.А. Памяти памятников: практика монументальной коммеморации в России XIX – начала XX вв. – М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2015. – С.529

3. Калашникова Н.П. Консолидирующие проекты Ассамблеи народа Казахстана: общность истории и память. Журнал «Вестник РГГУ. Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения. – 2020. – № 3. – С.287 (8-13).

4. «ҚХА кафедраларының тарихи жадыны сақтау бойынша музейлер және архивтермен ынтымақтастығы (Қарағанды облысының жоғары оқу орындары мысалында)» республикалық ғылыми-әдістемелік вебинар материалдары // Материалы республиканского научно-методического вебинара «Сотрудничество кафедр АНК с музеями и архивами по сохранению исторической памяти (на примере вузов Карагандинской области)»/ Составители: Калашникова Н.П., Жуманова А.З., Тулеубаев Ж.З. – Караганда: Изд-во «Карагандинский ун-т им. акад. Е.Н. Букетова», 2021. – 354 с. (на казахском и русском языках). ISBN 978-601-337-506-9

5. Критерии исследований масштабов политических репрессий: отечественный и зарубежный опыт»: сборник материалов международного круглого стола (30 октября 2021 г.). – Нұр-Сұлтан, ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2022. – 270 с. ISBN 978-601-337-652-3

6. Соколова М.В. Что такое историческая память / М.В. Соколова // Преподавание истории в школе. – 2008. № 7. – С.37-44.

7. Приходько Е. А., Лебедева С. О. Историческая память и историческое сознание // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота. – 2010. – № 1 (5). – С.133.

8 История. Память. Люди: Материалы X международной научно-практической конференции. 23 сентября 2020 г., Алматы – Алматы, 2020. – 680 с. – С.289.

ЛЮДИ И СУДЬБЫ

Ярков А.П.
Старостин А.Н.

Иудеи и мусульмане в Еврейской автономной области: опыт диалога

Предпозиция

Еврейская автономная обл. расположена вблизи российско-китайской границы на берегах Амура. При относительно небольшой площади и малой численности населения она интересна современным конфессиональным многообразием и исторически сложившимися практиками диалога и полилога.

Для ислама и иудаизма эта территория долгое время была нейтральной, а немногочисленное аборигенное население придерживалось архаичных верований. Мусульманских общин там не было до конца XX в., хотя территория издавна находилась в зоне действия Великого Шёлкового пути, как и последующих караванов купцов-мусульман, которые должны (согласно установок) всегда и повсеместно свидетельствовать о вере. Но зримых «следов» (артефактов, упоминаний в дорожниках) это не оставило (или пока не выявлено).

В работах образованных иудеев (по происхождению) этот край всё же был в орбите внимания. Об этом, в частности, писал Рашид ад-дин Фазлаллах ибн Абу-ль-Хайр Хамадани[1*]. Под его руководством создан «Джами ат-Таварих» («Сборник летописей», 1310/1311 гг.), который является важнейшим средневековым источником. В частности, он сообщал, что «татары состояли из нескольких родов и многие откочевали на запад до разгрома их монголами». Заметим, что Рашид ад-дин историю всех тюрков (под наименованием «татары») связал с исламом, где якобы от брака Кара-хана с мусульманкой родился Огуз-хан, познавший «истинного Бога», а затем отправившийся в «Страну мрака»[2*].

Сведения о крае отражены в китайской истории династии Юань. В монгольском «Сокровенном сказании» Приамурье, как часть

[1*] Прозвище ат-Табиб – врач. (1247, Хамадан – 1318, Тебриз) – учёный-энциклопедист, историк и государственный деятель. Происходил из еврейской семьи потомственных учёных и врачей. Принял ислам. Выдвинулся из катипов (писцов) при Газан-хане (1295–1304), а стал придворным врачом, затем занял пост визиря.

[2*] Фалина А.И. Рашид ад-Дин – врач и естествоиспытатель. Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования. // Ежегодник,1971. – М., 1974.

Монгольской империи, рассматривалось как зона терпимого отношения к различным мировоззрениям.

О первых мусульманах

В XVIII – первой половине XIX в. край оставался мало обжитым [1]. Постепенно Приамурье становилось частью Российской империи. С 1856 г. здесь располагались посты забайкальских казаков, среди которых, известно, были и мусульмане [2].

По данным Камчатского (с 1858 г. Благовещенского) епархиального управления Русской Православной Церкви в Приамурье среди местного населения были «маньчжуры и китайцы буддисткого и магометанского вероисповеданий, «инородцы» – шаманисты, раскольники и сектанты» [3]. Татары и башкиры (из Поволжья), уйгуры (из Китая) на рубеже XIX и XX вв. привлекались на строительство местного участка Транссибирской железнодорожной магистрали и на прииски в Сутаре. Не изучены духовные практики строивших Амурскую колёсную дорогу («Амурскую колесуху» / «Царский тракт») мусульман-каторжан, а православные, известно, окормлялись. Число осевших затем в этой местности приверженцев ислама из освоителей незначительно, но, возможно, с их участием в 1909 г. появилось с. Казанка.

В подразделениях противоборствующих сторон – красных и белых, проходивших через эту территорию во время Гражданской войны, участвовали люди различного происхождения. Так, при Отдельной Восточно-Сибирской армии, по примеру других национальных воинских частей (кавказских, бурятских, сербских) в феврале 1919 г. по приказу атамана Г.М. Семёнова была создана даже еврейская рота (впрочем, вскоре перешедшая на сторону красных).

В тот момент идентификация по этническому и конфессиональному признаку оказалась востребована, исходя из политических целей власти. Дело в том, что Г.М. Семёнов вынашивал план создания Лиги восточных народов, в которую должны были войти Монголия, Туркестан, Персия, Афганистан и Аравия, как не имеющие «своих правительств и зависимых» [4]. Атаман и Р.Ф. Унгерн-Штернберг обсуждали и идею создания «Срединного государства», охватывающего Забайкалье, Монголию, Синьцзян, Тибет, Казахстан, кочевников Сибири, а также бывшие среднеазиатские владения Российской империи. Очевидно, геополитические идеи имели сторонников в мусульманском мире –

представитель Хиджазского Аравийского Королевства подполковник Турецкого Генерального штаба М.А. Асланов в 1919 г. вручил Семёнову «мусульманский» орден и присвоил ему звание «защитника религии, науки и права» [5].

После «Ледового похода» части генерала В.О. Каппеля объединились с войсками Г.М. Семёнова и расположились в Забайкалье. Там оказалось 1900 башкир и 1172 татарина, решивших «Нельзя бежать без конца…». Был сформирован из добровольцев Казачий полк (350 штыков), где принадлежность к исламу одетых в общевойсковую форму подчёркивалась зелёным цветом башлыков, погон и канта, а также коллективным соблюдением обрядов и наличием военных имамов [6].

Участвовали мусульмане в одном из последних больших сражений Гражданской войны – в феврале 1922 г. под станцией Волочаевка в составе Волжской бригады[1*]. Поэтому местные старожилы считали, что над братской могилой погибших должен стоять не только православный крест:

– Конечно, поставить что-то надо, – соглашались. – Но только не крест.

– Почему же не крест? – спросил с удивлением.

– А православных там, поди, раз-два – и обчёлся. Все больше татары и башкиры разные. В общем, мусульмане. У Каппеля это они больше в солдатах были. Тут и полегли немало.

– А имена хоть какие-то известны?

– А кому были нужны их имена? Собрали всех – да в одну яму. И то ещё – полежали кучей. Зимой не схоронишь сразу. Пока землю отогрели... Ну и говорили про них тогда: «Нехристи да нехристи» [7].

На 2021 г. были известны братские могилы у станций Ин, Ольгохта, Бира, Облучье, Волочаевка, но не все имена погребённых там установлены.

В войсках красных и белых присутствовали также евреи, не все из которых открыто подчёркивали своё отношение к религии, а занимавшие виднейшие посты в органах советской власти демонстрировали негативное отношение к религии предков.

[1*] Она состояла из пришедших на Дальний Восток в составе колчаковских войск. Их полки так и назывались: Ижевский, Воткинский… Часть их затем перешла на сторону Народно-революционной армии и вернулась домой. Как раз их имена известны. Есть даже награждённые. Большинство из белых после поражения оказалось в Маньчжурии, откуда и приходили для организации повстанческого движения.

Миграция в последующее десятилетие в Дальневосточную республику (ДВР) была в основном плановая – для работы на промышленных предприятиях и на приисках. Она приводила сюда людей, воспитанных на религиозных традициях, а то и активно верующих. Но не было ни харизматичного лидера для их объединения, ни условий. К тому же находящийся вблизи государственной границы регион находился в зоне особого внимания. Поэтому размещение «социально опасного контингента» из бывших служителей культов (что в других регионах Дальнего Востока распространено) здесь запрещалось.

В 1930 г. настал этап большого социального эксперимента: в составе Дальневосточного края (на основе ДВР) образован Биро-Биджанский национальный район, который в 1934 г. получил статус Еврейской автономной области (ЕАО). От других автономий отличался уникальной ситуацией: он создан для переселения из европейской части страны евреев, которые (в 1939 г. – 17 695 человек)[1*] там заняли по численности второе место после русских [8].

На фоне укрепления общесоветской идентичности поддерживались программы этнического характера, тогда как религиозные мероприятия блокировались административными мерами и средствами политической пропаганды. И хотя соотношение этносов менялось, но конфронтации на основе различия происхождения и воззрений не отмечалось. Это совпало со временем активной борьбы партийных и советских органов с религией. Тогда никакая из неформальных конфессиональных групп и не помышляла о своём официальном признании. Духовная жизнь существовала на уровне семьи и в соблюдении некоторых общепризнаваемых традиций, например, в уважении пожилых единоверцев «этническими мусульманами» [9].

Возможно, что к евреям-переселенцам статистические органы отнесли и немногочисленных караимов, которые исповедовали караизм – синкретичную систему из элементов иудаизма, ислама и архаичных верований. Но эти конфессиональные особенности и практики не фиксировались, а караимы не выделялись в отдельную графу проводимой в 1939 г. в регионе Переписи [10].

В 1938 г. ЕАО вошла в состав Хабаровского края (там уже имелись общины мусульман), но это никак не отразилось на духовной

[1*] Составляло 16,2% от общей численности ЕАО. Это примерно соответствует современной доле мусульман в Государстве Израиль.

жизни области. Там насчитывалось 1364 человека (1,25% населения), исторически связанных с исламом, где 994 человека – татары. Кроме занятых в сельском хозяйстве и в промышленном производстве, татары служили на границе и в расквартированных здесь военных частях. Как и многие советские граждане, они оказались в числе репрессированных. Среди них старший лейтенант Х.Т. Насибулин из Усть-Сунгарийского укрепрайона и старшина из 101-го стрелкового полка З.К. Шамкаев. Им повезло: арестованные с предъявленной 58-й ст. были не согласны. В 1939 г. их освободили, а уголовные дела были прекращены «за недоказанностью обвинения». Эти два человека уже взрослели в советское время. Соответственно, были менее религиозны – в силу влияния на них политики воинствующего атеизма.

А вот представители старшего и среднего возраста везли с собою не только Кораны, но и традиции мест исхода. Развернувшееся преследование властью верующих и репрессии сковали инициативу – духовные практики (и не только мусульман) остались на уровне семьи. И всё же предполагаем, что произнесённые на иврите, русском, арабском молитвы позднее помогали ушедшим на фронт, как и оставшимся в тылу, выдержать испытания. Более 12 тыс. жителей области было призвано в армию, 7 тыс. из них погибли или пропали без вести. Свыше 10 тыс. уроженцев ЕАО награждены орденами и медалями за отвагу, мужество и героизм, проявленные на фронтах. Известно, что воевали на западном и восточном театрах военных действий медсестра М.З. Садриева, рядовые Г. Гибатулин, К. Кубенов, И. Хисматулов и др. [11].

О возрождении религиозного самосознания

Даже во время войны продолжалась политика репрессий, затронувшая и мусульман, в т. ч. лишь по происхождению. Таким мог быть переехавший из Ашхабада туркмен А.А. Гусейнов. Занимая должность директора 11-го кирпичного завода в Биробиджане, он, полагаем, был членом ВКП (б). По «политической статье» его приговорили в 1942 г. к высшей мере наказания, затем заменив десятью годами ИТЛ.

Под суд попадали и люди преклонного возраста, подобные осуждённому в 1942 г. 70-летнему сторожу из с. Смидович Х.З. Уланову, уроженцу Самарской губ. Трибунал судил военных (в 1943 г. получил 8 лет служивший в Степановке казах, красноармеец Д.

Абдрахманов) и гражданских (в 1946 г. столяр из пос. Известковый Х.-К.З. Галеев был приговорён к 10 годам ИТЛ) [12].

Изменение государственной политики по отношению к верующим на территории ЕАО коснулось лишь иудеев, которым в 1947 г. в Биробиджане разрешили открыть синагогу. Во многом, полагаем, это был политический шаг, поскольку доминирующие по численности православные храма или молитвенного дома не имели. Озабоченные начавшейся эмиграцией в Израиль, местные власти пошли на преподавание идиш и иврита, а в 1948 г.[1*] позволили работницам швейной фабрики не трудиться в Йом-Киппур. Подобных послаблений не имел никто из представителей иных конфессий.

Этническая конфигурация в Еврейской автономной области менялась, характеризуясь стремительным увеличением численности славянского населения и уменьшением еврейского. Динамику показывает прилагаемая таблица, составленная по результатам переписей населения:

этнос	1926	1934	1939	1959	1970	1979	1989	2002	2010
Русские			75 093 (68,9%)	127 281 (78,2%)	144 286 (83,7%)	158 765 (84,1%)	178 087 (83,2%)	171 697 (89,9%)	160 185 (92,7%)
Украинцы			9933 (9,1%)	14 425 (8,9%)	10 558 (6,1%)	11 870 (6,3%)	15 921 (7,4 %)	8483 (4,4%)	4871 (2,8%)
Евреи	11 (0,03%)	10 400 (19,54%	17 695 (16,2%)	14 269 (8,8%)	11 452 (6,6%)	10 163 (5,4%)	8887 (4,1%)	2327 (1,2)	1628 (1,0%)

В таблице не отражено количество тех, чьи предки исповедовали ислам. Но оно постепенно росло: в 1959 г. – 1544 (из них 1293 татарина), в 1970 г. – 1645 (1158 татар), в 1979 г. – 2334 (1456 татар). Впрочем, это никак не отражало реальное соотношение активно верующих, атеистов (научных и стихийных), живших в условиях господства одного мировоззрения – коммунистического.

Появление «мусульманского сегмента» на кладбище Биробиджана является свидетельством того, что хотя бы там исламская идентичность проявлялась. По рассказам старожилов джаназа-намаз совершали старики, которые, по возрасту уже не боялись наказания за проявление религиозности. О том, кто совершал обрезание мальчикам в мусульманских семьях неизвестно, а предположения слишком вольны.

[1*] Это был год наивысшей численности евреев в ЕАО – 48 тыс. человек.

Уполномоченный Совета по делам религий на основании наблюдений за внешне проявляемой религиозностью, сделал заключение: «населению Еврейской автономной обл. присущи общесоветские традиции и нравы» [13]. Между тем, с конца 1980-х гг. развернулся процесс возрождения религий, приведя к появлению и ЕАО групп верующих различного характера.

В стране шла реисламизация, но это не привело к рождению в ЕАО отдельной организации. Между тем, известно, что в 1989 г. татары (на Дальнем Востоке с XIX в. основные инициаторы создания общин и духовные лица) составляли там 0,7% населения. «Этнические мусульмане» мало проявляли себя, а под влиянием политики атеизма на уровне семьи по-прежнему сосредоточилось религиозное воспитание. Там отправлялись и многие обряды. Родившимся детям (в т. ч. в смешанных семьях) приглашённые «знающие люди» давали исламские имена, а с согласия родителей проводили суннат.

С 1990-х гг. вследствие миграционных процессов происходит изменение внутренней структуры регионального сообщества и выявление, до того скрытного, «исламского потенциала» [14]. При том, что в 2000-е гг. на 22% сократился его татаро-башкирский компонент (с 1384 до 994 человек) и получил развитие среднеазиатский (с 416 до 466 человек) и азербайджанский (с 594 до 655 человек) сегменты потенциальной (т. е. организационно неоформленной) уммы [15]. Именно недавние мигранты из Средней Азии и с Кавказа (это достаточно распространённая тенденция в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке) явились инициаторами появления первой группы единоверцев в г. Биробиджане. Это произошло в 2004 г.

Первоначально число единомышленников лидера – С.Х. Расулова[1*] – всего 8 человек [16]. На пятничные намазы, не имея возможности собраться в Биробиджане, они ездили в относительно недалёкий Хабаровск, где община была представительнее, и имелись люди хотя бы с начальной богословской подготовкой. Их среди

[1*] Расулов Саидрахмон Хайдарович – общественный и религиозный деятель. Родился 15 июня 1966 г. в Шахринарском р-не Таджикской ССР в семье имама. После окончания школы проходил службу в Советской армии. Окончил техникум в г. Душанбе. В 1993 г. переехал в г. Биробиджан, где занялся хлебобулочными изделиями. В 2004 г. стал одним из основателей МРО «Махалля ″Ахли Тарикат″». В 2009 г. утверждён в звании имам-хатыба, фактически выполняя не духовные, а хозяйственные и административные функции. Являлся одним из инициаторов строительства мечети в г. Биробиджане и членом Общественной палаты Еврейской АО. В 2016 г. по собственному желанию сложил полномочия имам-хатыба.

уроженцев Кавказа и Средней Азии было значительно больше, чем среди этнических мусульман из Поволжья, Урала, Сибири. Когда же число активно верующих (будущих прихожан) в областном центре достигло 50 человек, то намазы стали проходить в арендуемой квартире. Были организованы курсы для женщин и детей, что совпадало с общероссийской технологией реисламизации. Она проходила через знакомство с основными положениями вероучения и изучение арабского языка по редким учебным пособиям, аудио- и видеокассетам. Но из-за слабости лингвистической, методической и религиозной подготовки энтузиастов это не привело к «прорыву» в познании ислама и языка Корана.

Между тем количественные показатели уммы и её статус изменились. В 2007 г. Расулов предоставил под молитвенное помещение второй этаж хлебопекарни на ул. К. Маркса. На джума-намазы в то временное помещение приходило около 100 человек. В этом же здании работали магазин и кафе «Халяль», что привлекало потребителей и немусульманского происхождения.

Удовлетворяя просьбы верующих, власти предоставляли для праздничных молитв на Ураза- и Курбан-байрам стадион «Дружба», где собиралось до 800 человек, в т. ч. значительной части мигрантов, чьё пребывание в области всё же являлось незаконным. Не выделяясь, там совершали общий намаз представители суннизма и шиизма.

В 2009 г. мусульмане Биробиджана зарегистрировали МРО «Ахли Тарикат» в составе ЦДУМ. Её председателем и имам-хатыбом назначен Расулов, но службу вели другие люди. Позже, с учётом сложившейся ситуации приехавший представитель ЦДУМ Т.Г. Саматов назначил имам-хатыбом г. Биробиджана Т.М. Мамедова [17]. Общину в 2016 г. вместо Расулова возглавил предприниматель А.М. Касиров.

По неформальным правилам евреи занимали и занимают важные позиции в руководстве ЕАО, но негативного отношения к мусульманам никогда не высказывали, равно как руководители и священнослужители иудейской и христианских (православных, протестантских) общин. На равных они участвуют в работе Совета по вопросам гармонизации межнациональных и межконфессиональных отношений, информационного противодействия экстремизму и терроризму при губернаторе ЕАО [18].

Исходя из общей численности населения конфессиональная «палитра» многообразна: в 2008 г. имелось 18 организаций РПЦ, 2 –

иудейские, 18 – остальных (включая мусульманскую), протестантских (преимущественно относящихся к евангельским христианам-баптистам).

Между общинами противостояния и конфликтных ситуаций не отмечено. Отражая возросшую «плотность» межкультурных коммуникаций, многие из жителей области шутливо именуют себя «еврейцами». При этом все (в т. ч. мусульмане) уважительно относятся к представителям этноса, давшего название самобытному субъекту Российской Федерации. В школах области ведётся предмет «Основы религиозных культур и светской этики» (что включает «Основы православной культуры», «Основы буддийской культуры», «Основы иудейской культуры», «Основы мировых религиозных культур» и «Основы светской этики»), где не регламентируется число желающих изучать религиозную культуру предков или иное мировоззрение.

Со временем жизнь исламской общины становилась заметной в социальном поле, а в контрпродуктивных (протестных) акциях местные мусульмане не принимали участия. В 2012 г. администрация областного центра предоставила участок под строительство мечети на ул. Дзержинского [19]. В ещё строившемся (с участием таджикских мигрантов) здании в июле 2015 г. уже отметили Ураза-байрам [20].

Общее число представителей этносов, традиционно исповедовавших ислам (этнических мусульман), по данным переписи 2010 г. составляло в области 28 019 человек (15,8% населения) [21]. Сколько из них соблюдают требования религии – неизвестно, как и соотношение суннитов и шиитов. По словам верующих, представители обоих направлений совершают намаз вместе, а отличительные практики (например, зикра) там не проводились. Имеются кафе, где готовится халяль, для чего община выделила несколько человек.

Небольшие группы мусульман есть в Смидовическом, Облученском и Ленинском районах, которые собираются по частным домам. Умерших стараются хоронить по нормам шариата, ориентируясь на «знающих».

Отношения уммы с властью и другими стратами местного сообщества (включая представителей иного мировоззрения) толерантны, а ситуация в регионе отличается наибольшим расположением к другим этническим и конфессиональным группам [22]. В августе 2019 г. в присутствии многих их представителей

торжественно была открыта двухэтажная Соборная мечеть (с вместимостью в 800 человек) с пятью куполами: большой над главным залом и четыре декоративных. Имеется отдельный зал для женщин.

Иудеи и мусульмане в общем социальном пространстве

Положение до 1905–1906 гг. приверженцев ислама (терпимая религия) и иудаизма (нетерпимая) в Российской империи было приниженным – по сравнению со статусом сторонников третьей авраамической религии – христианства, и, особо – православия.

Не меняло ситуации и их совместное проживание в мало заселённых частях страны. Так, например, попытка генерал-губернатора Западной Сибири Г.-Х. Гасфорда в 1850-е гг. разрешить накопившиеся противоречия в системе управления территориями со значительным (и компактно расселённым) мусульманским населением, привела к любопытному сюжету. Он предложил изобрести для принявших российское подданство кочевников «…новую религию, приспособленную к условиям их жизни и соответствующую русским государственным интересам». Определяя в проекте догматы «новой религии», Гасфорд написал: «…нужно принять за их исходную точку ту религию, которая была старым заветом закона божия, а именно еврейскую, очистив её от талмудических толкований и реформировав в духе христианства, т. е. присоединив к заповедям и учениям Моисея многие догматы христианской религии». Николай I, более разносторонне образованный (имевший и квалифицированных советников), начертал резолюцию: «Религии не сочиняются, как статьи закона» [23].

Исповедовать веру предков – право каждого. Изменение исповедания (за исключением православия) до начала XX в. в Российской империи относили к серьёзным уголовным преступлениям. На современном этапе верить или оставаться атеистом признаётся правом человека, а в Российской Федерации это закреплено в Конституции. Как результат, в стране появляются мусульмане среди евреев, один из них даже является имамом.

На примере истории относительно небольшой уммы можно проанализировать процессы бытования религиозных традиций в регионе, где мусульмане долгое время себя открыто, не позиционировали. Но в течение всех лет сосуществования иудеев и мусульман на небольшом пространстве области, здесь не отмечено

фактов противостояния. Очевидно, повлияли историко-культурные особенности освоения Приамурья, отсутствие там политических и земельно-имущественных противоречий, влияние государственной идеологии и соответствующая профилактика (или нейтрализация) радикальных проявлений в советское и постсоветское время.

Активна позиция к противодействию экстремизму и терроризму подавляющего большинства верующих и их лидеров. В проповедях и на общественных мероприятиях духовные лица (в т. ч. приезжие) отмечали необходимость поддержания общегражданского мира, а сложившийся паритет интересов членов различных религиозных организации области укреплять. Это поддерживается на всех уровнях власти как, при общественных встречах, так и в личных контактах.

Сами прихожане, отвечая на социальную потребность, оказывают благотворительную помощь детским домам и пожилым независимо от происхождения.

В августе 2019 г. с участием ДУМ Дальнего Востока мусульмане Еврейской автономной обл. выступили инициаторами и организаторами Первого Дальневосточного межконфессионального форума «Территория Согласия». Это способствовало укреплению контактов с единоверцами других субъектов федерального округа, созданию новой диалоговой площадки с органами власти, светскими учёными и богословами, представителями других мировоззренческих позиций. Прошедшие обсуждения проблем устройства межконфессионального мира выявили их понимание лидерами и прихожанами мусульманской и иудейской общин ЕАО.

1. [Электронный ресурс] Еврейская автономная область. Режим доступа: http://www.dumrf.ru/regions/79/history (дата обращения 14 июня 2022 г.).
2. Смирнов Н.Н. Слово о забайкальских казаках: исторический очерк – хроника. – Волгоград, 1994. – С.378.
3. Еврейская автономная область: энциклопедический словарь / ДВО РАН. Ин-т комплекс. анализа регион. проблем, Правительство Евр. авт. обл.; [отв. ред.: В.С. Гуревич, Ф.Н. Рянский]. – Биробиджан; Хабаровск: Риотип, 1999. – 367 с. (С.59).
4. Семёнов Г.М. О себе (Воспоминания, мысли и выводы). – М., 1999. – С.30.
5. Откровения отца Филофея // В.В. Маркович. Три атамана. – М., 2003. – С.226.
6. Ярмуллин А.Ш. Институт полковых мулл в башкирских войсках в годы гражданской войны // Проблемы востоковедения. – Уфа, 2010. – № 3 (49). – С.76-81.
7. [Электронный ресурс] Ефименко Ю. Волочаевская сопка. Режим доступа: https://www.sovross.ru/articles/724/11917 (дата обращения 7 апреля 2021).
8. Историческая энциклопедия Сибири: [в 3 т.]. Т.1. – Новосибирск, 2009. – С.520-522.
9. Ярков А.П., Старостин А.Н. Ислам от Урала до Камчатки в панораме веков. – Тюмень, 2021. – С.248-251.

10. Лишь в 1970 г. было записано караимами 2 человека, а затем их не выявлено. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.languages-study.com/demography/birobijan.html. (дата обращения 7 апреля 2021).
11. Книга Памяти: Российская Федерация. Еврейская автономная область: док.-худож. ил. повествование / [сост. В.И. Панман; редкол.: Н.М. Волков (пред.) и др.]. – Биробиджан: [Б. и.], 1995. – 367 с.
12. Книга памяти жертв политических репрессий на территории Еврейской автономной области – Биробиджан: типография ООО «Окарина», Новосибирск, 2011. – 478 с.
13. Государственный архив Хабаровского края. Ф.1359. Оп.3. Д.49. Л.3.
14. Малашенко А.В., Старостин А.Н. Ислам на российском Дальнем Востоке // Россия в глобальной политике. – 2016. – № 4. – С.196-214.
15. Похожие процессы отмечаются почти во всех субъектах Уральского, Сибирского и Дальневосточного федерального округов. См.: Ярков А.П., Денисова Л.В., Морозов А.А. Социокультурные трансформации ислама в Сибири и на Дальнем Востоке на рубеже XX–XXI веков // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2017. – № 4. – С.72-76.
16. Интервью с Расуловым С.Х. г. Хабаровск, 5 июня 2015 г. / ПМА.
17. [Электронный ресурс]. Режим доступа: Хроника жизни мусульман Биробиджана. – http://www.alfurkan.ru/index.php?option=com_zoo&view=category &Itemid=112 (дата обращения 14 июня 2022 г.).
18. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.google.com/search?q=%D1%8D%D0%BA%D1%81%D1%82%D1%80%D0%B5%D0%BC%D0%B8%D0%B7%D0%BC+%D0%B2+%D0%B5%D0%B2%D1%80%D0%B5%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B9+%D0%B0%D0%B2%D1%82%D0%BE%D0%BD%D0%BE%D0%BC%D0%BD%D0%BE%D0%B9+%D0%BE%D0%B1%D0%BB%D0%B0%D1%81%D1%82%D0%B8&oq=%D1%8D%D0%BA%D1%81%D1%82%D1%80%D0%B5%D0%BC%D0%B8%D0%B7%D0%BC+%D0%B2+%D0%B5%D0%B2%D1%80%D0%B5%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B9&aqs=chrome.2.69i57j33i160l4.13476j1j4&sourceid=chrome&ie=UTF-8 (дата обращения 14.06.2022).
19. Средства на её строительство собирались со всего ДвФО. См.: [Электронный ресурс] Религиозной организации «Махалля Ахли Тарикат» в Биробиджане исполнилось три года. – Режим доступа: http://www.dumrf.ru/regions/79/interview/3446 (дата обращения 14.06.2022).
20. [Электронный ресурс] Строительство первой в истории области Соборной мечети завершается в ЕАО. Режим доступа: http://eaomedia.ru /news/society/26.03.2015/428519/ stroitelstvo-pervoy-v-istorii-oblasti-sobornoy-mecheti-zavershaetsya-v-eao.html (дата обращения 07.04.2021).
21. [Электронный ресурс] Данные о численности населения ЕАО по итогам переписей населения. Режим доступа: http://demoscope.ru/weekly/ssp/census. php?cy=5 (дата обращения 07.04.2021).
22. Максимова С.Г., Морковкина А.Г., Максимова М.М. Особенности этнической идентичности в приграничных регионах России // Этнокультурные и этносоциальные процессы в трансграничном пространстве России и Центральной Азии: материалы Международной научной конференции. – Барнаул, 2016. – С.45.
23. Из истории казахов: научно-популярный сборник / сост. С. Ешмухаметов, С. Жакеев. – Алматы, 1999. – С.185-186.

Берман Е.А.

Организация еврейских некрополей в Сибири в XIX–XX вв.

К концу XIX в. (по сведениям переписи 1897 г.) в многонациональной и этноконфессиональной России проживало 5 млн 200 тыс. евреев, и это количество человек составляло 4,15% от общего населения империи. При этом 93,8% евреев проживало в черте постоянной еврейской оседлости и лишь 6,2% – за ее пределами, в т. ч. в Санкт-Петербурге, Москве, Киеве, Западной и Восточной Сибири.

Благодаря своей общинной замкнутости и устойчивости к ассимиляции, попадая на новые места проживания и оказываясь вдали от своих основных религиозных центров, евреи в первую очередь налаживали этноконфессиональную общинную структуру. Это происходило вне зависимости от того, получалось ли у них до этого официально зарегистрировать общину. Основополагающими элементами такой общинной структуры служило наличие миньяна[1*], молельного дома, раввина и собственного изолированного от других конфессий кладбища. Таким образом, на протяжении долгой истории еврейской диаспоры организация собственного некрополя являлась одной из важных этнокультурных составляющих жизни любой еврейской общины, показателем ее жизнеспособности и признания властями [1].

Поскольку чаще всего образование общины и приобретение участка под некрополь происходили одновременно, историю некоторых некрополей можно рассматривать как исток истории общины. Однако кладбища, возникшие уже при существующей общине, также несут как об общине в целом, так и об отдельных ее членах большое количество важнейшей этнокультурной информации, которая чаще всего недоступна из других исторических источников. Исследования еврейских общин последних десятилетий показали, что в случае утраты сведений об общинах в архивах наличие сохранившегося кладбища является единственным источником о евреях данного региона.

К концу XIX в. еврейское население Сибири достигло практически 35 000 человек и составляло значительную часть населения многих сибирских городов (от 6 до 15%). К этому времени в большинстве городов еврейские общины уже имели официально зарегистрированный статус, а главные социальные структуры многих сибирских общин – синагоги (в основном деревянные) и кладбища – сложились за

[1*] Миньян – десять религиозно совершеннолетних мужчин (достигших 13 лет) для совершения коллективной молитвы.

долго до их официальной регистрации. В начале XX в. многие общины были уже настолько богаты, что могли себе позволить возводить просторные каменные синагоги, строительство которых в Российской империи было не только вопросом финансирования, но и разрешением от властей, которого было нелегко добиться [2].

Еврейские кладбища стали появляться в сибирских городах с начала XIX в.: кладбище в Тобольске было создано в 1813 г., в Красноярске – в 1824 г., в Ачинске, в Баргузине и в Иркутске они предположительно существовали уже в 1830-е гг. Надгробия этого времени на кладбищах Сибири не сохранились. Это связано с разрушением многих кладбищ в советский период, а также с тем, что большинство надгробий того времени выполнялись из дерева. Самые ранние сохранившиеся надгробия датируются 1874 г. на кладбище в Красноярске и 1875 г. на кладбище в Тобольске.

Сохранившиеся надгробия 1870–1890-х гг. повторяют традиционную форму еврейских надгробий Восточной Европы и представляют собой каменные полукруглые стелы. Иногда эти стелы встроены в невысокие кирпичные сооружения без окон и дверей, которые также были распространены во многих местах Восточной Европы. Большинство каменных стел в Сибири не имеют орнамента, как и большая часть надгробий в Литве и Белоруссии. В тех случаях, когда орнамент присутствует, он сходен с традиционными мотивами на надгробиях Украины и Молдовы [3].

В последнем десятилетии XIX в. и двух первых десятилетиях XX в. на еврейских кладбищах Сибири возводят надгробия в форме деревьев с обрубленными ветвями, обелисков, саркофагов и аналоев с раскрытой книгой. Подобные формы «кладбищенской моды» также были заимствованы у общин в европейской части России как в черте оседлости, так и за ее пределами, где они становятся популярными во второй половине XIX в. на могилах ассимилированных зажиточных евреев. В Красноярске, Петровском Заводе, Верхнеудинске сохранились чугунные надгробия, а в Баргузине и с. Бальзино – металлические плиты, вмурованные в каменное надгробие. Использование металла для надгробий было несвойственно общинам черты оседлости и других западных регионов, и стало следствием близости к металлоплавильным заводам [4].

Отдельное внимание необходимо уделить форме и языку эпитафии на надгробии, общим для всех сибирских еврейских кладбищ. Повсеместно к традиционной эпитафии на иврите добавлялась эпи-

тафия на русском языке. Двуязычные эпитафии появляются в Сибири раньше, чем в западной части России, а к началу XX в. количество слов в эпитафии на русском языке становятся равнозначными количеству слов на иврите. Наличие, практически на всех дореволюционных надгробиях, эпитафий на иврите показывает, что в каждом сибирском городе были люди, способные такие эпитафии составить и выбить на камне. В Канске и Баргузине, например, некоторые эпитафии на иврите были рифмованными или содержали акростихи, и это значит, что автор эпитафии владел ивритом на высоком уровне. Еще одним важным индикатором изменений являлось включение фамилии и возраста усопшего в эпитафию на иврите, которая традиционно содержала лишь имя похороненного, имя его (ее) отца и дату смерти.

В черте оседлости эпитафии на русском языке на надгробиях наиболее модернизированных евреев также появились во второй половине XIX в., однако появление в традиционном тексте на иврите фамилии распространилось лишь с начала XX в., а во многих небольших местечках – только в 1930-е. Анализ надгробий на сибирских еврейских кладбищах показывает, что погружение в русскую среду способствовало быстрой аккультурации, выражавшейся как во включении фамилии и возраста усопшего в эпитафию на иврите, так и в довольно раннем появлении русских эпитафий. Процесс же распространения памятников «нетрадиционных» форм не отличался в Сибири, в общинах вне черты оседлости и среди модернизированных евреев черты [5].

С началом Первой мировой войны, революций 1917 г., гражданской войны 1917–1922 гг. и последующего установления в Сибири советской власти начались новые социокультурные процессы. Многие, к этому времени уже потомственные, сибирские евреи эмигрировали за границу, спасаясь от коммунистического правления. На их место в Сибирь прибыли новые евреи бывшей черты оседлости (их миграция в Сибирь началась с началом Первой мировой войны). Следующим притоком евреев в Сибирь стала сталинская политика индустриализации 1930-х гг., которая превратила некоторые сибирские города в крупные промышленные центры, а Биробиджанский р-н на советско-китайской границе был провозглашен в 1928 г. Еврейской автономной областью и там поселилось значительное количество евреев, в т. ч., чтобы заниматься сельским хозяйством.

Новый приток евреев в Сибирь произошел в 1940-х гг. После присоединения Советским Союзом в 1939–1940 гг. территорий Западной

Украины, Западной Белоруссии, Молдавии, Литвы и Латвии десятки тысяч «буржуазных» евреев были сосланы советскими властями в различные отдаленные регионы, включая Сибирь. С началом войны между фашистской Германией и СССР, в июне 1941 г., беженцы прибывали из оккупированных районов, а также из регионов, которым грозит аналогичная участь, например, Москвы и Ленинграда. Таким образом, в XX в. еврейское население Сибири резко изменилось: большая часть потомственного еврейского населения Сибири эмигрировало в Харбин, США, страны Латинской Америки и Палестину, а на их месте в крупных сибирских городах поселились евреи черты бывшей постоянной еврейской оседлости и присоединенных территорий (до революции 1917 г. также входивших в границы этой черты) [4].

С образованием СССР, советские власти начали проводить жесткую антирелигиозную политику, которая коснулась и Сибири. За антирелигиозной пропагандой 1920-х гг., в 1930-х гг. последовало закрытие большинства культовых учреждений различных вероисповеданий (синагог, мечетей и церквей), а их постройки, ранее уже национализированные советской властью, использовались для других целей. Большинство старых еврейских кладбищ в советской период также постигла печальная участь – многие кладбища были снесены (аналогично христианским и мусульманским), но еврейские участки были выделены на новых муниципальных кладбищах.

Отражение миграционных и политических процессов XX в. можно проследить и по тому, как менялась организация кладбища, по его надгробиям и его эпитафиям.

Кладбище в Томске. В конце XIX в. в Томске проживала еврейская община численностью 3000 человек (6,4% от его общей численности населения). В это время в Томске было три синагоги, еврейское кладбище и многочисленные еврейские учреждения. Старое кладбище было снесено в 1951 г., но общине была выделена часть муниципального кладбища. Самые ранние надгробия на нем датируются 1942 г. и представляют могилы еврейских солдат, умерших в военных госпиталях во время ВОВ. На большинстве этих могил были только оловянные таблички, которые со временем исчезли. Многие надгробия 1950-х гг. имеют эпитафии на иврите и еврейские символы. Они отмечают могилы евреев, сосланных в Сибирь с территорий, присоединенных Советским Союзом в 1940 г., в т. ч. из Литвы, Бессарабии (Молдовы) и Буковины.

Кладбище в Мариинске. В конце XIX в. Мариинск был быстро развивающимся городом, обслуживающим близлежащие золотые прииски. Постепенно, ссыльные еврейские каторжники превратились в купцов. В 1908 г. евреи составляли 10% всего населения Мариинска и 76% мариинских купцов. Старое еврейское кладбище Мариинска не сохранилось. Еврейские захоронения середины XX в. находятся посреди нееврейских могил на христианском кладбище, расположенном в лесу. На многих надгробиях 1940–1960-х гг. изображены звезда Давида и первые две буквы традиционной еврейской эпитафии пей и нун. В соответствии с переписью 2010 г. евреев в Мариинске не осталось [4].

Кладбище в Красноярске. Еврейский квартал в Красноярске существовал с самого начала XIX в., к концу XIX в. в Красноярске было 1100 евреев. Деревянная синагога Красноярска, известная по многочисленным старинным фотографиям, была демонтирована в 1970-х гг., а старое еврейское кладбище г. Красноярска, основанное в 1870-х гг., хорошо сохранилась. На нем установлено несколько основных типов надгробий. Часть из них представляют собой надгробия традиционной формы, с еврейскими эпитафиями, украшенными традиционными изображениями львов, птиц, корон, благословение коэнов, менорот и субботние свечи. Другие надгробия имеют вид сложных конструкций, сочетающих в себе традиционные еврейские особенности с местными сибирскими обычаями. Многие надгробия советского период также несут еврейскую символику (в основном изображение звезды Давида), в то время как другие не имеют знаков, указывающих на еврейскую национальность умершего.

Кладбище в Канске. Деревянная синагога в Канске, была построена в 1895 г. и до настоящего времени не сохранилась. Еврейская часть местного кладбища находится в запущенном состоянии. Самое впечатляющее надгробие на кладбище – памятник Исааку Шепшелевичу 1900 г.: каменный постамент, украшенный Скрижалями Закона и увенчан черной мраморной колонной. Мотив Скрижалей Завет часто встречается на дореволюционных надгробиях на Канском кладбище. Среди надгробий советского периода много с эпитафий на иврите и изображений звезд Давида [5].

Кладбище в Бабушкине (Мысовске). В начале XX в. Мысовск был ближайшей железнодорожной станцией от Иркутска к русско-монгольской границе на южном берегу Байкала (280 км) и поэтому

быстро развивалась. Евреи сыграли заметную роль в этом росте и к 1915 г. составляли около 20% населения города.

Деревянная синагога Мысовска и кладбище не сохранились. В 2010 г. заведующая местной библиотекой Таисия Черных обнаружила в воспоминаниях выходца из Мысовска Владимира Ротта (Торонто, Канада) забытую всеми еврейскую историю Мысовска. В 2014 г. на месте разграбленного кладбища, ей, при поддержке В. Ротта, удалось создать мемориал «Шалом». Кроме возведения мемориала, благодаря энтузиастам и волонтерам были найдены и возвращены на кладбище перемещенные надгробия, переведены с иврита эпитафии, установлены границы кладбища и имена захороненных когда-то на нем евреев.

Кладбище в Кабанске. Синагога в Кабанске не сохранилась, а на месте бывшего еврейского кладбища уцелело несколько остатков еврейских надгробий. Как и повсеместно в Сибири, они имеют эпитафии на иврите и русском языке, свидетельствующие и о приверженность еврейской традиции, и о аккультурации в российском обществе [5].

Кладбище в Баргузине. Евреи появились в г. Баргузин в 1830-х гг., в 1897 г. еврейское население города составило 33% от общего количества, а купцы-евреи составляли около 80% всего купеческого сословия. С 1927 г. г. Баргузин преобразован в село. Все, что осталось от общины – еврейская секция на местном кладбище. Сохранились богатые надгробия с традиционными эпитафиями на иврите. Некоторые надгробия производились в Иркутске. Еврейское кладбище и некоторые еврейские культовые предметы сохранились благодаря усилиям местной учительницы Татьяны Филлиповой, заведующей школьным музеем, которая вместе со школьниками взял на себя инициативу по сохранению кладбища и описанию всех существующих могилы.

Кладбище в Петровске-Забайкальском. К концу XIX в. город имел значительное еврейское население. Синагога была построена в 1911 г. Сегодня в здании находится местное отделение налоговой полиции. На месте старого еврейского кладбища сохранились несколько десятков надгробий. Почти все они несут эпитафии на иврите и традиционные изображения животных – львы и олени.

Старинные кладбища в Ачинске, Улан-Удэ (Верхнеудинске), не сохранились, в Чите от него осталась только одна надгробная плита. На месте этих кладбищ располагается современная городская застройка, а еврейские участки на больших муниципальных кладбищах не представляют ни исторического, ни художественного интереса – в

типичных советских надгробиях мало что отражает еврейскую национальность умершего [4].

Еврейские кладбища в Иркутске. За 200 лет проживания евреев в Иркутске на территории города существовало четыре еврейских некрополя. В 1820–1830-е гг., когда евреи уже жили в городе, а община еще не сформировалась, евреев хоронили на католическом кладбище общегородского Иерусалимского некрополя, основанного еще в 1772 г. Практика выкупать часть католического участка под еврейские захоронения, сложилась в Европе еще до вхождения территорий Речи Посполитой в состав Российской империи [6].

Специально отведенная для еврейских захоронений территория появилась в городе в конце 1830-х гг. – генерал-губернатор Восточной Сибири Вильгельм Яковлевич Руперт приказал отвести на указанном выше католическом кладбище небольшое пространство для еврейских захоронений. Этот участок стал первым еврейским кладбищем, и на нем хоронили до 1873 г. В 1893 г., через 20 лет после закрытия первого кладбища-участка, еврейская община получила разрешение из Иркутской городской управы его огородить. В начале 1910-х гг. в ходе его обследования представители еврейской общины установили, что самое старое из надгробий относится к 1836 г. Факт обследования кладбища был занесен в соответствующие протоколы, а в дальнейшем отражен в книге В. Войтинского и А. Горнштейна «Евреи в Иркутске» [2].

Второе еврейское кладбище располагалось в другой части того же Иерусалимского некрополя и было создано в конце 1860-х – начале 1870-х гг. С момента основания оно было обнесено каменным забором протяженностью 218 м и высотой 2,7 м. В 1890-х гг. весь Иерусалимский некрополь официально был закрыт, но отдельные захоронения производились на нем еще около 20 лет. В 1930-х гг. древнейшая часть Иерусалимского некрополя была разрушена, а на его территории была построена парашютная вышка. Было уничтожено и самое раннее еврейское кладбище, а гранитные надгробия с него использовались в отделочных работах при строительстве новых зданий города. В 1957 г. Иерусалимское кладбище было уничтожено окончательно и на его месте открыли Центральный парк культуры и отдыха имени 40-летия Великой Октябрьской Социалистической революции [7].

В 1896 г. еврейская община подала в Иркутскую городскую управу прошение об отводе участка земли под новое, третье по счету, кладбище. В конце 1898 г., после окончания составления плана г. Ир-

кутска, общине был отведен самый верхний участок в северо-восточный части нового Амурского некрополя, который располагался слева от Амурского тракта (дороги на Байкал) за городской чертой. Самое верхнее расположение еврейского участка удовлетворило и христианские, и еврейскую общину, т. к. христианам такое высокое расположение было неудобно, а для евреев это наоборот была важнейшая составляющая при организации любого нового кладбища [8].

К весне 1900 г. была произведена расчистка местности и планировка расположения участков, все кладбище было окопано рвом и работы по организации некрополя были окончены. Также при кладбище был сооружен дом с оградой для Погребального братства и надворными постройками для мастерской по изготовлению надгробий. Все расходы по благоустройству были проведены на личные средства старосты Погребального братства – Леонтия Иосифовича Герзони. В 1907 г. на средства купца 1-й гильдии Исая Матвеевича Файнберга вокруг кладбища была возведена каменная ограда в память о его сыне, убитом в тюрьме во время революции 1905 г. До начала 1960-х гг. кладбище называлось Новым, а после его закрытия за ним закрепилось название Старое еврейское кладбище – так его называют и в настоящее время [9].

Под четвертое – Ново-Ленинское – еврейское кладбище место было отведено в 1962 г. Оно вошло в состав общегородского Ново-Ленинского некрополя, включающего в себя также отдельные православное и мусульманское (татарское) кладбища. Как и предыдущее, оно занимало самый высокий участок некрополя. Первое захоронение прошло здесь в 1963 г. Данное кладбище является действующим до сих пор [10].

Еврейские общины формировались на территории Восточной Сибири в течение всего XIX в. Анализ сохранившихся кладбищ этих общин конца XIX – середины XX вв. дает возможным сделать вывод об их полной преемственности общей погребальной культуры иудаизма, поскольку и по организации изолированного от других конфессий кладбища, и по форме надгробий, и по структуре эпитафии прослеживается их значительное сходство с некрополями Восточной Европы. Несмотря на то, что сибирские кладбища можно считать традиционными еврейскими некрополями, у них есть некоторые характерные отличия от кладбищ черты. Они заключаются в более раннем дополнении традиционной эпитафии на иврите текстом на русском языке и более позднем появлений модернизированных надгробий.

Самым крупным еврейским кладбищем, сохранившимся на территории Сибири, является Амурский еврейский некрополь г. Иркутска, поскольку и самой крупной еврейской общиной второй половины XIX – и всего XX в. в Сибири считалась иркутская община.

1. Березин А. Сибирский миф в еврейской истории: евреи Сибири как религиозная группа / А. Березин, В. Левин // Judaic-Slavic Journal. – 2021. – № 1 (5): История сибирского еврейства. – С.17–67. DOI: https://doi.org/10.31168/2658-3364.2021.1.03.
2. Войтинский В.С. Евреи в Иркутске / В.С. Войтинский, А.Я. Горнштейн. – Иркутск: Типо-Литография П.И. Макушина и В.М. Посохина, 1915. – 394 с.
3. Ульянова О.С. Особенности погребения умерших как фактор сохранения национальной культуры еврейской общины (на материалах по Томску второй половины XIX – начала XX столетия) / О.С. Ульянова // Вестник Томского государственного университета. – 2014. – № 388. – С.94-97. – DOI: https://doi.org/10.17223/15617793/388/15.
4. The Bezalel Narkiss Index of Jewish Art. The Center for Jewish Art. 216041, 24104 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://cja.huji.ac.il/search.php?submited=submited&free_text=Siberia+cemetery (дата обращения 14.04.2022).
5. The Center for Jewish Art. The Hebrew University of Jerusalem [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://cja.huji.ac.il/ (дата обращения 14.04.2022).
6. Мокеев Н. Иркутское Иерусалимское кладбище / Н. Мокеев // Сибирский архив. – 1912. – № 12. – С.927-928.
7. Гаращенко А.Н. Иркутский исторический некрополь: Иерусалимское кладбище / А.Н. Гаращенко. – Иркутск: ООО НПФ «Земля Иркутская»; Оттиск, 2016. – 464 с.
8. Попова Р.В. К изучению истории еврейской части Амурского кладбища / Р.В. Попова // Иркутский мемориал: исследования и реконструкция: Материалы научно-практической конференции. – Иркутск: Оттиск, 2014. – С.99-113.
9. Берман Е.А. Еврейские некрополи г. Иркутска как важнейший фактор этнокультурной идентичности на групповом уровне / Е.А. Берман // Этнокультурная идентичность: феноменология и вариативность в контекстах истории XIX–XXI веков: Материалы XIX Международных Санкт-Петербургских этнографических чтений. – СПб.: Изд-во ИПЦ СПГУТД, 2020. – С.142-146.
10. Берман Е.А. Амурский еврейский некрополь как этнокультурная составляющая жизни еврейской общины г. Иркутска первой половины XX в. / Е.А. Берман, Е.Г. Павлова // Известия Лаборатории древних технологий. – 2020. – Т.16. – № 4. – С.114-128. DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-4-114-128.

Крутова Н.В.

Еврейская энциклопедия Ильи Ефрона

***Коротко из биографии**: Илья Абрамович Ефрон (1847–1917) потомственный почетный гражданин г. Санкт-Петербурга, коммерции советник, купец 1 гильдии. Родился в религиозной еврейской семье г. Вильно. На рубеже XIX–XX вв. стал одним из известных российских книгоиздателей, возглавивший издательство «Брокгауз и Ефрон».*

Место рождения Ильи Ефрона – г. Вильно, административный центр Виленской губ., с 1840 г. входивший в состав Российской империи. Благодаря многочисленной и влиятельной еврейской общине, город называли «северным Иерусалимом». Он издавна отличался многонациональным населением: поляки, русские, белорусы, литовцы и евреи.

Первые официальные сведения о появлении евреев в Вильно относятся к XIV в., в XV в. здесь сформировался еврейский квартал с постоянно живущей общиной. К XVIII в. еврейская община Вильно насчитывает около 5 тыс. человек. К концу XIX в. в городе существовали еврейские учебные заведения, работали пять синагог, детский приют «Виленская талмуд-тора», еврейская богадельня, госпиталь. По итогам Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. в Вильно проживало более 154 тыс. человек, из которых евреи составляли 40%, или более 61 тыс. Постепенно Вильно становится центром духовной и интеллектуальной жизни всех евреев Европы, попасть сюда, а тем более жить здесь, считалось большой удачей [1].

Илья Ефрон вытянул счастливый билет, появившись на свет именно в этом городе. По материнской линии он состоял в родственной связи с религиозным философом, выдающимся духовным авторитетом ортодоксального еврейства – Элиаху бен Шломо-Залманом (1720–1797), известным, как Виленский Гаон. Дед по отцовской линии Гешель Эльяхович Ефрон (1797–1867) − купец второй гильдии, раввин небольшого еврейского местечка Ивенец Минского уезда.

Отец Ильи Ефрона – Абрам Гешелевич Ефрон (1820–1904) уроженец г. Вильно, потомок ивенецких раввинов. Будучи Охтинским купцом первой гильдии, много и часто разъезжал по коммерческим делам, что не мешало ему свободное от торговли время посвящать еврейской науке.

В 1882 г. произошло важное событие в семье Абрама Ефрона. Манифестом Александра III он, как купец первой гильдии, успешно занимающийся лесной промышленностью, был удостоен звания «потомственный почетный гражданин».

«*Манифест*

Мы, Александр Третий, Император И Самодержец Российский, Царь Польский, Великий Князь Финляндский и прочая...

[...] Охтинский первой гильдии купец Авраам Евсеев Ефрон доказал право на потомственное почетное гражданство: то, возведя оного, Охтинского первой гильдии купца Авраама Евсеева Ефрона с женою его Софьей Тимофеевной и детьми, сыновьями: Ильей, Иоилем, Ио-

акимом, Исааком, Густавом, Иосифом, Евсеем и Маврикием и дочерью девицей Бертою Авраамовыми, в сословие почетного гражданства, Всемилостивейше повелеваем пользоваться как ему, так и потомкам его, всеми правами и преимуществами Манифестом сему сословию дарованными

Дана в Санктпетербурге 1882 г.» [2].

В семье Абрама и Таубы Ефронов родилось одиннадцать детей. Илья, будущий книгоиздатель, был первенцем, родившись в 1847 г. Его назвали в честь прославленного деда, Виленского гаона Элияху бен Шломо Залмана.

«Свидетельство

Дано сие мною Виленским раввином в том, у Виленского ныне СПетербургского 1-й гильдии купца Авраама Евсеевича Ефрона, от законной жены по первому браку Таубы Хацкелевны, двадцать восьмого ноября тысяча восемьсот сорок седьмого года родился в г. Вильно сын, коему при совершении над ним обряда обрезания дано имя Илья, – о чем записано в метрической книге о родившихся евреях по г. Вильно на 1847 г. под № 651… Виленский раввин» [2].

По традиции в еврейских семьях детям старались дать лучшее образование. По окончании гимназии Илья Ефрон отправляется в Варшаву. Здесь он обучается в Варшавской Главной школе и получает хорошее образование.

Учитывая историю семьи, Илье предписано было стать талмудистом, либо пойти по стопам отца, деда и заняться коммерцией. Он выбрал второе.

Местом своей жизни он избирает столичный Санкт-Петербург. К тому времени еврейское население Санкт-Петербурга было невелико, тем не менее, здесь существовал так называемый «еврейский квартал», где проживало большинство членов еврейской общины города.

Илья Ефрон приезжает в столицу ориентировочно в конце 70-х гг. XIX в. В 1880 г. он становится совладельцем небольшой Семеновской типографии «Штернберг и К», а через шесть лет единоличным ее собственником.

Одновременно с работой в Семеновской типографии Ефрон занимался предпринимательской деятельностью в железнодорожной сфере, являясь одним из видных акционеров Ириновско-Шлиссельбургского промышленного общества. Типографское дело требовало больших капиталовложений, а «железная дорога» несомненно, способствовала их увеличению.

В конце 1880-х гг. произошло знаковое событие в жизни Ильи Ефрона. Он знакомится с С.А. Венгеровым (1855–1920), работавшим также в управлении Либаво-Роменской железной дороги, а в будущем посвятивший себя историко-литературной и библиографической деятельности. Эта встреча стала решающей в судьбе будущего книгоиздателя.

По совету и настоятельной рекомендации Венгерова, Илья Абрамович оставил «железную дорогу» и всецело посвятил себя новому делу, а именно книгоиздательской деятельности.

Без сомнения, имя Ефрона, по большей части, связывают с изданием Энциклопедического словаря (1890–1907), незаслуженно забывая его прямую причастность к изданию Еврейской энциклопедии.

В 1907 г. в Санкт-Петербурге при ближайшем участии барона Д.Г. Гинцбурга открылось Общество для научных еврейских изданий, ставившее перед собой цель – «*... издавать и распространять научные труды на русском и других языках по истории, культуре и жизни еврейского народа*». И уже через год, в 1908 г. вышел в свет первый том Еврейской энциклопедии. В качестве издателей значились «Общество для Научных Еврейских Изданий и Издательство Брокгауз–Ефрон». Это была первая в Российской империи подобная тематическая энциклопедия.

Сегодня полезно вспомнить, что в 1906–1908 гг. идея еврейской энциклопедии на русском языке не находила активной поддержки. Сведения об этом содержатся в последнем томе энциклопедии, в статье «Энциклопедия». Ее интонацию радостной не назовешь: «*Дело было начато при неблагоприятных внешних условиях. Передовые круги еврейской интеллигенции… проявляли индифферентное отношение к культурным задачам энциклопедии. Кроме того, предшествовавшие неудачные попытки издать энциклопедию вызывали сомнение, будет ли настоящее издание доведено до конца. Но всё же постепенно общественный интерес к настоящему изданию стал нарастать. Еврейская печать в общем относилась к изданию неблагожелательно; напротив того, общерусская пресса с удовлетворением констатировала выход новых книг. Со своей стороны, редакция «Еврейской энциклопедии», вполне сознавая слабые стороны издания, считала, что и при изъянах, неизбежных во всяком громадном коллективном труде, «Еврейская энциклопедия» выполняет культурную задачу. Пусть «Еврейская энциклопедия», проникнутая единым желанием – способствовать развитию самосознания евреев в России, послужит памятником коллективного труда, посвященного духовным потребностям еврейского народа».*

В её основу положена изданная в Нью-Йорке в 1901–1906 гг. первая еврейская энциклопедия на английском языке «Jewish Encyclopedia». Одним из редакторов энциклопедии был барон Гинцбург − российский востоковед, гебраист, арабист, писатель и председатель еврейской общины Санкт-Петербурга. Благодаря его поддержке, моральной и материальной, осуществление этого «проекта» стало возможным.

Энциклопедия включала 16 томов и выходила в течение пяти лет с 1908 по 1913 гг. Общее количество статей – 21 017.

Полное название издания – *Еврейская энциклопедия. Свод знаний о евреействе и его культуре в прошлом и настоящем*. Первый том вышел под общей редакцией доктора А. Гаркави и доктора Л. Каценельсона. В работе над Еврейской энциклопедией принимали участие виднейшие представители российской иудаики, гебраистики и востоковедения: А. Гаркави, Д. Гинцбург, Ю. Гессен, С. Дубнов, И. Маркон, Н. Переферкович.

Отличительной особенностью Еврейской энциклопедии Ефрона стали значительные дополнения из истории России, столь необходимые в русском издании. В предисловии читаем: «*Редакция русского издания сочла нужным внести поправки и дополнения..., разработала отделы, касающиеся истории евреев в Польше, Литве и России...».*

Еврейская энциклопедия выходила в двух изданиях, о чем сообщалось на титуле книги: «*Одно издание на обыкновенной бумаге в прочном переплете, цена 60 р. Другое издание на веленевой бумаге в роскошном кожаном переплете, цена 100 р.» [3].*

В советское время Еврейская энциклопедия не переиздавалась. Лишь в 1991 г. издательством «Терра» было осуществлено репринтное издание Еврейской энциклопедии.

Из огромного перечня выпущенных книжных изданий, Еврейская энциклопедия Ильи Ефрона, еврея по рождению, была знаковой работой, которая не утратила своей актуальности и в XXI в.

1. [Электронный ресурс] Российская еврейская энциклопедия. Режим доступа: https://www.rujen.ru (дата обращения 24.06.2022).

2. Из семейного архива В. Ефрон (Швеция, г. Стокгольм).

3. [Электронный ресурс] Еврейская энциклопедия: Свод знаний о евреействе и его культуре в прошлом и настоящем. Т.5. – Санкт-Петербург, 1908–1913. Режим доступа: https://ru.wikisource.org/wiki/Еврейская_энциклопедия_Брокгауза_и_Ефрона (дата обращения 24.06.2022).



Ландсман Кадыш Файвишевич
(1852–1931)



Ландсман Фейге
(1874–1952)



Ландсман Мойша (Миша)
(1907–1981)



Бленд (Ландсман) Рахиль (Роха-Лея)
(1900–1955)

URL: Фейге Ландсман (1874-1952) - Genealogy (geni.com)
К сообщению Гельфанда М.И. «Одиссея людей, достойных своей эпохи»



Чешницкий Исай Иосифович,
г. Ялуторовск, 1914 г.
Личный архив автора.
К сообщению Медведевой-Нату О.Р.
«Лишенец. Личная история»



Фальк-Сегаль Лев Хононович
ГАПО. Ф.719. Оп.1. Д.635.127. Л.334.
К сообщению Кубик Н.А.
«Л.Х. Фальк-Сегаль – представитель еврейской национальной элиты»



Иткинд Исаак Яковлевич, г. Алматы, 1962 г.
URL:https://yandex.kz/imager/search
К сообщению Брусиловской Е.Ф.
«Ван Гог от скульптуры»



Работа Иткинда И.Я.,
«Старик», 1934 г., дерево
ГМИ РК им. А. Кастеева



Боруховские Абрам, Михаил, Мария, Арон, г. Москва, 1940 г.



Боруховский Арон
и его жена Эсфирь (Фира),
с. Долговка, 1949 г.



Боруховские Арон, Фира, дочь Алла,
с. Долговка Касулинского района,
Курганской области, 1950 г.

URL:http://booknik.ru/yesterday/memories/boruhovsky1/?ysclid=lac732hts5491568629
К сообщению Бароховской Л.С.
«Нет ничего более важного в жизни, чем знание своих истоков»



Семья Шток:
сын Толик, Штурман Роза, дочь Дора, г. Харьков, 1940 г.



Штурман Дора Моисеевна, пос. Кфар-Йона (Израиль), 18 октября 2010 г.
Автор съемки Будорагина Т. (дочь Доры Моисеевны).
URL:https://ru.wikipedia.org/wiki
К сообщению Проскурина В.Н. «Юным оком помнит город ненароком...»



Глебова Т.
«Мазанка и верблюд»
1943 г. Бумага, акварель.
ГМИ РК им. А. Кастеева



Аксельрод М.
«Яны-Курган. Вечер»
1943 г. Бумага, гуашь.
Фото из личного архива Сырлыбаевой Г.Н.



Аксельрод М.
«Сумерки. Яны-Курган»
1943 г. Бумага, гуашь.
Фото из личного архива Сырлыбаевой Г.Н.



Каптерев В.
«На хозяйственном дворе»
1943 г. Холст, масло.
ГМИ РК им. А. Кастеева

К сообщению Сырлыбаевой Г.Н.
«Яны-Курган в жизни и творчестве эвакуированных художников»



Левина (Кадацкая) Елена,
г. Ялта, 1935 г.



Левина Франя Яковлевна,
г. Фрунзе, 1944 г.





Левин Петр Яковлевич,
г. Киев, 1950 г.



Кадацкий Митя,
г. Киев, 1950 г.

Левин Яков Григорьевич (Лейбович),
г. Ялта, 1949 г.

Фото из личного архива автора.
К сообщению Левина Д.А. «Сюжеты из жизни в эвакуации семьи киевлян Левиных»



Лукьянчиков Александр Ефимович (в центре с гармошкой),
Германия, 12 августа 1945 г.



Лукьянчиков Евгений Григорьевич с другом Виктором,
г. Константиновка, 29 декабря 1946 г.

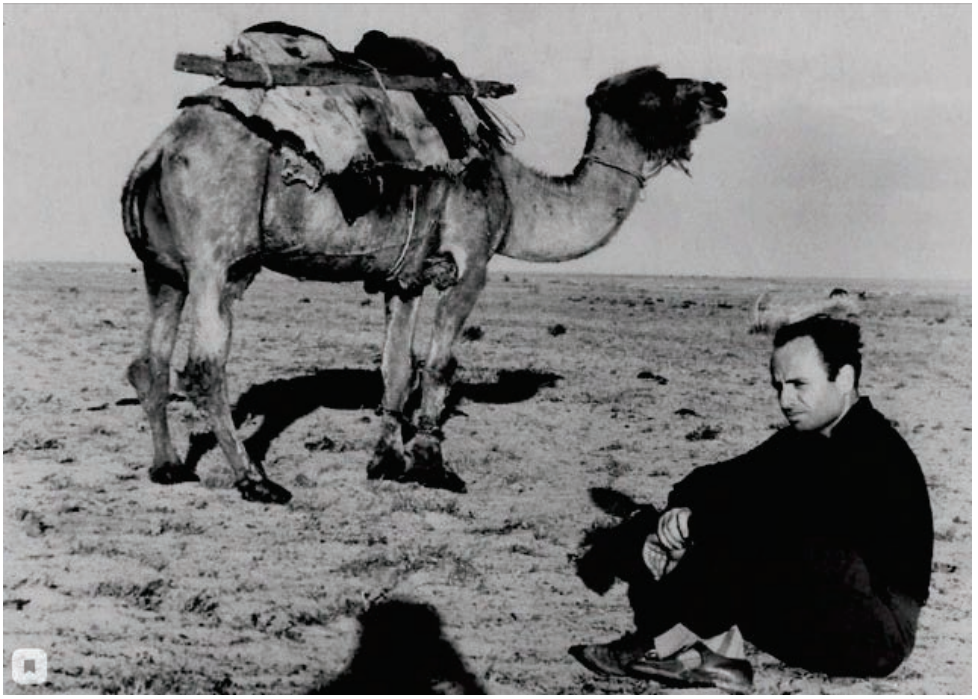
Фото из личного архива автора.
К сообщению Щёголевой Л.М. «Война коснулась моих родных»



Слева направо:
Генис Д.Е, врач-паразитолог,
Чун С.Ф., заведующий
инфекционным отделением,
Захир [??], фельдшер,
Кзыл-Ординская областная больница
[1959–1960-е гг]



Давид Генис
с медсестрами студентками



Давид Генис. «40 лет в пустынях Казахстана», 1956 г.
URL:https://yandex.kz/images/search
К сообщению Койфмана М.З. «В пустыне красных песков...»



Цукасова Вера (Дэбора) Вульфовна, г. Кокшетау, 1980 г.
Фото из личного архива Цукасовой В.В.



Хайкин Григорий Израилевич с супругой Науменко Ангелиной Ивановной,
г. Вайден (Германия), 2010 г.
Стихи разных лет. Памяти Григория Хайкина - Вайден, 2010. – 23 с.
К сообщению Ермекбая Ж.А. «Кокшетауские врачи: истории и судьбы»



Мошкевич В.С. с родителями.
Мошкевич Соломон Маркович (1887–1979) и Славинер Мария Яковлевна (1902–1977),
г. Харьков или г. Алма-Ата, 1963 г.



Мошкевич В.С. с сотрудниками отделения
аллергологии больницы «Калкаман»,
г. Алматы, 2000 г.



Мошкевич В.С.
Лечебный диагностический центр,
г. Алматы, 2007 г.

Фото из личного архива Мошкевич М.В.
К сообщению Мошкевич М.В. «Жить для людей»

Зальцман Г.И.,
участник 1-го республиканского
совещания врачей-психиатров
Казахстана, г. Кзыл-Орда,
январь 1953 г.





Памятная доска на Кафедре психиатрии и наркологии Казахского национального медицинского университета им С.Д. Асфендиярова, г. Алматы, 2010 г.



Слева направо: муж внучки Тимур Веремеенко, дочь Ирина Зальцман, правнуки Глеб, Игорь, Ева, внук Григорий Зальцман, внучка Полина Краснова, сын Илья Зальцман, г. Алматы, декабрь 2021 г.

Фото из личного архива семьи Зальцман.
К сообщению Красновой П.В., Зальцман И.Г. «Врач Психиатр»



Розенцвайг Владимир Евсеевич,
г. Алматы, 1951 г.
Фото из личного архива семьи Розенцвайг.
К сообщению Розенцвайга А.В.
«Век криминалиста»



Гонопольский Маркс Хаимович,
г. Алматы, 1985 г.
Фото из личного архива
Гонопольского И.М.
К сообщению Синицкой С.В.,
Гонопольского И.М.
«Судьба испытывала и награждала…»



Померанцев Юрий Борисович,
г. Алматы, 2019 г.
Фото из музея Национального
театра русской драмы им. М. Лермонтова.
К сообщению Рериха В.А.
«Взамен турусов и колёс. ЮрБор»



Каральник Борис Вольфович,
г. Алматы, 2021 г.
Автор фото Старыгина Н.
К сообщению Арцишевского А.А.,
Старыгиной Н.В. «Борис Вольфович
Каральник человек привитый»

Морис Симашко, г. Алматы,1954 г.
К сообщению Черненко-Шамис Р.М.
«Эпизоды ускользающего времени»





Материалы международных литературных чтений, посвященных творчеству Народного писателя Казахстана М. Симашко, г. Алматы, 2021–2022 гг.



Оргкомитет международных литературных чтений.
Слева направо: Старыгина Н.В., Барон А.И., Брусиловская Е.Ф., Головинский А.Ф., Ауэзов М.М., Ананьева С.В., Сулейменов О., Арцишевский А.А., Габдуллин Б., Толмачев В.Г., Чугайнова И.А., г. Алматы, 18 марта 2022 г.
Фото из архива О.Ю.Л. Ассоциации «Мицва»



Открытие конференции, г. Алматы, 20 сентября 2022 г.



Кайрат Алимгазинов,
доктор исторических наук,
заместитель директора
Архива Президента РК

Александр Барон,
председатель Совета О.Ю.Л.
Ассоциации «Мицва»



Илья Альтман,
вице-президент
Международного фонда
«Холокост»

Евгения Чиликова,
снс Архива Президента РК

Александр Барон,
Председатель Совета О.Ю.Л.
Ассоциации «Мицва»

Каштелюк Ю.И.

140 лет непрерывного развития: страницы истории евреев Алматы

Евреи на территории Семиречья в Средние века

Появление евреев на территории Юго-Восточного, Южного Казахстана и Кыргызстана датируется VIII–XII вв. Как правило, это были негоцианты, лекари, толмачи. Вместе с караванами они передвигались по ответвлению Великого шелкового пути, пролегавшему через вышеуказанные регионы. Их услуги были востребованы, т. к. транспортные артерии обусловили формирование городской культуры. Рост населения способствовал развитию образования, торговли, ремесел, сельского хозяйства и животноводства. Среди евреев были мастера, владевшие технологиями производства и окраски текстиля, что было выгодным делом во всей Центральной Азии времен Средневековья. Кроме того, владение арамейским, персидским, арабским, испанским языками открывали им пути к преподаванию и переводческой деятельности. Услуги грамотных людей были важны при обустройстве библиотек, написании писем и документов.

Развитие поселений вдоль Великого шелкового пути для народов раннего Средневековья, в т. ч. и для евреев, открывало перспективы для животноводства. В частности, выгодным делом было разведение породы боевых лошадей с последующей продажей владыкам Азии и Африки. Современные киргизские археологи обнаружили наскальные изображения коней в г. Арабат около Оша. Гора, у подножья которой расположен город, называется горой Сулеймана (Соломона). В XVII в. жители Оша построили величественный мавзолей Асафу Ибн-Беркии, еврею-левиту, самому богатому коневоду и торговцу лошадьми в тех краях.

О пребывании евреев в Средние века на территории современного Казахстана также свидетельствует рукописный свиток Торы, который был найден в районе современного Туркестана в ходе археологических раскопок.

Текст написан на выделанной коже. Длина рукописи составляет 26 м 14,5 см, а ширина – 60,8 см. Кожаный рулон общей площадью примерно 57–93 см был перешит кетгутом, 30 кожаных рулонов перемотаны сыромятной веревкой и, несмотря на то, что местами были повреждены влагой, хорошо сохранились.

Сегодня этот раритет находится на хранении в Центральном государственном музее РК.

В результате развития морских торговых путей, других геополитических и геоэкономических факторов к XVI в. большинство маршрутов Великого шелкового пути прекратили свое существование. Впрочем, локальные сегменты Шелкового пути продолжали еще долго функционировать (например, караванная торговля между Центральной Азией и Китаем прекратилась лишь в XVIII в.). С локализацией караванных маршрутов и упадком городской культуры прекратили существование и еврейские общины в средневековых городах.

Первые упоминания о евреях на территории Семиречья в XIX в.

Еврейская община Алматы ведет свое непрерывное существование на протяжении 140 лет. Основы современной еврейской общины Алматы были заложены в 1880-х гг. XIX в. Между тем евреи в регионе появились еще в 1860-х гг. В тот период г. Верный (именно так в дореволюционные времена назывался Алматы) активно развивался. Из военного укрепления на границе с Китаем Верный превращался в крупный урбанистический центр региона. В 1867 г. Верный стал центром Семиреченской обл. Тому способствовало переселенческое движение в Российской империи. В город Верный переезжали жители разных регионов, в частности крестьяне из центральных регионов России (Воронежской, Орловской, Курской губерний), Урала и Южной Сибири, имевшие возможность на новом месте жительства получить земельные наделы.

В числе переселенцев были и торговцы с ремесленниками, для которых рост населения становился благоприятной почвой для развития собственного дела. Представители разных этносов, в т. ч. и евреи, они обосновывались в центре Семиреченской обл. В частности, евреи упоминаются в «Очерках Семиреченского края» Л. Костенко, опубликованных в военном сборнике 1872 г.:

«Кроме того, Верный населяют татары, живущие в отдельной слободе; сарты, пришельцы из других городов Туркестанского округа (Аулие-Ата, Чимкент, Ташкент), из кокандских и кашгарских владений; калмыки, пришедшие из Кульжи после китайского погрома 1864 г.; они большей частью приняли христианство. В Верном употребляются, преимущественно как чернорабочая сила, китайцы, приходящие сюда из Небесной империи по торговым делам. Наконец, евреи тоже живут торговлею».

Между тем с 1860-х по начало 1870-х пребывание евреев в регионе носило единичный характер. Фактором, препятствующим переселению евреев в перспективный для развития торговли и ремесел регион, была так называемая черта оседлости. Она была введена еще во времена Екатерины II, с 1791 г., после Второго раздела Речи Посполитой. Тогда ее восточные территории вместе с местным еврейским населением отошли к Российской империи. Черта оседлости охватывала специально оговоренные населенные пункты городского типа – местечки (в сельской местности проживание не дозволялось) значительной части Царства Польского, Литвы, Белоруссии, Бессарабии, Латгалии, которая была частью Витебской губ., а сейчас – Латвии, а также части территории современной Украины. Согласно законодательству Российской империи, вплоть до 1917 г. евреям запрещалось покидать границы черты оседлости.

Между тем были и исключения. Так, в разные исторические периоды вне черты оседлости разрешалось проживать купцам первой гильдии, лицам с высшим образованием, отслужившим рекрутам, ремесленникам, приписанным к ремесленным цехам, караимам, горским и бухарским евреям.

В связи с этим полиции Верного, равно как и других регионов Российской империи, были даны четкие указания по контролю за проживающими в регионе евреями и проверке их разрешительных документов.

Создание еврейской общины города Верного во второй половине XIX в.

Первыми постоянными жителями г. Верного еврейского происхождения стали бывшие солдаты, отслужившие срок воинской повинности в фортификационных укреплениях на территории Сибири. Выйдя в отставку, они решили обустроиться в активно развивающемся центре Семиреченской обл. В качестве примера для них служили крестьяне из региона их службы – Южной Сибири, активно осваивавшие юго-восточную часть современного Казахстана.

Закон позволял бывшим рекрутам селиться вне черты оседлости, а потому они обустроились в г. Верном и вернулись к своим исконным специальностям, в частности к обувному, портняжному делу, производству мебели, торговле. Наряду с ними в регион приезжали медики, купцы, мастеровые, нотариусы еврейского происхождения, также обладавшие правом жительства вне черты оседлости.

По данным учета населения Верного и Верненского уезда в соответствии с вероисповеданием в 1879 г. еврейское население города составлял 81 человек, в уезде жило 6 человек.

Из переписки чиновников Семиреченского областного правления известно, что в 1882 г. в городе существовал еврейский молельный дом, а с 1884 г. в центре Семиреченской обл. была обустроена стационарная синагога. Она размещалась на пересечении улиц Пишпекской и Кульджинской. Синагога представляла собой комплекс из нескольких одноэтажных деревянных сооружений. Они включали молельный зал, хедер (начальную еврейскую школу), кухню – помещение для кошерного приготовления пищи, жилое помещение для раввина, его семьи, а также путников, прибывавших в общину, подсобные помещения.

Здание синагоги представляло собой типично верненскую постройку – в новорусском стиле с присущими ему изразцами на фасаде и внушительными наличниками.

В своем романе «Хранитель древностей» писатель Юрий Домбровский так описывал подобную архитектуру: «…крепкая, как орех, русская изба с резными подоконниками и широкими воротами».

К слову, спустя почти 100 лет после открытия синагоги на пересечении Пишпекской и Кульджинской примерно на этом же месте начал работу современный центр еврейской общины Республики Казахстан – О.Ю.Л Ассоциация «Мицва» (Макатаева, 88). А о том, что на пересечении этих улиц в дореволюционные времена размещалась синагога, стало известно позже.

История сохранила имя первого раввина верненской общины. Им был Шломо Рейтборт. На привычный манер члены общины звали его по имени и отчеству – Соломоном Израилевичем. Раввин обладал представительной внешностью, благородным и сильным голосом, что позволяло ему успешно выполнять функции хазана (кантора) – ведущего молитв.

Известно, что раввин владел рядом важных для существования общины навыков – был резником (мясником), моэлем (специалистом, совершавшим обрезание), меламедом (учителем начальных классов еврейской школы). Наряду с этим Шломо Рейтборт курировал работу похоронной службы (Хевра кадиша).

В синагоге отмечались все еврейские праздники и даты. В их числе еженедельный праздник Шаббат, цикл осенних праздников, включая иудейский Новый год Рош а-Шана, весенний праздник Песах, по-

священный исходу евреев из египетского рабства. К празднику Песах регулярно организовывалась выпечка ритуального хлеба – мацы, которая традиционно служит одним из главных атрибутов праздничного стола.

Согласно еврейской традиции община уделяла большое внимание благотворительности, поддержке больных, нуждающихся. В общине следили, чтобы дети получали образование и знакомились с еврейской традицией, древнееврейским языком, на котором написана Тора, и языком повседневного общения – идиш. Синагога существовала на взносы членов общины, а также разовые пожертвования (цдака). При синагоге работал бухгалтер, выбранный правлением синагоги. Он вел финансовые дела общины.

Община стремилась вести дела в полном соответствии с законами Российской империи. Об этом свидетельствует составленный в октябре 1906 г. проект инструкции «О деятельности и обязанности правления синагоги», дошедший до нашего времени и хранящийся в фонде № 44 «Семиреченское областное правление» Центрального государственного архива РК.

В соответствующем прошении на имя господина полицмейстера города Верного, подписанном 22 наиболее уважаемыми членами общины, говорилось: *«С разрешения начальства в г. Верном существует около 25 лет синагога, управляемая лицами, избранными из нашей среды на неопределенное время без всяких прав и полномочий, действуя лишь по собственному усмотрению во всех делах синагоги; такой образ правления не всегда благоприятно отзывался на делах синагоги».*

Далее сообщалось о выработке проектов инструкции, еще ряда положений, регулирующих деятельность общины в соответствии с действующим в стране законодательством и функционирующими в регионе постановлениями местной думы.

Дошедший до адресата проект имел противоположный эффект. Он стал поводом для того, чтобы полицмейстер города инициировал проверку деятельности как общинных структур, включая синагогу, так и членов общины. В частности, проверялось право членов общины на жительство вне черты оседлости, организовывалась ревизия их деятельности. В результате проект так и не был принят.

На своем месте синагога просуществовала вплоть до первых лет советского периода, потом же здание было реквизировано для городских нужд, в нем размещались различные организации. Синагога бы-

ла вынуждена искать новое помещение. В разные годы, вплоть до лета 1997 г., когда в Алматы была открыта новая синагога, еврейский молельный дом размещался в нижней части города. Он несколько раз менял свое местоположение, при этом городская география оставалась прежней – исторический район Больше-Алматинской станицы (примерно на пересечении нынешнего проспекта Райымбека с проспектом Суюнбая).

Шломо Рейтборт оставался раввином общины вплоть до своего ухода из жизни в 1936 г.

Известные верненцы еврейского происхождения.

Благодаря сохранившимся списками членов правления синагоги от 1908 г. можно сформировать представление о сфере деятельности некоторых членов общины, их вкладе в развитие Верного.

В 1908 г. было зарегистрировано Верненское еврейское молитвенное общество. Первого старосту звали Симха Абрамович Аронович.

В числе почетных членов общины были владелец завода безалкогольных напитков Гирш Гамбург, владелец мебельной мастерской Миха-Лейб Бленд, производитель и торговец сбруей Хаим Лапатухин.

Широко известным в городе человеком был окулист и педиатр, доктор медицины, статский советник, видный общественный деятель Верного конца XIX – начала XX в. Лев Николаевич Фидлер [1].

Бесплатная глазная лечебница попечительства императрицы Марии Александровны, где практиковал Фидлер, была открыта 9 апреля 1896 г. Штат состоял всего из 4 человек, в т. ч. двух врачей. Наряду с Фидлером это был Ф.Ф. Гуминский.

Поскольку медицинская служба находилась в зачаточном состоянии, доктор лечил не только глаза, но и все болезни, причем весьма успешно. Число людей, обращавшихся за помощью, постоянно росло. В 1903 г. число пациентов составило 1991, в т. ч. иногородних 557 человек. Число приемов превысило 13 500 в год.

Клиника была настолько известна, что ее описал Мухтар Ауэзов в романе-эпопее «Путь Абая». Эпизод романа, посвященный клинике и доктору Фидлеру, происходит в сентябре 1894 – феврале 1895 г. Один из сыновей Абая – Абдирахман (Абиш) – по окончании Михайловского военного училища был направлен на службу в центр Семиреченской обл. – Верный. Однако по прибытии в город он заболел чахоткой.

Вот что писал Мухтар Ауэзов: «Лазарет Алматы был, пожалуй, единственным государственным заведением, которым по праву мог гордиться этот небольшой уездный город. Здесь на протяженной лощине у подножия величавых гор, среди густых садов и плоских бахчей, стояли лишь низкие, в большинстве своем небогатые дома. На окраине, у подола горы, и располагался этот лазарет с его многочисленными постройками… Вот уже 15 лет он (Фидлер) врачевал в этом маленьком городе, поднимая на ноги старых и молодых, мужчин и женщин. Были и случаи, когда он вырывал людей прямо из рук смерти, вылечивая, казалось бы, безнадежно больных. Здесь, в глуши, катастрофически не хватало эскулапов разного профиля, поэтому Фидлеру пришлось практиковать лечение почти всех болезней».

Здание, в котором предположительно размещалась клиника, располагалась на пересечении Казначейской и Губернаторской улицах. Одноэтажное деревянное сооружение дошло до нашего времени существенно перестроенным.

Упоминая врачей – членов общины нельзя не отметить доктора Израиля (Александра) Рязанского. Сосланный в г. Верный за революционную деятельность, он был в числе основателей верненской больницы Красного Креста (ныне БСНП – больница скорой неотложной помощи). До сегодняшнего дня сохранились одноэтажные здания – бывшие больничные корпуса, где работал Рязанский. Они расположены напротив современного здания больницы скорой неотложной помощи в районе нынешних улиц Казыбек би, Амангельды, Масанчи и Байтурсынова.

Замечательный вклад в развитие города внесла фотографическая династия Лейбиных [2]. Ее основателем был переселенец из Томской губ. фотограф Соломон Лейбин, сделавший в Семипалатинске легендарный снимок Федора Достоевского и Чокана Валиханова.

В 1873 г. семья основала фотосалон в Верном. Его возглавил сын Соломона Лейбина – Абрам.

Первая городская фотография носила название «типолито-графия». Она располагалась на углу улиц Колпаковского и Гоголя. Ссылаясь на старожилов города, доктор исторических наук, краевед Владимир Проскурин описал атмосферу фотосалона: «После полудня в салоне Лейбина начиналось оживление. На фоне незатейливого пейзажа или семейного быта, изображенных на заднике, перед объективом камеры творилось таинство. Снимались на века молодые хозяйки в ярких сарафанах и сафьяновых полусапожках, старые казаки

на льготе при полном параде, малые дети, обязательно с игрушкой, кошечкой или собачкой, бородатые мужчины, что чертили, рассчитывали и строили город Верный».

Лейбины стали настоящими летописцами края, они не только снимали горожан, но и создали серию открыток, посвященных Верному и его окрестностям.

Работы верненских фотомастеров Лейбиных увидел Старый и Новый Свет благодаря появлению в конце XIX столетия «открытого письма» Павла Лейбина. Это, прежде всего, достопримечательности гор Алатау, Прииссыккулья, Кульджинского края. Почтовые открытки фирмы «Лейбин и сыновья» со штампом Всемирного почтового союза встречаются во многих коллекционных развалах Европы и по сей день.

Деятельность Абрама Лейбина высоко оценили власти: в 1896 и 1903 гг. он был «пожалован государем-императором» серебряной и золотой медалями.

Пошедший по стопам отца Павел (Файвиш) Лейбин впервые снял город с высоты птичьего полета (с аэроплана).

Несмотря на благожелательное отношение губернатора Герасима Алексеевича Колпаковского и его преемников, известность и достаток, Абрам Соломонович чувствовал себя на склоне лет глубоко несчастным человеком и даже решил уехать из Верного. Причиной тому были катастрофические землетрясения 1887 и 1910 гг. Особенно пострадала от них жена Абрама Лейбина, оставшаяся после первого землетрясения со сломанной ногой. После второго землетрясения она и вовсе заболела и впала в депрессию. Заболела и жена сына, Павла. Врачи порекомендовали ей срочно покинуть «гиблое место». Решение оставить Верный далось Лейбину нелегко. «Семиречье – вторая моя родина, с этим городом соединены все мои успехи в жизни, мои лучшие воспоминания, мои лучшие связи с людьми. Мне больно разрывать с Семиречьем, но и мучительно здесь оставаться», – писал старый фотограф военному губернатору Семиреченской обл. Обращение к главе местной администрации содержало лишь одну просьбу – ходатайствовать перед министерством внутренних дел о предоставлении семье Лейбиных права повсеместного проживания вне черты оседлости. Нежелание переезжать туда фотограф мотивировал отсутствием связей с еврейской общиной западных районов: «Вся моя жизнь по моему укладу русская, переселиться в чуждую мне жизнь еврейской черты оседлости – это значит сделаться изгнанником». Гу-

бернатор внял просьбе, его резолюция на прошении гласила: «Согласен ходатайствовать. Надо отметить, что Лейбин более других заслуживает внимания к себе». Однако МВД признало ходатайство «не подлежащем удовлетворению за отсутствием к тому законных оснований» [3]. Судьба династии Лейбиных в Верном (Алматы) прослеживается на протяжении почти 130 лет. Внучка Абрама Соломоновича О.Л. Лейбина-Федорова дожила в Алматы до наших дней.

Наряду с представителями династии Лейбиных в Алматы вплоть до 1990-х гг. проживали представители семьи Бленд. Так, 1989 г. они входили в число инициаторов создания еврейского культурного центра «Шалом», представитель семьи Александр Бленд организовал в культурном центре курсы иврита и сам выступил преподавателем. В начале 1990-х семья Бленд переехала на постоянное место жительство в Израиль.

Верненцы, члены еврейской общины, были широко интегрированы в городскую жизнь.

Так, доктор Фидлер участвовал во многих благих начинаниях. Он был известен как жертвователь и попечитель многих благотворительных обществ. Например, в 1879 г. он безвозмездно передал в дар мужской гимназии собранную им за многие годы коллекцию птиц, насекомых, минералов, растений. Фидлер выступил членом-учредителем Семиреченского отдела Русского географического общества.

Также был благотворителем и Абрам Лейбин, жертвовавший средства на развитие детского приюта.

Таким обзором, члены общины не только были в числе горожан, зарождавших в городе производства, торговлю, ремесла, медицину, но и стояли у основ института благотворительности. Наряду с этим они оставались верными еврейской традиции, развивая общину, участвуя в проведении еврейских праздников, регулярно перечисляя средства в фонд синагоги.

Дальнейшее развитие общины

В настоящее время история алма-атинской синагоги периода 1930–1940-х гг. изучена мало – исследования в этом направлении только начинаются. Однако доподлинно известно, что религиозная община существовала все эти годы.

В статье «Семья Коган (Из истории становления профессионального музыкального искусства Казахстана)», представленной на X Международной исторической научно-практической конференции

«История. Память. Люди» (Алматы, 23 сентября 2020 г.) представители музыкальной династии Елена Шалкова и Евгений Бычков упоминают синагогу военного времени в контексте рассказа о старшем поколении своей семьи: «Последние годы жизни Бенциона и Миндли Коган (дедушки и бабушки – прим. Ю. К.) прошли в небольшом домике на ул. Новосельской (ныне Колпаковского) – тогда это была почти окраина Алма-Аты. Неподалеку, на ул. Ташкентской, в маленьком доме располагалась синагога, которую Бенцион Давыдович регулярно посещал. Известно, что в эту синагогу еще в военные годы часто заходили видные деятели искусств из эвакуированных – говорят, например, что там видели Сергея Эйзенштейна, снимавшего в те годы в Алма-Ате «Ивана Грозного»… Не исключено, что так или иначе в этой синагоге пересекались многие…».

«Я помню большой сундук в одной из трех крохотных комнаток на Новосельской, из которого дед доставал мацу, – вспоминает Евгений Бычков, – мы ее очень любили, хотя не имели ни малейшего представления, с чем связаны эти вкусные сухие лепешки».

Вот как описывала прихожан того периода Хана Шнеерсон, жена сосланного в Казахстан раввина Леви-Ицхака Шнеерсона: «Большинство были люди в возрасте, семейные. Те, у кого были дети, иногда приходили вместе с ними. И это в то время, когда советская власть уделяла много внимания молодежи, а особенно детям, с целью удержать их в сфере своего влияния и не допустить, чтобы они воспитывались в традициях отцов».

Таким образом, созданные в XIX в. и развитые в последующие периоды общинные институты в 1940-е гг. стали центром морального противостояния тяготам войны, местом, где члены общины могли чувствовать свою связь с духовными корнями.

В послевоенные годы община продолжила существование. В размещавшейся по адресу Ташкентская, 1а, синагоге велись службы, проводился обряд обрезания, к празднику Песах пекли мацу, работала ритуальная служба (Хевра кадиша). Ежегодно община выпускала еврейский календарь, позволявший следить за праздничными и знаковыми датами иудейского календаря.

В настоящее время ключевыми общинными институтами в Алматы являются О.Ю.Л. Ассоциация «Мицва», Республиканское еврейское благотворительное общественное объединение «ЦЕНТР ЗАБОТА – ХЭСЭД ПОЛИНА», еврейское этнокультурное объединение «Шалом» (Макатаева, 88); синагога – Еврейская религиозная община

(Райымбека, 206е). Вышеуказанные структуры входят в Ассамблею народа Казахстана.

В числе проектов О.Ю.Л. Ассоциация «Мицва» – общинный детский сад, воскресная школа, семейный и подростковый клубы, проекты для старшего поколения «Золотой возраст», «Дневной центр», «Давай подключимся» (онлайн-проект), курсы иврита и еврейской традиции, патронажная служба, Международная историческая научно-практическая конференция «История. Память. Люди», Международные литературные чтения, посвященные творчеству народного писателя Казахстана Мориса Симашко. При Ассоциации «Мицва» действует Республиканская еврейская библиотека им. Мориса Симашко. Еврейская община является постоянным участником Съезда лидеров мировых и традиционных религий.

Резюме

а) Первые евреи появились на территории Семиречья (современного Алматы, Алматинской и Жетысуской областей) в период существования Великого шелкового пути, однако с распадом городской культуры перестали функционировать и еврейские общины.

б) Стационарная еврейская община Алматы была основана в 1870-х гг. XIX в. Основателями общины стали солдаты, отслужившие в воинских подразделениях на территории Сибири. Наряду с ними в Верном обустроились нотариусы, врачи, мастера фотографического дела еврейского происхождения. Верненская синагога была основана в 1884 г. С развитием общины евреи города были благотворителями, активно участвовали в жизни города.

в) После революции 1917 г. община продолжила существование, сохранив свои институты. Между тем синагога была вынуждена переехать в более скромное здание на территории Большой станицы.

г) Созданные в XIX в. и продолжившие свою деятельность институты еврейской общины смогли создать в годы Великой Отечественной войны основу для помощи беженцам еврейского происхождения. Поддержка была как духовной (изучение традиции), так и материальной (еда, жилье).

д) В послевоенное время община продолжила свое существование. В синагоге велись молитвы, работали общинные институты.

е) В период Независимости РК общинная жизнь вышла на качественно новый уровень. Действуют проекты, охватывающие все возраста, проводится обручение традиции и языку иврит. Наряду с этим изучается казахский язык.

ж) Архивные данные позволяют судить о том, что еврейская община Алматы ведет непрерывное существование на протяжении 140 лет.

1. [Электронный ресурс] «Об Алматы в литературе и искусстве. Назаров Алоис Верный и верненцы в романе-эпопее «Путь Абая». Режим доступа: Верный и верненцы в романе-эпопее «Путь Абая» (alnaz.ru) (дата обращения 07.11.2022).
2. [Электронный ресурс]. Режим доступа: Казахстаника. Персоналии. Краеведческие очерки В.Н.Проскурина - Дайджест прессы - Каталог статей - Персональный сайт Владимира Проскурина (ucoz.kz) (дата обращения 07.11.2022).
3. ЦГА РК. Ф.44. Оп.1. Д.35–32. Л.19.

Гельфанд М.И.

Одиссея людей, достойных своей эпохи

«...Ночь сухая, летняя, в воздухе стоит запах остывающего южного города: смесь навоза, преющих фруктов, свежей травы.

Заходило солнце. На горизонте, будто выплыв из-под закатного светила, появилась маленькая точка – кривая повозка. Приземистая и неуклюжая, она двигалась медленно, еле-еле. Тащили ее два быка, исхудавших и мокрых. Повозка то и дело переваливалась из стороны в сторону, как старая гусыня, и угрожала перевернуться, однако, на удивление, упрямо продолжала свой путь.

В сумерках угадывались силуэты двух людей – мужчины и женщины. Мужчина управлял быками, а женщина сидела на тюках с вещами, держа на руках сверток с младенцем. Ребенок закричал, мать крепче прижала его к себе».

С этих слов начинается роман «И горы смотрят сверху», вышедший в 2021 г. в московском издательстве АСТ.[1*] Эта книга – попытка воссоздать давно ушедший мир, в котором жили верненские евреи в начале XX в. […]

Во время работы над книгой я погрузилась в архивы, воспоминания, альбомы со старыми фотографиями и, конечно, изучила мемуары моего дедушки, Абрама Ландсмана,[2*] старожила города. Он родился в 1915 г., незадолго до революции, дважды воевал и был ранен, стал членом партии, умер в Израиле, пережив в конце жизни страш-

[1*] – М.: АСТ,2021. – 320 с.

[2*] Ахметова Л.С. Евреи в первом составе командного и политического штата 316 стрелковой дивизии (Ландсман Абрам – рядовой 1075 сп). // История. Память. Люди: Материалы X международной научно-практической конференции. 23 сентября 2020 г, Алматы. – Алматы, 2020. – С.433-437, вклейка – С.4.

ное разочарование и в советской власти, и в своих идеалах. Его судьба, наверное, вполне типична для своего времени.

Но, вернемся к евреям г. Верного. Незадолго до смерти дедушка написал книгу воспоминаний, в которой рассказал историю своих родителей Кадыша и Фейги Ландсманов, поселившихся в конце XIX в. в среднеазиатской глубинке. Здесь они построили дом, воспитали детей и стали одними из основателей еврейской общины.

Кадыш Ландсман, мой прадед, жил в небольшом городе Каунасе, в Литве, где большую часть жителей составляли евреи. Он был сапожником – тачал мужские ботинки, мастерил дамские туфли, делал тяжелые меховые сапоги и всякую кожаную мелочь. Среди местных жителей слыл хорошим мастером.

Кадыш был женат. Супруга его была столь незаметной, что никто уж и не вспомнит теперь ее имени. Детей у них не было, и об этом нюансе их жизни тоже любили посудачить злобные кумушки, обремененные вопящим детским выводком. Кадыш никакого внимания на эти пересуды не обращал, а держался невозмутимо и отстраненно.

Как бы то ни было, но однажды пришла в их дом беда. Она материализовалась в виде прыщавого и нахального молодого человека, который как-то утром, чуть рассвело, громко постучал в дверь. Не дождавшись ответа, незваный гость ворвался внутрь, подняв чертыхавшегося хозяина с постели, и, зачем-то засучив рукава, выудил из кармана несвежий желтый листок бумаги, принял торжественный вид и громко зачитал: «Всем мужчинам еврейской национальности в возрасте от 18 до 35 лет велено явиться в означенный день и час в рекрутский дом для производства проверки годности оных лиц для приема в армию. Неявка будет расценена как дезертирство и будет караться по закону, а именно расстрелом».

В доме полуслепой одинокой бабы, близ костела, была устроена некруцке[1*], где охраняли созванных рекрутов. Там же проверял их на годность специальный военный врач.

Каждый боялся попасть в армию, поэтому и придумали систему охотников. Охотниками были бедные еврейские парни, которые соглашались идти в солдаты по найму вместо призванного рекрута. Родственники рекрутов следили за охотниками похлеще, чем иные царские стражники: вдруг сбежит, и все старания будут напрасны. Наниматели кормили их хорошо, вдоволь, чтобы врач не забраковал по слабосилию. Все их прихоти исполняли. Даже пословица ходила

[1*] Рекрутская (*искаж.*).

такая: «Эр нэмт зих ибер ви ан охотник», – мол, жрет как свинья. И капризничает, как красавица какая. А рекруты нарочно питались плохо, чтобы на врачебном осмотре их признали негодными по состоянию здоровья.

Но вот подкралось время «приема». На площади у здания, где заседает воинское присутствие, толчется народ, испуганный, с заплаканными глазами. Ждут приговора. Вот вышел один, молодцеватый щеголь. Шапкой машет счастливчик: отпустили! Вместо него теперь охотник служить будет. А вот выводят молодого еврея, бледного, шатающегося, остриженного налысо. Раздаются крики: «Признали годным, забрили лоб!». Плачут родители, плачет жена, орет ребенок. Все они прощаются с «погибшим», может, на долгие годы, а может, и навсегда...

Кадыш оказался, как на грех, абсолютно здоров. К помощи охотников прибегать не стал. Собрался, взял сухарей, еще немного какой-то снеди, прихватил свои сапожные инструменты – шило, нитки, тачанку, сухо поцеловал жену, и ушел вместе с отрядом полураздетых, худых скорняков и врачей, извозчиков и егерей, лавочников и стеклодувов. Жена его еще долго заламывала руки и причитала. Но никто ее криков уж не слыхал: счастливчики разбрелись по своим домам, обнимая «спасенных», а те, чьих родственников забрали, оплакивали их каждый по-своему, втихаря.

Во время службы Кадыш продолжал работать сапожником. Это уж потом, много позже, стал он снова вытачивать изящные дамские туфельки да лакированные, из тонкой кожи мужские ботинки, а в то время приходилось латать простые солдатские сапоги. Обувь тогда делали наскоро, как попало, из кожи зарезанного скота, а он к каждому башмаку подходил обстоятельно, заботился о нем, как о ребенке, стараясь вложить в грубую мужицкую обувь и тоску, и любовь, и грусть, и ожидание, и усталость, и надежду, и нежность.

О чем он думал? О чем мечтал? Что снилось ему по ночам? Куда улетали его мысли в те моменты, когда стучал он своим молотком по солдатским сапогам?

Случилось ему добраться и до азиатской степи. Оказавшись на окраине империи, в крошечном городке, зажатом между шелковистыми зелеными горами, душном, потном, но отчего-то удивительно обаятельном Верном, Кадыш обомлел. Такого изобилия фруктов и овощей, мяса, круп и ягод он не видывал никогда в жизни. О такой дешевизне и мечтать не мог.

Что такое восточный город в конце XIX в.? Залитый солнцем – а солнце на Востоке бывает коварным, от него и жизнь и соки земли, но и смерть, удушье, – заполненный пылью, потом, воплями торговок и криком муэдзина. Восточный город, ставший частью огромной империи и находящийся на земле кочевого народа. Это сумасшедшее смешение языков, цветов кожи и волос, тембров голоса и взглядов на жизнь.

И конечно же, горы. Повсюду великие, прекрасные, разноцветные горы, повидавшие на своем веку и кочевые племена древних саков, и захватнические орды монголов, и жестокие нашествия джунгаров. Эти горы видели столько, что их уже было невозможно ничем удивить.

В Верном, в отличие от других городов империи, к евреям относились терпимо, даже с некоторой симпатией. Слишком много здесь было намешано кровей, слишком тесно сплелись людские судьбы. Однако и тут главной проблемой оставалось право проживания, которое евреи получали с большим трудом, и любая провинность, будь то донос соседа или просроченный документ, могла привести к депортации семьи. Причем опасность эта грозила не только мелким ремесленникам, но и богатым купцам, нотариусам, докторам и аптекарям. Поэтому евреям приходилось дружить с местным полицейским начальством. Тем же, у кого не было денег на дружбу, оставалось уповать на Всевышнего. Евреям запрещалось заниматься винокуренным производством и владеть пивоваренными заводами. Те, кто побогаче, шли учиться в университеты, преодолевая все возможные процентные нормы, кто победнее – осваивали ремесла, и это позволяло им передвигаться по просторам Российского государства в поисках лучшего места…

Когда Кадыш вышел в запас, ему уже было больше сорока. Уезжал он на родину с тоскливым чувством: приходилось возвращаться к нищете и скуке, к вечному страху и печальной обреченности. За эти годы он привык к шумному, яркому, душному городу, зажатому между горами, к его широким улицам, зеленым аллеям, узким арыкам, к его своеобразной, ни на что не похожей красоте.

Мысль о возвращении засела, так, что он готов был на что угодно, лишь бы осуществить ее.

Жена и слышать ни о чем не желала. Годы, проведенные порознь, разделили их. Они и раньше-то не слишком ладили, даже говорили

мало, лишь по необходимости. Теперь же стало совсем невыносимо. Кадыш, твердо решившись уехать, был неумолим.

Предстали они перед ребе, который долго и подробно разглядывал, расспрашивал, выслушивал, заползал в самые глубинные, самые скрытые части их жизни, выпытывал то, что они и сами себе боялись сказать, мучил их своей дотошностью, вырывал самые сокровенные признания. Наконец, удовлетворив свое любопытство, призвал писца, тот выписал гет[1*], после чего они перестали быть мужем и женой.

Не теряя времени, Кадыш попрощался с родней и отправился в путь.

По дороге решил заглянуть к брату, в соседнее местечко. Там он и познакомился с Фейгой, младшей племянницей, своей будущей женой.

Ей исполнилось двадцать лет. У нее были маленькие, будто детские, пальчики, аккуратный ротик, худенькая фигурка… И лишь одна деталь явно противоречила ее облику: большие, влажные глаза удивительно глубокого черного цвета.

Она была похожа на чахлое деревце. Казалось, любое дуновение ветра может сбить ее с ног или, того хуже, вызвать простуду; любое неосторожное слово может вызвать обиду и разочарование, и ее маленькая головка, полная романтических идей, поникнет, а сердечко, ранимое, как бутон розы, разобьется. Она не была красивой, но обладала каким-то милым, непередаваемым обаянием. Нежность и печаль исходили от нее.

О замужестве она и не мечтала: пока старшие сестры на выданье, ей и думать об этом нечего. А их никто не брал. Окружающие молодые люди жили в такой же нищете, и подумать о том, чтобы привести в дом лишнего человека, а потом нарожать лишних ртов, было невозможно.

Ее девичье сердце еще не знало любви, оно жило в блаженном ожидании ее и в потаенном страхе: слишком несбыточными и невозможными были ее мечты. Она краснела, стыдясь сама перед собой, ее смущали собственные фантазии, но отказаться от них было выше сил. Ей казалось, что люди могут спугнуть ее придуманное счастье, а потому она все чаще избегала их, слыла нелюдимой и скрытной.

Унылое существование нарушил приезд дяди, отцова брата. За обеденным столом Фейга сидела против Кадыша, и личико ее непривычно алело под его взглядом. Ей нравился его упрямый, жесткий

[1*] Разводное письмо.

профиль с мясистым носом, его крепкие квадратные пальцы, затвердевшие от тяжелой работы, исходившее от него мужское сильное тепло, ей неведомое. Она стыдилась своих мыслей и старалась гнать их молитвой. Он же ловил себя на том, что племянница вызывает в нем чувство умиления, как малый ребенок, которого хочется приласкать и обогреть. Так, украдкой поглядывая друг на друга, провели они скудное застолье, пока отец потчевал Кадыша последним анекдотом из Вильно.

На следующее утро Кадыш проснулся необычайно поздно. Умылся, сгрыз кусок старой лепешки, прошелся вокруг дома, оглядев скромное «хозяйство» брата. Тот ловко орудовал в своей мастерской, и глина под его мокрыми руками приобретала плавные, округлые очертания, похожие на женское тело.

После работы Кадыш пригласил Фейгу погулять. Они ушли в лес и собирали шишки, желуди, засохшие листья. Он рассказывал ей армейские истории, она слушала, раскрыв рот. Смеялись, шутили. Наконец, устали.

– *Фейгеле*[1*], – сказал он ласково, – ты знаешь, что похожа на птичку?

Она лишь улыбнулась. Яркая розовая капелька скользнула вниз по шее, нырнула за воротник и скрылась.

Вечером Кадыш, простив обиду, подошел к брату:

– Отдай за меня Хану.

– Ты с ума сошел? – тот аж поперхнулся от изумления. – За тебя? Хану? Тебе сорок лет! Ты ее родной дядя!

– Знаю. Отдай. Люблю я ее.

– Ты ж уезжаешь! В Азию! Нет, это невозможно...

– Отдай, – стоял на своем Кадыш, – я заплачу.

– Возьми любую из старших, – подобрел брат, – у нас же две девицы на выданье. Бери любую, отдам за так.

– Не хочу, – упрямился Кадыш, – ее люблю...

Наконец порешили, что устроят молодым «очную ставку». А там на семейном совете решат, быть браку или не быть.

Вечером за чаем собралась вся семья. Старшие сестры знали о готовящемся, в то время как Фейга ни о чем не подозревала. Она была одета в свое простое серое платье с ситцевой оборкой на рукавах, поверх юбки повязан черный передник; причесана гладко, волосы убраны высоко. За столом царило настороженное молчание, все чув-

---

[1*] Птичка (*идиш*).

ствовали торжественность минуты. Фейга начала нервничать, сообразив, что происходит что-то, ей неизвестное.

До конца трапезы никто не решился начать опасный разговор. Лишь совсем перед сном, когда семья устала от томительного ожидания, отец подозвал к себе Кадыша, уселся с ним в дальний угол, а Хане велел принести зажженные свечи. Все замерли в ожидании. Невеста задрожала, побледнела, но не смела ослушаться – взяла в руки подсвечники и отправилась в путь, занявший всего несколько шагов, но ей показавшийся вечностью. В голове роились тысячи мыслей, а сердце замирало от страха. […]

– Пойдешь за него замуж? – спросил отец.

Она, зардевшись еще больше, почувствовав на себе взгляд хитрых, сощуренных глаз, ответила не сразу.

– Пойду, – выдавила она и, смутившись, поставила свечи на стол и поспешно отошла.

Сыграли свадьбу. Скоро – ведь ехать нужно было неизвестно куда, на край света, в другой мир, в другую жизнь. После шумного и веселого обряда невеста отправилась в свою спальню – и оставалась там, пока не появились мать и старшие сестры в сопровождении женщины, вооруженной большими ножницами. По знаку матери она взяла в руки голову невесты, прижала к своей груди, и вскоре убийственные ножницы срезали одну за другой ее рыжеватые косы. Потом натянули на голову прилегающий тугой черный парик, из-под которого не должен быть виден ни единый ее собственный волосок.

В качестве подарка Кадыш преподнес молодой супруге новенькие ладные туфельки. «Жене сапожника не пристало ходить в разношенных ботинках», – сказал он.

Прощались тяжело. Женщины плакали, каждая о своем: сестры завидовали Хане и жалели ее одновременно, мать мучилась от боли и тоски, злилась на мужа, допустившего разлуку. Фейга плакала, но в своем намерении оставалась тверда: лучше расстаться навсегда, чем помирать с голоду всем вместе.

– Зол дир Гот оплайн![1*] – сказала мать на прощание.

Братья обнялись. Больше они никогда не виделись.

Путь в неведомую страну, в далекую Азию занял много месяцев, и за это время у молодоженов родился первенец, Файвиш. Наконец, изможденные, они добрались до Верного, где и начали новую жизнь.

[1*] Храни тебя Господь! (*идиш*).

…Густой мед льется тугой струей в приготовленную горкой муку, затем наступает черед яиц и воды. Добавляются толченые орехи и курага. Сладкая масса скатывается в колобки и ловким движением отправляется в русскую печь, пышущую жаром. Пряники получаются воздушными и мягкими, поэтому, когда дети, заглядывая в стоящую рядом кондитерскую, клянчили несколько копеек на булочку, она неизменно отвечала: «Ты что, я испекла такую сдобу, что лучше ничего не бывает»!

Местного языка она не знала – хотя, откровенно говоря, никто не знал его, потому что единого городского языка попросту не существовало. Наций было намешано видимо-невидимо – и казахи, и узбеки, и татары, и уйгуры, и дунгане, и русские… И вот попробуйте в этом месиве разобраться!

Единственным спасением было то, что каждый занимался своим национальным делом. Узбеки открывали харчевни, где готовили традиционную еду – плов, манты, лепешки. Украинцы и русские держали кузницы и жестяные мастерские, татары торговали дешевыми украшениями, ленточками, пуговками и прочей кокетливой чепухой.

Иногда раздавался напевный крик: «Ашлямфуя, леменля фуя», «Миёт! Миёт!», «Карто-о-ошка, картошка! Лука-лука, реди-и-иска!» Это были дунгане, китайцы-мусульмане, кочевой народ, который в то время жил в Верном в множестве. У них был свой фирменный знак: они торговали восточными кушаньями, которые пользовались успехом у местных ребятишек и мастеровых. Одним из блюд была ашлямфуя. На легкой тачке с деревянным струганым столом с ограничением по бокам привозили они свое изделие. Стол раскладывался, опираясь на ножки, а покупатель усаживался на складной стульчик. Получалась передвижная столовая. В тарелку летела плошка холодной отварной лапши. Затем скребком набирался кисель, похожий на белый студень, еще какие-то приправы, заливалось все это уксусом. Кушанье было своеобразным, очень острым, и имело успех у любителей крепких ощущений. Их можно было легко вычислить по открытому рту – так они ходили «для проветривания». Кроме того, дунгане продавали так называемый мед – совсем не похожее на настоящий мед небольшое пирожное, оно было редким лакомством для детей.

Лица, голоса, улыбки и взгляды; белые здоровые и желтые испорченные зубы; скрюченные рабочие руки; рыжие, с проседью, черные, каштановые и русые волосы пестрели в глазах. Запахи сладкие и пряные, влажные, кислые и горячие смешивались в воздухе. Русских звали москалями, украинцев – хохлами, евреев – жидами, татар – мора-

винами, узбеков – сартами, уйгуров – таранчами. Даже улицы были названы Сартовская, Таранчинская, Моравинская[1*].

Здесь сочетались великая степная красота и следы человеческой жизни, мелкие и ничтожные на фоне величавых гор. Здесь сосуществовали дыхание вечности и лошадиный навоз. Здесь жили древние народы: евреи, казахи, узбеки, и малочисленные нации, исчезнувшие с лица земли. Здесь царственные горы – казалось, протяни руку и прикоснись к ним! – с интересом глядели на крикливые споры базарных торговцев. Здесь могучая многотысячелетняя история наблюдала за попытками людей создать свой новый общий мир...

Город был двухуровневым. Наверху, ближе к горам, свежему воздуху и сочной земле, селились люди состоятельные: портные, фотографы, купцы, врачи. Они строили добротные деревянные дома с просторными комнатами и голландскими печами. Они устраивали завтраки на балконах с дивным видом на горы. В этом квадрате «не допускалось неправильной и некрасивой застройки во избежание безобразия в кварталах». Здесь были лучшие здания города: дома военного губернатора и епископа Туркестанского, военного собрания, мужская и женская гимназии, собор, типография.

В нижней части жили все остальные: ремесленники, торговцы, кузнецы, пекари и хозяева харчевен. За ними, на окраинах, территории «третьего разряда», селилась беднота в лачугах и саманных домиках. Здесь всегда было жарко и пыльно, тесно и потно.

Улицы в верхней части были красивыми – прямыми, зелеными, ухоженными, с аллейками. Улицы внизу тоже были прямыми, но узкими, густо застроенными покосившимися домиками.

Ландсманы поселились в нижней части города, рядом с Нижним базаром. Да, в городе было два рынка. На Верхнем[2*] покупали жены богатых купцов, зубных врачей и чиновников. Здесь были лучшие овощи, фрукты и выпечка – крестьяне из ближайших деревень привозили свои продукты прямо сюда. Свежее мясо, нежные наливные яблоки, пузатые помидоры, сладкие арбузы, теплое парное молоко… Со всех сторон базар был застроен мастерскими, фотоателье и парикмахерскими. Здесь же находились дамские магазины, работали модистки и шляпницы.

Внизу была барахолка: продавали поношенную одежду, обувь, кухонную утварь, вязаные шарфы и носки, лапти, валенки, веники... Люди

[1*] [Электронный ресурс] Режим доступа: Букетова Н. Улицы города Верного. Режим доступа: Улицы города Верного | Cathedra; Очерки истории Алматы | Lyakhov.KZ — Большая энциклопедия Казнета (vernoye-almaty.kz) (дата обращения 28.07.2022).

[2*] [Электронный ресурс]. Режим доступа: Букетова Н. Как возник Никольский базар - Аналитический интернет-журнал Власть (vlast.kz) (дата обращения 28.07.2022).

приходили сюда, чтобы услышать последние новости, посплетничать, поскандалить, обменяться товарами. Вокруг бегали ребятишки. Тут же пасли скот и торговали необработанной свиной кожей. Рядом, прямо на земле, сидели попрошайки, нищие, убогие, а еще – бесчисленные гадалки со своими картами и разноцветными бобами.

Горы тоже были многослойными. Нижнюю часть их, начинавшуюся прямо из города, покрывали густые мохнатые сосновые леса переливчатого богатого цвета, от нежного желтовато-салатового до исчерна-зеленого. Средняя часть гор, словно колючий цветок, была усыпана отвесными острыми скалами, ершистыми, как иголки, серыми или серо-коричневыми. Но и здесь нет-нет да и проскальзывала жизнь: с трудом, прогрызая суровую землю, вырастали чахлые березки и цветы – скромные одуванчики с незабудками. По склонам носились горные козлы и прыгали птички – перепелки и куропатки. Верхняя же часть гор была покрыта льдом. Даже летом суровый ледяной покров не терял белизны и неприступности. Правда, и ему изредка приходилось жертвовать толикой своего грозного облачения, когда весной, словно поддавшись всеобщему оживлению, нехотя, ворча и фыркая, начинал он таять, истекая прозрачной, чистейшей горной водой, отдавая свое богатство городу, наполняя его арыки задорным журчанием, поля – сочным чмоканием, жителей – радостным чувством.

Незадолго до приезда Ландсманов в Верный, здесь началось строительство синагоги[1*]. Возвели ее быстро, за несколько месяцев. Это было приземистое деревянное здание, лишенное украшений и внешних отличительных признаков. Евреев было мало, всего 40 семей, с трудом собирали они положенный традицией миньян[2*], поэтому скромный размер молельного дома их вполне устраивал. В пятницу вечером, после изнурительной недели работы, люди собирались в священном доме, чтобы помолиться перед приходом субботы. Синагогальный служка – человек крошечного роста с длиннющей, до пят, бородой, – поет громко, старательно. Поначалу его голос звучит механически, как граммофон. Он читает длинный псалом, состоящий из 176 стихов, и молящиеся повторяют за ним как заведенные «Счастли-

[1*] Первая синагога (молельный храм) в г. Верный (Алматы) появилась 31 мая 1884 г. Это было маленькое деревянное здание, благодаря которому община смогла оказывать помощь нуждающимся единоверцам и, наконец, начать регистрировать основные события в жизни евреев г. Верного – рождение, вступление в брак, смерть. Примечательно, что более чем через 100 лет, именно на месте первой вернинской синагоги, начала работу одна из первых благотворительных еврейских организаций независимого Казахстана – Хэсэд. [Электронный ресурс]. Режим доступа: Еврейская община Казахстана: Время возрождения / Статьи, интервью, репортажи / Сервер Казах.ру (kazakh.ru) (дата обращения 28.07.2022).

[2*] Собрание из десяти мужчин для проведения религиозной церемонии.

вы те, чей путь непорочен, следующие Торе Г-сподней»… Постепенно в его голосе появляются страстные нотки – это погружается он в молитву. Пока язык повторяет заученные с детства строки, мысли взмывают к душе, которая как раз в это время ведет свои переговоры с Господом. Она рассказывает ему о том, что в доме его, чистеньком и жалком, снова нет ни крошки хлеба. А жена его, толстая и рябая Роза, мать его десятерых детей, подрабатывает повитухой и делает незаконные аборты всем бабам в округе, хоть это и запрещено и ее могут в любой момент арестовать. А по ночам он, крохотный служка, вяжет шапки из собачьей шерсти, потому что на жалованье служки семью не прокормить, и детей много, и, не допусти, Всевышний, Роза может еще принести пару-тройку, тогда хоть совсем ложись да помирай. А после субботы у него, дай Бог, чтобы остался хоть маленький кусочек халы и дети не пошли в хедер голодные. А он заглянет в синагогу ненадолго, а потом отправится на рынок – будет пытаться продать свои шапки. Но берут их плохо: казахи и узбеки носят свои традиционные головные уборы – тымаки; русские – так те привыкли к сибирским холодам, здешние зимы для них не беда; остаются только заезжие крестьяне да свои, евреи. Но каждый день измученный нищетой, упорно бежит на рынок в надежде, что сможет продать свою шапку хоть за бесценок, чтобы купить детям пропитание.

Вот что рассказывает субботняя душа Всевышнему, так жалуется она на свою несчастную, искореженную жизнь, полную лишений, унижений и печали. И спрашивает она Его в гневе: Господи, где же Твоя справедливость? Где же Твоя доброта? Где же Твоя забота? И Всевышний слушает, кивает, нашептывает что-то ей ласково и вдыхает в нее немного радости и спокойствия. И возвращается она к крохотному служке умиротворенная, чтобы смениться будничной душой, которая снова будет страдать и готовить новую порцию грустных рассказов, чтобы поведать их в субботу Богу...

Кадыш стоит перед амудом[1*] – невысокий, крепкий, с длинной седой бородой, в талесе[2*] – и о чем-то горячо спорит с Богом, о чем-то просит, с чем-то не соглашается. Он говорит с Богом на равных, потому что он – еврей, правоверный еврей, отец большого семейства, честный человек. Вокруг него толпятся другие. И каждый лезет к Богу со своим – кто с просьбой, кто с укором, кто с благодарностью, а кто и с проклятием. Для всех желающих пообщаться с Всевышним

[1*] Амуд – пюпитр для кантора (*ивр.*).
[2*] Мужская одежда для молитвы.

нет места в синагоге. Молящиеся заполняют ближайшую крохотную улочку, и гул их монотонных голосов поглощает собой все вокруг, пугает, вселяет суеверный страх в соседей. Они боятся евреев, стараются обходить их места стороной – настолько необычен и страшен их разговор с Богом. Вся синагога рыдает. Рыдают почтенные старцы и совсем зеленые юнцы, только что прошедшие обряд бар-мицва[1*]; серьезные отцы семейств и бездумные прохиндеи. У всех в голове только один вопрос: за что? За что ты караешь нас, Всевышний? За что тысячи лет мы вынуждены кочевать, бездомные, чужие на всякой земле? За что ты убиваешь нас, принося все новые и новые испытания, посылая все новых мучителей и истязателей, которые придумывают для нас новые пытки и страдания? И бросают евреи этот упрек Всевышнему, и тут же замаливают его тысячью других молитв, кают-ся в своих прегрешениях, срамных мыслях, словах и поступках, в горечи, доставленной родным, грубых словах, брошенных в сердцах, в непрощенных и затаенных обидах. Евреи молятся вдохновенно, изо всех сил пытаясь вымолить у Бога отпущение грехов. И, заходясь в экстазе, забывают они о своем укоре Господу, прощают Его жестокость, и смиряются с Его волей.

– Ибер а йор ин Эрец Исраэль[2*], – говорят евреи друг другу, расходясь по домам.

Фейга просыпалась ближе к утру, когда солнечный свет только начинает пробиваться сквозь белые ситцевые занавески. Бросала беглый взгляд на младенца, спящего в люльке, потом на мужа, похрапывавшего рядом. В комнате прохладно, и первым делом нужно затопить печь. Потом постирать белье, выйти к резнику за курицей, помыть, почистить, приготовить, заштопать дырки на детских штанах, их накопилось немало; придется еще поругаться с молочницей за прокисшее молоко, собрать сливы, которые давно уже сохнут на чердаке, прополоть сад… Да мало ли какие дела ожидают ее, какие непредвиденные расходы опустошат и без того не слишком толстый кошелек, какие неожиданные напасти обрушатся на плечи! Никто не возьмет на руки расплакавшегося младенца, никто не соберет рассыпавшуюся золу из печи, никто не подаст мужу горячий обед, никто не пожалеет ее, не погладит, не прижмет к себе, не вытрет слез. Она одна, всегда одна! И не от кого ждать ни поддержки, ни похвалы.

[1*] Традиционный обряд, который празднуют мальчику в 13 лет; символизирует возмужание и переход в совершеннолетие.

[2*] Через год в Израиле (*идиш*).

Жизнь была размеренной, спокойной, гармоничной и тонко, почти ювелирно выверенной. Евреи делили время на отрезки между праздниками: только лишь заканчивался один, со своими ритуалами, молитвами, традициями и блюдами, как подходил другой, и подготовка к нему часто занимала гораздо больше времени и сил, а главное – была намного интереснее, чем само торжество. Кроме того, недели пролетали в одно мгновение: только лишь провожали святую субботу, как наступал четверг, а за ним пятница, когда нужно было тщательно и напряженно готовиться к новой субботе. Они не признавали других праздников, кроме религиозных, не отмечали дни рождения или памятные даты. Бывало, Фейга подходила к ребенку, целовала в лоб и говорила примерно так: «Поздравляю тебя сыночек, у тебя вчера был день рождения».

Только внешние факторы иногда нарушали чинный ход жизни еврейской семьи. Изнутри он был настолько отточен, что скажи еврею, что когда-нибудь это изменится, он бы никогда не поверил. Закон этот, неизменный на протяжении веков, обязан был простоять еще тысячелетия. Это была жизнь, полная странных ритуалов, суеверий и предрассудков, глупых поверий и наивных проклятий.

Когда русская печь наверху накаляется, забрасывают внутрь ведро картошки, и через полчаса она румянится, морщится. Иногда Фейга сварит горох, в сите пересыплет его солью, и все, вместе с гостями, с удовольствием едят его, как лакомство. Рядом, на стуле, как полноправный член семьи, разместился кот Рыжик, довольно выставив лапки на стол. Он очень воспитанный кот, поэтому никогда не опускается до банальной кражи и ждет, пока ему подкинут кусочек. Тогда ловким движением когтя он сбрасывает его на пол и в одну секунду проглатывает.

Кто-то помогает матери теребить тушки птиц, очищать горох от шелухи. Девушки штопают, варят, играют с младшими.

Фейга и Кадыш тоже любили такие вечера. Русской грамотой они не владели, газет не читали, а тут от многочисленных рассказчиков можно было услышать свежие новости.

Иногда кто-то из старших детей брал толстую книга на идиш и вечером в субботу читал нараспев легенды о Самсоне и Далиле, о царе Давиде, о прекрасном Иосифе. После они сочиняли «продолжение», и родители, для виду, конечно, страшно ругались: разве можно исправлять священную Тору! Но эти совместные выдумки доставляли всем огромное удовольствие. Они никогда так не смеялись и не плакали,

так не страдали вместе с героями и не радовались за них, как в эти вечера.

Оторвавшись от шитья или другой скучной домашней работы, Фейга задумчиво разглядывала своих детей. Теперь их было семеро, четыре сына и три дочери, дай Бог им здоровья.

С младшими больше всего забот. А возраст уже не тот – за сорок. Силы уходят, а заботы лишь прибавляются... Да и Кадыш стареет. Уж нет той ловкости, что раньше; уж руки теряют прежнюю силу и твердость; уж взгляд не так остер. И, кажется, она снова беременна…

В конце 1929 г. пришло уведомление: «Ландсман Кадыш Файвишевич, 1852 г. р., подлежит раскулачиванию и выселению из принадлежащего ему дома. Как злостный торговец, наживший дом нечестным путем, со всем находящимся в доме имуществом, надворными постройками, а также лошадью и телегой. Дом подлежит передаче в ведение коммунхоза с вселением в него очередников. Квартиросъемщиков, проживающих в этом доме, оставить в нем на правах жильцов коммунхоза, кроме ближайших родственников».

На семейном совете было решено, что старики уедут во Фрунзе, к старшей дочери Рахили. Для Кадыша Ландсмана это было ударом. Он любил Верный, прожил в городе 35 лет, пользовался уважением и среди евреев, и среди казахов, и среди русских. Он так до конца и не понял, почему это случилось именно с ним и чем он провинился перед новыми властями.

В любом, даже самом скромном доме есть предметы, сохраняющие ценность, пока их не трогают. Но стоит их потревожить, как старый изношенный хлам разрушается, рассыпается в прах. Два старика, прожившие в этом доме много лет, вынуждены были, как нищие, собирать свои нехитрые сокровища в сундуки. Фейга хотела было взять кастрюли да крынки, но вскоре поняла, что это глупая и бессмысленная затея. Со вздохами причитаньями, рыданьями и проклятьями наполовину заполнила она сундук старым, даже ей не нужным, барахлом. И теперь уже старик стал укладывать свои сокровища: большие и малые тома Талмуда, субботние светильники, ханукию, ветхий талес и штраймл. Оставшаяся утварь – бочка, куда собирали талую воду, изъеденный древесными червями широкий обеденный стол, деревянные стулья, чугунный котел для плова, глиняные горшки для каши, специальные ухваты для подносов с мацой – остались в доме.

Уже покидая его, Фейга вспомнила о том, что на восточной стене, в сторону которой обращались евреи во время молитвы, висела картина с изображением Моисея, получающего скрижали завета на горе

Синай. Она хотела вернуться, чтобы забрать ее, но, печально вздохнув, лишь махнула рукой: «Пусть остается здесь. На кой она нам нужна теперь, эта картинка? Я теперь не хозяйка своего дома, да и дома-то никакого нет».

Покинутый дом напоминал осиротевшую вдову. В голых окнах, как в черных дырах, отражались тучи, и по пустым комнатам гулял ветер. По немощёной проселочной дороге, увязая по ступицы в грязи, медленно двигалась телега с униженными и изгнанными его обитателями.

Пройдет еще несколько дней, и соседские бабы растащат Фейгино белье; соседские мужики разберут инструменты Кадыша; детские вещи и игрушки разойдутся по ближайшим домам; еще через несколько месяцев прекрасный сад зарастет сорняками, которые задушат кусты малины и грядки клубники; деревья перестанут плодоносить, выдавливая из себя крошечные, горькие плоды, будто слезы по погибшему дому. Лишь одну вещь не смогут утащить: встроенный железный шкаф в сенях, куда Фейга складывала припасенные для нищих караваи хлеба и молоко.

…На новом месте Кадыш зимой и летом вставал, как обычно, в четыре часа утра, и нараспев читал молитвы. Он неспешно умывался, завтракал, немного играл с внуками, потом выходил на улицу, вставал у калитки и долго стоял, молча разглядывая проезжавшие телеги. Как и раньше, в Верном, смотрел он на людей, проходивших мимо, на жизнь, все еще продолжавшуюся, в то время как он свою уже прожил. Он давно не работал. Руки стали слабее, молоток не держали, глаз терял остроту, шило попадало мимо подошвы, да и сил становилось все меньше.

Но самое главное не в этом. Важнее всего было, что мысль больше не уносилась вдаль, как прежде, не летала по просторам воображения, как ласточка, не стремилась в невидимые выси, как весенний ветерок. Мысли стали грустными, тяжелыми, земными. В них сквозили печаль, тоска, обида. Иногда он стоял у ворот и наблюдал, как крестьяне везут свой товар на базар, покупал арбузы, дрова, изредка выбирал новую кожу. Но не было уже того любопытства, что раньше. Надломилось что-то внутри, испортилось. Он, славившийся своим богатырским здоровьем и несгибаемым духом, стал немощным и слабым. Болезни одна за другой стали одолевать его. Как часовой механизм вмиг переставал работать, так и у него внутри будто пружина невидимая порвалась.

Как ни старался он убедить себя, что постигшее его горе есть проявление Божьей милости, ему это не удавалось. Сердце саднило от

боли и обиды. Он разом лишился не только дома и хозяйства – лишился сознания своей нужности и состоятельности. Кем был он теперь? Нищий, больной, потерянный старик, превратившийся из достойного и уважаемого господина в груду ноющих, беспомощных, грязных лохмотьев.

Он умер через полтора года после переезда. Так и не узнал, что через несколько лет Фейге разрешат вернуться в город. Она переживет его на двадцать один год. Так закончится небывалая по тем временам одиссея людей, достойных своей эпохи.

Саипова К.Д.

Жизнь евреев в Туркестане в 20–30-ее гг. XX в.

В политической жизни края вопрос образования автономии Туркестана оставался главной и острой проблемой края. Народный комиссариат по национальным делам РСФСР взял на себя инициативу в разработке принципов советской автономии. 20 апреля – 1 мая 1918 г. проходил V краевой съезд Советов. Съездом был рассмотрен вопрос об образовании автономии в Туркестанском крае 30 апреля с. г. было принято решение о провозглашении Туркестана Автономной Советской Социалистической Республикой (ТАССР). Координация ТАССР зависела от правительства Российской Советской Федеративной Социалистической Республикой (РСФСР). На этом суверенитет ТАССР был ограничен [1].

Положительным моментом было то, что при многонациональном составе населения республики, в 1918 г. был создан Народный Комиссариат по национальным делам ТАССР. Данный орган должен был «наблюдать за правильным проведением в жизнь национальной политики советской власти…» [2], и был предназначен для защиты интересов национальных меньшинств, проживающих на территории Туркестанской республики.

26 октября 1917 г. на западе стали создаваться первые комиссариаты национальных меньшинств РСФСР. Это было связано с тем, что в западных окраинах имелось наличие необходимых кадров, что стало основной причиной создания комиссариатов нацменьшинств, в т. ч. и по еврейским делам – комиссар С.М. Диманштейн [3]. Отличительной стороной данных комиссариатов было то, что комиссаром назначались сотрудники из представителей самих национальностей. Тем самым, внушая доверие у национальных меньшинств [4].

Одну из самых многочисленных этнических общин в 1918–1920 гг. составляли евреи. Евреи пользовались всеми правами «туземного» населения. По ТАССР евреев насчитывалось 20 020: из них 9889 – мужчин; 10 131 – женщин [5]. Как и другие национальные меньшинства, евреи также имели национальные рабочие клубы, при Туркомнаце ТАССР функционировал культурно-просветительский еврейский отдел. Данный отдел стал инициатором открытия в Ташкенте пятилетней школы и детских садов для детей еврейской национальности [6].

Необходимо отметить, что значительную часть европейских евреев составляли бывшие военные. Выйдя в отставку, они оседали в Туркестанском крае. Значительная часть из них занимались ремеслом и торговлей. Среди них также были специалисты различных профессий, в т. ч. врачи, инженеры, учёные, которые занимали важные позиции в экономике и в политике Туркестанской Республики [7].

Нацменовские колхозы в большом количестве были созданы среди представителей еврейской национальности. В 1934 г. общее их количество достигло 378 хозяйств. Из них в Самарканде – 170 хозяйств, Шахрисабзе – 97, Каттакургане – 43, Андижане – 26, Коканде – 22, Маргилане – 20, Ташкенте – 17, Намангане – 16, Мирзачуле – 10 местных еврейских колхозов.

В отчетах по переселению еврейской национальности на территорию Узбекской ССР прослеживается перевыполнения плана на 17% [8].

Появление столь большого количество еврейских колхозов было связано с ошибками, допущенными при проведении сельскохозяйственной переписи. Разделение евреев по этническим общностям было характерно для переписи населения 1926 г., когда евреи делились на европейских и среднеазиатских. Количество первых составило – 19,7%, а вторых – 18,2%. В общей сложности в республике проживало 37,9% евреев. При проведении сельскохозяйственной переписи этот аспект не был учтён, то есть евреи были неделимы [9].

Таким образом, в жизни евреев произошли большие изменения. Советская власть не признала еврейский народ нацией. Согласно сталинской идеологии, евреи не соответствовали критериям, которыми определялось понятие «нация». Сталин утверждал, что нация – это историческая общность людей с общей культурой, языком, территорией и экономикой. У евреев не было такого общего базиса, и, по канонам коммунистической идеологии, они должны были смешаться с народами, среди которых они проживали. Поэтому, долгосрочная

сталинская политика предусматривала полную ассимиляцию евреев. Шла дискриминация евреев, экономические, религиозные и культурные давки, что явилось причиной их перемещения. Они переселялись в большие города в связи с развитием индустрии и возможностью найти работу. Так, евреи быстро обосновались в различных государственных учреждениях и учебных заведениях. Чем большее участие они принимали в жизни советского общества, тем сильнее ассимилировались. Число смешанных браков росло. Основной целью советской власти было уничтожение еврейских организаций и культуры, что накануне войны привело к грани их исчезновения.

1. Бочкарева И.Б., Лысенко Ю.А. «Национальный вопрос» и становление советской власти в Туркестане (1917–1921 гг.) // Вестник Томского государственного университета – 2018. – № 429. – С.104.
2. Центральный Государственный архив Республики Узбекистан (НА РУз.). Ф.Р.36. Оп.1. Д.141. Л.26; История Великой Октябрьской социалистической революции. / Ответ. ред. Соболев П.И. Первое издание. – Москва: АН СССР, 1962. – С.356; История Великой Октябрьской социалистической революции. / Ответ.ред. Соболев П.И. Второе издание. – Москва: Наука, 1967. – С.471.
3. НА РУз. Ф. Р.36. Оп.1. Д.196, Л.14; Чеботарева В.Г. Наркомнац РСФСР: свет и тени национальной политики 1917–1924 гг. – Москва: Общественная академия наук Российских немцев, 2003. – С.37.
4. Саипова К.Д. Цели и задачи создания Наркомнаца РСФСР (1918–1924 гг.) // Актуальные проблемы естественных и гуманитарных наук. – Москва. – №3 (86) март. Часть I, 2016. – С.178–180. / [Электронный ресурс]: Научная библиотека. Режим доступа: http://greyish.ru/?p=1242 (13.06.2022).
5. НА РУз. Ф.Р-86. Оп.1. Д.3332. Л.24–25. Согласно переписи населения за 1926/1927 гг.
6. Емельяненко Т.Г. Бухарские евреи: судьба диаспоры // Этнографическое обозрение, 2009. – №5. – С.15-16.
7. Гайсина Л. Р. Этнический состав населения «новых частей» городов русского Туркестана // Вестник Томского государственного университета, 2012. – №354. – С.72.
8. НА РУз. Ф.Р.36. Оп.1. Д.203.
9. Там же. Оп.1. Д.19.

Жанбосинова А.С.

В поисках лучшей доли: от статуса беженца до шпиона [1*]

Введение. В течение 1920–1930-х гг. с территории приграничных буржуазных европейских государств совершались частые незаконные переходы и нарушения пограничной линии СССР. Идеи социалистической революции на фоне экономического кризиса в сочетании с безработицей и политическими гонениями, вынуждали отдельные

[1*] Данная статья подготовлена в рамках реализации проекта AP14869089 «Вертикаль и горизонталь Большого террора: политические репрессии в Казахстане в 1937–1938 гг.».

группы граждан европейских стран бежать в Советский Союз. Для многих беженцев поневоле, страна Советов была единственным государством, где не было безработицы, где все независимо от пола и национальности имели право на труд, где коммунисты не подвергались гонениям. В фокусе внимания предложенной статьи судьбы еврейских коммунистов и еврейской молодежи, бежавшей через пограничные румынские кордоны под повсеместный клич «жидань – ла Палестина!» («жиды – в Палестину!») в СССР. Антиеврейский клич, упомянутый выше, озвучил автор известной книги «Евреи, неевреи и т. д.» Цви Кэрэм, описавший как пыталась выжить образованная еврейская молодежь в условиях их изгнания румынским правительством, и как она стремилась к иллюзии, воспетой советской пропагандой «к абсолютному счастью и полной свободе». Этому, вероятно, способствовала «полуатмосфера», обусловившая хаос в молодых умах, потерявших свою идентичность, т. к. находясь в Бессарабии, они ощущали себя «полурусскими, полурумынами, полуевреями …» [1, с.12].

Источниковедческую основу статьи составили эго-документы, выявленные в архивных фондах, это письма, дневники и т. д. В научный оборот используемый нами термин был введен еще 1958 г. Ж. Пессером [2, с.15.]. Комплекс уникальных документов, использованный автором на фрагментах материалов трех архивно-следственных дел, раскрывают микросюжеты повседневной жизни людей, вынужденно покинувших родину, оказавшихся на чужбине в статусе «вне подданства» и в период политических репрессий в советской стране, ставших «врагами народа».

Результаты. Автор описывает судьбы разных семейных пар родом из Румынии, две из которых связаны родственными узами. Подобные персональные истории в перспективе могут стать отдельной книгой, посвященной еврейскому вопросу в ракурсе истории политических репрессий.

В ночь на 28 февраля 1936 г. в районе с. Цекиновки Ямпольского р-на, недалеко от Днестра, пограничной службой были задержаны нарушители демаркации, как Цукерман Яков Моисеевич с супругой Окландер Софией Рувимовной, в девичестве Окландер, и ее брат Окландер Бениамин (Вениамин) Рувимович. Свой переход они объяснили нежеланием служить в румынской армии, безработицей и бесперспективностью проживания в Румынии [3]. В июне 1936 г. в этом же районе границу перешла молодая семья Гурвиц Давид Бори-

сович и его супруга Эльман Хана Хаймовна. В письмах, адресованных советскому руководству, они сообщали, что в 1927 г., проживая на территории Румынии, они подвергались аресту сигуранцей, тайной полицией Румынии, действовавшей с 1921 по 1944 гг. [4]. В июле 1936 г. аналогичный путь проделали Зейлик Гершкович Гальперин и Жени Рувимовна Окландер, родная сестра Софии и Бенеамина [5].

Помимо общей этнической принадлежности, их объединяло очень многое, как социальное происхождение, образование, общественная деятельность, а также общий трехэтапный алгоритм стратегия выживания в условиях своей страны; адаптивная мимикрия к повседневным условиям тоталитарной системы советской страны; приспособление и желание выжить в статусе «врага народа, вражеского шпиона» в условиях политических репрессий.

Первый этап был наиболее мягким, несмотря на определённые экономические тяготы. Он был связан с процессом становления личности, обретением профессиональных навыков, поиском своего места в социальной и общественно-политической системе государства.

Яков Цукерман из крестьянской семьи, учился в Сорокской, затем в Кишеневской гимназиях, в 1928 г. обучался в Бельгии, университете г. Гент, работал инженером механиком, был членом компартии Бельгии. София Окландер, проучившись в Сорокской гимназии, продолжила обучение в высшей школе коммерческих и финансовых наук в том же городе, что и Яков Цукерман – Гент. Финансовые проблемы семьи, в т. ч. и учеба мужа, не позволили Софии завершить обучение в высшей школе. Ей пришлось устроиться на работу в универсальный магазин г. Гент, затем ввиду безработицы уехать на работу в г. Брюссель. По возвращении в Гент, ее взяли на работу на текстильную фабрику. В 1932 г., Яков завершает учебу, и они вдвоем возвращаются в Згурицу, где в течение трех лет перебивались случайными заработками. В аналогичной ситуации находился брат Софии – Бенеамин Окландер, статус безработного не спасал его от призыва в румынскую армию. В феврале 1935 г. члены семьи Цукерман и Окландер решили уйти в СССР. Очень важно отметить, что находясь в Бельгии, они участвовали в коммунистическом движении, причем Яков Цукерман состоял членом Бельгийской компартии [3].

Зейлик Гальперин муж Жени Рувимовны Окландер, завершив обучение в гимназии г. Яссы, по окончании поступил на юридический факультет университета г. Бухареста. Будучи студентом оказался в эпицентре политической борьбы, вступил в комсомол, даже был

членом районного комитета комсомола, вступил в партию. За марксистскую работу его арестовала полиция, в тюрьме он подвергся пыткам [5].

Ханна Эльман, дочь торговца бакалейщика, родилась в Люблине Сорокской губ. (Бессарабия, Румыния), где окончила первоначальную школу. В 1920–1921 г. вместе с родителями переехала в город, где продолжила учебу и в 1927/1928 г. окончила гимназию. По случаю студенческих переворотов в Румынии и постоянных стычек между фашистскими и румынскими студентами, ее трое братьев, находящихся в Бразилии, посоветовали продолжить обучение заграницей и взяли на себя обязанность помочь ей материально на все время учебы. С 1928 по 1931 г. Ханна жила в Бельгии (г. Льерс), где училась в химическом институте при Льерском университете. В указанный промежуток времени Ханна Эльман состояла членом МОПРа и еврейской культурной организации при компартии Бельгии, где исполняла разные общественные работы. В 1929 г. была принята в КСМ организации г. Льерса под именем Жанет, где она продолжала свою общественную деятельность. Одновременно была членом и сотрудницей французской профсоюзной студенческой организации при французской компартии. В 1931 г. ее выслали из Бельгии за революционную деятельность, она оказалась во Франции в г. Кан, где продолжила учебу. После окончания учебы при переезде в Париж уже, будучи кандидатом в члены компартии, она работала в еврейской секции при французской компартии, в администрации издательства еврейской газеты «Новая Пресса» в качестве кассира. Эта работа, как она отмечала «…была у меня в качестве нагрузки общественной, и до моего заболевания и выезда из Франции» она там работала [4].

В 1932 г. Ханна завершила обучение в Индустриально-химическом институте при Канском университете. После окончания института, ее братья, посчитав свой долг выполненным, отказали в материальной помощи, и Ханна переехала в Париж, где казалось больше надежд на работу. Пробыла там около 2 лет, занималась разной черной работой (т. к. по специальности не могла устроиться) лишь-бы заработать на существование. В Румынии перспектив работы совершенно не было, повсюду безработица, но в 1934 г. по причине заболевания (отравление желудка) и сильного истощения организма Ханна была вынуждена возвратиться домой в Бессарабию. В это время она встретилась со знакомым (по гимназии и Льерсу) Д.Б. Гурвицом и в 1935 г. стала его женой. Жили молодые у родителей в

местности Згурица. Устроить самостоятельную жизнь им не удалось. После долгих и безрезультатных попыток, устроиться на кое какую работу, они решились на переезд в страну Советов [4].

Тяжелые экономические условия, политические гонения, длительная безработица и невозможность найти полноценную работу, а также надежда на счастливую справедливую жизнь в СССР, послужили основой выбора новой страны проживания. Был один путь – нелегальный переход, нелегальный маршрут беженцы проходили в сопровождении специальных людей, оказывавших подобные платные услуги.

21 июня 1936 г. Ханна Эльман со своим мужем Давидом Гурвицом, воспользовавшись услугами контрабандистов, перешли советско-румынскую границу. Их задержал погранотряд, и 7 месяцев они просидели в тюрьме НКВД г. Могилев-Подольск (пограничный город), где в течение семимесячного периода проводилась тщательная проверка. По ее результатам в порядке внутреннего расселения семейную пару отправили в Казахстан [4].

Семейство Цукерманов Яков и София, а также Окландер Бенеамин через своих знакомых в г. Сороки нашли переправщика, который за 7000 лей должен был их переправить на лодке на советскую сторону. По договоренности, переправщик прибыл к ним в Згурицы вечером в августе 1935 г. Цукерманы-Окландер находились в районе Трефауцкого леса, где они должны были встретиться с еще двумя переправщиками. Сорвали переправу непредвиденные обстоятельства, как не сменившийся пограничный наряд, паника Цукерманов и страх предательства, в итоге они сбежали домой. Переход отложили на зимний период, они полагали, что Днестр покроется льдом и соответственно отпадет необходимость лодочной переправы. Следующая попытка перехода границы состоялась 27 февраля 1936 г., для этого они заранее 23 февраля прибыли в Сороки, стоимость услуг контрабандиста обошлась им в 12 000 лей. Участники нелегального перехода подстраховались, передав переправщику только часть денег, остальную часть он должен был получить от отца Цукерман Софии в Згурицах, вручив последнему в качестве пароля белый кусок материи и слово «Париж». Семейство Цукерманов–Окландеров перешли на территорию СССР в районе Бикерового моста. Их задержали советские пограничники около с. Цекиновки Ямпольского р-на Могилев-Подольского окр., как и первую пару после длительной проверки отправили в порядке расселения в Казахстан, только в г. Алма-Ата, оттуда их направили в Семипалатинск [3].

Заплатив 20 000 тысяч лей, в ночь с 21 на 22 июля 1936 г. переход осуществили Зейлик Гальперин и Жени Окландер. Подготовку к переходу они начали еще в 1935 г., с этой целью Зейлик Гальперин списался со своим двоюродным братом, проживавшим в Одессе, с Зейликом Марковичем Нейман. Последний пообещал в ответном письме, что зайдет в НКВД и подаст заявление о том, что берет на свое иждивение, между делом сообщив, что очень многое зависит от разрешения полпреда Островского на въезд в СССР. Зейлик Гальперин с целью консультации о возможности переезда и получения визы посетил в Бухаресте полпредство СССР, беседовал с секретарем, однако последний мотивировал свой отказ в выдаче визы тем, что в аналогичном положении находятся тысячи молодых людей в Бессарабии, желающих жить в Советском Союзе [5, л.57–58]. Вместе с супругой Жени Окландер они оказались в Семипалатинске.

Наконец их мечта сбылась, они оказались в Советском Союзе, их переполняли эмоции, они захлебывались свободой, что можно было прочесть в письме Софии. Она искренне благодарила друга семьи за оказанную помощь в нелегальном переходе «[…] ты нас осчастливил, ты нам помог осуществить нашу мечту, наш идеал и мы приехали туда, куда мы мечтали приехать всю нашу жизнь. Конечно, написать все не могу, но если бы ты мог посмотреть когда мы перешагнули на эту святую землю, ты бы нас не узнал, мне хотелось целовать землю, мне хотелось целовать людей, я некоторое время от радости не могла прийти в себя…мне мало писать, мне бы хотелось закричать вслух, пусть мы увидим Советы во всем мире потому, что они коммунисты могут дать нам хорошую красивую жизнь. Эта страна растет с каждым днем. Мы живем лишь три месяца в этом городе, и мы его не узнаем […] Мы своими глазами видим, как люди обоготворяют т. Сталина» [5, л.102].

В аналогичном эмоциональном состоянии находилась Ханна Эльман «[…] короткое время, что я жила в Союзе, я действительно чувствовала и ценила советские достижения. То, к чему не могла дойти в течение пяти лет, после окончания института, в капиталистических странах, т. е. работать по квалификации, мне легко удалось достичь в стране Советов за 7 месяцев свободы, мы уже вели счастливую и культурную жизнь…». Ханна Эльман работала химлаборантом на пивзаводе, а Давид Гурвиц работал экономистом статистом в межрайонном заводуправлении маслопрома в Семипалатинске [3].

Советский Союз для нелегальных перебежчиков представлял собой остров надежды, естественно они не вдавались в анализ политических событий, происходящих в земле обетованной. А советская повседневность в указанных хронологических рамках должна была насторожить их. Реорганизация ОГПУ в НКВД, убийство С. Кирова и последовавшие за ним политические процессы и чистка партийных рядов, демонстрировали преследование инакомыслия и оппозиции. Контент анализ периодической печати советской страны показывал превалирование терминов «бывшие люди», «раскулаченный», «конфискованный», «социально-чуждый», «социально-опасный», «алашордынец», «троцкист» и пр.

Усиленно формировавшийся образ классового врага, внутрипартийная чистка, репрессии против «бывших», показательные карательные акции/судебные процессы готовили страну к массовому террору. Предвестниками «Большого террора» стали ключевые события 1937 г.: перепись, получившая название «расстрельная», январский процесс «Параллельного антисоветского троцкистского центра», февральско-мартовский пленум. Многие оперативные приказы 1937 г. обязаны печально известному, докладу И. Сталина «О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников». Выступление И. Сталина обосновало необходимость массовых репрессий «социально-чуждого элемента», принявших облик законспирированных саботажников, вредителей, диверсантов, шпионов, агентов враждебных государств, направленных на ослабление и уничтожение Советского Союза. Перебежчики, высланные на поселение в статусе вне подданства, были обречены на заклание докладом И.В. Сталина на февральско-мартовском пленуме 1937 г., указавшим их идентификационный маркер – «диверсанты», «агенты», «шпионы».

Каждый перебежчик, проживая и работая на территории СССР, находился под бдительным надзором НКВД, свидетельством тому являлось содержание агентурных разработок и исходящая документация на имя вышестоящего руководства. В информации заместителя начальника НКВД КАССР П. Володзько из Семипалатинского областного управления НКВД отмечалось, что Цукерман Яков Васильевич живет с апреля 1936 г. в Семипалатинске, «[…] работает в Казпедтехникуме в должности секретаря – бухгалтера и преподает немецкий язык. […] Имеет широкие связи среди перебежчиков особенно из Румынии» [3, л.107]. Личные письма, переписка подлежали

перлюстрации, благодаря чему собиралась дополнительная информация, и расширялся потенциальный список будущих жертв политических репрессий.

Яков Цукерман был арестован 13 ноября 1937 г., осужден 1 января 1938 г. к десяти годам лишения свободы решением Особого совещания, отбывал наказание в Устьвымлаге в Коми АССР. Его обвиняли в антисоветской, контрреволюционной деятельности, в распространении клеветы на Советский Союз и в намерениях уйти заграницу. В лагере, где Я. Цукерман отбывал срок, он работал старшим механиком, затем начальником лесопилки, местное начальство охарактеризовало Я. Цукермана, как «…исключительно добросовестного заключенного, много…», вкладывающего «…труда и энергии в дело выполнения и перевыполнения плана по лесопилению…». Учитывая столь лестную характеристику, он решил обратиться с ходатайством о досрочном освобождении или сокращении срока наказания. Первое ходатайство получило отказ, второе оказалось более результативным от 23 апреля 1945 г., практически к окончанию срока 13 ноября 1947 г., решением Особого совещания за высокие производственные показатели и отличное поведение Якову Цукерману снизили срок на один год, т. е. до 13 ноября 1946 г. [3, л.24]. Дело Софьи Цукерман – Окландер было прекращено во время следствия, дальнейшая ее судьба неизвестна, к сожалению, результаты поиска не увенчались пока успехом.

Давид Борисович Гурвиц был арестован 13 ноября 1937 г., как отмечено в его жалобе, на допрос его вызывали лишь единожды с непонятной для него формулировкой вопроса: «…был ли я завербован кем-либо, завербовал ли я кого-либо…». Эльман Хану Хаймовну арестовали 14 ноября 1937 г. 10 января 1938 г. решением Особого совещания их приговорили к десяти годам лишения свободы за антисоветскую агитацию и шпионскую деятельность в пользу Румынии. Неоднократные их обращения в НКВД и Генеральную прокуратуру СССР с просьбой пересмотреть их дела, отменить решение Особого совещания были отклонены. Последнее письмо Д. Гурвица датируется 26 июня 1956 г. с ходатайством отмены постановления Особого совещания и прекращения дела за отсутствием состава преступления получило отклик, 13 октября 1956 г. он и Ханна Эльман были реабилитированы [4].

Зейлик Гальперин, Жени Окландер и Бениамин Окландер были арестованы 14 ноября 1937 г., 4 февраля 1938 г. З. Гальперин, Б.

Окландер в альбомном порядке были приговорены к расстрелу, Ж. Окландер к десяти годам лишения свободы. Попытка НКВД создать групповое дело о деятельности шпионско-диверсионной группы, оказалась неудачной, несмотря на максимальное привлечение к допросам перебежчиков, проживавших в Семипалатинске.

Строки письма Ханны Эльман «Поскольку все перебежчики города (Семипалатинска) были арестованы, на меня арест произвел тяжелое впечатление, считая, что идет проверка всех нас, и т. к. моя совесть чиста, не чувствуя за собой никаких замыслов против советской власти, кроме честной работы, я рассчитывала, что разберутся и выпустят. Неописуемы были мои переживания во время и после допросов, видя, что следователь искажает мои ответы и добился меня рисовать как дочь купца, вместо дочки мелкого торговца (бакалейного лавочника), который без никакой наемной силы, а только при помощи своей семьи мог существовать. Неправильно указано в протоколе, что мой отец купец. Когда на вопрос – как я была завербована румынской контрразведкой (вопрос не обоснован ни на каких фактах), просила запротоколировать приведенный мною факт, который опровергает это обвинение, а именно то, что после моего перехода границы, все имущество родителей было опечатано и вся семья, включая 70-и летних стариков (родители), арестованы, и до моего ареста неизвестна была развязка военного суда, который создал старшему брату, в связи с переходом границы самостоятельное дело – следователь на меня зло рассмеялся и отказался внести это в протокол…» [6, с.179], свидетельство повальных арестов всех перебежчиков, отправленных на поселение в г. Семипалатинск в рамках реализации приказа № 00485.

Операция по 00485 приказу проводилась в два этапа, вначале аресту подлежали поляки, работавшие в органах НКВД, в Красной армии, на военных заводах и т. д., затем все остальные, работающие на промышленных предприятиях, необоронного характера, в совхозах и колхозах. В процессе следствия всех арестованных разделяли на две категории, к первым отнесли всех с расстрельной статьей – так называемые «шпионские, диверсионные, вредительские и повстанческие кадры польской разведки», ко второй приговоренных к срокам. Критерием «преступности» в указанных операциях, выступало рождение или проживание во «враждебной» «капиталистической» стране или поддерживание любой связи с ней. «Национальные» операции были направлены на определенные целевые категории, которые задавали «польский», «харбинский», «немецкий» приказы. В общесоюзном

масштабе аресты проводились среди военнопленных, политэмигрантов, перебежчиков, «польских и консульских связей», белоэмигрантов, этапированных в СССР, служащих иностранных предприятий, заключенных, отбывающих или уже отбывших срок за иностранный шпионаж и т. д. Все указанные категории объединены одним признаком – «связь с заграницей», т. е. «подозреваемыми» в шпионаже становились те, кто родился, учился, работал за границей, бывал в командировках или в гостях, поддерживал контакты с иностранными родственниками, друзьями или коллегами, общался с подданными других стран, находившимися в СССР, в т. ч. с дипломатами, послами, консулами, работали в иностранных предприятиях и т. д. В целом, этничность, «связь с заграницей», социальный статус и «антисоветское» поведение увеличивали «шансы» для репрессий [6, с.22–23].

Нелегальные перебежчики, в поисках лучшей доли, оказавшись на территории СССР, получив стремительно короткую «счастливую советскую жизнь», стали жертвой равнодушной системы политического террора.

1. [Электронный ресурс]: Цви Кэрэм Евреи, неевреи и т. д. – Тель-Авив: Яков Пресс, 1987. – 331 с. Режим доступа: http://www.belousenko.com/books/memoirs/kerem_jews.htm (дата обращения 15.05.2022)
2. Дунаева Ю. Эго-документы в исторической науке XX – начала XXI В. // Социальные и гуманитарные науки. – 2017. – № 3.
3. СГА ДП ВКО Ф.19. Оп.2. Д.217.
4. Там же. Д.919.
5. Там же. Д.1921.
6. Жанбосинова А.С. «Прошу снять с меня незаслуженное клеймо 58-й статьи»: эго-документы истории политического террора в Казахстане. – Семей: Интеллект, 2020. – 552 с.

Сактаганова З.Г.

Дети Карлага: по материалам архивов и воспоминаний

Проблема «дети ГУЛАГа» в историографии разработана крайне недостаточно. Косвенно эта тема затрагивается в работах, посвященных изучению истории ГУЛАГа; однако специальные труды по заявленной теме единичны. Весьма скудно представлена отечественная историография, работы, по касательной затрагивающие проблему детства, в казахстанской историографии начинают появляться только в начале 2000-х. В единичных исследованиях представлены параграфы по истории лагерного детства Карлага [1–2]. Из первых специаль-

ных небольших по объему работ, посвященных детям Карагандинского ИТЛ, следует выделить работу «Дети Карлага», изданную Центром правовой статистики Карагандинской обл. в 1999 г. [3]. В 2015 г. была издана книга-альбом профессора Н.О. Дулатбекова с детскими фотографиями, фото личных вещей и рисунков, в альбоме приведены письма детей к матерям-заключенным, имеются воспоминания осужденных женщин и детей [4].

Согласно архивным справкам в Карлаге существовали детские отделения в 7 лаготделениях Карлага [4, с.6]. На 29 июня 1952 г. в составе Карлага: в Каражарском лаготделении имелись дом младенца на 150 детей, детизолятор на 10 мест, родильное отделение от 5 до 10 коек; в Топарском лаготделении – дом младенца на 200 детей, детизолятор на 10 мест, родильное отделение от 5 до 10 коек; в Бидаикском лаготделении – дом младенца на 200 детей, детизолятор на 10 мест, родильное отделение от 5 до 10 коек; в Акмолинском лаготделении – дом младенца на 150 детей, детизолятор на 10 мест, родильное отделение до 5 коек; в Карабасском лаготделении – дом младенца на 25 детей; в Долинском и Самарском (дом младенца на 150 детей) лаготделениях также имелись дома младенца, детизоляторы, родильное отделение [5].

Анализ текстов приказов, справок и других документов позволяет изучить условия содержания маленьких заключенных. В частности, в архивных материалах за 1937 г. зафиксировано: «Помещения детясель содержатся грязно, всюду в палатах клопы и мухи. Обслуживающий персонал свои обязанности выполняет недобросовестно, отсутствуют требовательность и дисциплина, матери детей, содержащихся в яслях, грубо и безнаказанно нарушают установленный порядок и режим в яслях, пища однообразна, есть факты хищений продуктов и инвентаря» [6].

Еще несколько фрагментов из документов архива позволяют представить условия содержания детей в детских отделениях. «Согласно приказу № 117 Управления Карагандинского исправительно-трудового лагеря НКВД от 23 марта 1938 г. становится понятным, что в результате проведенного обследования детских яслей в Чурубай-Нуринском отделении комиссией были выявлены ряд существенных недочетов и ненормальностей:

1. Установленные нормы молока для детских яслей полностью не выдаются, вместо молока отпускается пахта.

2. Ясли не снабжаются в достаточном количестве топливом, вследствие чего имеют место массовые гриппозные заболевания в детсяслях. Часть помещения не отапливается и в момент обследования, а до этого момента были дни, когда температура в яслях едва достигала 9 градусов.

3. Метраж, отпускаемый для пошивки детского вещдовольствия, задерживается в складах части снабжения.

4. Распоряжение от 27 февраля с. г. за № 779-1309 о выделении обслуги яслей в отдельное помещение начальником отделения до сих пор не выполнено.

5. Прачечная детяслей содержится в антисанитарном состоянии – стоки для отработанной воды засорены и не работают, технадзор отсутствует.

6. Несмотря на то, что для пошивки детского вещдовольствия был отпущен материал и выкройки к нему, что облегчало работу пошивкой его – сшиты же комбинезоны чрезвычайно неудобные и затрудняющие уход за детьми» [7]. Документ подписан начальником управления Карлага НКВД, старшим лейтенантом госбезопасности Лининым.

В тяжелейших условиях находились и беременные женщины. «Проведенной Прокуратурой Карлага НКВД проверкой выполнения Указа Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. об оказании помощи беременным женщинам и кормящим матерям в подразделениях лагеря установлено, что указ в некоторых отделениях не выполняется.

1. Кормящие, беременные, многодетные женщины и одинокие матери на учет не поставлены.

2. Расчеты с детскими учреждениями за содержание детей производятся по-старому, т. к. никаких указаний со стороны ФИНО Управления на этот счет в отделения не дано.

3. Имеются нарушения в части выдачи дополнительных карточек беременным женщинам и кормящим матерям. Так, например, в Батыкском отделении 5 человек указанной выше категории женщин, получившие справки врача на дополнительное питание со II половины августа, вторую карточку на питание не получили, несмотря на неоднократные требования отделения, только лишь потому что карточное бюро Управления своевременно не подготовило необходимое количество карточек.

4. В некоторых отделениях для беременных и кормящих матерей не создаются нормальные условия. Так, например, 22 августа с. г. в

Бурминском отделении при проверке санитарно-бытовых условий в одном из подконвойных бараков было установлено, что беременная заключенная Манькова совершенно не имеет никакой постельной принадлежности и нательного белья, спит на голых нарах, не имея даже соломенного мата [матраса], завернувшись одеялом. Такие факты имеются и в других отделениях. Прокурор Карлага НКВД советник юстиции Степанов» [8].

Уровень заболеваемости и смертности детей в Карлаге демонстрирует содержание письма начальника политотдела ГУЛАГа НКВД СССР, бригадного комиссара Васильева от 16 декабря 1939 г. «О заболеваемости и смертности детей в Карлаге». «По Вашему лагерю отмечается крайне высокая смертность среди детей заключенных матерей. Из общего числа детей – 514, имеющихся в лагере, за сентябрь и октябрь умерло – 98 человек, что составляет 18% к наличному составу детей. Из числа умерших за эти два месяца, 46 человек умерло от воспаления легких, что составляет 50% всей смертности. Смертность от воспаления легких объясняется крайне неудовлетворительной постановкой лечебного дела, несвоевременной госпитализацией и безобразной постановкой профилактической работы в детяслях, в результате чего имеется большое количество простудных заболеваний с последующими осложнениями на легкие» [9].

Условия содержания детей в Карагандинском лагере, эпизоды детских судеб отслеживаются в воспоминаниях бывших заключенных ИТЛ – маленьких узников Карлага. Характерно, что многие люди, свидетельствовавшие о своем рождении в ГУЛАГе, родились сразу по прибытию в лагерь их матерей или даже по пути в лагерь. Майнхард Штарк начинает свою книгу «Дети ГУЛАГа. Забытые жертвы» со свидетельства ленинградского художника Люциана Долинского. По его словам, он был рожден в поезде из Ленинграда в Караганду. Отсюда имя «Люциан» – «светящийся», «приносящий свет». Его мать была расстреляна через несколько недель по прибытию в лагерь. Сам он был усыновлен бывшей заключенной в 1946 г. [10].

Еще одно воспоминание – Тамара Косталевская о своей матери и о своем рождении: «В момент ареста мама (Карпович Антонина Алексеевна, арестована осенью 1938 г., статья – ЧСИР; срок 8 лет в ИТЛ) была беременна, приблизительно два месяца. И я родилась в лагере, в Акмолинском отделении Карлага, 26-я точка» [11, с.114]. «Я пробыла там с мамой до ее освобождения восемь или девять лет, точно не помню... Потом мы с мамой освободились и жили уже в ссылке,

на маленькой станции, минутах в двадцати от Акмолинска. Мама работала в артели. Там было много бывших заключенных [11, с.118].

«За восемь лет пребывания в лагере единственным нашим развлечением была лошадка, которая вывозила каждый день мертвых – они лежали в телеге, прикрытые брезентом, из-под которого торчали руки и ноги. Но мы как-то не задумывались о смерти. И даже ждали эту лошадку, в сумерках, когда вывозили трупы…». «Я только могу сказать, что мы жили за зоной, это было несколько бараков, бараков пять, по которым я бегала. Это были длинные бараки. Посредине столбы стояли, и очень донимали клопы... Лагерный (детский сад) находился там же, в пределах лагеря, я это помню. Нас, детей, содержали в группах. Наша группа была небольшая, человек 15. Жили мы в одноэтажном доме, комнаты мальчиков и девочек отдельно. В комнате для девочек было до десяти коек. Я даже зрительно могу подсчитать число кроваток» [11, с.116, 117]. «[...] За нами ухаживали женщины – не то политические, не то заключенные какой-то другой категории. Я не знаю. Но отношение к нам было не совсем человеческое. Мне казалось, что меня просто ненавидели. Может, это только ко мне так относились, но я была ребенком, я не знаю. Я не чувствовала любви со стороны этих женщин. С матерью мы иногда встречались; мама была рядом, мы это знали. Я всегда ее ждала. Может быть, я особенно ждала, но когда я говорила, что сегодня придет моя мама, надо мной почему-то все смеялись. И смеялись не только взрослые, но и дети. Там как-то странно было. Во дворе горка, но меня не пускали к ней, и велосипед был, который мне тоже не давали. Жестокость там была. Отбирали мои игрушки [...]

А был такой случай. Ночью нам не разрешали выходить в коридор. Но, очевидно, у меня расстроился желудок, и я вылезла из кроватки. И стала искать горшок. Я его не нашла и со мной случилась беда прямо в кроватке. Когда это обнаружилось, то меня раздели догола, поставили на скамейку, собрали вокруг меня всех детей [...] и каждый ребенок, чем мог, тем в меня и бросал, во все места (плачет) [...] щипали, тыкали. Меня просто пригвоздили к позорному столбу. Я испытала такое унижение, которое не могу забыть до сих пор.

Была там, правда, одна пожилая женщина, звали ее Хана Самойловна. Она была детский врач, доктор наук из Москвы, она очень любила меня. Не только меня, а всех детей. Но по свидетельству моей мамы, она тоже была заключенной, политической. Потом, когда во время войны стали собирать женщин-врачей, ее увезли в Москву. В

семь месяцев я очень сильно заболела – воспаление почечных лоханок. И вот Хана Самойловна целыми ночами носила меня на руках, и только благодаря ей я осталась жива. Она, говорила мама, была рядом все время [...]» [11, с.118].

Т. Косталевская вспоминала, что «случались еще драки за забором, у бытовиков. Я не раз наблюдала и драки, и поножовщину». Она с большой благодарностью вспоминала казахов, местное население, «которое всегда было щедрым и открытым» [11, с.118, 119].

Другие дети вспоминали о постоянных унижениях, перенесенных в лагерных яслях. Н.Н. Симонова, родившаяся в Карлаге в 1938 г., пишет в своих воспоминаниях: «Жила я, естественно, не с ней (матерью), а недалеко от зоны, в детдоме для детей политзаключенных. Память детства, годы, проведенные в детдоме, очень мало запечатлелись [...] В нашем детдоме жили дети от грудного возраста до школьного периода. Условия проживания были тяжелыми, кормили нас плохо. Приходилось лазить по помойкам, подкармливаться ягодами в лесу. Очень многие дети болели и умирали. Но самое страшное, над нами там издевались в полном смысле этого слова. Нас били, заставляли долго простаивать в углу на коленях за малейшую шалость... Однажды во время тихого часа я никак не могла заснуть. Тетя Дина, воспитательница, села мне на голову, и если бы я не повернулась, возможно, меня бы не было в живых. Жила я там до 1946 г., пока не освободилась из заключения мама (пробыла она в лагерях 12 лет) [...]» [12, с.245].

По воспоминаниям Г.А. Семеновой «Дети Карлага были 2-х сортов: I сорт – это дети вольнонаемного состава, II сорт – это дети заключенных. 1. От ЧСИР, арестованных беременными; 2. От ЧСИР, забеременевших в лагерях от «лагерных браков» при переводе их в смешанные отделения Карлага; 3. От бытовичек и уркачек – в результате лагерных браков. Некоторых счастливых детей заключенных ЧСИР и осужденных по 58-й ст. забирали из лагеря родственники, если такие оставались на свободе. Остальных детей, и от ЧСИР, и от 58-й ст., и бытовичек смешивали в одну кучу, там были и дети сифилитиков и алкоголиков, дети туберкулезников и пр.

У них, как у детей заключенных, были отдельные ясли и детсады, обслуживалась они бытовиками, которые, конечно, их объедали, обижали и били. С достижением четырехлетнего возраста, если только ребенок выживал, отправляли в дальние детские дома, где их принимали, как детей «врагов народа», с соответствующим к ним «отношением», т. е. за ними не доглядывали. Судьбе таких детей не поза-

видуешь: ни ласки, ни тепла, ни тем более любви они не видали. Большинство из них болели, не вылечивались и погибали. Бытовички обслуживали их кое-как, например, кормили малышей так: запихнут рот до отказа кашей, так что ребенок чуть не задохнется и не может ее проглотить, и остается, таким образом, голодным, а она пихает уже следующему, их не интересовало даже, сыт ли ребенок. Сами бытовички были сыты «от пуза» и «в тепле». Да если бы нормальные матери видели это обращение с их детьми, они бы рвали на себе волосы. Оставшиеся в живых дети были затравленными, настороженными зверенышами, ничего детского в них не было, это можно сказать, были «доходяги» [4, с.87].

Тяжелейшие, невыносимые для взрослых заключенных условия, были еще более невыносимыми для детей. Уровень смертности продолжал расти. В справке начальника санотдела Владимирова было отмечено, что за 1943 г. в целом по Карлагу умерло 226 детей. Основные причины смертности: во-первых, дети, прибывшие с внешним этапом, в основном в большинстве – дистрофики, гипотрофики и больные туберкулезом. Так, из 91 ребенка, прибывших из других лагерей и тюрем, умерло 57 детей (62%); во-вторых, недостаточное по калорийности питание беременных и матерей (1926 детей родилось до 3 кг). Всего 20% матерей могли кормить детей грудным молоком; в-третьих, гриппозная инфекция дала тяжелые осложнения; в-четвертых, умерло от туберкулеза легких в основном из числа этапированных. Смертность, обозначено в справке, давали в основном два детских дома – Чурубай-Нуринский и ЛСО, получающие этапных детей и детей новорожденных. Самарский дом младенца не имел ни одной смертности за 1943 г., Бидаикский – 18, Акмолинский – 6. Среднемесячное количество детей в 1941 г. – 1001 человек, из них умерло – 202 (20%); в 1942 г. из 805 детей умерло 314 (39 %); в 1943 г. – из 733 детей умерло 216 (29%); в 1944 г. – из 837 человек умерло 182 (21,7%) [13].

Детские воспоминания о Карлаге субъективны. В них много общего, в чем-то они противоречат друг другу. Но схожи они в одном: лагерное детство было голодным и полным страданий, болезней и унижений. Некоторые из детей Карлага отказывались и сегодня давать интервью. Травмы «лагерного детства» так и остались неотработанными. Уходят из жизни последние персонажи – дети Карлага, сохранены единицы их воспоминаний и свидетельств. В силу своей редкости, они составляют бесценный исторический источник.

1. Шаймуханова С.Д. Политические репрессии в Казахстане (30–40-е – начало 50-х гг. – Караганда, 2000. – 180 с.; Сабинин А. Острова Архипелага Гулаг в Казахстане / Страницы трагических судеб: Сб. воспоминаний жертв политических репрессий в СССР в 1920–1950-е гг. // Архив Президента Республики Казахстан: сост. Е.М. Грибанова (ответ.), А.С. Зулкашева, А.Н. Ипмагамбетова, Р.К. Кангужиева, Е.В. Чиликова. – Алматы: Жеті жарғы, 2002. – С.228-232.
2. Кукушкина А.Р. Акмолинский лагерь жен «изменников родины: история и судьбы. – Караганда, 2002. – 184 с.
3. Дети Карлага. / Сост. Горецкий В.В.; Центр правовой статистики и информации при прокуратуре Карагандинской обл. – Караганда, 1999. – 59 с.
4. Мамочкино моласы. – Мамочкино кладбище. – Mamochkino cemetery / Н.О. Дулатбеков. – Караганды: Болашақ, 2015. – 104 б.
5. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф.Р-9414. Оп.1. Д.1009. Л.236-244.
6. Архив Управления Комитета по правовой статистике и специальным учетам Генеральной Прокуратуры Республики Казахстан (УКПС и СУ ГП РК) по Карагандинской обл. Ф.16. Д.12. Л.347-348.
7. Там же. Д.13. Л.228-229.
8. Там же. Д.40. Л.236.
9. Государственный архив Карагандинской области (ГАКО). Ф.1171. Оп.1. Д.13. Л.61.
10. Stark M. Gulag-Kinder. Die vergessenen Opfer. – Metropol, 2013. – P.13.
11. Тамара Викторовна Косталевская говорит // Вся наша жизнь. Воспоминания Галины Ивановны Левинзон и рассказы, записанные ею. – М.: Мемориал, 1996. – 162 с.
12. Дети ГУЛАГа. 1918–1956. / под. ред. А.Н. Яковлева. Состав. С.С. Виленский и др. – М.: МФД, 2002. – 631 с.
13. Архив УКПСи СУ ГП РК по Карагандинской обл. Ф.16. Д.455. Л.22.

Макипов А.С.
Вафин Х.Ш.

Некоторые оценки качественных характеристик осужденных еврейской национальности Акмолинской обл.

В 1920–1930-х гг. еврейское население увеличивалось как за счет молодежи, приезжавшей из мест черты оседлости на стройки пятилеток, так и благодаря большому числу политических ссыльных, отправленных в Казахстан. В 1926 г. в Казахстане проживали 3600 евреев, в 1939 г. – 19 200 человек.

В Алма-Ате в 1928–1929 гг. находился в ссылке Лев Троцкий. Не менее крупной фигурой российского революционного движения был Абрам Гоц (1882–1940), высланный в Алма-Ату в 1935 г. В Актюбинске в ссылке жил член ЦК Бунда М. Губин (1886–1937), арестованный и расстрелянный в ноябре 1937 г. Перед последним арестом в 1937 г. проживал в Алма-Ате и работал экономистом-плановиком

горкомхоза Михаил Либер (1880–1937) – один из лидеров меньшевиков [1].

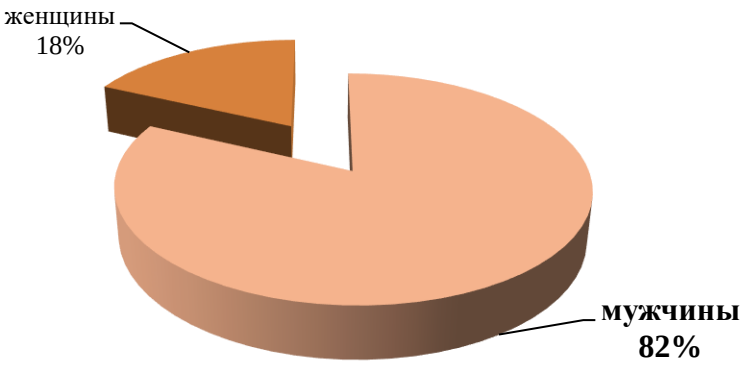
В 1948–1953 гг. во время борьбы с «космополитами» в Казахстан, в частности в Караганду, были сосланы многие евреи-интеллигенты, среди них: будущий поэт, писатель, переводчик, драматург и эссеист Н. Коржавин (1925–2018), студент Московского педагогического института Ю. Айхенвальд (1928–1993), поэт, математик, один из лидеров диссидентского и правозащитного движения в СССР А. Есенин-Вольпин (1924–2016) [2].

По архивным уголовным делам на лиц еврейской национальности, имеющимся на хранении в СГА ДВД Акмолинской обл. Отложились сведения на 61 человека.

Большинство осужденных спецпереселенцев еврейской национальности были осуждены по ст.: 58 п. 10 и 11 УК РСФСР, устанавливающим ответственность за контрреволюционную деятельность. Статья отменена в 1961 г.

Распределение генеральной совокупности по гендерному различию составило следующее распределение: осужденных мужчин евреев составляет – 50 человек, женщин евреек – 11 человек.

Диаграмма 1.
Распределения генеральной совокупности
по гендерному признаку



По выше представленным данным мы можем увидеть распределение по гендерному признаку евреев осужденных по 58 ст., из которых мы видим превалирующее количество осужденных мужчин, однако количество осужденных женщин составляет почти 20%.

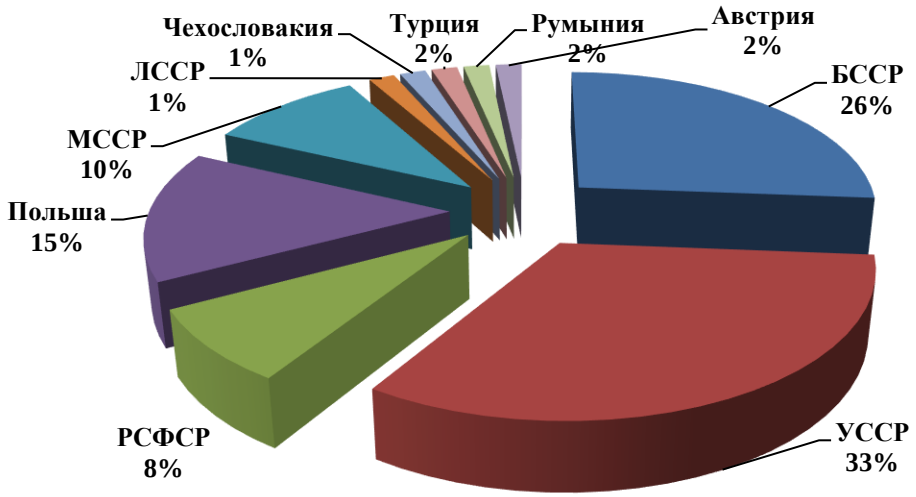
Данное распределение интересно будет рассмотреть в разрезе возрастного распределения и семейного положения осужденных.

Далее что бы рассмотреть места, откуда были выселены осужденные, необходимо разобраться с понятием «черта оседлости».

Черта оседлости (полное название: Черта постоянной еврейской оседлости) – в Российской империи с 1791 по 1917 г. (фактически по 1915 г.) – граница территории, за пределами которой запрещалось постоянное жительство евреям (то есть иудеям), за исключением нескольких категорий, в которые в разное время входили, например, купцы первой гильдии, лица с высшим образованием, отслужившие рекруты, ремесленники, приписанные к ремесленным цехам, караимы, горские и бухарские евреи. Площадь территории – около 1 224 008 км² [3].

Территория черты оседлости была первоначально определена указом Екатерины II в 1791 г. как территория России, где дозволялось селиться и торговать евреям. Она возникла после Второго раздела Речи Посполитой, когда её восточные территории, вместе с местным еврейским населением, отошли к Российской империи. Черта оседлости охватывала специально оговорённые населённые пункты городского типа – местечки (в сельской местности проживание не дозволялось) значительной части Царства Польского, Литвы, Белоруссии, Бессарабии, Латгалии, которая была частью Витебской губ., а сейчас – Латвии, а также части территории современной Украины, соответствующей южным губерниям Российской империи [4].

Диаграмма 2.
Распределения генеральной совокупности по месту рождения

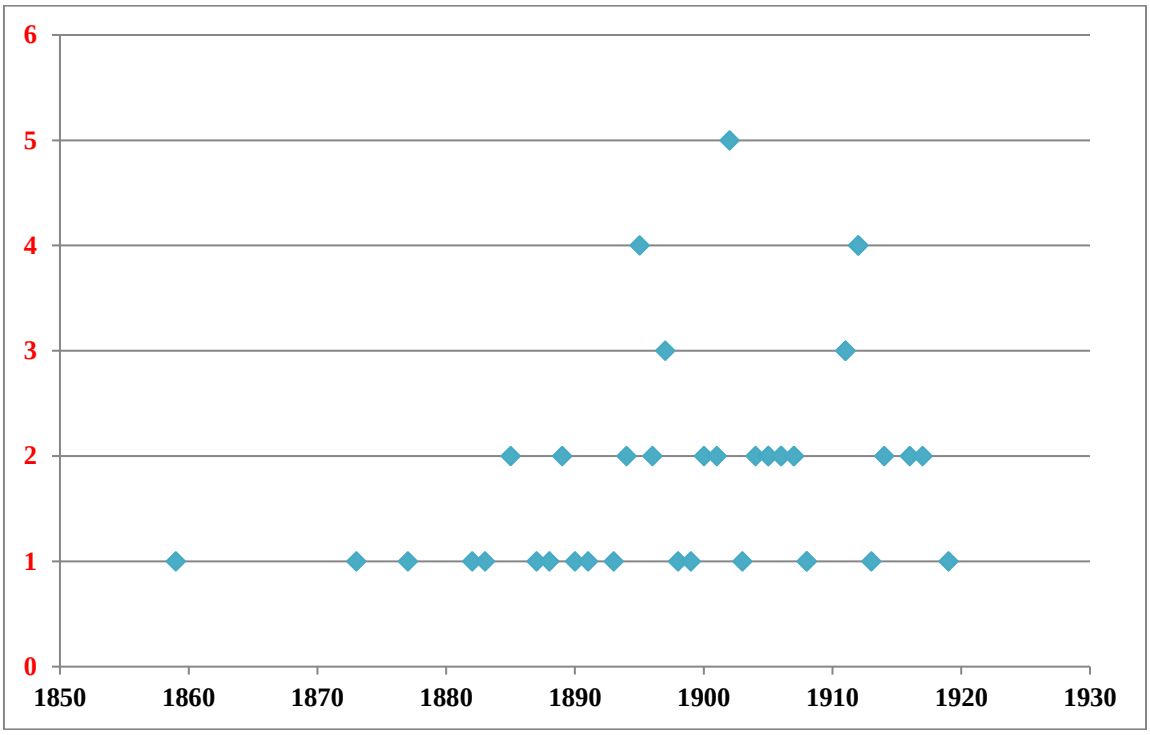


Как мы можем видеть из диаграммы выше и исторической справки о так называемой «черте оседлости», что из республик СССР и стран Восточной Европы в Акмолинскую обл. были выселены 61 осужденных евреев. Из них из Белорусской ССР – 16, из Украинской ССР – 20, из РСФСР – 5, Австрии – 1, Польши – 9, Турция – 1, Молдавской ССР – 6, Румынии – 1, Чехословакии – 1, Литовской ССР –1.

По году рождения генеральная совокупность выглядела следующим образом: 1859, 1873, 1877, 1878, 1882, 1883, 1887, 1888, 1890, 1891, 1893, 1898, 1899, 1903, 1908, 1913, 1919 г. р. – по 1 человеку; 1885, 1889, 1894, 1896, 1900, 1901, 1904–1907, 1914, 1916, 1917 г. р. – по 2, 1895, 1912 г. р. – 4; 1897, 1911 г. р. – 3; 1902 г. р. – 5.

Визуально данные представлены в виде Диаграммы 3.

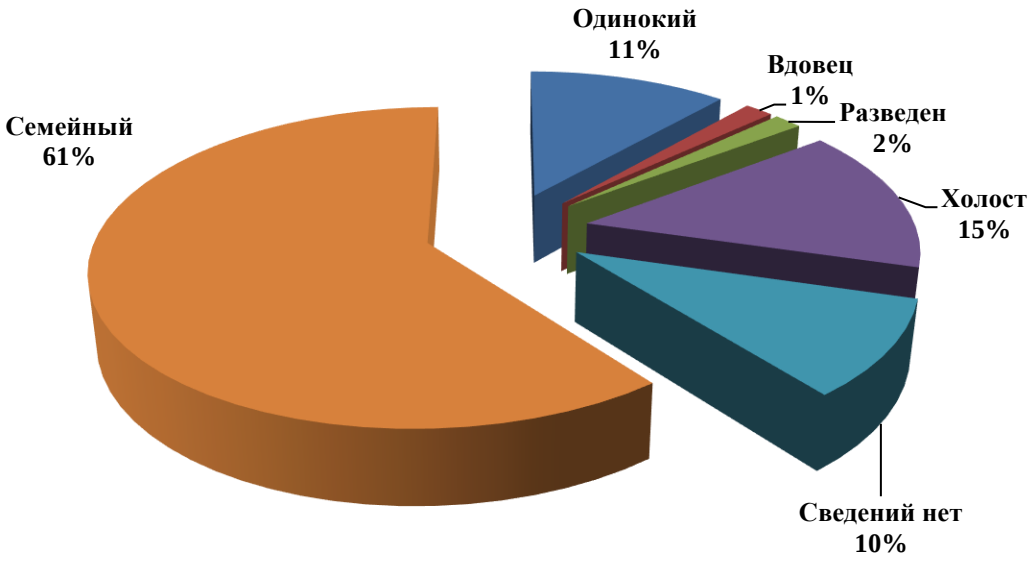
Распределения генеральной совокупности по году рождения



Из распределения мы видим удивительную зависимость, что разница в возрасте между осужденными наблюдается шаг всего в 1–2 года при этом разница в возрасте между 1859 и 1919 составляет 60 лет. Немаловажный факт заключается в том, что в среднем практически все осужденные получили свой срок в 1938–1945 гг. То есть самому взрослому осужденному было 79 лет, в то время как самому молодому было 19 лет. При этом средний возраст осужденных от 30 до 40 лет. Это в основном крепкие здоровые люди в рассвете своих сил, которые в своей генеральной совокупности сочетают три поколения.

Давайте рассмотрим состав семей осужденных: одиноких – 7 человек, вдовцов – 1, разведённый – 1, холостой – 9, сведений нет – 6, семейных – 37.

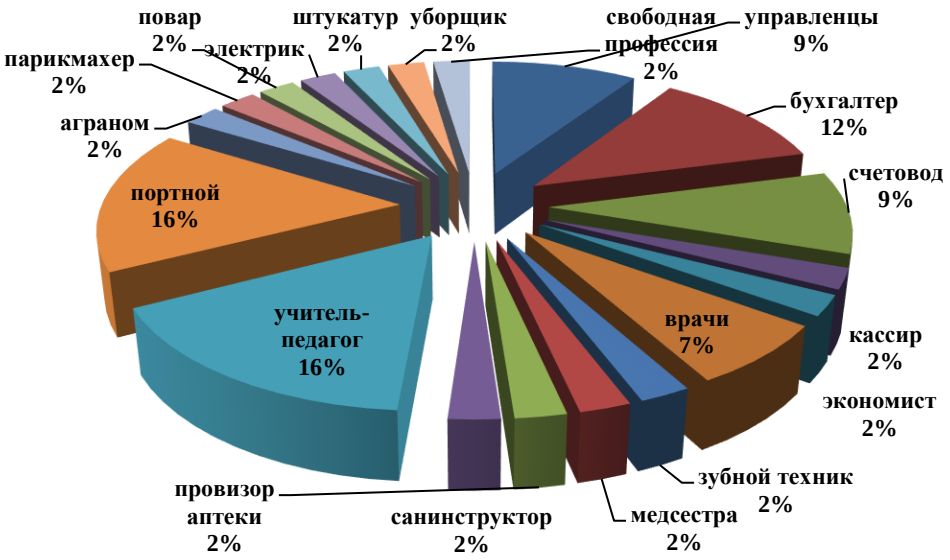
Диаграмма 4.
Распределения генеральной совокупности по составу семьи



В совокупности из осужденного контингента 61% составили семейные люди, которые увлекли за собой семьи в Акмолинскую обл. При этом число не женатых в совокупности с одиночками, вдовцами, вдовами и разведенными составляет почти 30%. Необходимо рассмотреть эту категорию в разрезе возрастного и гендерного распределения. Учитывая, что срок по данной статье в среднем 10 лет, то осужденные со средним возрастом 40–50 лет должны были встретить свою биологическую старость в Казахстане, а старшее поколение должно быть похоронено в Акмолинской обл.

Не менее интересно распределение генеральной совокупности по специальностям и профессиям осужденного контингента еврейской национальности: агроном – 1 человек, портной – 7 человек, бухгалтер – 5 человек, кассир – 1 человек, экономист – 1 человек, счетовод – 4 человека, врачи – 3 человека, зубной техник – 1 человек, медсестра – 1 человек, провизор в аптеке – 1 человек, санинструктор – 1 человек, механик – 1 человек, грузчик – 1 человек, директора – 4 человека, заведующий складом, отделения – 5 человек, инженер – 2 человека, учитель-педагог – 7 человек, парикмахер – 1 человек, шеф-повар – 1 человек, электрик – 1 человек, штукатур – 1 человек, уборщик –1 человек, свободная профессия – 1 человек.

Диаграмма 5.
Распределения генеральной совокупности по профессиям



Из диаграммы 5 мы видим широкий спектр профессий осужденного контингента и определенный баланс между управленческим сектором 9%, финансовым – 25% и рабочим сектором, который представлен почти 30%. Профессии сферы услуг – повара, парикмахеры, уборщики и другие, за исключением портных – 16% представлены ограниченно. Интеллигенция – учителя 16%, врачи и лица, близкие к медицинским специальностям составляют 15%.

Проблема миграции еврейского населения многократно становилась предметом исследований. В первую очередь изучались и изучаются процессы, связанные с эвакуацией. От внимания исследователей ускользает такая тема как миграционный поток евреев, связанный с репрессивной политикой советского государства.

В 1930–1940-е гг. абсолютное большинство переселений носило вынужденный характер. В исследованиях, посвященных насильственной миграционной политике, вопрос о депортации евреев как этноса не поднимался. Анализируя документы СГА ДВД Акмолинской обл., можно отметить, что в 1930–1940-е гг. произошел значительный рост евреев в регионе, в т. ч. за счет вынужденных мигрантов, прибывающих в Акмолинскую обл. Как репрессированный «социально-чуждый элемент» [5].

1. ЦГА РК. Ф.51. Оп.1. Д.36. Л.30. Гринберг И. Евреи в Алма-Ате. Краткий исторический очерк. – Алматы: FORTRESS, 2009. – С.86-88. В Википедии отсутствуют сведения о пребывании А.Р. Гоца в Казахстане, подробная информация о казахстанском периоде опубликована на страницах книги И. Гринберга.

2. Коржавин Н.М.В конце 1947 г. арестован по обвинению в антисоветской деятельности. В ходе следствия предъявленные обвинения были сняты, и официально ему предъявили «чтение стихов идеологически невыдержанного содержания». Около 8-ми месяцев провёл в изоляторе МГБ и в Институте им. Сербского. Осуждён постановлением ОСО при МГБ и приговорён к высылке из Москвы как «социально опасный элемент». Осенью 1948 г. выслан в Сибирь, около 3 лет провёл в с. Чумаково. В 1951 г. по совету двоюродной тёти, Р.Е. Яхниной, отправился в Караганду. Окончил горный техникум при учебно-курсовом комбинате № 3 треста «Ленинуголь», освоил специальности бурильщика, проходчика и помощника машиниста комбайна ПК-2М, получил диплом штейгера (горного мастера). С 1954 г. служил литературным сотрудником отдела культуры и быта и позже отдела писем газеты «Социалистическая Караганда». 9 декабря 1954 г., после амнистии, уволился из газеты и вернулся в Москву. Ю. Айхенвальд был арестован в 1949 г. «за антисоветские высказывания», сослан на 10 лет в Караганду. В ссылке в 1951 г. арестован повторно «за террористические высказывания». С 1952 г. до 1955 г. находился в Ленинградской тюремной психиатрической больнице. Есенин-Вольпин А.С. Арестован 21 июля 1949 г. Обвинён в проведении антисоветской агитации и пропаганды. Направлен на судебно-психиатрическую экспертизу. Признан невменяемым и помещен в Ленинградскую специальную психиатрическую больницу. В сентябре 1950 г. как «социально опасный элемент» выслан в Карагандинскую обл. сроком на 5 лет.
3. [Электронный ресурс]. John Klier. Pale of Settlement // The YIVO Encyclopedia of Jews in Eastern Europe. (англ.) Режим доступа: YIVO | Pale of Settlement (yivoencyclopedia.org) (дата обращения 20.02.2017)
4. Геллер М.Я. Гл. 9. Реальность и мечты Александра I // История Российской империи. В 3 тт. – Т. 2. – М.: МИК, 1997. – 320 с.
5. Чиликова Е. Миграции евреев в Казахстан в предвоенное десятилетие и в период Великой отечественной войны: регионы доноры и реципиенты, количественный состав. / История. Память. Люди: Материалы IX Международной научно-практической конференции. 27 сентября 2018 г., Алматы. – Алматы, 2019. – С.53.

Медведева-Нату О.Р.

Лишенец. Личная история

Я никогда не решилась бы сделать рассказ о моем деде Исае Иосифовиче Чешницком достоянием читателей, если бы он не был одним из миллионов советских граждан, переживших подобные злоключения.[1*] Для некоторых из них события, которые мне предстоит описать, обернулись бедой, для других – драмой или даже трагедией.

Вначале приведу несколько основных фактов из биографии моего деда.

Исай Чешницкий родился в черте оседлости в местечке Горы-Горки Могилевской губ. в 1880 г. в еврейской семье. Его отец Йосель Чеш-

[1*] В некоторых документах фамилия деда была записана как Чесницкий, а отчество – Йоселевич, или в модернизированной форме – Иосифович, а в русифицированной – Осипович.

ницкий занимался ремеслом, которое сегодня практически утрачено, – он был шерстобитом. Как я себе представляю, он собирал и готовил шерсть для набивания тюфяков, одеял, подушек и т. п. Йосель был глубоко религиозным человеком и в своей общине выполнял роль раввина. Преданность иудейской вере он сохранял и в безбожной послереволюционной России. Мать Исая, Хана Чешницкая, была родом из Омска. Каким образом молодой человек из могилевщины и юная омичка нашли друг друга, мне не известно. Видимо, постарался кто-то из родных или знакомых, которые их и свели, пообещав жениху, что он о выборе не пожалеет. Так и случилось: Йосель и Хана жили безбедно, в радости и нажили шестеро детей. Но Хана умерла довольно рано – в 43 года. И Исай, один из старших сыновей, во всем помогал отцу, взвалив на свои плечи и заботы о младших. Примерно в 1910 г., в период массовой эмиграции евреев из черты оседлости в Америку, Исай, преодолев определенные легальные трудности, создаваемые императорскими службами, отправился в поисках счастья в противоположную от Америки сторону – на «покорение» Сибири, которая воспринималась многими его земляками как «новая Палестина». Он прибыл в г. Ялуторовск, где жили добрые знакомые отца, тоже бывшие могилевцы. Ему повезло: здесь он нашел для себя подходящее занятие и познакомился с коренной ялуторовчанкой Сарой Абросимовой, в которую влюбился без памяти. По разным причинам бракосочетание все откладывалось, пока, наконец, не была назначена дата, едва ли не худшая из всех возможных: 30 августа 1914 г., самое начало Первой мировой войны. Но понадобился не один год, чтобы убедить ее в том, что он будет ей достойным, заботливым мужем. После женитьбы молодые перебрались в Тюмень, где было больше возможностей для открытия собственного дела. В Первую мировую к ним присоединились другие Чешницкие – отец Исая, его братья и сестры, – изгнанные из Витебска (где они к тому времени жили) как подозрительный элемент, готовый шпионить в пользу противника. Именно в Тюмени их застала Октябрьская революция и Гражданская война. В ту пору в Тюмени на каждом шагу звучал лозунг «Бей жидов, спасай Россию», независимо от того, кто временно «воцарялся» в городе: белые или красные. Не оставалось ничего другого, как бежать. И опять, как некогда отказавшись от исхода в США, Исай выбрал не типичный для тюменских обывателей маршрут: решил бежать не на Восток, а в другую сторону – в Омск. В Тюмени Чешницкие бросили все, что имели: бизнес, недвижимость, знакомых, друзей, могилу их первенца-

сына, умершего в младенчестве. Поздней осенью 1919 г. они всем племенем высадились в Омске. Колчак уже покинул город, в котором было очень неспокойно, но хотелось верить, что жизнь постепенно наладится. Исай был готов трудиться в поте лица, только бы обеспечить в голодное время двух маленьких дочерей, родившихся еще в Тюмени, и жену, беременную третьим ребенком. Он встал на учет на биржу труда, приобрел, с учетом расширения семьи, довольно просторный дом. В 1920-е гг. он был уже зрелым человеком, имевшим немалые навыки в ведении бизнеса, и посчитал, что объявленная в 1921 г. новая экономическая политика (НЭП) позволит ему создать для семьи достойные условия жизни. При первой возможности, 1 апреля 1924 г. (это дата подтверждена архивными документами, но, не исключено, что и раньше) он стал владельцем (совладельцем, акционером) Торгового предприятия – товарищества «Скобяник».

Но радоваться было рано.

Довольно скоро после широкого введения НЭПа началось его постепенное сворачивание. Это настораживало. С российской политикой «качелей»: то разрешать, то запрещать – народ был знаком. Однако тот же народ надеялся, что здравый смысл победит – ведь невозможно развить дело и сделать его прибыльным за такое короткое время, если оно строится законно. Правда, кто-то богател буквально молниеносно, но честным путем этого было не добиться, и личные успехи таких дельцов не помогали стране окрепнуть, а ведь вроде бы ради этого и была затеяна экономическая перестройка. С 1924 г. началось сокращение частной торговли. А дальше – больше: во второй половине 1920-х гг. сворачивание пошло полным ходом и завершилось в 1927–1928 гг. Историки пишут: «Хотя официально НЭП никто не отменял, к тому времени он был уже фактически свёрнут. Наконец, 11 октября 1931 г. было принято постановление о полном запрете частной торговли в СССР». Лавки и магазины (уже повторно, первый раз сразу после революции) были национализированы, собственные мелкие предприятия превращены в коллективные.

Частные домовладения передавались в муниципализированную собственность. По идее реквизиция должна была сопровождаться выплатой собственнику стоимости его имущества – даже в 1918 г., сразу после революции, выплаты, хотя и грабительские, производились. Теперь – иначе: власти изымали у собственника имущество, и получить за него от государства хоть что-то было невозможно. Так произошло и с Чешницкими: дом реквизировали, ущерб не возместили, не заплати-

ли ни копейки. Потеря дома во второй раз – после Тюмени – была тяжелым ударом. Однако власти проявили неслыханное благородство: бывшим владельцам разрешили остаться проживать в их собственном доме! Всего-навсего изъяли излишки – сократили площадь.

В семейном архиве сохранился документ, потрепанный, с оборванными краями, можно сказать, «выживший». Он многое объясняет. Вот полное его содержание.

Выписка из протокола № 12 заседания Губернской комиссии по демуниципализации домовладения в Омске

г. Омск *29 мая 1925 г.*

Слушали: Заявление гражданина Чешницкого Исая Иосифовича, проживающего по Стачечной улице, дом 22 в принадлежащем ему ранее […][1*] муниципализированном домовладении, находящемся по улице Красных зорь и угол Стачечной номер 5-7, 26-22. Дело № 519.

Постановили: Домовладение оставить в списках муниципализированных как […],[1*] имеющее ценность в отношении коммунально-жилищного фонда.

Подлинный
за надлежащими подписями

С подлинным верно: Подпись Печать.

Это было очевидное надругательство над правом собственности. Для наших, как уже было сказано, – не впервые. Ко всему можно было привыкнуть. Ко всему, кроме унижения.

Если перевести этот канцелярски-бесчеловечный текст на нормальный русский язык, в нем прочитывается следующее: дом Чешницкого по Стачечной, 22 был муниципализирован, т. е. перешел в собственность государства, с правом заселить в него других жильцов. И, видимо, с правом Чешницкому с семьей остаться в том же доме, но на гораздо меньшей площади. Бывший собственник должен был поделиться своим жильем с пролетариями. Это называлось подселением. Исай – глава большой семьи, естественно, не мог согласиться с таким решением и подал в Губернскую комиссию заявление о том, чтобы сохранить за ним его домовладение. Однако в просьбе ему было решительно отказано, ибо его дом имел ценность для «коммунально-жилищного фонда», иначе говоря, для других семей, ждавших и жаждавших заселения. Слово «домовладение» в его прямом смысле и в прежнем значении просто-напросто вышло из употребления.

[1*] Неразборчиво из-за потертости на сгибе документа.

Поскольку заседание Губернской комиссии состоялось в конце мая 1925 г., позволительно предположить, что муниципализация произошла за пару месяцев до этого в начале того же года, т. е. как раз тогда, когда началось постепенное сворачивание НЭПа и преследование так называемых нэпманов-совбуров (советских буржуев). А Исай, будучи совладельцем торгового предприятия, считался таковым.

Чешницких уплотнили до такой степени, что они на оставленной за ними площади едва размещались. Хорошо, хотя бы не выбросили с малыми детьми на улицу. Исай ради благополучия семьи как лев сражался с чиновниками, хлопотал, обивал пороги, писал одно заявление за другим.

В Государственном историческом архиве Омской обл. сохранился документ – Акт от 7 января 1927 г. [1, л.62]. Из его содержания следует, что некое официальное лицо из властных органов в ответ на очередное заявление Чешницкого появилось на пороге его «дома» и констатировало, что «произведено обследование жилой площади, занимаемой гражданином Чешницким И.И. и лицами, находящимися на его иждивении в количестве 5 человек, в результате чего оказалось, что занимаемая площадь [вместе с кормильцем на 6 человек] составляет 10 кв. м.».

Прокомментирую: 5 иждивенцев – это супруга Исая – Сара и теперь уже их 4 дочери. Как они помещались на этой площади, одному Богу известно.

В таких условиях Чешницкие жили по крайней мере до конца 1929 г., т. к. в документах, датированных 1930 г., еще фигурирует их адрес по Стачечной ул., дом 22. Следовательно, ни акт, ни жалобы, ни заявления Исая действия не возымели.

Исай не отступал и добился-таки ЖАКТовского жилья[1*]. В 1930 г. Чешницкие оказались в доме по другому адресу – на ул. Плотниковской, д.75. Это произошло через 5 лет после реквизиции. Здесь имел место другой характерный советский сценарий: реагируя на жалобы Исая, власти, в конце концов, выделили для него площадь, которую изъяли в качестве излишков у другого семейства, которое в свою очередь «уплотнили», переселив на меньшую площадь. Чем не пример того, как перетасовывали людей – как колоду старых, замусоленных, засаленных, не единожды крапленых и уже никому не нужных карт.

[1*] Жилищно-арендное кооперативное товарищество. В СССР до 1937 г. кооперативное объединение граждан с целью аренды жилых домов у местных Советов и предоставления жилой площади в этих домах своим пайщикам.

Две семьи по воле властей просто поменялись ролями. Как это охарактеризовать – как реквизицию или инквизицию?

В старом деревянном доме на Плотниковской (на территории бывшего Казачьего форштадта, постройки примерно 1908 г.) Чешницкие прожили более 30 лет, до 1964 г. Это был дом, в котором выросла моя мама и ее сестры, где умер мой дед Исай, где вдовой почти до самой смерти прожила моя бабушка Сара, где поженились мои родители, куда в октябре 1946 г. из родильного дома принесли меня – маленький кулечек, завернутый в сшитую бабушкой Сарой пеленку.

Первый архивный документ от 1927 г., в котором фигурирует уже этот новый адрес, называется «Учетная карточка на лицо (Чешницкого И.И.), лишенное избирательных прав». Адрес, указанный в нем – ул. Стачечная, д.22, однако позже поверх этого адреса рьяным чиновником сделана карандашная пометка: «Плотниковская, д.75». Тут службист проявил усердие, чтобы ни одна единица из многочисленного списка лишенцев не затерялась в городе.

Итак, кого называли в СССР лишенцем? В быту – гражданина, официально лишённого избирательных прав, согласно Конституциям РСФСР 1918 г. и 1925 гг., действовавшим вплоть до 1936 г. Вопрос – гражданина ли, коли он лишен права голосовать, а также ограничен во многих других социальных правах: права селиться в столичных городах, учиться в вузах, заседать в суде, занимать высокую должность по месту работы, получать продуктовые карточки, пенсию и пособие по безработице и, кроме того, обязан платить более высокие налоги, чем лица, не пораженные в правах? Может, точнее было бы сказать не гражданина, а просто человека? Надеюсь, что хотя бы в праве быть человеком ему не отказывали.

В Конституции РСФСР 1918 г. (ст. 65) и в Конституции 1925 г. (ст. 15) устанавливались категории лиц, которые не могут избирать и не могут быть избранными. Три из этих категорий формально могли иметь отношение к моему деду:

а) лица, прибегающие к наемному труду с целью извлечения прибыли;

б) лица, живущие на нетрудовой доход, как-то: проценты с капитала, доходы с предприятий, поступления с имущества и т. п.;

в) частные торговцы, торговые и коммерческие посредники.

В конкретном случае это выглядело так: на определенном этапе Чешницкий как совладелец той или иной артели «эксплуатировал» наемных рабочих и имел с предприятия смехотворный доход, который

почему-то можно было произвольно посчитать «нетрудовым». А когда артели одна за другой разваливались как карточный домик, удушенные завышенными налогами (на что в архиве имеются многочисленные жалобы Чешницкого), он открыл свое дело. Не крупное, не среднее, не мелкое, а мельчайшее предприятие (работал с тремя учениками) по изготовлению тары (десяток или пара десятков в день ящиков для конфет, а позже и чемоданов, и баульчиков). Когда оказалось, что и на этот доход с учетом взлетевшего под облака подоходного налога не выжить, он стал «частным торговцем», зарабатывая на хлеб тем, что на Казачьем базаре продавал с тряпицы, расстеленной на земле, горсть гвоздей. При этом закона он не нарушал, т. к. приобрел патент на торговлю, который, кстати, выдавало само же государство. Итак, этот «буржуй», этот «нетрудовой элемент», объективно говоря, был ничем и никем иным как самым что ни на есть «трудовым элементом», ибо денно и нощно работал – только бы прокормиться.

Справедливости ради, скажу, что государством наряду с лишением было предусмотрено и восстановление граждан в правах. Была разработана целая система, как добиться восстановления, поднимаясь по бюрократической лестнице от низового уровня – городского, затем областного и вплоть до центрального избирательного комитета. Только представить себе, сколько чиновников было занято этой бесполезной работой, сколько бумаги исписали, сколько раз печать шлепнули, сколько размашистых подписей поставили с серьезным выражением лица, будто и в самом деле заняты важным делом! При этом восстановление было возможно лишь «при условии, если эти лица в настоящее время занимаются производительным и общественно-полезным трудом и доказали лояльность по отношению к советской власти». Вот и доказывали, как могли…

Такое положение сохранялось до принятия «Сталинской конституции» 1936 г., в которой оговаривалось предоставление избирательных прав всему населению. (Замечу, лексическую деталь: не всем гражданам, а собирательному безликому населению). Однако ярлык лишенца оставался еще долгие годы, т. к. в советских анкетах, заполняемых в стране по разным поводам и без повода, человек был приневолен ответить на вопрос, «лишался ли он права голоса, когда и за что». В случае семьи Чешницких это означало, что шлейф «лишенчества» отца тянулся за его дочерями и при поступлении на работу, и при поступлении в вуз. И скрыть этот позорный след лишенца было невозможно.

Дело на моего деда-лишенца хранится в том же Историческом архиве и, благодаря профессионализму и вниманию к просьбам пользователей его сотрудников, мне удалось познакомиться с его материалами [2].

Исая лишили избирательных прав в 1927 г. как бывшего члена артели «Расчес». О каких правах, хотя бы и только избирательных, можно было говорить в государстве полного бесправия! И как можно было оправдаться, что ты честен, если целью властей было тебя обесчестить!

Исай с его врожденным чувством справедливости и чувством человеческого достоинства воспринял лишение прав как чистой воды шельмование и сразу же начал борьбу за восстановление в правах. Прежде всего, запасся множеством справок, доказывая, что принятое властями решение ошибочно. Знал, что чем больше справок будет представлено, тем больше шансов добиться восстановления в правах. Само добывание этих справок было отдельной работой и надо было износить не одну пару башмаков, чтобы их заполучить.

Примеры справок, заявлений, жалоб, представленных в избиркомы Чешницким, я привожу с некоторыми сокращениями, прежде всего касающимися цифровых выкладок, в которых заявитель и выдающие их лица подкрепляют заключения, приведенные в документах.

Одна из них от 1929 г., когда артель «Железторг», к которой был приписан Чешницкий, уже была закрыта из-за невозможности уплаты завышенных налогов, и Исай занимался производством ящиков.

Справка [1, л.12]
Омского [кредитно]-промыслового кооперативного товарищество Кусткред

г. Омск *Август 1929 г.*

Выдана настоящая члену Омкусткреда Чешницкому И.И. (лишен права голоса) в том, что он состоял членом Товарищества и, работая на дому, выработал и сдал в свое Товарищество готовых изделий (ящики деревянные) за июнь и июль с. г. [1929] на сумму руб. 510 (пятьсот десять руб.). […][1*] Что же касается чистого заработка члена Чешницкого, то из-за отсутствия бухгалтерского учета установить его невозможно. Но принимая во внимание его выработку и отчасти […][1*] показатели артели, его заработок составляет примерно 100 (сто) рублей в месяц.

Омкусткред (подпись)

[1*] Квадратными скобками в документе отмечены неразборчивый текст, а также сокращения, касающиеся цифровых показателей стоимости однородной продукции.

Справка [3, л.5]
Промышленно-кооперативной артели «Расчес»

г. Омск *[…][1*] сентябрь 1929 г.*

Настоящая выдана Чешницкому И.И. в том, что согласно книгам артели у него никаких доходов по артели, кроме зарплаты, не имелось.

Предправления (подпись)
Бухгалтер (подпись)

Но сколько бы справок Исай не представил, доказывая, что он не эксплуататор, а живет лишь на зарплату, его в правах не восстанавливали.

Наконец 23 сентября 1929 г, заплатив Промысловый налог, получил он патент (регистрационное удостоверение) на личное промысловое занятие на 12 месяцев (оно было действительно до 23 сентября 1930 г.) по третьему разряду. Промысел именовался – ящичное производство. (Справка об этом была приведена мною выше). Адрес мастерской указывался первоначально по Тарской ул., 144, а затем по Стачечной, 22. Догадываюсь, что Исай не имел денег платить за отдельное помещение и мастерил ящики в сарае во дворе дома, где жил.

23 апреля 1930 г. гражданин (он настойчиво повторяет свое гражданское «звание») И.И. Чешницкий подал очередное заявление в Омскую избирательную комиссию.

Заявление [4, л.3]

г. Омск *23 апреля 1930 г.*

Прошу не отказать мне в просьбе и рассмотреть мое заявление, в котором я ходатайствую о восстановлении меня в правах голоса. Причем считаю необходимым дать следующее пояснение. Как видно из прилагаемой справки Окрфо [Окружного финансового отдела] от 16 марта 1930 г. № Д-9, с 1923 г. по 1 апреля 1926 г. я состоял членом товарищества «Скобяник» и как ее член имел лично патент третьего разряда, выбранный Товариществом. Далее в справке говорится, что с 19 апреля 1926 г. по 1 апреля 1927 г. я состоял в артели «Железторг» и был членом этой артели. С 1 апреля 1927 г. по 17 июня 1927 г. имел личную торговлю железом на Казачьем базаре по патенту второго разряда и, наконец, с 8 июля 1928 г. по 18 июня 1929 г. состоял в артели «Расчес», которая была признана лжекооперативной. В настоящее время я занимаюсь выделкой чемоданов и баульчиков как кустарь-одиночка и являюсь членом Кусткреда.

[1*] Дата неразборчива.

Ввиду того, что я не был членом союза и не мог состоять на учете на бирже труда, я должен был как-то существовать, чтобы иметь возможность содержать семью, которая состоит из семи человек. В силу крайней необходимости я, находясь вне артели, имел торговлю с 1 апреля 1927 г. по 17 июня 1927 г., то есть всего два с половиной месяца. При первой же возможности я торговлю свою ликвидировал. Таким образом, я хочу сказать, что торговля моя была кратковременной и незначительной и причислить меня к крупным каким-нибудь торговцам нельзя. Что касается моего нахождения в артели или товариществе «Скобяник», то это товарищество имело регистрацию, устав, утвержденный администрацией, и, таким образом, не могло считаться какой-нибудь эксплуататорской [организацией]. Существовало товарищество около трех лет и вынуждено было ликвидироваться в силу того, что не могло оправдывать себя. Точно также ликвидировалась артель «Железторг» за невозможностью покрыть расходы. Артель «Железторг» также умела свой устав и была утверждена администрацией. Артель «Расчес», которая была признана лжекооперативной, для меня не должна была иметь никаких последствий, потому что, как указывает справка, я никаким доходом от нее, кроме заработка, не пользовался и капитала туда не вносил. Если бы я имел возможность получить какую-нибудь работу или состоять на учете в бирже труда, я, разумеется, никогда бы ни торговлей не занимался, ни членом торговой артели или товарищества не состоял, но именно только то обстоятельство, что я не мог рассчитывать на получение заработка, а имея семью, должен был как-то существовать и семью содержать, и заставило меня иметь торговлю, и быть членом артелей и товарищества, а потому я очень прошу учесть это обстоятельство и не отказать мне в моей просьбе и восстановить в правах голоса. В дополнение к уже сказанному я могу обратить внимание Избирательной комиссии на тот факт, что я теперь являюсь кустарем-одиночкой, то есть содержу семью своим физическим трудом, без найма посторонней силы и, как мне ни тяжело, я и впредь буду заниматься только трудом и только заработком от труда буду воспитывать своих детей. К торговле я больше не вернусь, эту профессию надо считать для меня законченной, т. к. я, стремясь встать в ряды трудящихся, несмотря на свои 50 лет, изучил, хотя и немудреное и не так доходное ремесло. Это доказывает мое искренне и полное желание встать на трудовое дело, а потому я еще раз прошу Избирательную комиссию восстановить меня в правах голоса и тем дать мне возможность быть полезным членом страны и оказать ей мою посильную помощь.

Чешницкий

Прокомментирую это заявление: меня зацепило, что мой дед торговал железом на Казачьем базаре, на который мы с мамой, приезжая в отпуск в Омск, ходили довольно часто. Ручаюсь, что мама, вышаги-

вая со мной по базару, вспоминала своего отца, не могла не помнить – ей тогда уже было почти 10 лет – но она никогда мне об этом не рассказывала, может быть, потому что с тех времен в ее детской душе осталась травма, ведь Исая как раз за эту торговлю преследовали.

Кроме того, я обратила внимание на то, что Исай в своем заявлении подчеркивает и даже выпячивает свою принадлежность артелям, кооперативам, союзам – в угоду государства, которое испытывало отвращение к индивидуальным, неорганизованным предпринимателям, как ненавидело тех, кто воспринимал себя как отдельную личность, а не часть серой массы. Приходилось доказывать, что он якобы сам понимал, что занимался постыдным делом – торговлей и только потому, что у него не было другого выхода, ибо как лишенец он не мог состоять в профсоюзе и не мог состоять на учете на бирже труда. «Я и впредь буду заниматься только трудом, и только заработком от труда буду воспитывать своих детей», – заверяет своих «учителей» и мучителей Исай, взрослый работящий человек, словно провинившийся пионер на школьном собрании, и так будто торговля – это не труд и что, отказываясь от нее, он «прочно встал на путь исправления». Как же он должен был презирать эту мерзкую власть и этот подлый режим!

Заявление Исая – образец того, как государство унижало своих граждан. Этот насквозь советский текст – свидетельство отчаяния, последней попытки доказать, что ты не вор, не бандит, не буржуй, не кровосос-угнетатель пролетариата. Это – свидетельство неизбывного горя человека, потерявшего надежду.

Приведу еще ряд архивных документов, касающихся лишенца Чешницкого.

Выписка из протокола № 9
заседания Омской городской комиссии
лишенных избирательных прав [4, л.1]

г. Омск *9 мая 1930 г.*

Слушали: Чешницкий Исай Иосифович с 1923 г. занимался торговлей разными скобяными Товарами по патенту […] и 6 разряда до 1929 г.
Постановили: Лишение подтвердить.

Однако Исай не останавливается и продолжает свое хождение по кабинетам, которое правильнее было бы назвать хождением по мукам. Он пишет жалобу в более высокую инстанцию, решавшую вопрос о лишении прав – в Малый Президиум Сибирского Краевого Исполнительного Комитета

Жалоба [3, л.15]
от Чешницкого Исая Осиповича,
живущего в г. Омске по Плотниковской ул., д.75

г. Омск *30 августа 1930 г.*

Постановлением Омской окружной комиссии по проверке правильности лишения избирательных прав в моей просьбе о восстановлении в праве голоса отказано.

Считаю, что комиссия недостаточно выяснила настоящее мое положение – трудящегося, состоящего на службе в качестве агента по заготовке кожсырья и разного рода утильсырья. Также к поданному мною через Административный отдел заявлению о восстановлении в правах не были приложены справки о работе в последние годы и не указаны доказательства. А я вел общественно-полезную работу и имею на это доказательства. Именно: работал членом Промыслово-кооперативной артели с 8 июля 1928 г. по 18 июня 1929 г. (имеется справка от 26 июня 1929 г., затем с июня 1929 г. по 1 апреля 1930 г. вел организационную работу в Омкусткреде.

В настоящее время состою на службе, как упомянуто выше, в качестве агента по заготовке кожсырья и разного рода утильсырья в Омскпромсоюзе [Омском промышленном союзе] […]

Следовательно, я проявил себя на общественно-полезной работе и в настоящее время имею самостоятельный трудовой заработок.

К этому ссылаюсь на свою многосемейность (в семье 9 человек, из них 7 малолетних детей в возрасте от 14 до одного года) [Исай взял на воспитание двух своих малолетних племянников в связи с тяжелой болезнью шурина]. Обращаю внимание, что мое семейное положение – именно малолетние дети – 7 человек – вынуждало меня обратиться к торговле, которую в настоящее время я совершенно оставил.

Не имею никакого имущества и обеспечения и потому единственным выходом в будущем для прокормления себя и многочисленной семьи должна служить работа или вообще труд по найму. К торговой деятельности как вынужденной и временной я не желаю возвращаться. А потому прошу в отношении меня применить постановление Президиума ВЦИКа [Всероссийского центрального исполнительного комитета] от 4 марта 1927 г. о том, что избирательными правами могут пользоваться с разрешения Краевых исполкомов те граждане, которые в своей прошлой деятельности относились к категории лишенцев, живших на нетрудовые доходы, или если они вели торговлю, а в настоящее время имеют работу или службу. Также в Президиуме ВЦИКа по вопросу о восстановлении в избирательных правах бывших торговцев выделена категория лиц рабочих и служащих при условии, что занятие ими торговлей являлось временным и вынужденным в силу особых обстоятельств. Для таких лиц при наличии у

них семьи, детей, крайне необходимым является полное восстановление в правах голоса. В противном случае удар приходится по ни в чем неповинным малолетним детям, которые никакого отношения к классовым установкам не имеют. Лишение детей кормильца (путем ограничения возможности иметь заработок) не в интересах государства. Советской властью издан закон в декабре 1929 г. о полном обеспечении детей по Союзу ССР в отношении воспитания, всеобщего обучения, медпомощи и снабжения продовольственными карточками. Ясно, что материальные средства семерым детям должен доставить отец как единственный работоспособный.

Прошу об исключении меня из списка лишенцев и, следовательно, предоставлении избирательных прав без пятилетнего срока ввиду занятия общественно-полезным трудом, который является единственным обеспечением для всей семьи. О последующем результате прошу уведомить меня по адресу.

И. Чешницкий

Очевидно, что Исай пишет жалобу, вооружившись знанием законов, и полагая, что это поможет убедить власти принять правильное решение. Увы, ни знание законодательной базы, ни объяснение своего семейного положения не помогают.

В январе 1931 г. Исай пишет новое заявление.

Заявление гр-на Чешницкого И.И Избиркому г. Омска [3, л.3–4]

[г. Омск, ул. Плотниковская, 75] *[…][1*] января 1931 г.*

По имевшемуся списку лишенцев я лишен права голоса «за лже кооперацию «Расчес», которая находилась в системе Промсоюза [Промышленного союза], где работал в качестве машиниста чесальщика и агента по заготовке сырья с 8 июля 1928 г. по 18 июня 1929 г., где и имею справку за № 275 и еще справку за № 354, где указано, что средств моих в кооперации, кроме паевых, не было. После выхода из артели я работал [изготовлял] ящики как кустарь-одиночка для конфетной фабрики «Красный инвалид» через Омкусткред, где и состоял членом до ликвидации такого, а после был послан Омпромсоюзом в район в ударную заготовительную бригаду по заготовке утильсырья и всех других видов сырья, где и работаю до настоящего времени, а потому считаю несправедливым в отношении лишения меня права голоса и прошу разобрать мое заявление и восстановить меня в правах голоса, т. к. это отразится на моем существовании и моей жизни, где я имею пять малолетних детей.

Чешницкий

При сем прилагаю справки.

[1*] Дата неразборчива.

[…]союз» Уполномоченный Называевской заготовительной бригады Ст. Называевская

Справка
Кооперативной промысловой артели «Утильсырье» [3, л.16]

[…]августа 1930 г.

Настоящая выдана Чешницкому Исаю Осиповичу в том, что он действительно состоит на службе в качестве агента по заготовкам разного рода утильсырья и кожсырья.

Уполномоченный
заготовительной бригады

Справка [3, л.6]

10 февраля 1931 г.

Настоящая выдана Исаю Иосифовичу Чешницкому в том, что он действительно состоит на службе в системе Промсоюза с 10 июля 1930 г. по января 1931 года, а с 1 января работает в артели «Утильсырье» в качестве заведующего Крутинским заготовительным пунктом. Справка выдана для представления в Горизбирком [Городской избирательный комитет]

Председатель правления

Наконец, в ответ на это последнее заявление Исай получает положительный ответ о его исключении из числа лишенцев. А до того – какое же было раздолье для чиновников, партийцев, администраторов, которые, изображая бурную деятельность, перекладывали с места на место тонны бумаг. В этой статье, чтобы не утомлять читателя и, не желая повторяться, я привожу лишь некоторые из документов дела.

Выписка из постановления Омской народной комиссии по пересмотру жалоб списков лишенцев [3, л.1]

7 марта 1931 г.

Ходатайство о восстановлении: Исключить Чешницкого Исай Иосифовича из списка лишенцев.

Словом, для властей, заведовавших решением этого вопроса, и советской власти в целом, быть старьевщиком, собиравшем утиль по селам Омской обл., было значительно престижнее, приличнее, так сказать, беспорочнее, чем быть магазинщиком.

Был ли Исай счастлив, получив освобождение от клейма лишенцев как для него самого, так и для его ошельмованной жены [5]. Думал ли, что теперь может умереть (он к тому времени был тяжело болен) со спокойным советским сердцем, спокойным сердцем советского

гражданина? Чего было больше в его душе отвращения к гонителям, озлобленности или покоя, умиротворения?

Однако приведенное постановление еще не означало конец истории, т. к. восстановление в правах на бумаге было только первым этапом победы, полным же триумфом было исключение из списка лишенцев. И только после кончины Исая (он умер 10 ноября 1934 г., ему было 54 года) его супруга, продолжая хождение по кабинетам и коридорам власти, добилась, чтобы в деле Чешницкого была поставлена точка, что было зафиксировано в особом постановлении.

Постановление Президиума Омского городского Совета рабочих крестьянских и красноармейских депутатов № 2139 [3, л.8]

Декабрь 1934 г.

Ходатайство о восстановлении в избирательных правах гражданина Чешницкого Исая Иосифовича.

Восстановлен Омгоркомиссией от 7 марта 1931 г.

Президиум Горсовета *постановляет:*

Исключить из списков лиц, лишенных избирательных прав, гражданина Чешницкого Исая Иосифовича как ошибочно включенного.

Председатель [Горсовета рабочих крестьянских
и красноармейских депутатов]
Ответственный секретарь
городского Совета

К моменту восстановления Исая Чешницкого и внесения его в Список восстановленных старшим дочерям Исая, окончившим школу-девятилетку, было 17 и 16 лет. Теперь они могли бы поступить в высшее учебное заведение. Теоретически – да, однако, при том финансовом положении, в котором они оказались, потеряв отца, – вряд ли. Они стали лишенками вдвойне: детьми отца-лишенца и детьми, лишившимися отца.

Итак, Исая лишили прав в 1927 г., восстановили 7 марта 1931 г., исключили из списков лишенцев в декабре 1934 г. Такая вот вышла ошибка, которая стоила счастливых (или, по крайней мере, спокойных) лет жизни целой семьи.

В начале этой статьи я предупредила, что не посмела бы предлагать свою сугубо личную семейную историю в качестве статьи в научно-исторический сборник. Не посмела бы, если бы, как уже было сказано, подобные истории не сыграли печальную роль в жизни миллионов людей, попавших в категорию лишенцев, и не сломали или иска-

лечили их судьбы. В доказательство приведу статистические данные: по итогам Всесоюзной переписи 1926 г. население в СССР составляло 147 027 915 человек. В 1925 г. лишённых права голоса в стране было 1 040 894 человек. Совершеннолетние (свыше 18 лет) члены семей лишенцев также не имели права голоса. В 1927 г. не имели права голоса уже 3 038 739 человек[1*] [6].

Один из них мой дед, Исай Иосифович Чешницкий, полагаю, что, как и многие другие, добиваясь восстановления прав, теряя при этом невосполнимое время полноценной жизни, силы, здоровье, отстаивал свою честь. Это был его протест против несправедливости, окупленный ценой преждевременной смерти. Протест, который мог показаться наивным, безрассудным, но который не был напрасным, ибо как способ борьбы с тиранией протест никогда не бывает напрасным.

1. БУ ОО «Исторический архив Омской обл.». Ф.Р-1337. Оп.03. Д.705. Л.62.
2. Там же. Ф.Р-235 (Исполнительный комитет Омского городского Совета народных депутатов). Оп.7, 8. Дела содержат различные списки лишенцев и восстановленных (1922–1937 гг.) и документы о восстановлении в избирательных правах (1920–1937 гг.). Там же. Оп.8. Д.4716. Дело о лишении и восстановлении в избирательных правах Чешницкого Исая Иосифовича, восстановленного 7 марта 1931 г. (Крайние даты 1929–1934). 16 листов.
3. Там же. Ф.Р-235. Оп.8. Д.4716. Л.5.
4. Там же. Д.4715. Л.3.
5. В деле Чешницкого сохранилась и датированная 1927 г. учетная карточка на лицо, лишенное избирательных прав, выписанная на Сару Абрамовну Чешницкую, жену лишенца. Вот ее содержание: «Фамилия, имя, отчество – Чешницкая Сара Абрамовна. Возраст – 40 лет. Социальное происхождение – из мещан [не указывать же, что в Ялуторовске отец торговал колониальными товарами – это означало бы навлечь на свою голову еще большую беду]. Место рождения – г. Ялуторовск. Профессия или занятие – домохозяйка. Адрес – Омск, улица Стачечная, дом 22. [Видимо, значительно позже, добавлено карандашом – Плотниковская, д.75]. Основание к лишению избирательных прав – ст. Конституции – 69, ст. ВЦИК о выборах – 15. Категория лиц (священники, жандармы, торговцы и пр.) – жена бывшего торговца. С какого времени лишить – с 1927 г. ГИАОО. Ф.Р-235. Оп.8. Д.4716. Л.12.
6. [Электронный ресурс] Лишенец. Режим доступа: Википедия.https://ru.wikipedia.org/wiki/Лишенец. (дата обращения 30.09.2022).

[1*]Лишению избирательных прав в 1927 г. только по РСФСР власть предержащие подвергли свыше 2 млн человек, из них 1 млн 400 тыс. человек – на селе, более 700 тыс. – в городах. / *Кириллов В.М. Репрессивные акты «позднего сталинизма». Переход к законодательной реформе 1950-х гг. / После Сталина. Реформы 1950-х годов в контексте советской и постсоветской истории: Материалы VIII международной научной конференции. Екатеринбург, 15–17 октября 2015 г. – М.: Политическая энциклопедия; Президентский центр Б. Н. Ельцина, 2016. – С.174 (прим. ред.).*

Кубик Н.А.

Л.Х. Фальк-Сегаль – представитель еврейской национальной элиты. Трагическая судьба «красного профессора» в годы массовых политических репрессий

Тема массовых политических репрессий 1920–1950-х гг. до сих пор остается малоизученным периодом отечественной истории. Несмотря на то, что уже опубликовано большое количество исследований, множество документов, позволивших бы пролить свет на причины, следствия, основные этапы, масштаб, роль и степень участия в них исторических персон, а главное – на судьбы жертв политического террора, до сих пор остаются в государственных и специальных государственных архивах за семью печатями.

В 2018 г. Государственным архивом Павлодарской обл. были рассекречены документы фонда Прокуратуры Павлодарской обл. (Ф.864) – комплекс источников по истории массовых политических репрессий, помогающих пролить свет на судьбы многих людей, сгинувших в годы репрессий в жерновах тоталитаризма.

В этом фонде содержится наблюдательное дело Фальк-Сегаль (по некоторым документам Фольк-Сегаль, Фольк Сегаль, Сегаль) Льва Хононовича (Ханоновича, Хановича, Хануновича), высланного в 1937 г. на ст. Щербакты Цюрупинского (ныне – Щербактинский) р-на Павлодарской обл., которое даёт возможность пролить свет на обстоятельства его гибели.

Лев Хононович Фальк-Сегаль (4 августа 1895 – 5 апреля 1939) – один из ведущих экономистов 1920–1930-х гг. XX в., доктор экономических наук, преподаватель Международной Ленинской школы (далее – МЛШ) при исполкоме Коминтерна[1*] и руководитель её немецкого сектора, «красный профессор», читавший лекции в партийной школе Компартии Германии, заведующий немецкой экономической секцией Института Маркса – Энгельса – Ленина при ЦК ВКП (б).

Родился Л.Х. Фальк-Сегаль в местечке Поставы Виленской губ. в еврейской семье. Уже в гимназии проявлял интерес к марксизму, к революционному рабочему движению и изучал произведения К. Маркса, Ф. Энгельса, Г. Плеханова, В. Ленина. Обучался в Петроградском психоневрологическом институте, с которым были связаны имена оппозиционно настроенных профессоров – В. Бехтерева, М.

[1*] Коммунистический интернационал – международная организация, объединявшая коммунистические партии различных стран в 191–1943 гг.

Рейснера и др. Дочь Льва Хононовича Тамара Львовна вспоминала: «…В 1918 г. отец вступил в РКП (б). Журнал «Культура и просвещение»,[2*] политотдел 16-й армии, агитпоезда Наркомпроса, Институт красной профессуры (далее – ИКП) – таков его путь в те годы. Собственно говоря, он ещё собирался учиться, но в только что созданном ИКП остро не хватало преподавателей, и отцу пришлось совмещать свою учёбу с научной и лекторской работой, причём не только в ИКП, но и в ряде учебных заведений…» [1], например, в Высшей военно-педагогической школе.

Со своей женой, Еленой Брониславовной Фальк-Сегаль, урождённой Ягминович, Лев Хононович познакомился в 1921 г. в одном из агитпоездов политотдела 16-й армии. Она родилась в 1896 г. в г. Белая Церковь Киевской обл. В 1914 г. окончила с золотой медалью Московскую женскую гимназию. Работая домашней учительницей, училась на высших женских курсах. В 1920–1921 гг. училась в Институте музыкальной драмы, одновременно работая в Наркомпросе [1]. В июле 1922 г. у супругов родилась дочь Тамара.

Несмотря на загруженность, Л. Фальк-Сегаль находил время для работы над научными трудами. В 1925 г. вышла в свет его первая книга – «Экономическая и финансовая политика СССР», затем были изданы «Финансовый капитал и империализм». Через три года Л. Фальк-Сегаль подготовил «Марксистское обучение рабочих», написанное по совместительству с немецким коммунистом Германом Дункером. Самым известным его трудом считается книга «Краткий курс политической экономии», выдержавшая четыре издания на русском языке и переведенная на немецкий, польский, французский языки.

В 1921–1931 гг. Л.Х. Фальк-Сегаль по приглашению руководства Коммунистической партии Германии ездил в Берлин, в пригород Фихтенау в центральную партийную школу им. Р. Люксембург. Л.Х. Фальк-Сегаль приезжал полулегально – под видом коммерсанта. По поручению партии и Коминтерна он оказывал помощь в организации учебного процесса в партшколе, читал лекции, отбирал слушателей в МЛШ. Именно эти поездки впоследствии стали поводом для обвинения Л.Х. Фальк-Сегаля в шпионаже.

«Только в 1930–1933 гг. отец опубликовал в СССР и за рубежом 13 работ общим объёмом около 50 печатных листов, – писала его дочь Тамара Львовна в воспоминаниях. – Конечно же, я была слиш-

[2*] Орган Комиссариата по делам еврейской национальности при Народном Комиссариате просвещения (далее – Наркомпросе).

ком мала, чтобы представить себе суть и важность этого большого труда, хотя отец и старался объяснять дочери причины своего частого отсутствия. «Мне надо поскорее закончить книжку. Она нужна к началу занятий в школах, и по ней будут учиться очень много людей. Я поэтому должен постараться, чтобы книга была хорошо и понятно написана. Поэтому ты должна примириться с тем, что я не приеду в день моего рождения», – писал он мне в августе 1932 г. на подмосковную дачу…» [1, л.19, 20]. В доме часто появлялись молодые, веселые, очень добрые люди – «товарищи из Коминтерна», приветствие «Рот фронт!» стало привычным в доме.

Международная Ленинская школа при исполкоме Коминтерна, в которой преподавал Л.Х. Фальк-Сегаль, была основана в Москве с целью обучения деятелей революционного движения стран Европы и Америки в 1925 г. Первым ректором МЛШ был Николай Бухарин, после расправы над которым руководство школой приняла на себя К.И. Кирсанова. В правление школой входили один из руководителей Коминтерна и Компартии Германии Вильгельм Пик, Эрколи,[1*] Ван Мин, В.Г. Кнорин, С.И. Гопнер. Перед слушателями с лекциями выступали руководители Коминтерна Г.М. Димитров, И.А. Пятницкий, Д.З. Мануильский; зарубежные коммунисты Антон Аккерман, Вальтер Ульбрихт (Германия), Станислав Будзыньский (Польша), Христо Кабакчиев (Болгария), Ласло Рудаш (Венгрия), большевики, имевшие опыт работы в эмиграции Л.Б. Суница, И.М. Винокур, Л.Х. Фальк-Сегаль [2.]

Причём немецкий сектор школы, которым руководил Л.Х. Фальк-Сегаль, был «особенно значительным по количеству слушателей и по уровню их подготовки». В нём занимались представители не только Германии, но и Австрии, Швейцарии, Люксембурга, Голландии, Чехословакии и Скандинавских стран. В разное время через него прошли будущий министр обороны ГДР[2*] генерал армии Гейнц Гофман, министр госбезопасности ГДР Эрих Мильке, командующий ВМС ГДР адмирал Вальдемар Фернер, вице-президент Лиги Дружбы народов ГДР Пауль Вендель и многие другие антифашисты [2, л.28].

Среди учеников Л.Х. Фальк-Сегаля были Макс Гёльц, немецкий революционер, один из активных участников и организаторов революционных восстаний в Германии в 1920–1921 гг., Владимир Чопич, хорватский коммунист, Фридрих Вольф, немецкий писатель, драматург, общественный и политический деятель, Фред Эльснер, немец-

[1*] Под этим псевдонимом работал в Москве П. Тольятти.

[2*] Германская Демократическая Республика.

кий политик-коммунист, экономист, инициатор исследований в области политической экономии и основатель школы политэкономии в ГДР, Эрих Хонеккер, немецкий государственный и политический деятель, и др. [1, л.20–21].

В 1931 г. после письма И. Сталина «О некоторых вопросах истории большевизма» в редакцию журнала «Пролетарская Революция» [3] начались преследования историков и обществоведов, которых обвиняли в троцкизме. Лев Хононович был отстранён от заведования кафедрой политэкономии, поднимался вопрос о его исключении из МЛШ, но поскольку сектор, возглавляемый Л.Х. Фальк-Сегалем, являлся лучшим в школе, приказ был отменён.

«...В 1936 г., когда праздновалось 10-летие МЛШ, – писала Тамара Львовна в воспоминаниях, – отцу сделали ценнейший по тем временам подарок – он получил радиолу, на которой была выгравирована надпись: «Лучшему пропагандисту марксизма-ленинизма». И вскоре после этого отца вызвал к себе Георгий Максимилианович Маленков, возглавлявший тогда отдел руководящих партийных органов ЦК ВКП (б). Л.Х. Фальк-Сегалю было предложено срочно подготовить для пятого издания его учебника[1*] новую главу «И.В. Сталин – создатель политической экономии социализма». По воспоминаниям матери, отец ответил: «Я жизнь готов отдать за т. Сталина, но фальсифицировать науку не могу». Маленков кричал и топал ногами. Отец был непреклонен. Через полгода его исключили из партии, затем – ссылка всей семьи в Казахстан…» [1, л.18].

Дочь вспоминала: «Мы расстались в ночь с 17 на 18 октября 1938 г. Ему было 43, мне – 16. Это произошло в Казахстане, на станции Щербакты Павлодарской обл., куда вся наша семья была выслана в 1937 г. Мы жили в бараке, где хранились кожи. Склад стоял посреди степи. Помню стук сапогами в дверь. Помню оцепеневшую маму и себя, успевшую собрать отцу кое-какие вещи. Помню и то, как отец тщетно пытался объяснить двум казахам, военнослужащим НКВД [Народный комиссариат внутренних дел], что все происходящее – невероятная, страшная ошибка. Но они увезли его в телеге, и мне не забыть стука её колёс о высохшую землю. Много позже я узнала, что отец погиб в Павлодарской тюрьме 4 апреля 1939 г.…» [1, л.18].

Пролить свет на причины ареста и дальнейшую судьбу Льва Хононовича поможет рассекреченное наблюдательное дело Павлодар-

[1*] Имеется в виду учебник Л.Х. Фальк-Сегаля «Краткий курс политической экономии», написанный в начале 1930-х гг.

ской областной прокуратуры, начатое 12 декабря 1938 г. и оконченное 13 апреля 1939 г. Из справки Цюрупинского районного НКВД, составленной 12 декабря 1938 г.: «По имеющимся материалам Фальк-Сегаль в достаточной степени изобличается в том, что он в 1919 г. и также в 1927 г. переходил границу на сторону Польши и Германии, где по имеющимся материалам был привлечён для шпионской деятельности в пользу Германии и после возвращения из-за границы на территорию СССР на протяжении ряда лет активно проводил свою шпионскую деятельность в пользу одного из иностранных государств – подлежит аресту и привлечению к уголовной ответственности по ст. 58 п. «а» УК РСФСР» [4].

Кроме шпионажа ему ставились в вину руководство контрреволюционной троцкистской организацией, активная работа, направленная на свержение существующего строя, подрыв экономической мощи страны. Также ему припомнили и происхождение («из семьи купца»), и родственников в Польше. В Постановлении о продлении срока ведения следствия и содержания под стражей от 13 марта 1939 г. указано, что он «являлся активным бундовцем[1*] и принимал участие в подготовке контрреволюционного мятежа», после чего «скрыв своё контрреволюционное прошлое, вступил в ВКП (б)». Л.Х. Фальк-Сегаль был допрошен три раза и в предъявленном ему обвинении «частично виновным себя признал, но развернутых показаний не дал». Допросы «обвиняемого» решено было продолжить для того, чтобы «документировать контрреволюционную деятельность обвиняемого, что связано с производством отдельных следственных действий вне нашей области, вследствие чего расследование в установленный срок окончено быть не может» [4, л.2].

Завершить следствие по данному делу органам госбезопасности так и не удалось. Лев Хононович Фальк-Сегаль, учёный, экономист с мировым именем, за свою короткую, но такую яркую жизнь успевший написать более десятка работ по политэкономии, изданных в СССР и за рубежом, учебник «Краткий курс политической экономии», умер в «стационарной больнице» г. Павлодара, уголовное дело было прекращено в связи со смертью обвиняемого [4, л.7].

Постановлением Прокуратуры СССР от 26 марта 1956 г. дело по обвинению Л.Х. Фальк-Сегаля по ст. 58 п.1«а», 10, 11 УК РСФСР бы-

[1*] Член партии БУНД (Всеобщий еврейский рабочий союз в Литве, Польше и России) – еврейская социалистическая партия, действовавшая в Восточной Европе с 1890-х гг. XIX в. до 1940-х гг. XX в.

ло прекращено за отсутствием состава преступления [5]. Л.Х. Фальк-Сегаль был реабилитирован и восстановлен в партии.

Лев Хононович Фальк-Сегаль – один из представителей еврейского народа [6], ставший жертвой целенаправленного истребления интеллектуальной элиты государства в годы одного из кровавых периодов отечественной истории.

1. ГАПО. Ф.719. Оп.1. Ед. уч.635.129.
2. Григорьев А. Люди из МЛШ. Судьба ампирного дома. // Эхо планеты (общественно-политический журнал, еженедельно издававшийся ИТАР-ТАСС в 1988–2014 гг.) – 1989. – Апрель/май. – № 18. – С.26-28.
3. [Электронный ресурс]: Библиотека Хроноса. И. Сталин в 16 томах. Режим доступа: http://www.hrono.ru/libris/stalin/13-20.html (дата обращения 04.04.2021).
4. ГАПО. Ф.864. Оп.3. Д.819. Л.1.
5. Там же. Ф.719. Оп.1. Д.635.132; Оп.2. Д.56а. Л.102об.
6. Красовицкая Т.Ю. Национальные элиты как социокультурный феномен советской государственности (октябрь 1917– 1923 гг.): Документы и материалы. – М.: ИРИ РАН, 2007 –539 с.

Брусиловская Е.Ф.

Ван Гог от скульптуры

Повороты судьбы

Когда-то Антон Чехов говорил, что жизнь человека – это сюжет для небольшого рассказа. Но вопреки утверждению классика, жизнь Исаака Иткинда тянет, по меньшей мере, на роман-эпопею, со всеми присущими этому жанру коллизиями, отступлениями, неожиданными поворотами повествования. Вот и Иткинда судьба то возносила на вершину славы, то бросала в забвение, но вопреки всему он «воскресал». Силы жить, порой в нечеловеческих условиях, ему давала неистовая любовь к своему делу и та высокая духовность, что всегда сопутствует гениям.

Ван Гогом скульптуры назвал Иткинда его друг, художник Марк Шагал, с которым они в начале прошлого века вместе начинали путь в большое искусство. Но если Марк Шагал обрел мировую известность, вовремя эмигрировав на запад, и еще при жизни был признан классиком, то Иткинд остался верен своей многострадальной стране, разделив с народом весь трагизм и все лишения, выпавшие на его долю в суровом, безжалостном XX в.

Об этом мы говорили с режиссером театра и кино, заслуженным деятелем искусств Казахстана, профессором кафедры «Киноискус-

ство» университета «Туран» Игорем Гонопольским, который работает над фильмом,[1*] посвященным жизни и творчеству Исаака Иткинда.

Иткинд не вписывается в привычные для нас представления о художнике, о скульпторе. Он – природное явление, стихия, порой не подвластная даже самому себе. Иткинд, действительно, был уникум. Причем, все, кто его знал, говорят, что, несмотря на весь трагизм его жизни, Исаак Яковлевич был веселым человеком, с прекрасным чувством юмора, даже с какой-то хитрецой.

Он был чем-то похож на библейского персонажа, и не только внешне, но и тем, что прожил «мафусаилов век», почти сто лет! Он родился чуть ли в не середине XIX в., в 1871 г., в небольшом еврейском местечке Дикарка Османского уезда близ Вильно, а умер в 1969 г. у нас в Алма-Ате, ему было 98 лет! При этом Исаак Иткинд прошел сталинские лагеря, ссылку, пережил гражданскую смерть, ведь в 1937 г. его официально объявили умершим. При всем том он не только выжил, но и не сломался духовно. Как никто другой, умел радоваться жизни, и эта жажда жизни давала силы.

Его судьба действительно поражает воображение, в ней, как в романе, многое зависело от случая. Даже обращение к столь любимой им скульптуре. Иткинд был незаурядным человеком, хотя бы потому, что не побоялся сойти с проторенной дорожки, уже будучи состоявшемся человеком: как и его отец, он был хасидским раввином, ему подыскивали выгодную невесту… То есть жизнь была уже спланирована.

Но не случайно говорят, если хочешь рассмешить Бога, расскажи ему о своих планах. Наверное, карта судьбы все-таки складывается на небесах. Кто знает, как бы там ни было, но в 26 лет Иткинду случайно (вот он – знак свыше!) попалась книга о знаменитом скульпторе Марке Антокольском. Его работы произвели на молодого человека такое впечатление, что он начал резать и лепить сам.

Иткинд был, по сути, самородком, из тех, про кого говорят – поцелованный богом. Свой дар он совершенствовал: оставил карьеру раввина и поступил сначала в школу рисования к выдающемуся художнику Фердинанду Рущицу в Вильно, потом уехал в Москву учиться у известного скульптора Сергея Волнухина в Школе скульптуры и архитектуры. Первые же его работы имели огромный успех, достаточно сказать, что в 1920-е гг. прошлого века в числе друзей Иткинда были такие знаменитости, как Максим Горький, Всеволод

[1*] Фильм «Исаак Иткинд на дороге в рай» презентован в Государственном музее искусств РК им. А. Кастеева 28 сентября 2022 г.

Мейерхольд, Сергей Коненков, Максимилиан Волошин, Владимир Маяковский, Сергей Есенин, Алексей Толстой, Марк Шагал, с которым Иткинд после революции преподавал в московской трудовой колонии «III Интернационал» для бездомных детей.

В 1918 г. М. Горький организовал первую персональную художественную выставку Иткинда. Правда, из 42 скульптур, представленных на ней, до нас дошли лишь несколько, в основном они сохранилась в частных коллекциях, а «Еврейская мелодия» была приобретена Государственным Русским музеем Санкт-Петербурга [1].

Иткинд, хоть и плохо говорил по-русски, был великолепным рассказчиком. Бытует такая байка, что якобы Маяковский с Есениным привели его на какое-то сборище, где собирались то ли футуристы, то ли акмеисты, и там Иткинд настолько эмоционально рассказал им древнюю притчу, что ему не только бешено аплодировали, но и на руках снесли со сцены. Вы только представьте, каким надо было быть человеком, чтобы перед оголтелой толпой, которая могла тебя просто растоптать и которая все отрицала (вспомните, как тогда предлагали сбросить с «корабля истории» даже Пушкина), не только не растеряться, но и покорить ее.

Не случайно его друзья, тот же Максим Горький, Владимир Маяковский, Сергей Есенин убедили Иткинда начать писать. Алексей Толстой опубликовал даже несколько рассказов Иткинда в популярном тогда журнале «Звезда». Много позже, уже в Алматы, литературовед, доктор филологических наук Александр Жовтис, который собирал материалы об Иткинде, опубликовал несколько из его рассказов.

В 1920–1930-е гг. Иткинд выставлял свои работы на многих выставках, как персональных, так и совместных с другими художниками. Из Москвы он переехал в Ленинград, где продолжал активно работать. Знаковым стал для него 1937 г., и не только из-за ареста. Дело в том, что это был год 100-летия со дня смерти Пушкина, и Эрмитаж объявил конкурс, посвященный этой дате. Иткинд представил на него 100 скульптурных работ! Первую премию получили созданные Иткиндом скульптуры: «Юный Пушкин», «Александр Пушкин», изображенный в последние годы своей жизни, и «Умирающий Пушкин», представляющий собой голову поэта, успокоившегося навеки на своей подушке. Скульптура «Умирающий Пушкин» сейчас находится в квартире-музее Пушкина на Мойке. Тогда Исаак Иткин стал не просто известен, он стал знаменит и в СССР, и за рубежом. В 1920–1930-

е гг. его считали живым гением наряду с Шагалом и Пикассо, а также одним из ведущих скульпторов XX в.

Эта известность его и погубила – руководители страны Советов не прощали общения с иностранцами, а картины Иткинда, насколько я знаю, покупали иностранцы. Как рассказывал сам Иткинд Александру Жовтису, его арестовали якобы за шпионские связи с французской разведкой. Дело в том, что в начале 1930-х гг. французский политик, социалист Леон Блюм по совету советского наркома культуры Луначарского купил у Исаака Иткинда его работу «Россия, разрывающая цепи». Об этом было напечатано в западных газетах под названием «Россия в цепях». А когда в 1937 г. наступил пик сталинского террора, Иткинда арестовали. По его словам, следователь утверждал, что француз, купивший у него одну из работ, приезжал от самого Блюмкина. Как пишет в своих воспоминаниях хорошо знавшая Иткинда писательница Людмила Енисеева-Варшавская, далекий от политики Исаак Яковлевич во время допросов перепутал французского социалиста Леона Блюма с убийцей Мирбаха, бывшим приятелем Сергея Есенина Яковым Блюмкиным и тем самым подписал себе приговор, получив печально известную 58 статью, как изменник Родины [2].

Известно также, что работы Иткинда приобретал и брат американского президента Теодора Рузвельта. Более того, и Блюм, и Рузвельт уговаривали Иткинда покинуть СССР и переехать на Запад. Но он отказался, и, как я уже сказал, в 1937 г. был арестован, сидел в Крестах, где его, 66-летнего старика, избивали, сломали ребра, порвали барабанные перепонки. Потом сослали в Сибирь, а затем в Казахстан. Весь мир до 1944 г. считал, что Иткинд был расстрелян или умер в лагерях, потому что в подписях к его скульптурам и в литературе значилась дата его смерти – 1937 г.

Воскрешение из мертвых

Исаак Иткинд оказался в Казахстане, поселением ему определили богом забытый маленький поселок Зеренда на севере республики. Он жил там в глубокой бедности, и никто не знал, что «полудикий старый колдун, питающийся корнями, живущий в землянке и собирающий старые пни», был всемирно известным скульптором.

До ареста у Иткинда была жена Мария Ильинична Хейфиц. Как он сам потом вспоминал, ему было 66 лет, а ей 26, сорок лет разницы! «Как она меня любила, ой как любила! Она же за мной в Сибирь по-

ехала, в лагерь. Через проволоку хлеб мне давала… А потом умерла от тифа. Здесь, в Казахстане»…

А еще он писал о том, что много хороших людей встретил на своем пути. «В пос. Зеренда, где я отбывал срок, мои работы увидел руководитель этого района Ашимбек Бектасов. Они ему очень понравились. Ему было жалко, что дождь и снег их размывают, и он в 1944 г. помог мне выехать в Алма-Ату − столицу КазССР».

Хорошие люди помогали Иткинду и в Алма-Ате: за него хлопотал известный деятель культуры, сценарист, знаток кино и театра, также отбывавший ссылку в Казахстане, Лев Варшавский, писатель Юрий Домбровский – автор культового романа «Факультет ненужных вещей» в промежутке между двумя арестами в 1939 и 1949 гг. не раз встречался с Иткиндом. Рассказывают, что именно Домбровский порекомендовал Иткинда Наталии Сац, которая после пяти лет лагерей ГУЛАГа в конце 1942 г. оказалась в Алма-Ате, где тогда в эвакуации находился весь цвет советской культуры. И здесь, несмотря на сложности военного времени, она принялась за своё любимое дело – создание первого в Казахстане театра юного зрителя. При обсуждении интерьера театра было решено разместить в фойе скульптуру казахского поэта-акына Джамбула, который как бы приглашал маленьких зрителей в мир легенд и сказок. Вот как об этом вспоминает сама Наталья Ильинична в своей книге «Новеллы моей жизни».

«Мне рекомендуют скульптора Исаака Иткинда. Оказалось, он уже давно мечтал резать из дерева сидящего со скрещенными ногами Джамбула. О художнике Исааке Иткинде знакомые говорили с восторгом. Но, вероятно, война крепко ударила его. Одет он был в какие-то допотопные брюки, с плеч ниспадала черная крылатка, словно бы сохранившаяся еще с тех времен, когда Ленский стрелялся с Онегиным. С шеи свисал видавший виды черный шелковый бант, а из дырки линялого рукава откровенно выглядывал локоть. И все же чело И. Иткинда, обрамленное седыми и прямыми, как у композитора Листа, волосами, было озарено своим видением мира, мудрым и зорким, что особенно примечательно, потому что его глаза словно спорили с его же детской улыбкой» [3].

Как известно, материалом для Иткинда служил не мрамор, а дерево. Он чувствовал его на каком-то бессознательном уровне. Не случайно на вопрос: «Почему вы работаете с деревом, а не с камнем?», как пишет в своих воспоминаниях Людмила Енисеева-Варшавская, Иткинд отвечал: «В нем, дереве, – солнечный свет. Воздух, музы-

кальная душа живет в нем. Знаете ли вы, что скрипка Страдивари сделана из елки? Той самой, что знатоки называют музыкальной елью. Правда, не знаю, годится ли для скрипки ель тянь-шанская, но для меня это бесценный дар природы» [2].

Писатель и журналист Адольф Арцишевский: «Иткинд чувствовал плоть дерева, его телесность, его душу, как великий Микеланджело Буонарроти чувствовал мрамор. Казалось бы, на коре были уродливые наросты, а это были места, где когда-то дерево получило «ранение», наросты эти как бы притягивали к себе зоркую ладонь скульптора, его целительный взгляд. Он подолгу оглаживал их, что-то шептал, пытаясь утешить дерево, унять его былую боль. И чем больше дерево нуждалось в таком утешении, тем оно было желаннее для мастера. Своим резцом, своими руками, своим дыханием он излечивал дерево от уродства, преобразовывая это уродство в красоту. И грубый корявый нарост поражает теперь нас изяществом линий, утонченностью формы. Добрая волшебная рука мастера даровала дереву новую, теперь уже вечную жизнь».

Но найти подходящее дерево для скульптуры оказалось совсем не просто. В поисках его Иткинд исходил весь город, и в итоге выбрал столетний карагач в самом центре города. Но чтобы спилить его, Натальи Сац пришлось приложить немало усилий. «Кто же разрешит его спилить? – писала она. А скульптор потерял аппетит и сон, днем и ночью приходил на свидание к дереву, часами простаивал возле его мускулистого ствола, гладил причудливые складки темной коры. Можно было бы написать большой приключенческий роман о том, что было потом. Скажу одно: в анналах Театра для детей и юношества Казахстана долго хранился уникальный документ: решение исполкома Алма-Атинского горсовета о том, что театру разрешается спилить столетний карагач в центре города «в количестве одного экземпляра». И вот Исаак Яковлевич начал свою вдохновенную работу. Он совершенно забыл свой возраст, а было ему за семьдесят, ходил вприпрыжку; часто смеялся, не на шутку увлек значительно более молодую реквизиторшу, которая готова была помогать ему днем и ночью. Казалось, дерево, еще так недавно жившее единой могучей жизнью со всей природой, вдохнуло новую жизнь в скульптора»…

Скульптуры, созданные Исааком Иткиндом в Алма-Ате в 1950–1960 гг., подтвердили, что его искусство не подвластно времени. Его гениальные творения – «Моцарт», «Паганини», «Песня», «Лицо фашизма», «Портрет поэтессы Берты фон Зутнер», «Иткинд в раю» и

другие, как считают искусствоведы, это «воплощенный пластическими средствами одухотворенный идеал прекрасного».

По мнению ученого секретаря Государственного музея искусств им. А. Кастеева, кандидата искусствоведения Екатерины Резниковой: «Вероятно, в своем творчестве Иткинд следовал фактуре. Изгибы дерева, его шероховатости вели мастера в творческом поиске. В начале работы он мог еще не знать, какой образ получится в итоге, творил по наитию, но потом наступал некий перелом, когда в его сознании четко вырисовывался образ будущего произведения».

Руководитель отдела зарубежного искусства музея Галина Сырлыбаева отметила, что главным образом Иткинд создавал портреты известных людей. «В 1963 г. коллекция нашего музея пополнилась работой Иткинда «Портрет поэтессы Берты фон Зутнер» – второй в истории женщины, удостоенной Нобелевской премии мира. Это одно из самых лиричных произведений скульптора: в умиротворенной задумчивости женщина предается воспоминаниям. Однако портретного сходства между скульптурой и реальным человеком в работе практически нет. Иткинд считал, что главное – это передать внутренний мир героя, его человеческие качества».

Государственное признание пришло к мастеру лишь на закате его жизни – в 1960-е гг. он был удостоен звания заслуженного деятеля искусств Казахской ССР.

На дороге в рай

Игорь Гонопольский подчеркнул, что Иткинд был из тех избранных свыше, которые приходят в этот мир с определенной миссией. «Удивительно, но даже в нечеловеческих условиях лагерей Иткинд продолжал творить – лепил фигурки из хлебного мякиша и дарил надзирателям, а те на знали, как на это реагировать. При этом, работая в основном с деревом, Иткинд создал свой неповторимый стиль. Дерево – это живое, поэтому, наверное, у него и рождались гениальные творения – живое от живого. Обидно, что очень многое из созданного им оказалось потерянным, ведь Иткинд не стремился во что бы то ни стало сохранять свои творения для Истории. Для него ваяние было потребностью души, как для человека – дышать».

Его работа никогда не была для него способом зарабатывания денег. Как истинный гений, он был выше меркантильных интересов. У Иткинда много портретных работ, причем разброс тем очень велик –

от Ленина и Карла Маркса до Пушкина, Паганини, Сикейроса, Поля Робсона…

Он сам выбирал, что ваять, он во всем видел форму, материал для резки. В 1960-х гг. режиссер Арарат Машанов снял 20-минутный документальный фильм «Прикосновение к вечности», где перед нами предстает живой Иткинд. Ему тогда было 96 лет, и как говорили, он был похож на Саваофа или рождественского гнома. И что еще важно – фильм предоставил уникальную возможность увидеть Исаака Яковлевича за работой.

Скульптуры Иткинда осели в частных коллекциях, хранятся в музеях Франции, Западной Германии, США, а также в запасниках Русского музея в Питере и Пушкинского музея в Москве. В ГМИ им. Кастеева по одним сведениям есть немногим более десяти работ мастера, которые периодически выставляются на выставках. Есть они и в музейных запасниках, некоторые в плачевном состоянии, ведь дерево – материал недолговечный, и со временем оно умирает, поэтому скульптуры нуждаются в реставрации, что, к счастью, и делается.

По словам Амира Джадайбаева, кандидата искусствоведения, ведущего научного сотрудника Государственного музея им. А. Кастеева, куратора выставки «Очарованный странник», посвященной 150-летию скульптора: «За свою долгую творческую жизнь Иткинд создал около 150 работ, правда, уцелело из них не более 50. В собрании ГМИ им. А. Кастеева хранятся 19 произведений Иткинда» [4].

Интересно, что сам Иткинд еще при жизни поместил себя в рай, создав композицию, которая так и называется «Иткинд в Раю. Он говорил: «И в раю я буду работать. Там же много райского дерева и все ходят голые – можно выбрать хороших натурщиков. Буду работать!» [5]. Он шутил даже над смертью.

…В очерке Юрия Домбровского «Художник Иткинд» есть такие строки: «Когда-то в одной из своих статей Максим Горький написал, что создана уйма рассказов о том, как человек всю жизнь страдал и печалился, но не написано ни одной книги о человеке, который бы всю жизнь радовался. Если когда-нибудь будет написана биографическая повесть об этом неповторимом мастере, истинном очарованном страннике нашего времени, это и будет, очевидно, та самая отсутствующая в мировой литературе книга, о которой говорил Горький» [6].

1. [Электронный ресурс]. Режим доступа: Русский музей Дополненная реальность (rmgallery.ru) (дата обращения 06.09.2022).

2. Енисеева-Варшавская Л. Исаак Яковлевич Иткинд / Вычитано и выверено мной окончательно!!! – Алматы, 2019. – С.436-442.
3. Сац Н.И. Новеллы моей жизни. Т.2 [Электронный ресурс]. Режим доступа: Сотворение Джамбула. Новеллы моей жизни. Том 2 (wikireading.ru) (дата обращения 06.09.2022).
4. [Электронный ресурс]. Зорина О. Режим доступа: Алматинское спасение Исаака Иткинда - МК Казахстан (mk-kz.kz) (дата обращения 06.09.2022).
5. [Электронный ресурс]. Режим доступа: Лев Гуревич: Человек, который всю жизнь радовался: скульптор Исаак Иткинд | Журнал "Чайка" (chayka.org) (дата обращения 06.09.2022).
6. [Электронный ресурс]. Режим доступа: Юрий Домбровский. Гонцы (lib.ru) (дата обращения 06.09.2022).

Бисенгалиев М.К.

Маленков и Лозовский – приглашение на казнь

В статье рассматриваются различные аспекты работы Еврейского Антифашистского комитета в связи с его взаимодействием с руководящими органами СССР и ВКП (б). Изучается вопрос влияния в частности видного партийного деятеля Г.М. Маленкова на ситуацию с арестом и расстрелом сотрудников Комитета. Отдельно рассмотрена ситуация с арестом и расстрелом Соломона Лозовского и ролью Полины Жемчужины в начале репрессий против членов ЕАК.

В 1939 г. в СССР по завершению XVIII съезда большевистской партии произошли самые разнообразные кадровые назначения – в т. ч. и те, которые впоследствии привели как к созданию Еврейского Антифашистского комитета в том его качестве, в котором он сейчас всем известен – так и к его жестокой ликвидации. Причём очень многие персонажи этой истории обычно остаются или совсем за кадром – или их роль представляется недостаточно изученной. Попытаемся дополнить уже существующую картину.

Итак, люди, формально и неформально курировавшие ЕАК в этом году заняли весьма высокие должности в большевистской иерархии. Будущий основной куратор ЕАК Александр Щербаков был к моменту создания ЕАК осенью 1941 г. не только руководителем Совинформюбро, в рамках которого ЕАК и существовал – но и членом Оргбюро ЦК. Эта должность досталась ему в 1939 г. Лаврентий Берия, один из инициаторов судьбоносной для авторитета ЕАК поездки руководителей комитета Михоэлса и Фефера в США летом 1943 г. – тоже пришёл в Большую Политику в 1939 г. в качестве кандидата в

члены Политбюро. Полина Жемчужина, супруга по сути второго человека в партии Вячеслава Молотова, который впрочем, тоже в какой-то степени станет участником некоторых связанных с ЕАК событий – в том же 1939 г. станет кандидатом в члены ЦК.

Да и будущие еаковцы в этом году преуспевали. Официальный куратор комитета свыше Соломон Лозовский в мае стал заместителем нового наркома иностранных дел Молотова, другом семьи которого он был много лет (назначение Молотова на пост наркома – 3 мая, а 14 мая Лозовский уже его зам.). Сам Михоэлс в этом году получил орден Ленина и звание народного артиста СССР (по легенде – благодаря ходатайству Жемучжины). Награждены были орденами Маркиш (орден Ленина), Квитко (орден Трудового Красного Знамени), Фефер (орден Знак Почёта).

Но, само собой, все значимые вопросы решались не поэтами-орденоносцами. Интересно, что «восходящие звёзды 1939 г.» в той или иной степени были связаны с молодым, но весьма перспективным партийным кадровиком Георгием Максимилиановичем Маленковым, который в том же 1939 г. стал сразу и членом ЦК, и членом Оргбюро ЦК, и, что очень важно, начальником управления кадров ЦК, и секретарём ЦК. Для человека, не достигшего и 40 лет – невероятный карьерный успех. Начав в Москве при первом секретаре Л.М. Кагановиче, Маленков удачно перешёл в малоизвестный неспециалистам Отдел руководящих партийных органов (далее – ОРПО) ЦК ВКП (б). Зато всем без исключения очень хорошо известен первый руководитель этого самого ОРПО – Николай Ежов. В 1936 г. Ежов оставил партийную «кузницу кадров» на своих заместителей – Маленкова и Щербакова – и отправился руководителем в НКВД уничтожать крамолу. Там его ретивость оценили по-разному. В 1938 г. бывшие подчинённые Николая Ивановича (по партийной линии Маленков и по чекистской Берия) арестовали ставшего ненужным палача в кабинете Георгия Максимилиановича.

Карьерный старт Щербакова понятен – он был свояком весьма влиятельного уже с начала 1930-х гг. Андрея Жданова. Ну а что же Маленков? Кто протежировал этому молодому аппаратчику в чрезвычайно успешном старте? И тут следует вновь вернуться к Соломону Лозовскому – который был старым большевиком, удостоенным такой странной чести как быть исключённым из партии лично Лениным в декабре 1917 г. (через год его простили). Мы уже упоминали факт дружбы Лозовского с семьёй Молотова. Возможно, не послед-

нюю роль в этой дружбе сыграл тот факт, что его родное с. Нововасильевское в Гуляй-Польском р-не современной Запорожской обл. находится буквально в двух шагах от г. Пологи той же области, в котором родилась и выросла Перл Соломоновна Карповская – будущая Полина Семёновна Жемчужина–Молотова.

Впрочем, Лозовский тоже был женат – причём не единожды. О первом и третьем его браках чуть позже, а пока упомянем второй, видимо, незарегистрированный брак с Августиной Павловной Невзоровой. Последняя была сестрой не только супруги верного ленинца Глеба Максимилиановича Кржижановского Зинаиды, но и родной тёткой Валерии Алексеевны Голубцовой, вышедшей в 1920 г. замуж за другого «Максимилиановича» – Георгия, по фамилии Маленков. Таким образом, будущие главные участники этой истории были не просто знакомы – а состояли в родственных отношениях, которые со временем только укрепились.

Правда и в 1939, и даже в 1941 никакого влияния Маленкова на происходящее как с ЕАК в целом, так и с отдельными его сотрудниками (будущими) не прослеживается. С некоторой натяжкой можно вспомнить протеже Маленкова – Георгия Александрова, руководителя Агитпропа в качестве которого он частично «направляя» работу ЕАК. Кроме того, Александров своими письмами о непропорциональной представленности евреев в различных советских органах снискал себе стойкую (и вполне вероятно заслуженную) репутацию антисемита. Но против такой мощной фигуры как Щербаков, который за попечительское отношение к ЕАК имел от товарищей по Политбюро шутливые прозвища «Щербаковер» и «Щербаковский» – Александров был слаб, и до смерти Щербакова в мае 1945 г. конкретно против ЕАК ничего не предпринимал.

Впрочем, и во время войны пути ЕАК и непосредственно Маленкова всё-таки изредка пересекались. Так, в 1943 г. именно Маленков лично успокаивал академика Лину Штерн, члена президиума ЕАК, которая письменно сообщила Сталину, что в стране подымает голову антисемитизм – и, возможно, антисемиты есть даже в аппарате ЦК. Интересно, что в число таковых, кроме уже упомянутого Александрова, зачастую включали и самого Маленкова, приписывая ему некий «циркуляр». В документе будто бы перечислялись должности, на которые не рекомендовалось брать евреев (и даже вузы, в которые евреев рекомендовалось зачислять ограниченно). Впрочем, самого

этого циркуляра никто в глаза не видел – все, включая Роя Медведева, о нём только «слышали».

Но в конкретном случае с Линой Штерн Маленков отреагировал совершенно по-большевистски – и принял меры к недопущению проявлений антисемитизма. Это личное знакомство оказалось для них обоих очень полезным – что покажут дальнейшие события.

Ещё одна история произошла в 1944 г. Владимир Шамберг, старый товарищ Маленкова ещё с 1920-х гг. в каком-то смысле унаследовавший его пост по управлению партийными кадрами (с другим названием – организационно-инструкторский отдел ЦК), отправил своему патрону служебную записку на непрофильную для себя тему – о недостаточной активности Крымского обкома партии по продвижению «наверх» идеи о выселении из области татарского населения. При этом из записки следует, что сам Шамберг такое мероприятие и поддерживает, и прямо рекомендует в своём выводе. «Необходимость выселения крымских татар вглубь страны т. Булатов мотивирует следующими соображениям: «С точки зрения общегосударственных интересов нашей страны (чего я раньше до конца не продумал), учитывая, что Крым является пограничным пунктом, а соседство его неблагонадежное (я имею в виду Турцию), а крымские татары являются неплохой базой для насаждения шпионов и прочей нечисти, неважно, большинство или меньшинство татар, и чтобы вытравить эту почву от постоянного соблазна Турции, я думаю, надо решать вопрос кардинально, т. е. выселить татар из Крыма вглубь страны». Таким образом, все данные говорят, что в ходе Великой Отечественной войны татарское население Крымской АССР в своем значительном большинстве активно поддерживало немцев. К этому выводу Крымский обком ВКП (б) пришел с большим опозданием и то с оговорками, поскольку т. Булатов и сейчас полагает не имеющим значения вопрос о том, большинство или меньшинство крымских татар представляет хорошую базу для деятельности националистов, активно поддерживающих немцев» [1].

Датировка записки – 11 апреля 1944 г. – логична. Как раз только-только началась операция Красной армии по освобождению Крыма от немецких и румынских оккупантов. Но с чего вдруг Шамберг сам проявил интерес к теме выселения из Крыма татар и привлёк к этому вопросу внимание самого Маленкова? Ответ на этот вопрос, возможно, кроется в семейно-родственных связях. Как мы уже упоминали, непосредственный куратор ЕАК Соломон Лозовский был в то время

женат в третий раз – уточним, что на Софье Абрамовне Шамберг, родной сестре того самого Михаила Шамберга. Более того, старшая дочь Лозовского Вера, носящая еще его настоящую фамилию Дридзо – в 1924 г. вышла замуж уже за Михаила Шамберга – превратив двух большевиков, молодого и старого, в весьма близких, хотя и трудно классифицируемых родственников.

Но степень родства в данном случае не так принципиальна. Важнее тот факт, что ещё в феврале 1944 г. Лозовский принимал активное участие в подготовке печально знаменитой «Записки о Крыме» на имя В.М. Молотова, составленной по его поручению руководителями ЕАК Михоэлсом, Эпштейном и Фефером. И если Шамберг об этом письме знал – то его активность в данном вопросе вполне объяснима. Особенно с учётом того факта, что и Маленков ещё 28 февраля копию «Записки» как минимум должен был получить и прочитать. Если же добавить к вышесказанному что уже в это время у дочери Маленкова Воли и сына Шамберга/внука Лозовского Владимира развивался бурный роман, закончившийся счастливым браком уже через год, то любое взаимодействие в рамках этой большой «семьи» представляется логичным и ожидаемым.

Старания Шамберга не пропали зря – примерно через месяц, в мае 1944 г. уже Л.П. Берия выходит прямо на Сталина с предложением выселить крымских татар в Узбекистан, которое вождь без возражений одобряет. Само собой, никакой «Еврейской ССР» в Крыму Сталин создавать не собирался – но в рамках сложной геополитической игры Черчилля и Рузвельта по недопущению создания в Палестине еврейского государства – эта по сути антитурецкая депортация могла выглядеть как приглашение заинтересованных стран и организаций к сотрудничеству для создания в Крыму альтернативного проекта. По некоторым данным, последний раз вопрос «Крымской Калифорнии» всерьёз обсуждался на Ялтинской конференции в феврале 1945 г. – но после смерти Рузвельта (12 апреля 1945) и потери Черчиллем поста премьер-министра (26 июля 1945) и их преемники, и сам Сталин, потеряли даже надуманный интерес к проекту «Еврейской ССР» в Крыму. После чего на несколько лет эта история канула в прошлое. Но не окончательно…

В день Великой Победы 9 мая 1945 г. произошло и очень печальное для ЕАК событие – скоропостижно скончался Александр Щербаков, при жизни которого все его подопечные не знали никаких проблем. Поздние попытки следователей госбезопасности обвинить в его

смерти евреев бессмысленны – лечащим врачом Щербакова был русский Виноградов, а разрешение на роковую поездку пациента-сердечника в Москву на праздничный салют дал сотрудник ЦКовского санатория «Барвиха» белорус Рыжиков. Кстати, часто встречающиеся в литературе рассуждения об «антисемитизме Щербакова» вообще непонятно на чём основаны – возможно, его просто путают с заведующим отделом управления кадров ЦК М.И. Щербаковым, отправившем начальству через год после смерти своего однофамильца записку на тему «О националистически-мистических тенденциях в еврейской литературе».

Но в целом 1945 г. и для Лозовского лично, и для ЕАК прошёл без эксцессов – приезжали важные гости из США, материалы Комитета публиковались в западной печати, и даже антисемит Александров со своим Агитпропом особенно не надоедал. К сожалению, следующий – 1946 г. был уже куда менее удачным.

Кстати, неудачным он оказался и для Маленкова. Восходящая звезда советской госбезопасности Виктор Абакумов, руководитель вроде бы ненужного в мирное время «Смерша» предоставил Сталину – с подачи сына вождя Василия – данные о некачественной (мягко говоря) работе руководителей советской авиационной отрасли во время войны. Сталин Абакумову поверил, «авиаторы» – Новиков, Шахурин – оказались в тюрьме, а их куратор Маленков впервые за свою карьеру впал в немилость у Иосифа Виссарионовича. Но у Георгия Максимилиановича нашёлся и сочувствующий – вот что пишет по этому поводу в своих мемуарах сын Хрущёва Сергей: «Рикошетом «дело авиаторов» ударило по Маленкову. Во время войны в Государственном Комитете Обороны он надзирал за авиационной промышленностью. В апреле 1946 г. его, всего месяц назад, 18 марта, избранного на Пленуме ЦК в Политбюро, Оргбюро и Секретариат ЦК (такой чести в советском руководстве удостаивались только два человека – сам Сталин и его правая рука – Андрей Александрович Жданов), убрали из секретарей ЦК и оставили не у дел. 4–6 мая 1946 г. Сталин подтверждает свое решение формальным опросом членов Центрального Комитета. Естественно, все проголосовали «за».

В начале мая обеспокоенный Лозовский позвал к себе внука и под большим секретом показал ему только что доставленное Постановление ЦК об отстранении Маленкова от должности Секретаря ЦК за потворство бракоделам-авиаторам. Сформулировано оно лично Сталиным в тонах, не суливших Маленкову ничего хорошего: «Установ-

лено, что т. Маленков как шеф над авиационной промышленностью и по приемке самолетов – над военно-воздушными силами, морально отвечает за те безобразия, которые вскрыты в работе этих ведомств (выпуск и приемка недоброкачественных самолетов), что он, зная об этих безобразиях, не сигнализировал о них в ЦК ВКП (б)».

– Вы должны приготовиться, – посоветовал Шамбергу Соломон Абрамович. К чему следует готовиться, Лозовский хорошо знал, а Володя, несмотря на свою молодость, догадывался».

Под «Володей» в данном случае подразумевается Владимир Шамберг – в тот момент уже и внук Лозовского, и зять Маленкова. В итоге опала Маленкова оказалось не слишком суровой – не исключено что родственник попросил о помощи своего старого товарища Молотова, который в то время был в зените своей карьеры. Впрочем, и сам Лозовский в качестве видного дипломата был вхож к Сталину. Например, именно в его присутствии шведский посол Седерблом в том же 1946 г. (15 июня) сообщил вождю, что Рауль Валленберг, вероятно, мёртв, и искать его шведское правительство не планирует. На это сообщение у шведа ушло пять минут, а после того как посол откланялся Сталин провёл наедине с Лозовским ещё 55 минут, видимо ценя в Соломоне Абрамовиче не только специалиста по Скандинавии, но и по еврейскому вопросу, понятно, тесно связанному с судьбой Рауля Валленберга.

О высокой оценке Сталиным способностей Лозовского знали и в США. «21 июня 1946 г., в парижской гостинице «Мерис». Госсекретарь Бирнс спросил Молотова «…как решает Генералиссимус Сталин внешнеполитические вопросы. Решает ли он их единолично? Молотов ответил, что для решения крупных внешнеполитических вопросов в СССР существует целая коллегия. Генералиссимус Сталин очень любит советоваться с людьми. Он, Молотов, не может знать всех дел в деталях. Поэтому Генералиссимус Сталин советуется не только с ним, Молотовым, но и со специалистами по различным вопросам».

Бирнс попросил Молотова назвать тех лиц, с которыми Сталин советуется. Молотов назвал Вышинского, Деканозова, Лозовского, Литвинова и Майского».

У Лозовского сложились хорошие отношения с тогдашним послом США в Москве Уильямом Бидделом Смитом. Тот даже публично Лозовского хвалил – что и в относительно мирном 1946 г. было для советского чиновника скорее минусом, а не плюсом. Кроме того,

Лозовский имел неосторожность организовать 20 июня того же 1946 г. встречу Смита с учёными медиками Клюевой и Роскиным – впоследствии обвинёнными в попытке раскрыть американцам секреты лечения рака. Это Лозовскому вскоре припомнили, как и попытку самостоятельно – минуя согласование в ЦК, только в сотрудничестве с внешторговцами – заключить с теми же американцами соглашение по гражданской авиации и судоходству. Несмотря на то, что и Молотов, и Микоян были в курсе происходящего, а американцы вообще проект, поддержанный Лозовским, отклонили, Сталин вменил и этот факт Соломону Абрамовичу в вину. Вследствие всего вышеперечисленного пост заместителя министра иностранных дел Лозовский уже в июле 1946 г. потерял, и по идее мог сосредоточиться только на работе как во всём Совинформбюро, так и конкретно в Еврейском Антифашистском комитете.

К сожалению, ставший в мае 1946 г. уже министром Госбезопасности Абакумов – скорее всего с подачи своего зама Питовранова – начал проявлять к ЕАК повышенное внимание, что привело к отправке в октябре того же года в ЦК ВКП (б) записки под заглавием «О националистических проявлениях некоторых работников Еврейского антифашистского комитета». Тоже новый (с апреля 1946) заведующий отделом внешней политики ЦК М.А. Суслов организовал проверку и уже 19 ноября того же года доложил в ЦК о том, что ЕАК желательно закрыть. Это кстати было бы лучшим решением для всех – тем более что Суслов руководство ЕАК скорее хвалил, чем ругал. Но, увы, изменившаяся внешнеполитическая обстановка – принятие Сталиным вместо нейтральной позиции в палестинском конфликте курса на внешнеполитическую поддержку сионистов в противовес реакционным арабским режимам и стоящим за их спинами британским империалистам – привела к прекращению процесса ликвидации ЕАК и продолжению его деятельности. МГБ в утешение усилил свой контроль за деятельностью Комитета, введя в его состав кадрового чекиста Хейфеца на, по сути, руководящую должность ответственного секретаря. Уроженец Даугавпилса Хейфец – земляк Михоэлса, решавший совместно с ним различные вопросы во время поездки в США в 1943, был кадровым чекистом и в течение 1947 г., по сути, полностью взял в свои руки руководство ЕАК. Михоэлс сосредоточился на работе в театре, а Лозовского уже в июне 1947 г. сняли с должности руководителя Совинформбюро. Таким образом, он больше не мог принимать какое-то значимое участие в работе ЕАК.

Зато звезда Маленкова вновь начала восходить. Уже в сентябре 1947 г. он сопровождает сталинского любимца Жданова на совещание компартий в Шклярска-Порембе, Польше. Эта поездка чисто случайно сыграла важную роль в деятельности ЕАК. Ибо 17 сентября 1947 г. был снят с должности руководителя Агитпропа давний недруг Комитета Александров, которого сменил нейтральный в общем то Суслов. Михоэлс решил воспользоваться этой удачей и на следующий день написал письмо главному идеологу Партии Жданову с просьбой разрешить напечатать тираж знаменитой «Чёрной книги». Увы – именно в эти дни Жданов с Маленковым уезжали в Польшу – и рассматривать просьбу Михоэлса стали рядовые сотрудники аппарата Жданова. Само собой, им оказалось вполне достаточно того факта, что нужного разрешения на печать не было – и тираж «Чёрной Книги» был уничтожен.

В декабре 1947 г. важных гостей в ЕАК принимал единолично Хейфец – ну а после чудовищного убийства Михоэлса в Минске ЕАК под формальным руководством «сексота» Фефера и фактическим – чекиста Хейфеца превратился в центр по наблюдению за советскими евреями и их реакцией на создание Израиля. В общем не вызывает сомнений сообщения Хейфеца о том, что все письма советских евреев с выражениями сочувствия Израилю и предложениями отпустить на войну с британским империализмом передавались в Инстанцию – но нет никакой информации о судьбах авторов этих писем. Попали ли они в Палестину, в ГУЛАГ или были оставлены в покое – ни одного достоверного свидетельства подобного рода не опубликовано.

Некоторые новые события произошли уже осенью следующего, 1948 г. Маленков не только вернул себе должность секретаря ЦК – но и сумел отстранить своего конкурента Алексея Кузнецова от кураторства над госбезопасностью. Кто из секретарей ЦК с осени 1948 г. курировал МГБ доподлинно неизвестно – но именно Маленков стал в это время человеком, который, несмотря на большую занятость, очень много времени уделял взаимодействию с чекистами. Кстати, невзирая на весьма плохие отношения лично с министром Абакумовым. В частности, Георгий Максимилианович принял весьма деятельное участие в разгроме ЕАК – что и будет рассмотрено ниже.

После признания Советским Союзом государства Израиль между странами были установлены полноценные дипломатические отношения. И в начале сентября 1948 г. посол Израиля Голда Меир прибыла в Москву. Её приезд имел самые разные последствия, включая паде-

ние с ЦКовского олимпа супруги находящегося в очередном зените своей карьеры Вячеслава Молотова. Он уже год как возглавлял новую для страны структуру Комитет информации, которому подчинялось вообще всё во внешней политике страны – от МИДа до службы внешней разведки. Но Полина Семёновна Жемчужина установила с новым послом Израиля не просто дружеские – а демонстративно дружеские отношения. Притом, что ещё в 1939 г., когда её первый раз снимали с работы – в резолюции специально было отмечено, что т. Молотов слишком любит делиться секретами со своей супругой. В ситуации осени 1948 г. это означало, что секретами советской внешней политики Молотов делится уже и с Голдой Меир. Госбезопасность такой повод упустить не могла – и начала «копать» под Жемчужину – да и под Молотова.

В сборе компромата на в каком-то смысле «первую леди» СССР – (Сталин был вдовцом, а Молотов – вторым лицом в стране) – чекисты использовали ЕАК. С зимы 1948 г. не самый статусный член Комитета Захар Гринберг сидел на Лубянке и давал показания. Связать его рассказы о национализме уже мёртвого Михоэлса с хорошо знакомой с Михоэлсом Жемчужины было для абакумовских следователей делом техники. Тем более что в Киеве – 16 сентября – тамошние чекисты арестовали поэта Давида Гофштейна. В отличие от большинства коллег по ЕАК Гофштейн был сторонником языка иврит, за агитацию в пользу которого и был заподозрен в шпионаже. На основании полученных от Гофштейна и Гринберга показаний абакумовские следователи смогли составить схему будущего «дела» – ещё не «дела ЕАК», но уже близко к тому. Для получения нужного компромата на Жемчужину арестовали имеющего минимальное отношение к ЕАК, но знающего о дружбе Жемчужины и Михоэлса руководителя ГОСЕТа Зускина – и, что куда боле важного, своего агента Фефера. На основании их показаний следователям удалось добиться и закрытия ЕАК (правда в ноябре 1948 г. Сталин и Молотов ещё предупреждали Абакумова что «пока никого не арестовывать»). Но по итогам совместной работы следователей и Фефера (на суде в 1952 г. Лозовский отнюдь не случайно назовёт последнего «свидетелем обвинения») в деле появились необходимые материалы не только на Жемчужину, но и на весь ЕАК. И уже в январе начались повальные аресты членов уже несуществующего комитета, в т. ч. и единственной крупной с точки зрения возможной «теории заговора» фигуры – члена ЦК старого большевика Лозовского.

Аресту предшествовал весьма жёсткий допрос, который совместно с штатным «партийным палачом» Шкирятовым провёл Маленков, накануне предусмотрительно организовавший экстренный развод своей дочери с внуком Лозовского. Правда, в итоге прожженный аппаратчик всё же попытался спасти родственника – и зафиксировал в докладной записке предложение исключить Лозовского из ЦК, оставив в партии. Коммунистов по негласным советским правилам арестовывать было нельзя. Но абакумовские следователи в этой ситуации оказались убедительнее – и вскоре исключённый и из ВКП (б) Лозовский, и его коллеги по ЕАК были арестованы и оказались в Лефортовской тюрьме. Возможно, тут важную роль сыграло переданное Фефером Абакумову «письмо о Крыме», о котором знали Молотов, Маленков и Лозовский – но не знали Сталин и Абакумов. Это письмо и стало тем самым «козырем» следствия, который позволил министру МГБ сыграть на мнительности и шпиономании Сталина и его соратников – и упрятать невинных людей за решётку.

Интересно, что на суде в 1952 г. Фефер всячески пытался снять с себя ответственность за первоначальное введение «письма» в руки обвинителей – пытаясь переложить ответственность за это на арестованного ранее Гофштейна. На что Гофштейн резонно возразил, что ни малейшего понятия о «Крымском письме» не имел, поскольку в отличие от Фефера в его написании никакого участия не принимал.

Но до суда было ещё далеко. Жемчужину через какое то время сослали на 5 лет в Казахстан,[1*] а «разоблачённых еврейских националистов» из ЕАК Абакумов через год с небольшим предложил расстрелять – благо в СССР вернули смертную казнь. 23 марта 1950 г. министр госбезопасности отправляет Сталину список из 85 кандидатов на расстрел – в т. ч. и 16 «еаковцев». Даже беглого прочтения «доказательств преступлений», представленных следствием вождю, было достаточно для того, чтобы понять полное отсутствие вообще какого-либо результата от более чем годичной «работы» следственной группы. Сталин расстрельный список не утвердил, и больше Абакумов ему о «деле ЕАК» не докладывал. Летом 1951 г. и всесильный министр, и его главные следователи сами оказались в Лефортово. Причём главную роль в аресте Абакумова сыграл ни кто иной как Георгий Маленков – именно к нему пришёл с доносом на начальника следователь

[1*] [Электронные ресурсы]. Стародуб В. Режим доступа: НГ: Жемчужина, Карповская, Капланка... (ng.kz) Казимирчик. А. Режим доступа: Молотов и Жемчужина: любовь и политика — Петропавловск News (pkzsk.info) (дата обращения 15.10.2022).

Рюмин. Причём впоследствии высказывались предположения, что главным аргументом Рюмина была информация о том, что в данный момент Абакумов начал собирать компромат на самого Маленкова.

В итоге министром Госбезопасности стал махровый партаппаратчик Семён Игнатьев – давняя, ещё по службе в 1920-е гг. в Туркестане, креатура Маленкова. Казалось бы, самое время второму лицу в Партии выручить из беды старого товарища и родственника Лозовского – дать какой-то символический срок и отправить куда-нибудь в не слишком далёкий лагерь. Такая судьба выпала поэту Самуилу Галкину (который запомнился на следствии тем, что после очной ставки с Фефером на глазах у изумлённого следователя поцеловал «топившего» его со всех сил коллегу в лоб).

Но происходит прямо противоположное – Игнатьев и Рюмин, вполне вероятно по прямому указанию Сталина, рьяно возобновляют следствие по делу ЕАК. И весной 1952 г. Игнатьев уже выходит с предложением судить всех кто ещё не осуждён по смежным делам и не умер на следствии военным судом – и приговорить – кроме академика Лины Штерн – к смертной казни.

Открывшийся 18 мая 1952 г. военный суд над членами ЕАК (ни одного военного в их числе не было) оказался в своём роде уникальным. Подсудимые получили возможность совершенно свободно обсуждать и свои собственные показания, и показания свидетелей, и даже экспертные заключения. Дело просто рассыпалось – обвинения в «еврейском национализме» и «шпионаже» основывались на самооговорах и показаниях «свидетеля обвинения» Фефера – а некоторым обвиняемым, в частности Зускину, вообще нечего было предъявить даже и по таким основаниям. В итоге председательствующий Чепцов (не Бог весть какой гуманист, он уже вынес смертный приговор двум членам ЕАК по делу ЗИС) принял решение прервать судебное заседание и попытался отправить дело «на доследование». Никакого особого риска в этом для Чепцова не было – госбезопасность в тот момент была у руководства страны не в чести и судьи могли не слишком опасаться последствий такого своего несогласия.

Чепцов обошёл все формальные инстанции – Верховный суд, прокуратуру, Комитет Партийного Контроля, Президиум Верховного Совета – но нигде не получил конкретного ответа. В итоге Чепцов попал на приём к Пантелеймону Пономаренко, секретарю ЦК. Тот порекомендовал судье обратиться к Маленкову, которого знал ещё с довоенных времён, по работе в ОРПО. Но в кабинете у Маленкова Чепцова

ожидал неприятный сюрприз – на встрече оказались также министр госбезопасности Игнатьев и глава следственной части Рюмин, «творцы» обвинительного заключения по делу ЕАК. Получив, наконец, от Маленкова прямое указание вынести приговор, соответствующий предложениям Игнатьева с довольно хитрой формулировкой – «Политбюро трижды занималось этим вопросом» – судья выполнил волю партии и приговорил невиновных даже по самым строгим тогдашним законам советских граждан к расстрелу. Не остались в живых вообще ни в чём не виноватые даже по версии следствия Зускин и Ватенберг-Островская, случайно попавший в число обвиняемых Тальми, родственник и старый товарищ Маленкова Лозовский, совершенно необходимый тому же Рюмину для будущего «дела врачей» Шимелиович, агент МГБ Фефер и даже присланный в ЕАК для наведения там должного порядка ортодоксальный большевик Брегман. Последнего, правда, только приговорили к расстрелу, но поскольку он тяжело заболел, оставили в живых. В итоге Брегман через полгода скончался в тюремной больнице совсем незадолго до смерти Сталина.

Зато академик Лина Штерн, смелая женщина, позволявшая себе куда больше высказываний, которые усердно квалифицировались следователями как «националистические» – причём не в кулуарах, а открыто – была приговорена всего лишь к нескольким годам ссылки. Попытки объяснить это решение желанием Сталина воспользоваться её работами для продления своей жизни бессмысленны – Сталин не доверял врачам, особенно в 1952 г., и предпочитал лечение народными кавказскими методами. А вот Маленков был человеком и образованным, и близким к медицине – к примеру, главный кремлёвский врач профессор Виноградов был даже другом семьи Георгия Максимилиановича. Так что жизнь Лине Штерн спасла всё-таки её смелость – личное знакомство в 1943 г. с Маленковым, разбиравшим по поручению Партии её письмо об антисемитах в аппарате ЦК – привело к ситуации, когда уже в тюрьме ей – как минимум после смены руководства МГБ – дали возможность заниматься научной работой. Рукопись её тюремной книги забрал Игнатьев – но вряд ли малообразованному аппаратчику она была интересна. А вот Маленков, человек с хорошими знаниями физики и интересующийся естественнонаучными основами медицины – безусловно, с интересом её труд прочитал. И сохранил жизнь первой женщине академику в СССР. Старый большевик Лозовский разделил судьбу большинства своих соратников по «ленинской гвардии», окончив жизнь в подвалах госбезопасности.

Интересно, что Лаврентий Павлович Берия, с лёгкой руки которого в 1941 г. и появился еврейский антифашистский комитет, после смерти Сталина начал активно расследовать деятельность руководства госбезопасности и лично министра Игнатьева. Но на следующий же день после того, как он предложил коллегам из Политбюро арестовать Игнатьева и расследовать его деятельность на посту министра (можно не сомневаться, что шитое белыми нитками «дело ЕАК» тут стало бы одним из главных обвинений), сам «большой мингрел» был то ли арестован, то ли просто убит прямо в Кремле, на заседании Политбюро. Еаковцев позднее реабилитировали – но рассекречено это чудовищное по степени беззакония дело даже по советским меркам было только в самом конце существования СССР.

Полина Жемчужина, ради ареста которой собственно и затевалось всё дело ЕАК, освободилась уже весной 1953 г., вернулась к влиятельному, но не слишком смелому супругу – и как говорили близкие к семье Молотова люди, никогда не позволяла в своём присутствии ругать Сталина. Встречалась ли она потом со своей бывшей хорошей знакомой Линой Штерн, которая несколько позже тоже вернулась из ссылки в Казахстан в Москву, неизвестно.

1. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/124071-dokladnaya-zapiska-zaveduyuschego-organizatsionno-instruktorskim-otdelom-tsk-vkp-b-m-a-shamberga-sekretaryu-tsk-vkp-b-g-m-malenkovu-ob-otnoshenii-krymskih-tatar-k-nemtsam-11-aprelya-1944-g#mode/inspect/page/1/zoom/4 (дата обращения 13.09.2022).
2. Маленков А.Г. О моём отце Георгии Маленкове. – М.: «НТЦ «Техноэкос», 1992. – 119 с.: ил.
3. Микоян А.И. Так было. – М.: Вагриус, 1999. – 612 с.
4. Шамберг В.М. Лозовский. – М.: «Тончу ИД», 2012. – 664 с.
5. Костырченко Г.В. Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм. (Новая версия). В 2 ч. Ч I. От царизма до победы во Второй мировой. Ч. II. На фоне холодной войны – М. Международные отношения, 2021. –504 + 672 с ил.
6. Медведев Ж.А. Сталин и еврейская проблема. Новый анализ. – М.: АСТ, 2004 г. – 256 с.
7. Бисенгалиев М.К. Отец явно недооценил последствия усиления партаппарата во главе с Хрущевым и вскоре поплатился за это. (Интервью с А.Г. Маленковым). // Историческая экспертиза (СПб). – 2019 г. (№ 3). – С.122-165.
8. Бисенгалиев М.К. «Традиционная трактовка «дела Райка» как зеркало сталинских мифов» // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований (Москва) – 2022 г. (в печати)
9. Неправедный суд. Последний сталинский расстрел. Стенограмма судебного процесса над членами Еврейского антифашистского комитета / Ответственный редактор В.П. Наумов. – М.: Наука, 1994 г. – 399 с.
10. Хрущёв С.Н. Реформатор – М.: Вече, 2016. – 576 с.

11. Лясс Ф.М. «Последний политический процесс Сталина или несостоявшийся юдоцид» – М-И: Филобиблон, 2007. – 614 с.
12. Никонов В.А. Молотов. Наше дело правое. В 2-х книгах. – М.: Молодая гвардия, 2016. – 504+573 с.
13. Brent, Jonathan; Vladimir P. Naumov. «Stalin's Last Crime: The Plot Against the Jewish Doctors, 1948–1953». – New York: HarperCollins, 2003. – 416 p.
14. Johnson, Paul «A History of the Jews». – London: Phoenix, 2001. – 656 с.
15. [Электронные ресурсы]. Интернет-проект «Архив Александра Н. Яковлева». Виртуальные выставки: серия «Лидеры советской эпохи» – Маленков. Исследуйте древо вашей семьи вместе. Электронная библиотека исторических документов. Режим доступа: https://alexanderyakovlev.org/; https://malenkov.rusarchives.ru/; https://www.geni.com/; http://docs.historyrussia.org/ru (дата обращения 15.10.2022).

Черненко-Шамис Р.М.

Эпизоды ускользающего времени

Это не монография и не биография писателя Мориса Симашко. Это просто записки, эпизоды из жизни моего отца, которые я помню. Поэтому я не претендую ни на календарную точность происходивших событий, ни на какие-либо оценки.

Полет на самолете ПО-2 над городом Мары, центром военного округа в Туркменской ССР. Мне было четыре года, и я болела коклюшем. Тогда считалось, что для выздоровления ребенку необходим холодный воздух. Отец договорился со знакомыми военными об этом полете. В открытом самолете было всего два места: пилот сидел впереди за штурвалом, а отец со мной на коленях сзади. Меня укутали в одеяло. Отец о чем-то говорил с пилотом, и тот спросил: «…Откуда ты знаешь?». Отец сказал, что летал здесь во время войны. Он учился в те годы в летной школе, эвакуированной в Среднюю Азию из Одессы. Молодые пилоты сопровождали с воздуха обозы с порохом, поступавшим в воюющий с гитлеровской Германией Советский Союз через дружественный тогда шахский Иран в качестве помощи по «лендлизу» из Европы и Америки. Водителями грузовиков с порохом были девушки-американки, служившие в армии США.

Самолет не помог, потому что стоял жаркий туркменский май, и родители решили, что отец повезет меня в Алма-Ату, где в мае было еще прохладно. В Алма-Ате жили оставшиеся в Азии после эвакуации из Одессы родители отца, мои бабушка с дедушкой. Дедушка, профессор, доктор микробиологии Давид Лазаревич Шамис, по приглашению организатора и первого президента Академии наук Казахской ССР академика Каныша Имантаевича Сатпаева, не стал возвра-

щаться после эвакуации вместе с университетом, где он работал, в Одессу и перебрался в Алма-Ату, став первым директором института микробиологии в Казахстане. Он был родом из еврейского местечка на Украине. Учился в хедере, потом на рабфаке и на биологическом факультете Новороссийского университета в Одессе. Там они познакомились с бабушкой – студенткой математического факультета. Бабушка, Мария Готлибовна, была из русских немцев, которых сначала Петр Первый, а потом и Екатерина Великая приглашали в Россию, чтобы они способствовали развитию науки, культуры и ремесел. Эти цари понимали, что такое окно в Европу было необходимо, чтобы окончательно вытащить Россию из средневековья. Многие немцы осели в стране и стали россиянами.

Мы ехали из Мары в поезде. Вагоны тянул паровоз с большой трубой, из которой шел дым. Вначале поезд шел по пустыне Кара-Кум, где к маю уже отцвели весенние цветы-эфемеры и пустыня с барханами и редкими корявыми кустами саксаула, пустынного безлиственного растения с необыкновенно твердой древесиной, вновь вступила в свои права. Я очень хотела посмотреть на паровоз, и на поворотах состава отец поднимал меня, чтобы я смогла высунуться в окно и увидеть его. Летевшая из трубы сажа попадала мне в глаза, и отец их промывал. Поезд шел примерно двое суток до Ташкента, где должна была состояться пересадка на другой, до Алма-Аты. Отсюда начиналась Туркестано-Сибирская магистраль. На второй день пути я проснулась утром и увидела на столе граненый стакан с водой и букетиком ярких цветов. Это цвела степь. Рано утром поезд остановился на разъезде в ожидании встречного состава, и отец выскочил из вагона, чтобы нарвать для меня цветов.

В Алма-Ате отец учился в университете на заочном отделении факультета журналистики и приезжал туда сдавать экзамены. До этого он, так же, как и моя мать, Нина Михайловна Жижакина-Шамис, учился в Одесском учительском институте, эвакуированном в небольшой туркменский г. Байрам-Али, расположенный в Мургабском оазисе, недалеко от Мары. Оканчивали они институт уже в Одессе, куда он вернулся после освобождения города от немецких захватчиков. Это уже было в 1944 г., после демобилизации отца.

Возвращение в Мары из поездки с отцом в Алма-Ату в памяти не сохранилось. Но помнится другое.

В Мары меня определили в детский сад, который я ненавидела: там заставляли есть невкусный суп с крупой и спать днем. Однажды в мар-

те, в середине дня, за мной пришел дедушка и повел меня домой. Ура! Тогда это был самый счастливый день в моей жизни – раньше уйти из ненавистного садика. Воспитательница в детском саду почему-то плакала навзрыд, дома я тоже увидела заплаканную бабушку, учительницу младших классов школы, отпущенную с работы раньше времени. В комнате сидели за столом, выпивали и пели революционные песни отец и два его друга-журналиста, радостные и пьяные. Бабушка периодически заглядывала в комнату и умоляла их: «Тише, тише!!!». Утром было объявлено по радио, что умер Сталин. Я, конечно, значения этого события не понимала, но разницу в отношении людей к нему запомнила.

Родители матери не были ни сталинистами, ни даже членами партии, ни диссидентами – тогда и слова такого не знали. Просто они на всякий случай старались держаться от всего этого подальше. Дед, Михаил Петрович, участник Первой мировой, Гражданской и потом Великой Отечественной войн, был награжден двумя Георгиевскими крестами за храбрость и мужество на поле боя. Бабушка прятала эти медали, завернутые в тряпочку, в старом сарае, в сундуке, где царил огромный, страшный, но совершенно безобидный паук. В Туркмению, в Мары, дед попал во время Гражданской, когда он, как многие солдаты, вернувшиеся после Первой мировой, был мобилизован в Красную армию, где, вероятно, благодаря его грамотности, его назначили комиссаром бронепоезда «Роза Люксембург», направленного в Среднюю Азию для усмирения басмачей. Там дед и остался, демобилизовавшись и женившись на бабушке, Татьяне Михеевне, уроженке г. Мары. Дед был очень осторожен: себя он называл «беспартийным большевиком», своего отношения к происходящим событиям никогда не выражал. Спокойно попыхивал папиросой «Беломор», вставленной в длинный янтарный мундштук, и помалкивал. Работал он в областном отделе водного хозяйства: заведовал распределением воды для колхозов и совхозов Марыйской обл. Называл он себя по-туркменски – «мираб». Это была значительная и важная работа в условиях жаркой Туркмении, большую часть территории которой составляла песчаная пустыня Кара-Кум – Черные пески. Первая повесть отца так и называлась – «В Черных песках». Она была опубликована в 1958 г. в журнале «Новый мир», редактор которого Александр Твардовский, можно сказать, «открыл» молодого интересного писателя.

Семья бабушки оказалась в Средней Азии в екатерининские времена, когда шло активное заселение этих восточных территорий. Людям, согласным на переезд, давали даже так называемые подъемные.

В роду бабушки были русские и угро-финны – мордва. До революции 1917 г. она окончила гимназию в Мары, небольшом городе-крепости, который был важным форпостом русской армии на Востоке и остался центром Туркестанского военного округа в советское время. Потом, до самой пенсии, бабушка работала учительницей младших классов школы. Во время Великой Отечественной войны ее, беспартийную, назначили сначала завучем, а затем директором школы, потому что не было подходящих для этих должностей кандидатур – членов партии, имеющих опыт работы в школе: одни воевали, другие сидели в сталинских лагерях.

Отец очень уважал своих тестя и тещу, понимая их позицию. Он упоминал их в публицистике, в одном из автобиографических очерков. Это отношение было взаимным.

В середине 1950-х гг. отец решил переехать в Ашхабад, где у него были друзья и перспективы интересной журналистской работы. В отстраивавшемся после разрушительного землетрясения 1948 г. Ашхабаде нашей семье, в которой уже были двое детей, я и младший брат, дали две комнаты в новой трехкомнатной квартире в центре города. Позже сосед по коммуналке уехал, и вся квартира стала нашей.

Отец работал в республиканской газете «Туркменская Искра», где писал статьи, которые сейчас назывались бы «журналистскими расследованиями», и фельетоны. Темы их были острыми и небезопасными, судя по тому, что у отца появился револьвер. Однажды мы с ним и с матерью возвращались поздним вечером из парка культуры и отдыха им. Максима Горького, как тогда назывались центральные парки во всех больших городах страны. Смотрели индийский фильм в летнем кинотеатре. Когда фильм закончился, и мы вышли из летнего кинотеатра на улицу, я вдруг увидела у отца в руке револьвер.

1 сентября 1954 г. отец отвел меня в школу, в первый класс. Познакомился с учительницей, спросил меня, смогу ли я сама после уроков дойти до дома. Я знала, что он в этом не сомневается и спрашивает для порядка. Школа находилась недалеко от дома, а машин в городе почти не было. На этом интерес отца к моей учебе был исчерпан раз и навсегда.

Потом – работа в Туркментаге – республиканском ТАСС.[1*] Первые повести из будущего цикла «Повести Черных и Красных песков»,

[1*] Речь идет о Туркменском телеграфном агентстве (ТуркменТАГ) со статусом республиканского органа Телеграфного агентства Советского Союза (ТАСС). В середине 1970-х гг. оно было переименовано в информационное агентство «Туркменинформа» (прим. ред.).

опубликованные Твардовским в «Новом мире», самом солидном и прогрессивном литературном журнале страны, позже изданы книгой. В тот же период состоялось знакомство и начало сотрудничества с известным писателем, ставшим классиком советской литературы Борисом Лавреневым, которого читающая и зрительская публика знает по повести и одноименному художественному фильму «Сорок первый». Пронзительный лирико-трагический сюжет этого произведения на тему гражданской войны производил сильное впечатление. Маститому писателю понравился молодой, талантливый коллега, с которым он охотно общался и вводил в столичное писательское сообщество во время приездов отца в Москву.

Тогда же, живя в Ашхабаде, отец стал собственным корреспондентом всесоюзной «Учительской газеты», у которой было много читателей и почитателей. Начались бесконечные командировки по республике, публикации и недовольство местного руководства. Уж очень нестандартными были темы статей и очерков. Средневековые законы и порядки в туркменском обществе в то время занимали еще значительное место. Власти с их проявлениями боролись, как могли, но жизнеспособность этих жестоких средневековых традиций трудно было одолеть в одночасье. По сценарию отца, сокращенному и подвергнувшемуся многочисленным переделкам, был снят на киностудии «Туркменфильм» фильм-драма «Случай в Даш-Кале» (1963 г.) – о кровавой трагедии, о бытовавшем еще в те годы варварском обычае традиционного самосожжения девушки, нарушившей вековые устои ради любви. Бесправие женщин, по крайней мере, в аулах, тогда еще было абсолютным, и девочек выдавали замуж очень рано. В фильме, поставленном туркменским режиссером, играли превосходные туркменские актеры.

Пришло время уезжать из Ашхабада. Это решение для отца было трудным. У него в городе было множество друзей. Большие, дружные, многонациональные компании ашхабадской интеллигенции, осевшей в Средней Азии после сталинских ссылок 1930-х гг. и эвакуации во время Великой Отечественной войны, активно общались, собирались то у одной семьи, то у другой на праздники, дни рождения и просто так, для радости общения. Все были молоды, полны сил. Журналисты, врачи, инженеры, артисты, музыканты – цвет молодой советской интеллигенции, люди, волею обстоятельств оказавшиеся в Туркмении.

Алма-Ата нам была хорошо знакома по прежним приездам туда, к бабушке и дедушке, в летние школьные каникулы. Прекрасный город

на величественном фоне огромных гор Тянь-Шанского хребта с заснеженными вершинами, ледниками, густыми хвойными и смешанными лесами в средней их части и зелеными лугами внизу, в предгорьях. Отец сразу с головой окунулся в алма-атинскую литературную жизнь. Это был большой город, с большим культурным размахом. Русский, казахский, немецкий, корейский театры, киностудия, издательства, журналы, газеты на русском, казахском, немецком и других языках, университет, учебные и научно-исследовательские институты. Мощный толчок культурному и научному развитию города и в целом республики дала эвакуация, которая оставила после себя специалистов самых разных профессий, которые продолжали поднимать казахстанскую культуру, науку, экономику, пустив корни в эту благодатную землю.

После разоблачения культа личности Сталина, в 1960-е гг. прошлого столетия республиканский литературный журнал «Простор» стал в Советском Союзе по культурной значимости, можно сказать, вторым «Новым миром». В редакцию присылали свои новые произведения известные литераторы со всего Союза. Но цензурные гайки уже вновь закручивались, и по Алма-Ате ходило множество «самиздата» – тех самых рукописей, присылаемых в «Простор», где уже стало невозможно их публиковать. Городская интеллигенция взапой их читала, передавая друг другу бледные, с едва различимым шрифтом четвертые–пятые машинописные экземпляры. Помню, что романы Булгакова я впервые прочла именно в «самиздате», как и произведения Солженицина и многие др., считавшиеся тогда «антисоветчиной», а сейчас входящие в «золотой фонд» русской и советской литературы.

Отец работал в «Просторе», потом в издательстве художественной литературы «Жазуши». А затем оставил службу и ушел, как говорится, на вольные хлеба, чтобы иметь больше возможности писать. Он долго писал от руки, разборчивым, размашистым почерком, с большими пробелами между строк, а в строке помещалось не более четырех слов. Это нужно было для правки: он правил написанное несколько раз до того, как передать рукопись машинистке. Во второй половине 1960-х гг. он купил в Москве две «Эрики», пишущие машинки производства ГДР: себе и мне. В советское время пишущие машинки считались «множительной аппаратурой», которую брали на учет в соответствующих органах, т. к. на них можно печатать и распространять запрещенную литературу и прочую «антисоветчину». В общем, советская цензура зря свой хлеб не ела. Машинка служила

отцу до последнего дня его жизни, переехав вместе с ним в Израиль. С 2000 г. машинка служит, как принято говорить о людях театра, в израильском «русском» театре «Гешер» (в переводе с иврита – «Мост»), в реквизиторский цех которого я пристроила ее после того, как отца не стало. Она продолжает жить на театральной сцене.

Научившись печатать, отец стал писать сразу на машинке. Иногда я перепечатывала его рукописи, прочитывая их как редактор и корректор. Он мне доверял, потому что у меня был многолетний опыт работы литературным редактором в казахстанских издательствах. Таким образом, я оказывалась первым читателем его произведений.

Над романами отец работал долго и тщательно, по 5–6 лет. Сначала он изучал исторические источники в библиотеках Академии наук в Алма-Ате, Москве и Ленинграде. Консультировался с признанными советскими специалистами-историками, для чего ездил в Москву и Ленинград, собирал фактический материал для романов и повестей. В этом плане он ничего не выдумывал, строго следуя историческим фактам. А над ними уже работал как писатель, создавая литературные образы, воспроизводя реальную жизнь персонажей в силу своей фантазии.

В исторических романах отца многие усматривали аллюзии – аналогии или намеки на советскую власть. Отец всегда их отрицал, говоря, что он не пишет исторических фельетонов. В подтасовке фактов его никто не смог бы уличить, потому что ее не было, а были реальные исторические события, о чем отец брал справки-рецензии у известных советских ученых-историков. Этого требовала издательская бюрократия, боявшаяся обвинений в публикации «антисоветчины». В Алма-Ате не сразу решались издавать его романы, ждали, пока они будут опубликованы в Москве. И там, и там издания продвигались «со скрипом». Но отец умел добиваться и доказывать, с помощью историков, что все, о чем он пишет, исключительно реальные исторические события. Можно сказать, что каждым своим историческим романом писатель как бы подтверждает известные слова из древней книги Екклесиаста, по преданию, написанной царем Соломоном: «…Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем… Нет памяти о том, что будет, и не останется памяти у тех, которые будут после». То есть, история повторяется, и это надо учитывать современникам, особенно тем, кто управляет народами и государствами.

«Маздак» – роман о средневековом зороастрийском персидском религиозном реформаторе и пророке, «которого считают одним из первых социалистов в истории человечества» (Википедия), и пришедших ему на смену «лжемаздаков», натворивших много зла. «Искупление дабира» – буквально пророческий роман об исторических и психологических корнях терроризма, захлестнувшего сегодня все континенты. «Семирамида» – о русской царице Екатерине Великой, вслед за царем Петром Первым поднявшей Россию из средневековья и предавшей ускорение ее развитию. Все эти и другие книги отца проходили через множество идеологических препятствий, но после издания обретали широкую популярность, неоднократно переиздавались большими тиражами и были переведены на многие языки мира. Одно из самых известных и уважаемых в мире издательств, старинное французское издательство «Галлимар» выпустило их все в переводе Лили Дени, чистокровной француженки, блестящей переводчицы и литератора с безупречным знанием русского языка и в целом русской словесности. Литературные переводы отца на русский язык некоторых произведений видных казахских писателей также были переведены на французский Лили Дени и изданы в издательстве «Галлимар» и в издательствах других стран. Отец получил высокое звание народного писателя Казахстана, и казахстанский писательский ПЕН-клуб представил его на нобелевскую премию по литературе. Но он не дожил до нее.

Лили Дени дружила с Анн Филип, вдовой известного французского артиста кино Жерара Филипа, журналисткой и убежденной социалисткой. В 1970-е гг. подруги попросили отца показать им Среднюю Азию. Отец охотно согласился их сопровождать. Все необходимые разрешения были получены, и они отправились.

Поездка произвела на французских гостей глубочайшее впечатление. Да и как иначе могло быть! Бухара, Самарканд, Хива, Коканд в Узбекистане, Туркестан в Южном Казахстане, с их древними мавзолеями, мечетями, пышными дворцами былых правителей, узкими улочками с глиняными заборами-дувалами, ослами, запряженными в двухколесную повозку «арбу» – традиционный среднеазиатский тягловый транспорт, многоцветные восточные базары, благоухающие фруктами, дынями, разнообразными азиатскими специями, с криками продавцов, громко зазывающих покупателей, и многие другие экзотические особенности Средней Азии были для европейцев настоящей восточной сказкой. Тем более что отец до тонкостей знал обычаи,

быт, историю среднеазиатских народов. Он любил этот древний край. Француженкам повезло с таким экскурсоводом.

Сколько себя помню, у нас в доме всегда была большая библиотека. Отец подписывался на всю русскую и зарубежную классику, которую тогда издавали добротными многотомниками. Особое отношение у него было к Салтыкову-Щедрину. У меня хранится этот многотомник с многочисленными заметками и комментариями отца на полях. Как я могу судить, Салтыков-Щедрин оказал большое влияние на творчество писателя Мориса Симашко. Он видел в книгах Салтыкова-Щедрина подтверждение своей глубокой убежденности в том, что история неизменно повторяется, когда люди не учитывают прежний исторический опыт. Отец любил Россию, русскую культуру, русский язык, Казахстан, ставший родным, Украину, в которой прошли его детство и юность. Ему было больно смотреть на многие вещи, происходившие в Советском Союзе, он хотел перемен и надеялся, что они рано или поздно произойдут. Однако, как известно, времена не выбирают, в них живут и умирают. Наверно, поэтому отец никогда не считал себя диссидентом и не был им. Однажды он мне сказал, что писатели гораздо больше делают для позитивных изменений в жизни страны, чем диссиденты. Он имел в виду и себя тоже. Чтобы эти изменения начали происходить, сначала они должны произойти в головах людей. А люди читают книги.

Наша семья жила на доходы от изданных книг. Но, поскольку до выхода в печать каждой книги проходило несколько лет, потому что отец скрупулезно изучал эпоху и большой фактический материал, свойственный ей, семье жилось материально нелегко. Гонорары советских писателей, даже за переведенные и изданные за рубежом книги, были мизерными. Советский Союз не входил в международную систему охраны авторских прав, поэтому львиную долю гонораров присваивало государство. Тираж, который у книг отца в результате переизданий переваливал за миллион экземпляров, не играл практически никакой роли в материальном исчислении для автора. На тему убогой оплаты творческого труда в соответствующей среде бытовала поговорка «тяжела и неказиста жизнь советского артиста», имеющая отношение не только к артистам, но и к писателям, художникам, музыкантам, режиссерам и прочим людям творческих профессий.

Для отца дом, жена, дети, быт – все это было как бы само собой разумеющимися обстоятельствами, существующими параллельно с его творческой жизнью. Он, будучи по характеру очень ответствен-

ным человеком, решал глобальные житейские проблемы семьи. Один из гонораров дал возможность сделать первый взнос за четырехкомнатную кооперативную квартиру в «хрущобе» – панельном четырехэтажном доме. Это был первый кооперативный комплекс в Алма-Ате, построенный в начале 1960-х гг. Квартира казалась дворцом после крохотной мансарды в финском домике на Красногвардейском тракте, состоявшей из двух комнат-конурок, на которую отец обменял государственную квартиру в Ашхабаде. Главное, в кооперативной квартире у отца появился собственный кабинет, в котором он и написал почти все свои книги. С моим выходом замуж и рождением ребенка нас в этой квартире стало уже семеро. Во второй половине 1970-х гг. отец получил от Литфонда двухкомнатную квартиру так называемой улучшенной планировки в доме, построенном для писателей. В начале «перестройки», когда отец уже был признанным «аксакалом» (уважаемым человеком) в казахстанской литературе и культуре в целом, он получил просторную трехкомнатную квартиру в центре города.

В конце 1993 г. я с мужем и 17-летним сыном уехала в Израиль. Паспорта у нас еще были красные, «серпастые и молоткастые». Независимый Казахстан официально обзавелся собственными паспортами немного позже. Отец не возражал против нашего отъезда.

В середине 1990-х гг. состоялся первый правительственный визит в Израиль президента Республики Казахстан Нурсултана Назарбаева. В Израиле придавали особое значение визиту руководителя большой мусульманской страны. Это было серьезным достижением Израиля на мировой политической арене.

Президента Казахстана сопровождала многочисленная группа, в которой, наряду с политическими и высокопоставленными государственными деятелями, были и представители науки, культуры и бизнеса республики, в т. ч. мой отец. В редакции русскоязычной газеты «Новости недели», в штате которой я работала, мне оформили журналистскую аккредитацию для сопровождения казахстанской правительственной делегации и подготовке материалов по теме визита.

Казахстанцев возили по стране, знакомили с ней. Отец был счастлив и бодр. Посещение Яд-ва-Шем, музея Катастрофы европейского еврейства произвело потрясающее впечатление на всех членов делегации, начиная с президента Назарбаева. На глазах у казахстанцев были слезы, особенно это стало заметно в Детском зале музея. У отца окаменело лицо. Наверно, ни один человек, побывавший в этом му-

зее, не может остаться равнодушным, когда в гробовой тишине, которую не нарушает ни один посторонний звук, в темноте, где мерцают огоньки свечей, тихо и монотонно произносятся имена и фамилии погибших в Катастрофе ни в чем не повинных людей.

Поднимались и на Храмовую гору, в мечеть Омара, где все снимали обувь, и многие казахи молились. В Стене Плача у подножия Храмовой Горы, как принято, оставляли записки Богу с просьбами о благополучии: а вдруг дойдут до адресата.

Делегация побывала во всех памятных местах Израиля. К концу визита отец уже сильно устал, его мучила подагра, и он хотел скорее в самолет и домой, в Алма-Ату.

Когда родители уже некоторое время жили в Израиле, Нурсултан Назарбаев приезжал в страну с деловым визитом. Отец очень хотел с ним увидеться, они уважали и ценили друг друга. Мы с отцом приехали в Иерусалим на встречу, организованную Объединением выходцев из Казахстана. Здороваясь с отцом, Назарбаев спросил его: «Ну, как ты, Морис, пишешь что-нибудь?», а мне тихо сказал: «Зря Вы увезли его…».

Но я не была инициатором этого переезда и не могла быть, потому что уже хорошо понимала, что для творческого человека, плоть от плоти русской культуры и русской словесности, значит эмиграция, пусть даже в страну предков. Отец тоже теоретически это знал. Когда происходили связанные с высылкой из Союза Солженицина события, подробности которых отец узнавал из передач радиостанции «Голос Америки», я ему как-то легкомысленно сказала: «А что Солженицину переживать?! Он теперь в Европе, во Франции, устроен, может продолжать писать, что хочет и как хочет…». Отец возмутился: «Нельзя русскому писателю отрываться от своих корней! Это смерть для него!»

Времена изменились, и свой переезд в Израиль отец воспринимал не столько как репатриацию или эмиграцию, а как жизненное обстоятельство. Он ничего не планировал, но надеялся, что сможет периодически возвращаться в Алма-Ату, чтобы, остановившись у друзей, работать, продолжать писать. Однако состояние здоровья и прочие житейские проблемы не дали этим намерениям осуществиться. Тем не менее, находясь в Израиле, он написал документальную повесть «Четвертый Рим», опубликованную в центральном русскоязычном литературном «Иерусалимском журнале». А книга стараниями друзей уже вышла в Алма-Ате после смерти отца.

В Израиле отец также загорелся идеей написать своеобразное «толкование» некоторых ветхозаветных библейских сюжетов. Не по типу «Забавной библии» Лео Таксиля, а в совершенно ином, серьезном философском духе. Идея пришла ему в голову после того, как я, прослужившая несколько лет в двух алма-атинских театрах заведующей литературной частью, рассказала ему о деталях профессиональной работы режиссера над пьесой, о создании режиссерской экспликации – своего видения пьесы для постановки ее на сцене. Отец задумал сделать свою «экспликацию» по эпизодам Библии как древнееврейского эпоса.

Отец любил жизнь во всех ее проявлениях и был очень позитивным человеком. Любил людей. Никого не записывал в «плохие», в т. ч. своих недругов. Речь, конечно, не идет о крайностях: о злодейских убийствах, насилии и кровавых тиранах. Этому не должно быть места в человеческом сообществе. В других же случаях он часто повторял, что нет плохих людей, а есть плохие обстоятельства. И, надо сказать, что нередко своей открытостью, способностью к пониманию, дружелюбием он превращал былых недругов если не в друзей, то в добрых приятелей, с которыми можно и рюмку-другую выпить за столом при случае. Всему и всем отец знал цену, но не торопился судить. Ему были органически чужды злопамятность, зависть, ненависть, недоброжелательность. При этом он умел, как никто, отстаивать свое мнение, не сдаваться – был настоящим воином на этом поле сражений. И практически всегда побеждал. По своей природе он был оптимистом, в трудных обстоятельствах любил успокоительно повторять: «Ну, как-нибудь, как-нибудь…».

Надо сказать, что отец был хорош собой, особенно в молодые годы, весел, остроумен, его любили друзья, им увлекались женщины. Но он горячо и преданно любил одну – литературу, которая была его жизнью. И, конечно, «как и положено еврею» – говорил он, любил семью: жену, детей, родителей.

Отца уважали военные, среди которых было немало читателей его книг, особенно на военную тематику. Отец гордился дружбой с военными людьми. Его часто приглашали на творческие встречи с ними. В военных издательствах выходили некоторые его повести. А повесть «Гу-га» о штрафных ротах была первым опубликованным художественным произведением советской литературы на эту ранее запрещенную в Советском Союзе драматическую тему. Вскоре после опубликования повести, долго ходившей по инстанциям в Алма-Ате и Москве, на экраны страны вышел одноименный художественный

фильм, снятый на Одесской киностудии. Много лет его показывали по центральному телевидению в дни Победы и других государственных праздников. Потом уже его заменили на телесериал «Штрафбат».

Отец был, что называется, компанейским человеком. Любил выпить, но только в компании, и никогда – в одиночестве. У него дома всегда имелась большая коллекция качественных спиртных напитков. Подвыпив с друзьями-писателями, он любил петь революционные, комсомольские и украинские народные песни. Обладал хорошим слухом, был музыкален. В молодости собрал приличную коллекцию старых грампластинок с классическими операми. Любил читать детективы. В Домах творчества писателей он почти никогда не писал, а просто отдыхал, плавал в родном Черном море, общался со знакомыми писателями со всего Союза. Часто брал с собой меня с сыном Максимом, своим внуком. Приехав в Дом творчества, мы сразу оставляли чемоданы в фойе и торопились в библиотеку, чтобы успеть перехватить имеющиеся там детективы раньше других. Многие писатели тоже их охотно читали во время отдыха.

Приезжая несколько лет подряд в отпуск в Алма-Ату, я подробно рассказывала отцу о жизни в Израиле, о свойственных ей положительных и отрицательных аспектах, с которыми я, работая в газете, была уже хорошо знакома. Он внимательно слушал, не задавая вопросов, но любил повторять, что Израиль это «маленькая Америка». Ему, вероятно, хотелось так думать.

Однако, приехав в Израиль не как турист, а на постоянное место жительства, отец сразу почувствовал себя не у дел. Это было болезненно для него. Израильтяне, разношерстный и разноликий народ, состоявший из европейцев и африканцев, выходцев из арабских и всех прочих стран. Этот мир был ему не знаком и не привычен, хотя в советской Средней Азии он чувствовал себя как рыба в воде. Он часто в своих романах упоминал «евреев Востока», но в сегодняшнем Израиле ментально понятными и близкими для него были только русские евреи из бывшего Советского Союза. В новой стране, без понимания языка, на котором говорят ее граждане, без привычной культурной среды, без друзей и коллег по писательскому цеху, без ежедневных встреч и телефонных перезвонов с ними, в съемной квартире, в этой непонятной для него пока жизни ему было неуютно. Возможно, если бы он прожил здесь подольше, многое для него бы прояснилось. Но ему был отпущен только год со дня приезда. Вечером 24 декабря 2000 г. прямо на улице, идя рядом со мной и братом, посреди разговора он вдруг взмахнул руками, как будто хотел взлететь, и умер мгновенно, не

успев осознать, что произошло. Улетел... Старики евреи в Одессе когда-то говорили, что так умирают праведники…

Похоронен отец, а позже и мать рядом с ним, в Шаронской долине, воспетой в Ветхом Завете, в книге «Песнь песней Соломона», на интернациональном кладбище, где рядом лежат евреи и породненные с ними люди самых разных национальностей со всего света. Отец, интернационалист по рождению и по натуре, был бы этим доволен.

Койфман М.З.

Воспоминания о Михаиле Давидовиче Ромме[1*]

Природа наделила Михаила Давидовича Ромма[2*] многими талантами. Капитан сборных футбольных команд Москвы и России, первый в истории российский футбольный легионер (играл в Италии), первый в СССР футбольный радиокомментатор, специальный корреспондент газеты «Известия» в арктических экспедициях, участник первого восхождения на пик Сталина, тренер сборной команды Москвы по футболу в 1928 г., теоретик футбола, юрист, журналист, писатель. После сталинских лагерей долгие годы жил в Казахстане – в Кзыл-Орде и Чимкенте. Ромм – автор книг «Как играть в футбол», «Тактика современного футбола», «Архипелаг ста островов», «Рычаг Архимеда», «Штурм пика Сталина», «Чемпион мира», «Пути далеких странствий», «Повесть о пережитом», «Я болею за «Спартак».[3*] Я долгие годы дружил с Михаилом Роммом и написал воспоминания об этих встречах.

[1*] [Электронные ресурсы] Ромм брат Ромма. Режим доступа: Новая Газета Казахстан – Ромм брат Ромма (novgaz.com) Макс Койфман. Золотая листва памяти |OTYRAR. В двадцатом ряду стадиона (Макс Койфман) / Проза.ру (proza.ru) (дата обращения 07.06.2022).

[2*] Ромм М.Д. (1 [13] апреля 1891, Владимир, Российская империя – 22 октября 1967, Чимкент, КазССР). В 1912 г. окончил юридический факультет Московского университета. С 1915 г. был мобилизован в императорскую армию.

[3*] Как играть в футбол. Под ред. А.В. Зискинда. – М.–Л.: Физкультура и туризм, 1930. – 117 с. Тактика современного футбола: Из материалов 1-го Всесоюзного тренерского сбора по футболу. – М.: Физкультура и туризм, 1939. – 167 с. Рычаг Архимеда: повести и рассказы. – Алма-Ата: Казгослитиздат, 1962. – 208 с. Штурм Пика Сталина (Таджикско-Памирская экспедиция 1933 г.). – М.: Молодая гвардия, 1933. – 57 с. (М.: Советский писатель, 1936. – 268 с., – М.: Молодая гвардия, 1937. – 200 с.). Я болею за «Спартак»: Спорт, путешествия, восхождения. – Алма-Ата: Жазушы, 1965. – 326 с.

«Дедуля»

Алма-атинский стадион бурлил всеми страстями: надеждой и разочарованием, ожиданием победы и страхом поражения: «Кайрат» сдерживал натиск чемпиона Уругвая – команды «Националь».

Помню, как среди общего волнения выделялся своим олимпийским спокойствием писатель Михаил Ромм. Помню и молодую блондинку, сидевшую слева от Ромма. Когда кто-то из кайратовцев приближался с мячом к воротам противника, блондинка вскакивала, как ошпаренная, скандируя в тон стадиона: «Шай-бу! Шай-бу! Шай-бу!» Но как только атака срывалась, блондинка фыркала, выкрикивая: «Сапожники! Козлы! Котелки!», а взгляд испепелял соседа слева, который был совершенно спокоен.

– Вам бы, дедуля, во дворе забивать «козла», а не сидеть тут, как мумия! Хоть бы «шайбу!» кричали!

Ромм промолчал, и, улыбнувшись, продолжал наблюдать за зеленым полем. Я же восхищался азарту бойкой блондинки, которая явно не знала, с кем имеет дело…

…Памятный матч 1964 г. катился к концу, а на табло все еще скучали одинокие нули. Но тут полузащитник-уругваец, подхватив мяч у центрального круга, стал быстро продвигаться вперед. Ромм наклоняется ко мне и тихо шепчет, но так, чтобы блондинка его услышала: «Сейчас будет гол».

Блондинка тут же окинула Ромма таким насмешливым взглядом, что даже мне холодно стало. Хотя мне тоже казалось, что положение на поле явно не обещало гола. Такое уже случалось, когда один из уругвайских полузащитников неожиданно перехватывал мяч, но гол из этого не получался. А тут – все неожиданно стихло в ожидании непредвиденного. Еще мгновение, и замерший от волнения стадион увидел, как мяч нервно затрясся в сетке кайратовских ворот. Разочарованные болельщики покидали стадион, а с ними – и наша поникшая блондинка. Мне хотелось догнать ее, остановить и сказать, что ее сосед по трибуне вовсе не «дедуля», забивающий во дворе «козла». Вовсе не случайный болельщик футбола, а его живая история…

Мы познакомились с ним в Кзыл-Орде, что на юге Казахстана. В кабинет директора типографии вошел высокий старик в коротком черном полушубке. Представился: Михаил Ромм, писатель. Директор жестом руки пригласил его сесть. И пока вошедший усаживался, не зная, куда девать длинные ноги в нестандартных ботинках, я все вспоминал, где и когда я слышал это звучное имя? Когда гость закончил свои дела

и скрылся за дверью, я вдруг вспомнил, что еще мальчиком читал книгу «Штурм пика Сталина», на обложке которой пестрела фамилия Ромм. Я догнал старика. Так началась моя счастливая дружба с этим удивительным и по сей день любимым мною человеком…

Как-то Ромм заглянул к нам в гости и прямо с порога выдал на ломаном казахском языке: «Как живется молодому доктору в Кзыл-Орде»?

Я удивился: Ромм – и по-казахски. Иное дело по-английски, по-итальянски, по-французски или, скажем, по-немецки, где он чувствовал себя, как рыба в воде. Прочитав на моем лице удивление, промолвил: «Не волнуйтесь, друг мой, конкуренции я вам пока не составлю. А заглянул я к вам за словарями казахского языка. У вас их вон гора, какая. Презентуйте мне парочку на энное время, потом, быть может, и сразимся на языковом ристалище по-рыцарски, разумеется, а судьей нам будет писатель Аскар Токмагамбетов».

Отбывая ссылку в Кзыл-Орде, Ромм, зашел в местное отделение Союза писателей. Комната была полна молодежи. Один из начинающих молодых писателей читал свой рассказ. За столом восседал этакий дородный, круглолицый, очень уютный и благожелательный литературный аксакал – Аскар Токмагамбетов. Иногда, лукаво поблескивая глазами, он вставлял короткие реплики…

Ромм сидел в стороне, наблюдая, как умело и ненавязчиво вел семинар Аскар Токмагамбетов. Потом, когда гости разошлись, Аскар предложил Ромму перевести на русский язык свой роман «Отец и сын».

«Так я по-казахски и пяти слов не знаю», – заметил Ромм.

«А это, коллега, уже немало. Но у вас будет замечательный подстрочник молодого литератора Оразбека Бодыкова, так что не беспокойтесь. Работы другой у вас пока нет, а перевод, это хоть и небольшие деньги, но на хлеб хватит». […] Потом Ромм переведет и детскую повесть Аскара Токмагамбетова: «Четыре года – четыре часа».[1*] […]

Когда Ромм появлялся на пороге, в комнате сразу же становилось весело, каскадом рассыпались шутки, оживали воспоминания далеких лет. Благодаря его чудесным рассказам, в комнату вплывала величественная Венеция с ее музеями, великолепными дворцами и чудесными площадями. Из Венеции мы неожиданно переносились в загадоч-

[1*] Токмагамбетов А. Четыре года – четыре часа (повесть). – Алма-Ата: Казгосиздат, 1960. – 76 с. Отец и сын (роман). – Алма-Ата: Казгослитиздат, 1963. – 199 с.

ную Испанию и вместе с Роммом прохаживались по набережной Гвадалквивира, где некогда Проспер Мериме повстречал молодую цыганку в рваной мантилье, за знакомство с которой он поплатился золотым брегетом и лишь случайно остался жив. Цыганку звали Кармен…

«Помните его знаменитую новеллу и оперу Бизе? – улыбаясь, спрашивал Ромм и, ритмично пощелкивая символическими кастаньетами, т. е. кончиками пальцев, насвистывал столь знакомую нам мелодию: «Тореадор, смелее в бой!».

Потом мы слушали рассказ о тореро и корридах, которые Ромм видел в Испании. Из Испании мы перебрались в Париж, где с террасы Эйфелевой башни разглядывали город, гуляли вдоль набережной Сены, бродили по древним переулкам, музеям и зеленым бульварам. Очутившись в Тбилиси, мы шатались по проспекту Шота Руставели и узким улочкам старых кварталов, отдыхали в забегаловках, пили шикарное грузинское вино и весело уплетали чахохбили из кур и лобби по-армянски. Карабкались мы и на гору Давида, у подножья которой прижался старый монастырь, где в нише за железной оградой в притаившейся тишине покоились останки русского писателя Александра Грибоедова и его красавицы-жены – Нины Чавчавадзе. Затем наше «путешествие» станет более прозаическим…

17 лет за сравнение: Сталин как Кутузов

…Когда немцы подбирались к Москве, Ромм, будучи корреспондентом газеты «Известия», находился возле с. Бородино. И тут он возьми да предположи, что Сталин, наверное, на время оставит Москву, как это в свое время сделал великий Кутузов, чтобы потом дать решающий бой на Бородинском «Поле русской славы». И этого исторического сравнения Ромму хватило, чтобы потом проделать путь длиною в 17 лет, полных боли и унижений[1*]…

За Роммом пришли ночью, вытащили из постели, переворошили все, что только могли: книги, рукописи, письма… И никакой крамолы, если не считать небольшую деревянную скульптуру Исаака Иткинда – «Футболист». Ромм чуть, было, не спросил: «А она-то в чем провинилась?». Но промолчал. На Ромма надели наручники и вывели во двор, где уже ждал «черный ворон»…

Пройдут годы, и я спрошу Ромма, о чем он думал в ту ночь, когда за ним явились трое в длинных шинелях. И Ромм, улыбаясь, расска-

[1*] Репрессирован в 1943 г. за «антисоветские настроения» (п. 10 ст. 58), после 8 лет заключения в ИТЛ находился в ссылке в Кзыл-Орде. С 1953 г. и до конца жизни – на журналистской работе в Алма-Ате и Чимкенте.

зал, что вспомнил, как во второй раз он отправился на Землю Франца-Иосифа со своей женой Валентиной Соловьевой, диктором Центрального радио. И что на обратном пути, когда их ледокол «Малыгин» входил в Баренцево море, пассажиры стояли на палубе, любуясь утренней тишиной. Но тут начался шторм, и море, разозлившись, обрушило на них свои могучие волны. Волны то накрывали ледокол «водяным покрывалом», то валили на бок, то поднимали над водой, то погружали вглубь моря. И тут Ромм увидел, как очередная волна, перевалившись через борт ледокола, подхватила Валентину. Ромм бросился к Валентине и вырвал ее у разбушевавшейся волны…

Но в ту ночь, когда Ромма повели к выходу, он неожиданно обернулся. Валентина стояла, не шевелясь, опустив голову. А когда глаза их встретились, ему показалось, что она вот-вот набросится на непрошеных гостей и скинет их «в море», чтобы спасти его. Но этого тогда не случилось: та ночь навсегда разлучила их…

Будучи в Москве по работе, я набрался храбрости и позвонил Валентине Соловьевой. Сказал, что близко знал Ромма и хотел бы с ней повидаться. «Хорошо!» – ответили на другом конце провода…

Валентина была родом из Вильно, отец ее был полковником царской армии. Когда в 1917 г. к власти пришли большевики, они велели русским офицерам явиться в комендатуру, якобы для регистрации. Те поверили и дружно объявились в комендатуре при всех регалиях и орденах, только оттуда они больше не вернулись…

Отцу Валентины, Сергею Петровичу Соловьеву, тогда повезло: он в это время находился в госпитале: старые раны давали о себе знать. О нем забыли, да он не забыл, так и жил в страхе, боясь, что на него донесут. В страхе жила и его семья. Затем страх поселился, и в доме Валентины после того, как арестовали Ромма. Вот и ждала она, что за ней тоже придут…

…Мы встретились в кафе, в далеком 1969 г., спустя два года, как Ромма не стало. Невысокая, постаревшая, но все еще красивая женщина с приятной улыбкой и умными глазами сидела напротив меня. И я, как завороженный, слушая ее безупречно спокойный и звучный голос, опасался, что наша встреча вот-вот оборвется, а я так и не успею спросить, как случилось, что она поверила, что ее муж… Но всякий раз меня что-то сдерживало. Да и какое, собственно, я имел право вторгаться в чужую жизнь, будить в ней то, что спрятано глубоко в душе, подальше от чужих глаз. Я старался понять, что же это было за время, когда никто никому не верил, когда от стука в дверь и

шороха шагов замирало сердце, бросало в дрожь, когда жизнь людей зависела от клеветы и доноса, да и само слово «жизнь» давно уже потеряло свое истинное значение. Валентину не допрашивали в подвалах Лубянки, не таскали за волосы, не ломали ребра и не ссылали неизвестно куда. Ее чудесный голос по-прежнему звучал по Центральному радио, но жизнь в Москве была для нее мучением. Ей грубили, угрожали по телефону, а соседи по дому обходили стороной, не решаясь заговорить, чтобы не навлечь на себя ничего «подозрительного». Она вставала чуть свет и неслышно спускалась с этажа на этаж, смывая со стен подъезда надпись незнакомого «доброхота»: «Соловьева – жена врага народа». Так и жила она с этим, как с занозой в сердце, ожидая своей очереди. Да и на работе ей было неуютно, хотя к ней и относились с пониманием. Но на каком-то этапе ее убедили, что ее муж… и она – поверила…

«Теперь-то я знаю, что Миша ни в чем не был виновен, но уже, к сожалению, очень поздно, – с грустью рассказывала Валентина. – Я когда-то послала ему много посылок в лагерь, но ни одна из них не дошла. Это я сейчас знаю. А тогда… вдруг получаю телеграмму, уже из Кзыл-Орды, куда его сослали после лагеря, с просьбой прислать ему брюки. Надо же, подумала я, рассердившись, – опять что-то требует от меня. Вместо брюк я послала ему телеграмму: «Миша, ты эгоист!» А он ответил: «Эгоисту тоже нужны брюки!».

В 1929 г. Валентина Сергеевна после окончания Института слова сдавала экзамен на дикторское отделение в престижный на всю страну Радиокомитет. Один из членов приемной комиссии блистательный артист Василий Иванович Качалов, когда услышал ее голос, воскликнул: «Эту девочку нужно принять обязательно!..».

Валентина улыбнулась и рассказала, как она познакомилась с Роммом, и как он, глядя на нее с высоты своего чуть ли не двухметрового роста, неожиданно выдал: «Ты будешь моей женой!». «Вы в этом уверенны?» «Конечно»!

Я же, желая подольше находиться рядом с Валентиной, напомнил, как во время сирены и бомбежки она забралась с Роммом на крышу их многоэтажного дома, чтобы в случае необходимости утихомирить «подарок» с неба. И как зимой 1942 г., когда она вела передачу из Дома звукозаписи, где играло московское трио – виолончелист Святослав Кнушевицкий, пианист Лев Оборин и скрипач Давид Ойстрах, неожиданно погас свет. Музыканты на какой-то миг застыли. И чтобы наступившее молчание в эфире из-за погасшего света не посеяло

панику у радиослушателей, Валентина нащупала под рукой газету, скрутила фитиль, осторожно зажгла и освещала им клавиатуру рояля, за которым сидел Лев Оборин. Когда же факел стал гаснуть, в ход были брошены тексты уже прочитанных передач… И тут Валентина вспомнила, как однажды в Колонном зале Дома Союзов, стены которого периодически вздрагивали от грохота бухающих зениток и раскалывающихся бомб, она вела концерт, где звучала музыка Дмитрия Шостаковича. И как она во время воздушной тревоги предложила зрителям спуститься в бомбоубежище, но никто из них так и не поднялся с места, настолько сильно звучала музыка.

После ГУЛАГа Ромма сослали в Кзыл-Орду. Ни родных, ни жены, ни детей, ни гроша в кармане. Хорошо милиция пристроила Ромма в захудалом сарае с дырявой крышей, мрачными стенами, узким зарешеченным окном и земляным полом. Да еще предупредила, чтобы он подыскал себе квартиру, работу и два раза в неделю являлся в милицию «для особой отметки». Но на Ромма достаточно было бросить взгляд, чтобы понять, кто он и откуда прибыл. Старая ватная шапка, потрепанная телогрейка с заплатами на спине, застиранная рубашка неопределенного цвета, не по росту короткие брюки и брезентовые ботинки со стертыми подошвами. А в его прошлое, что он был когда-то капитаном сборной Москвы и России по футболу, как и в то, что он – писатель, никто, конечно, не верил. И, наверное, прошло бы еще немало времени, не попади в город журнал «Спортивные игры», выпущенный по случаю шестидесятилетия русского футбола. Да еще с броским заголовком: «Международный матч-футбол, 22 августа 1911 г. Англия – против сборной команды лучших русских футболистов Петербургских и Московских клубов» с фотографиями футболистов, среди которых возвышался капитан – Михаил Ромм…

Но все это было потом, а пока он бесцельно бродил по улочкам и переулкам города в поисках комнатушки. Перед ним захлопывали двери, закрывали калитки, его принимали за бродягу, нищего, сумасшедшего, за кого угодно, но только не за нормального человека. И на работу не брали: стоило услышать, что он из заключенных, да еще «политических», как ему сразу давали понять, что разговор окончен. Он был готов подметать улицы, работать грузчиком, сторожить магазин… лишь бы заработать на кусок хлеба. Но отовсюду он уходил подавленным, никому не нужным, пока однажды его не остановила женщина.

– Небось, квартиру ищете?

– Я бы и от уголочка не отказался.
– Работаете?
– Раньше работал, книги писал.
– Так я вам и поверила.
– Нехорошо, когда человеку не верят.
– А в лагере за что сидели?
– Да я и сам толком не знаю.
– Не иначе, как политический?
– Вроде, политический.
– А живете где?
– В сарае.
– Все шутите, а сами с утра, поди, без крохи хлеба во рту.
– Это верно.
– Коли не боитесь, приглашаю на чай.
– Это было бы здорово!

Женщина, позвавшая Ромма к себе на чай, работала няней в больнице, жила в тихом переулке, на окраине города, где снимала комнатку с небольшим двориком и одиноким деревцем возле калитки. Стоя на пороге этой невзрачной, но чистой каморки, Ромм не знал, что придет день и он напишет на своей новой рукописи «Я болею за «Спартак» – «Жене и другу Евдокии Ромм посвящается». Как и не знала Евдокия, что соседки, когда прослышат про «политического», да еще «обрезанного», нарекут ее, русскую по отцу и матери, «яврейкой» и будут сплетничать за ее спиной, будто обрезанный-то «пельмень» слаще русского…

Маркиш

Ромм приходил к писателю Аскару Токмагамбетову не только, чтобы прочитать ему очередную главу своего перевода. Он приходил к нему, чтобы просто поговорить о новой книге, появившейся на прилавке книжного магазина. Случалось, что Ромм брал и меня с собой, за компанию. Гостеприимный хозяин приглашал нас к столу, а его жена с добрыми карими глазами ставила перед нами пиалы и фарфоровый чайник, из горлышка которого пробивался запах свежезаваренного индийского чая. И тут же следом она подавала горячие лепешки, сливочное масло и разные сладости, среди которых выделялись темно-коричневые ломтики сушеной бухарской дыни с удивительным вкусом меда.

За чаем Аскар много шутил, острил, охотно читал свои стихи. Аскара было любо слушать, он буквально заражал нас своей радостью и веселым мальчишеским задором. Не отставал от него и Ромм, он, как и Аскар, забавлял нас эпизодами из жизни великих артистов, шахматных гениев или футбольных звезд. Рассказывая, Ромм, как бы нарочно вставлял в свою, и без того красивую речь, поговорки и пословицы из книг Аскара Токмагамбетова, отчего тот, расплываясь в улыбке, часто повторял: «Ай да шайтан, ай да черт», не забывая при этом подлить нам в пиалу кумыс – напиток из кобыльего молока.

Наблюдая за этими двумя «обаятельными аксакалами», я обычно молчал, мне было интересно видеть их дружеские перепалки, слышать яркие шутки, остроты, словом, все, что исходило от них. Но тут во дворе зарычала собака, и Аскар многозначительно заметил: «Жди добрых гостей».

И уже через какую-то минуту дверь распахнулась, и на пороге показался стройный, по-военному подтянутый, незнакомый мне человек с наметившейся проседью в висках.

«Гость на пороге – счастье в доме», – промолвил Аскар, приглашая гостя к столу. Приветливо улыбнувшись, гость представился: «Бикинеев», – и протянул руку Аскару, кивнул Ромму и мне.

Когда же хозяйка дома сменила чайник, Аскар, шутя, напомнил: «Почетным гостям – почетное угощение».

Одарив Аскара улыбкой, эта маленькая, пышнотелая женщина с блеском в глазах ответила пословицей на пословицу: «Суетливый в спешке садится задом наперед на коня, а я пока что передом сажусь на коня».

Мы улыбнулись. А она перед тем, как удалиться на кухню, сказала, что скоро к столу будет подан бешбармак.

Когда Ромм, к слову, сказал, что ему не раз приходилось сталкиваться с «неприличными людьми» из КГБ, Бикинеев заметил: «Я, кстати, тоже из тех самых «неприличных людей», но оставался доволен, если мне удавалось кому-то из ссыльных помочь»…

В комнате наступила тишина. Ромму стало не по себе. Все наши шутки, смех отошли в сторону. А Бикинеев продолжал рассказывать, как он, будучи в Кармакчах, повидался с Эстер, вдовой поэта Переца

Маркиша[1*], расстрелянного вместе с другими еврейскими писателями, артистами. И как бы, между прочим, намекнул, что ходят разговоры, что срок ее ссылки будет сокращен, да и потом был рад, когда помог ей перебраться из унылого и мрачного Кармакчи в Кзыл-Орду… И как потом ему, бывшему фронтовику, пришлось учиться в вечерней школе, где немецкий язык преподавал старший сын Эстер – Шимон Маркиш.

Читая книгу воспоминаний Эстер Маркиш «Отражение света»[2*], я снова встретился с майором Бикинеевым из Кзыл-Ординского областного управления МВД.

Ромм, рассказывая о своих встречах с Эстер Маркиш, отбывавшей ссылку в Кзыл-Орде, восторгался ею и ее детьми: Шимоном и Давидом, литературное дарование которых он «заподозрил», когда они были еще подростками…

Посчастливилось и нам с женой познакомиться с этой замечательной семьей, правда, случится это спустя годы, уже в Израиле. Мы передали Эстер письма ее старшего, ныне покойного сына, к Ромму.

В Москву, в Москву…

Как только в стране запахло «потеплением», Ромм признался милиционеру Абике, у которого отмечался, что он надумал сбежать в Москву. Абике насторожился:

– Как, в Москву? У тебя же…

– Мне бы правду узнать…

– Вот чудак-человек, кому нынче твоя правда нужна?

– Мне, Абике. Мне.

– А что, если проверка? И меня, сам знаешь, по головке не погладят.

[1*] «1 февраля 1953 г. Эстер Ефимовну, ее старшего сына Симона, только что успешно защитившего дипломную работу на филфаке МГУ и даже рекомендованного в аспирантуру, а также племянника Юрия, который с ними не жил, но был в их квартире прописан, вызвали в райотдел МГБ. Там уже наготове стоял «черный воронок», в котором их повезли назад, в их единственную комнату (остальные были опечатаны при аресте Переца Давидовича), где полковник госбезопасности громко зачитал заочно вынесенный им приговор Особого совещания: 10 лет ссылки в отдаленный район страны с конфискацией всего имущества. Когда перечислял приговоренных, а в бумаге значился и Давид, полковник выяснил, где он, и малолетнего «преступника», конечно же, достали. Пока же троих арестантов доставили на вокзал, там разделили и в зарешеченных вагонах под конвоем повезли сперва в пересыльную тюрьму, а потом на поселение в затерявшийся в казахстанской голодной степи посёлок, в 180 км от Кзыл-Орды. Летом 1955 г. «члены семей изменников Родины» возвратились в Москву. [Электронный ресурс]. Режим доступа. О мемуарах Эстер Маркиш: v_strane_i_mire — ЖЖ (livejournal.com). Из книги воспоминаний Эстер Маркиш, Столь долгое возвращение (callofzion.ru) (дата обращения 15.10.2022).

[2*] – Тель-Авив: издательское содружество А. Богатых и Э. Ракитской, 2007. – 256 с.

– Все верно, только я никуда не денусь. У меня тут жена…
– Вот что, писатель, ты мне ничего не говорил, а я ничего не слышал.
– И на том спасибо.
– Спасибо потом скажешь, а вечерком я к тебе забегу.

И забежал – со стареньким отцовским полушубком, теплой ушанкой, кирзовыми сапогами, с наполовину срезанными голенищами, теплыми портянками и котомкой с продуктами.

«Теперь не замерзнешь, да и в дороге будет что поесть», – сказал Абике и тут же скрылся за дверью.

В Москве Ромму повезло не сразу. В людях все еще сидел страх прежних лет. Стоило ему позвонить кому-нибудь из своих прежних приятелей, друзей, как один вешал трубку, другой – ссылался на нездоровье, третий – на занятость… Позвонить Валентине Ромм не решался. И знаменитого двоюродного брата-кинорежиссера М.И. Ромма не хотел тревожить: у него и своих хлопот хватало. И Ромм махнул на стадион «Динамо», где его встретили как родного человека, накормили, предложили душ, подыскали угол для ночлега. Да еще помогли с «аудиенцией» в Главной Прокуратуре, где ему пообещали, … но при условии, что он первым же поездом отбудет в Кзыл-Орду…

Когда Ромм вернулся в Кзыл-Орду, он прямо с вокзала направился в милицию, к Абике. Абике слушал «беглеца», не перебивая, а в конце сказал:
– Пока ты, писатель, по Москве правду искал, я для тебя работу подыскал. Не гадай, все равно не угадаешь. В книжном магазине.
– Но я же…
– Не волнуйся. Я за тебя поручился, да и депеша подоспела из Алма-Аты, что ты… восстановлен в правах члена Союза писателей…

В тот же день Ромм потоптался возле книжного магазина, открыл дверь, сбросил полушубок, закатал рукава и стал наводить порядок. Разделавшись с пылью и паутиной, он вымыл окна, пол, разложил книги по полкам на свой вкус, а затем спустился в подсобку. И – оторопел: под томиками вождей революции он разглядел книги, которые давно надо было сжечь. И среди тех книг он узнал и свой «Штурм пика Сталина»…

Чимкент

Как-то Ромм показал мне письмо от писателя Федора Чирвы из Чимкента. «Уважаемый Михаил Давидович! – писал Чирва. – Извините, что я без Вашего согласия дал в газету «Южный Казахстан»

Ваш рассказ. Надо, крайне надо, чтобы люди знали о Вас. Буду рад, если Вы пришлете мне что-нибудь еще. Мне хочется вообще держать с Вами более тесную связь. Дела у нас общие, трудные, а литература требует много сил, ко всему прочему мешает разобщенность. У нас много солнца, море дынь, яблок. Так что перебирайтесь к нам в Чимкент».

И Ромм засуетился, не зная, как ему быть: то ли ехать в Чимкент, то ли сидеть в Кзыл-Орде. Обратился за советом к Шимону Маркишу.

«Михаил Давидович, – писал Шимон, – поздравляю Вас с добрыми намерениями и желанием жить в другом городе. Чимкент я видел проездом из Фрунзе, из окна вагона. Тогда была ранняя и очень холодная осень. И город был под снегом, поэтому ничего определенного не могу сказать. У нас, слава Богу, никаких видимых перемен. Живем по-прежнему. Давид (младший брат – М.К.), к сожалению, чувствовал себя неважно, но теперь гораздо лучше. Бабуся стареет. Я тружусь, увы, не с прежним усердием – нервы очень шалят, истощились проклятые… А в Чимкент все-таки перебирайтесь: там больше солнца и зелени – океан…»

И Ромм подался в Чимкент: в город зелени и солнца[1*]… А следом за ним, правда, с опозданием в один год, перебрались туда и мы… Когда родился наш сын, то мой тесть, Яков Григорьевич Вольф, прислал телеграмму из Кокчетава с просьбой назвать его внука Григорием – в честь прадедушки, погибшем в сентябре 1942 г., в Каунасском гетто. Моя жена Циля страшно не хотела это имя и страдала, не зная, как выкрутиться из этого неудобного положения. Но тут Ромм пришел в роддом, встал около открытого окна палаты и начал бубнить, уткнувшись в книгу мужские имена: Ерофей, Евстигней, Ефремий, Евтихий… – все с той же чудной, хитрой улыбочкой. Так он успокоил Цилю, показав, что есть имена намного хуже и некрасивее. Мы потом еще долго вместе с Роммом в шутку называли нашего сына Григория Евтихием.

[1*] М.Д. Ромм проживал в квартире на втором этаже, в новом кирпичном доме, с гастрономом на первом этаже, известном в Чимкенте (и тогда, и сегодня) как магазин «Огонек». [Электронный ресурс] Михаил Давидович Ромм. Незаслуженно забытый. Режим доступа: https://vk.com/@oldschoolboxers-mihail-davidovich-romm-nezasluzhenno-zabytyi?ysclid=l450q7qzny (дата обращения 07.08.2022).

Ромм надолго задумался и остался в Чимкенте…

Я знал, что Ромм очень грустил по Москве, куда бы он ни отправлялся корабль его странствий, он всегда возвращался в этот красавец-город, который был для него непреходящей любовью. Осенью 1967 г. М. Ромм послал депешу в Москву своему давнишнему другу – писателю Степану Лунину и просил «приютить» его на недельку. Лунин со свойственным ему юмором ответил: «Условия жилищные у меня те же: однокомнатная отдельная квартира, но сами-то мы меняемся, особенно я. До столетия мне еще 15 лет, а я уже того – инвалид: и зрение упало до самой низкой отметки, и сердце дает сбои, если я нарушаю режим, предписываемый строгими врачами, и проклятая гипертония по-прежнему протекает по ежедневному расписанию. Но независимо оттого – лечусь я или хожу будто здоровый, душевно рад буду снова повидать Ромма в моей тесной и веселой комнатенке».

Когда писатель Лазарь Лагин узнал, что его старый друг всерьез надумал перебраться в Москву, он тут же написал: «Дорогой Миша! Если бы Вы, однако, хотели моего мнения насчет переезда в Москву, то я бы Вам лично не советовал. В Чимкенте Вы литературная персона, один из немногих литераторов. А в Москве нашего брата хоть пруд пруди. И большинству из них очень трудно по части изданий своих сочинений. И ваш покорный слуга в этом отношении, увы, не представляет исключения…» И еще от Лазаря Лагина: «Ради Бога простите, что задержался с ответом по более или менее основательной причине: лежал, хворал, уложен был врачами по случаю «острого нарушения коронарного кровообращения». Но недельки уже через три передовая врачебная мысль пришла к выводу, что мне все же можно вставать со своего одра и даже отбыть в достославную Малеевку. Там я собираюсь погонять лодыря денька два, а потом примусь за правку моего нового романа «Голубой человек»,[1*] выход которого ожидается в 1966 г. Буду ждать депешу: «Вылетаю. Встречай!» Не волнуйся. Встречу с «перцовкой», по обычаю русского гостеприимства».

Написал Ромму и Евгений Пиотровский, журналист из Москвы: «Миша, я понимаю тебя и твою тоску по Москве со всем тем, что она дает. Но прежняя Москва, доминирующая в нашем воображении, не похожа на современную Москву, живущую новыми ритмами и темпами. Эти ритмы настолько интенсивны, что пожилому человеку не

[1*] – М.: Советский писатель, 1967. – 320 с.

просто все это вынести, «переварить». Находясь в Москве, ты фактически можешь оказаться за скобками, но, зная твою эрудицию, энергию и упорство, ты, вероятно, освоишь эти темпы, если тебе позволит сердце. Взвесь все, что тебе может дать Москва. Если баланс будет в пользу Москвы, надо действовать и уже сейчас. Объективно ты имеешь все права, чтобы жить в Москве. Одно то, что ты сделал для нашего спорта, уже было бы достаточно, чтобы создать тебе условия для возвращения в Москву…».

Получил Ромм письмо и от своего лагерного друга Александра Рубайло: «На мой взгляд, Вы уже подняли «коня» еще в Кзыл-Орде, и опустить его следует только в московском квадрате, и это надо сделать скорее. 74 года – это решительно ничего не значит. Пока человек живет, думает, чувствует, действует – какая, в сущности, разница – 30 или 80 лет ему. Самое скверное в жизни ощущение, когда человек настраивается не на жизнь, а на «доживание». Думаю, что такого состояния у Вас не бывает. Отсюда еще раз – в Москву. Вы москвич по рождению. У Вас право на Москву самое неопровержимое. Что можно возразить человеку, который хочет провести остаток своей жизни в Москве? И кто сможет доказать, что преступная и бесчеловечная акция по отношению к Вам, признанная ныне и оцененная как преступная и бесчеловечная, может существовать в качестве основания для того, чтобы Вы жили в обстоятельствах, внутренне неприемлемых всем Вашим существом? Какая-то дичь и страшная непоследовательность».

Абике

Всякий раз, когда Ромм упоминал имя Абике, мне хотелось пожать ему руку и сказать хорошее слово. Но в милиции, где работал Абике, никто толком не знал, куда он подевался, да и в доме жили теперь другие люди.

Прошло немногим больше года, когда звонок «Скорой» ворвался в мой обычный будничный день, предупредив, чтобы я никуда не отлучался: за мной уже выслали машину, и в аэропорту меня поджидает «кукурузник». И что он подбросит меня к метеорологу, в семье которого заболел ребенок…

В то утро небо как нарочно затянули тучи, и казалось, не то что «кукурузник», но и птица никуда не полетит. Но в середине дня самолет все же поднялся в небо. За штурвалом сидел Василий Козлов, в прошлом – военный летчик. Он взял на себя ответственность за вы-

нужденный вылет. Единственным пассажиром его «кукурузника» был я, тогда еще совсем молодой врач. Помню, как меня мутило и подбрасывало на «воздушных ямах». Кислородная подушка летала вместе со мной из стороны в сторону. Испуганный, покрытый холодным потом, я пытался дотянуться до поручня, но всякий раз падал, как от нокаута. Хотелось, чтобы летчик не видел моей жалкой физиономии и не подумал, что я струсил. Я все-таки ухватился за поручень и, еле шевеля ногой, подтолкнул к себе походный саквояж с медикаментами, вынул оттуда флакончик с нашатырным спиртом и жадно вдохнул спасительный аромат. В узких просветах туч мелькали развалины старой крепости в окружении древних, как мир, песчаных барханов да торчащих корявых стволов саксаула, прикрытых шапками снега. Но что это? Как ослепительно блестят крылья самолета? И как низко мы летим над барханами? Казалось, что самолет вот-вот срежет голову одному из них, заодно непременно поломав свою. Я кричу в спину летчика:

– Что за блеск на крыльях?

– Лед! – сквозь треск услышал я, и меня как током ударило: обледенение.

– Что теперь?

– Уносить ноги!

– Но мы же над самой юртой?

– Самолет посадить не сможем!

– Может, сбросим медикаменты?

– Это дело!

Польщенный похвалой летчика, я кое-как вывел на листочке, что за лекарство дать малышу на случай высокой температуры, одышки… Прячу листок в саквояж с медикаментами, перетягиваю его брючным ремнем и подаю знак летчику, мол, все готово… Василий опускается совсем низко над юртой, притулившейся возле развалин Бок-Дока – крепости, мимо которой пролегали тропы, некогда могучего Чингисхана. И – наша «скорая» камнем летит вниз. Мы разворачиваемся и выбираемся из зоны ледяной полосы…

Путь назад казался куда легче. Наверное, потому, что летели домой. Вот только на душе было скверно. Столько страха – и все зря!

Наконец-то шасси коснулось земли. В ушах все еще шумело, тело ныло, а ноги казались чужими. В дежурке нам, как особо отличившимся в воздушной пустыне, выдали по рюмке коньяка, по шоколадке, рассказали пару историй из жизни «небесных конников». Только

я, все еще находясь под впечатлением пережитого, а они такие сильные, веселые и совсем спокойные…

Я еще не отошел от всего того, что пережил в небе, но виду не подавал, храбрился, как мальчишка, даже предложил Козлову слетать туда завтра, если погода позволит. Я ведь отлично понимал, что капризы «воздушной конторы» неумолимы, что не мы, а она пока что диктует нам свои прихоти и причуды. И нет ей дела ни до метеоролога песчаной пустыни, ни до его малыша, которому так нужна была наша помощь…

И опять мы на взлетной полосе. Было воскресенье не только у нас, но, вероятно, и у погоды. Она отдыхала, радуясь тихому солнечному дню, а я все равно крепко держался за поручень до самой посадки самолета.

Шасси судорожно касается земли, и я тороплюсь к юрте. У входа, к моему удивлению, расстелен красный домотканый ковер. Пытаюсь его обойти, чтобы не оставить следов от ботинок, но встречавший нас метеоролог опережает: «Нет-нет, проходите!»

И я иду по ковру, страшно смущаясь, и в глубине души немного гордясь. Я ведь догадался, как много этим хотел сказать метеоролог с суровым лицом охотника.

– Вижу, здорово вам вчера досталось. Вы уж извините, что рисковать пришлось. Все мы в жизни понемногу рискуем, не без этого…

Старая женщина поднимается навстречу и протягивает пиалу с чаем.

– Выпей, сынок, совсем продрог. Зима нынче суровая.

– Потом, потом, – говорю я. – Мне бы воды теплой, руки помыть.

…Малыш с трудом глотал воздух. А вокруг столько воздуха: чистого, свежего – целое море! Губы синие, в легких – стена хрипов. Готовлю шприцы, медикаменты, перетягиваю жгут, нащупываю вену и медленно ввожу в нее пенициллин, глюкозу, аскорбиновую кислоту… И жду, когда у малыша порозовеют губы, стихнет одышка, спадет температура… Бросаю взгляд на этажерку с книгами. И вижу «Штурм пика Сталина». Переворачиваю первую страницу, и – сразу же узнаю знакомый почерк: «Спасибо тебе, Абике». Я украдкой поглядываю на хозяина юрты: так вот ты, какой, Абике! Но тут Козлов подает сигнал: надо торопиться, погода – дама капризная. Я еще раз бросаю взгляд на малыша и даю добро: мать заворачивает малыша в теплое одеяло, и мы идем к самолету. И уже у самолета я поворачиваюсь к метеорологу:

– Спасибо тебе, Абике!
– За что?
– За Ромма!
– Вы его знаете? Кто он вам?
– Хороший человек и большой друг.
– Вот и я тогда тоже подумал: хороший он человек!

Самолет разгоняется и плавно отрывается от снежной полосы…

Футболист

…Сборная России по футболу готовилась к Олимпиаде 1912 г. Ромма включили в олимпийскую команду, назначили капитаном. На тренировке Ромм повредил ногу, обратился в олимпийский комитет – к Бертрану и показал ему отекшее колено. Но тот даже не потрудился взглянуть на поврежденную ногу. А вечером Бертран сообщил Ромму, что он дисквалифицирован «за неявку на тренировку». Когда же Ромм напомнил ему, что еще утром он приходил к нему… Бертран с притворным удивлением пожал плечами, мол, никакого Ромма он не видел… И Ромм, разозлившись, что его отстранили от игры в сборной, отправился путешествовать по Европе.

3 октября 1963 г. мы провожали Ромма в Москву, где должна была состояться встреча на кубок Европы: советские футболисты играли против прославленной футбольной команды из Италии. Ромма нельзя было узнать. Глаза его светились. От него исходила сама радость от предстоящей встречи с Москвой, от которой он был долго оторван, потеряв привычную жизнь, работу, жену, футбол, стадион «Динамо»…

Ромм писал: «Я прошел на свое персональное место в сорок пятом ряду западной трибуны, против одной из линий ворот. Отсюда, сверху, отлично просматривалось великолепное футбольное поле, похожее на гигантский бильярд, расчерченный белыми линиями. Сверкали белизной ворота с оттянутыми назад сетками. Трибуны были уже заполнены до последнего места. 103 тыс. зрителей с билетами и никем не учтенное, но немалое количество безбилетных, проникших им одним ведомыми путями сквозь все преграды, сквозь милицейские кордоны, сквозь длинную цепь контролеров, ждут начала матча […] Моросит холодный осенний дождь, поле потемнело и намокло. Случилось то, чего больше всего боялся Фаббри, о чем мечтал Бесков: на мокром поле потускнеет главное оружие итальянцев – отточенная техника, но зато сильнее скажется неисчерпаемая выносливость

наших игроков. А ведь до сегодняшнего дня два с половиной месяца стояло безоблачное, московское «бабье лето», и только этой ночью набежали тучи. Вот уж, поистине, дома помогают не только стены, но и погода… Но вот на стадионе воцаряется тишина… Свисток. Понедельник вводит мяч в игру, советские футболисты, пренебрегая разведкой, бросаются в атаку. Стремительно проходит по левому краю невысокий коренастый крепыш Хусаинов, и вот уже завязывается его первая дуэль с капитаном итальянцев Мальдини. Финт, еще финт, неожиданный, резкий, стремительный, и оторопевший Мальдини обойден. Гуарнери вынужден, покинув свое место, спешить к нему на помощь; в образовавшуюся брешь немедленно врывается Понедельник и получает точную передачу от Хусаинова. Сильнейший удар, мяч угрожающе проходит над самой штангой итальянских ворот…

Но быть может, это только удачный эпизод? Нет, ураганная атака советских футболистов продолжается. Оттягиваются назад, на помощь защите, Ривера и Сормани. Не помогает. Неудержимый Хусаинов буквально рвет на части оборону гостей, Иванов, Численко, Понедельник проникают в образовавшиеся пустоты, мяч не раз проходит рядом с боковыми штангами итальянских ворот. Техническое преимущество гостей, а оно, несомненно, пасует перед этой стремительной, динамичной игрой, с неожиданными, быстрыми перемещениями, непрерывной сменой тактических комбинаций. Итальянцы смяты, они только обороняются. И вскоре приходит развязка: Хусаинов издалека бьет по воротам, вратарь отбивает мяч, он отскакивает к игрокам – двум итальянцам и Понедельнику. Ростовчанин, как всегда, начеку. Не успевают итальянцы опомниться, как он мощным ударом забивает гол.

Нужно ли описывать, что творится на трибунах!? Гости начинают с центра, но советские игроки тотчас же перехватывают мяч и продолжают атаку.

Проходит немного времени, и снова прорывается Хусаинов, обходит Мальдини и Траппатони и посылает мяч в центр Иванову. Вратарь бросается ему в ноги, капитан сборной СССР спокойно, словно на тренировке, выкладывает мяч своему соседу Численко, и тот посылает его в ворота. 2:0! Итальянцы начинают с центра, но через минуту уже опять кипит борьба у их штрафной площадки».

Иткинд

…После памятного матча «Кайрат» – «Националь» мы не сразу вернулись в Кзыл-Орду. Уже на другое утро мы отправились на «Медео», в

известный спортивный комплекс, расположенный в живописных горах Заилийского Алатау, близ Алма-Аты. Надышавшись горным воздухом, мы возвратились в город и махнули в картинную галерею им. Тараса Шевченко, где Ромма нельзя было оторвать от работ скульптора Исаака Иткинда. Ромм поманил меня к себе и, наклонившись над самым ухом, прошептал: «Как ты думаешь, чьи это работы? Вот к нему-то мы сейчас и нагрянем»…

В дирекции музея мы легко раздобыли координаты скульптора, вышли на улицу, тормознули такси, назвали адрес. По дороге Ромм рассказал, как однажды он случайно прочитал в газете, что, если не помочь скульптору Исааку Иткинду, Россия может потерять гения. Ромм собрал свои скудные сбережения и поспешил к гению. Но гений ни за что не хотел брать деньги у Ромма и отмахивался от них, как от холеры. Тогда Ромм предложил гению продать, хотя бы одну из его работ. Обрадовавшись, как мальчишка, Иткинд воскликнул: «Пекасно!» и стал приглядываться к скульптурам. Но, увы, ни одна из них ему не приглянулась. Тогда он вытащил из-под кровати корягу непонятной формы, повертел ее в руках и радостно прохрипел: «Хо-го-шо!» Растворившись в улыбке, он взялся за тесак, придавая своей находке приличный вид. Когда фигура «Футболиста» была готова, скульптор вырезал на ней свое имя и протянул Ромму…

Такси свернуло в короткий переулок и подкатило к дому скульптора. Мы толкнули калитку, и перед нами тут же выплыло, как из сказки, худощавое чудо живой природы – Иткинд, собственной персоной: светящиеся добрые глаза со смешинкой, растрепанные белые волосы до плеч, и такого же цвета пышная борода, плотно прикрывавшая шею в глубоких морщинах. Внешне это «чудо живой природы» больше походило на короля Лира, блаженного, на доброго доктора Айболита, но только не гения. Скульптор прищурился, с недоумением уставился на Ромма, а затем, улыбнувшись, торжествующе выпалил: «Футболист!».

Иткинд затащил нас на кухню и настойчиво «спаивал» чаем с вареньем из листьев красных роз. Говорил он обычно громко, сбивчиво, ужасно коверкая слова из русского языка, идиш, литовского, польского, немецкого, начисто игнорируя правила русской грамматики. Мне казалось, что из «перлов» этого гения можно было бы состряпать недурную книжицу: «Нагочно не пидумаешь»…

В свои девяносто с «довеском» в четыре года Иткинд держался бодро, хотя и заходился в кашле, а в бронхах все клокотало, как у старого астматика. После чая гений снял со стены свою допотопную скрипку,

прошелся смычком по слабо натянутым струнам и – заиграл. Вот только что – не припомню. Затем он вытащил из тайника стола потрепанные листочки и, откашлявшись, торжественно объявил: Исаак Иткинд. Рассказ. «Блоха и Цадик». И стал читать: «Я получил из Какастринки телеграмму о том, что мой ребе, реб Довид, опасно болен. Я хватаю субботнюю капоту и бегу на вокзал. Приезжаю в Какастринку. Ребе успел сказать мне всего лишь несколько слов…». Читал Иткинд рассказ с выражением, как артист, жаль только, что его перебивал кашель…

И этого смешного и веселого еврея из глухой деревушки Дикарки долго и нудно допрашивали кэгебешники, добиваясь, чтобы он не был болваном, рассказал, «с кем путался», «на кого работал»… Но до Иткинда не доходило, что, собственно, от него хотели, вот и доказывал, что никакой он не шпион, что это на него не похоже, что он никогда не поносил Сталина, что у него и мысли такой не было. Что он только скульптор, что его работы знают в нашей стране, Риме, Париже, даже в Нью-Йорке, где ему, между прочим, обещали «большие деньги». Но они ему ни к чему, ему и здесь хорошо. И радовался, что он уже вырезал «Пьяного монаха», «Жертву фашистского погрома», «Отца в тюбетейке»… и даже «Умирающего Пушкина»… Когда же гения просили назвать имена людей… то тут он основательно «запутался». Ведь это «чудо» знало Максима Горького, Сергея Есенина, Владимира Маяковского, Сергея Коненкова, Марка Шагала, Василия Качалова… Что за их порядочность он может поклясться раввином из «Какастринки». Но как только до него дошло, что не сегодня-завтра его расстреляют за шпионаж… он онемел, как камень. Иткинда не расстреляли, его сочли «чокнутым», бросили в тюрьму, а затем в лагерь, откуда его потом сослали в забытую Богом, Зеренду, что на севере Казахстана[1*]…

[1*] В 1937 г. после выставки в Эрмитаже, посвящённой 100-летию со дня смерти Пушкина, Иткинд был арестован за якобы шпионаж в пользу Японии и помещён в Кресты. Ему приписывали шпионские связи с французской разведкой на том основании, что какой-то француз купил у него одну из работ. После девяти месяцев следствия Иткинда выслали в поселок Зеренду Кокчетавской обл. КазССР, затем был Акмолинск ис 1944 г. – Алма-Ата. В Казахстане И. Иткинд работал над рядом скульптурных портретов: «Акын Джамбул», «Амангельды», «Абай» и др. В 1956 г. Иткинд устроился на работу в Алма-Атинский государственный театр, где днём рисовал декорации, а по ночам вырезал из дерева скульптуры в подвале театра. В 1958 г. новый художник театра решил осмотреть подвал театра, где и обнаружил ставшие впоследствии знаменитыми портреты и композиции: «Поль Робсон» (1956), «Дерево-мыслитель» (1956), «Смеющийся старик» (1958) и др. В 1967 г. молодой режиссёр-документалист из Казахстана Арарат Машанов снял 20-минутный документальный фильм об Иткинде «Прикосновение к вечности». [Электронный ресурс] Л. Гуревич Человек, который всю жизнь радовался: скульптор Исаак Иткинд. Режим доступа: Лев Гуревич: Человек, который всю жизнь радовался: скульптор Исаак Иткинд | Журнал "Чайка" (chayka.org) (дата обращения 07.06.2022).

Как-то в Зеренду заглянул партийный босс Ашимбек Бектасов. Когда ему показали «чокнутого», он понял, что перед ним человек умный, необычный, хотя и «не от мира сего». Он-то и перетащил Иткинда в Алма-Ату и помогал, как мог, только бы это «чудо» творило и радовало добрых людей. Не будь их, кто знает, увидели бы мы «Философа», «Паганини», «Поля Робсона», «Старика-казаха», «Отдыхающего Джамбула»… Может завтра, кто-то подарит нам свою «Мелодию», свою «Песню», свое «Чувство вины»… Но это будет «завтра», а пока это сделал великий скульптор Исаак Иткинд!

Когда Иткинд рассказал, что пришлось вынести ему при «допросах», Ромм вдруг понял, почему у него при обыске конфисковали скульптурку «Футболиста», на котором было выведено: «Ромму от Иткинда». И тут Ромм, улыбаясь, поведал, как на этапе, по дороге в лагерь, их колонну погнали в баню. Вернувшись после душа в предбанник, Ромм ахнул: у него украли все – вплоть до трусов. А на дворе мороз за тридцать. Что делать? Кого звать? Кого просить, когда ты всего лишь беззащитный зэк!? Хорошо еще, что старшим банщиком оказался грузин – заядлый болельщик футбола. Ему-то Ромм и пожаловался, да еще сказал, что он друг Бориса Пайчадзе[1*] из тбилисского «Динамо». И Ромму вернули шмотки, да еще выдали на дорогу булку хлеба с луковицей и головкой чеснока – целое богатство…

«Я болею за «Спартак»

…В 1965 г. в Алма-Ате вышла новая книга Ромма: «Я болею за «Спартак». Мало сказать, что она сразу же исчезла с полок книжных магазинов, но автора буквально завалили письмами, телеграммами и телефонными звонками. Писали друзья по футболу, по перу, по лагерю и ссылке. Ромм как бы заново родился… Он повеселел, помолодел и в приподнятом настроении взялся за новую рукопись…

«Подумать только, – удивлялся Лазарь Лагин, автор повести «Старик Хоттабыч», – я не раз видел Ваше имя в Справочнике Союза писателей! Но мне и в голову не приходило, что это Вы и есть тот самый Ромм, с которым я когда-то путешествовал в Арктике. Ведь о Вашей судьбе я имел в свое время самые мрачные сведения. Буду очень рад, если мне приведется повидать Вас в Москве и пожать Вам руку».

[1*] Борис Соломонович Пайчадзе (1915–1990), советский грузинский футболист и тренер, нападающий, игрок тбилисского «Динамо» (1936–1951). Заслуженный мастер спорта СССР (1944).

«Имя Михаила Ромма хорошо знакомо старшему поколению и почти неизвестно молодым. И все потому, что злая судьба забросила этого талантливого человека далеко от Москвы. Потом пройдет немало времени прежде, чем он, оправившись от тяжелых невзгод и несправедливости, вновь подаст весть о себе…» – писал в газете «Футбол» спортивный журналист Александр Вит, с которым Ромм одно время работал в газете «Красный спорт». А в личном письме к М.Д. Ромму признавался: «У меня камень с души снят. Я, правда, хотел написать что-то другое, более теплое и душевное, но не хватило ни таланта, ни времени. Все хвалят меня за то, что написал, и ругают за то, как написал. Одни говорят, что я слишком возвеличил роль Ромма в футболе, другие, что недостаточно подчеркнул, что Ромм не спортсмен, а писатель-профессионал. Я отгавкиваюсь, но на всех не угодишь».

«В книге М. Ромма «Я болею за «Спартак», – писал Геннадий Стариков, в прошлом заслуженный мастер спорта, а затем видный издатель спортивной литературы, – интересно все – и воспоминания старого спортсмена, и плавания, и восхождения. Книги такого диапазона с таким богатым содержанием еще не было в спортивной литературе. В ней пленяет и легкий, образный, сочный язык, и широкое, всегда объективное восприятие автором любых событий: говорит ли он о современности или воскрешает «дела давно минувших дней».

Не забыл М. Ромма и Дима Попов, бывший актер из Ленинграда. В письме к Ромму он писал: «Однажды я стоял возле киоска за свежим номером газеты, и один мой приятель рассказал, что недавно он приобрел книгу старого футболиста Михаила Ромма: «Я болею за «Спартак». Когда я услышал это имя, меня сразу же осенило: Ромм, тот самый, из лагеря! И я не мог не разыскать Вас, не написать и не вспомнить о нашей жизни за забором с колючей проволокой… и гаденыша Писаренко по кличке «писарь» с глазенками хищной змеи. Он и по сей день является мне во сне, сокрушает матом и пускает в ход кулаки, а потом берет за горло и – душит, приговаривая, что это еще «по-божески»! Да черт с ним – с этим жалким и ничтожным человечком. Единственное, чтобы я пожелал, чтобы ему и на том свете было так же жутко и неспокойно, как тогда нам. Что до меня, то я как мальчишка шатаюсь по Питеру – его улицам, музеям, мостам и, как губка, впитываю в себя всю теплоту и красоту жизни…».

Вспомнила Михаила Ромма и Светлана Воронова из Нижнего Тагила: «Ваша книга помогла мне по-иному взглянуть на жизнь, на ее красоту. А то страшное, что мне пришлось вынести в лагере, как бы

отодвигалось, уходило в сторону, уступая дорогу зеленым тропинкам и светлым ручейкам жизни… Мне кажется, что я почти все время нахожусь в состоянии тихой радости…»

Написал Ромму и Матвей Гольдин, один из старейших московских футболистов и хоккеистов: «Приношу Вам мою искреннюю благодарность за присланный мне подарок. Ваш «Спартак» вернул меня к дорогому прошлому каждого спортсмена… Мне она очень понравилась, я ее прочел, не вставая с кресла».

Немало трогательных, полных юмора писем, написал Ромму и Александр Рубайло, товарищ по лагерю: «В Вашей книге «Я болею за «Спартак» и культура слова, и замечательное видение поэзии жизни, и юмор, и искренность, и все это в стиле доброго старого времени, который был, есть и пребудет как норма. Может быть, от книги будут отклоняться по невежеству, неумению и некультурности духа, но она сохранится. Вашу книгу не перевяжешь никаким бинтом, она обязательно найдет свой путь, чтобы доставить людям радость от пережитого или даже открытия нового мира…»

«Моя Елизавета, это маленькая, кругленькая женщина, подвижная, как колобок, дотошно изучает карту: мы надумали двинуться в сторону Иссык-Куля. А на обратном пути собираемся забежать к Вам, в Чимкент: и на Вас поглядеть, да и вспомнить дела не так давно минувших дней».

Левитан

Как-то нашего приятеля-инженера Гришу Колодизнера, занесло в холодный Архангельск. Остановившись в гостинице, он заглянул в ресторан: все столы были заняты. И только возле окна, за столом «для персонала» сидел один посетитель. Это был Юрий Левитан, в прошлом диктор Центрального радио… Ничтоже сумняшеся, Гриша подошел к Левитану и, извинившись, поинтересовался, нельзя ли ему пообедать за этим столом. «Да, да, пожалуйста», – промолвил Левитан.

Гриша заказал обед и, помолчав ровно столько, сколько это требуется для приличия, спросил Левитана, знакомо ли ему имя Михаила Давидовича Ромма? Левитан оживился: «Даже очень знакомо! Ведь я работал на радио вместе с его женой Валентиной Соловьевой. Я всегда с большим удовольствием читал его рассказы, книги. А потом его арестовали. С тех пор я ни разу не встречал этого незаурядного и умного человека».

И уже на следующий день Гриша дал Левитану почитать книгу Ромма «Я болею за «Спартак»… А накануне нового 1966 г. Левитан

написал Ромму: «Десятилетия три тому назад, Вы, я помню, называли меня «Юре». Я всегда вспоминаю красивого, большого и обаятельного Ромма. Очень рад, что Вы до сих пор бодры и пишите»…

Телохранитель Собинова

Ромм ходил в гимназию, где учились и сыновья великого русского певца Леонида Собинова. Каждый год, когда его мальчики переходили из класса в класс, Собинов пел для гимназистов бесплатно. И никому из них не надо было подолгу торчать у театральной кассы, отказывать себе в ужине и папиросах, чтобы сколотить деньги на счастливый билет – «на галерку».

Накануне концерта директор гимназии обычно вызывал к себе Ромма и поручал ему подобрать крепких ребят «для личной охраны» Собинова – от его «горячих поклонниц».

Ромм очень гордился, что ему не раз доводилось быть «телохранителем» знаменитого певца, чей чарующий голос он помнил всегда, куда бы его не кидала жизнь.

В 1930-е гг. Ромм, закончивший юридический факультет Московского университета, одно время работал адвокатом в театре им. Вахтангова. И, смеясь, рассказывал, как бывают смешны и рассеяны великие актеры, и какие забавные истории с ними случаются. Вспоминая о своих встречах с остроумной гордячкой Турандот, Цецилией Мансуровой, известной актрисой театра им. Вахтангова, Ромм помнил, как часто в ее скромной квартире собирались именитые артисты московских театров. И как гости Мансуровой чуть ли не до утра отчаянно бились в преферанс, и среди них выделялся красавец-актер и кинорежиссер Борис Барнет, знакомый нам по фильмам «Окраина», «Девушка с коробкой», «Дом на Трубной», «У самого синего моря». Бывал на этой квартире и Михаил Ромм.

Наталья Кончаловская

Однажды я принес Михаилу Давидовичу книгу Н. Кончаловской «Песня, собранная в кулак» (М.,1965) – об Эдит Пиаф. Ромм взял книгу и, перелистывая страницы, заметил: «Я, кажется, знал Наталью Кончаловскую. Правда, было это давно. Но я хорошо помню маленькую трехлетнюю девчушку, бойкую, шуструю и играющую почему-то под столом в гостиной».

Потом Ромм написал Кончаловской о своих впечатлениях от ее книги. Ответила Ромму и Н. Кончаловская: «Я очень благодарна Вам за великолепную рецензию об Эдит. Редко, когда так точно характеризуется основная задача книги. Но должна Вас огорчить: мы с Вами

никогда не встречались. Вы были знакомы с Наташей, дочерью Дмитрия Петровича Кончаловского, моей двоюродной сестрой. Это она была дикой, угловатой девочкой. Я же дочь Петра Кончаловского, внучка Сурикова. Я была толстой, курносой и веселой девочкой. Но все равно мне было бы радостно познакомиться с Вами. Недавно вышла моя новая книга: «Дар бесценный» (М., 1964) – о Сурикове. И мне бы очень хотелось, чтобы Вы прочли ее».

Позже я попросил Н. Кончаловскую прислать мне копию письма Ромма на ее книгу об «Эдит Пиаф». Не прошло и двух недель, как в почтовом ящике меня дожидалось ответное письмо: «К сожалению, я не могу выполнить Вашу просьбу, поскольку письмо М. Ромма я передала в Париж, моей двоюродной сестре. Для нее это письмо представляло большой интерес. Получить обратно это письмо нет сейчас никакой возможности. Но при случае – я постараюсь Вам помочь».

Братья

…В далеком 1966 г. мы с Роммом смотрели документальный фильм «Обыкновенный фашизм»[1*] – фильм кинорежиссера М.И. Ромма, двоюродного брата Михаила Давидовича. Когда мы покинули зал, Ромм, заметил: «Какая могучая правда о войне». И тогда же я узнал, что Мура (так звали близкие Михаила Ильича) передал в своем фильме не только правду о войне, но и то, что когда-то жило в душе его отца, который ненавидел ложь, презирал пошлость, человеческую ничтожность и несправедливость.

Отец Муры, Илья Моисеевич Ромм, жил в Москве, в Замоскворечье, на Пятницкой. Он был невысокого роста, живой, подвижный, носил рыжую бородку, работал врачом-бактериологом. Позже в «Устных рассказах» М.И. Ромма я прочту: «Отец был необычайно добрым, более доброго человека я просто не видел, не встречал, хотя одновременно был и очень вспыльчив, принципиален и нетерпим, всегда говорил то, что думал…»

[1*] Советский двухсерийный публицистический документальный фильм, снятый на киностудии «Мосфильм» и вышедший на экраны в 1965 г. Рассказывает об истории и идеологии фашизма, зарождении явления в Италии, дальнейшем распространении его в Испании и других странах Европы, но главный акцент сделан на тоталитарной системе и преступлениях нацистской Германии в годы Второй мировой войны. В фильме использованы европейская кинохроника предвоенных лет, трофейные хроникальные материалы из киноархивов Министерства гитлеровской Германии и личного фотоархива Гитлера, а также многочисленные личные любительские снимки, обнаруженные у военнослужащих вермахта и СС.

Илья Моисеевич прекрасно играл с Мурой в четыре руки Бетховена, Шуберта, Моцарта. Рассказывая о Муре, Михаил Давидович что-то упускал, не договаривал, а спросить я не решался.

Отец М.Д. Ромма был недоволен своим сыном, который вместо того, чтобы заняться серьезным делом, как его двоюродные братья Саша, Миша и их сестра Ида, «носился» по футбольному полю или бился на ринге, «как дурак». Он во всем обвинял свою маленькую, тихую и хрупкую жену, упрекая ее, что она не занимается воспитанием единственного сына. А когда ему однажды сказали, что Миша один из лучших беков[1*] России, он ответил, что это его мало волнует. Утихомирился лишь в 1913 г., когда его Миша вернулся из Флоренции чемпионом в составе футбольного клуба «Фиренце».

Михаил Давидович был старше своего двоюродного брата Михаила Ильича на 10 лет. Когда речь заходила о Муре, он тут же уходил от разговора, хотя фильмы его смотрел с удовольствием, особенно ему нравились «Девять дней одного года»[2*] и «Обыкновенный фашизм». Даже после возвращения из неволи и реабилитации отношения между двумя братьями так и не наладились. Но зато Михаил Давидович охотно рассказывал о родном брате Муры Александре[3*] и сестре Иде.

Александр был прекрасным поэтом (в этом можно легко убедиться, прочитав сборник его стихов «Ночной осмотр»[1927]) и замечательным переводчиком произведений Генриха Гейне, Андре Шенье, Шарля Бодлера, Шандора Петефи… романов Эмиля Золя, Герберта Уэллса, Джона Рида, Гюстава Флобера, Ги де Мопассана, а также поэтов из республик нашей бывшей страны.

С первых дней Великой Отечественной он ушел на фронт, служил на флоте, участвовал в боевых действиях, был награжден Орденом Красного Знамени. А в 1943 г. он написал Сталину письмо, в котором сообщал о безобразиях на флоте, после чего его очень скоро отозвали из армии и направили на работу в тыл, в г. Сочи. Но уже осенью того же года его родным написали, что Александр Ильич Ромм покончил с собой…

Когда Ида Ильинична узнала о смерти брата Александра, она обратилась к его бывшему начальнику с просьбой написать ей, где и

[1*] Бек (от англ. back) – то же, что защитник.

[2*] Речь идет о советском художественном фильме 1962 г. Сюжет посвящён работе физиков-ядерщиков и частично основан на реальных событиях. Одна из наиболее значимых советских картин 1960-х гг. Лучший фильм 1962 г. по опросу журнала «Советский экран».

[3*] Ромм А.И. (1898–1943), советский филолог, поэт, переводчик.

кем работал ее брат, что он натворил, что нарушил, что привело к самоубийству, что обнаружили врачи, производившие вскрытие? Ответа, конечно же, не последовало, хотя со слов боевого товарища Александра – В.А. Маслеева она знала, что «Саша не раз ставился в такое положение, когда на белое он должен был говорить черное, а на черное – белое. Но он не боялся называть черное – черным, и это не всем нравилось…». Остается лишь поставить вопрос: кому было угодно, чтобы человек, который говорил правду, писал и переводил трогательные стихи, великолепную прозу, не успев до конца распахнуть свою красивую душу перед миром, который он так любил, трагически ушел из жизни? Но вопрос этот, разумеется, риторический…

Находясь в Москве по работе, я безуспешно пытался дозвониться до М.И. Ромма. Но однажды мне все же повезло, как в лотерее: сам Михаил Ильич поднял трубку. Я назвал свое имя, попросил прощения за мой идиотский звонок, рассказал, что его двоюродный брат М.Д. Ромм незадолго до смерти признавался, что он сожалеет, что столько лет держал обиду на брата и осуждал то время, которое надолго проложило между ними глубокий овраг недоверия и молчаливой обиды. Михаил Ильич, извинившись, что он из-за нездоровья не может позвать меня в гости, ответил, что ему было бы «чрезвычайно приятно», если бы я всякий раз, когда буду на могиле его брата, оставлял цветы и от его имени. Теперь, когда не стало и Михаила Ильича, земля снова сблизила братьев и уже – навсегда.

Алдан-Семенов

Однажды ночью я сел в поезд «Алма-Ата – Москва». Свет от боковой лампочки тускло освещал купе. Проход между нижними полками купе, на которых мирно и спокойно спали пассажиры, был заблокирован огромными бухарскими дынями, расточавшими пьянящий, нежный аромат. Верхняя правая полка также была плотно завалена коробками с янтарным виноградом, помидорами «бычье сердце» и краснощекими яблоками. А на столике царствовала жареная курица в окружении малосольных огурчиков, узбекских лепешек и трех бутылок с минеральной водой. Я пристроил свой походный чемоданчик рядом с дверью. И только хотел взобраться на свободную полку, как пассажир вдруг зашевелился, приоткрыл глаза и на мое тихое «извините», позевывая, пробормотал: «Не стоит, мы люди дорожные, ко всему привыкшие, – и тут же поинтересовался: – Что за станция?» «Чимкент», – тихо ответил я.

– В этом городе умер мой давний приятель…
– И кто? – осторожно спросил я.
– Ромм… Миша…
– Вы знали Ромма? – удивился я.
– Я знал Ромма еще по Москве, до войны…
– А я его здесь хоронил…

Худощавый, невысокого роста пассажир тут же рывком поднялся, пригладил редкие с легкой проседью волосы, поправил помятую пижаму и, выпрямившись как восклицательный знак, протянул руку: «Алдан-Семенов, писатель». «Очень приятно», – сказал я и, назвав свое имя, горячо надеялся, что он не спросит, что я читал из его книг, ибо ни одну из них я и в руках-то не держал.

Алдан-Семенов осторожно расталкивает женщину:
– А ну-ка, женушка, вставай, пока Ромма не проспала.
– Какого еще Ромма? – спросила женщина спросонья.
– Мишу. Мишу Ромма.
– Он же умер…
– Он-то умер, а вот друг его – рядом.

И меня тут же завалили вопросами: Как жил? Что писал? Как Евдокия? Здорова ли? Увлекшись воспоминаниями, мы даже не заметили, как набежало утро, и мы едва не прозевали чай. За завтраком мы быстро разделались с курицей, фаршированной ломтиками великолепной айвы и черносливом. Алдан-Семенов, когда увидел, что я нажимаю на айву, сделал безразличное лицо и пододвинул ко мне целую горку этой вкуснятины, заметив, что он этот фрукт не любит. Я тогда принял это за чистую монету, и скоро от этого дара природы не осталось и воспоминаний.

«Видно, вы в Узбекистане жили, там айву все любят», – заключил писатель, и мы перешли к более «пролетарской» еде – соленым огурчикам и пышным лепешкам. Потом от души попивали отменный зеленый чай с горным медом, продолжая вспоминать еще совсем недавнее ушедшее время. Особенно тронул меня рассказ Алдана-Семенова о молодом татарине, которого перевели к ним в барак, а зэковцы почему-то решили, что новенький – стукач. Больно часто в карманах его телогрейки они находили то кусок хлеба, то ломтик сала, то теплые, совсем еще неношеные носки, то майку. Вот и решили: прикончить стукача, когда погонят их на лесоповал. И уже в лесу был устроен перекур в неглубокой яме. Конвоир остался наверху, прислонившись к дереву. Окружив стукача, зеки зажали ему рот и наброси-

ли удавку. Алдан-Семенов, как самый грамотный в бригаде, зачитал «приговор». И как только стали затягивать удавку, новичок заорал так, что казалось, деревья вздрогнули. В яму бросился конвоир, едва выдавив из себя: «Сы-н-ок!». Новичка оставили в лагере. Вот только отец его больше в лагере не появлялся…

Первый российский футбольный радиокомментатор

…В 1968 г., через год после смерти Ромма, в газете «Известия» были приведены вопросы по спорту, среди которых нужно было назвать… и имя первого радиокомментатора футбольных баталий нашей страны. Я тут же отправил открытку, где написал, что первым… был М.Д. Ромм. А недели через три получаю письмо из газеты: «К сожалению, редакция такими сведениями не располагает». И подпись: В. Водолажский. Даже обидно стало: ведь тот, кто составлял вопросы, должен был знать имя первого футбольного репортера страны. Сколько я потом не доказывал, что первым был Ромм, а не легендарный Вадим Синявский. А тут, разбирая роммовский архив, я вдруг наткнулся на письмо Владимира Титова, из Калуги: «Я – ровесник Октября. Еще мальчиком я с утра до вечера гонял в футбол. Я мечтал стать большим футболистом. Ваша книга «Футбол» была моей настольной книгой. В юности я часто слышал Ваши первые радиопередачи о футболе: «СССР – Турция», «Москва – Чехословакия». Затем вы затерялись: исчезли из эфира и со страниц спортивных газет и журналов. А футболиста из меня не получилось. В 23 года я ушел на войну. Вернулся инвалидом. И теперь по восемь-десять месяцев в году я не встаю с постели. Но это, однако, не мешает мне по-прежнему увлекаться футболом – его историей и статистикой. Я слышал, что Вы написали книгу «Я болею за «Спартак». Ищу ее больше года. Но нигде не могу найти».

И книга «Я болею за «Спартак» ушла в Калугу… И только десять лет спустя, я, наконец-то, с облегчением вздохнул. В еженедельнике «Футбол–Хоккей» Александр Богданов, известный в свое время судья Всесоюзной категории, назовет первую троицу футбольных радиокомментаторов страны: Михаила Ромма, Абрама Зискинда и Михаила Козлова.

Прощальные письма

Когда Ромм основательно захандрил, нам стоило немало усилий уложить его в больницу. Он согласился. И пока мы ждали «Скорую»,

он открыл ящик стола, извлек оттуда несколько писем и попросил, чтобы я прочитал их вслух, а сам уселся в свое любимое кресло, откинувшись на спинку. Ромм слушал меня молча, а я еле сдерживал слезы, понимая, что он мысленно прощался с людьми, которых знал и всегда помнил.

«Дорогой Михаил Давидович! – писал Шимон Маркиш из Москвы. – Ваше почти месячной давности письмо попало мне в руки только сегодня, но отвечать, разумеется, нужно мне, как старшему в семье мужчине. Очень грустно, что наша регулярная переписка стала эпизодической. Зима была полна тяжелых тревог общего характера. Поэтому я не ответил вовремя на Вашего «Спартака». Простите великодушно. Мы все, не исключая мамы и бабушки, прочитали Вашу новую книгу в рукописи. Хотя мы и не болельщики футбола, но книгу читали с увлечением и большим удовольствием. Может быть, отчасти потому, что горячо болели за ее автора и очень его любили, и еще потому, что чисто спортивная стихия подчинена в ней человеческой. Житье наше не переменилось, слава Богу. Разумеется, и мы не стали моложе. Бабуля жалуется на ноги, дядя – на сердце и почки. Но это не беда. Это естественно. Давид учится на высших сценарных курсах. Написал неплохой сценарий о Памире… Привет от всей нашей семьи. Ваш Шимон Маркиш».

И тут Ромм говорит: «Если тебе когда-нибудь повезет встретиться с кем-нибудь из семьи Маркиша, передай им, что я их всегда помнил и очень любил».

Читаю еще одно письмо к Ромму – от Ангелины Галич, жены известного поэта, драматурга и барда Александра Галича[1*]: «…Время летит на рысях – его не замечаешь. Ужасно, как мы давно не виделись. Этим летом мы снова были в Малеевке, и я очень часто вспоминала наши с Вами прогулки и чудесные беседы. Помня Ваш лозунг «Красота лечит», я в полной мере пользовалась этим неизменным лекарством и лечилась красотой. Там по-прежнему хорошо и красиво, особенно деревья… У нас за это время было много всякого. Несколько раз болел Саша. Он много работал. Два раза он уже успел побывать в больнице и за границей. «Третья молодость» не принесла ему творческой радости, но зато он три раза по месяцу жил в Париже и там работал. Саша теперь пишет очень много стихов и песен. Дошли ли до Вас его пленки? Их много. Это целый цикл песен, которые он поет под гитару».

[1*] [Электронный ресурс]. Режим доступа: Александр Галич. Увидеть Париж и умереть (wild-mistress.ru) (дата обращения 15.10.2022).

Тогда, читая это письмо, я не думал, что очень скоро Саши не станет и что похоронят его не в стране его чудесных песен («Ой ты северное море», «До свиданья, мама, не горюй, не грусти»), а на чужбине, под Парижем, на кладбище, где на могиле будет выбито: «Блажени изгнани правды ради». И в том же году в парижской квартире задохнется от дыма и его любимая Нюша – Ангелина Галич…

Маяковского считал трусом

Как-то к Ромму постучалась чернобровая брюнетка – новенькая медсестричка. Когда в дверях показался хозяин, она спросила, испытывая смущение перед этим высоким стариком, который был не просто больным человеком, а писателем: «Вы писатель Ромм?» « Нет, я кардинал Ришелье», – прозвучало в ответ.

Девочка оказалась умной и начитанной, не испугалась, а подыграла этому удивительному юмористу.

– Тогда я царица Савская.

– И зачем дряхлеющий кардинал понадобился обладательнице несметных сокровищ?

– Чтобы забить кардиналу гол в его ворота.

– И чем это он вас так разгневал?

– Тем, что вовлек Францию в Тридцатилетнюю войну…

– Видно, сударыня, история ваша слабость. И вы хотите мне, старому кардиналу, забить, простите, гол в ворота? Ну как я могу отказать юной фее, да еще в ранге царицы. Я к вашим услугам, голубушка…

Помню, как Ромм с улыбкой рассказывал нам о своей мимолетной встрече с Владимиром Маяковским. Оба они влюбились в рыжеволосую гимназистку, из-за которой чуть было не подрались. Спасибо рыжеволосой, она заранее предупредила, что оба они не в ее вкусе. Когда я спросил Ромма, как звали ту гимназистку, он так не вспомнил – «подвел склероз», однако, Маяковского он с тех пор считал трусом, а по его победной улыбке было ясно, что героем в этой истории был, конечно, он сам.

Поклон от футбольных звезд

В один из воскресных октябрьских дней 1977 г. команда чимкентского «Мелиоратора» принимала у себя на Центральном стадионе звезд большого футбола: Эдуарда Стрельцова, Галимзяна Хусаинова, Александра Пахомова, Геннадия Гусарова, Сергея Рыжкова, Анзора Кавазашвили… И я задолго до конца первого тайма пробрался к запасной площадке москвичей. Спросил начальника команды. Мужчи-

на невысокого роста в модной кожаной тужурке назвал свое имя: «Владимир. Владимир Поляков». Рассказываю Полякову, что здесь, в Чимкенте, на старом городском кладбище, покоится прах известного футболиста Михаила Ромма. Что было бы правильно, если бы его «звездные» ребята побывали на могиле… И слышу в ответ: «Как же, как же, оживился Поляков, правда, видеть Ромма не приходилось, а вот книги его про футбол читали. После матча поговорю с ребятами. И цветы у нас есть. И автобус, так что ждите!»

И я ждал… А в голове все стучало: только бы не отказали… Не отказали…

Как сейчас вижу застенчиво робкого и пополневшего «футбольного патриарха» Э. Стрельцова, обаятельного красавца-вратаря А. Кавазашвили, маленького и стремительного книжного эрудита Г. Хусаинова, темпераментного и грозного Г. Гусарова, всегда подтянутого и волевого А. Пахомова, веселого и быстрого В. Капличного, блестящего нападающего В. Иванова… Вижу и себя по-мальчишески счастливым и радостным: ведь я сижу в одном автобусе с прославленными мастерами большого футбола…

По дороге к кладбищу рассказываю, как и почему Ромм оказался далеко от Москвы, как жил и грустил по стадиону, по любимому футболу… Что был он ярким, что от него исходили тонкий интеллигентный юмор, сопровождаемый лукавой улыбкой и при этом совершенно серьезным выражением лица! Что от общения с ним ты становился красивее, духовно богаче, и что это чувство входило в твою жизнь, как само собой разумеющееся, как дыхание, как желание тоже подарить кому-то ощущение радости и тепла. Что именно поэтому мы тянулись к нему, как дети, и всякий раз находили повод для встречи с ним…

Книгу «Я болею за «Спартак» я отдаю в руки легендарных футболистов и прошу их оставить на ней свой автограф. «Звезды» переглянулись, улыбнулись и стали расписываться на той самой странице, где рукой Ромма было написано: «Милому, вдохновенному, пламенному Максу от старого Ромма».

Потом мы сфотографировались на могиле Ромма, постояли у надгробия, притихшие, взволнованные. Ясный прозрачный день стоял над нами. И деревья, тронутые осенью, неслышно устилали землю золотой листвой…

Койфман М.З.

«Войну увидеть в детстве довелось…»[1*]

Когда я узнал, что Володя Краснер[2], мой друг из Алма-Аты, поэт, прозаик, журналист и переводчик с казахского на русский язык, собрался написать повесть «Дневник, который не был написан», я обрадовался. Кому-кому, а Володе было что рассказать «о первых днях войны, увиденных глазами мальчика, о полной горечи и утрат эвакуации Винницкого детского дома в далекий тыл». Пережившему «тень бессонницы, тоску на сердце, горечь раздумий, грусть воспоминаний, душу выматывающую сирену воздушной тревоги, бесконечный унизительный страх, постоянное, изо дня в день, сосущее чувство голода, неизбывное ожидание мира...»*

«...Сначала мы стояли, притихшие, у черной шляпы репродуктора, откуда доносилось: «...без объявления войны, в ночь на двадцать второе июня...». Было непонятно – как же так? Только вчера мы беззаботно разгуливали по большому детдомовскому Винницкому двору, ничего не боялись, а сегодня нам велят – строго-настрого – быть осторожными, закрывать одеялами окна, не выходить лишний раз на улицу, никуда не отлучаться... Помню, нас построили в несколько рядов и наш директор, Пимен Петрович, заговорил, прерывая дыхание чуть не на каждом слове, будто ему воздуха не хватало, о том, что беда пришла, большая беда – война!.. Казалось, он наотмашь ударил этим словом, коротким, страшным и в то же время каким-то протяжным, рыдающим...

И все же для нас, тогдашних детей, война была чем-то вроде захватывающей игры: нравилось нам разводить клейстер и, нарезав узкие полоски бумаги, крест-накрест наклеивать их на стекла; нравилось, как только наступит вечер, занавешивать одеялами окна, да так плотно, чтобы даже крохотный лучик не проникал на улицу; нравилось на ночь покидать комнаты и спать в зеленых шалашах в углу

[1*] [Электронный ресурс] Республиканский аналитический портал Новое поколение. Режим доступа: «ВОЙНУ УВИДЕТЬ В ДЕТСТВЕ ДОВЕЛОСЬ…» (np.kz) (дата обращения 07.06.2022).

[2*] В.Г. Краснер (1927–2015). В 1933 г. отец умер, в 1937 г. мать умерла, В.Г. Краснер отправлен в детский дом. Эвакуирован вместе с детским домом в Среднюю Азию. Окончил Пятигорский педагогический институт. Преподавал русский язык и литературу. Работал в Оренбургской областной газете корреспондентом, затем литературным сотрудником. Учился в Казахском государственном университете на факультете журналистики. Руководил в течение 15 лет в Алма-Атинском дворце пионеров литературным клубом «Ямб». С 2001 г. живет в Израиле. Автор книг и поэтических сборников.

просторного детдомовского двора – мы собирали в крупный желтый пучок головки подсолнуха: они были остроугольной крышей, а стебли – стенами шалаша; издали шалаш напоминал большой желтый букет, перехваченный зеленым травяным жгутом у самой макушки. Нравилось нам выкладывать слова из камешков или кусков битого кирпича: «Враг будет разбит! Победа будет за нами!».

Для нас все это было тогда игрой – и ничем иным и не могло быть, но лишь до той поры, пока война не обожгла каждого из нас, не отняла часы радости, не стала поднимать на рассвете, заставляя вздрагивать от звона вылетающих стекол, вскакивать по ночам от жалобного, плачущего воя сирены....

«Совсем близко, – продолжал вспоминать Володя, – мы впервые увидели ее однажды днем, когда из-за солнца показались сначала три, за ними – еще три, а потом – еще девять черных крестиков. Приближаясь, они вырастали на глазах, превращались в самолеты. Вот они круто развернулись, стали опускаться все ниже, а мы, словно в землю вросли, стояли и смотрели в небо и машинально, повторяя: один... два... три... Вдруг бабахнуло – и сильно задрожали стекла. Только тогда бросились мы в свои шалаши (будто они спасут нас!) и, боясь взглянуть, пролежали не помню сколько... Было страшно. И все же любопытство порой одерживало верх над страхом, и тогда мы отправились на станцию (это ее бомбили) за осколками... Как же я гордился, когда у меня оттопыривались карманы, и я чувствовал себя богачом, свысока поглядывая на тех, кто так и не отважился добыть себе «трофей». Тогда слова «осколок» и «смерть» не были для нас равнозначными»...

«Осколками набитые карманы...
Тянуло нас к разбомбленным домам.
Мы шли на всевозможные обманы,
Но отлучаться запрещали нам.
Такие же, как все на свете дети...
Нас так и подмывало рискануть!
Проскальзывали в двери на рассвете,
В лицо войны хотелось нам взглянуть.
Гордились мы «трофеями» своими,
Сбирая их в разбомбленных домах.
Тогда мы были глупыми такими,
Не ведали, что держим смерть в руках».

А война уже стояла у самого порога города, вот-вот – и она перешагнет его. Где-то близко шли бои, совершенно ясно и отчетливо слышалась гулкая пальба, и небо, словно в хлопьях снега, белело парашютами...».

«...Словно спички в коробок, торопливо затолкали нас в вагоны, задвинули двери. Состав качнуло раз, другой, значит, поехали. Случайно я глянул в щель и заметил, как на ходу вскочили на подножку работники станции. И тогда я окончательно поверил, что город сдан. И заплакал...».

Вспомнилось: когда мы покидали детский дом, нас пустили в склад, и каждый брал, что хотел – книги, тетради, карандаши, белье, обувь. Нам велели одеть по две рубашки, а мы кинулись к тетрадкам да карандашам, запихивая их за пазуху, заталкивая в карманы, радуясь тому, что их так много и можно брать сколько хочется! В тот июньский зной мы напялили на себя рубашки, костюмы, натягивали галоши на ботинки: мы знали, что покидаем детский дом надолго, может быть, навсегда, и жаль было оставлять ни разу не надеванное, совсем новенькое...». [Детей погрузили в товарные вагоны, и поезд тронулся в Узбекистан. По дороге попали под бомбежку, но чудом остались живы. Месяц поезд плелся до Ферганы. На долгие четыре года гостеприимный Узбекистан стал его вторым домом. Здесь он впервые попробовал плов, узнал вкус граната, алычи, абрикосов. С пацанами бродил по рынку, и радушные узбеки позволяли им пробовать фрукты]… Фергана у отца всю жизнь ассоциировалась с миром, радушными узбеками, с хлопковыми коробочками, с теплом, фруктами и знаменитой танцовщицей Тамарой Ханум, которая приезжала с концертом к ним в Детский дом [1].

Я не случайно привел столько выдержек из детской повести Владимира Краснера «Дневник, который не был написан».[1*] Редко когда встретишь такое описание начала войны глазами мальчика, доводящее до боли и слез...

Володя был родом из Тульчина, небольшого украинского городка, утопающего в зелени. С малых лет он ужасно не любил драчунов и держался от них в стороне. Когда же пацаны спрашивали: «Ты кто?» – он уверенно отвечал: «Еврей!» И тут же в ход шли ухмылочки, пинки и кулаки.

[1*] Дневник, который не был написан: Повесть: [Для мл. шк. возраста] / Владимир Краснер. – Алма-Ата: Жалын, 1982. – 103 с.

«Был меньше всех,
Я был худее всех;
Когда мы становились по ранжиру,
Был неуклюж
И еле слышным «Я».
На зов на перекличке
Откликался.
Я сам безмерно
Презирал себя,
Я сам себя
За это ненавидел...
Хотел я быть уверенным в себе,
Я по утрам
Решил зарядку делать,
Я прогонял отчаянно
Тщедушность
И все же долго
Прежним оставался...
Я второсортным
Чувствовал себя,
Я был тогда
Заброшенным,
Забитым,
Я чувствовал себя
Щенком бездомным,
Которого любой обидеть может,
И плакал от бессилия
Ночами...».

Володя знал, что со временем ему все же придется пускать в ход кулаки, и он серьезно занялся спортом. Он бегал, прыгал, подтягивался на турнике, отжимался от земли. И радовался, когда почувствовал, что может защитить себя от какого-нибудь драчуна и хулигана...

В семье бедного кузнеца Герша Краснера росло пятеро детей – Володя и четыре сестры: Соня, Женя, Сара и Роза. Герш очень страдал, что не может досыта накормить своих детей. Когда же он слышал: «Герш, ты беден и нищ, зачем тебе столько детей?», отвечал: «А что, если завтра жизнь станет лучше и богаче?» С годами Герш настолько ослабел, что однажды, не дойдя до своей калитки какую-то пару шагов, упал, только подняться он уже не мог... Белла, так звали

маму этой голодной детворы, наводила порядок в доме, стирала... Возилась на кухне, где буквально из ничего могла приготовить похлебку, картошку в мундире, кашу, сварить компот... Когда отца не стало, Володе не было и шести лет. А тремя годами позже ушла из жизни и мама. Но перед тем как это случилось, она успела увезти Володю с младшей сестрой Розой в Винницкий детский дом, опасаясь, что пятерых ей не поднять...

У казахов бытует поговорка «У каждого человека есть своя высота». Была эта высота и у Володи, и у его сестер. Володя стал замечательным детским поэтом, писателем и переводчиком. Соня преподавала в школе биологию и географию. Женя, тяготевшая больше к математике, работала бухгалтером, Роза – медсестрой, а Сара, как и Соня, учительствовала в сельской школе, где вела уроки русского языка и литературы. Из сестер Володе почему-то больше запомнилась Сара.

«Я знал, писал Володя в своем «Дневнике...», Сара давно бы забрала меня к себе, если б могла... Иногда я бывал у нее и видел: крохотная комнатка, в ней едва умещались стол, табуретка, кровать, этажерка с книгами»...

Мне не раз приходилось видеть, как Володя мучился, когда он не мог вспомнить, как выглядел его отец. Хотя старшие сестры уверяли, что он весь в отца: такой же солнечный, добрый и тихий. Знал я, как Володя много раз брался написать стихи про отца: писал, черкал, швырял исписанные листочки в корзину, кроме одной сиротливой строчки «Отец, не знаю твоего лица». С этой строчкой Володя ходил как с тенью, пока однажды в нем не заговорило:

«Отец, не знаю твоего лица.
Мне сестры говорят, что я – в отца.
Нет фотографий. Только утешение,
Что я, твой сын, твое изображение...
Отец и мать, вы наших два ствола.
Давно вас нет, но ваша ветвь цела.
Твои, отец, и ныне помню стоны...
Я уцелел – росток, побег зеленый,
Теперь блуждаю в лабиринте лет
И сочиняю твой, отец, портрет...».

Как только Володя почувствовал, что стихи удались, он не удержался и позвонил мне в Чимкент, где я тогда жил и работал. Слушая эти стихи, я едва не закричал: «Володя, какой же ты молодец!»

Как-то мы с ним зашли в редакцию газеты «Дружные ребята». Когда же он выложил на стол не то шесть, не то восемь коротеньких детских стихотворений, ему сказали, чтобы он уменьшил их число. Но Володя признался: «Не могу, они же все из одного гнезда. Если сможете, сделайте это сами». Но какова же была радость Володи, когда все его стихи оказались напечатанными в газете «Дружные ребята». И если раньше он еще сомневался, станет поэтом или нет, то тут он по-настоящему поверил в себя... Не было конца его радости, когда при Алма-Атинском дворце пионеров и школьников ему доверили организовать литературный клуб «Ямб» для детей, которые буквально дышали поэзией, прозой и журналистикой. Стоило ему разглядеть в ребятах какую-то изюминку, он, как мальчишка, восхищался и радовался вместе с ними. Они увлекали его, удивляли, а если что-то и хромало, он очень осторожно подмечал, что здесь коряво, что тут надо подумать или уступить место другому слову, где ему бы легче дышалось и лучше жилось...

Помню, с каким нетерпением Володя ждал выхода в свет первой своей книги «Новоселье». Я знал те стихи. Я читал их детям перед утренним обходом. Меня поначалу не понимали, ругали, говорили, что палата – не эстрадная площадка, что здесь больных лечат... Но, я все равно читал. Хотя стихи занимали меньше 5–6 минут, но зато, какую радость они доставляли детям. Они охотно давали себя послушать, веселее справлялись с кашей и бутербродами, салатом и, конечно, чувствовали себя лучше... Читать детям стихи – для меня был праздник. После пяти-семиминутного концерта они охотно давали себя посмотреть, легко расправлялись с таблетками, завтраком и ждали, когда я опять загляну к ним в палату со стихами... Всякий раз, бывая в гостях у Володи, меня восхищала та теплота, которая царила в их доме, утопавшем в книгах. Зина, жена Володи, поражала своей скромностью, улыбкой и добротой.

После окончания Пятигорского педагогического института Володю Краснера направили на работу в Мордовию, в сельскую школу учителем русского языка и литературы. Там он увидел Зину (она была завучем и учителем математики) и почувствовал, что сама судьба подарила ему эту красивую и умную женщину. Так случилось, что Володя и Зина оставили Алма-Ату, прожив в ней не одно десятилетие.

Приехали они в Израиль, чтобы помочь своей дочери Гале растить трех ее сыновей – Славу, Володю и Даниэля. Обосновавшись в Израиле, в г. Ашдоде, Володя не сник, не пал духом. Посещая литератур-

ную гостиную «Парус», он продолжал писать стихи, полные любви к детям, природе и ненависти к войне...

«Ребенка вижу – мне тревожно.
Ребенка вижу – в сердце грусть.
Я пройду – и осторожно
Пушка волос его коснусь...
Спокойно в небе солнце светит,
Едва колышется листва.
Наверное, на всей планете
Нет беззащитней существа».

Как-то в семье Краснеров отмечали день рождения Володи. Говорили старшие, средние, младшие. Все желали мэтру семьи «неизлечимого здоровья» и желания писать не уставая. Но тут слово взяла Галя: «Папа, все на свете проходит свой путь. Есть у вещей своя жизнь сродни человеческой жизни. Они тоже рождаются, входят в пору, а затем стареют, ветшают и превращаются или в старье, или в антиквариат. Ты же наш «антиквариат» в лучшем смысле этого слова. Становиться с возрастом более мудрым, щедрым, взвешенным. Избавиться от бушующих страстей, но сохранить любовь к жизни и душу ребенка, быть любопытным к миру, радоваться каждому дню. Стать не брюзгой, а философом!».

...Невольно всплывает мысль: кто-то покидает жизнь раньше, кто-то позже. Но это всегда больно, непоправимо, и лишь только память хранит имена ушедших... Хранят эту память и давно уже повзрослевшие дети, когда-то читавшие стихи поэта и прозаика Владимира Краснера. А теперь и их дети, и внуки, которые знакомятся с теми стихами из книг «В тридевятом государстве», «Лужайка», «Странички книги ненаписанной», «Капризное солнышко», «Кино на стене», «Сколько весит первый класс», «Мама, мама, солнышко!».[1*]

1. [Электронный ресурс] Краснер А. Мой каддиш ятом. Режим доступа: Новая Газета Казахстан - Отец (novgaz.com) (дата обращения 07.06.2022).

[1*] В тридевятом государстве. [Стихи и сказки. Для детей. Илл.: Б. Калистратов]. – Алма-Ата: Жазушы, 1969. – 54 с. Лужайка: Стихи: [Для дошк. возраста]; [Рисовал А. Островский].– Алма-Ата: Жалын, 1978. – 8 с. Страничка книги ненаписанной... [Стихи: Для сред. шк. возраста]. [Худож. Рокамболь С.]. – Алма-Ата: Жалын, 1982. – 51 с Капризное солнышко. Стихи, сказки, считалки, скороговорки. [Худож. Т. Удыма]. – Алма-Ата: Жазушы, 1972. – 71 с. Сколько весит первый класс?: [Стихи: Для дошкольного и мл. школьного возраста] – Алма-Ата: Жалын, 1976. – 55 с.

Проскурин В.Н.

Юным оком помнит город ненароком…

памяти Доры Штурман (1923–2012), политолога и публициста

...Внушителен литературный багаж Доры Моисеевны! Из-под её пера вышла чёртова дюжина книг, написанных совместно с мужем Сергеем Тиктиным. Ею опубликовано более 300 научно-популярных статей. В Израиле Штурман-Тиктины подготовили к печати широко известные за рубежом и переведённые на многие языки мира произведения: «Земля за холмом», «Городу и миру», «Моя школа», «Мёртвые хватают живых», «Исследования новейшей российской истории» [1] и многое другое под общей редакцией А.И. Солженицына, названное книгами-раздумьями о физиономии СССР в зеркале политического анекдота.

Десять лет назад Штурман была названа Международным биографическим центром в Кембридже в числе самых популярных женщин мира и была внесена в Ассоциацию женской интеллектуальной элиты. Она многократно представлена на страницах известных справочников «Кто есть кто?». Благодаря усилиям Центра по изучению восточноевропейского еврейства при Иерусалимском университете, где супруги Штурман-Тиктины тогда работали: она – педагогом, он – фольклористом, удалось вернуть из недр казахстанской госбезопасности личный архив Доры Моисеевны за 1939–1944 гг. И в 1994 г. читатели «Нового мира» познакомились с «фрагментами идеологической биографии» Д.М. Штурман, ею же озаглавленными «Дети утопии» [2].

Фрагменты автобиографии Доры Штурман возвращают советского читателя в провинциальный городок Алма-Ату, объявленный в годы войны всесоюзным тылом. Город наполнился тысячами беженцев из прифронтовой полосы. Среди них было немало деятелей литературы и искусства, о которых упоминается в дневниках Штурман: профессор художественного училища А.М. Черкасский, литературовед Н.Е. Берковский, жена декана факультета Э.П. Гомберг. В университете работали известные советские учёные А.В. Думанский и В.А. Догель. При Союзе писателей Казахстана, усилиями деятелей антифашистского комитета, тоже эвакуированного в Алма-Ату, была создана еврейская секция. Эвакуированное еврейство прибивалось к Большой станице, традиционно освоенной евреями ещё с основания города.

Только с эвакуацией в Алма-Ату научно-исследовательских и учебных институтов, промышленных производств, театральных коллективов и многого другого, что осталось и по настоящее время, в жизни провинциального городка начинают колоситься ростки столицы Советского Казахстана.

Мне не привелось быть знакомым Доры Штурман: хоть и жили в Алма-Ате, но в совершенно разное время. Однако мы оказались связанными нитями судьбы алма-атинского окружения. Мне довелось проводить время в беседах с её родственником, художником Абрамом Черкасским и профессором Александром Жовтисом, который вызволил из плена и переслал владелице студенческий дневник, бродить по улицам города, который однажды благосклонно принял в эвакуацию харьковскую семью Шток-Штурман и безжалостно её разъединил летом 1944 г. Студентку Казахского университета Дору Штурман посадили в тюрьму за исследование, которое называлось «Пастернак, Маяковский, Багрицкий и Октябрьская революция».

В 1944 г. её арестовывают и признают виновной в «участии в подпольной антисоветской группировке, занятой контрреволюционной подрывной деятельностью» за статьи о Пастернаке и Маяковском. Дора с двумя студентами, её друзьями (Марк Черкасский и Валентин Рабинович), осуждены на 5 лет заключения по статье 58, 10-11 (групповая антисоветская агитация). Она проводит в лагере 4,5 года, а затем её освобождают по амнистии матерей с грудными детьми. Как оказалось позже, амнистия не касалась политзаключённых, о чём сообщили через несколько дней, но начальник лагеря воспользовался ошибкой в полученном приказе и поспешил освободить Д.М. Штурман с грудной дочерью в самый короткий срок, за что она была благодарна ему всю жизнь [3].

Удивительно, что и меня, автора этих строк, в свое время преследовали за совершенно литературные темы. Вспоминаю школьное сочинение по Даниилу Гранину «Иду на грозу», выбранное как «свободная тема», после чего мне занизили все оценки в аттестате зрелости. Это было уже в хрущёвские времена. А при правлении Геннадия Колбина мои краеведческие исследования по теме «Зощенко в Алма-Ате» чем-то не приглянулись его дочери, тогда аспирантке КазПИ. И я вновь ощутил грозное дыхание власти. Но в тот сложный момент жизни меня поддержали коллеги, профессора кафедры литературы Лия Бельская и Александр Жовтис. Так я стал «безработным героем» одного из «Политических анекдотов», изданных А.Л. Жовтисом в Москве.

Александр Лазаревич уже тогда знал о моих публикациях, редких упоминаниях о Доре Штурман в её алма-атинский период. И однажды, когда в Алма-Ате было организовано энтузиастами общество «Адилет» («Справедливость»), после нашего очередного заседания, рассказал мне о найденном им в архиве КГБ деле Штурман. Сделано это было не случайно: Александр Лазаревич знал моё особое отношение к работе в архивах, ценил мои находки и надеялся «затянуть» в свой круг интересов. Перед тем я познакомил его с новыми документами и газетными статьями о Юрии Домбровском – теме, также ему близкой и дорогой. Между прочим, Юрий Осипович, покалеченный в лагере инвалид, после очередной отсидки жил по соседству с семьёй Штурман в Большой станице. Здесь он начал писать роман «Обезьяна приходит за своим черепом», который был отдан на рецензию профессору Н.Е. Берковскому. Наверняка, Юрий Осипович был в курсе университетской и семейной трагедии. Словом, архивная работа захлестнула, ещё были живы свидетели той поры, и в печати появились новые статьи о репрессированных властью людях.

Однажды мой друг детства Гарик Кроль прислал из своей выбранной Америки газетную статью в «Новом Русском слове» о Доре Штурман. Это была первая, я считаю, серьёзная работа по исследованию биографии израильского публициста и политолога. Затем лавиной пошли другие материалы в русскоязычной прессе об этой удивительно талантливой женщине, судьба которой так круто изменилась в то приснопамятное лето 1944 г. в Алма-Ате. Были и другие превратности жизненного пути Д.М. Штурман (она взяла себе литературным псевдонимом фамилию матери). В самиздате она публиковалась под именем В.Е. Богдан. Тогда вышла её первая нашумевшая книга «Наш новый мир», позже переизданная под названием «Экономика катастроф». А за крамольными изданиями шёл по пятам новый неизбежный арест, который бы она вряд ли выдержала. И Дора Моисеевна выбирает для себя другое Отечество. В Израиле к ней пришла литературная слава и обыкновенное человеческое счастье нормально жить, дышать, работать. Рядом, в эмиграции, любящие муж, дети и внук.

В Иерусалиме Штурман разбирает бумаги личного архива, нежданно-негаданно присланного ей из Казахстана. Первая стопка из 370 страничек архива прочитана, и вот само по себе рождается название нового автобиографического рассказа «Тетрадь на столе», где она пишет: «…В пятнадцать лет я получила первую премию на конкурсе в честь 20-летия комсомола за поэму о Щорсе, стихи об Испании, о дружбе и о Сталине. Я жила в Харькове, а конкурс был в Москве. С

11-12 лет я начала публиковаться. Это были в основном стихи. Но уже в восьмом или девятом классе мысль моя потекла по такому руслу, что стало опасно».

В 1941 г. с оккупированной фашистами Украины семья вдовы Розалии Моисеевны Штурман (ее муж покойный врач Моисеей Ефимович Шток) перебираются в тыловую Алма-Ату. Среди немногих вещей, взятых в дорогу, студентка-харьковчанка кладёт в саквояж дневник – спутник её совсем юной жизни, которому она доверяла самые сокровенные чувства. Это было роковым обстоятельством в деле Доры Штурман. Её арестовали ранним утром 14 июля 1944 г, по ул. Калинина, дом 101, где она ночевала у подруги Стеллы Корытной. Отсюда «воронок» отправился в Большую станицу, по домашнему адресу – улица Центральная, д. 17. Первый допрос в присутствии мамы проводил капитан В.Д. Михайлов. Она сама достала дневник, протянула его следователю и спросила: «Это из-за моих тетрадей, да?». За две недели до ареста она внесла в свой дневник стихи, которые не понравились то ли подруге-стукачу, то ли самим «безопасным органам»:

Если ЦИК работодатель,
А Политбюро издатель,
Если глух, как пень, читатель,
То храни меня, Создатель…

Или вот такие запретные мысли, замеченные следователем: «Так все-таки могли они что-нибудь сделать или нет? Кажется, Ленин хотел, но не мог, а Сталин может, но сволочь».

«Я вообще писала такие вещи, что теперь понимаю, – признается Дора Моисеевна, – почему моя мама, присутствовавшая на моём докладе на кафедре русской литературы Казахского университета в конце 1943 г., поднялась белая как стена и чуть не упала в обморок. И почему профессор Берковский уговаривал меня: «Вернитесь к литературоведению, откажитесь от экскурсов в историю, Вы не историк, а филолог». Подобное инакомыслие увело советскую девушку сначала в студенческие дискуссии, потом на тюремные и лагерные этапы. А позднее, в непаспортизированную украинскую глубинку, где «тяжёлая сельская жизнь, алкоголизм первого мужа, болезни ребёнка и свои».

В опубликованных воспоминаниях Д.М. Штурман описала пятилетнюю отсидку в степях Казахстана. В дневниках студентки следователь обнаружил массу фамилий из окружения Штурман. Многие из них были арестованы и приобщены к делу о раскрытии антисовет-

ской молодежной организации в Алма-Ате. Её подруга по лагерю Клара Перлис получила «вышку», замененную на 10 лет каторги за то, что написала письмо первому секретарю ЦК Компартии Казахстана т. Скворцову, описав безобразия, творимые во вверенной ему партийной епархии. Художник А.М. Черкасский пытался спасти сына и его друзей. Его кисти в те годы принадлежали портреты героев республики и её высокопоставленных начальников. К ним и обратился Абрам Маркович, раздарив нужным людям уникальную коллекцию живописи. Но «взятка» не возымела действия.

«Люди из органов наблюдали нас с удивлением, с сожалением и, мне кажется, с сочувствием, – вспоминала Дора Штурман. – Когда я получила свои архивы, то поняла, что мои мемуарные очерки – бледная имитация прошлого. Сейчас не могла бы заговорить тем языком, воссоздать те ощущения, понятия, тот совершенно дикий, изуродованный менталитет, который был присущ нам, старшеклассникам и первокурсникам в советском обществе».

1. Штурман Д. «Земля за холмом», – США, Анн-Арбор: Эрмитаж, 1983. –256 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: Штурман Дора «Земля за холмом», - Анн-Арбор, 1983 - Коллекция русского шанхайца (russianemigrant.ru) Штурман Д.М.Городу и миру: о публицистике Александра Солженицына. Париж; Нью-Йорк: Третья волна, 1988. [Электронный ресурс]. Режим доступа: Штурман Д.М. Городу и миру: о публицистике Александра Солженицына (solzhenitsyn.ru). Штурман Дора «Моя школа», – Лондон: Overseas Publications Interchange Ltd., 1990. [Электронный ресурс]. Режим доступа: Штурман Дора «Моя школа», - Лондон, 1990. - Коллекция русского шанхайца (russianemigrant.ru). Штурман Д «Мёртвые хватают живых. Читая Ленина, Бухарина и Троцкого», – Лондон: Overseas Publications Interchange Ltd., 1982. – 560 с. Штурман Дора «Мёртвые хватают живых», - Лондон, 1982. - Коллекция русского шанхайца (russianemigrant.ru) (дата обращения 13.06.2022).
2. [Электронный ресурс]. Режим доступа: Дети утопии – Журнальный зал (gorky.media) (дата обращения 13.06.2022).
3. [Электронный ресурс]. Режим доступа: Автор: Штурман Дора Моисеевна - Коллекция русского шанхайца (russianemigrant.ru) (дата обращения 13.06.2022).

Койфман М.З.

В пустыне красных песков: о казахстанском враче-паразитологе Д. Генисе

После окончания Свердловского мединститута Давида Гениса[1*] направили на работу в Кзыл-Ординскую обл. Где, спустя годы, он напишет двухтомник «Заметки врача», в котором поделится своими воспоминаниями о сорокалетней работе в Кызылкумах. Генис не раз был отмечен наградами за заслуги в лечении особо опасных инфекционных заболеваний. Но особое место у него занимает орден Дружбы народов. Область научных интересов Давида Ефимовича – медицинская паразитология, эпидемиология и диагностика паразитарных, природно-очаговых и тропических болезней.

Спасительное опоздание и шанс от немецкого аса

Когда война подошла к Харькову, вспоминал Давид Генис, мой коллега по многолетней работе в Кзыл-Орде, у горожан пропала всякая надежда, что красноармейцы удержат город. Непрерывно ревели сирены, стреляли зенитки, слышались взрывы от падающих бомб, рушились и светились в языках пламени дома... Когда же при очередной ночной бомбёжке Генисы бросились к пекарне, где располагалось бомбоубежище для жителей ближайших домов, то Давида среди них не было. Но он и не собирался бежать с ними: остался дома, взобрался на подоконник и стал разглядывать небо. В перекошенных лучах прожекторов и осветительных ракетах, повисшие на парашютах, немецкие лётчики рассматривали, куда бы вернее на город сбросить бомбы…

Не было Давида и тогда, когда его семья решила покинуть город. Родители просидели в слезах весь день, не зная, как им быть, что делать, где его искать. И только ближе к ночи Давид показался в дверях: бледный, голодный, уставший. Оказалось, что он вместе с сосед-

---

[1*] Генис Давид Ефимович 1931 г. р. – кандидат медицинских наук, врач-паразитолог высшей категории. С отличием окончил санитарно-гигиенический факультет СГМИ в 1955 г., по распределению уехал в Казахстан, где проработал до 1996 г. Награжден орденом Дружбы народов, медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945», знаками «Отличник здравоохранения СССР» и «Лауреат ВДНХ СССР», кавалер медали «К 100-летию академика К.И. Скрябина». Область научных интересов Давида Ефимовича – медицинская паразитология, эпидемиология и диагностика паразитарных, природно-очаговых и тропических болезней. Эмигрировал в Денвер, США. [Электронный ресурс]. Режим доступа: События (David_Genis) - Мемуарист (memuarist.com) (дата обращения 10.10.2022).

ским пареньком третьеклассником Юркой Кулешовым, растолкав по карманам сухари и конфеты-леденцы, махнули в ближайший лес, надеясь встретиться там с партизанами! Но, прошатавшись там до позднего вечера, так и не встретили их. Зато наткнулись на красноармейцев, которые и вернули их в город...

Позже Юрка всё-таки попал к партизанам. Когда он с мамой и старшей сестрой Любой, пятнадцати лет, направлялись в дальнее село, в надежде переждать там войну. По дороге они вместе с другими беженцами попали под град осколков от разрывающихся бомб. Юра и Люба вдруг закричали: мама лежала молча, не дыша… Потом какие-то мужчины увели Юрку с собой, к партизанам, а Любу оставили при школе радисток... Позже Давид узнает из письма Любы Кулешовой, прошагавшей радисткой дорогами войны, что в битвах с врагами погибли и Юра, и старший брат Виктор, и их отец. Когда же Давид отыщет в Харькове сохранившийся дом Кулешовых, он постоит возле калитки, но в дверь не постучит, и потом долго будет жалеть, что не осмелился зайти и поговорить с Любой…

На следующее утро семья Гениса с трудом забралась в товарняк, который уходил в сторону тыла. В пути он, то сбавлял скорость, то прибавлял её, то двигался черепашьими шагами. Вдруг паровоз издал тревожный гудок – он проезжал мимо изуродованных вагонов, рельсов и шпал… Это всё, что осталось от эшелона, на котором днём раньше Генисы, если бы Давид не сбежал в то утро в лес, должны были бы покинуть Харьков. А с другой стороны, задержись они там – лежать бы им вместе с расстрелянными евреями на окраине города в Дробицком Яру…

Вдруг из-за серых облаков показался самолёт с чёрными крестами и стал кружить над открытыми платформами с перепуганными женщинами, стариками, детьми. Но лётчик почему-то не стрелял. Может, пожалел? Испугался Всевышнего? Так или иначе – он подарил им шанс на жизнь.

Гостеприимная Кзыл-Орда

Где-то к концу октября 1941 г. их товарняк наконец-то добрался до Кзыл-Орды. Город хоть и выглядел серым, унылым, но зато здесь ничего не стреляло, не плакало, не кричало. Не было слышно ни рёва сирен, ни пугающего гула самолётов с крестами. Прохожие при встрече с беженцами кланялись им, желали удачи, покоя, протягивали, кто лепёшку, кто вилок капусты, кто картошины, кто горсточку

крупы или соли… А одна пожилая казахская семья, что жила за школой им. Ленина, уступила Генисам комнату с низким потолком в глинобитной кибитке, обнесённой толстостенным саманным забором...

Прошли годы, а Давиду, как сейчас, видится и та серая кибитка, и утренний двор, политый арычной водой. И камышовый навес, под которым хозяева угощали их, когда шурпой, когда кислым молоком, когда чаем с пахучей травяной заваркой…

Мирра Евсеевна, мама Давида, была из Хмельника. В своё время она окончила Одесскую женскую семиклассную гимназию. Знала идиш. Хорошо говорила по-русски, по-украински. Читала романы Достоевского, Толстого, Шолом-Алейхема, рассказы Чехова и Бабеля...

Хаим Иосифович, отец Давида, был из Казатина. Но жизнь в семье его родителей сложилась так, что ему было не до учёбы. После четырёхлетней еврейской школы он подался на завод… Но уже с первых дней войны он объявился в военкомате и попросился на фронт. Его поблагодарили, но отказали из-за возраста: ему тогда не хватило каких-то чуть-чуть до пятидесяти лет...

Когда Хаим Иосифович предложил Мирре Евсеевне стать его женой, он почему-то думал, что она и слушать его не станет. Уже хотя бы потому, что она была из образованных, не то, что он, недоучка. Но Мирра Евсеевна разглядела в нём доброго и надёжного человека...

В свободное от работы время, когда мы собирались за праздничным столом, Давид обычно брал на себя роль тамады. Забавный, смешной, он буквально опьянял нас своими шутками, репликами или поговорками. Но перед тем как дать кому-то слово, он обычно начинал с вопроса и сам же на него отвечал: «Если «бык до смерти растёт», то человек, пока ему не надоест». «Говорят, что «лиса не выбирает места для ночлега», а человек, куда его потянет». Известно, что «ветер бурю кличет, а туча – дождь зазывает»… А про меня Давид однажды сказал: «Макс, конечно, лирик и фантазёр. Но в любом случае, это куда приятнее, чем фантазия без лирики. Когда же он стоит возле больного, перед нами совсем не фантазёр, а профессионал».

Особенно была в восторге от Давида его жена – Лена. Будучи в хорошем настроении, она то заливалась заразительным смехом, то кружилась в танце, то пела. А Давид при случае заявлял, что лучше Лениной улыбки он ещё ни у одной женщины не видел. Её улыбка была перед его глазами, даже тогда, когда он долгими часами просиживал за микроскопом, или бродил по песчаной пустыне в поисках

носителей опасной заразы. Других женщин Давид просто не замечал, хотя желающих познакомиться с ним, насколько я помню, было немало. Ему бы медаль «За верность жене».

Лена была родом из Орла. Война застала её в Житомире. Фёдор Григорьевич Кузнецов, отец Лены, был из кадровых военных, участвовал в польской и финской войнах, а затем продолжал служить в Красной армии. Когда Лена с мамой навестила отца, в пригороде Путятино, где он проводил осмотр машин в автопарке перед тем, как отправить их на фронт, неожиданно налетели немецкие самолёты. Лена и мама притаились в каком-то погребе, а отец вместе с водителями бросился спасать машины. Потом он затолкал их в машину и – в Житомир. Но там уже не было ни советской власти, ни военкомата, ни красноармейцев. Тогда, прихватив с собой семью водителя, они направились по дороге в Киев. Только проскочили мост, как попавшая в него бомба разорвала его на куски. Из Киева отец с водителем ушли на фронт, откуда они потом так и не вернулись.

В Киеве Лена с мамой с трудом пробились на пароход, а потом на открытой платформе добрались до станции Брюховецкая, откуда подались в какое-то село. Когда же и туда подошла война, они направились – в Азербайджан, в г. Сальяны.

После войны Лена с мамой вернулись в Житомир, где она, окончила среднюю школу. Потом приехала в Кзыл-Орду и поступила в пединститут. Работала в школе, вела уроки математики и физики. Но из-за болезни горла оставила школу, и больше четверти века проработала инженером на местной обувной фабрике. В Кзыл-Орде Лена поддерживала домашний очаг, присматривала за двумя дочками, учила играть их на пианино.

Вот только Давида она видела редко: то он был в очередной командировке, то в песчаной пустыне, где выискивал животных – носителей опасных болезней. То допоздна задерживался в больнице, то в лаборатории, то долгими ночами корпел над научными статьями. А тут ещё его увлекла диссертация… Писал он её на кухне, поскольку большая комната была салоном и спальней.

Куда только Давид не обращался за квартирой, даже дошёл до председателя областного исполкома. Объяснил ему, что неделями «бродяжничает» по пустыне, разыскивая животных, носителей опасных инфекций. Назвал он и другие свои заслуги: к примеру, написанный им учебник по паразитологии для медицинских училищ страны.

И что вы думаете? Подействовало: семье Гениса выделили четырёхкомнатную квартиру.

«Крашенный дом» – мазар

Работая одно время в Кзыл-Орде главным педиатром области, я, как и Давид Генис, тоже колесил по зыбким дорогам песчаной пустыни Кызылкум, куда обычно выезжал с районными врачами в аулы, на отгонные пастбища, для осмотра чабанов и их семей. Нас встречала весёлыми возгласами, бегущая за машиной детвора, с криками: «Біздің дәрігер осында! Біздің дәрігер осында!» («Наш доктор приехал!» Наш доктор приехал!»). Как светились глаза у ребят, когда мы угощали их леденцами из разноцветных коробочек. Не меньше радовались и мы, когда нам подавали казахский бешбармак, приготовленный в нашу честь...

Как-то возвращаясь из дальнего аула Терень-Узякского р-на, я вдруг заметил в каких-то 50–60 шагах от дороги сиротливый мазар из жжёного кирпича, с открытым входом и куполом. Это был Сырлытам, что в переводе с казахского означает «крашеный дом». Я попросил водителя скорой остановиться.

– Хочу мазар навестить. Я столько читал о них, но ещё ни разу не был у них в гостях.

– Только будьте осторожны, доктор, – предупредил меня водитель, – что-то сегодня много песка намело, как бы не нарваться на спящего под ним хищника».

И я, тяжело переставляя ноги, шёл к мазару, пугливо оглядываясь по сторонам. Но чем меньше шагов оставалось до того мазара, тем больше меня не покидала мысль: «Если следы мои потом ветер заметёт, то кто защитит меня от укуса змеи, скорпиона или шакала?!» Стою на полпути к Сырлытаму, не зная, повернуть к машине или идти дальше. Но всё-таки двинулся к мазару, чтобы водитель скорой не подумал, что я струсил…

Над входом в глаза бросилась надпись, откуда по цифрам нетрудно было догадаться, что этот памятник удивляет здешних путников с XIII в. Надмогильная горка покрыта песком. Но больше всего мне хотелось узнать, кого оберегали эти гладкие, как стекло, стены с редкими следами чудом сохранившейся мозаики. Покидая тогда этот древний мавзолей, я поддался мальчишескому чувству храбрости, оставив на стене химическим карандашом своё имя, число и год. Зачем я это сделал? Может быть, потому, что понимал, вряд ли я ещё раз сюда

попаду... Позже почувствовал, что зря нарушил тишину семи столетий мазара. Кто-кто, а казахи меня бы точно не похвали за мою излишнюю дерзость.

Как только Генис узнал, о моих «прогулках» по песчаной пустыне, он, расплывшись в улыбке, пошутил: «Будет, что вспомнить, когда станешь таким же древним, как тот мазар».

Грозная Сыр-Дарья

В Кзыл-Орде нашим любимым местом с Давидом была некогда могучая всё ещё полноводная река Сыр-Дарья. Здесь легче дышалось, лучше думалось, отлично отдыхалось. Но эта река не всегда была мирной и тихой. Случалось, что она с шумом и грохотом проносилась по своему руслу, не раз пугая горожан. Правда, при мне, когда я работал в Кзыл-Орде, река вела себя относительно спокойно. А вот Давиду Генису доводилось видеть её, когда она грозила смыть город с лица земли...

Сейчас редко, кто помнит 1948 г., когда жизнь города оказалась в руках не на шутку разбушевавшейся Сыр-Дарьи. Об этом мало писали тогда, но Давид, работая над своими «Заметками врача», осмелился рассказать о том, как горожане «лицом к лицу» сражались с бушующей рекой лопатами, кирками и мотыгами.

«Срочно начали возводить защитную земляную дамбу. Если бы вода прорвалась в город, который, в основном, состоял из домов, сложенных тогда из сырцового кирпича, многим жителям пришлось бы вспомнить свои древнейшие «дарвиновские корни» и спасаться на деревьях. Город можно было бы спасти, взорвав железнодорожную насыпь Ташкент – Москва. Но, взорвав ее, надолго отрезали бы Среднюю Азию от центра страны. Это сделать, конечно, никто не разрешил. Сказали, хотите жить, спасайте себя сами.

18 февраля мобилизовали учеников десятого и девятого классов нашей мужской школы. Сняли нас прямо с уроков и привезли к дамбе (по-казахски, к бугуту) в середине дня.

Здесь уже не первый день работали сотни людей из различных предприятий и учреждений города. Но вода прибывала. Никогда не забуду жуткую картину паники взрослых. Бугут был насыпан, наверно, высотой метра в 1,5–2. Вода стояла почти вровень с его вершиной. Вот-вот она уже могла пойти поверху. И кому-то показалось, что она уже начала сочиться.

Это был последний звонок. Время исчислялось одним-двумя часами. Все понимали, что значит, если вода пошла поверху: ее необозримая масса хлынет и моментально смоет всё и всех. И люди, бросив бугут, носилки, вёдра, лопаты, кетмени, побежали. Их были сотни. Они бежали молча, обгоняя друг друга, и это ещё больше добавляло страха.

В этот момент и привезли нас, примерно 50 мальчишек, с лопатами и кетменями. Молодость страха не знает. Нам сказали: надо спасать город, и мы тоже побежали, но... в сторону бугута, наперерез запаниковавшим взрослым. Помню, как кричали, бежавшие нам навстречу люди: «Назад! Назад! Вода бугут прорвала, спасайтесь!» Но мы не повернули. И кинулись к местам возможного прорыва, в темпе наращивая мешками с песком в этих местах дамбу...

Это был мальчишеский азарт – мы спасали город... И не заметили, что на бугуте появились взрослые, видимо их отрезвило, что мальчишки бегут туда, откуда они так трусливо сбегают. По всей линии вновь замелькали лопаты и кетмени, и остановили воду...

С 18 по 28 февраля 1948 г. мы ежедневно, с раннего утра и до позднего вечера, дежурили и работали на дамбе, всё время укрепляя и наращивая её. Но вода прибывала, и всё время искала, где бы ей прорваться.

Там я впервые увидел генерала. Приезжал командующий Туркестанским военным округом из Ташкента. Для нас его широкие генеральские красные лампасы – были нечто. Раньше такие мы видели только на картинке. Где-то, на ещё более опасных участках, работали солдаты-сапёры...

Нас там кормили. На день выдавали буханку хлеба и большую банку баклажанной или кабачковой икры на двоих. Один день – баклажанная. На другой – кабачковая. Тогда такая обильная еда была нам в радость. Из дома-то брать было нечего. Уплетали мы ту икру с «волчьим» аппетитом. Но с тех пор я ни баклажанную, ни кабачковую икру, даже в домашнем приготовлении, почти не ем.

Помню, каждый вечер мама спрашивала: «Ну как там? Можно вещи распаковывать?». Много дней я отвечал ей одно и то же: «Нет!». И только один раз нам дали возможность «отдохнуть». Вечером 23 февраля, в День Красной армии, мы пришли в школу. В гости пригласили девочек из женской школы им. XX-летия ВЛКСМ. Организовали праздничный «вечер». С танцами. Без всяких угощений. А наутро – нас снова звала песня композитора Марка Фрадкина на сло-

ва поэта Евгения Долматовского: «…Утро зовёт снова в поход». Десять дней отстояли мы честно на том бугуте. Опасность миновала – уровень воды начал постепенно спадать.

Теперь, когда жизнь раскидала нас по разным странам света: я – в Израиле, а Давид – в Америке, в Денвере, мы продолжаем писать книги, очерки, новеллы. Радуемся за наших детей, внуков, а теперь уже и – правнуков, живущих в этом не всегда понятном, порою досадном, но прекрасном мире...

Корнева В.Ю.

Джаз не наша музыка…

Первый в Петропавловске «Джоли–Джаз» был организован польскими евреями в послевоенные годы [1, с.166]. «В 1949/1950 г. я бегал в кинотеатр «Ударник» слушать джаз. Руководил джазовым коллективом «Поляк». Как его звали, и кто он был на самом деле, зрители не знали. Очень часто «Поляк» задерживался в дороге, по-видимому, он проживал не в городе. Музыканты никогда не начинали без него концертную программу. Мне было 12 лет, но я до сих пор помню его аристократическую выправку, тонкое длинное пальто и шляпу на лысеющей голове. Когда он входил все оживлялись, от него исходила какая-то необъяснимая харизматическая сила и притягательность. В 1951 г. его уже не было, концерты тоже прекратились», – вспоминал Валерий Иосифович Любушин.

Найти фамилии творческого коллектива «Джоли–Джаз» мне не удалось, но удалось найти руководителя художественной самодеятельности с. Явленка Северо-Казахстанской обл. Ленинского (ныне Есильского) р-на. Король Михаил Давыдович жил на спецпоселении в этом селе с 1949 по 1950 гг. [2] В августе 1944 г. он был арестован по делу Я. Гамарника, и приговорён к пяти годам исправительно-трудового лагеря. Отбывал свой срок в Сиблаге, затем был переведён в Карлаг. Жизнь Михаила Давыдовича в Явленке не была радужной. «Получал 180 руб. в месяц. Голодал. Снимал угол в комнатушке. Соквартирантом был спецпереселенец – поляк Синицкий» [3, с.99].

Удивительно то, что об этой легендарной личности не помнят жители села Явленка, никаких сведений о М.Д. Короле нет в районном музее и в воспоминаниях местных краеведов.

А вот бригадный комиссар, журналист, переводчик Оскара Уайльда и Бернарда Шоу, редактор журнала «Военный крокодил» и заведующий отделом издания «Красная Звезда», главный редактор художественного фильма «Чапаев», автор сценария художественного фильма «Два соперника», начальник военного отдела «Совкино», ответственный редактор газеты «Кино», военный разведчик, соратник Зорге и узник Карлага часто вспоминал своё пребывание в с. Явленка. Михаил Король, отработавший три года «нелегалом» в США, Канаде, Китае и Японии, чудом избежавший смертной казни в Польше, прошедший ИТЛ Антибеса, Майкудука и Спасска очень страшился вновь вернуться в Явленку после второго ареста. «Моя жизнь в Сиблаге материально, морально, в нравственном, правовом и бытовом отношений была в несколько раз лучше, чище и выше, чем в ссылке», – говорил Михаил Давыдович начальнику МГБ СКО полковнику Мар-ву [3, с.207, 210].

«В Явленке я был чужим. Ничто не могло связать с населением. Я им неприятен своим, как им казалось, превосходством. Партийцы невежественны и надуты, настоящие столбовые. Остальная публика живёт в грязи, скудности и очень довольна. Некоторые не хотят переехать в Петропавловск, покидать родное село. Я был бы счастлив, если бы удрал оттуда. Даже арест и лагерь не смущают» [3, с.99].

Зависть, интриги, провокации и доносы отдельных жителей привели к повторному аресту. Неприязнь у сельчан вызывало и то, что М. Король по второй фамилии значился как Альтер Брушенкевич. «Те, которые приписали мой псевдоним в качестве моей второй фамилии, отлично знали, что это – псевдоним, но сделали это для того, чтобы я всюду был подозрителен для окружающих. Король, он же Брушенкевич – человек с двумя фамилиями – жулик или того хуже» [3, с.103].

Впоследствии псевдоним, под которым Михаил Давыдович был заслан как советский разведчик на территорию Польши, ещё не раз будет «всплывать» в его биографии.

«Люди, которые призваны делать зло, делают такие вещи. Они грубеют и дичают. Да, чему удивляться! В Москве, в столице, где ЦК Партии и Правительство, заставили группу профессоров сознаться, что они – шпионы и убийцы, применяя к ним «несоветские методы». Я знаю, что кроется под этими скромными словами! Что же тогда говорить о Явленках, Покровках, Петропавловсках и др.? Стоит ли

удивляться, что там свои маленькие Берия, Абакумовы, Меркуловы? Эти люди не знали, что такое моральное и антиморальное, стыд и бесстыдство, хорошее и плохое. Всё, что они делали, оправдывали великой целью. А на самом деле потому, что это им это было выгодно [3, с.105].

На фоне ложных обвинений, показания директора сельского Дома культуры Тимофеева были настоящим подвигом. Тимофеев заявил, что «М.Д. Король не мог быть в столовой для специальной антисоветской беседы со своим соквартирантом». А также отметил, что М. Король всегда работал очень хорошо, а во время объезда с труппой по колхозам – ещё лучше. Тимофеев привёл справку, «что из двадцати отзывов колхозов о творческой труппе, имя М.Д. Короля стоит на первом месте, как лучшее из лучших». Честные показания директора ДК с. Явленка вызвали ярость и гнев прокурора Жи-ва.

Михаила Давыдовича осудили по обвинению в групповой антисоветской агитации по статье: 58-10, 58-11, на десять лет в спецлагере строгого режима. Уже после реабилитации, находясь в Москве, 14 декабря 1957 г. он напишет в своем дневнике: «14 декабря 1950 г. – дата в моей жизни. В этот день меня изувечили и довели до такого состояния, в котором я нахожусь. Грудная жаба и гипертония делают своё дело. Я не знал, но догадывался, что наступил второй тур сталинского мракобесия и безумия и, что я буду умерщвлён. Сцена суда подтвердила это. Палачи разыграли комедию суда».

После шести с половиной месяцев тюремного заключения, голода и холода в сырых камерах, М.Д. Король был перевезён в «столыпинском» вагоне в Караганду. Поезд пришёл ночью 11 декабря. При высадке заключенных встретил большой конвой с каким-то офицером. «Когда я с седой бородой и слабый спускался по лестнице, то услышал возглас с гортанным «Р»: товарищ Аббрам приехал! Я посмотрел на того, кто меня так приветствовал. Это был сержант конвоя. Я уже знал наш конвой. Меня уже били ногами и прикладами. Но такого антисемитизма я не ожидал. Меня избивали, как «врага народа», как «контрреволюционера», но как еврея ударили словом впервые. За всё время следования до Спасска меня ещё несколько раз именовали Аббрамом [3, с.107].

В этот раз Михаил Давыдович отбывал наказание в Песчаном лагере, отд. 9, г. Караганда, п/о Спасск, П/я 4Т9/9-«Е». Все это время он будет бережно хранить гильзу с песком и пеплом из Бабьего Яра. С

места, где фашисты казнили и сожгли более 40 тыс. евреев [4, с.41], среди которых были и родители Михаила Давыдовича [5, с.241]. Очередной болью в его сердце отозвалась амнистия 1955 г. «У нас столпотворение. Новая амнистия, неожиданная и своеобразная, смутила нас и начальство. Тех, кто воевали с оружием в руках против нас: полицейских, белых, шпионов освобождают, а не воевавших – держат. Эта амнистия, неожиданная и труднообъяснимая, всё же большая радость.

Но я не подхожу под неё: 1. Я не воевал против СССР. 2. В гитлеровских формированиях не был. 3. Не был шпионом», – писал М. Король своей супруге Агнессе 22 сентября 1955 г. [3, с.186].

Михаил Давыдович Король вернется в Москву19 января 1956 г. Его реабилитируют, восстановят в партии и в воинском звании бригадного комиссара, назначат персональную пенсию республиканского значения. Его последние годы жизни будут связаны с киностудией «Союзмультфильм». Он уйдёт из жизни 1 декабря 1959 г. По второму аресту его реабилитируют только в 1992 г.

Несмотря на то, что портрет «Поляка» описанный мне профессором Северо-Казахстанского государственного университета им. М. Козыбаева – Валерием Иосифовичем Любушиным имеет много сходства с М.Д. Королем, я не рискну утверждать, что именно он был организатором и руководителем творческого коллектива «Джоли–Джаз». Последней попыткой прояснить этот вопрос было моё обращение к бывшему главному идеологу Северо-Казахстанской обл. Н.А. Ив-й. Уважаемая мной дама очень внимательно посмотрела на меня, и ледяным голосом строго сказала: «Джаз не наша музыка»!

1. Виткин М.П. Евреи Северо-Казахстанской области. Фрагменты из истории. Изд.5-е. – Петропавловск 2010. – 596 с.
2. [Электронный ресурс]. Режим доступа: Король Михаил Давыдович ::: Воспоминания о ГУЛАГе :: База данных :: Авторы и тексты (sakharov-center.ru) (дата обращения 31.08.2022).
3. Король М. «Одиссея разведчика. Польша–США–Китай–ГУЛАГ».– М., 1999.– 252 с.
4. Александр Круглов: Трагедия Бабьего Яра в немецких документах. – Днепропетровск: Центр «Ткума»; ЧП «Лира ЛТД», 2011. – 140 с.
5. Могильницкий В.М. Великие узники Карлага: документальные очерки. – Караганда: Гласир, 2013.– 433 с.

Розенцвайг А.В.

Век криминалиста[1*]

Фронт в тылу

Отец родился на Украине 6 сентября 1919 г. С отличием окончил школу в 1938 г. и поступил на юридический факультет Киевского государственного университета. Через три года началась война, и два папиных брата, старший – Израиль и младший – Александр, погибли в самые первые её дни. А их отец, мой дед Евсей, был расстрелян оккупантами в Бабьем Яру в сентябре того же 1941 г. Ему не было и 50-ти…

Папа рвался на фронт. Но ему, как студенту выпускного курса, в этом было отказано. Его отправили доучиваться в Алма-Ату, в 1-й Государственный юридический институт НКЮ СССР. Туда же удалось перевезти и его маму, мою бабушку Тилю.

В мае 1942 г. отец был вынужден прервать учёбу, и поступил на службу в милицию. Здесь, в глубоком тылу, был свой фронт. С началом войны поднялась волна бандитизма, убийств, разбоев и краж. В общем, как в той песне: «Расцвела буйным цветом малина, разухабилась разная тварь»… Эта атмосфера очень достоверно передана в культовых сериалах «Место встречи изменить нельзя» с Владимиром Высоцким и «Ликвидация» с Владимиром Машковым. Кстати, Машков в роли начальника отдела по борьбе с бандитизмом Одесского уголовного розыска Давида Гоцмана порой очень напоминает мне отца, который, расследуя десятки сложнейших и запутанных уголовных дел, держал оборону в тылу. Недаром отец отмечен боевыми наградами – медалями «За боевые заслуги» и «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и др.

Папа рассказывал мне о некоторых делах, которые ему тогда приходилось распутывать.

Например, как в Петропавловске, Акмолинске и Кокчетаве действовала банда братьев Тимофеевых. В криминальном бизнесе участвовали все члены их семей – мать, их жены, дочери, дальние родственники. Возглавлял преступное сообщество дезертир из Красной армии Сергей. Активным участником банды был милиционер Кокчетавского горотдела милиции Воронов. В 1942–1943 гг. банда убила и ограбила 13 человек. Бандиты, зная о том, что в Казахстан из про-

[1*] [Электронный ресурс]. Режим доступа: Новая Газета Казахстан - Век Криминалиста (novgaz.com) (дата обращения 07.06.2022).

мышленных центров Урала приезжают жены рабочих, чтобы обменять различные вещи на продукты питания, выслеживали их на вокзале, предлагали подвезти в город на телеге, приглашали к себе переночевать, а затем убивали и грабили несчастных.

Папа принял дело от местного следователя, который доказал лишь четыре эпизода убийств. За 3 месяца кропотливой работы отец раскрыл ещё 9 убийств, разыскал и арестовал остальных участников банды.

За успешное расследование этого дела НКВД СССР наградил папу именными карманными часами «Омега», а его начальников – боевыми орденами…

Уже в 1950-х в Алма-Ате отец расследовал дело бандгруппы Журина, совершившей несколько убийств и грабежей. По этому делу он впервые разработал и провёл следственный эксперимент, чтобы проверить, объективны ли показания потерпевших при опознании подозреваемых. В результате было снято необоснованное подозрение с двоих молодых ребят, которых ошибочно опознали потерпевшие.

В те же годы отец раскрыл уголовное дело о крупном аферисте Е.М. Иванове, который, выдавая себя за героя Гражданской войны, сподвижника М.В. Фрунзе и О.И. Городовикова, по поддельным документам добился награждения орденом Красного Знамени. Мало того, Иванов, используя липовые дипломы, пробился на преподавательскую работу: вначале – в Семипалатинский, а затем – в Кузнецкий (Кемеровская обл.) пединституты. Там он не просто занимал должности заведующего кафедрой истории, но и стал деканом факультета.

Затем ему удалось войти в доверие к известнейшим в Казахстане прозаикам, обмануть их и даже стать членом Союза писателей Казахстана. За свои драматургические «сочинения» Иванов сумел получить несколько десятков тысяч рублей. Он умело воспользовался поверхностными решениями чиновников от искусства о выплате гонораров за литературные труды на военную тематику. Естественно, его «пьесы» не просто не были приняты к постановке ни одним из театров республики – рецензенты из Союза писателей признали их совершенно бездарными и никчёмными.

Судебная экспертиза, в которой участвовали видные учёные КазГУ, пришла к выводу о том, что уровень образования «драматурга» Иванова был не выше 4-го класса средней школы…

В 1951 г. отец возглавлял следственную часть и непосредственно участвовал в расследовании уголовного дела о массовых беспорядках

в Лениногорске [1]. Они были сопряжены с жестокими погромами, убийствами и разбоями. Были разграблены десятки домов ингушей и чеченцев, незаконно депортированных сталинским режимом в Казахстан. Погромщиками оказались в основном иногородние рецидивисты, завербованные для работы на стройках предприятий цветной металлургии. Суду тогда было предано около сотни бандитов.

Отыскать в доступных источниках публикаций об этом деле мне так и не удалось. О серьёзнейших проблемах в межнациональных отношениях власти предпочитали, да и сейчас предпочитают умалчивать.

Сейчас трудно себе представить, как мой отец, тогда совсем молодой парень, мог поднять такие криминальные пласты.

К слову, в университетские годы меня под своё крыло бескорыстно взял Казбек Келигов. Он был старше меня на шесть лет. Абсолютно самодостаточный. Крепкий, невысокий шатен с вьющимися короткими волосами и конопушками на лице. Великолепный спортсмен с обострённым чувством справедливости. Он картавил и как-то полушутя меня огорошил: «Шугик, ну почему я, ингуш, должен за вас, евгеев, дгаться?». Оказывается, в автобусе его обозвали жидом, ну, а он, как мужчина, обид не терпел... Ни от кого. И ни по какому поводу. Именно Казбек впервые раскрыл мне глаза на то, что было сотворено с вайнахами преступным сталинским режимом. Вот почему 23 февраля для меня – это не выдуманный идеологами армейский праздник, а день скорби.

Наш дом для Казбека стал и его домом…

Юридическое обучение отец продолжил уже в филиале Всесоюзного заочного юридического института в Алма-Ате, который успешно окончил в 1948 г. Он был реалистом и весьма критично относился к нелепостям жизни, но, несмотря ни на что, сохранял здоровый оптимизм.

Ко всему прочему, обладал искромётным юмором, причём, как правило, весьма беззлобным, хотя великолепно умел так едко высказаться, что ставил на место любого. Как-то, подтрунивая над своими учёными коллегами, заявил: «Профессор – это всего лишь выживший из ума доцент»…

Другое воспоминание. Мы всей семьёй в театре. И во время кульминации, в полной тишине, сидевшая за нами барышня шумно начала шелестеть станиолью, разворачивая шоколадку. Папа повернулся к ней вполоборота и, как ему казалось, тихо, а на самом деле на весь

зал прошипел: «Ну, таки уже кушайте с бумажкой!». Зал взорвался от смеха.

Дружбы крест

Я появился у папы достаточно поздно. Ему к тому времени сравнялось 35. С тех пор, как только я окончательно перестал ходить в штанишки, он всегда таскал меня с собой. На всякие мужские посиделки.

Умел дружить, был компанейским человеком. Наверное, именно поэтому многие его друзья одновременно стали и моими.

Дядя Яша Бельсон [2] – настоящий герой войны. Потеряв в бою обе ноги, он три дня полз к своим. Выжил вопреки всему! Приехал в Алма-Ату из Ленинграда, стал доктором юридических наук, профессором, зав. кафедрой. И даже возглавил автопробег Алма-Ата – Москва, управляя машиной на протезах [3].

Станислав Николаевич Савицкий, многие годы – бессменный заместитель декана юридического факультета КазГУ. Из полагающихся простому человеку конечностей у него после тяжелейшего ранения осталась лишь левая рука… Помню их с Бельсоном рассказ, как на автозаправке (дядя Яша – за рулём) какой-то одноногий инвалид на костылях стал на них орать, что ему положено без очереди заправляться, потому что он, дескать, за них кровь проливал, а они тут жируют и на «Победе» раскатывают! Оба моих дяди вышли (на протезах) из машины и популярно разъяснили скандалисту, кто он такой есть, и что у них на троих с ним – всего одна нога, и та его, и пять рук вместо шести положенных. Но своими тремя они ему всё-таки навешали. И жалобы не последовало.

Был ещё достойно воевавший дядя Марк Медведев. Доцент политехнического института. Его жена, фронтовичка тётя Вера, рассекала на машине, а по тем временам женщина за рулём была большой редкостью. Это не нынешние барышни с кокетливым значком в виде туфельки на заднем стекле. В магазинной очереди какой-то мужичок начал ей хамить, за что получил от тёти Веры кулаком между глаз. После этого она умчалась, а когда милиция объявила план «Перехват» (мужичок-то при падении сильно повредился), папе пришлось вмешаться…

Отдельно – про дядю Шакена Мажитова, первого казаха – учёного криминалиста. Ему довелось воевать в составе Войска Польского [4], которое сформировано, если кто не знает, в Казахстане. О его орден-

ском иконостасе – отдельная тема. Скажу только, что этот дядя Шакен, помимо казахского и русского, весьма неплохо овладел идиш – языком рабства, как его называют евреи. Обучался непосредственно на передовой, у многочисленных его носителей… И хохмил сразу на трёх языках.

Думаю, что всё-таки самым близким отцовским другом был дядя Юра, Юрий Григорьевич Басин [5], выдающийся юрист международного уровня.

Мне было лет 14, когда папа стал счастливым обладателем новых, очень модных, необычных и, естественно, дефицитных часов «Вымпел», тончайших, по сравнению с теми, которые все носили. Как-то отец с дядей Юрой крепко приняли на грудь, и я, воспользовавшись благоприятной ситуацией, попросил его подарить их мне. Ответ был неожиданным: «Возьми, сынок». Дабы не упустить счастливый момент папиной щедрости, я вдобавок попросил ещё и 5 рублей. Папа помахал перед моим носом указательным пальцем и ответил: «Не опошляй!».

А Юрий Григорьевич как-то одной фразой обрисовал наши отношения: «Шурка (то есть я) – это сын моего лучшего друга и лучший друг моего сына». Вот мы с Володькой, уже во втором поколении, почти шестьдесят лет несём крест этой фамильной дружбы!

Папе было интересно дружить и с теми, кто был много младше. К сожалению, и из них почти никого не осталось. Зато здравствует полковник Александр Яковлевич (для близких – Шура) Гинзбург [6]!

Папа абсолютно был лишён амбиций типа «дядька» – «агашка». Был со всеми одинаково прост, так сказать, на одной волне, но без амикошонства. С удовольствием сиживал за столом не только с полковниками-генералами, доцентами-профессорами, но и с сержантами и даже с любимыми студентами. Он одинаково дорожил своей дружбой и с простыми людьми: портными, шоферами, сапожниками.

О «пользе и вреде» алкоголя

Папа любил шумные застолья, на которых при настроении равных ему не было.

Помню, мне было лет шесть. Летом дядя Яша снимал дачку на Малой Алма-Атинке. И там затевался какой-то серьёзный сабантуй. В речку, для достижения должной степени охлаждения, был погружен ящик водки. Уже зная, что водка – яд, я доставал по бутылке и разбивал каждую о камень. За этим занятием и был застигнут, но заслужен-

ного наказания не понёс. Папа тогда обратился ко мне совершенно по-взрослому, дескать, «не ты это покупал, не тебе разбивать, ну, а что ты сотворил, поймёшь лет через двадцать». Честное слово, дошло!

1968 г. Я – в восьмом классе. На новогоднем вечере Мишка из параллельного класса угостил меня вермутом. Пили во дворе школы, «из горла». Придя домой, я был немедленно уличён, и мне здорово перепало. Что интересно, папу больше всего возмутил не собственно факт моего раннего употребления алкоголя. Он с брезгливостью произнёс: «Не ожидал, что мой сын будет под забором лакать это пойло. Не дозрел ты ещё до взрослых радостей. Но, если что, прошу раз и навсегда усвоить: настоящие мужики пьют хорошую водку. И дома. И под закуску». Вот это его наставление выполняется мной беспрекословно.

Отец рано обучил меня вождению, но всегда очень за меня тревожился, сам был готов меня возить, лишь бы я не сидел за рулём. Он каждый раз заводил пространные разговоры о том, как опасно ездить выпивши, и что лично он никогда в жизни такого себе, естественно, не позволял. Даже когда я начал зарабатывать и вознамерился приобрести собственный автомобиль, папа уговорил меня этого не делать. Мы стали пользоваться одним с ним транспортом.

Спустя несколько лет после папиной кончины мне позвонил дядя Витя, его водитель во времена службы в МВД. Блондин под два метра, с пистолетом ТТ. Он был у нас как член семьи. Мной не раз было замечено, что когда я шёл в школу, он мелькал где-то позади меня на периферии и вроде как даже скрывал своё присутствие. Лишь потом, обретя профессиональные навыки, до меня дошло, что меня просто, что называется, «пасли». Официально или нет, теперь уже останется тайной. Это длилось года два, в то время, когда полковник Розенцвайг был начальником ОБХСС МВД и раскрутил несколько громких и, как оказалось, ставших опасных для него дел против высоко сидящих чиновников. Папа кое-что успел рассказать мне об этом, но я до сих пор не считаю себя вправе всем этим делиться, и, прошу поверить на слово, тому есть веские причины.

Так вот, дяде Вите понадобился какой-то юридический совет. Мы расположились на кухне. Сначала помянули папу, потом – выпили за здоровье каждого из нас, потом – за мои (!) успехи, ну и так далее. И тут дядя Витя не выдержал: «Евсеич – вот это был мужик! Он же трезвым-то за руль и не садился». Я, конечно, запросил подробности. «Ну, как же, – последовал ответ, – мы же с ним полжизни провели в командировках. Выезжаем за город. Евсеич командует остановиться.

Паркуемся на обочине. Он достаёт из тормозка[1*] хлебушек чёрный, зелёный лучок, редисочку, огурчики, яички, сваренные вкрутую, и шмат сала (да-да, именно его! – А. Р.). Разливает на двоих по полному стакану, затем мне поступает команда «спать», а сам он садится за руль и – вперёд».

Талант «вести базар»

Отец был следователем, затем – старшим следователем Республиканского Управления милиции, начальником Следственного отделения уголовного розыска Управления милиции МВД КазССР, заместителем начальника Следственного отдела УМ МВД КазССР. Понятно, что ему приходилось контактировать с криминалитетом. Но чтобы услышать от него крепкое словцо, да не дай Бог!

Ехали мы как-то в трамвае. Там, судя по разбойничьим физиономиям и наколкам, безобразничали два крепко поддавших бывших зека. Отец такого стерпеть не мог и вежливо попросил их заткнуться. Ситуация накалилась. Они двинулись на него с угрозами и матами. Стало понятно – драки не избежать. Я изготовился. Между тем папа спокойненько так отодвинул меня в сторону и, не изменившись в лице, тихо, почти неслышно сказал уркам несколько фраз на каком-то тарабарском языке. Мне из всего сказанного удалось уловить лишь пару-тройку предлогов. Те приумолкли, попятились назад и кубарем высыпались на первой же остановке. Разве мог я догадываться, что отец, что называется, «без словаря» владел воровской феней! И не просто парой-тройкой блатных словечек, которые и сейчас у всех на слуху, а мог свободно «вести базар». Я потом много раз спрашивал, что же папа всё-таки тогда сказал. Он каждый раз отшучивался. Лишь спустя много лет он кое-чем со мной поделился. Один раз применение этого неординарного лингвистического инструментария уберегло нас с другом от большой беды.

На «гражданке»

Папа не страшился разоблачать высокопоставленных коррупционеров. Чем нажил себе кучу могущественных и злопамятных врагов. И, в конце концов, был вынужден уйти с оперативной работы. Ему, практику до мозга костей, всего лишь за год удалось написать и за-

[1*] Имеется в виду набор продуктов на работу, в дорогу; на транспорте и предприятиях, где невозможно или сложно организовать регулярное питание в столовой. Словари русского литературного языка это слово не фиксируют, что позволяет сделать вывод о его употребительности лишь в разговорной речи и жаргонах. Возможно, «тормозок» производное от глагола тормозить – метафорически «остановиться, чтобы перекусить».

щитить кандидатскую диссертацию по проблемам проведения так называемых «негласных мероприятий», абсолютно новому, не разработанному в Казахстане теоретическому направлению.

Отец ещё несколько лет проработал в филиале Высшей школы МВД СССР, был начальником факультета, заведующим кафедрой спецдисциплин. Курсантам вместе с папой преподавал будущий генерал Владимир Леонтьевич Алёхин. Он в своё время был и начальником Управления уголовного розыска МВД КазССР, и возглавлял одно из областных УВД. Генерал – отнюдь не паркетный, который не боялся в домашних тапочках выходить на «тёрки» с уголовниками, и в сугубо мирное и застойное время награждённый орденом Красной Звезды.

Папа мог бы ещё служить и служить… Но на базе факультета была создана Высшая школа милиции в Караганде (много позже ее начальником стал генерал Алёхин. Ему пришлось «расчищать авгиевы конюшни» этого ведомственного вуза). Папе предлагали должность заместителя начальника школы. Он отказался. Полетел в Москву. Оттуда по телефону сообщил, что вышел приказ министра ВД СССР Н.А. Щёлокова о назначении его на должность старшего научного сотрудника ВНИИ МВД. Там же можно было сразу купить кооперативную квартиру. И я бы давным-давно стал москвичом. Потом отец позвонил и сказал, что не поедем – всей душой прикипел к Алма-Ате. Ушёл в отставку, когда ему было всего лишь 50 лет, и после этого ещё 20 проработал на кафедре криминалистики КазГУ доцентом.

Я уже говорил, что бранился папа крайне редко, только в исключительных случаях. Когда в Алма-Ате в 1986 г. случились известные декабрьские события, Владимир Евсеевич трудился на юрфаке. Он оценил происходящее резко и однозначно, выдав такую «виртуозную оценку партии и её командирам, что сам царь Пётр с его «Большим и Малым» загибами просто отдыхает. Отец тогда сказал, что жизнь всё расставит по своим местам, а «этим» (он имел в виду высокопоставленных партийцев), несмотря на отсутствие даже зачатков совести, всё равно будет стыдно. И детям их. И внукам…

В те дни отец не мог позволить себе просто так сидеть на месте. Он садился за руль, ехал на факультет, усаживал в свою машину студентов, которых неизвестно за что, только на основании голословных доносов, исключили из университета, возил их по райотделам милиции и КНБ, получал там официальные свидетельства об отсутствии к ним претензий, возвращался в деканат и добивался их восстановления. С мнением отца считались.

Когда я учился на юрфаке, доцент Розенцвайг, видя, что его любимый сынок далеко не всегда глубоко вгрызается в гранит науки, всерьёз пообещал поставить мне тройку на экзамене по криминалистике. Можно себе представить удивление заведующего кафедрой, к которому я обратился с официальным заявлением, чтобы именно он принял у меня экзамен. Правда, пятёрку мне поставили заслуженно – учился я легко, ибо значительную часть специальных познаний получил непосредственно через гены.

«Медаль» за папу

Хотя на распределении я был вторым, законно полагавшегося мне как отличнику места в аспирантуре почему-то не нашлось. Отцовских связей хватило лишь на то, чтобы меня оставить в Алма-Ате.

И вот я – следователь Ленинского РОВД! Конечно, вначале было тяжеловато. Естественно, я показывал папе свои бумаги. Прочитав их, отец начинал шевелить усами, что, по моему опыту, не сулило ничего хорошего. Он брал мою писанину и в основном по ночам, быстро-быстро стуча двумя пальцами по клавишам пишущей машинки, превращал мои ученические «вирши» в маленькие шедевры.

По большому блату ему удалось купить вторую по счёту портативную машинку «Эрика» (это всё равно, как ноутбук «Эппл ультраслим» сегодня). Я, конечно же, начал таскать её на службу.

Узнав об этом, папа не возрадовался: «Интересно получается. Все несут в дом, а ты – из дома. Мне не жалко, но ты уделаешь её за несколько месяцев, а мне на ней работать…».

И тут я вспомнил. Когда в восьмом классе нас параллельно пытались выучить на слесарей, я спёр с завода несколько палочек оловянного припоя. Все тырили, а я что, хуже?

С гордостью принеся добычу домой, предъявил её отцу. Ну, типа как сытый домашний кот, удавил и выложил перед хозяином крысу, а вот что с ней делать, не знал.

Реакция отца последовала незамедлительно: «Ах ты, дерьмец, я всю жизнь с этим борюсь, а ты!.. Чтобы завтра же отнёс и возвратил стащенное назад! Публично! При всех». Сказано – сделано. С тех пор я больше никогда не брал чужого. Хотя, как говаривал папин приятель, известнейший в своё время адвокат, «грешно красть только личную собственность».

Моя служба, что называется, пошла. За два неполных года у меня было уже два поощрения от начальника УВД. Я по наивности и из карьеристских побуждений стал проявлять излишнюю ретивость – и

по одному из дел следственным путём раскрыл больше 20 фактов хищений и мошенничества. Мог ли я подозревать, что вместо внеочередной звёздочки на погоны получу за это выговор, причём от самого министра внутренних дел!

Начальство тогда от меня открестилось как от чумного. Впрочем, всё – к лучшему. Но после такого паскудства и предательства оставаться в милиции мне стало противно.

Когда я поделился проблемой с отцом, он отреагировал, на удивление, излишне спокойно: «Сынок, наказали меня, а не тебя. Считай, что это тебе – медаль». Оказалось, что ещё в давние времена, когда этот министр только получил звание генерала, отец высказался, что тогда его, полковника Розенцвайга, должны немедленно принять в труппу Большого театра примой-балериной. Так что это – на сдачу.

Благодаря дяде Исааку Ивановичу Попову, тоже нашему с папой ближайшему другу, который лет эдак 20 был первым заместителем министра культуры, мне посчастливилось поступить в профильный институт Академии наук. Как-то Попова спросили, не еврей ли он, намекая на явно библейское имя, он ответил: «Если Исаакиевский собор в Ленинграде – синагога, то вы правы». Хотя происхождения своего не скрывал. Его старшая дочь, Наташка, мой друг, блестящий эндокринолог, обещавшая хранить моё уже расшатанное здоровье, увы, тоже ушла…

Когда меня приняли в институт, папа сразу же объявил, что в предмете моих «научных интересов» совершенно не разбирается, и на его помощь я рассчитывать не смогу. Я со скрипом защитил кандидатскую диссертацию и уже понимал, что не только генерала, но и академика из меня не выйдет. Выбора не оставалось… Тот же Володька Басин настаивал, что с моим характером единственный путь – адвокатура. На обретение этого нового статуса ушёл год, и то только благодаря дружеской и абсолютно бескорыстной помощи моего друга и однокурсника Торткена Мустафаева.

Одним словом, последние 32 года место моей работы уже не менялось.

Папа всю жизнь был настоящим следователем. А мне пришлось работать на противоположной стороне.

И снова отец здорово мне помогал, вникал, советовал, консультировал. Научил всё-таки на достаточно приличном уровне сочинять официальные документы: «Работай над словом. Оно, как минимум, остается в архивах!».

Роковой круг

Жизнь вновь столкнула нас с семьёй министра, правда, уже бывшего, из-за которого моя карьера следователя оборвалась, фактически не начавшись.

Отцу предстояла рутинная операция. Хирург был замечательный, сделал всё, от него зависящее. Но кто бы мог подумать, что наркоз папе будет давать не кто иная, как дочка этого экс-министра! Как потом выяснилось, отзывы о ней как о докторе были отнюдь не комплементарными. Мягко говоря.

Папа пришёл в сознание, уже прилично себя чувствовал, а ушёл неожиданно… Врачи упустили мерцательную аритмию. В результате – инфаркт, который не должен был случиться при нормальной медицине. Для него все закончилось на 74-м году жизни. Хотя уверен, что он мог бы прожить ещё как минимум лет эдак 10–15…

Ну, а эта дама, «анестезиолог-реаниматор», легко переквалифицировалась в правоведа, и, обретя степень «кандидата юридических наук», ныне благополучно обучает студентов тонкостям уголовного процесса…

Пророк в своем отечестве?

Август 1991 г. ГКЧП. Я – на Иссык-Куле. Связи с Алма-Атой нет. Таксисты везти домой отказываются даже за десятерной тариф. Радио – молчит. Понятно, что я не находил себе места. Да тут ещё наша приятельница, жена помощника «Самого», дозвонилась до своего супруга и услышала лишь одно слово «п…ц»… Стало ещё тревожней. Уже к ночи, когда по телевизору показали всю шайку с трясущимися руками, мне всё-таки удалось дозвониться домой. Папа был, как обычно, спокоен: «Ты этих мудаков видел? Всё закончится не позднее трёх дней». Так оно и вышло.

В результате – как в бородатом анекдоте: помните, объявлена смена белья в следственном изоляторе. Первая камера меняется со второй, третья – с четвёртой и т. д.

Вот таким был полковник Владимир Евсеевич Розенцвайг, Заслуженный работник МВД СССР!

1. Речь идет о беспорядках, вспыхнувших почти одновременно 10 апреля 1951 г. не только в Лениногорске, но и в Усть-Каменогорске вследствие конфликта между вербованными рабочими и спецпоселенцами-чеченцами. [Электронный ресурс]. Режим доступа: Кровавая драма в Казахстане шестьдесят пять лет назад - Караван | Караван (caravan.kz) (дата обращения 07.06.2022) (прим. редакционной коллегии).

2. На юридический факультет КазГу им. С.М. Кирова попал по распределению, где в 1962–1965 гг. заведовал кафедрой государственного права и советского строитель-

ства. Затем около 30 лет преподавал в учебных заведениях системы МВД, в т. ч. В составе Ленинградского факультета Высшей школы МВД СССР, в Высшем политехническом училище МВД СССР, Санкт-Петербургском юридическом институте, академии и университете МВД России. [Электронные ресурсы]. Режим доступа МВД России в лицах: Профессор Яков Михайлович Бельсон. К 100-летию со дня рождения (elibrary.ru); Люди-легенды: Бельсон Яков Михайлович (1921-2009) (voenspez.ru) дата обращения 07.06.2022) (прим. редакционной коллегии).

3. Имеется в виду автопробег любителей-энтузиастов, инициированный Я.М. Бельсоном летом 1957 г.в дни прохождения в Москве Всемирного фестиваля молодежи Яков Михайлович возглавил пробег, проведя колонну из отечественных легковушек (прим. редакционной коллегии).

4. Шакен Мажитов в совершенстве владел русским, казахским, арабским и польским языками. Последний он выучил в годы войны. Отправившись на фронт добровольцем в 1941 г., он был зачислен в самоходную артиллеристскую дивизию СУ-76. В 1944 г. дивизион был передан в состав Польского Войска. Он участвовал во многих битвах и освобождал Варшаву. За свою доблесть был награжден высоким польским орденом. Дошел до Берлина, расписавшись на стенах рейхстага. 7 наград нашли своего героя лишь спустя 35 лет после Победы. [Электронный ресурс]. Режим доступа: Шакен Мажитов - казах, освобождавший Польшу - YouTube (дата обращения 07.06.2022) (прим. редакционной коллегии).

5. Ю.Г. Басин (1923–2004). Советский и казахстанский юрист, цивилист, один из основных создателей современной школы цивилистики в Казахстане, организатор высшего юридического образования в Казахстане, доктор юридических наук. Биография Ю.Г. Басина (aequitas.kz) (дата обращения 07.06.2022) (прим. редакционной коллегии).

6. Гинзбург Александр Яковлевич (р. 1929), кандидат юридических наук, профессор. Область научных исследований – общая теория криминалистики, криминалистическая тактика.

Тель Э.З.

Воспоминания об отце

Зисман Менделович Тель внес вклад в развитие экономики и торговли Казахстана. Был пионером становления современных методов торговли и хозяйствования.

С древних времен ни одно государство не могло выжить без торговли. Всем известно, что торговля двигатель прогресса. Но так повелось, что в советский период много писали об ученых, писателях, композиторах, артистах, а о деятелях торговли ничего. С гордостью пишут о купцах дореволюционной России о елисеевских магазинах, а о деятелях советской торговли, к сожалению, только отрицательные факты. Я решил исправить эту несправедливость.

З.М. Тель (в повседневной жизни его звали Георгий Матвеевич) родился в Польше в 1917 г. в бедной и религиозной семье. С 3-х летнего возраста учился в хедере (начальная еврейская школа), затем получил светское и экономическое образование. В совершенстве владел

идишем и польским языками и немного ивритом и английским. Русский выучил в Казахстане. Любил и знал математику. У него была великолепная память – автоматически запоминал все, что видел вокруг. Например, мог сказать, сколько окон в доме, сколько ступенек и деревьев в пройденных местах.

В 1939 г. был призван в польскую армию в конницу и успел провоевать две недели: кони не устояли против немецких танков. В 1939–1940 гг. восточная Польша стала частью СССР, и З.М. Тель устроился на работу в Народный Комиссариат Путей Сообщения. У меня хранится его удостоверение за № 00324 от 1940 г. К сожалению, об этом периоде жизни я мало, что знаю. Судьба его семьи, как и большинства еврейских семей, оказалась трагичной. Родители и многие родственники погибли в Холокосте. У матери, то же, всех уничтожили фашисты, даже маленького братика. Позже выяснилось, что только два брата моего отца выжили. Средний всю войну воевал в Красной армии, а младший – подросток беспризорничал на юге Казахстана. После войны они нашли друг друга. Братья вернулись в Польшу и оттуда в Израиль, а отец выбрал Казахстан. После этого они не виделись и не общались. Железный занавес разделил их навсегда.

З.М. Тель эвакуировался в 1941 г. В поезд, в котором они с мамой ехали, попала бомба. Приехали в Казахстан без вещей, без одежды и без языка. Родители с первых дней жизни в Казахстане начали работать на железной дороге, развитие которой требовало специалистов разного профиля. Отец работал во многих местах Казахстана: Ата-су, Кушмурун, Караганда, курорт Боровое. Мы родились в этих местах и всегда с теплом вспоминаем Казахстан.

В 1946 г. отец и мать получили первую советскую награду: медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

В начале 1950-х гг. мы переехали в Акмолинск, где отца назначили начальником ОРСа. Впервые нас поселили не в коммунальной квартире, а в маленькой двухкомнатной и по тем временам шикарной т. к. отапливалась котельной, и туалет был не на улице. С этого периода я больше могу рассказать о его жизни и работе, т. к. он постоянно брал меня с собой.

Видимо, изучение отцом Торы в детстве не прошло даром: по библейскому мифу Иосиф разгадал сны фараона и спас многие народы от голода, сберегая урожай в период изобилия и используя его в период истощения. Так и отец, в каждом месте работы начинал со строительства складских помещений, овощехранилищ, производ-

ственных цехов по переработке продуктов и подъездных путей к ним. Надо отметить, что ему отказывали в финансировании этих объектов, но ОРС начинал строительство на ссуды Госбанка хозяйственным способом. Риск оправдал себя с лихвой: в разных регионах страны были перебои с продуктами как сахар, масло, яйца, колбасы и др., а в Акмолинске (Целинограде) перебоев не было. Наоборот, были продукты, отсутствующие в других местах. Например: астраханские арбузы отправлялись только в Москву и Целиноград потому, что обменивались на недостающие в Астрахани продукты. Потом у отца появилась идея: создание «поезда добрых услуг», который начал выполнять рейсы в 1965 г. Поезд проходил за один рейс 1700 км, т. к. целиноградское отделение железной дороги было самое крупное в стране. Десяти вагонный состав доставлял все товары: стиральные машины, холодильники, мотоциклы, телевизоры, мебель и многое др. Благодаря этому новшеству были закрыты 200 карликовых магазинов и открыты более 50 новейших специализированных магазинов. Товарооборот ОРСа вырос в три раза.

В 1966 за многолетнюю и безупречную работу З.М. Тель был награжден орденом «Знак Почета» и был назначен начальником Целиноградского областного управления торговли. Почивать на лаврах не в его характере. На этом новом посту З.М. Тель также проявил инициативу и творчество. Практически с нуля были созданы самые прогрессивные методы торговли и обслуживания, отвечающие современной эстетике и культуры. Впервые в Казахстане был открыт «Универсам», процент магазинов самообслуживания был самым высоким в СССР. Сейчас этим никого не удивить, а тогда Целиноград был примером для всех. Впервые в Казахстане был построен ЦУМ с современным оборудованием и обслуживанием. Все магазины, рестораны и кафе были лучшими в Казахстане. Так же, как и на прежних местах работы, были построены современные склады, овощехранилища, разработана система доставки свежих продуктов в магазины и столовые во все времена года. Для оформления магазинов и ресторанов приглашались лучшие специалисты и архитекторы из Москвы. Им, тоже, было интересно стать пионерами в этих начинаниях. Из многих уголков страны приезжали перенимать опыт. В оформлении объектов применялись мозаика, витражи и, конечно, новейшее оборудование.

Отец брал меня с собой на все новые стройки и объяснял мне особенности интерьера и др. Помню, как он настоял, чтобы в магазине «Океан» был светлый пол и действительно магазин получился очень

нарядный. До сих пор вижу в интернете ностальгические воспоминания об Универсаме, Океане, ЦУМе, Доме обуви, Доме книги и многих других специализированных магазинах и ресторанах. В те годы на целину приезжали первые руководители Казахстана и СССР, и организовывать встречи зачастую поручалось предприятиям, где трудился З.М. Тель.

Сотрудники тепло отзывались об отце. Говорили, что Георгий Матвеевич строгий, но справедливый, требовательный, но добрый. Он заботился не только о материально-технической базе торговли, а и о кадрах. Помог многим получить образование, стать мастерами своего дела и правильно выбрать жизненный путь. Если кто-то оступался, он не сообщал сразу в милицию, чтобы не искалечить им жизнь, а давал человеку шанс исправиться. Как то он рассказал мне, что один работник принес прибыли на 5 млн., но утаил 500 руб., а другой нанес многомиллионные убытки, но ничего не присвоил. Первому он помог встать на правильный путь, а второго, в конце концов, пришлось уволить. Вот такие не стандартные решения ему приходилось принимать. При этом он никогда не повышал голоса на подчинённых и не отчитывал их прилюдно.

Нам, воспитанным на стигмах о торговых работниках, трудно поверить в то, что работая на таких должностях, можно оставаться скромным и честным. У отца не было выходных и праздничных дней. Он не ездил заграницу, хотя ему предлагали командировки на торговые ярмарки в Лейпциг и другие места. Не имел машины, дачи, денежных сбережений. Не принимал подарков. Помню, как на 65-летний юбилей ему подарили цветной телевизор. Он тепло поблагодарил и отправил подарок назад. Ходил в общественные бани, пока они существовали, а позже в русскую баню в больнице, где я работал.

В семье он тоже был строгим, требовательным и добрым. С детства приучал нас к спорту, закаливанию обтиранием снегом и сам занимался с нами. Отец был капитаном футбольной команды ОРСА. Можно сказать, что силой заставлял учиться музыки: из дочки получился музыкант, а из нас нет. С детства приучал к труду, на карманные расходы мы сами зарабатывали. Я не помню ни одного «безработного» периода в жизни: мыл запчасти на автобазе, в радиомастерской ремонтировал что-то, разгружал вагоны, работал звукооператором на Целиноградском радио и во многих других местах.

Его старший сын профессор, академик Академии медицинских наук Казахстана, автор многих учебников и монографий по меди-

цине, был врачом семьи Первого Президента Республики Казахстан[1*]. Дочь – известный преподаватель музыки.

Несмотря на то, что отец ощущал себя евреем и не скрывал своего происхождения, в семье не было религиозного воспитания, говорили только на русском, не знали и не отмечали еврейских праздников, но свинины в доме не было. Так же учил, что в еврейской традиции необходимо помогать нуждающимся и регулярно посылал деньги одинокому старому еврею, жившему около Львова, а мама часто впускала в дом и кормила нищих (после войны их было много). До сих пор помню, как седой бородатый старик крошил хлеб в суп и с достоинством ел.

Отец никогда не писал и не подписывался под письмами против сионистов и израильской военщины и отрицательно относился к таким, считая их не искренними. Вероятно, из-за открытости, честности и профессионализма никогда не подвергался за это преследованиям.

З.М. Тель, эвакуированный гражданин Польши, всю свою жизнь посвятил Казахстану. Способствовал поднятию уровня торговли с зачаточного состояния до самого передового и современного, даже по нынешним понятиям.

Правительство оценило его вклад в развитие торговли Казахстана, наградив: грамотами Верховного Совета Казахской ССР, медалями СССР «За освоение целинных земель» (1957 г.), «За доблестный труд», «Ветеран труда». Присвоено звание Заслуженного работника торговли, орденами «Знак Почёта» и в 1981 г. отец был награждён высшей государственной наградой СССР – орденом Ленина.

В 1993 г., в возрасте 76 лет, уехал к дочери в США. Умер в 2002 г. от онкологического заболевания. До последнего дня оставался с ясной головой. С ним было интересно общаться, будто возраст не тронул его. В США обращались к нему с просьбой помочь в организации торгового предприятия, но он категорически отказывался со словами, что мелкий бизнес не для него. В Израиле он так и никогда не побы-

---

[1*] Тель Леонид Зигмондович. Род. 11 августа 1942 г. на ст. Атасу Жанааркинского р-на Карагандинской обл. В 1965 г. окончил Карагандинский медицинский институт, к. м. н. (1967 г.), д. м. н. (1983 г.), член Нью-Йорской академии наук (1995 г.), академик АПМ РК (1996 г.) АМН РК (1998 г.). По окончании института работал стажером-исследователем, доцентом, зав. кафедрой, курсом, профессором Целиноградского мединститута. Семейный врач Первого Президента Республики Казахстан (1989–1994 гг.). Одновременно с 1994 г. работал в «Essence Natural Institute», «Institute of Global Solution», «Institute of Education Development Advance» (США). Главный редактор журнала «Валеология – Здоровье, Болезнь, Выздоровление» (Астана), президент Академии валеологии РК. Ашимбаев Д. Кто есть кто в Казахстане: Биографическая энциклопедия. 2010–2011 гг. – Алматы, 2010. – С.1023.

вал, но чувство сопричастности к Израилю у него было. Отца не стало незадолго до рождения первого правнука, рожденного в Израиле. Я думаю, он бы гордился, узнав, что правнук защищает свой народ в десантных войсках.

Моя мечта познакомить его правнуков с Казахстаном, который в суровые военные годы спас их прадеда и которому он посвятил всю свою жизнь.

Краснова П.В.
Зальцман И.Г.

Врач Психиатр

Среди замечательных врачей, занимавшихся развитием медицины в Казахстане, немало членов еврейской общины. Один из них Зальцман Григорий Ильич – известный ученый, выдающийся врач-психиатр, блестящий педагог.

Он родился 26 февраля 1926 г. в с. Барановка Житомирской обл. Мама – Шпигельман Полина Соломоновна, из многодетной семьи мельника и домохозяйки, которые, несмотря на материальные трудности, поддержали всех детей в стремлении получить высшее образование. Она стала врачом-стоматологом. Отец – Зальцман Илья Григорьевич, рано остался без родителей, вырастил младшую сестру. Успел закончить только 4 класса, но затем всю жизнь занимался самообразованием, подрабатывал репетиторством, в частности подготовил будущую жену к поступлению в институт. В последующем работал бухгалтером. Григорий Ильич был единственным ребенком, назвали его Григорием в честь деда, в семье было принято нарекать ребенка именем человека «достойного, умного и уважаемого». Таким образом, все мальчики в семье получали имя деда и всегда гордились своими предками, стремились «подтвердить», что достойны носить такое имя. Гига, как его называли родители и все близкие, рос болезненным ребенком. В детстве перенес вирусный энцефалит, оставивший последствия в виде паралича мышц шеи и частично рук из-за ограниченных физических возможностей большую часть времени он проводил с книгами, получал удовольствие от учебы. Родители активно поддерживали стремление сына к учебе. Хотя в детстве считали его «не очень толковым», шутили, что «он не сообразительный, т. к. рыбу не ест». Григорий не обращал внимания на эти шутки. С первого класса учился на «отлично».

В 1941 г. война изменила планы всех граждан в СССР. Семье пришлось спешно эвакуироваться в Воронеж, те из односельчан, которые понадеялись, что «обойдется», были расстреляны фашистами в первые месяцы войны. Ехали на лошадях. Взять удалось только «самое необходимое» – несколько семейных фотографий и подсвечники, с которыми молился дед. В Воронеже Григорий с отличием окончил школу.

Но фашисты наступали, в 1942 семья эвакуировалась дальше в Казахстан – в Талды-Курган, а потом в Уштобе. Там Полине Соломоновне сразу предложили место санитарного врача. Григорий Ильич сам выбрал Казахстан, настоял на своем выборе, приведя массу аргументов. Об это выборе он никогда не жалел и посвятил свою жизнь развитию науки в Казахстане. С детства мечтал быть юристом, даже окончил один курс юридического факультета, но в эвакуации Григорий сделал для себя еще один вывод: «В любое время и при любых условиях необходимой остается только одна профессия – Врача».

В 1943 г. поступил на лечебный факультет Казахского медицинского института. Голод, холод и клопы, как он потом вспоминал, были обеспечены в общежитии института «по полной программе». Учился Григорий Ильич отлично, всегда участвовала во всех кружках, рвался к знаниям, много читал. Несмотря на то, что был ограничен в физической активности и практически не мог проводить тонкие манипуляции руками, преуспевал во всех других областях, его знали на всех кафедрах. О нем, даже студенте, говорили, как о человеке одаренном, с серьезным клиническим мышлением. Григорий Ильич был Сталинским стипендиатом со второго курса. Периодически преподаватели даже просили его вести занятие для его однокурсников.

К выбору специальности в аспирантуре он тоже подошел рационально: понимая, что не сможет работать руками, он выбрал профессию незаурядную, перспективную, кроме того, дополнительно оплачиваемую и с большим отпуском.

Женился Григорий Ильич «один раз и на всю жизнь». Случайная встреча в поезде, в котором оба ехали в командировку в Кзыл-Орду, два года переписки, 46 лет счастливой совместной жизни. Когда он познакомился с Галиной Александровной Черныш, она к медицине не имела никакого отношения, но, слушая рассказ супруга о работе, не смогла остаться равнодушной. Галина Александровна поступила в Медицинский институт и специальностью выбрала психиатрию. С этого времени психиатрия стала основной темой для обсуждения в семье. Эта любовь к профессии прививалась детям с самого рождения.

Когда дети, а затем и внуки, вырастали, вопрос о выборе профессии просто не вставал – все поступали в Медицинский институт. Жена, дочь, сын, внучка стали психиатрами. В общей сложности, династия Зальцманов проработала в психиатрической больнице более 100 лет.

В семье царила атмосфера любви, взаимного уважения, поддержки. Одинаково заботливо и тепло относился Григорий Ильич и к своим детям – Ирине и Илье, и к сыну Галины Александровны от первого брака Леве. Лев очень ценил и любил Григория Ильича, сам захотел взять его фамилию, воспитал в своих детях чувство глубокого уважения к дедушке. В семье было много замечательных традиций: не пропускали премьеры в театрах, вместе ходили в горы, семьей проводили отпуска. В воскресенье после обеда оставались за столом, слушали интересные истории, делились новостями, обсуждали проблемы, а иногда отец читал вслух рассказы Шолом Алейхема, О'Генри, Виктора Драгунского. Он помогал с уроками, охотно играл в детские игры, ходил в зоопарк, читал внукам детские книжки и даже придумывал свои собственные сказки. Он никогда не наказывал детей, мог просто серьезно поговорить, и этого было достаточно, его слова были убедительными. Скромный в быту, легко тратил деньги на книги и путешествия. Очень любил путешествовать. Перед поездкой читал книги о стране, в которую собирался, по самоучителю учил язык. А после поездки вечера посвящались захватывающим рассказам с хорошим юмором для родных и друзей о путешествии. До последнего дня был очень любознательный. Трудно вспомнить его без книги, газеты в одной руке и пульта от телевизора в другой – листал каналы, чтобы не пропустить интересные программы. Да и ночью забирался в кровать с маленьким транзистором и наушником, слушал программы на волнах, которые глушили в дневное время. Этот транзистор в семье в шутку называли «папина любовница».

После окончания Медицинского института с 3 августа 1948 г. и до последнего дня жизни работал на кафедре психиатрии Алма-Атинского государственного медицинского института. Сначала клиническим ординатором, затем с 1951 г. ассистентом кафедры, доцентом. С 1957 г. к. м. н. Зальцман Г.И. стал заведовать кафедрой. В 1991 г. по достижении пенсионного возраста был переведен на должность профессора кафедры. В трудовой книжке 1 апреля 2000 г последняя запись – «уволен в связи со смертью».

Все эти годы с большим увлечением занимался наукой: в 1954 г. защитил диссертацию под руководством профессора Штесса, основанную на экспериментальном исследовании взаимодействия 1-й и 2-

й сигнальных систем у больных шизофренией. В дальнейшем занимался модификацией методик психофармакотерапии и гашишной патологией.

Г.И. Зальцман был первым автором в Советском Союзе по применению методики лечения больных шизофренией так называемыми «нейролептическими зубцами», которая оказалась эффективнее других, применяемых в то время методик лечения и широко используется до сих пор. В 1960–1980 гг. профессором Г.И. Зальцманом изучались психопатологические синдромы и алкогольная патология. Им проведены фундаментальные исследования острого бреда, которые легли в основу темы его докторской диссертации, которая была защищена в 1969 г. в г. Ташкенте под руководством профессора Снежневского А.В. и получила широкий отклик среди психиатров не только в СССР, но и в Англии, США, Германии. Под руководством Г.И. Зальцмана Попова Л.П. изучала тетурамовые психозы. Была выпущена совместная монография, первая по этому вопросу в СССР. Медетов Е.К. изучал атипичные проявления в клинике острых психозов. Были выпущены 3 издания на тему алкоголизма и алкогольных психозов. Байтураевым Е.Б. изучались особенности патологических идей ревности в рамках различных нозологических форм. Джамантаева М.Ш. изучала ипохондрические расстройства при шизофрении. Джангильдиным Ю.Т. описаны психопатологическая структура и динамика вариантов обсессивно-фобического, сенестоипохондрического, деперсонализационного и астено-депрессивного синдромов у больных шизофренией. Измайловой Н.Т. Впервые было проведено специальное клинико-психопатологическое исследование аффективно-параноральных синдромов при шизофрении. Базарбаевой Л.Е. описано два типа формирования психопатоподобных расстройств возбудимого круга у больных шизофренией в зависимости от наличия или отсутствия психопатоподобных черт в преморбиде. Под руководством Г.И. Зальцмана Джарбусынова Б.Б. выполнила и защитила в 1996 г. кандидатскую диссертацию, посвященную психической патологии при почечной недостаточности. Губашевым М.Ш. в 1999 г. выполнена и защищена кандидатская диссертация о клинико-социальной характеристике больных шизофренией, совершивших убийства. В 1997 г. Зальцман Г.И. выпустил методические рекомендации: «Диагностика психических и поведенческих расстройств в соответствии с МКБ-10».

Профессор Г.И. Зальцман в течение многих лет был бессменным руководителем философских семинаров для профессорско-

преподавательского состава Алма-Атинского государственного медицинского института и проводил их на высоком теоретическом уровне. В каждой теме он действительно разбирался, рассматривал ее с разных сторон и разных точек зрения. Он был членом общества «Знания», где пропагандировал научно-популярные знания, а также вел кружок по изучению марксизма-ленинизма.

Для каждого студента любого факультета Алма-Атинского института, которые проходили учебу с 1949 по 2000 гг. имя профессора Зальцмана является знакомым. Его лекции не пропускали никогда, хотя посещаемость он практически не проверял. На некоторые лекции студенты приходили специально и повторно, приводили друзей из других вузов. Замечательный лектор, излагал материал просто и интересно. Каждая лекция была неповторима, Григорий Ильич умел раскрыть тему, привести примеры, которые запоминались каждому студенту. Специально для лекций он подбирал пациентов, проводил с ними беседы для студентов, рассказывал об особенностях сбора анамнеза, подходах к проведению опроса. Группы, которым повезло учиться у Григория Ильича, посещали все отделения, были на всех консультациях Григория Ильича. Он обладал феноменальной памятью, знал всех студентов, даже иностранных факультетов, по имени.

Неотъемлемой частью деятельности сотрудников кафедры является лечебная работа, как в базовом, так и в других учреждениях. Следует особо отметить консультации Г.И. Зальцмана, которые всегда отличались профессионализмом, лаконичностью, и отсутствием декларативности. Они являлись школой как для начинающих, так и для опытных психиатров. Под его руководством ежемесячно проводились общебольничные конференции (где решались сложные диагностические и другие вопросы), внутриотделенческие конференции. Все эти формы совместной работы с врачами способствовали повышению профессиональной квалификации как практических врачей, так и сотрудников кафедр. Много лет его нет с нами, но до сих пор, пациенты, не редко обращающиеся за помощью к его потомкам, начинают со слов: «Я учился у Григория Ильича…Лечился…Он мне помог, специально искал вас, он ваш отец?». И для нас это как критерий доверия, того, что мы тоже обладаем хорошими знаниями и профессионализмом.

Тридцать лет он руководил кафедрой психиатрии в Алма-Атинском медицинском институте. Вел кружки для студентов, участвовал во всех внутрибольничных конференциях. При этом был человеком крайне тактичным, никогда не «давившим авторитетом» и легко вступал в обсуждения, отстаивал свою точку зрения, с интересом

выслушивал других врачей и студентов. В беседах он с легкостью цитировал известных психиатров, мог ссылаться на зарубежных авторов, публикации которых он читал в оригиналах. Всю жизнь любил учиться. Врачи вспоминают, что даже на тренингах для психотерапевтов, закончив читать свои лекции, тут же в качестве слушателя отправлялся на занятия к молодым коллегам.

Он был членом КПСС. Самоотверженный труд его отмечен знаком «Отличник здравоохранения СССР».

Консультации, конференции под председательством Г.И Зальцмана всегда отличались высоким профессионализмом. С 1990 по 2000 гг. профессор Зальцман был членом Республиканской Центральной судебно-психиатрической экспертной комиссии МЗ РК, консультантом в специализированной РПБ для социально опасных больных (с. Актас). Опыт этой работы обобщен в его монографии по судебной психиатрии. Своим учителем Григория Ильича называют несколько поколений медиков, которые работают по всему миру. Своим энтузиазмом и увлечением специальностью определил выбор со специализацией у многих студентов, которые в последующем также внесли большой вклад в развитие психиатрии Казахстана. Это профессора-психиатры Джангильдин Ю.Т., Субхамбердина А.С., Катков А.Л., Распопова Н.Н., Базарбаева Л.Е., Джарбусынова Б.Б., Толстикова А.Ю. Считал важным знания по психиатрии и психологии для врача любого профиля-для врачей общей практики он написал специальное руководство по психиатрии, где подчеркнул важность учитывать психологические факторы в развитии соматических заболеваний.

Более 50 лет своей жизни Григорий Ильич отдал становлению и развитию психиатрии в Казахстане, опубликовал более трехсот печатных работ. За заслуги к 85-летию врача в Центре психиатрии установили мемориальный стенд. 1 декабря 2021 г. по инициативе администрации КазМНУ им Асфандиярова кафедре психиатрии было присвоено имя педагога, клинициста и замечательного человека Зальцмана Григория Ильича.

Арцишевский А.А.
Старыгина Н.В.

Борис Вольфович Каральник человек привитый

Таких людей можно пересчитать по пальцам, но могу точно сказать, что Борис Вольфович один из них. Это человек, который влюблен в свою профессию, работу. Посвятил всю жизнь любимому делу.

Родился мальчик Боря в г. Харькове, Украина, 23 октября 1934 г. Когда объявили о начале войны, ему было 6,5 лет, он, как и другие дети не сразу осознал, что произошло страшное событие, что закончилось беззаботное детство. И скоро всем предстоит увидеть все ужасы и тяготы войны и найти в себе силы их преодолеть.

– Помню хорошо тот день, когда началась война. Я прекрасно проводил лето, уже готовился идти в первый класс, даже не подозревая, что это событие немного отложится. Какие неимоверные страдания, выпадут на нашу долю!..

Народ покидал обжитые места, в тыл уходили эшелоны с людьми. Помню, как мама меня накрывала собой под бомбежками, а я дурак пытался вылезти, чтобы лучше видеть эти падающие бомбы. У меня в голове до сих пор свистящий звук несущихся к земле авиа снарядов, который так меня интересовал. До сих пор чувствую себя от этого плохо, когда вспоминаю это. Такие эпизоды не уходят из памяти, остаются с тобой на всю жизнь.

Но военное детство не прошло бесследно, испытания закалили характер… Трудные школьные годы. Несмотря ни на что, он сумел поступить в мединститут и окончить его. Как, почему, но еще в школьные годы у него возник большой интерес к микробиологии и вакцинологии. Все 6 лет учебы в институте он занимался микробиологическими исследованиями. Институт он окончил в родном городе своем, в Харькове и по распределению в 1958 г. приехал в Караганду. Здесь его назначили заведующим бактериологической лаборатории областной Санэпидстанции. А параллельно он небезуспешно консультировал лаборантов детской областной больницы. В то время еще не было массовой вакцинации, и часто возникали вспышки разных инфекционных заболеваний. Особенно опасна была дифтерия. И тогда очень тесно Борис Вольфович работал с инфекционистами, борясь за жизнь детей.

– Когда я работал в Караганде, я чуть не погиб в буране. От переохлаждения у меня развилась тяжелейшая пневмония и воспаление всех слоев сердца. Меня с температурой свыше 40 градусов забрали в больницу. Врач, которая меня лечила, была из Ленинграда, окончила

там мединститут, потом ее посадили в Карлаг, она сама не знает за что. Я задыхался, а тогда не было никаких приборов принудительной вентиляции легких, которые появились намного позже. Она затащила с санитаром в палату кислородный баллон, обычный, с редуктором, взяла микробный фильтр, фарфоровый, с порами, которые не пропускали бактериальные клетки. Через фильтр вводила мне подкожно кислород из этого баллона каждый день. У меня кожа отрывалась от подкожной клетчатки, но кислород поступал в сосуды, и я мог дышать. Если бы не эта ее выдумка, подозреваю, что она в Карлаге это придумала, я бы не выжил. То есть врачи должны быть готовы ко всему, к любым ситуациям и условиям. Это поможет спасти много жизней. Я лично, на своем тяжком опыте убедился в этом сам.

– Мне, безусловно, повезло и в том, что, несмотря на всякие тяжелые эпизоды, меня стороной обошел антисемитизм. Вообще Казахстан не был заражен этим вредоносным вирусом, это я знаю по собственному опыту. Слава Богу, меня обошло стороной дело врачей. Не покалечили, не посадили, не убили, за что я безмерно благодарен судьбе. Я мог заниматься любимым делом...

Борис Вольфович, конечно, легендарная личность, один из самых опытных специалистов – инфектологов в Казахстане, более 60 лет жизни посвятивший борьбе с инфекциями. В 2021 г. Борис Вольфович стал научным руководителем проекта Vlast.kz «Прививка», посвященного проблемам и мифам о вакцинации. Автор более 700 научных публикаций и обзоров, связанных с проблемами вакцинации и антиваксерами, в т. ч. против COVID-19.

Это наиболее актуальная тема в нынешнее время.

– Мир разделился надвое, кто за, а кто против прививок и вакцин, – говорил Борис Вольфович. – Но об этом я напишу, может быть, позже. Кто его знает, как человечество, через много лет будет смотреть на вакцинацию…

Возможно, сейчас читая этот текст, кто-то скажет, что он далек от совершенства, требует правки, местами существенной. Но есть в нем некий знак первородства, он удерживает руку от хирургического вмешательства, он изначально умиротворяет сердце. И, право, хочется оставить все как есть. Потому как даже за этими самопальными строками угадывается биография, угадывается СУДЬБА. Незаурядная. Цельная. С неколебимым вектором движения.

За простыми бесхитростными строками кроется жизнь человека, протяженностью в 88 лет. Жизнь, наверное, непростая. Она не может

быть простой даже у заурядного человека, а здесь – профессионал высокой пробы, человек не глубокого тыла, а по своему занимаемому положению вынужденный всё время находиться на передовой, вынужденный распознавать, откуда грядёт опасность, грозящая жизни человеческой, и во время опасности этой противостоять.

Борис Вольфович Каральник. Врач-иммунолог, эпидемиолог, врач инфекционист.

Интернет с готовностью отзывается на это имя. Целый ряд интервью. Очень пространных, порой настолько пространных, что по мере чтения начинаешь теряться, кто кому дядя. Но проблемы, поднятые в них, столь злободневны, что читаешь это как доморощенный детектив.

Была в наших медицинских прериях очень именитая дама, профессор, акушер-гинеколог. Человек, мнением которого в медицинских кругах пренебречь невозможно. Пробивная как танк. Говорю с полным на то основанием. Я был зам. главного редактора в газете «Наука Казахстана», она рвалась к нам в авторы. Яростная антипрививочница. А, следовательно, антипод Каральника, его главный оппонент. Своими опытами над кроликами она якобы доказала пагубность прививок. Правда, когда в Институте эпидемиологии и микробиологии ей предложили выступить с обоснованием ее исследований, она отказалась. Никак не объясняя свой отказ. Но…

– Она искалечила мозги многим студентам, которые проходили через нее по акушерству и гинекологии, – говорит Борис Вольфович. Она ушла из жизни в 2014-м, но семена, посеянные ею, дают до сих пор далеко не безобидные всходы. Тут невольно подавляешь горестный вздох.

Мы можем выбирать друзей. Но мы не можем выбирать врагов. И, согласитесь, это очень важно, чтобы враги наши были достойными нас. А главное крайне важно, чтобы человек прижил жизнь, не разбазаривая душу, а следуя высокой цели. Яркое тому подтверждение судьба и жизнь в высшей степени интеллигентного человека врача-иммунолога Бориса Вольфовича Каральника.

В заключение, чтобы не впадать в патетику, отзыв человека вроде бы далекого от медицины. Вот что почти год назад сказала Инесса Цой-Шлапак, журналист. Ей в силу обстоятельств пришлось тесно сотрудничать с именитым врачом: «На прошлых выходных отметил свой 87 день рождения Борис Вольфович Каральник – иммунолог, вирусолог и ученый, который посвятил всю свою жизнь науке и продолжает работать. Я познакомилась с ним благодаря проекту «При-

вивка» – он стал одним из наших научных консультантов. Вообще, я всю жизнь буду благодарна «Прививке» за знакомство со многими замечательными людьми и профессионалами, но Борис Вольфович занимает в этом списке особое место. Благодаря нашим долгим беседам, у меня постепенно, по кирпичику укладывалось понимание темы, которую я так самонадеянно взялась освещать. Поначалу задавала совершенно глупые вопросы (сейчас это понимаю), но Борис Вольфович всякий раз терпеливо и подробно отвечал. Сложность ситуации в том, что в сентябре Борис Вольфович сам заболел коронавирусом – впервые за всю пандемию и незадолго до ревакцинации, которую он собирался сделать. Он, кстати, получил прививку одним из первых – еще в конце марта – начале апреля. И меня тогда убедил, почему это важно. Я хоть и работала уже тогда над темой детских прививок, но вакцины от ковида все равно боялась. Сейчас не боюсь. Слишком много узнала за все эти месяцы, чтобы бояться.

Но не об этом сейчас, а о Борисе Вольфовиче. Звонила ему сегодня и порадовалась, что голос стал бодрее – даже в сравнении с прошлой неделей. У него были на 70% поражены легкие, у него больное, еще со времен молодости, сердце и масса других хронических болячек. Но он выкарабкался. Отчасти благодаря вакцине, отчасти благодаря своей воле к жизни и тому профессиональному авторитету, который наработал за свою жизнь. Среди врачей инфекционки, куда его положили, были сплошь его ученики и коллеги, которые делали для него все возможное. И это для меня один из самых важных показателей – насколько человек достойно проживает свою жизнь.

Очень надеюсь, что удастся отметить с Борисом Вольфовичем его 90-летие. Приду к нему в гости с его любимыми шоколадными конфетами, он достанет парадные кофейные чашечки ЛФЗ[1*], мы выпьем кофе и продолжим наш никогда не заканчивающийся разговор об инфекциях».

[1*] Ленинградский фарфоровый завод им. Ломоносова [Электронный ресурс]. Режим доступа: История зарождения Ленинградского фарфорового завода (ЛФЗ) он же Ломоносовский фарфоровый завод. (dvaveka.ru) (дата обращения 07.11.2022).

Ермекбай Ж.А.

Кокшетауские врачи: история и судьбы

В г. Кокшетау, областном центре Кокшетауской[2*] обл. работало немало врачей еврейского происхождения. Здесь они оказались как востребованные специалисты разных направлений, в т. ч. терапевты, кардиологи, хирурги, стоматологи и др. Трудились в городской и областной больницах, лечили горожан и жителей области. До сих пор горожане и жители Акмолинской обл. с добротой и уважением вспоминают врачей, лечивших и поднявших на ноги людей.

Одной из них была ЦукасоваДэбора (Вера) Вульфовна, родившаяся 5 ноября 1921 г. в г. Канске Красноярского края. С начала Великой Отечественной войны в июне 1941 г. семья Цукасовых эвакуировалась из г. Острогожска Воронежской обл. в Алма-Ату, где Вера Вульфовна до 1943 г. работала [санитаркой] в одном из Алма-Атинских эвакогоспиталей.

С 1943 по 1948 гг. Вера Вульфовна училась в Казахском государственном медицинском институте им. В.М. Молотова[1*]. После окончания института В.В. Цукасову приняли в клиническую ординатуру Военно-медицинской академии им. С.М. Кирова в Ленинграде.[2*] Но в 1951 г. из-за ареста отца, которого осудили за несогласие с руководством республиканского управления трудовых резервов, ее отчислили из ординатуры, и она вернулась в Алма-Ату.

В связи с арестом Цукасова Вульфа Ааронoвича, уволили с работы и его супругу – Александру Борисовну, врача отоларинголога. Мама и дочь, обе оказались без работы и стали лишенцами. С трудоустройством помог родственник семьи – Варшавский Г.М.[3*], директор одного из госпиталей Алма-Аты, который узнал, что в Кокчетавской обл. нет главного терапевта.

Область, образованная в 1944 г. стала пристанищем для Веры Вульфовны на целых 46 лет. Ее приезд в Кокшетау был вызван нехваткой главного терапевта в области.

По воспоминаниям Ирины, дочери Веры Вульфовны, г. Кокшетау встретил недружелюбно. Городские власти не могли предоставить молодому специалисту жилье, и ей на первых порах пришлось

[2*] Ныне Акмолинская обл.

[1*] Казахский национальный медицинский университет им. С.Д. Асфендиярова.

[2*] Ныне г. Санкт-Петербург.

[3*] Гдалий Маркович Варшавский // Енисеева-Варшавская Л. Вычитано и выверено мной окончательно!!! – Алматы, 2019 – С.261–263.

жить в мазанке в ингушской семье. После приезда матери В.В. Цукасовой облздравотдел нашел небольшую комнатку в общежитии механического завода. Вера Вульфовна постоянно находилась в командировках по области, т. к. началось освоение целинных и залежных земель, открывались новые районы и совхозы. Работая в должности главного терапевта области, она на машинах, лошадях, самолетах санитарной авиации часто посещала совхозы, колхозы и другие отдаленные населенные пункты по оказанию медицинской помощи жителям сельской местности. Дочь Веры Вульфовны помнит фронтовика казаха водителя по имени Булатыч, который возил ее маму по области, дважды переворачивались зимой в непогоду, получили множественные ушибы и ссадины. Отношения были человеческими, добрыми, даже были в гостях у Булатыча, угощались бешбармаком. Вера Вульфовна летала на самолете санитарной авиации с летчиком Кравченко, и тоже был случай в воздухе, когда открылась дверь со стороны пассажира, и летчику пришлось принять экстренные меры, чтобы спасти жизнь врача. Летчик и его супруга, работавшая в аэропорту Кокшетау, были участниками Великой Отечественной войны, а с их дочерью Людмилой училась в одном классе Ирина.

Постепенно улучшались и бытовые условия, Вера Вульфовна все же получила отдельную квартиру, к тому времени в 1955 г. после досрочного освобождения вернулся к семье ее отец Цукасов В.А.

В 1968 г. по приказу горздравотдела В.В. Цукасову перевели в городскую больницу на должность заместителя главного врача по лечебной части. Работа в городской больнице была связана с интернами, выпускниками медицинских институтов, которые прикреплялись к лечебным заведениям для прохождения профессиональной практики под руководством опытных врачей. По словам дочери у мамы среди молодых врачей были две любимицы – Ирина Васильевна Маслова, дочь врача туберкулезного диспансера В.А. Маслова и Марьям Бижановна Кантарбаева. Интернами были моя супруга Гульмайда Аиповна, выпускница Карагандинского государственного медицинского института, и Татьяна Канапьевна Абдрахманова, ее сокурсница и близкая подруга, которая, к сожалению, рано ушла из жизни.

Татьяна Канапьевна очень тепло отзывалась о Вере Вульфовне как об опытном докторе и наставнице. Отметим, что В.В. Цукасова пользовалась большим авторитетом среди интернов, медсестер, лаборантов, вместе с ними на досуге участвовала в вечерах старинного романса, была в курсе их жизни, ее приглашали на именины, свадь-

бы. Как практикующий врач, Вера Вульфовна передавала свой опыт молодым специалистам, среднему медицинскому персоналу, например, лаборантов кабинета электрокардиографии (далее – ЭКГ) обучала расшифровке электрокардиограмм. В городской больнице Кокшетау В.В. Цукасова руководила кардиологическим, пульмонологическим и эндокринологическими отделениями. Этот период в ее жизни был связан со строительством нового корпуса городской больницы, приобретения стройматериалов, медицинского оборудования, постройки кабинета ЭКГ. Отметим, что кардиология для Веры Вульфовна была главным направлением, когда она познакомилась с ЭКГ и овладела методикой шифрования и описания кардиограмм. Во время работы в кардиологическом отделении началось тесное и интересное сотрудничество с кардиоцентром г. Новосибирска, расположенного в академгородке. По воспоминанию, дочери Ирины, на Веру Вульфовну была возложена огромная работа по подготовке к операции на сердце пациентов Кокшетауской обл., а потом и послеоперационная реабилитация. По многим врачебным вопросам, она часто напрямую общалась с руководителем этого центра с профессором Е.Н. Мешалкиным и его коллегами.

Благодаря В.В. Цукасовой было организовано много разных мероприятий, направленных на улучшение медицинского помощи населению города и области, повышению врачебной квалификации. По ее инициативе научные сотрудники медицинских учреждений Алма-Аты, Москвы, Ленинграда стали приезжать в Кокшетау для обучения и переподготовки врачей, повышения их квалификации. В 1962 г. в Кокшетау были проведены месячные курсы врачей-терапевтов, где лекции и семинары по электрокардиографии провела ассистент 4-й кафедры терапии Центрального института усовершенствования врачей г. Москвы, кандидат медицинских наук И.М. Заславская [1]. В.В. Цукасова постоянно читала научную медицинскую литературу, консультировалась с опытными профессорами медицины, участвовала на разных научных и практических конференциях. Однажды поехала в Пермь, выдержала экзамены и была зачислена ассистентом в клинику местного медицинского института, тем самым хотела посвятить себя науке. Увы, облздравотдел категорически был против увольнения ценного специалиста, и ей пришлось до 1996 г. работать в Кокшетау.

Выйдя по возрасту на пенсию, Вера Вульфовна продолжала работу. В возрасте 65 лет ее пригласили в новый Перинатальный областной центр, где пришлось осваивать новую область медицины,

связанную с беременностью, родами. Так, с 1986 по 1997 гг. В.В. Цукасова врачевала в Перинатальном центре, и это было заключительным этапом ее медицинской карьеры. Как вспоминает ее дочь, «если бы не отъезд в Израиль в 1997 г., то мама бы работала, т. к. медицина для нее была смыслом жизни. Тем более у Веры Вульфовны была феноменальная память, стоило увидеть кого-то на улице и поздороваться, как мама тут же говорила, когда этот человек у нее лежал и с каким диагнозом. Интересно было наблюдать за ней, когда она расшифровывала пленки ЭКГ, дело в том, что в истории болезни собирались пленки разных лет, и все они были правильно определены».

Отметим, что коллеги и пациенты уважали и ценили Веру Вульфовну за профессионализм, доброту и щедрость души. Вклад В.В. Цукасовой в развитие здравоохранения оценен был достойно на государственном уровне, так еще в 1956 г. ее наградили орденом «Знак Почета», в 1957 г. – медалью «За освоение целинных и залежных земель», в 1961 г. – грамотой Верховного Совета Казахской ССР, в 1964 г. – присвоили звание «Заслуженного врача Казахской ССР», в 1966 г. – орденом «Трудового Красного Знамени».

Интерес вызывает дружба Веры Вульфовны и Елены Владимировны Куйбышевой, сестры революционера, партийного и государственного деятеля СССР Валерьяна Владимировича Куйбышева. Елена Владимировна была директором республиканского мемориального музея В.В. Куйбышева и вот в 1951 г. они познакомились, Елена Владимировна лечилась у В.В. Цукасовой. По словам Е.В. Куйбышевой, они приходились двоюродными сестрами по линии матерей. Семьи Куйбышевых и Цукасовых общались, особенно был близок к семье Куйбышевых отец Веры Вульфовны, Вульф Ааронович, участник Первой мировой и Гражданской войн, который после освобождения вернулся к семье в Кокшетау.

Кокшетауцы помнят имя известного доктора Григория Израилевича Хайкина, основоположника челюстно-лицевого отделения Кокшетауской областной больницы. Из его автобиографии известно, что он был призван на фронт со студенческой скамьи Харьковского медицинского института, прошел войну.[1*]

[1*] «В 1940 г. был призван в армию, затем в июне 1941 г. под Киевом попал в плен […] в огромный лагерь Борисполь. Не могу вам не сказать, что в лагере Борисполь выявленные евреи сразу в один из дней были построены в одну колонну (около 800 человек) – офицеры, врачи, медсестры, санитары, солдаты, все они были этапированы в известный во всем мире «Бабий Яр». Ни один из них не вернулся. Я говорил, что […] азербайджанец […] В марте 1944 г. удалось снова бежать из плена и перейти линию фронта […] Попал в контрразведку на тщательную проверку […] и я

После войны, окончив институт, он был направлен в Кокшетауский облздравотдел, где трудился до пенсии и отъезда в Германию. В далеком 1962 г. по его инициативе при областной больнице был открыто челюстно-лицевое отделение, единственное на то время в республике. По воспоминаниям доктора Болата Жанадилова, Григорий Израилович был настоящим профессионалом и энтузиастом, вокруг него работали лучшие специалисты своего дела [2]. К Г.И. Хайкину приезжали пациенты со всей республики, он впервые в области внедрил плановые операции врожденных пороков – расщелины верхнего неба и верхней губы, получивших в народе названия «волчья пасть» и «заячья губа», по собственному методу оперировал переломы нижней челюсти, постоянно читал медицинскую литературу, искал новые публикации по челюстно-лицевому направлению, переписывался с известными в СССР стоматологами, профессорами – Черновым, Дмитриевой, ездил на конференции, настаивал, чтобы молодые специалисты направлялись на курсы повышения квалификации. За свои практические новшества и внедрения новых методик в лечении людей ему была присуждено звание «Изобретатель СССР», коллеги ценили его и уважали.

Работая заведующим челюстно-лицевым отделением областной больницы и главным стоматологом Кокшетауской обл., в обычной жизни был скромным человеком, завоевавшим авторитет у людей своим усердным трудом. По словам коллег, он всегда находил общий язык с пациентами, раньше всех приходил на работу и уходил поздним вечером. Занимаясь практической работой в больнице, Г.И. Хайкин, уделял особое внимание научной работе. Он написал более 40 научных работ, которые нашли место на страницах всесоюзного журнала «Стоматология» и республиканском журнале «Здравоохранение Казахстана». Автор нескольких авторских свидетельств в области челюстно-лицевой хирургии. Также Григорий Израилевич имел поэтический дар, писал стихи, под его пером вышел в печать сборник стихов [3].

Рассказ об известных и именитых врачах Кокшетауской земли будет неполным, если не упомянем верного соратника, супругу Г.И. Хайкина, талантливого хирурга и организатора медицинской службы области Науменко Ангелину Ивановну. А.И. Науменко родилась 12 мая 1922 г. в г. Бобруйске, пережила войну и в 1948 г. после оконча-

---

снова стал участником Великой Отечественной войны […]» Вайден, 30 июня 2009 г. Опубликовано семьей (самиздат) «Стихи разных лет, – Вайден, 2010.

ния медицинского института в Алматы была направлена на работу в Кокшетаускую обл. В августе 1948 г. назначена врачом-ординатором и хирургом областной больницы, а в 1952 г. переведена на должность заведующей хирургической отделением. С декабря 1969 г. она трудилась заместителем главного врача областной больницы по поликлинической работе, отметим, что начиная с 1953 по 1988 гг. Кокшетауская областная больница стало местом ее постоянной работы. С именем Ангелины Ивановны связано развитие после войны хирургии Кокшетауской обл., она организовала срочную хирургическую помощь, внедрила в практику сложные оперативные вмешательства на органах брюшной полости, щитовидной железе, ею было подготовлено более 50 хирургов, которые трудятся в разных странах мира. Государство достойно оценило доктора А.И. Науменко за вклад в развитие медицины, она заслужила звание хирурга высшей категории, Заслуженного врача Казахской ССР, награждена орденами Ленина и «Знак Почета», многими медалями, в т. ч. «За освоение целинных и залежных земель», занесена в «Книгу трудовой славы области», отмечена Почетной грамотой Верховного Совета Казахской ССР. Она родила и воспитала троих сыновей, которые стали гордостью семьи.

Таким образом, заслуженные доктора В.В. Цукасова, Г.И. Хайкин, А.И. Науменко за свою трудовую деятельность внесли выдающийся вклад в развитие здравоохранения Кокшетау и области, начиная с конца 1940-х по 1997 гг. О них до сих пор помнят люди, они в нашей памяти.

1. Зайцев И. Душевная щедрость // Кокчетавская правда. 1962. 6 февраля.
2. Степной Маяк (г. Кокшетау). 2007, 16 августа.
3. Стихи разных лет. Памяти Григория Хайкина. – Вайден, 2010. – 23 с.

Синицкая С.В.
Гонопольский И.М.

Судьба испытывала и награждала…

Жизнь таких людей может стать отличным примером для молодёжи, прокладывающей свои пути-дороги. В ней всё уместно и логично, подогнано без зазора. Характер, разум, оптимизм, добро. То что должно лежать в основе каждой личности, именующей себя человеком.

Кзыл-Орда

В 1948 г. Маркс Гонопольский [1] окончил педиатрический факультет Ленинградского мединститута и по распределению оказался в казахстанском г. Кзыл-Орда. Почему именно там? Видимо, выбор руководства мединститута основывался не только на профессиональных способностях вчерашнего студента, но и на его организаторских качествах и умение справляться с любыми жизненными трудностями, идущими из отрочества и юности. В трудные военные годы он десятиклассником работал на заводе боеприпасов, с туберкулезом позвоночника ходил кочегаром на судне Каспийской флотилии до тех пор, пока болезнь не вынудила покинуть флот. Три года он носил кожаный корсет, и не дал болезни сломить его.

Со своим громким революционным именем он совпал буквально без зазора. Энергичность и энтузиазм сделали юношу секретарем комсомольской организации института, капитаном волейбольной команды. В Кзыл-Орде такие навыки были необходимы: захудалая психиатрическая больничка с пациентами на полу и решетками на окнах попросту разваливалась...

Кзыл-Орда была типичным областным центром Казахстана того времени. Их семья жила «при больнице», в одном из кирпичных строений, прижавшихся к высокой стене больничного дворика. Сыновья, Игорь и Александр иногда шутят, что родились «в психушке». К тому же Александр продолжив семейную линию, стал известным российским психиатром-психотерапевтом, кандидатом медицинских наук, руководителем центра ментального здоровья «Альянс». Он вспоминает, как часто перелезал через стенку и наблюдал за прогулками больных, их поведением. Освоение наследником по прямой психиатрии и закладка наблюдательности, что очень важно для психиатра, начались сызмальства. В отличие от старшего, Игоря, выбравшего себе другую стезю, известного в Казахстане журналиста, театрального и кинорежиссера,

То, что сотворил в Кзыл-Орде Маркс Хаимович, трудно описать словами. Пройдя путь от рядового доктора, заведующего отделением до главного врача, он, один из первых в СССР, снял решетки с окон психиатрических палат, ввел круглосуточную 2-ступенчатую форму наблюдения за больными, добился ремонта и перестройки корпуса барачного типа. Своим оптимизмом он так завёл и сотрудников, и медицинское руководство области, что вскоре Кзыл-Ординская психиатрическая больница стала межобластной. Более того, в Кзыл-Орде

по инициативе Маркса Гонопольского состоялся один из съездов психиатров и невропатологов СССР. И это в то время, когда не все в нашей общей стране знали, что существует такой город на Сырдарье.

Больница становится центром научной и организаторской мысли в Казахстане. За достигнутые успехи Гонопольского назначают межобластным, а затем главным психиатром и наркологом Республики Казахстан. В 1959 г. он защитит кандидатскую диссертацию. В ней будет вскрыт совершенно неизведанный исторический пласт по оказанию помощи психическим больным народными лекарями-дууана, муллами, затем отдельными врачами.

Анализ состояния и развития психиатрической помощи больным позволит рассмотреть действующую систему и предложить пути её реорганизации на основе достижении науки и реалий того времени.

Работа – работой, но и общественная жизнь всегда была для него очень важной. Искрометные капустники, дни рождения коллег и бесчисленных друзей, праздники – у него хватало времени на всё. Вот что значит характер, в котором сошлись целеустремленность, доброта и смелость! А должность-то была не маленькая, руководящая и, следовательно, партийная. Но он использовал её во благо. Например, репрессированным, которые, как известно, могли попасть «под раздачу» за анекдот, помогал с трудоустройством, что было ох как непросто в те, ещё достаточно смутные времена. В общем, когда Марксу Хаимовичу предложили заведовать кафедрой в Институте усовершенствования врачей в Алма-Ате, его провожала вся Кзыл-Орда...

Раннее утро, на взлетной полосе Ил-14, от трапа растянута красная ковровая дорожка. По обе стороны стоят люди, кто плачет, кто-то смеется. Семья Гонопольских идёт к самолету, и в них бросают цветы, конфеты... И самое интересное, многие специалисты в последующем уехали за ним в Алма-Ату...

Алма-Ата

Здесь началась бурная деятельность Маркса Хаимовича на посту заведующего кафедрой психиатрии Алма-Атинского государственного института усовершенствования врачей, где профессор подготовил огромный интеллектуальный потенциал, состоящий из специалистов-психиатров, наркологов не только Казахстана, но и других стран. Сегодня мало найдёшь не только среди рядовых врачей, но светил в данной сфере, незнакомых с его трудами.

Маркс Гонопольский написал и защитил докторскую, посвященную новому разделу психиатрии – эпидемиологии. Этот термин до того времени употреблялся только в инфекционной патологии. Исследования проводились на территории Республики среди 774 000 городских жителей и 332 000 сельчан. Массив статистических данных обрабатывался на счетно-вычислительных машинах, прообразах нынешней вычислительной техники, по оригинальной авторской программе. Подобных работ в психиатрии прежде не было, этой ознаменовался новый шаг в научной психиатрии. В 1970 г. ему было присвоено ученое звание профессора.

Последующие годы Маркс Гонопольский сосредоточился на проблеме наркологии, им были заложены основы научного и прикладного направлений, связанных с этим наркологическим бедствием. Он доказал, что к известным болезненным состояниям – алкоголизму и наркомании – необходимо добавить ещё одно, на тот момент новое – токсикоманию. Были разработаны клинические характеристики единых стадий развития этих классов болезней: от предвестников – к первой начальной, затем второй – хронической и, наконец, третьей – поздней. Они были объединены усложняющимися синдромами, а, следовательно, и системой лечебной, профилактической и реабилитационной помощи.

Содружество Маркса Хаимовича Гонопольского и Эдуарда Арменаковича Бабаяна впервые выделило наркологию из психиатрии в самостоятельную медицинскую дисциплину. В 1981 г. вышел из печати их первый учебник в СССР «Учебное пособие по наркологии», адресованный медицинским училищам и содержащий методические рекомендации. В 1985 г. учебник был переиздан в Нью-Йорке «Textbook on Alkoholism and Drug Abuse in the Soviet Union», в Узбекистане и других странах. В 1990 г. эта работа выдержала повторное издание. Американские ученые-психиатры оценили вклад советских ученых и присвоили звание академика Американской академии профессору Гонопольскому М.Х. Этими людьми была создана вся сеть наркологической службы СССР. А Марксом Хаимовичем, как родоначальником новой медицинской дисциплины, еще и подготовлены специалисты различных уровней – 2500 врачей из Казахстана и других республик бывшего СССР. Затем были подготовлены программы по наркологии для 14 кафедр медицинских вузов бывшего СССР, написаны и изданы учебные пособия «Организация медицинской помощи при алкоголизме» (1982 г.) «Система занятий по наркологии»

(1986 г.), «Учебник для медицинских вузов» (1987 г.) «Практикум по наркологии» (1988 г.)

Первые 14 наркологических диспансеров открылись именно в Казахстане, а разработанные штатные нормативы внедрялись по всей системе Минздрава СССР. Кафедра психиатрии первая в стране получила статус «кафедры психиатрии и наркологии». Началась интенсивная подготовка врачей и фельдшеров-наркологов. Было подготовлено 13 докторов и кандидатов медицинских наук, создана профессиональная школа организаторов психиатрической и наркологической служб.

Большинство сотрудников той кафедры Алматинского государственного института усовершенствования врачей составляли сослуживцы Маркса Гонопольского из кзылординского периода, потянувшиеся за ним. В их доме по праздникам всегда было шумно и весело. 10–12 семей, сплотившихся не только по профессиональному признаку, отмечали все юбилеи и праздники, мастеря плакаты с фотографиями, в непременном сопровождении розыгрышей и всяческих иных проявлений чувства юмора. Часть этого «архива», кстати, сохранилась в Хайфе. А заводилами торжеств всегда были супруги Гонопольские. Маркс Гонопольский внесён в энциклопедию РК, как выдающийся ученый и организатор.

Популяризируя медицинские знания, Маркс Хаимович написал книги и брошюры: «Границы разума», Себя преодолеть», «Возрождение», переведенные на казахский язык. По его сценариям были сняты научно-популярные фильмы: «О покойниках плохо не говорят», «Возрождение», удостоенные престижных премии на кинофестивалях. В Израиле с 1995 г. на основе богатого клинического материала им была создана серия документальных повестей-романов «наркоманы и наркотики». Две книги из этой серии: «Пляски в дискотеке жизни «Грёзы наяву и во сне» Изданы в России и в Казахстане.

Марксом Гонопольским опубликовано 262 научные статьи, из них 14 – в Израиле. В числе публикаций 32 монографии…

Под его руководством прошли апробацию 18 отечественных препаратов психиатрического профиля. Остается лишь поражаться его творческой неутомимости – многолетний главный редактор профессиональных изданий, член исполкома Всесоюзного общества психиатров и наркологов, вице-президент Федерации научных обществ и ассоциаций психиатров СНГ, президент Казахстанской ассоциации

Психиатров и наркологов, член Генеральной ассамблеи Всемирной ассоциации Психиатров.

Оказавшись в Израиле из-за болезни супруги, Маркс Хаимович остался верен себе, влившись в медицинский отдел Хайфского дома ученых. Стал инициатором создания казахстанской диаспоры в Израиле, за что был неоднократно награжден правительственными грамотами руководителей республики, а затем и независимого Казахстана.

О семье...

Мира Наумовна посвятила свою жизнь поддержке мужа. Удивительная красавица, 1926 года рождения, сбежала из дома за избранником из Баку, где он родился, в Ленинград – также учиться в мединституте... Через много лет пара успеет сыграть в Хайфе золотую свадьбу, а потом она уйдет из жизни от цирроза печени, полученного из-за пары вирусов вовремя очередного путешествия по Африке.

Хайфа – город, очень похожий на Баку по расположению у моря и гористой местности. После смерти жены, тяжело переживая утрату, Маркс Хаимович занял на кладбище два места – одно, где покоится Мира, другое – для себя. Общий надгробный камень. Вверху надпись – «Гонопольские», слева надпись «Мира», справа через несколько лет возникло имя «Маркс»…

1. Гонопольский М.Х. – психиатр, клиницист, организатор психиатрической и наркологической помощи, кандидат наук (1959), доктор медицинских наук (1969), профессор. Академик Академии медицины и психиатрии США (1994) и Российской Академии естественных наук (1998). Профессиональную деятельность начал врачом-ординатором, вскоре становится зав. отделением, а затем главным врачом психиатрической больницы г. Кзыл-Орда (Казахстан), а в 1957–1991 гг. – главным психиатром Казахстана. В 1962 г. был назначен доцентом факультета усовершенствования врачей Алма-Атинского медицинского института. В 1964 г. возглавил созданную им кафедру психиатрии, а в последующем – кафедру наркологии нового Алма-Атинского института усовершенствования врачей. 1970-е и последующие годы сосредоточился на проблеме наркологии. Награжден правительственными наградами Республики Казахстан.

Мошкевич М.В.

Жить для людей [1*]

Врач-аллерголог, доктор медицинских наук, профессор, лауреат Государственной премии Республики Казахстан в области науки, заслуженный деятель РК, академик Европейской Академии аллергологии и клинической иммунологии, Почетный член Ассоциации врачей и провизоров Казахстана «Жить для людей» – Виктор Семенович Мошкевич, а для меня мой папа, мой родной, любимый человек. Всю свою жизнь он посвятил лечению людей и спасению от тяжелых недугов.

Отец родился в Харькове 8 октября 1928 г. в семье врачей, поэтому выбор профессии был очевиден. Дедушка, будучи врачом, был мобилизован на фронт и прошел всю войну, работая в госпитале. Бабушка (тоже была врачом) и папа в числе многих в годы войны были эвакуированы из Харькова в Таджикистан. Случись иначе, они, скорее всего, бы погибли, как миллионы евреев.

После войны отец поступил в Харьковский медицинский институт, который окончил с отличием по специальности оториноларинголога. По окончанию был распределен в Казахстан. Здесь в Алма-Атинской областной больнице началась его трудовая биография от лор-врача до заведующего отделением.

Мой отец прошёл полувековой (51 год) профессиональный путь.

Хочу остановиться на некоторых моментах. Работая в НИИ Краевой патологии, он занимался исследованием последствий испытания атомного оружия. Группа ученых, в которую входил отец, объезжала все районы Семипалатинской обл., обследуя местных жителей. Благодаря этой работе, у людей, проживающих в этом регионе, были выявлены патологии, вызванные испытаниями атомного оружия. Документы были представлены на суд общественности, и об этой важной теме люди заговорили на высоком уровне. Вот как отзывался о проделанной работе директор НИИ Краевой патологии академик Атчабаров Б.А.: «Виктор Семенович, Вы внесли неоценимый вклад в общечеловеческое дело, являясь начальником клинического отряда экспедиционных исследований АН КазССР. Таким образом, благодаря этим разработкам получилось перейти от наземной формы испытаний на подземную, а также формированию антиядерного народного дви-

[1*] Благодарю за предоставленную информацию профессора, доктора медицинских наук, врача-аллерголога – Митковскую О.А.

жения «Невада Семипалатинск»[1*] и в итоге к закрытию Семипалатинского ядерного полигона».

Отец не мыслил себя без работы. Меня всегда удивляло, сколько сил и энергии он тратил, совершенствуя свое мастерство. В его ежедневники на каждый день планировалось шесть-восемь дел, и он, придя домой, громко сообщал домочадцам, что сегодня успел сделать, где был и в общем как прошел день. Фактически и дома он не сидел без дела, постоянно печатал на машинке статьи, переводил иностранные журналы по аллергологии и конечно, консультировал всех, кто к нему обращался по медицинским вопросам.

Я всегда восхищалась, как он мог разбираться не только в своей области, но и в других узких медицинских вопросах.

Папа был настоящим Врачом, поэтому его так любили пациенты, некоторые стали практически друзьями нашей семьи. Несмотря на свои звания и заслуги, отец мог одинаково на равных разговаривать и с академиками, и с простыми людьми, приходящими к нему за помощью. Выезжая в отпуск в местный санаторий, первым делом он собирал сумку с медицинской литературой и журналами. А так как его хорошо знали врачи и персонал санатория, они часто просили отца сделать консультации для отдыхающих людей, и он никогда не отказывал им в помощи.

Несмотря на большой опыт и авторитет в медицинских кругах, отец не считал зазорным учиться чему-то новому, как по своей специальности, так и в повседневной жизни. Ему было важно идти в ногу со временем.

Например, он окончил Институт иностранных языков, зная английский язык так, что мог свободно делать доклады на европейских конгрессах. Находясь уже в достаточно зрелом возрасте, освоил компьютер, который заменил ему печатную машинку, умел хорошо фотографировать и сам занимался проявлением и печатью фотографий.

Посещая ежегодно Европейские конгрессы, выступая там с докладами, он всегда привозил много литературы по аллергологии, непосредственно общался с международными светилами в этой области,

---

[1*] Антиядерное движение в Казахстане «Невада Семипалатинск» было образовано в 1989 г. и стало одним из первых крупных антиядерных движений на постсоветском пространстве. Возглавлялось писателем Олжасом Сулейменовым и привлекло тысячи людей к своим протестам и кампаниям, которые в конечном итоге привели к закрытию ядерного полигона в Семипалатинске на северо-востоке Казахстана. *См. Казахстан за безъядерный мир. Сборник документов и материалов / Отв. редактор В.Н. Шепель. Сост. Р.М. Абдуали, А.Е. Асанбаева (ответ.), Е.М. Грибанова (ответ.), Г.Н. Мурзагалиева, А.Т. Сулейменова. Изд. 2-е переработанное и доп. – Алматы: Print Express, 2011. – 285 с. + 12 с. вкл.*

обменивался опытом, таким образом, узнавая новые методики и приёмы в лечении аллергии. А потом с удвоенной силой старался внедрить их в Казахстане, в своем Аллергологическом центре и в стационаре, где он длительно руководил отделением аллергологии. Все это было сделано для того, чтобы пациенты нашей Республики смогли получать квалифицированную помощь, на высоком международном уровне. Яркое свидетельство этому было то, что для Казахстана были закуплены диагностические аппараты «Юникап», позволяющие с высокой точностью устанавливать высокий спектр аллергенов у больных. Вот, например, запись, которую оставил в 1976 г. в журнале почётных гостей академик АМН СССР профессор Н.А. Преображенский: «С большим удовлетворением и радостью ознакомился с деятельностью Аллергологического центра при Республиканской клинической больнице. Его научная деятельность и практическая работа соответствует высокому международному уровню…».

Здесь же есть комментарий академика из Москвы Адо А.Д. и профессора Сомова Б.А.: «Посещение Аллергологического отделения Республиканской больницы произвело очень большое впечатление. Мы уверены, что уровень организации, специализированной противоаллергологической помощи не только не уступает, но и во многом превосходит таковую в лучших аллергологических учреждениях Европы и Америки…». Эти достижения были возможны, благодаря инициативе и усилием отца и его сотрудников.

К самым значимым изобретениям относится препарат для специфической иммунотерапии Антиполлин. Отец разработал его состав и внедрил в производство. Это было сделано в 2002 г., а зарубежные аллергены появились на рынке после 2005 г.

По силам ли это всё одному человеку? Да, если он беззаветно предан своему делу, и оно становится частью его жизнью.

Папа на первый взгляд, как все ученые был немного отрешен от бытовых вещей и никогда не придавал им большого значения. Но при этом он всегда держал «руку на пульсе», когда в семье нужно было решать вопросы воспитания, обучения и отдыха как детей, так и внуков. Этому он придавал серьезное значение и выделял время на беседы с родными и отдых в кругу семьи.

Родители имели круг друзей и собирали у себя большие компании. Папа всегда был в центре стола и много шутил. До сих пор наша семья часто вспоминает его шутки. Вот, к примеру, одна из них, которую он часто повторял, когда в семье появилось два внука, он с

гордостью рассказывал: «У меня два внука: один очень шустрый и активный, а второй очень тихий и скромный. Вот бы их соединить, потом разделить пополам и получился бы отличный человек», при этом он показывал большой палец.

Мне часто помогало его чувство юмора в тяжелые периоды жизни. Папа говорил мне, что надо быть профессионалом своего дела, всегда идти вперед, изучая что-то новое и интересное, помимо своей специальности: идти на курсы английского, обучаться вождению автомобиля, заниматься спортом. Этот урок я усвоила, и мне он очень пригодился в жизни. В тяжелые периоды жизни отец целиком погружался в работу, писал книги, преподавал в Медицинском институте, обучал молодых врачей аллергологии. Даже уже будучи тяжело больным, он не унывал, держался очень мужественно, да еще нас подбадривал и успокаивал. Никогда не забуду, как перед его уходом пришла проведать его в больнице. Мне кажется, что он как врач понимал, что уходит, но старался меня поддержать и успокоить, говоря, что делаю все правильно, и чтобы я не переживала, добавляя: «Ну, ведь до 120 лет никто еще не доживал».

Папа оставил после себя большое наследие в виде книг, учебников по аллергологии. Он автор 9 изобретений, 10 монографий, учебников и методических рекомендаций около 200 научных статей в отечественных и зарубежных журналах. А также благодарных учеников – врачей, в которых он вкладывал всего себя, и которые сегодня продолжают его дело.

Отец подготовил 24 кандидата медицинских наук и 4 докторов наук. Многие из его учеников успешно работают по профилю в клиниках Европы, США, Канады, Германии и Монголии. Он регулярно проводил курсы по усовершенствованию врачей Казахстана, Кыргызстана, Узбекистана и Таджикистана. Я думаю, что многим людям он запомнился как профессионал своего дела и, конечно, как доброжелательный, высоко порядочный человек.

Много его изобретений сегодня актуальны и необходимы в лечении больных аллергией.

Я горжусь, что ношу его фамилию, что выросли его внуки и появились на свет его правнуки, которые тоже носят его фамилию. Надеюсь, что кто-то из них, возможно, станет врачом и продолжит династию. Но самое главное, что в них течет кровь моего отца, а это верный знак того, что они будут хорошими людьми и профессионалами своего дела.

Бароховская Л.С.

Нет ничего более важного в жизни, чем знание своих истоков

Воспоминания о детстве обрывочны и хаотичны. Причем, сложно вычленить собственные воспоминания от позднейших напластований, появившихся в результате рассказов взрослых о каких-либо событиях нашей семейной жизни.

[…] «Страшная, зияющая яма, полная крови и растерзанных тел…». Так назвал писатель Борис Ширяев Соловецкий лагерь особого назначения (СЛОН) – крупнейший в СССР исправительно-трудовой лагерь на территории Соловецких островов, действовавший с 1920 по 1933 гг. Именно туда угодил мой отец,
Бароховский Самуил Львович, который так же, как и большинство остальных заключенных, абсолютно не представлял, за что, собственно говоря, они сосланы [1].

Значительную часть заключенных составляли т. н. «политические» – духовенство, офицеры белого движения, эсеры, интеллигенция. Людей направляли туда не за преступления и провинности, а тех, кто представлял угрозу советскому режиму самим фактом своего существования. Какая угроза советской власти могла исходить от моего отца, совсем молодого в те годы – ума не приложу […].

Когда было запланировано строительство Беломоро-Балтийского канала, решили использовать для этого уцелевших заключенных Соловецкого лагеря. В их числе оказался и мой отец. […] Очевидцы вспоминают, что людей, которые падали от изнурительного труда и голода, надзиратели сбрасывали в бетон. Так что Беломорканал, как и практически все «великие стройки социализма», построен в прямом смысле на человеческих костях…

Как же удалось выжить моему отцу в этой страшной мясорубке? Я думаю, что спасли его два фактора. Прежде всего – возраст. Погибали в первую очередь пожилые и больные люди. Он был молод, здоров и, как следствие, вынослив. Второй фактор – профессия. Напоминаю, что он успел до ареста закончить в Днепропетровске коммерческое училище и получить специальность бухгалтера. А бухгалтеры были востребованы всегда и везде, в любом государстве и при любом строе. Может быть, его использовали в качестве табельщика, учетчика или нормировщика. […]

Это, конечно, мои догадки и предположения, но факт остается фактом – отец остался в живых. Следующий достоверный этап его

биографии зафиксирован в военном билете: «Призван по мобилизации Столбищенским РВК [райвоенкомата] Т. (Татарской) ССР 15 сентября 1943 г. 911 б-н (батальон) аэродромного обслуживания зам. начальника отдела П. ср. с.».

Долго размышляла над этой скупой записью. Во-первых, почему его призвали только в 1943 г.? Всех остальных моих родственников призывного возраста «поставили под ружье» в июне, в крайнем случае, в июле 1941 г. Ответ я нашла, читая в интернете статьи на тему «Поражение в правах». Отец рассказывал, что ему, как и другим репрессированным запрещалось жить в Москве и в ряде других крупных городов. Были и еще какие-то ограничения по мелочи. И главное – оказывается, «пораженцев» не призывали в ряды Советской армии. Я наткнулась на постановление Пленума Верховного суда СССР от 7 января 1943 г. «О порядке досрочного снятия поражения в правах в отношении лиц, отбывших основную меру наказания и подлежащих по своему возрасту призыву или мобилизации», в котором указано, что «в условиях военного времени было бы явно нецелесообразно лишать возможности выполнить свой воинский долг тех лиц, которые отбыли наказание за преступления, не представляющие общественной опасности, тем более что, как правило, эти лица сами выражают желание отправиться на фронт и там загладить свою вину перед родиной».

Полтора года кровопролитной войны понадобилось, чтобы партийные чиновники одумались и приняли такое решение! За это время погибли миллионы советских солдат и мирных жителей, сотни тысяч людей с оккупированной территории были угнаны в рабство в Германию, тысячи городов и сел нашей Родины были разрушены, сожжены… К 1943 г. ситуация для СССР стала приобретать катастрофический характер. В приказе № 227, названном в народе «Ни шагу назад!», И. Сталин признался, что с учетом территориальных потерь Советского Союза нацистская Германия стала обладать превосходством в людском и продовольственном потенциале. СССР оказался на краю гибели, отступать было некуда. Союзники не торопились с открытием Второго фронта. Тогда руководство страны наконец-то решило использовать «неприкосновенный запас» – миллионы собственных граждан, прошедших, в основном безвинно, крестный путь Гулага…

Итак, с датой призыва я разобралась. Теперь – место. Почему Столбищенский райвоенкомат, почему Татарская ССР? Опять же я вспомнила рассказ отца, что его родители, Бароховские Лев Яковле-

вич и Любовь Симоновна, во время Великой Отечественной войны были эвакуированы в Казань. Там они и умерли, сначала бабушка, потом дедушка. Очевидно, отец, не имея права жить в самой Казани, приютился неподалеку, в с. Столбище, расположенном в 17 км от города. Отсюда он и был мобилизован, после того, как правительство «смилостивилось» и разрешило своим опальным гражданам смыть кровью никому не ведомую вину. […]

В военном билете отца отмечено, что он принял военную присягу 7 ноября 1943 г. Дошел до Германии, демобилизован на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР 10 марта 1946 г. [2].

В Берлине закончился военный путь и его младшего брата, Михаила Львовича Бароховского. Благодаря хорошему знанию языка идиш, сформированного еще в средние века на базе верхненемецких диалектов, дядя Миша стал на фронте переводчиком. […]

Мой дядя, в качестве переводчика, помимо [ведения] допросов пленных, иногда входил в состав разведывательных групп, переводил трофейные документы, перехватывал сообщения по радио на немецком языке и телефонные переговоры противника. После окончания войны Михаил Львович, по словам отца, работал еще какое-то время в Берлинской комендатуре.

«У войны не женское лицо» – книга белорусской писательницы Светланы Алексиевич[1*] о трагических судьбах советских женщин, вольно или невольно оказавшихся участницами Великой Отечественной войны. В то же время в Советском Союзе, в регионах, куда не докатилось пламя войны, жили другие женщины, которые не слышали взрывов снарядов, не испытали ужасов бомбежки, но их жизнь также круто изменилась после 22 июня 1941 г. Эти женщины не стреляли, не рыли окопы, их не награждали орденами и медалями. Они просто работали, не покладая рук, выполняя не только свои женские обязанности, но и заменяя мужей, братьев, сыновей, ушедших на фронт. И тем самым помогали выстоять армии, тоже защищали Родину от фа-

[1*] В документально-очерковой книге белорусской писательницы, лауреата Нобелевской премии по литературе 2015 г. собраны рассказы женщин, участвовавших в Великой Отечественной войне. Название книги – начальные строки из романа белорусского писателя Алеся Адамовича «Война под крышами» (1960). Написана в 1983 г., впервые опубликована в журнале «Октябрь» в начале 1984 г. (в журнальном варианте), ещё несколько глав вышли в том же году в журнале «Нёман». Часть воспоминаний была вычеркнута цензорами (обвинявшими автора в пацифизме, натурализме и развенчании героического образа советской женщины) или самим автором; в более поздних изданиях многие из этих пропусков восстановлены. В 1985 г. книга вышла отдельным изданием сразу в нескольких издательствах, в первом минском издании была озаглавлена «У войны – не женское лицо…».

шистского нашествия. В числе этих женщин была и моя бабушка, Федосья Тихоновна Кривошлыкова, в девичестве Шапошникова. […]

Когда началась Великая Отечественная война, мужчины призывного возраста, естественно, ушли на фронт. Вся колхозная работа легла на плечи женщин, стариков и подростков. У бабушки к этому времени было две дочери – Валя 12-ти лет, моя будущая мама, и младшая Люба, которой исполнилось 4 годика.

– Я всю войну спала по 2 часа в сутки. С вечера, когда ребятишек укладываю, прилягу с ними на час. Потом встаю и начинаю работать. Ведь целый день в колхозе, а для домашних дел только ночь оставалась. Стираю, починяю, перешиваю, перелицовываю […]

По ночам бабушка, как и все остальные женщины в селе, пряла шерсть, вязала носки, варежки. Причем не только для своей семьи, но и отправляли на фронт солдатам. Приходилось делать работу, которая традиционно считалась мужской – подшивать валенки, ремонтировать конскую сбрую, рубить дрова.

– Вожусь до 3 утра, потом вздремну часок и встаю. Нужно корову подоить, сена ей дать, напоить, печку затопить, подбелить, еду ребятишкам на день приготовить. А летом огород добавлялся – посадить, полить, прополоть… Волосы лишний раз расчесать было некогда. Закручу косу, приколю гребенкой, косынку завяжу – и побежала.

В 6 утра бригадир шел по улице, стучал в окна, собирая колхозниц на работу. Дом Кривошлыковых он обходил без стука – знал, что Федосья и так давно на ногах, никогда не проспит, не опоздает. Когда заканчивалась уборочная страда, проводили колхозное собрание, где подводили итоги, решали разные вопросы. В том числе – кто будет ухаживать за лошадьми зимой. Желающих было много, все предлагали свою кандидатуру – почему то эта работа считалась престижной. Только бабушка сидела молча, не участвуя в перепалке. Но бригадир решительно заявлял, выслушав всех: «Если хотим, чтобы к посевной лошади были в порядке – надо поручить их Федосье Кривошлыковой».

В деревне все на виду, знают цену каждому человеку. Знали, что крестьянская закваска, полученная бабушкой в детстве, осталась на всю жизнь – сам недоешь, недоспи, а скотину (в смысле животное) обиходь вовремя! Она все делала на совесть, ей не нужно было напоминать что-то, контролировать.

Как-то привезли в Ромадан [Бескарагайский р-н Восточно-Казахстанской обл.] полный грузовик ребятишек. Сироты с оккупи-

рованной территории. Насмотревшиеся на ужасы войны, измученные дальней дорогой, наголодавшиеся, намерзшиеся, больные…

– Разбирайте!

Деревенские женщины разобрали детей по домам. Моя бабушка, у которой было две дочери, взяла мальчика, ровесника старшей, Вали. Его звали Миша, фамилия Одут, из Белоруссии. Он прижился в семье Кривошлыковых, ставшей ему родной. Михаил вырос, отслужил в армии. Жил потом в Павлодаре, но постоянно писал письма, поздравлял с праздниками, приезжал в отпуск. Родственников М. Одута так найти и не удалось, хотя моя мама пыталась ему помочь, писала запросы, обращалась на Всесоюзное радио, где после войны шла популярная передача «Найти человека», которую вела Агния Барто.[1*]

Не миновали тяжелые испытания и Боруховских, родственников со стороны отца. Об этом периоде их жизни рассказывает в своих воспоминаниях мой двоюродный дядя, Арон Шулимович Боруховский. В повести «В старые времена, или Картина из прошлого» он пишет: «К началу Великой Отечественной войны я уже два года жил в Москве, где учился в Первом мединституте. Родителям нужно было эвакуироваться самим, без нашей помощи (напоминаю, что родители автора жили на Украине, в г. Ромны, Сумской обл.), и папа купил лошадь с подводой, погрузил кое-какие пожитки, и они с мамой отправились в Харьков в надежде уехать в Горький, где к тому времени уже находился завод, на котором работал Миша».

Миша – это старший брат Арона, Михаил Семенович (Шулимович), получивший бронь – освобождение от мобилизации в армию – которую давали высококлассным специалистам в стратегически важных для обороны отраслях промышленности и хозяйства. В семье Боруховских был еще более старший брат, Абрам, 1906 года рождения, работавший в то время в Совете министров и также не подлежавший призыву, как ценный специалист.

Арон Шулимович продолжает рассказ об эвакуации своих родителей в начале войны: «В один из дней началась бомбежка, родители оставили лошадь на обочине дороги, а сами укрылись в канаве. Когда налет закончился и родители вылезли из канавы, оказалось, что ло-

[1*] Выходила на радио «Маяк» с 1965 г. один раз в месяц, и в каждом выпуске рассказывалось о 10-13 судьбах. После каждой передачи приходили всё новые и новые письма – родители по воспоминаниям узнавали своих детей, встречались с ними, и так почти 20 лет спустя воссоединялись семьи. Передача просуществовала почти 10 лет, итог работы Агнии Барто – около 1000 воссоединённых семей. [Электронный ресурс] Режим доступа: Ищем человека с Агнией Барто | НЭБ | Дзен (dzen.ru) (дата обращения 19 сентября 2022) (прим. ред.).

шадь убита прямым попаданием. К счастью, родителям удалось добраться до Харькова, оттуда на поезде до Горького, а дальше в Андижан к маминому брату».

А.Ш. Боруховский в автобиографической повести «Это же бык!», опубликованной 20 марта 2012 г. на сайте «Booknik» [3] пишет: «С 1941 по 1943 гг. я был в эвакуации в г. Андижан Узбекской ССР, куда попал после окончания двух курсов Первого Московского медицинского института им. Сеченова. С июня по сентябрь 1941-го я был на рытье противотанковых траншей в Смоленской обл., куда нас, студентов, направили на трудовой фронт. Возвратившись в сентябре в Москву, я узнал, что занятия не начинались, институт в спешном порядке эвакуировался в Пермь. В армию из-за очень плохого зрения меня не взяли. Москвичи покидали город, разъезжаясь, кто куда, и мой старший брат посоветовал мне уехать в Андижан к дяде, где я два года работал в эвакогоспитале, сначала дезинфектором и медбратом, а потом начальником медицинской канцелярии. В 1943 г. мне удалось вернуться в Москву с Третьим московским мединститутом, который возвратился из эвакуации из Ферганы». После возвращения в Москву Арон был зачислен на третий курс мединститута. В одной группе с ним оказалась эвакуированная студентка из Витебска, Фира Лейтес, его будущая жена. Окончив институт в 1946 г., они поженились и отправились по распределению в Курганскую обл. В облздравотделе их направили на работу в с. Долговка Косулинского р-на. Арон Шулимович вспоминает: «Нас встречает местный врач, мужчина среднего роста, в шляпе, с кавказской внешностью, с черными усами. Это Гавриил Абрамович Илизаров, впоследствии всемирно известный травматолог, совершивший переворот в лечении переломов» […]

После окончания Великой Отечественной войны жителям СССР тоже не давали скучать. Особенно евреям. Развернулась антисемитская кампания под названием «борьба с космополитизмом». Евреев клеймили как «безродных космополитов», лишенных всяких корней, чужаков, поклоняющихся западному, капиталистическому образу жизни. Ряд деятелей еврейской культуры были арестованы, а позже расстреляны. Старший сын Боруховских, Абрам, был уволен из министерства и долго не мог найти новую работу, никуда не принимали. Арон Шулимович пишет: «…Поползли кем-то инспирированные слухи, что мы с женой во время отпуска в Москве встретились с Михоэлсом, хотя он был убит в 1948 г., а шел 1952-й, и от него мы

привезли два чемодана с сыпнотифозными вшами, чтобы заразить жителей… сыпным тифом…». Соломон Михоэлс, художественный руководитель и главный режиссер Московского государственного еврейского театра (ГОСЕТ), талантливый актер, пользовался огромным авторитетом в мире. Будучи председателем Еврейского антифашистского комитета (ЕАК), созданного в 1942 г., ездил в США и страны Европы для организации финансовой поддержки СССР в борьбе с фашизмом.

Когда окончилась Вторая мировая война, С. Михоэлса, за ненадобностью, переквалифицировали в «буржуазного националиста». Последней каплей было то, что во время одного из выступлений в декабре 1947 г. он одобрительно отозвался о предстоящем создании государства Израиль, чем подписал себе смертный приговор. Его ликвидация была инсценирована как автомобильная катастрофа во время поездки в Минск. Арон Боруховский и его жена Эсфирь хлебнули горя также в связи с «делом врачей», сфабрикованным спецорганами. Группу московских врачей, большая часть из которых была евреями, обвинили в намерении «истребить руководящих лидеров СССР». Их именовали не иначе, как «убийцы в белых халатах». Начались массовые увольнения врачей-евреев с работы. «Плановые операции почти полностью прекратились – люди боялись, что я умышленно сделаю операцию не так, как нужно. Если возникала необходимость в экстренной операции, то обычно задавали вопрос: «Доктор, а вы меня не зарежете?». К жене в роддом женщины ложились со страхом, боясь, что жена умертвит ребенка». И это несмотря на то, что их обоих уже хорошо знали в районе, ценили как опытных врачей, относились с уважением! «Я не помню практически ни одного случая, чтобы мы досмотрели до конца хоть один кинофильм в районном доме культуры, чтобы среди сеанса не раздался возглас «Боруховский (или Боруховская), на выход!». Значит, в больницу привезли больного, требующего неотложной помощи. Редко нам с женой удавалось спокойно проспать всю ночь. Часто по несколько раз за ночь раздавался стук в окно – нас вызывали в больницу».

На счету у каждого из супругов были десятки спасенных жизней, сотни вылеченных пациентов. Однако достаточно было одной клеветнической статьи в газете, чтобы их, как и миллионы других врачей-евреев на территории СССР, заподозрили во вредительстве и прочих смертных грехах. Как же легко тогда можно было манипули-

ровать общественным сознанием! Да что там – «было», «тогда»! Так оно и осталось, к сожалению, по сегодняшний день…

Мой отец, Самуил Львович Бароховский, был демобилизован из армии после окончания Великой Отечественной войны в марте 1946 г. Родина встретила его неласково. Переяслав, город детства и юности, опустел. Родственники – кто погиб во время войны, при «окончательном решении» фашистскими захватчиками «еврейского вопроса», кто уехал. Родители были эвакуированы в Казань. Мать, Любовь Симоновна, там и умерла, простудившись морозной зимой из-за отсутствия достаточного количества теплой одежды.

Отец, Лев Яковлевич, продолжал жить в Казани, но приютить сына не мог – Самуилу было по-прежнему запрещено проживание в ряде крупных городов. В XIX в. они назывались «университетские города». В XX в. добавился термин «101-й километр»: репрессированным, отбывшим наказание в колонии, запрещали жить в пределах 100-километровой зоны вокруг столичных и крупных городов, а также в закрытых и портовых городах СССР.

В послевоенные годы опять возобновились политические гонения, приостановленные во время Великой Отечественной войны. «Ленинградское дело», «дело врачей», преследование ученых-генетиков и кибернетиков… Появился еще один народный термин – «повторники». Так называли тех, кто подпал под новую волну репрессий, едва успев отбыть срок. Евгения Гинзбург, автор знаменитого «Крутого маршрута» назвала 1949-й г. « родным братом» 37-го.

Массовые повторные аресты начались по определенной системе. Как догадался один из магаданских знакомых писательницы, врач Яков Михайлович Уманский, арестовывали по алфавиту. Ведь у МГБ, реорганизованного из НКВД, были уже готовые списки. Знал ли отец об этой системе? Не уверена. Но он был обладателем фамилии, начинающейся с одной из первых букв алфавита, а значит – в любой момент мог отправиться в «места не столь отдаленные». За что арестовывали? Как пелось в шуточной песне заключенных (они еще и шутить умудрялись!),

«За троцкизм, за терроры,
За политразговоры,
А по правде – сам черт не поймет!»

Никаких иллюзий в стиле рекламного предвыборного лозунга тех лет «За дядю Сталина и я свой голос отдаю, за дядю Сталина, за жизнь и за судьбу мою!» у отца, конечно, не было. Пребывание на

Соловках и на Беломорканале было пожизненной «прививкой» от всяческих иллюзий. Один из вариантов спасения, первым пришедший ему в голову – затеряться на просторах огромной страны. Желательно – на окраине, подальше от центра. Так мой будущий отец оказался в Казахстане, в г. Кустанае. Именно там он встретился с моей будущей мамой, Валентиной Кривошлыковой. Она попала в Кустанай по распределению, после окончания в Семипалатинске техникума легкой промышленности.

Первое время молодожены колесили по Казахстану в поисках подходящего для проживания места. Но после того, как Валентина поняла, что у нее скоро будет ребенок, решили податься поближе к ее родителям и родственникам, то бишь в Семипалатинск. Следом за мной через год на свет появился мой младший брат Яша.

Сказать, что мы жили бедно – ничего не сказать. Бедно тогда жили 99% населения бывшего СССР. Мама вспоминала, что в роддом в качестве передачи отец принес ей буханку серого хлеба. На работу его брали неохотно и чаще всего быстро увольняли, не желая лишних проблем с бывшим репрессированным «элементом». Но однажды отцу сказочно повезло – его сгоряча, не разобравшись толком с документами, приняли начальником отдела снабжения мясокомбината. И главное – тут же дали квартиру в только что построенном доме.

Получение отдельной квартиры в то время, когда большинство населения страны жили в землянках и бараках, а в Казахстане – еще и в саманных домишках, было настоящим подарком судьбы. Ведь в первые послевоенные годы жилищное строительство почти не велось. Все силы и ресурсы государства были направлены на восстановление разрушенного гитлеровцами народного хозяйства в европейской части СССР.

Двухкомнатная квартира, выделенная нашей семье, находилась в одном из двухэтажных мясокомбинатских домов по ул. Краевой. Позднее ее переименовали в проспект Мира, а сейчас это проспект Ауэзова. Говорят, детские воспоминания – самые прочные. Это действительно так. До сих пор, что бы мне ни снилось, действие неизменно происходит в той квартире № 16, где я сделала свои первые шаги. Она казалась мне огромной и самое главное – в ней был балкон! Огороженный деревянными балясинами, с деревянным полом, выкрашенный в шоколадный цвет! Балкон был предметом неутолимой зависти соседских детей, живших в квартирах на первом этаже.

И тут стряслась беда – отца в очередной раз уволили с работы. И не просто уволили, а по 47-й ст. КЗОТ СССР. Эта статья «применялась ко всем видам нарушения трудовой дисциплины: прогулы, систематические опоздания на работу, регулярное перечение начальству и на выполнение указаний оного».

Я не думаю, что отец прогуливал или опаздывал на работу, тем более – систематически. А вот что касается «перечения начальству»…Тут, пожалуй, в точку. Хотя он прекрасно понимал, что язык может довести не только до Киева, но и до Колымы – никак не получалось смолчать. Когда он слышал нелепое, на его взгляд, указание от « вышестоящих товарищей», он начинал возражать. Какому начальнику это понравится? Итак, мы опять, в очередной раз остались без средств к существованию.

Но самое скверное, что увольнение по 47-й ст. влекло за собой «лишение права пользования квартирой, предоставленной ему (сотруднику) в доме данного предприятия или учреждения». Вот это уже была катастрофа! Оказаться на улице, не имея работы, с двумя маленькими детьми на руках… И тут в бой с бюрократической системой вступила мама. Потомок донских, а позже прииртышских казаков, обладательница горячего и крутого нрава, она заняла круговую оборону, превратив нашу квартиру в крепость.

Отец ютился у родственников, знакомых, пробираясь домой тайком, по ночам, принося какую-то еду. Мама закрылась на ключ и не открывала дверь никому из представителей мясокомбината, пытавшихся вернуть жилплощадь, так опрометчиво предоставленную работнику, не оправдавшему «высокого доверия». Когда они поняли, что добровольно мы не сдадимся – обратились в милицию. Вызванные милиционеры с лестничной клетки пригрозили выломать дверь. Мама, доведенная до отчаяния, взяла в руки топор и сказала, что первому, кто войдет в квартиру она отрубит голову. Сказала так, что представители власти поняли – с «узурпаторшей» шутки плохи. Они потоптались за дверью, пошептались, и кто-то из них произнес: «Да ну её к черту!» Естественно, им не хотелось рисковать своей жизнью. Кроме того, я думаю, они по-человечески сочувствовали нашей семье, загнанной в угол жизненными обстоятельствами. В общем, квартиру мама отстояла. Нас оставили в покое.

Отец быстро влился в немалую в тот период еврейскую общину Семипалатинска. Его постоянно приглашали на шабат, еврейские праздники. Отец был участником миньянов – коллективной молитвы.

Чаще всего они организовывались на квартире Кременецких. Иосиф Моисеевич, участник и инвалид Великой Отечественной войны, работал на мясокомбинате. Возможно, они с отцом именно там и познакомились. Дочь И.М. Кременецкого, Роза Иосифовна преподавала на кафедре зарубежной литературы Семипалатинского пединститута. Она поступила на учебу в московскую аспирантуру, но защитить диссертацию ей не позволили. Причина была ясна – принадлежность к неугодной национальности.

У меня сохранилась фотография моих студенческих лет, сделанная во время смотра художественной самодеятельности филологического факультета в 1973 г., в актовом зале старого корпуса, в бывшей мужской гимназии. За столом сидят члены жюри, преподаватели филфака. Слева направо: Алла Ивановна Олейник-Трегуб, Маргарита Владимировна Ковальцова, Зоя Александровна Гиря, Роза Иосифовна Кременецкая, Галина Максимовна Нестерова. […]

Итак, давным-давно было мое детство, Новостройка. Мы шли по улице с отцом. Он был очень общительным. Если он встречал знакомого еврея, он радостно восклицал: «Шалом!» и начинал говорить с ним на непонятном мне языке (потом уже я узнала, что это был идиш). Встреченный реагировал несколько странно – он в первый момент как бы приседал от неожиданности, потом начинал тревожно оглядываться по сторонам, наблюдая за реакцией прохожих и стремился завершить эту беседу побыстрее. Причем, он отвечал на реплики отца по-русски, как бы стесняясь своей национальности. А отец, я думаю, был рад возможности поговорить на языке своего детства. […]

Как-то, после очередного похода в поисках работы, отец вернулся с булкой хлеба. Откуда?! В доме – в прямом смысле ни копейки, с трудом нашли «двушку», чтобы он мог сделать какой-то важный звонок. Оказывается, он не смог дозвониться. В довершение невезухи еще и монетка застряла в таксофоне, и никак не удавалось ее вытащить. С досады отец стукнул кулаком по автомату и – о чудо! – из вредной «железяки» обрушился ливень мелочи. Когда он посчитал медяки, выяснилось, что как раз хватает на булку хлеба…

Но бывали в жизни чудеса и более масштабные. Николай Михайлович Марков. Имя этого человека в нашей семье произносили всегда особым тоном. С глубоким уважением, даже благоговением. Так произносят имя того, кто спас от большой беды. Он оказался рядом, когда наша семья буквально голодала. […]

…И вдруг отец возвращается с ежедневных, почти уже безнадежных попыток трудоустройства на телеге, нагруженной разнокалиберными ящиками, мешками, коробками. В то время извозчики на телегах выполняли функцию грузового такси. Они были по национальности казахами и жили в саманных домишках, окруженных многочисленными хозяйственными пристройками, в т. ч. и конюшнями, загонами для скота, от которых исходил стойкий запах навоза. Все эти «усадьбы» располагались там, где сейчас возвышаются магазины «Океан», «1000 мелочей» и многочисленные многоэтажные жилые дома вдоль проспекта М. Ауэзова.

Отец привез картофель, муку, рис, макароны, подсолнечное масло, сахар…В общем, целое богатство, по тем временам. Оказалось, что после длительных хождений он наткнулся на контору бахчевого хозяйства, познакомился с его директором, Н.М. Марковым, описал горестное положение нашей семьи, а заодно, в общих чертах – свою биографию, достаточно тогда типичную (Соловки, Беломорканал, Великая Отечественная война). […]

Бахчевое хозяйство, которое он возглавлял, занималось выращиванием и транспортировкой в северные регионы арбузов. Это был период процветания для нашей семьи (летом мама и тетя тоже подрабатывали там). У нас появилась новая мебель (зеркальный шифоньер, стулья из полированного дерева, обитые вишневым бархатом), красивые шторы и скатерть, тоже вишневого цвета, трельяж, новая одежда. К сожалению, продолжалось это благоденствие очень недолго – всего два года. В декабре 1958 г. бахчевое хозяйство почему-то было ликвидировано, о чем гласит запись в той же трудовой книжке отца.

1. Полную версию см. [Электронный ресурс]. Режим доступа: Любовь Бароховская: “Нет ничего более важного в жизни, чем знание своих истоков…” (продолжение) – Semeyainasy (дата обращения 19.09.2022).
2. [Электронный ресурс]. Режим доступа: Бароховский Самуил Львович — Память народа (pamyat-naroda.su) (дата обращения 19.09.2022).
3. [Электронный ресурс]. Режим доступа: «Это же бык!» — Booknik.ru(дата обращения 19.09.2022).

Ахметова Л.С.

Либерман Семен Лазаревич [1]

В конце 1950-х гг. его имя гремело на весь Советский Союз. Вторая перчатка Союза… Слава была всегда вместе с ним. Красота, страстные порывы действий, лидерство, умение обаять и убедительно говорить, повадки льва и жесты победителя во всем и всегда. Женщины сопровождали его всю жизнь, а мужчины ему завидовали. Тем не менее, у него был большой круг друзей и верных товарищей, и в наступившие трудные минуты его жизни не бросили, а поддержали, были вместе с ним, когда же его друзья оказались в лихолетные для них годы, звучал только его страстный голос защиты на весь Казахстан и Советский Союз. Только он не побоялся бросить перчатку сильным мира сего, только он из многих и многих, окружавших людей во времена величия их на тронах власти, смог встать рядом, плечом к плечу, держать удар.

Я всегда восхищалась этим человеком и очень гордилась дружбой с ним, нашими настоящими человеческими, теплыми и добрыми отношениями, длившимися долгие годы работы в Казахском государственном университете, носящим в то время имя С.М. Кирова.

В первой половине 1970-х гг., когда я была студенткой, активисткой, членом комитета комсомола, наши жизненные пути не столь часто сталкивались, но мы были знакомы и оказывали дружеское расположение друг другу и не более. Настоящую поддержку я ощутила намного позднее. Когда столкнулась с реалиями жизни, когда увидела, что очень трудно работать в сплошь мужском коллективе руководителей, где каждый сам за себя, и старается лидерствовать, сделать все, чтобы отметили его единственного. Не важно, что лидерство может иметь негативные стороны в виде перешагивания через людей, подставы, опорочивания, посягательства на их действия и поступки.

Итак, в конце 1981 г. я стала председателем профсоюза студентов. История длинная, поучительная и интересная, но не это является сегодня моим рассказом. Ректор У.А. Джолдасбеков считал, что женщинам – не место быть на лидерских позициях, а вот заместителем, пожалуйста. Заместителем быть я не хотела, но раз зашел такой разговор, я понимала, что партия и ректор прикажут, быть мне заместителем и никуда не деться. У.А. Джолдасбеков принял решение о рекомендации меня председателем профсоюза студентов в самый последний момент. Все об этом знали. Были уверены, что я не справлюсь, что на меня не стоит ставить карту, поэтому препятствия нача-

лись с первых же дней моих трудовых будней на поприще председателя профсоюза. Люди словно в очередь вставали сделать какую-нибудь пакость, чтобы убедительно показать мое несоответствие. Мне было чертовски трудно, виду я не показывала, а как всегда широко улыбалась и работала за двоих-троих, за целый коллектив.

Хоровод поздравляющих и любопытных сопровождал меня в первые дни работы. Появился и Либерман, уверенный в себе, где-то даже с наглецой в глазах красавец-мужчина. Поздравив меня, он сразу приступил к делу и предложил не помощь, а сотрудничество, причем обоюдовыгодное. Расписав прелести совместной работы, он четко поставил условия, которые мы должны были друг перед другом выполнять. Я согласилась с этим предложением и впоследствии строго их выполняла, хотя иногда потом жалела, потому что в действительности было очень трудно выполнять и защищать интересы его кафедры перед руководством, т. к. они не всегда соответствовали интересам моим или профсоюза студентов КазГУ.

Мы стали работать рука об руку. Его помощь, поддержка была большой, и всегда своевременной. Главное, быть уверенной в том, что рядом поддержка одной из самых многочисленных людскими ресурсами кафедры, причем преподаватели, работавшие там, сплошь звезды казахстанского спорта, милые, обаятельные люди, проводившую огромную спортивную и воспитательную работу среди молодого поколения.

Главное был набор студентов. А я отвечала за самых талантливых спортсменов и участников художественной самодеятельности. Среди прочих равных возможностей на последние места во время набора студентов зачисляли талантливых молодых людей, и, конечно же, спортсмены были впереди. Совсем не случайно университет гремел своими талантами! Первые места в спорте, далеко вперед обгоняя Казахский институт физкультуры, первые места в смотре художественной самодеятельности, впереди Алма-Атинской консерватории. Это была большая плодотворная творческая работа. Поддержка У.А. Джолдасбекова ощущалась во всем и всегда. Это были приоритетные направления воспитательной деятельности Казахского государственного университета, которые по линии общественной курировала я, а по линии кафедральной за спорт и физкультуру отвечал С.Л. Либерман. Однажды я зашла в кабинет к ректору: «Ох, уж надоели физкультурники с просьбами!» Дело я сделала, но как оскорбился Семен Лазаревич, тогда я ведь не знала, что назвать спортсмена физкультурником, ну, это просто кощунство какое-то!

Кроме этого у нас были совместные направления работы по линии студенческого спортивно-оздоровительного лагеря в Бозтырях на озере Иссык-Куль. Его преподаватели работали там летом в штате, но за весь лагерный сезон отвечал профсоюз.

Была у нас известная всему Советскому Союзу женская баскетбольная команда высшей лиги «Университет», гордость и слава отечественного спорта. Капитаном команды была Надежда Ольхова. Я полюбила этот вид спорта, красивых девчонок, занимавшихся весь день, тренирующихся, уставших, но упорных в своих достижениях и победах. Встречалась с ними почти каждый день. Конечно же, руководил всем С.Л. Либерман, но официальное подчинение у них было мое, т. к. деньги им платил профсоюз, да и он полностью экипировал, отправлял на игры и т. д.

Всегда находящийся при кафедре спортивный клуб КазГУ был профсоюзного подчинения, поэтому нас сама жизнь заставляла быть вместе, работать, сотрудничать, помогать.

Вспоминается несколько случаев, когда Семен Лазаревич помогал мне в работе.

Первый лагерный сезон. Студентов, желающих попасть на озеро Иссык-Куль, просто тьма-тьмущая. Звонков огромное количество. Я просто сбегаю с работы, не зная, что делать. Распределяли по совести, по утвержденным правилам. Тогда я еще не понимала, что каждый отказ таит в себя угрозу расплаты. Можно человеку помогать тысячу раз, но один раз откажешь, и станешь врагом на всю жизнь.

Наступила осень. Мой первый отчет как председателя профсоюза студентов перед партийным комитетом Казахского государственного университета, имевшим уже в то время статус райкома партии. Мне хорошо припомнили те, кому я отказывала в путевках, пытаясь сорвать мой доклад, засыпав меня своими каверзными вопросами с подковырками и явным недоверием к моей деятельности. Я была честным человеком и не считала достойным оправдываться по гнусным инсинуациям, без доказательств, и только по тому, что они – члены парткома, а я – рядовой боец партии. Я пылала во гневе, но молчала, не пытаясь оправдываться. И тут встал Либерман. С горячностью и убежденной правотой он встал не на защиту, а на опровержение тех, кто пытался сломать меня. К счастью зашел ректор, тоже член партийного комитета, и это также сыграло свою роль. Узнав, о чем речь, он с искренностью отметил мой честный и самоотверженный труд. После этого вопросы и гнусные инсинуации как-то затихли само собой.

250-летие присоединения Казахстана к России. Начало мая. Весь апрель мы готовимся к празднику. Тысячи студентов во главе с кафедрой физического воспитания ежедневно направляются на Медео, где в дальнейшем состоятся торжества, удивившие по своей силе и размаху всех казахстанцев и Союз. Я также ежедневно нахожусь на Медео. До сих пор помню себя загоревшую дочерна, и, главное, у меня уже кожа с носа дважды облазила! Каждый день я отвечала за кормление студентов, за врачебную помощь, если что случится, оказывала психологическую поддержку, привозила воду.

И вот нас во время тренировок посещает ректор. За час до него свита, знающая его передвижение, прибывает в урочище и встречает его, всем своим видом показывая, как они днем и ночью заботятся о наших студентах. Я о приезде ректора не знала, была занята повседневным делом. И выясняется, что кругом все работают, только тех, кто в действительности ежедневно трудился, в свите не оказалось.

Умирбек Арисланович – умнейший человек, оглянувшись, ищет С.Л. Либермана, своего большого друга, которому поручил ответственное задание партии и правительства. Другому доверить он бы не смог. Найдя С.Л. Либермана, он спрашивает о состоянии дел и работе каждого. Семен Лазаревич не стал копать под тех, кто ничего не делал, но он их и не отметил в своей как всегда пламенной речи, однако заметил, что без Ляли, без профсоюза делать было бы нечего, кормит, поит, ежедневно находится из всех только она. Меня там не было, в другом конце Медео я действительно кормила очередную партию студентов. Но при отчете все говорили о своих несуществующих заслугах, обо мне вспомнил лишь он один. Такое не забывается!

В воскресенье на Медео праздник. Бдительные партийные товарищи решают собрать всех студентов в одно место, и с шести утра везти их в урочище, дабы никто не опоздал. Поступил приказ о круглосуточном дежурстве. В те времена не спрашивали, можно или нельзя. Мы были солдатами партии и исполняли партийный приказ. По всему городу мы собирали студентов-алмаатинцев, с приезжими было легче, они жили в общежитии. Расселили одно общежитие, доставили чистое белье, накормили, и вся забота об том была у профсоюзов, ведь Комбинат студенческого питания, все общежития курировала я, а, значит, ответственность была за мной. В десять часов «загнали» студентов спать, до двенадцати искали опоздавших. Я почувствовала, что выдохлась донельзя. Предстояла бессонная ночь. В первом часу Либерман подозвал одного из своих преподавателей и приказал отвезти меня домой и в половину шестого забрать меня из дома

опять в общежитие. Сначала я стала сопротивляться, на что он резонно ответил, что теперь мужчины справятся сами, я все дела сделала. Так и случилось. Никто моего отсутствия не заметил, потому что я прибыла до подъема. Сейчас я с теплотой вспоминаю заботу обо мне. Это ведь прекрасно!

Умирбек Арисланович Джолдасбеков был депутатом Верховного Совета Казахской ССР. Ежегодно он должен был перед трудовым коллективом, избравшим его, отчитываться о своей деятельности. КазГУграда как такового в то время еще не было, он строился. Все торжественные мероприятия проходили на его родном механико-математическом факультете в актовом зале. Затем должны были состояться игры студенческой баскетбольной команды высшей лиги «Университет» рядом в их баскетбольном зале. Либерман готовил игры. В принципе мне делать было нечего, я должна была быть только в свите. С утра я поехала в парикмахерскую. И опоздала. В десять часов началась встреча, и по каким-то причинам там оказалось мало людей. Джолдасбеков вспылил. Стали искать виновных. В свите не оказалось меня. Легко и доступно найден виновник. Мой заместитель Наталья Старожилова, бросив все, кинулась меня искать, когда я прибыла с получасовым опозданием, она мне все рассказала. Заходить на встречу я уже не стала. С испорченным настроением иду в спортзал. Видя мою сникшую физиономию, С.Л. Либерман спрашивает, в чем дело. Я рассказываю, причем спокойно называю причину. Действительно опоздала, действительно виновата.

– Все в порядке, – отвечает Семен Лазаревич, – главное, когда зайдет ректор, стой рядом со мной и никуда не отлучайся в первое время. Слушай.

Прошу разъяснить. Он машет рукой, не мешай.

Заходит Джолдасбеков. Нахмурил брови, увидев меня. Тут подходит Либерман и говорит:

– У нас такое ЧП было! Если бы не Ляля, все бы пропало!

– Молодец, Ляля, – улыбнулся Умирбек Арисланович.

Я в изумлении замираю и не знаю, что делать.

Потом я долго допытывалась у Семена Лазаревича, какое же ЧП у них было, и что мне отвечать, если кто спросит. Он смеялся и ничего не говорил.

Его сыновья попали в беду. Сегодня трудно говорить обо всем, кто прав, кто виноват. Бог рассудит. Весь город, вся страна судачила об этом происшествии. Либерман пытался сохранить свой бодрый вид, и ему это удавалось. Что творилось в душе, не знаю. Знаю только

одно: никогда я не старалась говорить на такую больную для него тему. Но однажды он радостный позвонил, младший вернулся. Редкими фразами, он что-то говорил. Но это была большая радость и боль испытавшего много горестей человека, не сломившегося в трудные минуты жизни.

Это было его личное горе. И как человек справляется с этим, можно было судить и об его дальнейших поступках.

Либермана можно было бы назвать не только великим спортсменом Казахстана, но и выдающимся общественным деятелем, прекрасным журналистом. Писать он умел и любил. Ему заказывали статьи многие газеты и журналы. Материалы острые, полемичные, вызывающие интерес, споры и элементарную зависть.

Одна его статья запомнилась на всю жизнь. Декабрьские события 1986 г. больно ударили по всему Казахскому государственному университету. Ведущий вуз страны, гордость и надежда, флагман высших вузов республики стал одним из организаторов декабря 1986 г. Вся мощь страны Советов была направлена на наш университет, и первым удар принял наш ректор. В ведущей партийной газете страны – газете «Правда» был опубликован целый подвал на вторую и третью полосы «За что исключен из партии Джолдасбеков». Обо всем и ни о чем была эта статья – статья наказания, статья устрашения для всех и многих. Свита сопровождающих его людей исчезла, желающих общаться с опальным ректором, были единицы. Среди них – Семен Лазаревич Либерман, который не бросил друга и давнего приятеля, своего бывшего начальника. В прессе появились статьи, осуждающие декабрьские события, но никто ничего не говорил о понесших наказание руководителях. И только одна молодежная газета осмелилась напечатать письмо – как крик души.

– Не верю, не виновен! Где Вы, люди, стоявшие рядом, что делаете с величайшим гражданином своей страны?

Это был голос Либермана, единственного, бросившего перчатку вызова системе, изломавшей жизни многих и многих людей и теперь пытающейся сломать выдающегося организатора и ученого страны. Эту газету зачитывали до дыр. Впервые кто-то посмел выступить против газеты «Правда». Это было таким смелым и совершенно сумасшедшим поступком, что просто не верилось, что такое может быть. А это было. И именно такой совершенно неординарный поступок вошел в историю нашей журналистики, историю современности.

Пройдет время. Одним из первых Семен Лазаревич уедет с семьей в Израиль. В 1998 г. мне удастся в Израиле встретиться с ним.

Посидеть в уютном ресторанчике, вспоминая славную историю родного университета, своих товарищей-друзей, его вторую родину – Казахстан.

И там он оказался неугомонным строителем нового. Начал подготовку спортсменов палестинского происхождения, что вызвало удивление со стороны других, пишет в русскоязычные газеты, поднимая острые проблемы современности. Ведет переписку с друзьями-товарищами и с теплотой вспоминает Казахстан и родной университет.

Как молоды мы были!

1. Либерман Семен Лазаревич, заведующий кафедрой физического воспитания (1971–1990), доцент, мастер спорта по боксу, заслуженный тренер КазССР, Заслуженный работник культуры КазССР

Гимарат Е.Г.

Выдающиеся основоположники музыкального искусства Казахстана

У истоков становления профессионального музыкального искусства Казахстана стояли выдающиеся музыканты, педагоги, основавшие исполнительскую и педагогическую школу нашей страны. И среди этой плеяды педагогов-основоположников, концертирующих артистов в Алма-Ате в XX в. выделяются пианисты Ева и Семен, скрипач Иосиф Коганы[1*]. Эта семья занимает отдельное место в развитии казахстанского искусства. Имея прекрасное европейское образование, они воспитали плеяду талантливых музыкантов-артистов, занимались научно-методической работой, обрабатывали казахские народные песни и кюи для различных инструментов, давали концерты и проводили мастер-классы по всей республике, пропагандируя и исполняя первыми произведения композиторов того времени. Из класса Евы и Иосифа Коганов было выпущено много профессиональных музыкантов, среди которых заслуженные и народные артисты, профессора и доценты, преподаватели средних специализированных и высших музыкальных заведений Казахстана и зарубежных стран, в т. ч. общественные деятели. Все они в дальнейшем продолжали традиции своих педагогов.

[1*] Шалкова Е.И., Бычков Е.А. Семья Коган. Из истории профессионального музыкального искусства Казахстана / История. Память. Люди: материалы X Международной научно-практической конференции. 23 сентября 2020 г., Алматы. – Алматы, 2020. – С.576-604.

Одним из ярчайших представителей класса Иосифа Бенедиктовича является Дюсен Касеинов – заслуженный деятель Казахстана, профессор, который в 1987–1997 гг. был ректором консерватории, в 2003–2004 гг. – министром культуры страны. Годы в Алма-Атинской консерватории стали истинным фундаментом личности Д. Касеинова. Этим он обязан, прежде всего, Иосифу Бенедиктовичу Когану, «который стремился к тому, чтобы разучиваемое произведение сразу же предстало перед студентом в полном блеске высшего совершенства. А потом наступала пора постепенного приближения к сияющей вершине. И чем старательнее ученик следовал примерному исполнению учителя, тем явственнее вырисовывалось самостоятельное истолкование программного скрипичного опуса. Что, естественно, вызывало особое удовлетворение Иосифа Бенедиктовича. У него в чести были четкость, исполнительность, самоотверженная преданность музыке. Пожалуй, только он мог, осушив в новогоднюю полночь полбокала шампанского, после того как пробило двенадцать часов, отправиться спать, объясняя, что завтра с утра — заниматься, заниматься и заниматься... Кстати, Иосиф Бенедиктович, относившийся к своим студентам, как к родным детям, приучал своих питомцев к общественной деятельности» [1]. «Иосиф Бенедиктович был для меня как отец. И с его стороны я испытал отцовское и педагогическое воспитание», – говорит о своем педагоге в интервью Дюсен Курабаевич.

Параллельно с консерваторской работой Иосиф Бенедиктович впервые в истории Казахстана создал ансамбль скрипачей в Республиканской казахской специализированной музыкальной школе-интернат для одаренных детей им. Ахмета Жубанова.

Несмотря на загруженную работу, профессор вел и научно-методическую деятельность, изучая и пропагандируя творчество казахстанских композиторов. Среди 30 исследовательских работ – биографические портреты А. Жубанова, М. Тулебаева, методические пособия по исполнительству и серия очерков по истории становления скрипичного искусства в Казахстане. Но это одна сторона работы Иосифа Когана.

Другой, еще более масштабной и грандиозной для казахстанской музыкальной общественности является его композиторское мастерство, которое по сей день не потеряло свою популярность и актуальность. Очень известны 10 каприсов для сольного инструмента основанные на казахских кюях, обработки кюев Курмангазы и Даулеткерея для скрипки в сопровождении фортепиано, 24 этюда для учащих-

ся музыкальных колледжей, 42 скрипичных дуэта, концерт для скрипки с оркестром. С каждым годом на сценах Казахстана звучат все больше и больше шедевры, написанные Иосифом Коганом.

Вместе с братом вела свою творческо-преподавательскую деятельность и Ева Бенедиктовна Коган – заслуженная артистка КазССР, профессор, представительница школы прославленного педагога и пианиста Г.Р. Гинзбурга, блестящая пианистка, чью игру восторженно приветствовали музыканты Казахстана.

За многолетнее заведование кафедрой специального фортепиано Алма-Атинской государственной консерватории им. Курмангазы она смогла поднять уровень игры пианистов-исполнителей на мировой. Пианисты расширили свой репертуар до сложнейших произведений, обогатили и разнообразили новыми шедеврами мировых композиторов. Ева Бенедиктовна стала пропагандисткой музыки современных казахстанских композиторов: Г. Жубановой, Б. Баяхунова, А. Бычкова, исполняя их произведения на сценах Советского Союза. С уважением эти же композиторы посвятили Еве Коган свои произведения: 3 прелюдии «ЕУА», «Ыскырма» и др.

«Неповторимым и насыщенным, впечатляющим было общение с Евой Бенедиктовной в классе специального фортепиано, в котором, буквально, витала духовно-творческая, плодотворная атмосфера поиска и нахождения профессиональной идеи – истины», – пишет в воспоминаниях ученица, профессор Массовер С.А.

Из класса Евы Коган выпустились яркие солисты, чуткие ансамблисты и талантливые концертмейстеры современности. Среди них: Народный артист РК, профессор Алтай Кусаинов, Заслуженный деятель РК, профессор Гульжан Узенбаева, Отличник культуры РК, профессор Светлана Массовер, Заслуженная артистка РФ Людмила Лапан, доцент Дана Али-Жубанова и многие др. Это дает понять, что Ева Коган работала на благо страны, развивая казахстанскую культуру, выпуская молодых специалистов.

Ева Бенедиктовна самая младшая в семье. Она училась в Московской государственной консерватории им. П.И. Чайковского, после того как переехала в Алма-Ату. По словам ее сверстников, пианистов, профессоров и артистов России – Ева Коган была потрясающим исполнителем, одним из самых ярких представителей класса Г.Р. Гинзбурга.

В 1946 г. в Алма-Ату впервые приехал профессор Григорий Гинзбург. Давая мастер-класс, он заметил юную Еву, посоветовав ей по-

ступать в Москву. После чего Ева Коган выучила 48 прелюдий и фуг И.С. Баха, и автоматом поступила. С отличием окончив консерваторию, профессорский состав кафедры просил ее остаться работать в Москве. После чего она ответила: «Меня ждут в Казахстане... По возвращению в г. Алма-Ату началась активная преподавательская и концертная деятельности, как солирующей пианистки и участницы многочисленных камерных ансамблей.

Ева Бенедиктовна много времени уделяла собственному сольному исполнительству. Играла она как сольно, так и с оркестром: концерты Ф. Листа, С. Прокофьева, П.И. Чайковского и многое др. В ее исполнительском репертуаре были сложнейшие произведения С. Танеева, масштабная соната си минор Ф. Листа, сочинения М. Балакирева.

Какое качество отличало ее игру? На что ответила Светлана Массовер: «Отточенное мастерство владения инструментом, прекрасное чувство формы, неповторимое, глубоко проинтонированное «туше», культура фразировки и педализации». Эти качества она сумела передать ученикам, которые тоже выступали на сценах, ездили с концертами и мастер-классами по всей республике. В свою очередь ученики Е.Б. Коган свой опыт передают нам – молодым пианистам XXI в.

В семье Коганов особое место занимает и старший брат – Семен Бенедиктович – казахстанский советский пианист и концертмейстер, народный артист КазССР. До конца своих дней Семен Коган был ярким концертирующим инструменталистом. В 1940–1941 гг. работал концертмейстером и солистом Кишинёвской филармонии, а с 1942 г. концертмейстер Казахской Государственной филармонии им. Жамбыла.

Семен Бенедиктович имеет огромное, неповторимое место в развитии концертмейстерско-ансамблевой школы. За годы работы он ездил с солистами по странам СССР и Европы. Среди его партнеров были Народные артисты СССР – Ермек Серкебаев, Роза Жаманова, Бибигуль Тулегенова, Роза Багланова. Семен Бенедиктович вместе с солистами-вокалистами выступал в Москве перед Сталиным и последующими первыми секретарями Советского Союза. «Все концертмейстеры были замечательными. Но такого как Семен, больше не было. Он был очень разноплановым, мог прекрасно играть классику, и также прекрасно играть казахскую музыку», – говорит Бибигуль Тулегенова – Народная артистка СССР, Герой социалистического труда, академик.

Действительно, семья Коган сделали для развития Казахстана огромный вклад: воспитали настоящих музыкантов, обогатили наци-

ональную музыку в классическом жанре, подняли уровень классического музыкального искусства до сегодняшнего. Одним словом – построили современное профессионально-музыкальное искусство Казахстана. На сегодняшний день в честь трех основоположников каждый год пишутся статьи, посвящаются концерты, а также организовывается Международный конкурс инструментального исполнительства «Kogan's competition».

Мы должны гордиться своими творческими предками, ведь без них нынешнего высокого положения в искусстве могло и не быть.

1. [Электронный ресурс]. *Кешин К.* Дюсен Касеинов и современная музыкальная культура Казахстана соединены неразрывно. // Казахстанская правда, – 16.03.2007 г. Режим доступа: Жизнь в скрипичном ключе / Статьи, интервью, репортажи / Сервер Казах.ру (kazakh.ru) (дата обращения 20.08.2022).
2. С. Массовер. Памяти незабвенного учителя Евы Бенедиктовны Коган. – Алматы, 2021.
3. Документальный фильм «Линия жизни». – Алматы, 2005. [Электронный ресурс]. Режим доступа: Иосиф Коган. «Линия жизни», Каз.ТВ, 2005 год. - YouTube(дата обращения 20.08.2022).
4. Концерт памяти Семена Когана. – Алматы, 2021. Также см. КАМЕРНО-ВОКАЛЬНЫЙ КОНЦЕРТ посвященный Семену Когану - YouTube (дата обращения 20.08.2022).

Иофе В.Г.

Личные фонды ученых и деятелей культуры еврейской национальности в Национальном Архиве Узбекистана

В Национальном Архиве Узбекистана (НА У), ранее называвшемся Центральный Государственный Архив Республики Узбекистан (ЦГА РУз), хранится значительное число фондов личного происхождения общественных и государственных деятелей, писателей, художников и других представителей искусства и культуры, а также науки Узбекистана.[1*]

К сожалению, работ, которые были бы посвящены личным фондам архива – немного. Среди личных фондов достаточно широко представлены и личные фонды узбекистанцев еврейского происхождения. Многие личные фонды малоизучены и интересные материалы, находящиеся в них, большей частью не стали достоянием общественности, не введены в научный оборот. Хочется обратить внимание

[1*] Автор выражает благодарность за помощь в сборе материала О.У. Хасановой.

ученых, публицистов на этот источник по истории еврейской диаспоры, особенно XX в., в Узбекистане и в целом в Средней Азии.

Среди них – личный фонд профессора-биолога Абрама Львовича Бродского (7 октября 1882, Керчь, Российская империя – 2 января 1943 г. Ташкент УзССР) – ректора Туркестанского государственного университета (с июля 1923 г. – Среднеазиатского госуниверситета (САГУ). А.Л. Бродский заслуженный деятель науки Узбекистана, один из пионеров организации охраны природы в Средней Азии.

А.Л. Бродский родился в Керчи в еврейской семье. Был женат на Елизавете Григорьевне Григорьевой. Сыновья – Александр, геолог, и Константин, биолог, специалист в области морской планктонологии и фауны горных потоков Средней Азии, двоюродный брат – невропатолог Александр Михайлович Гриншейн. После смерти родителей воспитывался в Туле дядей, М.С. Гриншейном.

В 1901 г. окончил Тульскую губернскую классическую гимназию и в том же году поступил на естественное отделение физико-математического факультета МГУ. В 1902–1904 гг. за участие в антиправительственных антивоенных демонстрациях трижды исключался из университета, арестовывался, сидел в Бутырской тюрьме, но потом вновь принимался в университет. После очередного исключения был выслан на родину в Керчь, где 6 месяцев провел в местной тюрьме.

В 1905 г. работал на Севастопольской биологической станции и на Вилла-Франкской зоологической станции. В 1906–1907 гг. учился в Женевском университете, защитил диссертацию по морфологии и физиологии простейших, получив диплом доктора естественных наук. В 1907 г. учёный переезжает в Париж, работает в Институте Пастера. В 1908 г. возвращается в Россию и, после восстановления в МГУ, в 1909 г. оканчивает его с дипломом первой степени. В 1908–1919 гг. преподаёт в Московском городском народном университете им. А.Л. Шанявского и на Высших женских сельскохозяйственных курсах.

После организации в Ташкенте Туркестанского государственного университета, в ноябре 1919 г. Московским советом Туркестанского университета он избирается профессором кафедры зоологии беспозвоночных. После завершения Оренбургской операции на Восточном фронте появляется возможность переезда преподавателей, оборудования и библиотеки для вновь организованного университета.

1 февраля 1920 г. с первым из так называемых «поездов науки» А.Л. Бродский вместе с семьёй переезжает в Ташкент. В 1920 г. он избирается деканом физико-математического факультета Туркестанского госуниверситета, в 1921 г. – ректором, на этой должности он остается до 1926 г. Впоследствии, зав. кафедрой зоологии беспозвоночных. В 1932–1943 гг. – заместитель ректора САГУ. В 1936 г. ему присваивается звание заслуженного деятеля науки Узбекистана. Скончался А.Л. Бродский 2 января 1943 г. Похоронен в Ташкенте.

А.Л. Бродским описано около полутора десятков новых для науки простейших. В Каракумской экспедиции 1927 г. в солёных грунтовых водах на дне колодцев пустыни им были впервые найдены типичные морские многокамерные фораминиферы. Грунтовые воды Каракумов оказались близкими к морским по содержанию как солей, так и кислорода. Ученый высказывает предположение, что это реликты миоценового моря, некогда покрывавшего современные Каракумы. Исследование протозойной фауны чимкентского лёсса приводит ученого к мысли о его озёрном происхождении.

Необходимость поднятия урожайности хлопчатника и других сельскохозяйственных культур заставляют учёного заняться почвенной протозоологией. Работы по почвенной протозоологии являются основными в научной деятельности Бродского, они определяют её направление и содержание. Он впервые поставил вопрос о значении простейших для плодородия почвы и как индикаторов почвенной активности. Учёный указывает на простейших как на один из важнейших источников накопления органического вещества в почвах. Во второй половине 1930-х гг. ученый вовлекает в орбиту своих исследований борьбу с нематодами, вредителями хлопководства, каучуконосных и огородно-бахчевых культур. С началом войны эта проблема становится особенно актуальной – тысячи гектар земли были засеяны зерновыми для снабжения продовольствием армии.

А.Л. Бродский – автор более 50 научных работ и одновременно активный популяризатор науки, читал лекции в рабочих аудиториях. Принимал участие в организации Богородского народного университета «Труд и наука» в г. Богородске (ныне Ногинск) и преподавал в нём. По его инициативе на территории усадьбы Волхонка близ г. Богородска и на прилегающей территории лесного урочища был создан первый в Подмосковье заповедник «Живая книга». Им переведено на русский язык и адаптировано несколько учебников по зоологии. С но-

ября 1917 г. Бродский активно участвовал в работе Московского губернского оно, совершенствуя методы массовой культработы. В университете Шанявского А.Л. Бродским был создан «Музей живой природы», который, вместе с другими учебными зоологическими коллекциями университета, после революции лег в основу Биологического музея им. К.А. Тимирязева. А.Л. Бродский являлся основателем и заведующий сектором зоологии Института ботаники и зоологии Академии наук Узбекистана, возглавлял редакционно-издательскую коллегию САГУ. Он читал лекции в Среднеазиатском хлопковом институте, в Казахском педагогическом институте, Узбекском педагогическом университете и это далеко неполный список…

В 1920 г. ученый впервые посетил верховья рек Аксу и Джабаглы и выступил с предложением создать в этих местах заповедник. Через два года территорию обследовала группа профессоров ТашГУ: Д.Н. Кашкаров, Е.П. Коровин, М.В. Культиасов, М.Г. Попов и Н.А. Димо, подтвердившие природную ценность территории.[1] По его инициативе в 1921 г. при Туркестанском комитете по делам музеев организуется секция охраны природы, в 1922 г. при его участии Совнарком Туркменской республики принял постановление «Об охране памятников природы». В 1922 г. был членом Исполкома Ташгорсовета. В 1925 г. по поручению Среднеазиатского комитета старины и искусства (Средазкомстариса) организует экспедицию в Кунгей Алатау и Заилийский Алатау с целью обследования р. Иссык, оз. Иссык, северного и южного склонов Заилийского Алатау в бассейне р. Дженишке. Он предложил создание заповедника и в качестве места, удобного для заповедника, А.Л. Бродский назвал ущелье р. Дженишке и его окрестности. Ученый считал, что «основная функция заповедников состоит не в том, чтобы служить эталонами для экологических исследований, а в том, чтобы гарантировать достаточно здоровое состояние природы и тем самым поддерживать экологическую, а, следовательно, экономическую устойчивость». В 1928 г. его избирают почетным членом Общества природы. В начале 1930-х гг. – членом Комиссии содействия ученым (КСУ) при Совнаркоме УзССР, членом президиума и заместителем Председателя Среднеазиатского. Филиала т. н. Ленинской сельскохозяйственной академии, председателем квалификационных комиссий САГУ и УзГУ, в 1936–1938 гг. – заместителем наркома просвещения Узбекистана. Ему принадлежит*

[1*] Заповедник Аксу-Джабаглы образован специальным постановлением СНК КазАССР в 1926 г. (ныне – Аксу-Джабаглинский государственный природный заповедник).

инициатива охраны ряда редких видов рыб и животных – осетра, шипа, архара, марала, высокоствольной арчи, саксаульной сойки и др.

А.Л. Бродский – автор первой вышедшей в Туркестане книги по охране природы [2].

Эти моменты в деятельности А.Л. Бродского нашли отражение и в документах его личного фонда в НА У.

Среди личных фондов – и фонд Заслуженного деятеля искусств Узбекистана Исаака Яковлевича Вальденберга (10 ноября 1906 г., Белосток – 3 апреля 1965 г., г. Ташкент УзССР).

И.Я. Вальденберг – театральный художник и декоратор В 1925 г. окончил Киевский художественный институт, учился у А. Петрицкого. С 1928 г. работал в театрах гг. Киева, Одессы, Харькова, Москвы. В 1938 г. переехал в Ташкент, где в тот же год был назначен главным художником Ташкентского ТЮЗа. С 1941 г. работал и в Ташкентском русском драматическом театре им. М. Горького и других театрах. Одновременно в 1960-х гг. занимался преподавательской деятельностью в Республиканском художественном училище им. П. Бенькова, а также в Ташкентском театрально-художественном институте им. А.Н. Островского. Был одним из художников «Окон ТАСС», «Окон УзТАГа».

Вальденберг создал более 200 театральных декораций. Фонд отражает разные стороны деятельности И.Я. Вальденберга [3].

Несомненный интерес представляет личный фонд Евгении Валериановны (Валерьевны) Рачинской – деятеля народного просвещения в Туркестане, Узбекистане, автора книги «Народное образование в Узбекистане в годы Великой Отечественной войны» – Ташкент: Средняя и высшая школа, 1963.

Е.В. Рачинская была заместителем наркома (министра) просвещения Узбекистана в 1940-х – начале 50-х гг. [4], в годы войны была одним из руководителей работы по приему и размещению в Узбекистане эвакуированных детей (в т. ч. из Ленинграда), созданию детских домов (что нашло отражение в работах, посвященных эвакуации детей в Узбекистан [5] в фонде много материалов о деятельности Е.В. Рачинской. Её внук – известный в Узбекистане театральный режиссер и художник А.Е. Слоним, Заслуженный деятель искусств и Заслуженный работник культуры Узбекистана. Поставивший многие спектакли на сцене Государственного Академического Большого театра (оперы и балета) им. А. Навои (г. Ташкент) и в Ташкентском театре оперетты (музыкальной комедии) [4].

В Национальном архиве хранится и личный фонд известной собирательницы фольклоров бухарских (среднеазиатских) евреев Сарры Лейбовны (Лебиевны) Абрамовой [6].

Среди фондов личного происхождения в архиве находятся 2 фонда представителей одной семьи Гершенович [7]. Это фонды врача, доктора медицинских наук профессора Рафаэла Самойловича Гершеновича и его дочери, также врача, кандидата медицинских наук Ирэны Рафаэловны Гершенович [8]. Они отражают деятельность этих талантливых врачей за длительный период времени.

Р.С. Гершеновича (12 ноября 1889 – 23 июня 1960) Учёный педиатр. Доктор медицинских наук (1935). Профессор (1932). Заслуженный деятель науки УзССР (1943). Член корреспондент Берлинского и Парижского общества педиатров. В 1914 г. окончил медицинский факультет Парижского университета. Врач Самаркандской (1914–1918) и Ташкентских больниц (1918–1919). Ассистент, доцент медицинского факультета САГУ (1919–1930). Заведующий кафедрой педиатрии ТашМИ (1930–1945), с 13 февраля 1935 г. по 10 января 1936 г. декан факультета педиатрии. С 1945 г заведующий кафедрой госпитальной педиатрии ТашМИ. Заместитель директора института Охраны материнства и детства (1928–1930). Директор клиники детских заболеваний (1930–1935). Заведующий кафедрой педиатрии Ташкентского института усовершенствования врачей (1935–1948). Один из первых организаторов охраны материнства и детства в Узбекистане. Свою научную деятельность посвятил изучению краевой патологии в республике. Внес крупный вклад в ликвидацию ришты, малярии, лейшманиоза, его научная и практическая деятельность способствовали сокращению широко распространенных среди детского населения инфекционных заболеваний. Р.С. Гершенович был одним из основоположников педиатрии в Средней Азии, основателем педиатрической школы в ТашМИ.

Автор более 240 научных работ. Его монографии «Лейшманиоз у детей», «Брюшной тиф у детей», «Болезни жарких стран у детей» и другие содержат ценные сведения о распространении, этиологии, патогенезе, диагностике, лечении и профилактике острых и хронических желудочно-кишечных заболеваний, дизентерии, брюшном тифе, пневмонии, пеллагре, туберкулезе и других заболеваний среди детей и не потеряли своей актуальности по сей день. Они служили в течение многих лет основным руководством для педиатров не только в Узбекистане, но и в других Среднеазиатских республиках.

Семья Гершеновичей была целой медицинской династией, с 19 века служившая народу Узбекистана в сфере здравоохранения. Отец Рафаила Самойловича, Самуил Гершенович, один из первых фельдшеров Самарканда, был удостоен звания «Почётный гражданин России» и награждён Георгиевским крестом. Дочери Рафаила Самойловича тоже пошли по стопам отца, стали врачами. Старшая дочь — Гершенович Ирена Рафаэлевна была врачом — педиатром, доцентом Ташкентского Института Усовершенствования Врачей. Её дочь, внучка Рафаила Самойловича, Глюба Э.А, тоже педиатр. Младшая дочь, Гершенович Алиса Рафаэлевна, была врачом-кардиологом и проработала 30 лет в Центральной больнице №2 г.Ташкента [9].

Среди личных фондов, заслуживающих внимания, и фонд писательницы, участницы в войны с фашизмом Тамары Соломоновны Горбштейн (литературный псевдоним Тамарина) [10].

Тамарина (Горбштейн) Т.С. (9 января 1922 – 15 сентября 1984), писательница. Родилась в Ташкенте. Здесь училась, отсюда ушла на фронт. Воевала на Карельском фронте, Мурманское направление, была комсоргом подразделения. После войны работала в республиканских газетах и журналах. Член КПСС. Очерки, рассказы и статьи печатались на страницах периодической печати. Она много ездила по Узбекистану, писала о героях труда, которые потом стали героями повестей «Три разговора», «Рубиновое ожерелье» (1964) и др. Писала также об увиденном и пережитом на фронте, о девушках на войне – ее последние книги, сборники повестей «Сполохи» (1971), «Файка-разведчица» (1975), «Юность твоя» (1975) [11].

Среди фондов личного происхождения – фонд известного в Узбекистане историка, профессора, доктора исторических наук, в годы войны – майора Давида Ильича Сойфера [12].

Есть здесь личный фонд искусствоведа Лазаря Израилевича Ремпеля (7 ноября 1907, Кишинев – 27 апреля 1992, Москва), Заслуженного деятеля науки Узбекистана, лауреата Государственной премии Узбекистана им. Хамзы за монографию «История искусств Узбекистана с древнейших времен до XIX в.» (1966 г.), доктора искусствоведения (1963 г.), профессора (1966 г.).

Родился в семье приказчика дубоссарского лесосклада и объездчика лесозаготовок Срула Пинхусовича Ремпеля и его жены Суламифи Лазаревны (Сулы Лейзеровны) Штейнберг (1887–1946), сочетавшихся браком 9 февраля 1907 г. Дед Л. И. Ремпеля по отцовской линии – Пинхус Ремпель был почётным гражданином Кишинёва. В 1914 г. вся

семья последовала за отцом на лесозаготовки в г. Быхов Могилевской губ., где их застала Первая мировая война. В 1917 г. семья бежала от военных действий в Феодосию (Крым), а после смерти отца в 1923 г. переехала в Симферополь.

С 1924 г. Лазарь Рempель был практикантом, научным сотрудником, , заведующим отделом Центрального музея Тавриды в Симферополе. В 1928 г. уехал в Москву и в 1931 г. окончил Первый Московский государственный университет. В 1931–1933 гг. – аспирант Государственной академии искусствознания. Одновременно, в 1930–1931 гг. работал научным сотрудником Музея восточных культур, в 1931–1934 гг. – Института литературы и искусства Коммунистической академии, в 1934–1937 гг. – с. н. с. Всесоюзной академии архитектуры; в 1935–1936 гг. преподавал в Москвоском институте философии, литературы и истории (МИФЛИ, в 1936–1937 гг. – доцент).

Уже в студенческие годы Л. Рempель увлёкся искусством Средней Азии и в 1930 г. опубликовал свой первый научный труд – «Национальная архитектура в Средней Азии» (Искусство в массы, № 8, 1930), за которой последовала серия статей по этой же теме: «Архитектура Ислама» (Академия архитектуры, № 3, 1935), «К итогам международного конгресса по иранскому искусству» (Академия архитектуры, № 6, 1935), «Мавзолей Измаила Саманида» (Академия архитектуры, № 5, 1936), «Архитектура Хивы» Архитектура СССР, № 9, 1936). Первую монографию «Живопись Советского Закавказья» выпустил в 1932 г., через три года вышла «Архитектура послевоенной Италии».

В 1937 г. была арестована вторая жена Л.И. Рempеля искусствовед Т.В. Вязниковцева, а сам Л.И. Рempель – как член семьи изменника Родины – был в том же году выслан в Старую Бухару, где с июля 1937 г. работал фотографом, а затем научным сотрудником в Бухарском музее. В 1939–1948 гг. был научным сотрудником Самаркандского областного музея, а после пересылки в 1948 г. в Джамбул (Казахстан) работал учителем черчения в средней школе и, наконец, до реабилитации в 1954 г. – научным сотрудником Джамбульского областного музея. С 1954 г. жил в Ташкенте, где стал научным сотрудником и с 1955 г., заведующим отделом архитектуры, изобразительного и прикладного искусства Института искусствоведения Академии Наук Узбекистана. Одновременно, в 1957–1961 гг. был профессором и заведующим кафедрой истории и теории искусств

Ташкентского государственного театрально-художественного института им. А.Н. Островского (ныне – Институт искусств им. М. Уйгура). Организовал (совместно с профессором Г.А. Пугаченковой (1915–2007) ряд искусствоведческих экспедиций для исследования древней архитектуры Бухары, Ферганы, Самарканда и других городов Узбекистана, в т. ч. всех сохранившихся мечетей республики. В 1990 г. поселился в Москве. Лазарь Рempель – один из крупнейших специалистов по истории искусств Узбекистана и Средней Азии, автор многочисленных трудов по архитектуре, традиционной одежде, изобразительному орнаменту, чеканке монет и другим аспектам прикладного искусства Узбекистана, а также народному искусству бухарских евреев и каракалпаков. Среди них такие монументальные монографии как «Архитектурный орнамент Узбекистана» (1961), «История искусств Узбекистана с древнейших времён до середины XIX века» (1965), «Далёкое и близкое. Страницы жизни, быта, строительного дела, ремесла и искусства Старой Бухары» (1982), и «Цепь времён. Вековые образы и бродячие сюжеты в традиционном искусстве Средней Азии» (1987). В 1992 г. опубликованы воспоминания «Мои современники». Дочь – Элла Лазаревна Балабанова (Рempель; род. 1939, Бухара), московский биохимик, кандидат медицинских наук. Брат – Самуил (Семён) Израилевич Рempель (1911, Кишинев –2001), физик-химик, доктор химических наук, профессор и заведующий кафедрой физической химии Уральского лесотехнического института в Екатеринбурге (Свердловске), автор монографии «Адсорбция и катализ» (1986). Тётя – Полина Петровна (Пинхусовна) Шнейдер, урожденная Рempель (1880, Кишинёв – 1933), «Полина Революция» – советский партийный деятель, выпускница Фрейбелевских курсов по социальной педагогике, заведующая отделом социального воспитания Симферополя, затем замнаркома просвещения Крыма, уполномоченная Уралобкома ВКП (б) в Свердловске, погибла в числе группы заложников при подавлении шаманского восстания в Ненецком национальном окр. [13].

Интересен фонд историка и архивиста кандидата исторических наук, доцента Макса Исааковича Вексельмана, скончавшегося недавно в Израиле. Большая часть его творческой деятельности прошла в Узбекистане [14].

М.И. Вексельман родился в 1931 г. на Украине. В 1941 г. эвакуировался в Ташкент, где и остался жить. С детства увлекался историей, еще школьником начал работать в архиве. В 1948–1953 гг. учился

на истфаке Среднеазиатского госуниверситета, в 1964 г., по завершении аспирантуры Московского историко-архивного института, защитил кандидатскую диссертацию по специальности «источниковедение и вспомогательные исторические науки». В течение 20-ти лет (1945–1965 гг.) работал научным сотрудником в ряде государственных архивов Узбекистана, а затем – до 1991 г. – преподавал в Ташкентском госуниверситете. С 1972 по 1990 гг. был членом научного совета Главного архивного управления Узбекистана. С марта 1991 г. жил в Израиле. В 1993–1997 гг. работал историком-исследователем в университете им. Бен-Гуриона в Негеве (Беэр-Шева). Макс Вексельман – автор более 60 научных работ, связанных с историей Средней Азии, в т. ч. с историей евреев в Узбекистане. Его работы опубликованы в журналах «История СССР» и «Исторические записки» (Москва), «Вестник еврейского университета в Москве», «Швут» (Израиль, на англ. яз.), «Семь искусств» и др. В 1994–2005 гг. опубликовал в периодической печати Израиля и США ряд очерков по истории еврейских театров в СССР, а также об артистах и режиссерах этих театров [15].

Интересен и фонд Бориса Яковлевича Боксера [16], писателя, журналиста, участника войны с фашизмом, известен и как спортсмен.

Личный фонд Леонида Михайловича Ланды, кандидата исторических наук, архивиста, под его редакцией вышли многие сборники документов [17]. *Л.М. Ланда с 1943 г. работал в архивных органах Узбекистана; научный сотрудник, затем директор ЦГАОР Узбекистана. В 1952–1957 заведовал отделом Музея народов Узбекистана. Последние годы жизни был зам. директора НИИ. Известна его диссертационная работа «Панисламистская и пантюркистская агентура в Туркестане (Конец XIX в. – 1917 г.) [18].*

Другой личный фонд кандидата технических наук Григория Лазаревича Шамшидова [19].

Особо надо сказать о фонде Маврикия Леоновича Вайса, Заслуженного работника культуры Узбекистана, многолетнего организатора архивного дела в Узбекистане [20]. *М.Л. Вайс с 1942 г. работал в областном архиве Ташкента; с 1959 по 1985 г. заместитель начальника Архивного отдела НКВД УзССР, который позднее был преобразован в Главное архивное управление при Совете Министров Узбекистана. Как зам начальника Главного Архивного управления Узбекистана (Узглавархива) очень много сделал для развития архивного дела в Узбекистане [21].*

1. Среди них – В.Л. Гентшке, Х.А. Бабаходжаева. Личный фонд историка-востоковеда А.Х. Бабаходжаева В Центральном Государственном Архиве Республики Узбекистан. // Вестник архивиста, 2014, № 1; Гентшке В.Л. Дорошенко Т.И. О личных фондах Центрального государственного архива Республики – 2005.– № 5– 6 (89–90) – С.82-96.; В.Г. Иофе, Г.П. Уфимцев Личные фонды архивов и архивы музеев Узбекистана – ценные источники по истории русской диаспоры в Средней Азии; Ежегодник Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев, – 2015, – С.317-327. Немногие другие работы И.М. Джаббаровой и др.
2. НА У. Ф.Р-2518 за 1903–1943 гг., 1960-е гг., 89 ед. хр. [Электронный ресурс]. Режим доступа: Бродский, Абрам Львович — Википедия (wikipedia.org) (дата обращения 13 июня 2022 г.).
3. НА У. Ф.Р-2497, 10 ед. хр. [Электронный ресурс]. Режим доступа Вальденберг, Исаак Яковлевич — Википедия (wikipedia.org) (дата обращения 13 июня 2022 г.).
4. НА У. Ф.Р-2576 содержит 46 ед. хр. [Электронный ресурс]. Письма о Ташкенте. Режим доступа https://mytashkent.uz/2020/12/25/evgeniya-valerianovna-rachinskaya-dialog-v-kommentariyah/(дата обращения 13 июня 2022 г.).
5. См. [Электронный ресурс]. Марьяновский Г. Ташкентский вокзал. Режим доступа: http://nozdr.ru/militera/prose/russian/sb_deti_voennoy_pory/02.html#:~:text=%D0%95%D0%B2%D0%B3%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F%20%D0%92%D0%B0%D0%BB%D0%B5%D1%80%D1%8C%D1%8F%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BD%D0%B0%20%D0%A0%D0%B0%D1%87%D0%B8%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F%2C%20%D0%B7%D0%B0%D0%BC%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%B8%D1%82%D0%B5%D0%BB%D1%8C%20%D0%BD%D0%B0%D1%80%D0%BA%D0%BE%D0%BC%D0%B0,%D0%BF%D1%80%D0%B8%D1%84%D1%80%D0%BE%D0%BD%D1%82%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D0%B9%20%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D1%81%D1%8B%20%E2%80%94%20%D0%B2%D0%BF%D0%BE%D1%81%D0%BB%D0%B5%D0%B4%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B8%D0%B8%20%D0%B2%D1%81%D0%BF%D0%BE%D0%BC%D0%B8%D0%BD%D0%B0%D0%BB%D0%B0%3A (дата обращения 13 июня 2022 г.).
6. НА У. Ф.Р-2577. 16 ед. хр. за 1935–1955 гг.
7. НА У Ф.Р-2299. 222 ед. хр. за 1908–1971 гг.; Ф.Р-2725 ,126 ед. хр. за 1937–1973 гг.
8. [Электронный ресурс]. Режим доступа https://mytashkent.uz/2015/07/03/gershenovich-rafail-samojlovich-1889-12-ix-1960-23-vi/(дата обращения 13 июня 2022 г.).
9. [Электронный ресурс]. Режим доступа: Гершенович Рафаил Самойлович: sklyarevskiy — ЖЖ (livejournal.com) (дата обращения 13 июня 2022 г.).
10. НА У. Ф.Р-2770. 41 ед. хр. за 1921–1985 гг.
11. [Электронный ресурс]. Режим доступа: ТАМАРИНА -ГОРБШТЕЙН ТАМАРА СОЛОМОНОВНА - Писательница** :: Мемориал памяти :: Мемориальное агентство по уходу за памятниками и местами захоронения в Узбекистане. (tashkentpamyat.ru) /(дата обращения 13 июня 2022 г.).
12. НА У. Ф.Р-2788. 180 ед. хр. за 1915–1988 гг.
13. [Электронный ресурс]. Режим доступа Рempель, Лазарь Израилевич — Википедия (wikipedia.org) /(дата обращения 13 июня 2022 г.).
14. НА У. Ф.Р-2813. 183 ед. хр. до 1991 г.
15. [Электронный ресурс]. Режим доступа Макс Вексельман (7iskusstv.com) (дата обращения 13 июня 2022 г.).
16. НА У. Ф.2814, 156 ед. хр. за 1941–1990 гг.
17. НА У. Ф.2823. 320 ед. хр. за 1869–1980 гг.

18. [Электронный ресурс]. Режим доступа Вклад российских евреев в архивоведение Узбекистана и Средней Азии (rehes.org) (дата обращения 13 июня 2022 г.).
19. НА У. Ф.2827. 75 ед. хр. за 1927–1982 гг. См. о нем [электронный ресурс]. Режим доступа https://mytashkent.uz/2021/01/22/moj-institut-tiimsh/(дата обращения 13 июня 2022 г.).
20. НА У. Ф.2845. 234 ед. хр. за 1917–1985 гг. Под редакцией М.Л. Вайса как автора-составителя в 1989 г. издан сборник документов, посвященных Б.П. Грабовскому, создателю и организатору успешных испытаний в Ташкенте электронного телевидения первого в истории действующего электронного телевизор-«телефота Грабовского». См. Б.П. Грабовский – изобретатель телефота. – Сб. документов. Ташкент, 1989.
21. [Электронный ресурс]. Режим доступа Вклад российских евреев в архивоведение Узбекистана и Средней Азии (rehes.org) (дата обращения 13 июня 2022 г.).

Рерих В.А.

Взамен турусов и колёс. ЮрБор

Померанец в семействе китайских яблочек держится наособицу: с виду апельсин, а вкусом настораживает. Горьковат. Некоторые ботаники держатся мнения, что он внебрачное дитя мандарина и помело. Может быть.

Померанец – оранжево-яркий щёголь, он благоухает райскими кущами, но не его взяли на роль яблока познания; в этой мизансцене царит сочащаяся похотливой сладостью смоква. Померанец в отдалении машет изобильными ветвями, мелкие его плоды устилают подножие, из них давят драгоценное масло, на котором картошки не изжарить, но без него жизнь тускла и невыносима.

В храм Мельпомены, где живут запахи пыли, лежалой одежды, столярного клея, талька и пудры, Юрий Борисович принёс, пронёс, привнёс и утвердил тонкую отдушку Древнего Востока, которая придаёт осклизлой повседневности столь драгоценный привкус культуры, настоянной на тысячелетиях.

Фамилия Померанцев – говорящая, в ней закодирована жизнь и судьба. Так мне кажется. Имя-отчество слилось в ЮрБор – тоже редкость: точно так же за глаза, но уважительно называли Левитана. Если Жуков – маршал победы, то Левитан её голос. Жизнь существует по законам театра, давно замечено. У всякого исполнителя своя роль, а зрители играют массовку. Или наоборот.

***

Дорога к республиканскому храму Мельпомены оказалась долгой и прихотливо извивистой.

Юрий Борисович Померанцев [1] родился в немыслимо далёком году: Ульянов-Ленин ещё не в Горках, а в Кремле, он руководит Совнаркомом и, скрепя сердце, ладит НЭП. Сталину всего 45, по нынешним меркам, ещё мальчишка. И вообще, жизнь заселена выходцами из XIX в. – совсем недавно скончалась дочь Пушкина, Мария Гартунг.

Но это Москва

А Померанцев появился на свет в Киеве; только что миновало правление гетмана Скоропадского и едва закончилось время Директории Симона Петлюры. Украина под большевиков не легла, она яростно сопротивлялась и взята была ими силком. Так что нынешнюю войну России с Украиной можно назвать Столетней. Жизнь Померанцева оказалась вровень с веком календарным, это немногих удел. Он умер и приложился к народу своему 99 лет от роду.

***

Места и главы жизни целой (Пастернак) укутаны мглой забвения: кто организовал сюжет, по которому киевский бухгалтер-экономист Борис Абрамович Померанцев оказался в Караганде? Что увидел там Юра, его десятилетний сын? Рабочий посёлок стал городом в 1934 г. Но это на бумаге. А вокруг глинобитные мазанки, безобразные бараки, бездорожье, плоская степь до горизонта, летом адское пекло, зимой лютый холод. И стройки. Терриконы росли, как Египетские пирамиды в местах, которые назывались Михайловка и Майкудук. И зачинались тут же зоны, опоясываясь колючими ограждениями и вертухайскими вышками; островки будущего Карлага получали романтические имена – Долинка, Спасск…

Творцом «Третьей всесоюзной кочегарки» был Иван Акимович Костенко [2], уроженец Донбасса, делегированный Совнаркомом в Караганду. Он и учредил «Шахтострой», где Борис Абрамович Померанцев служил на ответственной должности. Кто знает, может быть, Костенко и пригласил его в эти степи, набитые горючими камнями? Земляки ведь, украинцы. Костенко погиб до начала репрессий, в авиакатастрофе. А Бориса Абрамовича арестовали и расстреляли в 1938 [3]. Его сыну было уже 15 лет.

Почему я не расспросил ЮрБора об этом? Наверняка он всё помнил. Но привычно молчал. Увы, мы ленивы и не любопытны.

***

ЧК было животное ненасытное, но тупое. Оно, как аллигатор, лезло вперёд, пожирая всех на своём пути, а периферийного зрения не имело. Можно было отступить на шаг в сторону и уцелеть. Юра Померанцев уехал в Москву, прибился к родственникам. Учился скверно, но время тратил не на мелкие проказы, а на километровые и круглосуточные очереди за билетами в театр. Дома только ночевал, в школе наскоро отмечался, а жил в театре. Бредил театром. Дышал театром. Молился на его богов. Качалов. Грибов. Тарасова. Яншин. 9 августа 1938 г. случайно оказался в Камергерском (тогда Проезд Художественного театра) и угодил на похороны К.С. Станиславского. Очередь начиналась на улице, двигалась к сцене, обходила стоящий на ней гроб, и устремлялась наружу. Как в Мавзолее. Старшеклассник Юра Померанцев выскользнул из траурной колеи и бродил по коридорам онемевшего от горя театра. Возле окна стояла женщина и рыдала навзрыд. ЮрБор рассказал мне эту историю, и я её словно увидел. И вдруг почувствовал то, что называется дыханием времени. Оно сквозило ледяной достоверностью из раскалённого августовского дня полувековой давности.

Однажды он решился и написал письмо Качалову. И бог ответил! Письмо сохранилось. Он мне его показывал. Четвертинка бумаги грозила развалиться на сгибах, но писарский почерк артиста был вполне различим. Письмо лежало в нагрудном кармане гимнастёрки ефрейтора Померанцева вместе с красноармейской книжкой и уцелело на войне.

***

Да, возраст был самый призывной. Мальчиков, рождённых в начале 1920-х, почти всех война выкосила. Померанцева призвали, но отправили не сразу на погибель, а сначала в Казань, в тыл, в учебное подразделение, где наспех готовили младших командиров. Он его окончил с отличием, вот и присвоили ему ефрейтора.

Я силюсь вообразить, как он выглядел в то время. Долговязый, тощий, обритый наголо, носатый, с растерянным взглядом, с шинельной скаткой за узкими плечами, в обмотках на тонких, журавлиных ногах, в несуразных ботинках на резиновом ходу – сапоги полагались не каждому. И в буденовке со звездой во лбу. Вообще-то её к тому времени отменили – финская война доказала, что этот романтический головной убор ни к чёрту не годится, но замена на шапки-ушанки шла медленно, и красноармейцы воевали в них до лета 1942 г.

***

Ефрейтор Померанцев попал на Северо-Западный фронт в 269 отдельный лыжный батальон 1-й ударной армии. Помощником командира отделения. И снова воображение бастует: 18 летний городской парнишка, театрал, интеллигент, сегодня сказали бы – «ботаник», а воевал в составе диверсионной группы. Редко, с усилием, преодолевая внутренний запрет, вспоминал иногда: «Понимаешь, Игорь[1*], был страх. Непрерывный, сосущий, убивающий душу страх. Страшно было до спазмов в животе, до судорог мочевого пузыря. Смерть летела отовсюду: сверху бомбы, в лицо пули, под ногами мины. Хоть справа, хоть слева могла прилететь смерть. Чья-то каска, сорванная с головы убитого товарища, могла убить тебя. И так сутками, днём, ночью. И наступало какое-то равнодушие, отупелость, и уже всё равно, откуда она прилетит…».

«Кто говорит, что на войне не страшно, тот ничего не знает о войне». Эту правду знала Юлия Друнина, фронтовая сестра милосердия.

Между прочим, Демянская операция – одна из первых попыток окружения армий вермахта была именно там, причём, ещё в сентябре 1941. В следующем году наступление продолжилось, и две немецкие армии оказались в котле. Они из него вырвались, но заплатили 90 тыс. убитыми. Красная армия отдала 245 тыс. Ефрейтор Померанцев получил тяжёлое ранение. Началась тыловая жизнь в госпиталях. В 1943 г. был списан в запас подчистую. Уехал в глубокий тыл.

В Алма-Ата

Тогда название города почему-то не склонялось. Здесь началась другая жизнь. «Тяжела и неказиста жизнь советского артиста», – шутили тогда. Отчасти верно.

Снимался в массовке. «Иван Грозный»! Я спросил его однажды, каким остался в его памяти Эйзенштейн? «Не помню, – ответил он не без куража. – Да я и не собирался на него глазеть, когда передо мною был сам Черкасов!». А первым режиссёром его стала Наталия Сац. Галина Уланова из тёмного зала кричала ему: Юрочка, такое движение нужно делать иначе! Это он пробовался в мимансе на сцене ГАТОБа, здание которого было построено совсем недавно, в ноябре 1941.

[1*] Пискунов Игорь Юрьевич, режиссер-кинодокументалист, театральный режиссер, работал на телевидении: КТК, «31 канал», продакшн-студия Gala TV, руководитель студии по производству телепрограмм MediaZavod.

На этой же сцене он вёл ночные концерты. Шла война, город освещён скупо, едва-едва, трамваи не ходят. Я спросил, много ли было публики? И, поражённый, услышал: всякий раз – аншлаг!

Вот такой он, наш милый доктор

Картину эту снимали в 1957[1*]. Господи, меня и на свете ещё не было...

Померанцев, которому тогда перевалило немногим за 30, играл в фильме шестидесятилетнего. С тех пор сменилось столько зим–лет, сами посчитайте, а Юрий Борисович остался в той же поре, в том же образе. Словно и не снял портретного грима, только усы с бородкой отклеил, от чего и помолодел слегка.

Непостижимо

Однако первая попытка вступить в отношения с экраном оказалась провальной. Есть такой фильм «Берёзы в степи». Его поставил режиссёр с яркой фамилией Победоносцев, позже он войдёт в историю советского кино с фильмом «Ох, уж эта Настя!» А сценаристом выступил Будимир Метальников, в середине 1970-х он снимет загадочную, но стильную картину «Молчание доктора Ивенса» с Бондарчуком и Скобцевой.

А пока на дворе год 1956, хрущёвское время, оттепель и целина – об этом чёрно-белая лента «Берёзы в степи». Между прочим, неплохой фильм. Сдержанный, без пропагандистских надрывов. Мелодрама с хорошим, светлым финалом. Померанцев там сыграл в маленьком эпизоде забулдыгу и пьяного болтуна. Сыграл, по-видимому, слишком ярко – эпизод просто вырезали и выбросили. Выбивался из стилистического строя фильма, надо полагать, но в титрах фамилия Померанцева осталась. Пережил он это фиаско болезненно, но виду не подал. Однако нет худа без добра – в этом ампутированном эпизоде Шакен Айманов разглядел незаурядный дар характерного артиста и пригласил Юрия Борисовича стать нашим милым доктором. Судьба.

[1*] Речь идет о кинокомедии режиссера Шакена Айманова «Наш милый доктор», выпущенный киностудией «Казахфильм» в 1957 г. В главной роли доктора Лаврова – Юрий Померанцев. Премьера состоялась в 1958 г. в Алма-Ате – в марте, в Москве – 12 июня. В санатории вблизи Алма-Аты 17 лет трудится доктор, чей девиз: «Радовать человеческие сердца так же важно, как и лечить их». В день его 60-летия сотрудники санатория решили организовать концерт артистов, которых он лечил. Сотрудники объезжают артистов, задавая один и тот же вопрос: «Свободны ли они сегодня вечером?». Однако все артисты отвечают, что они, к сожалению, заняты. В финале все исполнители оказываются на юбилее доктора, и выясняется, что заняты они были, т. к. должны были принимать участия в концерте для юбиляра.

В «Освобождении» Померанцев исполнил роль генерала Власова. Нужно отдать должное Юрию Озерову, он не только упомянул имя, ставшее синонимом предательства, но решился воплотить экранный образ изменника неожиданно, с долей трагизма. С такой задачей мог справиться только один актёр – Юрий Борисович Померанцев. И дело не только в поразительном внешнем сходстве. Роль предателя сделал сын расстрелянного врага народа, боец диверсионного спецбата, искалеченный на фронте, артист без специального образования, пробившийся на подмостки тараном, взявший её на абордаж. И это тот случай, когда «кончается искусство, и дышит почва и судьба».

***

Вот с таким багажом зрительских впечатлений я впервые оказался в зрительном зале театра, на сцене которого царил Померанцев. В те годы артист, получивший благодаря кино широкую известность, магнитом притягивал театральных зрителей. После блистательного успеха «Собачьего сердца» аншлаги в театре им. Лермонтова некоторое время обеспечивал Толоконников. Завидев его, публика начинала шелестеть, перекатывая по рядам: Шариков, Шариков! То же самое было, когда выходил Померанцев, наш милый доктор и не наш генерал-предатель. О, этот детский, наивный, трогательный восторг зрителя, перед которым предстаёт «живой» артист!

Но здесь необходимо заметить: Померанцев был самодостаточен, кинематографическая известность ему не помогала и не мешала. Он был сам по себе. Как природное явление, неодолимо притягивающее взоры. Грозы можно страшиться, прятаться от неё, но не любоваться её молниями нельзя.

Первый спектакль, где я увидел его в главной роли, был сатирический памфлет «Госпожа министерша» сербского драматурга Бранислава Нушича, писателя яркого, гоголевского дарования.

Померанцев на этой площадке кривых зеркал чувствовал себя, как рыба в воде. Гротеск, клоунада, буффонада, карикатурность, экспрессивное комикование – вот яркие, анилиновые краски, которыми выполнен портрет мелкого чиновника, которому, как снег на голову, свалился министерский портфель.

Я был ошеломлён таким натиском и мастерством. Я тогда твёрдо себе уяснил, что в любом деле есть люди «от бога» и «от лукавого». Вторых неисчислимо больше. Это имитаторы. Можно прикидываться политиком, философом, писателем, даже проповедником, причём, успешно. То есть овладеть какими-то техническими навыками и за-

явить о себе как о великом трагике, в общем, нетрудно. А вот прикинуться комиком, шутом гороховым – не выйдет. Это или дано свыше, или не дано. И в лавочке талант не купишь. Маску – пожалуйста, а дар нет, не выйдет.

Характерный артист – это лётчик высшего пилотажа. Он работает на стратосферных высотах, а потом вдруг отвесно пикирует к земле и, ревя двигателями, уводит борт от столкновения с ней – под восторженный рёв пассажиров, уверенных, что это цирковой аттракцион, игра, потеха, не ведающих, что «старость – это Рим, который, взамен турусов и колёс, не читки требует с актёра, а полной гибели всерьёз»[1*].

***

Мог ли я предполагать, что буду когда-то работать с ЮрБором, ставить с ним спектакли, но прежде долго, кропотливо работать над каждым словом пьесы, поверяя его на звук, на вкус, на цвет, на запах? В сущности, я закончил Померанцевский университет, театральную академию, где он был преподавателем, лектором, доцентом, профессором и ректором, а я непутёвым студентом, шалопаем, потом дипломником и, похоже, единственным выпускником.

То есть, конечно же, была у меня в реальности своя Alma Mater, где получил я когда-то диплом режиссёра, но времена были мутные, шальные, девяностые, там царило коммерческое телевидение с его хулиганской свободой, где, как головастики, рождались с необычайной скоростью музыкальные клипы, рекламные ролики, эпатажные новости с таблоидным оттенком и многочисленные ток-шоу на грани безвкусицы. При всех перекосах это было замечательное время имени Изи Эйнеховича Фиделя[2*], в память о котором снимаю шляпу!

Словом, барахтаясь молодым дельфином в прибоях юной и почти нагой свободы, я и не помышлял о пыльных сводах академического театра, в чреве которого спектакль вынашивался так же долго, как человеческий детёныш в утробе матери – 9 месяцев и более! Увольте, говорил я себе, это без меня.

Но в Лермонтовский я порой захаживал и лицезрел, как шествует по коридорам театра похожий на Римского сенатора Померанцев, а господа комедианты жмутся к стеночкам, робко выдыхая скорого-

[1*] Пастернак Б. «О знал бы я, что так бывает…» (1932).

[2*] Годы жизни [1934]–2012. Директор Казахского телевидения, основатель первого коммерческого телеканала КТК.

воркой: «ЗдрстеЮрБорисыч», и он величественно, но дружелюбно кланяется в ответ. Ну, небожитель, что уж там.

И вот однажды главреж, Рубен Суренович Андриасян, ошеломил меня неожиданным вопросом – Игорь, сказал он запросто и буднично, а не хочешь ли что-нибудь поставить у нас?

Кто? Я? Рекламщик и клипмейкер? Но взял время подумать. Что-то зацепило.

***

Думал-думал и вот что надумал: хочу ставить Мрожека! Не помню, как я вышел на этого драматурга, но его «Танго» меня очаровало. И пьеса-то «в возрасте», она написана Славомиром Мрожеком ещё в 1967 г., когда я ещё едва вышел пешком из-под стола. И действие происходит в Польше, но вот влюбился в эту драматургию, и всё тут. Так бывает.

Мудрый Рубен Суренович понимающе прищурился и, пряча улыбку в усах, кивнул: валяй! Я сделал режиссёрскую экспликацию, и настал день, когда Андриасян организовал первую читку. Меня от волнения колотило: вокруг стола сидели зубры, мастодонты, львы, звёзды и, разумеется, ЮрБор. Рубен Суренович представил меня ареопагу, и, уходя, остановился в дверях. «Приятного аппетита, господа комедианты!» – произнёс он ласково, и спустя три часа я понял уместность подобного пожелания. Пиршественным блюдом был я, желторотый, самонадеянный клипмейкер и рекламщик. Ну, что сказать, они славно тогда мною отобедали!

Однако спектакль был запущен в репетиционный период. Андриасян сказал: сделай первое действие, а там видно будет.

Дело в том, сценическое пространство этой пьесы набито огромным количеством вещей, таких детская коляска, старое свадебное платье, катафалк, разнокалиберная мебель, посуда, картины, статуэтки и прочий хлам, детали которого никак не связаны между собой. И я, что называется, повёлся на этот живописный соблазн и так утрамбовал площадку добавочным реквизитом, что она стала походить на антикварную лавку после землетрясения, наводнения и пожара одновременно. А действие не шло, вязло, спотыкалось, бубнило и замирало. Посмотрев на эту бесславную попытку с признаками провала, Андриасян махнул рукой: ладно, разберёмся после гастролей. Спасибо, все свободны!

Я брёл по театральному коридору с пылающей от стыда физиономией, и, если бы на пути моём оказался глубоководный пруд, я бы, не раздумывая, бросился в него, чтобы утопиться.

***

– Молодой человек! – раздался за моей спиной характерный теноpок, рискующий то и дело оступиться в дискант. – Куда же вы?

Я обернулся и застыл – передо мной стоял, сложив руки на груди, Юрий Борисович Померанцев с лицом строгим, но чуть подсвеченным изнутри сочувственной улыбкой.

– Иду к Андриасяну, чтобы написать заявление. Потому что отказываюсь от постановки! – почти злобно выкрикнул я.

– Вот как? – невозмутимо уточнил ЮрБор. – Осмелюсь осведомиться, молодой человек, о причинах столь фатального решения. Поясните-с!

– А чего тут пояснять, Юрий Борисович! – почти взвыл я дурниной. – Первое отделения я завалил к чертям. Театр завтра на всё лето уезжает на гастроли. А когда вернётся через три месяца, про меня просто все забудут!

– Всё это верно. Кроме одного, – спокойно, но твёрдо вымолвил Померанцев. – Дело в том, что ваш покорный слуга на гастроли не едет. Я остаюсь в Алма-Ате. И я к вашим услугам, молодой человек!

Так начинались мои померанцевские университеты.
Учитель ушёл, ученик остался, и я благодарю Бога за эту честь.

***

Не понимаю, как он пережил этот чудовищный январь. Город, в котором он живёт так давно, никогда не знал войны, не слышал выстрелов и взрывов. В предместьях, где во времена ЦОКСа снимались «Боевые киносборники» для фронта, трещали холостыми патронами и бабахали учебными взрывпакетами.

Народный артист Померанцев жил не в загородном особняке, не на даче с каменным забором, не в шикарной квартире, а в обычной трёшке, тесноватой, но почти в центре города, хотя и не в элитном квартале. Не мог не слышать, не мог не знать, что происходит нечто чудовищное.

Стало быть, и такое довелось увидеть на девяносто девятом году жизни.

В день своего рождения он вышел на сцену.

Те, кто были в зале, увидели артиста, который жил в одно время с Лениным, Сталиным, Хрущёвым, Брежневым, Кунаевым, Назарбаевым, Путиным, теперь вот – с Токаевым, кто там будет ещё – не важно.

Главное, он никогда не жил «при» них.

Всегда сам. В своём времени, в своём мире, в своём театре. О, да, все мы в нём участники действа, чаще всего – массовка. Но есть ещё хор, который олицетворяет покорность року. Ей противостоит Актёр. С древнегреческого это слово переводится по-разному, один из вариантов – отвечающий.

Он стоит на авансцене, и хор шумит за его спиной. И он спорит с ним. Отвечает.

1. Померанцев Юрий Борисович (1923–2022), советский и казахстанский актёр театра и кино, режиссёр, общественный деятель, депутат Верховного Совета Казахской ССР. Герой Труда Казахстана (2018). Народный артист Казахской ССР (1961), почетный гражданин г. Алматы (2019). Родился в г. Киеве, проживал с родителями в Караганде. После ареста отца семья вынуждена была переехать в Москву. По окончании 10 класса, в октябре 1941 г. был призван в армию. Участник Великой Отечественной войны: в феврале–марте 1942 – помощник командира отделения 269-го отдельного лыжного батальона 1-й ударной армии (Северо-Западный фронт). Участвовал в Демянской операции, в ходе которой 11 марта 1942 г. был тяжело ранен и до мая 1942 г. находился в госпитале в г. Горький (ныне Нижний Новгород). После длительного лечения в 1943 г. приехал в Алма-Ату, где в эвакуации находилась его мать. Здесь и началась его актёрская карьера. Специального образования не получил. В 1943–1945 гг. – артист хора Алма-Атинского театра оперы и балета им. Абая, одновременно в 1944 г. принял участие в массовке монахов-певчих у гроба царицы Анастасии в фильме С. Эйзенштейна «Иван Грозный». В 1945–1953 – актёр ТЮЗа, в 1953–1954 – актёр Саратовского ТЮЗа. С 1954 г. – в труппе Алма-Атинского Русского театра драмы им. Лермонтова, один из ведущих актеров. Сотрудничал с Казахским радио и телевидением. Председатель Республиканской комиссии по культурно-шефской работе на селе. В течение ряда лет возглавлял драматическую студию при театре. Избирался депутатом Верховного Совета КазССР.

2. Костенко И.А. (1892–1934), один из организаторов освоения Карагандинского угольного бассейна. Родился 27 мая в Донбассе, в Чистяковском р-не в семье шахтера. Окончил Московскую промышленную академию (1932). В 1918–1920 гг. командир бронепоезда, участник обороны Донбасса. В 1920–1928 гг. на партийной, государственной работе, в 1931–1933 гг. заместитель управляющего угольным трестом в Донбассе, В 1933–1934 гг. управляющий трестом «Карагандауголь». При его участии закладывались и строились шахты № 30, 31, 33/34 и № 20, создавалась система разработки и технологии добычи угля в Карагандинском бассейне, производилась разработка нового жилого района Караганды – Новый город. Погиб в авиакатастрофе. В честь Костенко в Караганде названы улица и шахта. [Электронный ресурс] Новиков В. Посланец Донбасса // Индустриальная Караганда –2014, 14 января. Режим доступа: Poslanets.pdf (kstu.kz) (дата обращения.08.09.2022).

3. Померанцев Борис Абрамович (1889–1938). Родился в районе Черкассы Киевской обл., еврей. Образование высшее. До ареста проживал в г. Караганде Карагандинской обл. Работал бухгалтером-экономистом в Карагандашахтстрое. Арестован УНКВД по Карагандинской обл. 12 апреля 1938 г. УНКВД по Карагандинской обл. по ст. 58 п.1, 7, 9, 11 осужден 4 октября 1938 г. к ВМН. За отсутствием состава преступления реабилитирован 25 декабря 1965 г. Трибуналом Туркестанского военного округа [Электронный источник]. Режим доступа: Померанцев Борис Абрамович (1889) — Открытый список (openlist.wiki) (дата обращения.08.09.2022).

Головинский А.Ф.

Три Попова, три Исаака Ивановича…

С первым из них я познакомился совершенно случайно в 1966 г., когда будучи студентом КазГУ, и будучи участником студенческого ансамбля «Оптимисты», я вместе с руководителем ансамбля саксафонистом Анатолием Каргаполовым, после 1-го Всесоюзного фестиваля студенческих эстрадных театров, проходившего в Москве в феврале 1966 г., отправился в дирекцию солидной организации «Казахконцерт» просить предоставить для нашего ансамбля серьёзную площадку, где бы мы могли показать алмаатинцам свою программу, которая на фестивале в Москве попала в шестёрку лучших программ студенческих театров эстрадных миниатюр.

История с тем Всесоюзным фестивалем – это отдельная большая история. В этой истории будут и сцена театра-студии МГУ, и малая репетиционная сцена Московского Художественного театра, и такие имена, как Яншин, Грибов, Леонидов и Райкин Аркадий… Но это в другой раз, в другой истории, а пока вместе с известным музыкантом и руководителем ансамбля «Оптимисты» в дирекцию «Казахконцерта» пришёл и студент 2 курса факультета журналистики Александр Головинский, то бишь – я, т. к. в это время я был и актёром разговорного жанра (так это тогда называлось), и иногда и режиссёром миниатюр нашего ансамбля, и … даже автором некоторых из этих незамысловатых миниатюр. Ансамблю уже было тесно на университетских площадках и руководство КазГУ, после нашего московского успеха, хотело показать наш спектакль городу – вот мы и отправились в Казахконцерт искать такую площадку, т. к. именно там все ключи к этим площадкам.

Сам Казахконцерт находился тогда в солидном здании на улице Пушкина ниже улицы Гоголя. Именно в этом здании сегодня обитает театр кукол. Мы поднялись на второй этаж и пред кабинетом директора обратились к секретарше с просьбой доложить о нас директору

(встреча заранее была согласована по телефону ректоратом КазГУ). Секретарша доложила и открыла нам дверь с табличкой «Попов И.И. директор». Мы с Каргаполовым вошли в большой солидный кабинет, весь увешанный рекламными плакатами казахстанских артистов эстрады. Навстречу нам из-за массивного стола поднялся высокий улыбающийся стройный моложавый красавец с кудрявой черной шевелюрой, с шикарными небольшими усами и арийским носом. Он представился – Исаак Иванович [1]. Много позже я узнал от самого Попова, почему он и Попов, и Исаак Иванович, хотя мама у него чистопородная еврейка. А пока Попов предложил нам сесть и внимательно улыбаясь, выслушал нашу просьбу, хотя, было видно, что ещё раньше разговаривая с нашим ректором (Закариным), он уже принял решение помочь нам. Исаак Иванович тут же предложил нам открытую летнюю эстраду в парке «28 гвардейцев-панфиловцев», что когда-то располагалась чуть юго-восточней Вознесенского собора и, где было около 600 зрительских мест – перед сценой стояли солидные парковые скамейки. Мы с Анатолием Дмитриевичем Каргаполовым с радостью согласились. Дальше были дружеские рукопожатия. Я расстался с Поповым И.И. на долгие 20 с лишним лет.

Наш же концерт для желающих алмаатинцев прошёл с аншлагом и успехом (как я сейчас вспоминаю)…

Вторая встреча со вторым Исааком Ивановичем была не столь приятная, но она послужила прологом к третьей замечательной встрече. Которая продлилась больше 15 лет до самого последнего дня Попова И.И.

Итак, вторая встреча с Исааком Ивановичем у меня случилась в 1988 г., когда я, работая на Казахском ТВ, получил приглашение снять на Казтелефильме полнометражный документальный фильм по книге моего старшего друга писателя А. Алимжанова «Дорога людей». Сценарий этого фильма мы писали втроём – Ануар Алимжанов, Анвар Мамраимов (мой коллега по редакции литдрамы) и я. Режиссёром этого фильма был я. Главную идею и книги и фильма Алимжанов изложил так: «Война не выбирает дорог и движется напролом, сметая всё на своём пути. А по дорогам, в т. ч. и по Великому Шелковому пути, двигались и торговля, и культура…». Наш фильм, как и книга, рассказывали об истории той части Великого Шелкового пути, которая проходила по территории Казахстана, и мы проехали, снимая этот путь от станции «Дружба», что на границе с Китаем до мавзолея Ходжи Ахмета Ясауи в Туркестане. На этой дороге мы встречали и

мечети, и христианские храмы, в т. ч. и несторианские и открывал этот наш маршрут сам Ануар Турлыбекович Алимжанов. Фильм снимался по заказу тогдашнего Казахстанского фонда культуры, который возглавлял, если не ошибаюсь, народный художник КазССР Сабур Мамбеев.

И вот фильм отснят: авторов я уже называл, а оператором был Эдуард Боярский, редактором – главный редактор Казтелефильма Григорий Брейгин. Принимать готовый фильм пришли заказчики – сам Сабур Мамбеев и его юрист – Исаак Иванович Попов. На сдаче фильма присутствовал, кроме вышеперечисленных авторов и заказчиков и тогдашний председатель Гостелерадио Казахстана Гадильбек Шалахметов. После просмотра фильма, заказчик Мамбеев сделал только одно замечание, но крайне странное: «Пусть режиссёр уберёт из фильма все кресты – т. е. – все эпизоды с несторианскими и христианскими храмами, а иначе я фильм не приму…». Это его замечание вызвало большое недоумение и у самого Алимжанова, ведь именно о том, что на Шелковом пути были и эти храмы, и храмы, в которых могли попеременно совершать свои обряды и мусульмане, и буддисты и христиане – к примеру, Джаркентская мечеть выглядит и как буддийская пагода – именно об этом, добавил Алимжанов, я и писал и книгу, и сценарий. И об этом снимался фильм под названием «Дорога людей». Эта дорога примиряла всех…

Алимжанова поддержали и Шалахметов, и редактор Брейгин, но Мамбеев стоял на своём. Я сказал, что не стану нарушать авторское видение темы Великого Шёлкового пути и не буду кастрировать фильм. Тогда Мамбеев заявил, что фильм он не принимает и ушел с просмотра… Вместе с ним ушёл и Исаак Иванович Попов, признавшись, что хотя фильм ему и понравился, но он только юрист и ничем нам не может помочь.

А дальше случилось, что председатель Казгостелерадио Г. Шалахметов, которому фильм понравился, отправил фильм для показа и приёмки в Москву в Союзтелефильм, к которому принадлежал и Казахтелефильм. В Москве фильм хорошо приняли и почему-то вдруг поставили в самое короткое время в эфир по Центральному телевидению. Вот тут то и начался большой скандал. По команде Мамбеева И.И. Попов подал на Гостелерадио Казахстана в суд с требованием вернуть и сам готовый фильм, и все деньги, которые Фонд культуры перечислил Казахтелефильму на его производство. Шалахметов «поставил под ружьё» всех юристов Гостелерадио Казахстана,

но они проиграли этот суд. Я тоже обратился к своим знакомым юристам (в т. ч. и кандидатам наук), но мои друзья, узнав с кем им придётся «бодаться», с улыбкой отказались, сообщив, что Исаак Попов – автор закона об авторском праве и здесь у него нет конкурентов… Попов же при встрече ещё раз подтвердил, что фильм ему нравится. И что он не согласен с претензиями Мамбеева, но… авторское право – есть авторское право и фильм без согласия Фонда нельзя было показывать в эфире.

Почти все копии фильма оказались в Фонде, кроме одной, которая была отдана в Архив кино-фото-документов после того, как Казахтелефильм прекратил своё существование. Я же очень заинтересовался личностью Исаака Ивановича, и вскоре у меня появилась идея встретиться с ним в третий раз.

Этот третий раз случился достаточно скоро, в 1990 г., когда мой давний добрый друг, сегодня московский сценарист и режиссёр, а также секретарь правления Союза кинематографистов Московской обл. (вот до каких высот добрался журналист молодежной редакции Казахского ТВ 1980-х гг.) Сергей Русаков предложил мне возглавить вновь создаваемую Студию «ИКС-Б», которую облагодетельствовал один из вновь созданных коммерческих банков Казахстана, купив современную по тем временам видео-съёмочную и монтажную аппаратуру. Банкиров, с которыми давно сотрудничал Русаков, я тоже заинтересовал. И, бросив работу на Гостелерадио Казахстана, я стал директором и худруком этой вновь создаваемой Студии. А почему я на это согласился – да потому, что о такой видеотехнике можно было только мечтать, и я собирался на этой Студии снимать то неигровое кино, которое мне хотелось, всегда хотелось (!) снимать. А как-же… Сам директор, сам себе худрук и режиссёр… Но это я зарапортовался.

Вернусь к рассказу об Исааке Ивановиче. Став тем начальником, о чём я написал выше, я тут же разыскал пенсионера и бывшего первого замминистра культуры Казахстана (он целых 15 лет был на этой должности!), а теперь юрисконсульт фонда культуры Попова И.И., и предложил ему стать юристом нашей Студии, дабы, если у нас что случится – нам не оказаться в такой ситуации, в какой оказалось Гостелерадио Казахстана с фильмом «Дорога людей». Исаак Иванович, которому понравился и мой фильм, и, как я понял, моя реакция на замечание по поводу «крестов», согласился, мудро добавив, что он придёт к нам не для того, чтобы разгребать возможные проблемы Студии, а для того, чтобы у Студии таких проблем не появлялось.

Юрист Попов сначала работал с нами на 1/2 ставки, но недолго. Вскоре, через пару месяцев он оставил свой пост в фонде культуры и полностью перешёл в Студию «ИКС-Б» и стал совершенно незаменимым сотрудником. Все наши договора с заказчиками, а заказчиков особенно на создание рекламных клипов (техника позволяла нам быть в этом направлении вне конкуренции – мы создали более 100 рекламных клипов). Мы выполнили даже заказ Российского телевидения (РТР) и сделали 8 компьютерных заставок к показу по РТР трансляций с Олимпийских игр в Барселоне, выполнялись по лекалам Исаак Ивановича, и к нам никогда никто не предъявлял никаких в этом смысле претензий. А потом нам надоело снимать только рекламу, и когда Банк, купивший нам аппаратуру, развалился, мы приобрели другую аппаратуру и в основном стали снимать документальные (неигровые) фильмы. Эти фильмы активно участвовали на казахстанских и международных фестивалях и вклад в это творчество юриста Попова И.И. трудно переоценить. Студия «ИКС-Б» пятикратный Лауреат и многократный дипломат многих фестивалей: «Алтын Жулдыз» (Алматы), «Первый российский открытый телефорум», «Золотой Витязь» (Москва), Международный польский фестиваль документального кино, «Кулагер 2010» и др.

Исаак Иванович стал моим близким другом, но никак не хотел обращаться ко мне по имени – Саша, всегда называл по имени-отчеству, хотя я и моложе его на целых 20 лет. Вы, говорил он – мой начальник. Мне было смешно, но Исаак Иванович так и не назвал меня ни разу – Саша. Как-то он пришёл на Студию и сообщил, что зампред правительства при встрече с ним, предложил подать в правительство представление на присвоение мне звания народного артиста республики, но законник Попов сообщил тому, что я даже не заслуженный деятель искусств, а через звание нельзя «прыгать». Чиновник удивился и сказал, что ждёт представление от Студии на это почётное звание. Я просто рассмеялся – у нас не государственная Студия, и какие могут быть мне звания. Но Попов составил это представление и через некоторое время 17 марта 1998 г. мне позвонили из Администрации Президента, попросили явиться на следующий день во Дворец Президента для приятного для меня события, попросив, правда, одеть костюм и галстук. Вероятно потому, что готовя представление, я сфотографировался на будущий возможный документ в футболке с короткими рукавами. Я оделся так, как мне посоветовали, и явился в костюме, хотя всегда предпочитаю ходить в джинсах и в футболке. 18

марта на общем собрании общественности республики Президент вручил мне и почётный знак, и удостоверение Заслуженного деятеля искусств Республики Казахстан.

Я любил и уважал замечательного человека и высокого профессионала, заслуженного работника культуры Казахстана Исаака Ивановича Попова и когда ему исполнилось 70 лет, предложил своим студийцам снять небольшой фильм о нём, но втайне от самого Исаака Ивановича. Мы так и сделали – я обратился к известнейшим деятелям культуры страны и предложил им поздравить Попова в нашем фильме. Все с удовольствием согласились. В нашем фильме Исаака Ивановича поздравили Бибигуль Тулегенова, Азербайжан Мамбетов, Рубен Андриасян, Юрий Басин (один из авторов Конституции Казахстана), другие знаковые личности. Я отнёс этот фильм на КТК к его директору, моему директору Казахского ТВ Изе Эйнеховичу Фиделю и попросил показать этот фильм в эфире в день рождения Исаак Ивановича. Фидель с удовольствием согласился и по печатной программе фильм значился под таким названием «Иван родил Исаака», где я был ведущим этого фильма.

День рождения Попов И.И. решил отметить с близкими друзьями дома у своей дочери. Во время празднования я предложил в нужное время включить телевизор и, хотя всем было не до телевизора – настоял. Телевизор включили и… потом долгое время гости искали, где в доме стоит магнитофон, с которого на телеэкран показывался фильм – почему-то мало кто поверил, что это был эфирный показ на всю республику. Но когда сразу после фильма пошли новости КТК, все радостно поздравили юбиляра с премьерой.

Я много ещё мог бы рассказывать о нашей с ним дружбе, но, это уже мои добрые и личные воспоминания. Наша дружба и сотрудничество продолжались до последнего дня Исаак Ивановича, т. к. он оставался юристом Студии «ИКС-Б» до дня своего ухода в мир иной. Вечная память моему доброму славному старшему другу Попову Исаак Ивановичу.

1. Попов Исаак Иванович (1926–2005). Родился в г. Днепропетровске (Украина). Окончил Алма-Атинский юридический институт, к. ю. н. («Правовые основы деятельности театров, музыкальных коллективов (по материалам Казахской ССР). Работал электроосветителем, помощником администратора объединенного Академического и Русского театра драмы (1942–1946), главный администратор, замдиректора ГАТОБ им. Абая (1946–1948), юрисконсульт Министерства культуры КазССР (1948–1959), директор Ансамбля песни и танца КазССР (1959–1961), зам. начальника главного управления искусств Министерства культуры КазССР (1961–1968), директор Ка-

захского гастрольного концертного объединения (1968–1975), первый замминистра культуры КазССР (1975–1987), консультант Казахского ффонда культуры (1987–1990). С 1987 г. на пенсии, работал членом президиума, председателем ревизионной комиссии Союза театральных деятелей Казахстана, председателем ревизионной комиссии Конфедерации Союза театральных деятелей Казахстана, председателем, членом Совета благотворительной организации «Хэсэд Полина». /*Ашимбаев Д.Кто есть кто в Казахстане. Биографическая энциклопедия. 2010–2011. Изд. 11-е дополненное. – Алматы, 2010. – С.858.*

Брусиловская Е.Ф.

Прощай, король!

К Гавриилу Бойченко [1] у меня особое отношение – с именем этого актера я вошла в профессию, потому что первым моим журналистским заданием для Казахского радио стал материал о 50-летии ведущего артиста алматинского ТЮЗа, коим он тогда являлся. Материал был замечен, и это естественно, потому что Гавриил Моисеевич был не только актером от Бога, но и великолепным, остроумным рассказчиком. Спасибо ему за это.

Когда-то великий Станиславский призывал актеров учиться непосредственности у детей, Гавриилу Бойченко этого было не нужно, потому что по натуре своей он всегда оставался большим ребенком – восприимчивым, органичным и веселым. Более сорока лет он проработал в детском театре и гордится этим, сказав в одном из интервью, что это безумно интересно – играть для детей.

По мнению художественного руководителя Государственного академического русского театра драмы им. М.Ю. Лермонтова, народного артиста РК Рубена Андриасяна, Бойченко не привык к новому театру, лермонтовскому, куда он вынужден был уйти, так и оставшись в душе тюзовцем.

«Гавриил Бойченко был знаменем, знаком своего детского театра», – говорил о нем Рубен Андриасян.

При этом Гавриил Моисеевич не был человеком легкой судьбы. Он родился и долгое время жил в Ессентуках. В актеры не собирался, потому что родом был из «рабоче-крестьянской» семьи.

«Я стал киномехаником, и показ фильмов и был моим единственным прикосновением к искусству, – рассказывал он. – Разве только в четвертом классе поставил сказку «О попе и работнике его Балде», хотя это мое увлечение театром чуть было не вылилось в крупные неприятности. В оккупированных немцами Ессентуках был строгий комендантский час. И вот зимой мы, трое или четверо шалопаев, ре-

шили пойти к девчонкам на соседней улице, а заодно и напугать их. Взяли и нарядились: кто шубу наизнанку вывернул, кто еще что-то придумал, а у меня был склеенный из ватмана цилиндр. На лице себе чего-то намалевали и пошли.

У девчонок засиделись до того, что про комендантский час забыли. Тихонько стали пробираться домой – и наткнулись на патруль полицаев. Ночь, тусклые фонарики выхватывают нас в таком виде из темноты. Все разукрашенные, и я в цилиндре. Нас повели в комендатуру на предмет выяснения, не американские ли мы шпионы. Уже там, разобравшись, что мы еще пацаны, благодаря помощи знакомого полицая с нашей же улицы отпустили. Так, можно сказать, началась моя актерская деятельность.

Уже позже, после освобождения города, к нам на гастроли приехал ставропольский театр. У них заболел актер, и я сыграл роль немецкого часового, охранявшего взятых в плен советских матросов. Вся моя роль состояла из реплики: «Нихт сешен» («Не разговаривать»). Я очень волновался. Помню, когда во время этой сцены взглянул на собственную тень на стене, то заметил, как у меня на голове трясется каска. Так меня колотило от страха.

Главному режиссеру я понравился, и он меня направил в только что открывшуюся в Ставрополе театральную студию. Мужского пола тогда везде не хватало, меня приняли сразу, без экзаменов. Я уехал в Ставрополь, где два года проработал в театре. После этого работал в театрах гг. Иркутска, Астрахани, а затем в 1962 г. мы с женой попали в Алма-Атинский ТЮЗ. Город нам очень понравился, приняли нас хорошо, работы оказалось много».

Работы действительно было много – Бойченко оказался актером очень востребованным.

«Мы с Гавриилом Моисеевичем вместе работали с 1974 г., – вспоминает Рубен Суренович Анриасян, – и каждая работа становилась, если не праздником взаимопонимания, праздником того, как актер продолжает режиссера и наоборот, то уже точно праздником человеческого общения. Когда я пришел в ТЮЗ, Гаврилу Моисеевичу было уже за 40, и он казался мне глубоким стариком, я был лет на 15 его младше, но меня поражало, какую молодость ума и души сохранил этот человек. По своей не очень хорошей привычке давать клички, я его тогда, шутя, назвал – Плейбойченко. Потом на некоторое время Гавриил Моисеевич стал директором ТЮЗа».

Очень трудно объяснить, но это бывает сплошь и рядом, когда вдруг оказывается ненужным человек, которому ты обязан очень многим, поэтому, когда Гавриил Моисеевич вынужден был уйти из ТЮЗа, я пригласил его в наш театр. И, несмотря на все трудности, с которыми он сталкивался в жизни, Гавриил Бойченко оставался очень добрым человеком. Неизбывным в нем был оптимизм и чувство юмора, поэтому мы вспоминаем о нем с улыбкой и говорим: «Спасибо, что был».

Человеком нескончаемого юмора назвала Гавриила Моисеевича и заслуженная артистка РК Татьяна Банченко: «Он бывало, мне говорил: «Ну что ты рассказываешь этот анекдот, ведь я знаю, чем он кончится», и все равно каждый раз от души смеялся. Мои дети помнят еще его первого короля в «Золушке», ведь я с 1965 г. работала с Гавриилом Моисеевичем – меня после первого курса взяли в театр для участия в массовках. На моих глазах выросли его дети – Тарас и Оксана. А сколько у меня было сыграно ролей вместе с ним!

Никогда не забуду – мы играли «Василису Прекрасную», там у него был такой текст: «Вот вам доченьки кудель и прялки», он поворачивается ко мне, чтобы сказать это, а я ему тихонько: «Вот вам доченьки пудель и крялки», и Гавриил Моисеевич, отвернувшись зрителя, заливается смехом.

В общем, все у меня было с ним связано с юмором. Помню, как мы играли маленькие комедии Чехова, играли втроем, и все фамилии начинались на букву «б» – Бойченко, Банченко и Беспальченко, был такой актер уже тоже ушедший от нас, и нас называли «три Б». Но какое удовольствие мы получали от общения друг с другом на сцене! Уже будучи тяжело больным, когда Гавриил Моисеевич приходил на спектакль «Хрустальный башмачок», где он тоже играл короля, он еще умудрялся какой-нибудь анекдот мне рассказать. Так что, пока мы живы, будем вспоминать его только добром».

Почти вся творческая жизнь оказалась связана с Гавриилом Бойченко и у старейшей актрисы ТЮЗа, заслуженной артистки РК Валерии Крымской.

«Моей первой ролью в ТЮЗе в 1969 г. стала роль Алины в пьесе «Мой брат играет на кларнете», а Гавриил Моисеевич играл дедушку, – рассказывала актриса. – Тогда мне едва исполнилось 27 лет, а сейчас уже почти 72, и получается, что рядом с этим человеком прошла и моя жизнь. Сначала мы были с ним внучкой и дедушкой, потом, когда я вошла в возраст, играла его жену в спектакле «Человек с белой

гвоздикой» по пьесе Никоса Белояниса. И пока он не ушел в театр русской драмы, большая часть его жизни была связана с ТЮЗом, с нами, поэтому для нас он всегда был и останется родным человеком».

Гавриил Моисеевич стал основателем актерской династии.

«Все получилось само собой, – когда-то рассказывал он. – Моя будущая жена еще училась в десятом классе, когда я ставил у них в Иркутске «Снегурочку». Потом мы вместе работали в ТЮЗе. Ну и с дочерью получилось так же... Она ведь выросла в театре. Мы – на репетицию, она – в зал. Еще девочкой начала играть. В «Гамлете», в «Соборе Парижской богоматери» показывалась на небольших детских ролях, потом поехала в Иркутск, поступила в театральное училище. Продолжила учебу в нашем театральном институте. Окончила с отличием. Артистка лучше, чем я. Перещеголяла она нас.

Сейчас Оксана Бойченко с успехом играет на сцене театра им. М.Ю. Лермонтова, и считает, что именно там, за кулисами – мир, полный волшебства.

Этот волшебный мир открыл ей и ее отец, который сыграл на сцене около двухсот ролей. Причем самых разных по характеру, темпераменту, возрасту, национальности, образу жизни, своим целям и устремлениям, по профессии и взглядам на жизнь.

Гавриил Моисеевич пробовал себя и в роли режиссера-постановщика. Среди его работ – спектакли «Почему исчезают гномы», «Красная шапочка», «Дом под солнцем», «Беда от нежного сердца» и др.

А еще снимался в кинофильмах: «В те дни», «Лесная баллада», «Боготворящий смерть», «Притча о любви», «Далекий млечный путь», «Танцующий ангел».

Награжден медалями «Ветеран труда», «За заслуги перед республикой».

«Я, может, устарел, – сказал в одном из своих последних интервью Гавриил Моисеевич, – но для меня театр – это кафедра, это просвещение и воспитание средствами искусства. Лепка, создание человека. Театр развивает душу. Если к нему относиться не потребительски, думаю, он только этим и должен заниматься. Внешне актеры такие же, как все остальные люди, но изнутри… Есть дерево, по которому можно ударить – и будет звук, и есть скрипка. Мне кажется, качеством звучания и должен отличаться Актер»!

У Гавриила Бойченко это звучание было самого высокого качества.

1. Бойченко Г.М. (1 февраля 1927, Ессентуки – 1 августа 2013, Алматы), советский и казахстанский актер театра, народный артист Казахской ССР (1987). С 1962 г. в ТЮЗе им. Н. Сац, руководитель русского отделения театра (1985–1987). С 1994 г. актер Русского театра драмы им. М.Ю. Лермонтова.

Жампеисова К.К.

Жизнь и научно-педагогическая деятельность Г.А. Уманова

В декабре 2021 г., в 90-летнем возрасте ушел из жизни доктор педагогических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Республики Казахстан, Почетный академик НАН РК Григорий Абрамович Уманов**.** Он представлял собою целую эпоху казахстанской педагогической науки и образования, оставившей в ней глубокий, неповторимый след.

Г.А. Уманов родился 27 мая 1931 г. в Москве. Окончил школу № 33 в Алма-Ате с серебряной медалью. В 1954 г. окончил исторический факультет Казахского государственного университета им. С.М. Кирова по специальности «Преподаватель старших классов школы и вуза по истории».

После окончания университета работал преподавателем медицинского училища г. Алматы (1954–1959 гг.). В период 1959–1965 гг. по распоряжению горкома партии – директором специальной школы трудовой колонии МВД Казахской ССР. В 1965 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата педагогических наук. В 1965 г. перешел на работу в КазПИ им. Абая (ныне КазНПУ) – старшим преподавателем, затем на должность доцента. В 1970 г. успешно защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора педагогических наук, в 1971 г. получил ученое звание профессора.

Начиная с 1965 г. жизнь Григория Абрамовича, ученика профессора Р.Г. Лемберг, была тесно связана с КазПИ им. Абая. На протяжении 24-х лет он заведовал кафедрой педагогики. До самого последнего дня был на посту – являлся профессором-консультантом своей родной кафедры.

В состав кафедры, руководимой профессором Умановым Г.А., вместе с аспирантами и докторантами входило более 100 человек. Именно здесь проявились качества Григория Абрамовича как талантливого, интеллигентного педагога, прекрасного руководителя и организатора. Вместе с ним и под его руководством работала когорта замечательных людей. Жизнь Григория Абрамовича – счастливая исто-

рия, история учителя, воспитателя, педагога, ученого. История патриота-гражданина своего Отечества.

Безупречный стиль руководства коллективом кафедры педагогики, всегда вызывали глубокое уважение и заслуженный авторитет со стороны коллектива университета, педагогической общественности Республики.

Он внес значительный вклад в развитие педагогической науки и подготовку научно-педагогических кадров для средних и высших учебных заведений Республики. Под его руководством защищено более 90 кандидатских и 24 докторские диссертации, в т. ч. в США, Монголии, Узбекистане, Таджикистане. Им опубликовано более 120 научных работ, которые были напечатаны в США, Германии, Франции, России, Израиле, Швейцарии, Японии. Он Почётный профессор Университета и Почётный гражданин Штата Кентукки США. Для чтения публичных лекций неоднократно выезжал в США, Израиль и в другие страны.

Особое место среди его научных интересов занимали проблемы трудных детей, профессиональной ориентации учащихся, профессионально-технического образования и др. Известные труды: «История создания и тенденции развития профессионально-технического образования в Казахстане», «Причины преступности несовершеннолетних в СССР», «Трудные дети» и др.

Неоценимым вкладом Григория Абрамовича является то, что при его руководстве кафедрой, создавались научные школы таких ведущих ученых как докторов педагогических наук, профессоров Н.Д. Хмель, А.А. Бейсембаевой, Г.К. Нургалиевой, и многих др.

Развивая научные идеи и воспитывая молодых ученых, Григорий Абрамович создал свою научную школу. Это целая плеяда его последователей, занимающихся проблемами воспитания учащейся молодежи трудового, нравственного, эстетического, идейно-политического и др. В числе его последователей д. п. н. Керимов Л.К., Хайруллин Г.Т., Трифонов В.В., Жампеисова К.К., Узакбаева С.А., Абылкасымова А.Е., Ильясова А.Н., Джанабаева Р.А., Кайдарова А.Д., Таубаева Ш.Т., Жолдасбекова Г.Ж., Кожабаева Б.И., Тленбаева М.Б. Дмитриенко Е.Д., Садыков Б., Шахгулари В.В. и многие, др., которые так же, как и их учитель создали научные школы, внесли свой вклад в развитие педагогической науки Казахстана, в дело подготовки научных и педагогических кадров для Республики.

Сегодня его ученики достигли значительных успехов. Многие из них являются государственными и общественными деятелями, вносят значительный вклад в дело профессиональной подготовки будущих учителей, в развитие педагогической науки Казахстана, осуществляют руководство вузами, кафедрами, школами. Все они гордятся, что их наставником, научным руководителем по кандидатским диссертациям, научным консультантом по докторским, был Уманов Г.А.

Жизнь Григория Абрамовича, помимо семейных забот, всегда была наполнена работой, научно-педагогической и общественной деятельностью. Это неимоверно мудрый человек. Его всегда отличали высокая внутренняя культура, профессионализм, широта научных интересов, демократизм, гуманное отношение к коллегам, забота о научном, профессионально-педагогическом и личностном росте каждого члена кафедры, аспиранта, докторанта, а также лаборантов. Знаковым моментом является и то, что из семи лаборантов кафедры, работавших под непосредственным руководством Григория Абрамовича – трое стали докторами, четверо – кандидатами педагогических наук.

В своих воспоминаниях о Григории Абрамовиче, д. п. н., профессор, Президент Академии Педагогических наук Казахстана, академик и почетный профессор более 10 академий и университетов Казахстана и зарубежных стран, член Исполнительного комитета Всемирного совета общества по сравнительному образованию А.К. Кусаинов, пишет: «Г.А. Уманов внес неоценимый вклад в развитие педагогической науки Казахстана, его имя золотыми буквами вписано в историю высшего образования страны. Он дал путевку в жизнь десяткам, сотням молодым людям, что позволило им заняться наукой, педагогической деятельностью и стать прекрасными учителями».

Окунаясь в историю, Аскарбек Кабикенович продолжает: «… в 1970 г., после защиты докторской диссертации, Григорий Абрамович был назначен заведующим кафедрой педагогики КазПИ им. Абая. Тогда кафедра была небольшой, работало всего 11 человек. С приходом Григория Абрамовича началась ее бурная деятельность. В то время в институте был объединенный совет по защите кандидатских диссертаций по естественным и гуманитарным наукам. Он, вместе с выдающейся личностью Сембаевым Абдыхамитом Ибнеевичем (1905–1989), работавшим в 1941–1955 гг. министром просвещения Казахской ССР, с 1955 по 1963 гг. – проректором и заведующим кафедры педагогики Казахского государственного университета, затем – директором Научно-исследовательского института педагогических наук

им. Ибрая Алтынсарина, начали работу по открытию отдельного совета по защите кандидатских диссертаций по педагогическим наукам. В то время не так-то просто было открыть диссоветы в регионах. Но так как Абдыхамит Ибнеевич был членом-корреспондентом Академии педагогических наук СССР, разрешение получили. Председателем диссовета был назначен Григорий Абрамович. Открытие отдельного диссовета было толчком в развитии педагогической науки Казахстана. Григорий Абрамович на этом не останавливался. Он хорошо понимал, что только открытие отдельного докторского совета по педагогике откроет новые страницы в качественном развитии педагогической науки страны.

Руководство столь большой кафедры (на то время более 100 человек, вместе с аспирантами и докторантами), где проходило предварительное обсуждение докторских и кандидатских диссертаций, возлагало на Григория Абрамовича большую ответственность. Понимая всю значимость предварительной работы, и в силу огромной скромности, он предложил возглавить данный совет ректору университета. Таким образом, председателем первого докторского совета по педагогике в Казахстане стал ректор, академик Т.С. Садыков, заместителем председателя – д. п. н., профессор Хмель Н.Д., ученым секретарем – ученица Григория Абрамовича – Жампеисова К.К., которая впоследствии возглавила этот совет (А.К. Кусаинов, 2016).

Анализ становления отечественной педагогической науки Казахстана после приобретения Независимости свидетельствует о том, что бурному ее развитию способствовало открытие, как уже было сказано выше, в 1992 г. первого в Республике специализированного совета Д 14.05.01 по присуждению ученой степени доктора педагогических наук по специальности 13.00.01 – Теория и история педагогики, а затем и этнопедагогики при Алматинском государственном университете им. Абая.

Открытие докторского Совета имело историческое значение. Так, в связи с подготовкой первой плеяды отечественных докторов педагогических наук независимого Казахстана при кафедре педагогики АГУ им. Абая, увеличилось количество лиц, имеющих право на научное руководство и научное консультантство по кандидатским и докторским исследованиям.

Этим обосновывается дальнейшее развитие и открытие специализированных советов по защите, как докторских, так и кандидатских диссертаций при Алматинском госуниверситете международных язы-

ков и международных отношений, ЖенПИ, Академии спорта и туризма, Академии образования им. Ы. Алтынсарина, Южно-Казахстанском университете им. М. Ауэзова (г. Шымкент), Карагандинском университете им. Букетова, Атырауском педагогическом университете, Международном казахско-турецком университете (г. Туркестан), Гуманитарном университете (г. Астана).

Умение вести за собой коллектив, развивать у него исследовательский, творческий потенциал – это удел педагога-новатора. Профессионализм Григория Абрамовича, его интеллигентность, человечность, начиненная гуманизмом, толерантностью, ответственностью, демократичностью, жизненной мудростью всегда вызывали восхищение у всех, кто соприкасался с ним. Он был примером для подражания.

Каждая читаемая им лекция по педагогике являлась открытой для преподавателей, докторантов, аспирантов, соискателей. Для многих из них, а также слушателей курсов повышения квалификации они были настоящей школой лекторского мастерства.

Как отмечает ученица Григория Абрамовича, д. п. н., профессор С.А. Узакбаева, хронометраж обычного рядового рабочего дня Григория Абрамовича вмещал в себя такое количество дел (лекции, просмотр документации, их корректировка, подпись деловых бумаг, совещания ректората, заседания ученых советов университета, заседания кандидатских и докторских советов, посещение школ и многое др.), что возникает вопрос: как это может быть под силу одному человеку. Несмотря на большую загруженность в работе он всегда находил время для своих учеников, вселял в них уверенность, никогда не навязывал своего мнения, учил решать любую научную проблему, направлял, давал полную свободу в реализации собственных научных взглядов и идей.

Под руководством Григория Абрамовича было реализовано немало новаторских дел. Ему принадлежит идея создания научно-учебно-методических комплексов (НУМК, 1988 г.) не только на базе школ г. Алматы, но и сельских, в состав которых входили учителя школ, преподаватели кафедры, докторанты, аспиранты, соискатели, стажеры. Как отмечала к. п. н., профессор Калиева С.И., цель деятельности НУМКов заключалась в выявлении научно-практических возможностей тесного взаимодействия школы и вуза по выработке новых педагогических идей и поиска путей внедрения их в учебно-воспитательный процесс школы.

Достижение цели виделось в последовательном решении таких задач как: проведение на базе школ научных исследований преподавателями, докторантами, аспирантами и соискателями; повышение научно-исследовательской культуры учителей общеобразовательной школы; осуществление диагностики качества учебно-воспитательного процесса школы; экспертная проверка диссертационных исследований с привлечением учителей школ; апробация различных форм взаимодействия школьного и кафедрального коллективов, вплоть до проведения международных научно-практических конференций; проведение мероприятий воспитательного характера с учащимися школы; подготовка и проведение совместных мероприятий школы, вуза и местного населения.

На базе кафедры работали три НУМКа: по проблемам педагогики высшей школы (руководитель – д. п. н., профессор Хмель Н.Д.); по проблемам средней общеобразовательной школы (руководитель – д. п. н., профессор Калиева С.И.); по вопросам истории педагогики (руководитель – д. п. н., профессор Бейсембаева А.А.).

Интерес в этом плане вызывает НУМК, созданный на базе одной из самых отдаленных сельских школ, – школы им. Кумаша Нургалиева в с. Буран Зайсанского р-нав Восточно-Казахстанской обл. Школа находится в 6 км от китайской границы и в 1,5 тысяч км от Алматы. Значимым было то, что на базе этой школы были защищены 3 докторские (Жампеисова К.К., Узакбаева С.А. Нургалиева Г.К.) и 7 кандидатских диссертаций.

В 1995 г. Григорий Абрамович создал одну из первых негосударственных школ с обучением на русском, казахском и английском языках – «Престиж» которая и по сей день является одной из лучших в г. Алматы.

В годы руководства кафедрой, Григорий Абрамович поддержал идею д. п. н., профессора Нургалиевой Г.К., ныне академик КазНАЕН, МАИН, АПН Казахстана, председатель Совета директоров АО «Национальный центр информатизации», о создании газеты «Вестник научно-педагогического центра». Как отмечает Гуль Кумашевна: «Это была первая учительская газета на коммерческой основе, производство ее осуществляло малое государственное предприятие «НПЦ «Елим-ай». Газета задумывалась как рупор кафедры. Она отличалась от официальной «Учительской газеты». Ее основной целью было оперативно информировать школы и другие организации образования о защищенных диссертационных исследованиях, о разработан-

ных на кафедре концепциях. В газете печатались различные методики мониторинга и диагностики развития личности. Интерес к газете был огромный. У газеты был широкий круг подписчиков – две трети школ республики. В эти же годы впервые было осуществлено самостоятельное издание курса лекций по педагогике профессоров и преподавателей кафедры. Были открыты языковые курсы для иностранцев. В частности из центрального Китая, г. Ланджоу, по договору приезжали 58 учеников, которые в течение двух лет изучали русский язык, а потом поступали в университеты Казахстана и России».

Г.А. Уманов всегда был открыт новому. Им также была поддержана идея Г.К. Нургалиевой о проведении на кафедре с ее докторантами и аспирантами научных исследований по дистанционному обучению и разработке электронных учебников в рамках республиканской программы фундаментальных научных исследований Министерства образования, которые сегодня стали трендом современного образования. В основу разработки электронных учебников была впервые заложена идея модульного обучения и логико-структурного подхода к анализу информационного массива.

Григорий Абрамович был Президентом Педагогического общества Казахстана, которое создал общественный и государственный деятель, ученый-педагог, д. п. н., академик АН КазССР Т.Т. Тажибаев (1910–1962). Затем это общество возглавил ученый-педагог, писатель, действительный член АПН СССР, заслуженный деятель науки Казахской ССР, д. ф. н., профессор, ректор, Герой Советского Союза М. Габдуллин (1915–1973). После Малика Габдуллина, президентом общества был избран Григорий Абрамович (А.К. Кусаинов).

Ученица Григория Абрамовича, д. п. н., профессор, заслуженный деятель РК, академик Российской академии образования, академик НАН РК А.Е. Абылкасымова, на юбилейном мероприятии, посвященном Г.А. Уманову, сказала очень значимые слова: «Исследовательский дар, педагогическая интуиция, методический талант редко даются человеку с рождения, чаще они формируются постепенно, вызревают десятилетиями, искусно шлифуя каждую свою грань, каждое проявление в беспрерывном поиске истины, в нескончаемом стремлении мысли к самосовершенствованию, в неожиданных озарениях и разочарованиях, в ожесточенной борьбе нового со старым. Педагогический Олимп молодости не подвластен, его вершины покоряются не в годы научного роста, не в начале научной карьеры, а лишь в зрелые годы жизни, когда научные открытия предстают как закономерный

результат мучительного поиска нового и перспективного – все это в полной мере относится к личности Уманова Григория Абрамовича – виднейшего ученого-педагога, сумевшего не только разработать и развить перспективные направления в системе педагогического образования и науки Казахстана, прежде всего через создание большой научной школы, подготовку десятков тысяч учителей для организаций образования страны.

Ученица Григория Абрамовича Ш.Т. Таубаева, д. п. н., профессор кафедры педагогики и образовательного менеджмента КазНУ им. аль-Фараби, пишет: «Я знаю Григория Абрамовича как большого ученого, талантливого профессора, мудрого наставника молодых исследователей. Глубокие знания, широкая эрудиция позволяют ему ставить фундаментальные и актуальные проблемы воспитания и обучения, намечать пути их решения. Я всегда вижу в лице Уманова Г.А. достойного продолжателя идей Я.А. Коменского, И.Г. Песталоцци, А. Дистервега, К.Д. Ушинского, И. Алтынсарина, Р.Г. Лемберг».

Заслуги Григория Абрамовича перед Отечеством в области развития педагогической науки и образования Республики Казахстан отмечены государством. Он обладатель медалей им. Н.К. Крупской и Ы. Алтынсарина, «Отличник образования КазССР», «Отличник здравоохранения СССР», «Заслуженный работник высшей школы Казахской ССР», «Заслуженный деятель науки Республики Казахстан», а также Почетный академик Национальной академии наук Республики Казахстан.

Прицкер Е.Л.

Великий искатель

Прицкер Леонид Семенович (26 апреля 1936 г. – 24 мая 2003 г.). В 1953 г. окончил школу и поступил на геофизический факультет Днепропетровского горного института. В 1958 г., получив квалификацию горного инженера-геофизика по специальности «Поиск и разведка месторождений полезных ископаемых», был направлен на работу в Казахстан. Учеба в аспирантуре (заочное отделение) Казахского политехнического института им. В.И. Ленина, защита в 1966 г. диссертации на соискание ученой степени кандидата геолого-минералогических наук. С 1994 г. заведовал отделом экспертизы межведомственных проектов в Государственном аттестационном комитете Республики Казахстан, был членом экспертного совета

по прогнозированию землетрясений и чрезвычайных ситуаций Государственного комитета по чрезвычайным ситуациям РК.

Прицкером Л.С. опубликовано около 90 научных трудов, касающихся геофизики, множество газетных публикаций, выступлений по философским проблемам, циклам природы и общества.

«Зачем я пришел в этот мир? Для чего живу на свете?» – рано или поздно каждый духовно развитый человек задает себе этот вопрос. И его не устраивает хрестоматийный ответ: «Построить дом, посадить дерево, вырастить сына…» А если тебе этого мало? Если домом своим ощущаешь всю Вселенную? Если не дерево, даже не сад – вся природа в думах твоих? Если не только о своих детях – обо всем человечестве сердце болит? Если однажды вдруг понял, какую миссию дали тебе свыше, и теперь выполняешь ее с честью, потому что не можешь иначе? Ноша сия весьма нелегка.

Леонид Семенович Прицкер.[1*] Наш современник. Ученый-геофизик, сумевший заглянуть и «в небесную высь и в глубины земные».

Поначалу обычная биография: небольшой городок Лубны близ Полтавы – место рождения, раннее предвоенное детство, война, школьная пора, занятия спортом. И мечты, мечты. О дальних странах, об интересной, увлекательной работе, о той замечательной жизни, которая ждет их, детей военных лет. «Я стану врачом. Я – летчиком». Леонид мечтал о геологии. Горный институт в Днепропетровске, распределение в Казахстан – чем-то манил к себе незнакомый край. [Трудовую деятельность начал инженером-геофизиком в Каркаралинске Карагандинской обл.]. Работа в КазВИРГе (1961–1994 гг.) [Казахстанский филиал Всесоюзного научно-исследовательского института разведочной геофизики], защита кандидатской, геологические экспедиции по Казахстану и всему огромному Союзу, научные разработки, множество изобретений и открытий. И – детище многолетних изысканий: создание уникальной аппаратуры, позволяющей заглянуть в земные недра. Много позже [в 1990 г.] защита докторской диссертации, присвоение ученой степени доктора технических наук. Трудной, но прекрасной профессии – разведчик земных недр – отданы лучшие годы жизни.

[1*] [Электронный ресурс]. Карчевская Е. Режим доступа: Искатель с душой Дон Кихота (kazpravda.kz); ЛЕОНИД ПРИЦКЕР. ИСКАТЕЛЬ С ДУШОЙ ДОН КИХОТА: prajt — ЖЖ (livejournal.com) (дата обращения 30.11.2022).

С распадом СССР закрылся родной институт, прекратилось финансирование, геология и геофизика как отрасли науки в Казахстане перестали существовать.

Горько потерять любимое дело. Но ведь жизнь не окончена? Как раньше искал подземные богатства под землей, так и теперь продолжил поиски. Поиски себя, своего смысла жизни. Спасение от депрессии – в семье, друзьях и в творчестве.

Семья. Дом. Тыл. Не просто отдушина – отдых души и тела, а свой мир, своя маленькая Вселенная, где ты – Солнце, а родные твои – планеты, что вращаются вокруг, и связь ваша незыблема, неразрывна. Супруга Елена Давыдовна – подруга детских игр, той далекой украинской жизни. Много лет – верная спутница, соратница, товарищ. Самый близкий друг и помощник во всем. Перед свадьбой гор златых не обещал, одно сказал: «Палатка у нас будет всегда». И всю жизнь – рука об руку – в горе и в радости. «Крепись, геолог, держись геолог, ты ветра и солнца брат», – пелось в одной замечательной песне. С апреля по октябрь – в поле. Выросли сыновья – Владимир и Евгений, и, не задумываясь, пошли по стезе отца – стали геологами. Разве могло быть иначе, когда дело и дом неразрывны, когда на полгода и более поле становится твоим домом, и семья твоя нередко здесь, с тобой, в экспедиции.

Друзья. Их было не так много, но те, настоящие, с которыми когда-то связали узы дружбы, оставались таковыми всю жизнь, даже если и находились очень далеко.

«Кто отдает себя, не ждет взамен
Ни долга, ни любви, и ни услуги,
Того зовем мы благодарно Другом…», – писал Леонид Семенович.

Книги? Разве они не были его друзьями? Всю жизнь, с детских лет, увлеченно читал. Художественная классика, научная и политическая литература, публицистика и фантастика. Обожал «Остров сокровищ», «Таинственный остров», «Двух капитанов» перечитывал бесконечно. Дома собрал огромную библиотеку, позже 6000 книг передал в дар библиотеке Академии Наук.

Очень давно вошла в его сердце поэтическая муза, физик и лирик слились в единое целое. Стихи рождались в вагоне поезда, в палатке геолога, дома – в ночной тиши, во время совещаний…

В клуб авторской песни «Тоника» пришел, чтобы отдавать тепло, талант своего сердца. Талантливый поэт, бард стал душой коллектива, одним из активных участников. Вместе с известными алма-

атинскими бардами А. Марынкиным, О. Качановой, Н. Приезжевой возглавлял творческое объединение клуба. Порою экспромты рождались как будто невзначай, прямо на вечере авторской песни. Что за чудесное было время! Концерты, слеты, фестивали. С мальчишеским задором, с сумасшедшей энергией отдавал себя своему нет, не хобби – новому делу. Потому что все, за что бы ни брался Прицкер, он делал с любовью, значит, талантливо.

Продолжал искать ответы на вечные вопросы. В 1990-м в жизни Леонида Семеновича произошло событие, которое позже он назовет своим перерождением. Поздний зимний вечер [10 февраля], общение с друзьями. Вдруг, словно пелена окутала, что-то пугающе-непонятное пронзило мозг, а потом – забытье, глубокий сон, несколько позднее, осознание своей связи с Ноосферой – Космосом.

Ученый стал чувствовать, видеть то, что невидимо другим, и получать информацию. Оттуда. Не акустическая аппаратура, некогда созданная им, а простой фотоаппарат и то, что называют «внутренним зрением», позволили заглянуть теперь не под землю, а туда, ввысь необъятную.

«Самый главный момент в жизни человека тот, когда он осознает себя другим. Когда человек начинает чувствовать свое предназначение и решается его исполнить».

Да, утверждал Прицкер, я стал контактером. Это были не фантазии мистика: долгие годы, порой, не осознавая этого, шел он к общению с Высшим Разумом. Ибо сказано: «…ищите, и найдете, стучите, и отворят вам».

С младых ногтей крепко вбиты в наши головы учение о первичности материи, жесткие основы атеизма. Но «верующие идут к Вере через религию, – писал Леонид Семенович, – я же шел к своему Видению мира через знания, через глубокое изучение циклов земной жизни, ее исторических закономерностей».

Не шаманствующее наитие, а именно аналитический ум, энциклопедические знания, огромная эрудиция, глубокое понимание жизненных процессов и явлений помогли ученому стать предсказателем, экстрасенсом. «Не лечить, а учить» – вот что важно. Все на свете можно объяснить, все понять – просто мы не доросли еще до этого понимания.

Он сумел увидеть открывшийся ему неведомый мир – геопатогенные зоны Земли, ауру растений и людей, души давно ушедших… Свидетельства тому – десятки, сотни фотографий. Как осмысление всего того, что запечатлел фотоаппарат, – книги: «Невидимая реаль-

ность» (Алматы, 1994), «На грани миров» (Алматы, 1997), «Постижение истины на грани миров».

До последних дней вел занятия в созданной им Эзотерической школе. После чтения многочисленных публикаций Прицкера у многих людей возникла потребность узнать как можно больше о Ноосфере, о НЛО, о Биоэнергообмене. Изучали Тору, Каббалу, Коран… Анализировали и прослеживали причинно-следственную связь социальных бедствий и природных катаклизмов. Уже тогда ученый предвидел то, что постигнет Америку, Страна, потерявшая свою духовность, будет терпеть и теракты, и наводнения. Нагорный Карабах, Армения? «Где не стреляют – там не трясет», – вот так емко и просто оценивал происходящее в мире. Являясь членом экспертного Совета по прогнозированию землетрясений и чрезвычайных ситуаций ГКЧС РК, болея всей душой за родную Алма-Ату, не уставал доказывать в высоких инстанциях, что сейсмологическое благополучие нашего города напрямую зависит от благополучия энергетического.

С 1993 г. – действительный член Международной Академии информатизации, первый вице-президент этой Академии. С 2001 г. – профессор Международной школы эзотерики, теологии и философии Всемирного Распределенного Университета, гран-доктор философии и профессор Королевской Бельгийской Академии.

Выступления на симпозиумах и конференциях, многочисленные интервью в газетах и журналах, научно-популярные фильмы. Бесконечные фотосъемки непознанного. Профессор чувствовал те моменты, когда его призывает Высший Разум, и успевал эти мгновения запечатлеть. Вот обошедшая все газеты фотография Космического Учителя, вот инопланетянка, Космический корабль, фотопортреты Эйнштейна, Петра I, Брамса и других великих людей прошлого. «Почему я сумел их увидеть? Пока в Памяти Человечества эти люди живы, значит, живы и их Души. Душа бессмертна, пока жива о человеке Память».

К Вере, к Богу пришел уже в зрелом возрасте. «Бог есть Истина, и искать ее надобно в сердце своем». Как? Жить по законам Божьим, не совершать бесчестных поступков, быть в ладу со своей совестью и окружающим миром. Это очень непросто. Но Леонид Семенович жил именно так и именно такой образ жизни проповедовал и своим ученикам и читателям своих книг, статей, очерков.

«Бог един – для мусульман, христиан, иудеев. Искренняя молитва любого из них будет принята Всевышним, ибо истоки Веры едины». Ученого радовало то, что в разных городах планеты сегодня находят-

ся рядом храмы разных религий, которые не противостоят, но дополняют друг друга, ибо учат одному – любви к Господу и ближнему. В школах необходимо преподавать и Ветхий Завет, и Коран, и Евангелие, только так можно поднять духовность людей, считал Профессор.

Сегодняшнее пребывание Гомо Сапиенса на Земле сравнимо с человеком, жгущим костер на плоту посередине реки. Безумец отпиливает для костра по кусочку от плота, не задумываясь о том, что когда плот сгорит, сам он – утонет.

Как истинного ученого, Прицкера волновали все важные события и проблемы современного мира, катастрофы и катаклизмы наших дней. Как собственную боль переживал он землетрясение в Турции, теракты в Нью-Йорке и других точках Земли, в т. ч. и в России, гибель Арала и неблагополучие родного города, задыхающегося в смоге. А войны, не прекращающиеся на планете? Сколько боли в его стихах, объединенных названием «Декабрь». Это не просто свидетельство очевидца страшных событий 1986-го, а размышления о судьбе нашей и других республик. «Как избежать беды?» – вопрошает поэт. Боль и страдание за всю Вселенную и в его философском триптихе «Размышления».

Человек – не царь Природы, а всего лишь ее частица, не уставал повторять Профессор. Научно-технический прогресс, развитие цивилизации превратили человека в биоробота, не отдающего, но лишь потребляющего энергию Ноосферы – Космоса. Прийти к гармонии людей друг с другом, с Космосом – вот что важно для того, чтобы сохранить жизнь на Земле. Нужна духовность, развитие экстрасенсорных, поэтических, музыкальных и других высоких качеств, которые способствуют Биоэнергообмену с природой, ибо природа управляет движением, т. е. жизнью на земле, а не человек. Это постиг Леонид Семенович в контактах с высшим разумом.

Человек общественный, имеющий активную жизненную позицию, конечно же, не избавлен от недругов и завистников. Очень честный и неординарный во всем, не терпел серости, косности, фальши, был врагом всяческого компромисса, порою даже резок в суждениях: «Чтоб врагов не наживать, их надо изживать». Однако диктатором не был, и умел признавать свои ошибки.

Любому «Фоме Неверующему просто-напросто не хватает знаний, чтобы понять, осознать, поверить в то, что для других очевидно». «Этого не может быть, потому что этого не может быть никогда». Люди же мыслящие, те, что с наукой на «ты», относились к Прицкеру чрезвычайно серьезно.

Лидер во всем: дома, на службе, в общественной жизни, Леонид Семенович притягивал окружающих умением дать дельный совет, поддержать, помочь в непростой ситуации. «Мы и сегодня в трудную минуту мысленно обращаемся к Леониду Семеновичу», – признаются родные, друзья и ученики.

Он остался в памяти близких веселым человеком, обладающим удивительно искрометным чувством юмора, только ему присущим. «Если человеку нечего сказать, он рассказывает анекдоты», – говорил Прицкер. Попробуй выдать что-то свое, экспромтом, сражающим наповал. Его стихотворные и прозаические афоризмы повторяют и сегодня: «Наш мир не круглый, он лишь круг. Тех, кто нам враг, и кто нам друг». Или же: «Самая лучшая демократия – неограниченная диктатура».

Увлеченно писал сценарии к праздникам, выпускал стенгазеты, сочинял стихи для друзей к юбилеям…

Неутомимый искатель и мечтатель, романтик и фантазер с душой ребенка, словно отважный Данко, жег свое сердце во имя торжества Добра и Разума.

«Прошу Тебя! Спаси и сохрани! И вразуми меня, что делать боле? Ведь сердце разрывается от боли! Скажи мне: «Возлюби и не вини!» Скажи мне что-нибудь, Тебя прошу! Как продолжать мне жить и знать об этом? Учителем, пророком иль поэтом? В любви иль в разуме? Чего себя лишу? Как всем нам жить?» И вдруг его ответ: «Как можете, но излучая свет».

Излучая свет истины и добра, жил Леонид Семенович Прицкер. Говорят, нет пророка в своем Отечестве. Да, ему приходилось сталкиваться и с откровенным невежеством, неверием, скептицизмом. Наверно, потребуется немало времени, чтобы понять и принять то, что оставил нам учитель.

«Человек жив, пока жива память о нем», – говорил Леонид Семенович. Остались родные, друзья, соратники, ученики, верящие ему, остались книги, фильмы, многочисленные публикации… Неутомимый Искатель продолжает стучаться в наши сердца: «Человечество! Люди! Опомнитесь! Прекратите заниматься самоуничтожением! Живите, излучая свет! Пусть воцарится гармония на Земле, гармония Земли и Космоса!».

Тверитнева И.А.

Евреи Павлодарской обл.

На территории нынешнего Казахстана евреи начали селиться в XIX в. Это были мастеровые, врачи, аптекари, работники почти всех жизненно важных сфер. Первое упоминание о евреях в Павлодарском Прииртышье, приходится на конец XIX в., а точнее, по переписи 1883 г., в Павлодаре было прописано 5 человек. Сегодня Павлодарская община (включая Павлодарскую обл.) насчитывает более 600 человек.

Почему эти люди решили приехать в Казахстан? Во время Второй мировой войны, оказавшись здесь в эвакуации, многие евреи остались жить в степном крае. В годы освоения целинных и залежных земель к ним добавились те, кто приехал сюда по зову сердца и по комсомольским путевкам. Казахская земля приняла их с любовью, по существу стала для большинства второй родиной.

В регионе живут и работают бок о бок люди более 100 национальностей. Каждая национальная диаспора вносит свой достойный вклад в общее дело единения и согласия казахстанского народа. В становлении и развитии Павлодарского Прииртышья, принимали участие люди разных национальностей, в т. ч. и евреи

На войну было призвано более 46 тысяч павлодарцев. Они воевали на всех фронтах и во всех родах войск. Погибло в боях, умерло от ранений, пропало без вести около 22 тыс. человек.

Вот лишь небольшой перечень имен… *Яков Моисеевич Рахманчик*. Воевал на Брянщине. *Исаак Львович Сорокин* был призван в армию из Успенского р-на. *Софья Юльевна Козлинер* – военврач в воинской части. *Вениамин Аронович Грейзель* призван Лебяжинским райвоенкоматом, сержант. Погиб в бою в 1944 г. *Самуил Константинович Варшевский*. Призван Щербактинским райвоенкоматом, рядовой. Умер от ран в эвакогоспитале в 1942 г.

В результате анализа сведений, содержащихся в «Книге памяти», бесед с ныне живущими ветеранами войны, удалось установить, что евреи – павлодарцы сражались на территории 18 областей Российской Федерации, на Украине, в Белоруссии, Молдавии, Латвии, Литве, Эстонии и десяти иностранных государств. 86 евреев-павлодарцев не вернулись домой.

В Еврейской общине Павлодарской обл. на сегодняшний день в живых остался всего один ветеран войны: Семен Пинхович Стрижевский. В 1944 г. 17-летний Семен Стрижевский был мобилизован в

маршевую роту. Прослужить в армии пришлось долго, до 1951 г. Был награжден медалью «За победу над Германией».

Огромный вклад в Победу вносили и люди, работавшие в тылу, ковавшие победу на полях, заводах, фабриках.

Для многих народов в те годы Казахстан стал той надежной гаванью, в которой удалось укрыться от военного лиха. В то тяжелое военное время казахский народ встретил эвакуированных сердечным гостеприимством.

В первый год войны в Павлодарскую обл. были эвакуированы и размещены 3 военных госпиталя, Авиационная и Пехотная школы.

В годы Великой Отечественной войны в г. Павлодар были эвакуированы 5 предприятий союзного подчинения: завод «Автотрактородеталь», меховая фабрика, центральные ремонтно-механические мастерские Мостостроя, завод художественного литья, кожевенный завод.

В числе награжденных медалью «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны» много представителей еврейской национальности. Назовем лишь некоторых *Броня Матвеевна Клейнер, Лев Юдович Юдашкич, Софья Марковна Мининберг, Лазар Лазаревич Шиман, Арон Яковлевич Бер, Иосиф Степанович Гаспер* и многие др. Огромное им спасибо и низкий поклон, за то, что они сделали.

Следующим этапом в развитии Павлодарской обл. стало освоение целинных и залежных земель. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 11 октября 1958 г. Павлодарская обл. была награждена орденом Ленина за успехи, достигнутые в увеличении производства зерновых и других продуктов сельского хозяйства.

Иосиф Борисович Рабич работал в совхозе «Ямышевский». *Владимир Менделеевич Тарнопольский* – на Михайловской машинотракторной станции Урлютюбского р-на. *Борис Александрович Сарин* по зову сердца приехал в Павлодарскую обл. с Украины. Работал в совхозе «Плодородный». *Файва Абрамович Рог* приехал из Белоруссии. Работал на элеваторах в пос. Калкаман, Ермаковского р-а и в Павлодаре. *Самуил Зельманович Кинзбурский* – в Щербактинском районном производственном управлении сельского хозяйства.

В начале января 1955 г. начали прибывать в Павлодар первые механизированные колонны строителей. Строились щитосборные дома, стали открываться новые магазины и столовые, бытовые точки. Начинается строительство стройбазы, ТЭЦ-2, производственных корпусов заводов, сетей городского водопровода и канализации, жилых поселков и культурно-бытовых учреждений.

Вклад в развитие строительства Павлодарской обл. внесли: *Иона Аронович Соловейчик,* начальник Павлодарского филиала проектного института. *Григорий Яковлевич Голков,* первый заместитель председателя горисполкома, *Владимир Лейбович Гольбрах,* начальник Домостроительного комбината, награжден орденом Трудового Красного Знамени и многие др.

Павлодар – железнодорожная станция, важный промышленный центр. В строительстве, пуске и эффективной работе промышленных предприятий Павлодарской обл., предприятий пищевой и легкой промышленности, Угольных разрезов Экибастуза, ГРЭС, ферросплавного завода принимали участие и представители еврейской национальности. Все, чем мы гордимся, создавалось руками наших матерей и отцов, наших ветеранов. *Исаак Михайлович Глаз и Михаил Михайлович Мильванов* работали машинистами паровозов и тепловозов в локомотивном депо станции Павлодар. Большой вклад в промышленном производстве оставила династия *Ступельман*. *Григорий Моисеевич Зайденварг* работал машинистом-инструктором по теплотехнике, инженером-технологом, награжден «Орденом Трудового Красного Знамени. *Семен Аронович Донской в* Павлодарской обл. возглавлял Ермаковский завод ферросплавов и многие др.

Медицина – это возможность помочь человеку избавиться от болей, оказать медицинскую помощь, научить заботиться о своем здоровье и здоровье окружающих, развитие новых методик и технологий. *Хаим Файбишевич Гуревич* работал главврачом Михайловской районной больницы. *Борис Менделевич Авербух* с первым десантом из Ангрена прибыл с семьей в пос. Экибастуз. Вначале был единственным врачом. Впоследствии – главный врач Экибастузской горбольницы. *Ишей Лейзерович Хайкин* работал врачом-хирургом, заведующим Павлодарским областным отделом здравоохранения. Вклад в развитие медицины, оказание помощи больным, подготовки молодых кадров медицинского персонала внесли: *Павел Гдальевич Плинер, Моисей Семенович Краснов, Григорий Борисович Чертковер, Александр Семенович Гаврильман, Лина Ароновна Тарасула*.

В условиях становления, развития и совершенствования управления экономикой важная роль и значение отводятся административному аппарату. При четко планируемой работе отражаются реальные процессы производства, распределения и потребления, анализируется финансовое состояние предприятия. *Борис Александрович Равдель* проводил работу в развитии производства и социально-культурной

сферы в разные годы, будучи председателем облплана. *Адольф Григорьевич Слевич*[1*] работал в органах ВЧК и НКВД, в 1938 г. отправлен в ссылку в Павлодар, в 1956 г. реабилитирован. Работал директором кинотеатров «Октябрь», «Колос», Павлодарского горсада. *Ефраим Соломонович Узденский* работал председателем Павлодарского комитета по радиовещанию, редактором газеты «Нива». *Юрий Иойлевич Резников* – заведующий Домом политического просвещения обкома партии, главный специалист отделов экономики, внутренней и социальной политики в аппарате главы администрации Павлодарского р-на. Трудовой стаж на предприятиях Павлодарской обл. *Фаины Павловны Свечинской* составляет более 40 лет. Она один из инициаторов создания, председатель ЕНКЦ «Мерказ», член Ассамблеи народа Казахстана.

Огромное количество талантливейших педагогов, работающих в Павлодарской обл. дали сотням тысяч людей знания, неутомимо передавали и передают молодым специалистам свой богатейший опыт. *Марат Григорьевич Динерштейн* – преподаватель Павлодарского педагогического института, поэт.*Жанна Шулимовна Ягодина* – преподаватель математики, автор многих научно-экспериментальных работ, с 1996 г. проживает в Израиле. *Нахман Гершевич Шафер – п*рофессор, кандидат филологических наук, литературовед, преподаватель, исследователь творчества И. Дунаевского. Признан Человеком 2001 г. *Хана Мееровна Лобченко.* Общий педагогический стаж составил 35 лет. Является председателем Совета старейшин, активным участником в жизни еврейской общины г. Павлодара. *Феликс Аронович Тарасуло* – преподаватель, литературовед, театрал. Был активным участником мероприятий ОФЕКа, литературной гостиной. *Елена Исаевна Шапиро* – ученый, профессор ПАУ. Тысячи выпускников – энергетиков, получившие экономические знания у Елены Исаевны, работают в Казахстане, в странах СНГ и дальнем зарубежье.

[1*] Возможно, автор допустил ошибку в написании отчества. Слевич Адольф Георгиевич (1886–?). Уроженец Витебской губ. Член КП с 1905 г. До сентября 1936 г. начальник отделения ТО ГУГБ НКВД СССР на станции Москва Октябрьской железной дороги, откомандирован в распоряжение ОК НКВД СССР. С декабря 1936 г. находился в распоряжении УНКВД по Ленинградской обл., затем (с февраля 1937 г.) помощник начальника 4 отделения 2 (оперативного) отдела УГБ УНКВД по Ленинградской обл., заместитель начальника 3 отделения 1 отдела УГБ УНКВД по Ленинградской обл. В феврале 1938 г. уволен из НКВД по болезни. 21 февраля 1938 г. арестован, и 29 ноября 1939 г. решением ОСО при НКВД СССР приговорен к ссылке на 5 лет. Старший лейтенант ГБ (1936 г.). Знак «Почетный работник ВЧК-ГПУ» (1936 г.). Возможно, автор допустил ошибку в написании отчества. См. [Электронный ресурс]. Режим доступа: Читать книгу Евреи в НКВД СССР. 1936–1938 гг. Опыт биографического словаря Вадима Золотарёва : онлайн чтение - страница 38 (iknigi.net) (дата обращения 04.10.2022) (прим. ред.).

Нам доставляет удовольствие знакомство с людьми, прочтение документов, позволяющих вновь вспомнить, увидеть и оценить масштабы становления, развития Павлодарской обл., определившей судьбы многих людей, сознавать о причастности к свершениям тех лет и представителей еврейского народа.

Главная задача центра – преемственность поколений, возрождение культуры, приобщение молодежи, детей к своим истокам, истории. От молодежи существенно зависят результаты всех сегодняшних реформ, зарождение новой правовой культуры, а значит, и дальнейший исторический путь развития нашего общества. Молодежь, являясь одним из общественно активных слоев населения, имеет важный потенциальный вес в перспективе.

Мы, народ Казахстана, объединенный общей исторической судьбой. Наша Конституция дает нам силы и стремление беречь и укреплять благополучие нашего Общего дома.

Сагимбаев Н.Е.
Халилова К.М.
Сагимбаева А.Ж.

Песня Абая «Қор болды жаным» глазами приезжих музыкантов

Абай как великий поэт, философ, просветитель, общественный деятель сыграл огромную роль в духовной самоидентификации казахского народа. Разносторонне развитый, получивший как восточное, так и европейское образование, Абай, вдохновленный поэзией и философией Востока и, несомненно, европейской, в первую очередь русской, демократической мыслью и литературой, по праву стал основоположником казахской письменной литературы, заложил основы казахской реалистической поэзии, придал ей гражданский характер, расширив её тематику и обогатив образную систему. «Он, как никто другой из деятелей той эпохи, сумел выразить в своих творениях душу современного человека, любовь, восхищение жизнью, прелестями природы. Поэтому любое его стихотворение воспринимается как песня, сопровождаемая самой зародившейся мелодией» [1, 14]. Неслучайно, музыкальное наследие Абая является неотъемлемой частью духовной жизни казахского народа. Однако, форма, мелодика, ритмика абаевских песен сильно отличаются от песен других народных композиторов, которые опирались на наиболее распространённый в то время одиннадцатистопный размер. Именно поэтому многие тексты легко совмещались с различным музыкальным сопровождением.

«Песни Абая лишены такой свободы. Такое соответствие, неразрывное единство текста и музыки, слов и мелодии мы впервые встречаем у Абая. Для песен Абая характерна устойчивость текста. Это было новым явлением в песенном творчестве» [2, 112].

Песни Абая, как и произведения многих других народных композиторов, не дошли до нас в нотной записи, но сохранились в исполнении множества самых разнообразных певцов, внесших в оригинальную мелодию немало изменений. Большое количество вариантов этих песен является интересным материалом для исследователей [3, 12]. Песня «Қор болды жаным» (Дух унижен мой) также имеет, как минимум, шесть зафиксированных вариантов исполнения, записанных А.В. Затаевичем, Е.Г. Брусиловским, Б.Г. Ерзаковичем, Л.А. Хамиди, К. Жузбасовым [4, 364]. Стихотворение создано в 1889 г. и впервые было опубликовано в 1909 г. в сборнике «Стихи казахского поэта Ибрагима Кунанбаева», изданном в Санкт-Петербурге.

Уже в 1933 г. Е.Г. Брусиловский [5], приехавший в Казахстан по направлению из Ленинграда, записав вариант песни в исполнении знаменитого Амре Кашаубаева, использовал его в первой казахской опере «Кыз Жибек» в начале 4-го акта под названием «Панорама (Путешествие по реке)» в сцене сна Жибек. Аккомпанемент струнных и арфы, развивающийся путем усложнения фактуры от простого чередования аккордов четвертями мягко покачивающимися триолями, а затем бурно вздымающимися квартольными 16-тыми передает состояние волнения на реке и в душе главных героев. Мелодия песни, как бы, нежно излагаемая поочередно флейтой, кларнетом и гобоем, создает образ печально двигающейся лодки. Однако, для слушателя знакомого с текстом Абая, явно слышится философский подтекст, предвосхищающий трагическую развязку. К сожалению, этот эпизод выпал из очередной редакции оперы в 1954 г. и доныне не используется в спектакле[1*]. Возможно, это связано с тем, что тема песни была использована в несколько модифицированном виде в симфонической сюите «Абай» А. Жубанова (1940), затем и в опере А. Жубанова и Л. Хамиди «Абай» (1944), рисуя образ мыслителя, отягощенного думами о своем народе.

В 1945 г. появилось ещё одно сочинение, в котором прозвучали мотивы этой песни. Как указывает П.В. Аравин: «К 100-летию Абая композиторы Казахстана откликнулись целым рядом сочинений, вдохновленных его личностью и творчеством. Среди них трио для

[1*] О желательности восстановления этого эпизода пишет Л.И. Гончарова [6, с.88].

скрипки, виолончели и фортепиано С.И. Шабельского «Памяти Абая». Третья часть трио – своеобразный инструментальный реквием памяти Абая. В этой части наиболее полно рисуется трагическая судьба поэта, растерзавшего, по его словам, своё сердце «на 40 лоскутьев» и жившего в страшное время «в волчьей стае» феодалов и баев. В этой части, написанной в форме траурного марша, развиваются скорбные интонации песни Абая «Қор болды жаным», которая очень органично соединяется с такой же скорбной мелодией песни «Жоқтау» из сборника А. Затаевича «1000 песен» (№ 68)». [7, с.20]. Сочинение получило большую популярность в исполнении трио педагогов новообразованной Алма-Атинской государственной консерватории Иосифа Лесмана [8] (скрипка), Леонида Эдельмана (виолончель) и Рувима Кацмана (фортепиано). Они часто исполняли это сочинение на консерваторских и филармонических концертах, участвовали в декадах казахского искусства в соседних республиках.

Ярчайший представитель казахстанской композиторской школы, внесший огромное влияние как на формирование академической музыкальной культуры в целом, так и на национальный музыкальный авангард, в частности, – Газиза Ахметовна Жубанова – много и плодотворно работала в области инструментальной и камерно-инструментальной музыки. В её творческом наследии концерты для скрипки и виолончели с оркестром, два струнных квартета, сочинения для ансамблей скрипачей и виолончелистов, скрипичные пьесы. Не отрицая достояния своих предшественников, а также фольклорного и устно-профессионального наследия, она существенно повлияла на дальнейшее становление казахстанского искусства. Исследователь творчества композиторов Казахстана периода 1920–1980-х гг. У.Р. Джумакова констатирует, что казахстанская композиторская школа развивается по принципу преемственности традиций, называя это взаимоотношением аксакалов, отцов и детей [9, с.55]. Если первое поколение композиторов определило общую направленность развития казахской музыки письменной традиции, применяя в своем творчестве цитатный метод обращения к первоисточникам, то второе поколение, к коему относится Г.А. Жубанова, осваивают новые жанры и стили, основанных не только на национальной почве, но и в рамках авторского стиля. Все её произведения отличаются великолепным мелодическим материалом, богатством гармоний и ритма, мастерским использованием инструментальных возможностей. Ярким тому примером служат «Вариации» для скрипки и фортепиано на тему

песни Абая «Қор болды жаным», которые были написаны ею в 1952 г. в годы обучения в Московской консерватории. В основе лежит вариант, близкий записанному Е.Г. Брусиловским, но ещё более похожий на реминисценцию мотива из сюиты А. Жубанова «Абай». Сочинение привлекло внимание ведущих казахстанских педагогов-скрипачей, приехавших в годы войны в Алма-Ату, В.С. Хесса [10] и И.Б. Когана [11], которые сделали свои редакции данного произведения. Но наибольшей популярностью она стала пользоваться у казахстанских альтистов в переложении, сделанном в 1972 г. Я.И. Фудиманом [12] (в 1981 г. сочинение под названием «Тема с вариациями» было издано в сборнике пьес композиторов Казахстана для альта [13, с.16–36]). Свободные вариации чередуются по принципу смены темпа и характера, отражая разные грани темы песни величайшего казахского мыслителя. Тональный план вариаций c-moll – f-moll – E-dur – A-dur – cis-moll – C-dur отображает идеологию того времени, когда были написаны эти вариации (от минора к мажору – от мрака к свету). Произведение привлекает исполнителя мелодическим материалом, контрастностью образов, богатством эмоциональных оттенков, ритмическим разнообразием, яркостью гармонического языка. «Каждая вариация – своеобразная миниатюра, требующая от исполнителя моментальной эмоциональной перестройки. В то же время существует еще и «сверхзадача» работающего над «Темой с вариациями» – применение в каждой вариации тех или иных приёмов варьирования не должно противоречить созданию единого цикла, передаче единого художественного замысла и целостной линии музыкального развития. И задача исполнителя – почувствовать и выявить это» [14, с.9]. Работа над «Темой с вариациями» требует от исполнителя серьезного внимания ко всем изменениям фактуры, лада, тональности, гармонии, тембра, соотношения контрапунктирующих голосов, динамики и т. д.

Сочинение состоит из темы и семи вариаций. Излагается тема у фортепиано. Низкий регистр и сухое «аскетическое» сопровождение придают ей «замкнутый», несколько мрачный характер. Затем тема в этом же регистре переходит к солисту и, благодаря изменению характера фортепианной фактуры, преображается в задушевную песню.

Первая вариация – *Scherzoso* – легкая и изящная, строится на ритмическом и динамическом обыгрывании темы. Заканчивается вариация виртуозным пассажем, служащим в то же время связкой ко второй вариации.

Вторая вариация – *Andante sostenuto* - имеет широкий распевный характер. Все сопровождение 2-ой вариации напоминает колокольный звон, звучащий то мощно и торжественно (в начале), то отдаленно и взволнованно в среднем эпизоде. На фоне сопровождения голос солиста звучит в полную силу. В среднем разделе (цифра 4) возникает мотив, который далее обыгрывается автором в 3-ей, 4-й и 6-й вариациях, создавая, таким образом, контрастный лирический образ.

Третья вариация – *Allegro con brio* – это скерцо, исполняемое на одном дыхании, четко, с динамическими «всплесками». Построение вариации очень напоминает известное скрипичное «Скерцо» П.И. Чайковского – трехчастная форма, жесткие, сухие аккорды сопровождения, проведение темы в триольном ритме штрихом спиккато, распевный средний эпизод *meno mosso.* Сходство это далеко не случайно – тем самым Г.А. Жубанова как бы отдает дань уважения великому русскому композитору.

Четвертая вариация – *Andante cantabile* – создает настроение покоя, показывая картину умиротворенной природы. Она весьма изобретательна с точки зрения исполнительских средств. Автору удалось тонко, со вкусом использовать трели, в сочетании с короткими гаммообразными пассажами и синкопированным ритмом. Тема проводится в фортепианной партии на фоне широких аккордов.

Пятая вариация – *Allegro* – бодрая, жизнерадостная. По характеру она очень близка сочинениям В.А. Моцарта, в частности известному Рондо G-dur из «Хаффнер-серенады», К.250. Автор очень удачно добивается легкой смены настроений, сопоставляя тональность светлого A-dur с суховатым C-dur и, наконец, F-dur; сопровождение фортепиано помогает солисту создать нужный художественный образ.

Шестая вариация – *Andante* – по характеру звучания и гитарному сопровождению напоминает канцонетту. Нежная, проникновенная мелодия *lamentoso* (на 9/8) создает настроение грусти. В окончании среднего раздела в альтовой версии партии солиста появляется октавный ход, подхватываемый октавами фортепиано, что придает теме б*о*льшую значимость и мелодическую насыщенность

Седьмая вариация – *Tempo di Marcia* – шуточный, веселый финал. Торжественное вступление, строится на попевке основной темы. Интересно, что в скрипичном варианте аккорды солиста, открывающие часть, исполняются arco (смычком), в альтовом – pizzicato (щипком), что придает тембральную яркость более низко звучащему инструменту. Колоритно звучит имитация барабанчика в партии соли-

ста, исполняемая в альтовой редакции т.н. «барабанным» штрихом, который отлично подходит для передачи и легкости, и четкости одновременно. Очень грамотно в ткань части вкраплены реминисценции предыдущих вариаций. Разложенная триолями тема в конце второй вариации, проходящая в темпе *Andante sostenuto* перекликается с таким же эпизодом в заключительной вариации в общем темпе марша (♩=120). Идентичности ее исполнения добиться довольно сложно из-за разности в темпах. Если же предположить, что автором задумано одинаковое исполнение в разных частях, то можно исполнить этот эпизод в седьмой вариации в спокойном темпе, что выгодно оттенит бравурную коду с «трубным» заключением в C-dur в темпе *Presto*.

«Тема с вариациями» Г. Жубановой – яркое концертное произведение, полюбившееся как педагогам, так и студентам. В этой замечательной пьесе привлекает все: яркий национальный колорит, обилие мелодического материала, ритмическое разнообразие, тонкая нюансировка, использование широкого арсенала технических приемов. Неслучайно оно неоднократно включалось в программы республиканских и казахстанских международных конкурсов в качестве обязательного произведения» [14, с.16].

Музыкальное наследие Абая – часть его необъятного разностороннего внутреннего мира. Каждое новое поколение находит в его творчестве что-то свое, созвучное велению времени. И неслучайно развитие идей, заложенных великим поэтом-мыслителем, – до сих пор является одним из ведущих направлений в современном искусстве Казахстана.

1. Кузембай С.А. Песни Абая Кунанбаева в контексте изучения древних мотивов Великой Степи / Сб. материалов Международной научно-практической конференции «Профессиональное музыкальное образование: история, теория и практика», Алматы, 2019. – С.13-21.
2. Жубанов А.К. Соловьи столетий – Алма-Ата, 1967.
3. Жубанов А.К. Песни Абая – духовная ценность народа / Сб. «Абайдың әндер мен күйлері-Песни и кюи Абая» Алматы: «Өлке». 2012. – С.12-20.
4. Энциклопедия «Абай» – Алматы: Атамура, 1995. – 720 с.
5. Брусиловский Евгений Григорьевич (1905–1981), Народный артист Казахской ССР, лауреат Сталинской премии, основоположник казахского оперного искусства, автор 9 опер, 4 балетов, 9 симфоний, более 500 песен, собиратель казахского народного искусства, один из авторов музыки Государственного гимна Казахской ССР.
6. Гончарова Л.И. К вопросу о трех редакциях оперы «Кыз Жибек» / Сб. статей «Евгений Брусиловский» (к 100-летию со дня рождения) – Алматы: LEM, 2006. – С.77-88.
7. Аравин П.В. Сергей Иванович Шабельский. Популярный очерк. – Алма-Ата: библиотека КНК имени Курмангазы, 1957. – 33 с.

8. Лесман Иосиф Антонович (1885 г., Варшава – 1955 г., Горький), музыковед, кандидат искусствоведения (1954). В 1910 окончил Петербургскую консерваторию по классу скрипки Л.С. Ауэра. В 1911–1916 гг. вел класс скрипки в Народной консерватории в Петербурге. В 1918–1932 гг. артист оркестра Малого оперного театра в Ленинграде. В 1929–1935 гг. возглавлял квартет им. Л.С. Ауэра. Преподаватель Ленинградской консерватории (1933–1935), Алма-Атинского музыкального училища (1935–1951, с 1944 консерватории), Горьковской консерватории (1951–1955). Одновременно артист театральных оркестров. Автор статей по вопросам скрипичного исполнительства. Подробнее см. Чиликова Е.В. Судьба скрипача (Лесман) // Шалом (г. Алматы). Казахстанская еврейская газета. № 12 (57) ноябрь – декабрь 2004.
9. Джумакова У.Р. Творчество композиторов Казахстана 1920–1980-х годов. Проблемы истории, смысла и ценности. – Астана: Фолиант, 2003. –232 с.
10. Хесс Вениамин Соломонович (1909–1985), один из основоположников казахстанского скрипичного искусства, профессор, Заслуженный деятель искусств Казахской ССР, участник Великой Отечественной войны, в 1944 г. был демобилизован по ранению. Воспитал огромное количество скрипачей – исполнителей и педагогов, занявших ведущие места в творческих коллективах и музыкальных образовательных заведений Казахстана. Редактор более 50 произведений композиторов-классиков и казахстанских авторов.
11. Коган Иосиф Бенедиктович (1920–1982), казахстанский советский скрипач, музыковед и педагог, Заслуженный артист Казахской ССР, профессор АГК им. Курмангазы. Один из основателей скрипичного исполнительского искусства Казахстана. В 1942 г. приехал в эвакуацию и занял место солиста Казахской государственной филармонии. Был первым исполнителем посвящённых ему скрипичных произведений казахстанских авторов. Осуществил записи казахской народной музыки в собственной обработке и переложении для скрипки и фортепиано. Автор работ по истории и методике казахстанского скрипичного искусства. Часть работ ещё не опубликована.
12. Фудиман Яков Иосифович (1934–2007), основоположник казахстанского альтового искусства, профессор, Кавалер ордена «Құрмет». Приехал в 1958 г. из Свердловска по приглашению К. Кужамьярова – ректора АГК им. Курмангазы. Воспитал более 100 альтистов, успешно работающих во всех уголках Казахстана и за его пределами.
13. Пьесы для альта и альт-кобыза // сост. [переложение и редакция] Я. Фудиман – Алма-Ата: Өнер, 1981.
14. Фудиман Я.И. «Г. Жубанова. Тема с вариациями». Методическая разработка– Алма-Ата, 1980.

Сведения об авторах

Абдурахманова Мадина Мурадовна, докторант 2-курса АН РУз Института истории *(Узбекистан, г. Ташкент)*

Альтман Илья Александрович, к. и. н., профессор Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ), директор Международного научно-образовательного центра истории Холокоста и геноцидов РГГУ, сопредседатель Научно-просветительного Центра «Холокост», член Совета РАН по истории Великой Отечественной войны *(Россия, Москва)*

Арцишевский Адольф Адольфович, писатель, поэт, член Союза писателей Казахстана, ПЕН-клуба, Союза журналистов, Союза театральных деятелей, Союза кинематографистов (*Казахстан, г. Алматы)*

Аупенова Алия Укужановна, магистр юридических наук, заведующая кафедрой общеобразовательных дисциплин Академии «Boloshag», член Государственной комиссии по полной реабилитации жертв политических репрессий (*Казахстан, г. Караганда)*

Ахметова Лайла Сейсембековна, д. и. н., профессор КазНУ им. аль-Фараби *(Казахстан, г. Алматы)*

Бароховская Любовь Самуиловна, внештатный сотрудник Информационного агентства г. Семей *(Казахстан, г. Семей)*

Бердигожина Зухра Шихиевна, учитель I (продвинутого) уровня, учитель истории, руководитель Музея боевой и трудовой славы КГУ ОШ 32 *(Казахстан, г. Алматы)*

Беркимбаева Асель Муратовна, магистр гуманитарных наук Костанайский региональный университет им. А. Байтурсынова *(Казахстан, г. Костанай)*

Беркун Ольга Евгеньевна, руководитель отдела КГУ «Государственный архив Карагандинской области» *(Казахстан, г. Караганда)*

Берман Елена Александровна, к. тех. н., искусствовед, доцент Иркутского национального исследовательского технического университета *(Россия, г. Иркутск)*

Бисенгалиев Марат Кабдушевич, публицист, член Платоновского философского общества *(Россия, г. Москва)*

Борисова Анна Петровна, докторант Костанайского регионального университета им. А. Байтурсынова *(Казахстан, г. Костанай)*

Брусиловская Елена Федоровна, академик Академии журналистики РК, лауреат премии журналистов Казахстана, автор книг «Роман под названием жизнь» (2008 г.), «Огненный Сталинград» (2013 г.), «Страницы жизни» (2014 г.), автор-составитель трехтомника «Пламя Победы» (2015 г.), двухтомника «Эхо далекой войны» (2020 г.) *(Казахстан, г. Алматы)*

Буриева Хайрия Аманулаевна, д. и. н. (DcS), доцент кафедры Источниковедения и архивоведения Исторического факультета Национального университета Узбекистана им. Мирзо Улугбека *(Узбекистан, г. Ташкент)*

Буссеруэль Амина Бенатиевна, аспирантка кафедры всеобщей истории ФГБОУ ВО Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова *(Россия, г. Магнитогорск)*

Вафин Харис Шамильевич, докторант Национального университета обороны им. Первого Президента Республики Казахстан – Елбасы, член Государственной комиссии по полной реабилитации жертв политических репрессий *(Казахстан, г. Астана).*

Гельфанд Майя Игоревна, журналист, публицист, писатель (*Израиль, г. Ришон-ле-Цион*)

Гимарат Ерназар Габитович, магистрант Казахской национальной консерватории им. Курмангазы, заместитель директора Международной творческой организации «Art Forum of Kazakhstan» *(Казахстан, г. Алматы)*

Головинский Александр Федорович, кинорежиссёр, директор Студии «ИКС-Б», Заслуженный деятель искусств Казахстана (1998), кавалер ордена «Курмет» (2011), член Академии киноискусств и наук Казахстана, член Союза кинематографистов и Союза журналистов Казахстана *(Казахстан, г. Алматы)*

Гонопольский Игорь Марксович, режиссер театра и кино, Заслуженный деятель РК (2007) *(Казахстан, г. Алматы)*

Дуванова Фатима Тусюппековна, архивист высшей категории Центра изучения материалов политических репрессий XX века Архива Президента РК *(Казахстан, г. Алматы)*

Дьякова Елена Васильевна, к. и. н., доцент кафедры истории Украины Харьковского национального педагогического университета им. Г.С. Сковороды *(Украина, г. Харьков)*

Ермекбай Жарас Ақышұлы, д. и. н., профессор Казахстанского филиала МГУ им. М.В. Ломоносова *(Казахстан, г. Астана)*

Жампеисова Корлан Кабыкеновна, д. п. н., профессор кафедры педагогики КазНПУ им. Абая *(Казахстан, г. Алматы)*

Жанбосинова Альбина Советовна, д. и. н., профессор, гнс НИЦ «Ел тарихы» Евразийский национальный университет им. Л. Гумилева *(Казахстан, г. Астана)*

Жураева Шохиста Хасановна, заведующая отделом государственного учета и хранения документов НАУз НТМД *(Узбекистан, г. Ташкент)*

Зальцман Ирина Григорьевна, врач-психиатр *(Казахстан, г. Алматы)*

Иофе Валерий Григорьевич, магистр Международной Ассоциации «Искусство народов мира» *(Узбекистан, г. Ташкент)*

Кабдулова Куралай Дауренбековна, магистр педагогических наук по специальности «история», независимый исследователь *(Казахстан Костанайская обл.)*

Калашникова Наталья Павловна, д. п. н., академик МАИН, заведующая кафедрой АНК ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, член Совета АНК, председатель Республиканской Ассоциации кафедр АНК «Шанырак» *(Казахстан, г. Астана)*

Каштелюк Юрий Исаакович, журналист, редактор отдела культуры газеты «Вечерний Алматы» *(Казахстан, г. Алматы)*

Койфман Макс Зисевич, член Союза русскоязычных писателей Израиля *(Израиль, г. Бер-Шева)*

Ковальска Ева, к. и. н., главный специалист отдела исторического анализа Управления Поисков и Идентификации Института Национальной Памяти, ведущая проекта «Неизвестные захоронения польских граждан, погибших и убитых в СССР» *(Польша, г. Варшава)*

Корнева Валентина Юлюсьевна, заместитель председателя Общественной организации Северо-Казахстанский областной польский культурный центр «Коперник» *(Казахстан, г. Петропавловск)*

Краснова Полина Владимировна, врач-психиатр *(Казахстан, г. Алматы)*

Кубик Надежда Александровна, заместитель руководителя Коммунального государственного учреждения «Государственный архив Павлодарской области» *(Казахстан, г. Павлодар)*

Крутова Нина Владимировна, главный библиотекарь сектора редких фондов Муниципального бюджетного учреждения культуры «Библиотеки Тольятти» *(Россия, г. Тольятти)*

Левин Дмитрий Яковлевич, независимый исследователь *(Израиль, г. Хариш)*

Легкий Дмитрий Максимович, д. и. н., профессор Костанайского регионального университета им. А. Байтурсынова *(Казахстан, г. Костанай)*

Макипов Аскар Советканович, к. и. н., профессор Национального университета обороны им. Первого Президента Республики Казахстан – Елбасы, член Государственной комиссии по полной реабилитации жертв политических репрессий *(Казахстан, г. Астана)*

Медведева-Нату Ольга Рахмиловна, к. ф. н., независимый исследователь (*Канада, г. Ванкувер)*

Мошкевич Марина Викторовна, референт консула, консульский отдел «Натив» *(Казахстан, г. Алматы)*

Мирзакулова Раушан Мараткызы, научный сотрудник Центра прикладных и научных проектов Архива Президента РК *(Казахстан, г. Алматы)*

Панто Дмитрий, д. и. н., профессор, главный специалист Научного Отдела Музея Второй мировой войны в Гданьске *(Польша, г. Гданьск)*

Потемкина Марина Николаевна д. и. н., профессор кафедры всеобщей истории ФГБОУ ВО МГТУ ИМ. Г.И. Носова *(Россия, г. Магнитогорск)*
Прицкер Евгений Леонидович, член экспертного совета Комитета по законодательству и судебно правовой реформе Мажилиса Парламента Республики Казахстан *(Казахстан, г. Алматы)*

Проскурин Владимир Николаевич, д. и. н., писатель, заслуженный деятель Республики Казахстан, Академик Международной Академии Информатизации. С 2002 г. живет и работает в Берлине, занимается свободным творчеством *(Федеративная Республика Германия, г. Берлин)*

Рерих Владимир Ахмедьянович, независимый исследователь *(Германия, г. Берлин)*

Розенцвайг Александр Владимирович (1954–2021), к. ю. н., член президиума Союза адвокатов Казахстана *(Казахстан, г. Алматы)*

Сагимбаев Нурлан Ержанович, Почетный работник образования РК, доцент кафедры струнных инструментов Казахской Национальной консерватории им. Курмангазы *(Казахстан, г. Алматы)*

Сагимбаева Айман Жумабаевна, преподаватель кафедры духовых и ударных инструментов Казахской Национальной консерватории им. Курмангазы *(Казахстан, г. Алматы)*

Саипова Камола Давляталиевна, д. и. н., доцент Национального университета Узбекистана им. Мирзо Улугбека, кафедра Новейшей истории Узбекистана Исторического факультета, *(Узбекистан, г. Ташкент)*

Сактаганова Зауреш Галимжановна, д. и. н., профессор, директор Центра этнокультурных и историко-антропологических исследований. Карагандинский университет им. Е.А. Букетова, член Государственной комиссии по полной реабилитации жертв политических репрессий (*Казахстан, г. Караганда)*

Сатаева Жанар Амантаевна, руководитель Пресс-службы Архива Президента Республики Казахстан *(Казахстан, г. Алматы)*

Синицкая Светлана Викторовна, журналист *(Казахстан, г. Алматы)*

Старостин Алексей Николаевич, к. и. н., доцент Уральской горной академии *(Россия, г. Екатеринбург)*

Сырлыбаева Галина Николаевна, искусствовед, член Союза художников РК, руководитель отдела зарубежных искусств Государственного музея искусств им. А. Кастеева *(Казахстан, г. Алматы)*

Тверитнева Ирина Анатольевна, координатор Общинных программ Павлодарского филиала Республиканского еврейского благотворительного Общественного объединения «Центр Забота-Хэсэд Полина», зам. председателя и член Совета ОО «Павлодарское еврейское этнокультурное объединение «Мерказ», преподаватель еврейского отделения Школы национального возрождения им. К.Б. Даржумана (*(Казахстан, г. Павлодар)*

Тель Эмануэль Зисманович, независимый исследователь *(Израиль, г. Бер-Шева)*

Тимощенко Анастасия Юрьевна, магистрант ЕНУ им. Л.Н. Гумилева образовательной программы «Этнополитология» *(Казахстан, г. Астана)*

Тохметова Гульнар Масеновна, преподаватель-эксперт Павлодарского педагогического университета, школа гуманитарных наук *(Казахстан, г. Павлодар)*

Халилова Корлан Маратовна, отличник в сфере образования РК, магистр искусствоведческих наук, старший преподаватель кафедры струнных инструментов Казахской Национальной консерватории им. Курмангазы *(Казахстан, г. Алматы)*

Черненко-Шамис Римма Морисовна, журналист *(Израиль, г. Тель-Авив)*

Чиликова Евгения Викторовна, снс Центра изучения материалов политических репрессий XX века Архива Президента РК *(Казахстан, г. Алматы)*

Шотаев Мади Турсынбекович, нс Центра изучения материалов политических репрессий XX века Архива Президента РК, докторант университета КазНУ им. аль Фараби *(Казахстан, г. Алматы)*

Щёголева Людмила Михайловна, председатель еврейского Этнокультурного общества «Бэяхад» *(Казахстан, г. Экибастуз)*

Ярков Александр Павлович, д. и. н., профессор Тюменского государственного университета *(Россия, г. Тюмень)*

Фотографии, опубликованные на обложке

1. Эвакогоспиталь № 4113 (дом отдыха «10 лет Казахстана» (Медео), г. Алма-Ата, 1942 г. *Личный архив Барона А.И.*

2. Лукьянчиковы Лидия Михайловна, Ольга, Николай Ефимович, г. Москва, 1951 г. *Личный архив Щёголевой Л.М.*

3. Шафер Н.Г., «Дом Шафера», г. Павлодар, 2009 г. *Личный архив Барона А.И.*

Шафер Наум Григорьевич (Нахман Гершевич) (13 января 1931, г. Кишинев – 11 октября 2022, г. Павлодар). Советский и казахский музыковед, коллекционер-филофонист (основу музея «Дом Шафера» составила коллекция из 27 тыс. граммофонных и патефонных пластинок, также 1500 бобин магнитофонных записей и 1500 аудиокассет), композитор и литературовед. Кандидат филологических наук (1965), профессор кафедры русской филологии Павлодарского государственного педагогического института и с 1996 г. – Павлодарского государственного университета им. С. Торайгырова. В 1971 г. в Павлодаре арестован по ст. 170-1 УК КазССР за хранение и распространение самиздата, осуждён на 1,5 года лишения свободы. Диссертация на соискание учёной степени доктора филологических наук («Русская гражданская поэзия за сто лет: от Некрасова до Евтушенко») была отклонена. Освобождён 12 марта 1973 г. *Также см. Воспоминания Шафера Н.Г. «Из жизни бессарабских спецпереселенцев Акмолинской обл.» / Из истории депортаций. Казахстан. 1939–1945 гг. Сборник документов. Т.3. / Сост. Ж.Т. Байкаш, Е.М. Грибанова, М.Т. Жылгелдинов, Е.В. Чиликова (ответ.). – Алматы: LEM, 2019. – С.522–525.*

4. Слева направо: [Беседин, ?], Краснер В.Г., редакция газеты «Дружные ребята», г. Алма-Ата [1956 г.] *[Электронный ресурс]. Режим доступа:* «ВОЙНУ УВИДЕТЬ В ДЕТСТВЕ ДОВЕЛОСЬ…» (np.kz) *(дата обращения 07.11.2022).*

5. Первый справа Барон Иосиф. Эвакогоспиталь № 4113 (дом отдыха «10 лет Казахстана» (Медео), г. Алма-Ата, 1942 г. *Личный архив Барона А.И.*

6. Лукьянчикова М. с одноклассниками, г. Константиновка Сталинской обл., Украина, [1940/1941 уч. г.]. *Личный архив Щёголевой Л.М.*

На концевой странице обложки

1. Слева направо: Лукьянчикова Нина с подругой во время обучения в парашютном клубе. [1935–1940], г. Константиновка Сталинской обл. Украина. В 1932 г. в Константиновке была создана лётно-планерная школа, реорганизованная в аэроклуб, вскоре после открытия Центрального авиационного клуба СССР в Москве в марте 1935 г. Клубы выполняли плановые задания по подготовке резервистов для армии и привлекали людей через авиационные виды спорта к военным и гражданским авиационным профессиям. Государством для них выделялись авиационная и парашютная техника, горючее, специалисты. Занятия парашютным спортом были бесплатными. Константиновский аэроклуб подготовил более 1000 лётчиков. *[Электронный ресурс]. Кононенко С.В. Режим доступа: Вклад женщин в развитие парашютизма в России (cyberleninka.ru) (дата обращения 06.10.2022). Личный архив Щёголевой Л.М.*

2. Супруги Генис Давид и Елена, г. Кзыл-Орда [1950–1960-е гг.]. *Фото из архива О.Ю.Л. Ассоциации «Мицва».*

Түйін

Басылымда «Тарих. Жады. Адамдар» XI халықаралық ғылыми-практикалық тарихи конференциясы үшін Қазақстан, таяу және алыс шет елдердің зерттеушілері дайындаған хабарламалар, мақалалар мен очерктер жарияланады. Іс-шара 2022 жылғы 20 қыркүйекте Қазақстан Республикасы Президентінің Архивінде өтті. Жиырма жыл бұрын З.Т.Б. «Мицва» қауымдастығы бастамашылық еткен жобаның дәстүрлі тақырыптары Екінші дүниежүзілік соғыс жылдарында Қазақстанға, Орта Азия мен Сібірге эвакуациялау және босқындық мәселелері мен өңірдің дамуына үлес қосқан еврейлердің тағдыры болып табылады.

Конференция жұмысына ғалымдар (12 доктор, 8 ғылым кандидаты, 5 докторант), саяси қуғын-сүргін құрбандарын толық ақтау жөніндегі мемлекеттік комиссия мүшелері, арвихшілер, магистранттар, журналистер мен Қазақстанның Астана, Алматы, Қарағанды, Қостанай, Павлодар, Петропавл, Семей, Екібастұз қалаларынан тәуелсіз зерттеушілер қатысты. Іс-шараның халықаралық мәртебесіне Германия, Израиль, Канада, Польша, Ресей, Өзбекстан, Украина авторлары өз үлестерін қосты.

Авторлар санитарлық жасақшылар, медбикелер, дәрігерлер, сондай-ақ терең тыл аудандарының мемлекеттік мекемелері мен тұрғындарын эвакогоспитальдарда емдеу, жауынгерлердің отбасыларына көмек көрсету, мүгедектерге қамқорлық көрсету, оларды одан әрі әлеуметтік оңалту сияқты мәселелерге назар аударды, бұл майдан мен тыл бірлігін нығайтуға септігін тигізді. Көптеген мамандар мен еріктілердің қажырлы еңбегінің арқасында жараланғандардың 70% -дан астамы әскерге қайтарылды. Медицина қызметкерлері аштыққа, құлдырауға, көші-қон ағынына (эвакуацияланғандарға, босқындарға, жер аударылғандарға, әскери тұтқындарға) қарамастан республикадағы індеттердің алдын ала алды. Бір мезгілде олар дәрілік препараттар жасап, медициналық көмек әдістемелерін әзірлеп, майданға кеткендердің орнына кадрлар даярлады. Қазақстандағы қалпына келтіру процесінің ерекшелігі қымызбен емдеу, физиотерапия, витамин терапиясы, емдік дене шынықтыру және т.б. қолдану болды. Эвакуацияланған дәрігерлердің көбі соғыстан кейін де республикада қалып, қазақстандықтардың игілігі үшін өз миссиясын жалғастырды.

Конференцияда көтерілген мәселелердің тағы бір бөлігі – саяси режимнің қысымымен Қазақстанға келген Кеңес Одағы халқының әр

түрлі топтарынан келген қуғын-сүргінге ұшыраған отбасылардың тағдыры. Қазақстан Президенті Қ.Қ. Тоқаевтың «Жаңа жағдайдағы Қазақстан: іс-қимыл кезеңі» атты Қазақстан халқына жолдауында және «Саяси қуғын-сүргін құрбандарын толық ақтау жөніндегі мемлекеттік комиссия туралы» 2020 жылғы 24 қарашадағы Жарлығымен күн тәртібіне қйылуы екі жыл бойы Мемлекеттік комиссияның және оның өңірлік бөлімшелерінің: жұмыс топтары отандық және шетелдік архивтерден құжаттарды анықтаумен, жинаумен және талдаумен айналысуда. Мәселені зерттеуде жаңа кезең басталды.

Ұсынылған жинақта қарастырылатын зерттеу тақырыптары:

- «сайлау құқығынан айырылғандар» туралы (жұмысшы табының және бұрынғы «халықтың қаналған топтарының» жетекші рөлін қамтамасыз ету үшін 1918–1925 жылдары сайлау құқығынан айырылған КСРО азаматтары);
- босқындар туралы (отанындағы экономикалық дағдарысты, жұмыссыздықты және саяси қуғын-сүргінді Кеңестер еліндегі «социалистік жұмаққа» өзгерту мақсатында КСРО шекарасын заңсыз кесіп өткен буржуазиялық еуропалық мемлекеттердің азаматтары);
- тоталитарлық режиммен мақсатты түрде жойылған «ескі» зиялы қауым мен зияткерлік элита өкілдері туралы;
- тікенекті сымдардың арт жағында туылған балалар туралы, т. б.

Жарияланған зерттеулерге қарамастан, 1920–1950 жылдардағы жаппай саяси қуғын-сүргін тақырыбы отандық тарихтың аз зерттелген кезеңі болып қала береді: әлі күнге дейін анықталмаған демографиялық шығындардың, қуғын-сүргін құрбандарының есімдерін атауға мүмкіндік болмауы.

Қазақстанда тарихи жадты сақтау саясаты қарқынды өзгеруде, өз сенімдері үшін немесе әлеуметтік шығу фактісі бойынша қуғын-сүргінге ұшырағандар туралы жаңа жұмыстар пайда болуда. «Тарих. Жады. Адамдар.» конференциясының материалдарында жарияланған зерттеулер аз зерттелген мәселелерге ашуға өз үлесін қосып, адамдардың отбасы тарихын, XX ғасырда өмір сүрген және қызмет жасаған ата-бабаларының тарихын қалпына келтіруге көмектеседі.

Summary

The publication publishes messages, articles and essays prepared by researchers of Kazakhstan, countries of near and far abroad for the XI International Scientific and Practical Historical Conference “History. Memory. People". The event took place on September 20, 2022 in the Archive of the President of the Republic of Kazakhstan. The traditional themes of the project initiated by Association "Mitsva" more than twenty years ago, are the issues of evacuation and refugee to Kazakhstan, the republics of Central Asia and Siberia during the Second World War and the fate of the Jews who contributed to the development of the region.

The conference was attended by scientists (12 doctors, 5 doctoral students, 8 candidates of science), members of the State Commission for the Complete Rehabilitation of Victims of Political Repressions, archivists, undergraduates, journalists and independent researchers from such cities of Kazakhstan as Astana, Almaty, Karaganda, Kostanay , Pavlodar, Petropavlovsk, Semey, Ekibastuz. The international status of the event was provided by authors from Germany, Israel, Canada, Poland, Russia, Uzbekistan, Ukraine.

The authors focused on the activities of both sanitary combatants, nurses, doctors, and government agencies and the population of deep rear areas in evacuation hospitals: treatment, assistance to the families of soldiers, care for the disabled, their further social rehabilitation, which undoubtedly contributed to strengthening the unity of the front and rear. Thanks to the selfless work of many specialists and volunteers, more than 70% of the wounded were returned to the active army. Medical workers, despite hunger, devastation, migration flows (evacuees, refugees, deportees, prisoners of war), were able to prevent epidemics in the republic. At the same time, they created drugs, developed methods of medical care, trained personnel to replace those who had gone to the front. A distinctive feature of the recovery process in Kazakhstan was the use of kuma treatment, physiotherapy, vitamin therapy, physiotherapy exercises, etc. Many of the evacuated doctors remained in the republic after the war and continued their mission for the benefit of the people of Kazakhstan.

Another block of problems raised at the conference is the fate of repressed families from the most diverse segments of the population of the Soviet Union, who, by the will of the political regime, found themselves in Kazakhstan. The topic was updated in the message of the President of the country K.K. Tokayev to the people of Kazakhstan “Kazakhstan in a new reality: time for action” and the Decree “On the State Commission for the

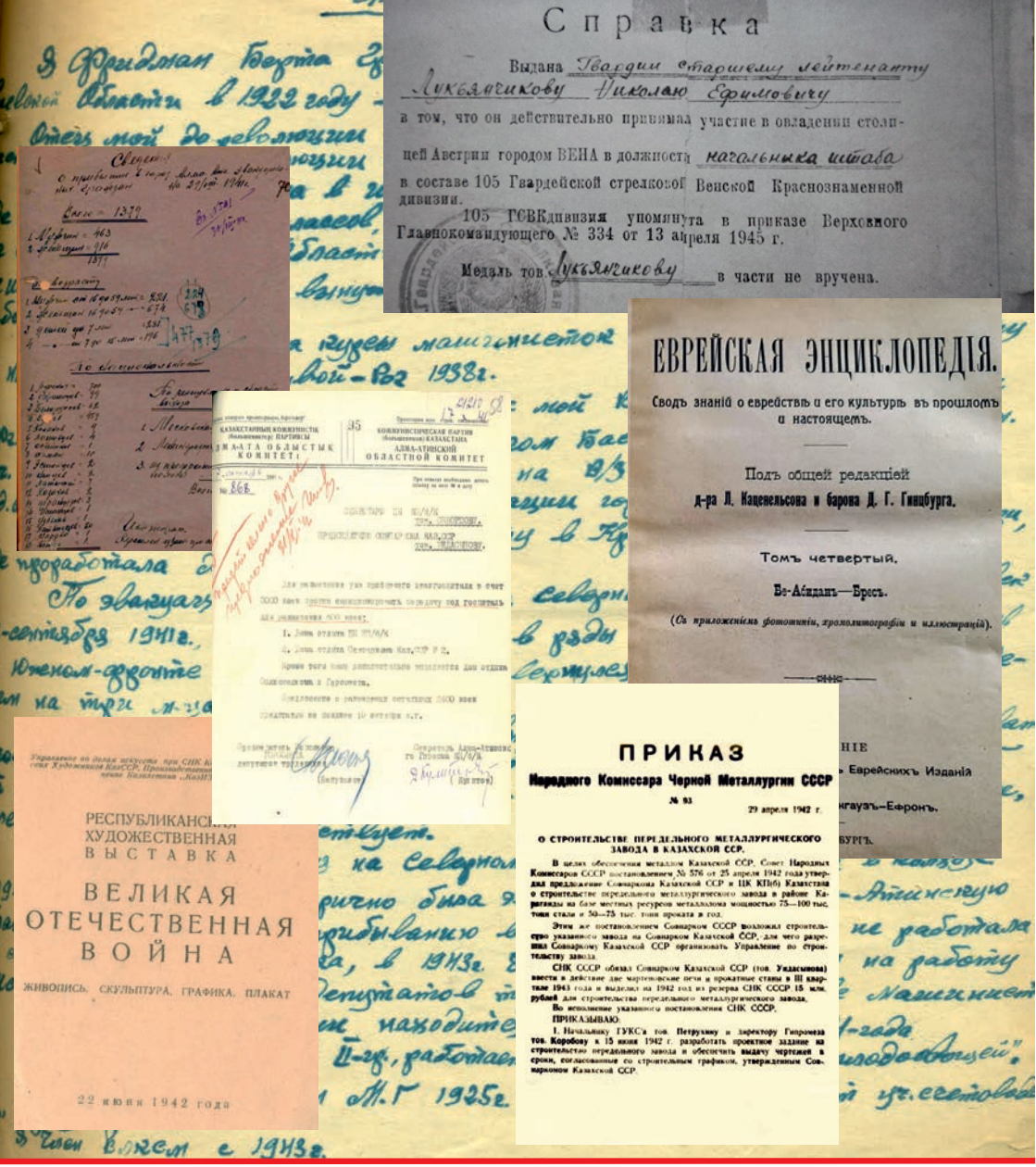
full rehabilitation of victims of political repressions" dated November 24, 2020. For two years, the working groups of the State Commission and its regional branches have been identifying, collecting and analyzing documents from domestic and foreign archives. A new stage in the study of the problem has begun.

The presented collection contains researches:

- about "disenfranchised" (citizens of the USSR, deprived of voting rights in 1918-1925 to ensure the leading role of the working class and the former "exploited strata of the population");
- about refugees (citizens of bourgeois European states who illegally crossed the borders of the USSR in order to change the economic crisis, unemployment and political persecution in their homeland to the "socialist paradise" of the Land of Soviets);
- about representatives of the "old" intelligentsia and the intellectual elite, purposefully exterminated by the totalitarian regime;
- about children, due to circumstances, born behind barbed wire, and many, many others.

Despite the wave of publications, the topic of mass political repressions of the 1920s–1950s. remains a poorly studied period of Russian history: so far unidentified demographic losses, the inability to name all the victims of repression.

In Kazakhstan, the policy for the preservation of historical memory is dynamically changing, new works appear on personalities who have been subjected to repression for their beliefs, or on the basis of social origin. Research published in the proceedings of the conference "History. Memory. People", contribute to the disclosure of gaps, helping people to restore the history of the family, the history of their ancestors who lived and worked in such an ambiguous twentieth century.



EAJC
EURO-ASIAN JEWISH CONGRESS

